

15
—
252

801-15
—
3041

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ — ТЕОРИЯ.

РУКОВОДСТВО

КЪ ИЗУЧЕНІЮ СЦЕНИЧЕСКАГО ИСКУССТВА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Честъ первой попытки поставить обученіе сценическому искусству на серьезную теоретическую, научную почву принадлежит у насъ бывшему режиссеру Александринскаго театра Е. И. Воронову. Не входя въ критическую оцѣнку его „Проекта драматическаго класса“, замѣтимъ, что, къ сожалѣнію, смерть помѣшала ему осуществить на практикѣ широко составленную имъ программу драматическаго обученія, основную задачу котораго онъ совершенно вѣрно и точно опредѣлилъ слѣдующими словами: „приготовленіе для большой сцены артистовъ развитыхъ въ пониманіи, ловкихъ и хорошо, ясно, громко и толково говорящихъ“. Второй достойный вниманія трудъ по этой части представляетъ сочиненіе П. Д. Боборыкина „Театральное Искусство“, представляющее теорію сценическаго образованія въ гораздо болѣе опредѣленномъ видѣ; оно отличается полнотою программы и разнообразіемъ собранныхъ свѣдѣній, но въ то же время, по характеру изложенія, скорѣе можетъ быть признано пособіемъ при обученіи театральному дѣлу, чѣмъ руководствомъ. Въ прямой противоположности съ послѣднимъ по объему и характеру является брошюра С. Кафтырева „Первое знакомство со сценой“, которая, будучи по словамъ самаго автора, не болѣе, какъ опытомъ азбуки драматическаго искусства, заключаетъ въ себѣ самыя простыя, элементарныя понятія, касающіяся чисто внѣшней стороны сценическаго выполненія. Этимъ ограничиваются наши специаль-

58338-0

2007336093

ныя сочиненія о сценическомъ дѣлѣ, если не считать цѣлой массы критическихъ статей и замѣчаній, разсѣянныхъ въ нашей періодической литературѣ, которыя, рядомъ съ весьма дѣльными мыслями, представляютъ нерѣдко такія противорѣчія, что въ общемъ весьма трудно составить по нимъ понятіе о томъ, каково должно быть современное сценическое искусство и какими началами долженъ руководиться молодой, сценической дѣятель. Будучи далекъ отъ мысли считать предлагаемый мною нынѣ трудъ вполне удовлетворительнымъ разрѣшеніемъ упомянутаго вопроса, замѣчу, что я только развилъ и пополнилъ научнымъ образомъ задачу, высказанную Е. И. Вороновымъ, въ проектѣ, при чемъ старался приравнять его, какъ руководство, къ тому уровню научнаго развитія, на которомъ находится большинство начинающихъ. Прилагаю при этомъ списокъ сочиненій, изъ которыхъ я дѣлалъ извлеченія и замѣтки, собранныя въ моей книгѣ. Имѣя въ тоже время въ виду практическую сторону обученія, я счелъ полезнымъ приложить къ руководству драматическую хрестоматію, планъ которой приспособленъ къ его теоретической программѣ. Назначеніе ея—дать учащимся, на первый разъ готовый, по возможности разнообразный матеріалъ для упражненій при выработкѣ дикціи и мимики; при окончательномъ разучиваніи ролей необходимы цѣлыя пьесы; вотъ обстоятельство, извиняющее неизбежную отрывочность сценъ въ ней помѣщенныхъ.

Желалъ бы, чтобъ изданный мною трудъ вызвалъ со стороны людей, понимающихъ дѣло, серьезные замѣчанія относительно его недостатковъ, которыя я всегда буду готовъ принять съ искреннею благодарностью.

Н. Свѣдѣнцовъ.

Сочиненія, могущія быть источниками и пособіемъ при изученіи теории сценическаго искусства.

- Engel. Ideen zu einer Mimik mit erläuternden Kupfertafeln.
Le Brun. Conférences sur l'expression des différents Caractères des Passions 1667. Изд. Моро 1820.
- Camper. Discours sur le moyen de représenter les diverses passions. 1792.
- Lavater. L'art de connaître les hommes par la phisionomie 1807. Изд. Моро 1820.
- Charles Bell. On the anatomy and philosophy of expression as connected with the fine arts. (Анатомія и философія Выраженія) 1844.
- Lessing. Hamburgische Dramaturgie 1765.
- Rötsher. Die Kunst der dramafischen Darstellung in ihrem organischen Zusammenhange vissenschaftfflich entwickelt 1864. Извлеченія изъ этой книги напечатаны были въ Антрактѣ 1865.
- Thürnagel. Theorie der Schauspielkunst 1836.
- Gouttman. Gimnastik der Stimme, gestützt auf phisiologische gesetzte 1861.
- Benedix. Der mundhliche Vortrag 1868.
- Samson. L'art théatral 1865.
- Diderot. Paradoxe sur le comedien. Изложеніе его этюда см. журн. Всемирный Трудъ 1869.
- Delestret. Etudes des passions, appliquées aux beaux arts 1853.
- Gratiolet. De la phisionomie et des mouvements d'expression 1865.
- Duchène de Boulogne—Le mécanisme de la phisionomie avec planches photographiées 1862.
- Belouino. Des passions dans leurs rapports avec la religion, la philosophie, la phisiologie et la medecine legale 1844.
- ✓ Еленке. Система органической психологіи пер. Пестича 1856.
- Щепкина. Записки и письма 1864.
- ✓ Классовскаго. Теорія и мимика страстей.

- Гербертъ-Спенсеръ — Основанія биологіи. пер. Герда 1870.
Пидеритъ. Мозгъ и его дѣятельность, пер. Хмѣлевскій 1866.
Кабанисъ. Отношенія между физическою и нравственною природою чело-
вѣка. пер. Бибииковъ 1866.
- ✓ А. Бана. Психо-физиологическіе этюды, пер. Резенера 1869.
 - ✓ Клодъ-Бернаръ. Лекціи физиологіи и патологіи нервной системы. 1866.
 - ✓ Сѣченова. Физиологія нервной системы. 1866.
 - ✓ Сѣченова. Рефлексъ головного мозга. 1871.
 - ✓ Льюиса. Физиологія обыденной жизни. 1867.
 - ✓ Дарвинъ. О выраженіи ощущеній у челоуѣка и животныхъ. 1872.
 - ✓ Вундтъ. Душа животныхъ и челоуѣка изд. Гайдебурова. 1865.
 - ✓ Боборыкина. Театральное искусство. 1872.
 - ✓ Кафтырева. Первое знакомство со сценой. 1873.
 - ✓ Альтмана. Маска актера, практическое руководство къ искусству гримиро-
ваться. 1873.
 - ✓ Воронова. Проектъ драматическаго класса. 1868.
 - ✓ Гризингеръ. Душевныя болѣзни. 1867.
 - ✓ Лоранъ. О притворномъ умопомѣшательствѣ. 1869.
 - ✓ Мори. Сонъ и сновидѣнія. 1867.

ВВЕДЕНІЕ.

Опредѣленіе сценическаго искусства, его характеристика и значеніе.— Два эле-
мента искусства и ихъ взаимныя отношенія.— Основная задача и цѣль теоріи
сценическаго искусства.— Двѣ школы, обозначающія два направленія въ развитіи
драматическаго искусства: классическая и реальная.— Сравнительная оцѣнка
обѣихъ.— Три ступени сценической игры: субъективная, объективная, драмати-
ческая.— Сценическая страсть и характеръ.— Замѣчаніе относительно дѣленія
сценической игры на извѣстныя амплуа.

Сценическое искусство есть искусство изображать жизнь
человѣческую на сценѣ въ лицахъ (представлять). Проявленіе
этой потребности, имѣющей источникомъ натуру челоуѣка, ска-
зывается очень рано. Обыкновенное, первое занятіе ребенка—
игры,— есть ничто иное, какъ копіровка, подражаніе жизни дѣй-
ствительной; дѣтская есть своего рода сцена, заставленная деко-
раціями и аксессуарными вещами-игрушками, посреди которыхъ
ребенокъ является одновременно актеромъ и режиссеромъ. Въ
жизни первобытныхъ народовъ— тоже самое: мимика религіоз-
ныхъ обрядовъ, пляски и пѣсни, сопровождающіяся пантомимой,
суть первые зародыши того дѣйствія, которое при условіи худо-
жественнаго развитія получаетъ названіе сценическаго искус-
ства. Сценическое искусство, имѣя тождественныя съ другими
искусствами побужденія и цѣли (стремленіе къ изящному пу-
темъ вѣрнаго воспроизведенія жизненныхъ явленій), суще-
ственно отличается отъ нихъ своимъ объемомъ и харак-
теромъ. Стоя ниже всѣхъ остальныхъ въ смыслѣ теоріи, оно на

практикѣ имѣеть гораздо болѣе значенія, нежели пластика и тоника. Его задача — полное воспроизведеніе жизни, при чемъ оно пользуется музыкою, живописью, скульпурою, какъ своими вспомогательными средствами и служить въ тоже время какъ бы необходимымъ продолженіемъ словесности (драматургіи), получающей только на сценѣ свое полное осуществленіе. И точно также, какъ драма есть высшій и труднѣйшій родъ словесныхъ произведеній, сценическое искусство есть высшее по полнотѣ и труднѣйшее по выполненію искусство. Дѣйствительно: область музыки, живописи, скульптуры, имѣя свою извѣстную, болѣе ограниченную рамку дѣятельности, доступно пониманію меньшаго количества людей, нежели театръ, составляющій потребность и наслажденіе цѣлой общественной массы. И подобно тому, какъ исторія словесности насчитываетъ меньшее количество хорошихъ драматурговъ, нежели хорошихъ романистовъ и лириковъ, въ общей исторіи искусства оказывается большее количество хорошихъ музыкантовъ, живописцевъ, скульпторовъ, нежели хорошихъ актеровъ. Явленіе это объясняется трудностью задачи, выпадающей на долю актера; онъ долженъ представить жизнь человѣческую въ живомъ дѣйствіи во всей полнотѣ ея внутренняго содержанія и внѣшнихъ формъ, слѣдовательно, владѣть одновременно (хотя и въ извѣстномъ ограниченіи) тѣми средствами, какими въ отдѣльности обладаютъ литераторъ, живописецъ и музыкантъ. Замѣтимъ при этомъ, что сценическое искусство, сравнительно, есть искусство неблагодарное: актеръ не оставляетъ потомству ничего, кромѣ воспоминаній, получающихъ въ новомъ поколѣніи характеръ неопредѣленныхъ, ничего, или очень мало объясняющихъ преданій (записки актеровъ не даютъ намъ полного понятія объ ихъ игрѣ); между тѣмъ, какъ другія искусства оставляютъ послѣ себя живые памятники своего безсмертія. Преемственной школы актеровъ, въ строгомъ смыслѣ слова, не существуетъ ни у насъ, ни въ Западной Европѣ. «Искусство актера», сказалъ Лессингъ, «по натурѣ своей преходящее».

Сценическое искусство, подобно всѣмъ другимъ искусствамъ,

обуславливаетъ двѣ стороны: художественную (талантъ) и научную (знаніе законовъ искусства). Говоря объ актерѣ-художникѣ, отдѣлять эти двѣ стороны невозможно: одна пополняетъ другую. Какъ бы ни былъ великъ прирожденный талантъ, безъ помощи науки онъ не дастъ вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ, ибо, опираясь на бессознательной силѣ временнаго вдохновенія, будетъ лишенъ надлежащей силы—сознанія, необходимаго условія всякаго истиннаго искусства. На оборотъ: какъ бы ни было серьезно и велико изученіе сценическаго дѣла, безъ одушевляющей поэтической силы таланта, оно произведетъ одну искусную, умную копировку, а не творчество. Сценическій талантъ есть прирожденная человѣку способность вѣрно, поэтично, оригинально воспроизводить жизнь дѣйствительную въ живомъ дѣйствіи. Подобная способность чаще всего встрѣчается въ натурахъ легко и быстро воспринимающихъ разнообразныя впечатлѣнія внѣшняго міра и въ тоже время легко отрѣшающихся отъ извѣстныхъ настроеній; короче, въ натурахъ сангвиническихъ; потому подобный темпераментъ можетъ считаться наиболѣе благодарною почвою, обуславливающей проявленіе сценическаго таланта. Но, говоря вообще, талантовъ великихъ рождается немного; большинство сценическихъ дѣятелей—люди только способные. Задача науки—расширить до степени художественнаго творчества дѣятельность сильнаго таланта и пробудить, развить, возвысить обыкновенную сценическую способность до степени полезности. Отсюда понятна необходимость изученія теоріи сценическаго искусства. Если на этотъ счетъ даже и въ наше время слышатся иногда сомнѣнія, то причиною этого оказывается рутинный взглядъ на сценическое искусство, почему то выводящій его изъ ряда другихъ искусствъ и слѣпо ограничивающій дѣятельность актера исключительно однимъ талантомъ. Другое возраженіе, менѣе неосновательное, но тѣмъ не менѣе наивное, допускаетъ необходимость образованія таланта, но формулируетъ это такимъ образомъ. Для актера школа—сама жизнь, на самихъ фактахъ долженъ онъ выработать свой талантъ путемъ

наблюдения, школа же ничего не в состоянии для него сделать, как только развить рутину и заглушить свободное развитие таланта. Всё подобного рода толки, обнаруживающие в говорящих крайне смутные эстетические понятия о предмете и в тоже время показывающие полнейшее незнакомство с фактами из истории искусства, к сожалению повторяются так часто, что невольно вызывают на объяснения и доказательства истины, по видимому очевидной. История всех искусств, равно и сценического, представляет нам достаточно поучительных примеров того, что до полной высоты развития талант достигал только при пособии научного изучения теории искусства (записки Тальмы, Гаррика, французская школа, Шекспир, в словах Гамлета дающей сжатую программу теории игры, труды Дмитревского, Шаховского, Щепкина). Также история свидетельствует к каким неполным результатам приводил один талант, без поддержки научного развития (Кинь, Мочалов, большинство современных любителей и присяжных артистов). Исключения, конечно, бывают, но во 1-х они очень редки, а во 2-х не по исключениям вырабатывается общий закон явлений. Дальше: если никто не сомневается в необходимости изучения теории для музыканта, ваятеля, живописца, то не странно ли отрицать необходимость эту в актер. Равным образом оказывается вполне несостоятельным мнение о том, что актер должен почерпать для себя уроки прямо из жизни путем наблюдения. Заметим при этом, что подобны фразы—любимое, но большое место цблой массы недоучек-актеров, взлзающих на сцену без всякой подготовки. Наблюдение жизни, бесспорно, есть одно из необходимых условий при развитии сценического таланта; но задача заключается в том, что прежде надобно научиться, как наблюдать эти факты жизни, чтобы потом перенести их надлежащим образом на сцену. При разнообразии жизненных явлений, при безчисленном множестве оттенков людских страстей, каким образом может явиться в молодом наблюдател. полное, сознательное понятие о видимых фактах, когда он не имеет понятия об общем законе, ими управляемом. Свѣдѣ-

ния его будут очевидно неопределенны, смутны, отрывочны; также механически, как производил он наблюдение, передаст он виденное им лично на сцене, и в конце концов будет одна бессознательная копия (при условии таланта более или менее удачная), но в тоже время не имеющая никакого общего художественного значения. Правильно воспользоваться матерьялом, который дает практическая жизнь, может только актер предварительно подготовленный наукою, знакомый с теорией сценического дела. Всякая наука (теория) обуславливает постижение основных законов, управляющих тѣм, или другим явлением в жизни природы и человека. Цель изучения сценической теории есть усвоение законов, управляющих внутренним и внешним движением наших ощущений и страстей, приравненных сознательно и разумно к главной задаче актера — сценическому выражению жизни.

Есть два способа понимать театральное искусство. Оно есть или: поэтически разумное истолкование избранной природы — школа идеальная, классическая, или: вѣрное сценическое воспроизведение всей природы — школа реальная, современная *).

1) Школа классическая. Характер ее нам понять трудно, потому что наши театры, язык, общественное положение актеров и сценическое искусство совершенно другие. У Греков и дикция и мимика, костюмы и декорации — все было условно. Там не было создания роли в нашем смысле слова, там не гнались за иллюзией; не копировали разных случаев человеческой жизни; их сценическое выполнение было только рельефным объяснением смысла замечательных фактов жизни. Отсюда идеальная красота и величие героев, идеальная роль судьбы и хора. Затѣм, во времена упадка (после Перикла),

*) Это различие направлений (идеализм и реализм) существует во всех искусствах, но нигде примирение их так не трудно, как в сценическом деле. До сих пор существует бессознательное смешение понятий обоих направлений, как у публики, так и у актеров.

идеальная красота сцены стала замѣняться выразительностью; вмѣсто идеальнаго отраженія истины является искусственный эффектъ, состоявшій въ матерьяльномъ преувеличеніи вещей (особенно ужасное стало темою); комедія перестала быть ироническою, шуливою оцѣнкою общественныхъ интересовъ и стала чисто анекдотическою, внѣшнею (скиццы). Римляне особенно поддались этому; напрасно Эзонъ и Росцій повторяли, что *carut artis* заключается въ сочетаніи прекраснаго съ истиннымъ; пантомимы Батилль и Пиладъ заняли мѣста актеровъ и, въ свою очередь, уступили мѣсто балету. Средневѣковое искусство стремилось къ идеальному представленію и склонилось къ національному реализму, за исключеніемъ Франціи, пытавшейся одновременно воскресить идеальную трагедію древнихъ. Цѣль ложнаго классицизма была облагороженіе дѣйствительности (на манеръ древнихъ); но сочетаніе двухъ несродныхъ элементовъ, древняго и современнаго, произвело натяжку — искусственную напыщенность. Въ родѣ идеальномъ, какъ понимали его греки и какъ старались усвоить ложно-классики, истинно только чувство, все остальное было поэтическою ложью на дѣйствительность.

2) Школа реальная. Въ противоположность школъ классической, реальная имѣетъ цѣлью не представленіе извѣстныхъ идеаловъ на сценѣ, а изображеніе дѣйствительности; игра актера имѣетъ на первомъ планѣ не истолкованіе смысла, идеи событій, а вѣрную передачу, копировку явленій жизни. Въ родѣ реальномъ, строго говоря, вѣрна и истинна только внѣшняя сторона жизни, а чувство бываетъ часто очень искусственно и ложно, напр. французскія мелодрамы. Далѣе: различіе замѣтно также въ характерѣ и формахъ сценическаго выраженія; въ классической школъ господствовала величавая, торжественная простота, перешедшая затѣмъ въ искусственную, ложную напыщенность; въ реальной преобладаетъ естественная правда современной жизни, нисходящая иногда до степени — обывденной вульгарности. Въ историческомъ развитіи школа реальная вездѣ является послѣ идеальной. Начинаясь рѣзкою реакціею

классической школы (пантомимы и балетъ въ Римѣ, драмы Гюго во Франціи), она останавливается нѣкоторое время на простой, объективной копировкѣ драматическихъ и комическихъ событій жизни; затѣмъ стремится выразить общее въ частныхъ картинахъ (созданіе типа, характера) и вообще начинаетъ склоняться къ примиренію со школою идеальною — вотъ путь, по которому идетъ вообще драматическое искусство. Этотъ путь есть путь общій и для другихъ искусствъ, но эпохи примиренія этихъ двухъ элементовъ мы не достигли. Обѣ эти школы имѣютъ свои относительныя достоинства и недостатки. Школа идеальная имѣетъ свою разумную сторону въ томъ высокомъ значеніи, которое она придаетъ искусству. Являясь истолкователемъ внутренняго смысла, общей идеи представляемаго событія, она содѣйствуетъ образовательнымъ, облагораживающимъ цѣлямъ искусства, по преимуществу въ тотъ періодъ народнаго развитія, когда театръ, наравнѣ съ храмомъ и общественною площадью, является мѣстомъ поученія и воспитанія народныхъ массъ. Въ этомъ смыслѣ идеальная школа сценическаго искусства можетъ быть названа народною школою преимущественно предъ реальною, которая на первыхъ порахъ является только забавляющимъ зрѣлищемъ частныхъ явленій обыденнаго быта и только въ позднѣйшее время достигаетъ своего настоящаго назначенія: быть художественнымъ выраженіемъ духа народной жизни. Въ свою очередь школа идеальная, изображая жизнь условно, выбирая для сценическаго изображенія только избранныхъ личностей (героевъ), не даетъ намъ понятія о разнообразіи явленій жизни дѣйствительной и упускаетъ изъ виду одно изъ главныхъ условій искусства — полноту художественной правды. Этотъ недостатокъ пополняетъ школа реальная. Отсюда слѣдуетъ, что обѣ школы со всеми ихъ видами и оттѣнками, соотвѣтствуютъ извѣстнымъ степенямъ умственнаго и нравственнаго развитія народовъ въ различныя эпохи и потому абсолютный приговоръ въ пользу того или другаго направленія сценическаго искусства будетъ положительно невѣренъ.

Что же касается до вопроса о сценическомъ выраженіи той

или другой школы, то замѣтимъ, что классическая школа оказывается для актеровъ вообще легче, чѣмъ реальная. Представить условнаго человѣка легче, чѣмъ дѣйствительнаго, потому что въ первомъ случаѣ существуетъ извѣстная рамка, извѣстный образецъ для десятковъ и сотенъ однородныхъ явленій, а во второмъ приходится работать надъ каждымъ отдѣльнымъ индивидуумомъ. Потому то древніе и ложноклассики имѣли свою строго опредѣленную теорію сценическаго искусства, выработали извѣстные законы условной мимики и дикціи, а реальная школа до сихъ поръ пробавляется частными правилами, извлеченными изъ практики, но далеко не приведенными въ полную, научную систему. Реальная школа требуетъ естественности сюжета, характеровъ и дѣйствій. Но говоря о естественности сценическаго выраженія, сдѣлаемъ замѣчаніе о томъ, какъ понимать естественное въ искусствѣ. Чтобы сыграть хорошо, надобно по современнымъ понятіямъ поступать на сценѣ точно также, какъ поступало бы на самомъ дѣлѣ представляемое лицо. Но это еще не все: при этой точной правдѣ дѣйствительности, актеръ на сценѣ долженъ соблюсти внѣшнее изящество (сценическое благородство), котораго въ жизни часто и не бываетъ. Полное развитіе натурализма (качество, преобладающее у провинціальныхъ актеровъ) переходитъ за предѣлы искусства и, обнаруживая въ актерѣ отсутствіе творческой поэзіи, даетъ часто въ результатѣ видъ пошлости, оскорбляющей художественное чувство знатока-зрителя. Чистая природа на сценѣ интересна только въ минуты страсти. Вотъ причина, почему въ реальной школѣ есть какъ бы инстинктивная склонность къ изображенію сильныхъ, необузданныхъ страстей, къ эффектнымъ положеніямъ; простая, обыденная реальная жизнь вообще извѣстна всѣмъ и скучновата. «Есть общая причина, говоритъ Бѣлинскій, недостатка благородства на сценѣ; — актеры копируютъ природу, а природа, сама по себѣ, представляетъ мало образовъ благородства».

Сценическое искусство требуетъ отъ актера того же творческаго таланта, какъ и отъ драматическаго писателя. Актеръ

не только исполнитель, отъ него требуется не одна механическая передача, но творчество. Актеръ есть продолжатель драматурга. Творчество актера заключается въ досозданіи лица, вызваннаго изъ жизни авторомъ, — въ живомъ воплощеніи этого лица на сценѣ. Вообще въ развитіи актера существуютъ тѣже законы, тѣже фазисы, какъ и у поэта — (лирика, эпосъ, драма).

Первую ступень составляетъ игра лирическая, субъективная. Здѣсь актеръ не отрѣшился отъ своей собственной личности, играетъ собою, своимъ чувствомъ, или на чувствѣ. Въ публикѣ распространено мнѣніе, что актеръ долженъ непременно обладать глубокимъ чувствомъ. Сколько разъ случается слышать про актера такой отзывъ: «онъ хорошъ, у него есть чувство». Мнѣніе ошибочное, очень остроумно опровергнутое Дидро въ его «Paradoxe Sur le comedien». Основной принципъ Дидро слѣдующій: актеръ тѣмъ лучше исполняетъ свою роль, чѣмъ меньше играетъ на чувство. Его дальнѣйшія положенія подтверждаютъ высказанный имъ принципъ. Вотъ они: «крупныя черты творческаго созданія являюся художнику въ минуты спокойныя». «Крайняя чувствительность создаетъ посредственныхъ актеровъ; большинство хорошихъ актеровъ обладаютъ среднюю чувствительностью; полное отсутствіе чувствительности доставляетъ великихъ исполнителей». «Вѣрное средство играть мелко и низменно, это — изображать свой собственный характеръ». «У великаго актера нѣтъ своего собственного акорда; онъ принимаетъ акордъ и тонъ сообразно съ его партіей и одинаково способенъ на исполненіе всякихъ партій».

Дѣйствительно; вникая глубже въ характеръ игры лучшихъ дѣятелей сцены, мы видимъ, что предварительный расчетъ, тщательное обдуманное изученіе страсти и знаніе сцены, а не непосредственное выраженіе личнаго чувства, составляютъ главнѣйшія условія успѣшной игры. Такъ относились къ игрѣ Рашель, Ристори, Тальма, Гаррикъ, Каратыгинъ, и пр. Игра лирическая есть обыкновенная доля молодыхъ, начинающихъ актеровъ, которые по недостатку знанія и опыта, по неволѣ въ одномъ чувствѣ видятъ себѣ сценическую точку опоры.

Практика тысячью примѣровъ доказываетъ, что самая сильная природная чувствительность актера должна отъ ежедневнаго повторенія притупиться, (это законъ вещей); какъ и чѣмъ будетъ играть тогда актеръ, у котораго угасла сила, его вдохновлявшая? Скажемъ болѣе: чѣмъ сильнѣе чувство, тѣмъ оно непродолжительно; какъ сдѣлать, чтобы этого природнаго жара достало у актера на цѣлый вечеръ при условіи разныхъ постороннихъ вліяній и отвлеченій. Несостоятельность подобной игры натурой и вдохновеніемъ сказывается въ неровности игры, которою отличаются молодые актеры и вообще всѣ, держащіеся подобнаго принципа. Краснорѣчивымъ примѣромъ въ этомъ случаѣ можетъ служить игра Мочалова, въ одномъ актѣ пьесы исторгавшая у зрителей слезы восторга, а въ другомъ возбуждавшая прискорбное недоумѣніе, а подъ часъ улыбку сожалѣнія.

Вторая ступень,—игра эпическая, объективная. Здѣсь главною задачею актера является типъ—выраженіе личности по преимуществу въ ея внѣшнихъ, формальныхъ чертахъ. Здѣсь актеръ достигъ уже до самообладанія, до спокойствія и чувство его всего менѣе вступаетъ въ игру; онъ—живописецъ. И если актеръ на первой ступени роль подчинялъ себѣ, какъ человѣку, то здѣсь наоборотъ, онъ подчиняется роли до совершеннаго ступешеванія собственной личности. Здѣсь онъ актеръ въ смыслѣ подражанія дѣйствительности. Самое главное здѣсь: копировка дѣйствительности до степени мелочной, случайной, этнографической точности. Таланты такого рода имѣютъ полное выраженіе въ жанрѣ; ихъ міръ по преимуществу комедія и комическое. Обыкновенный недостатокъ, которымъ часто отличаются представители этого сорта игры, есть односторонность.

Третья ступень—игра драматическая, —совокупность двухъ предъидущихъ элементовъ. Драма требуетъ отъ актера всей искренности и непосредственности личной игры со всею отрѣшенностью отъ своего я (субъективное выраженіе вмѣстѣ съ типизмомъ). Требования повидимому непримиримы, потому то мы и видимъ на опытѣ, что почти всегда одно изъ этихъ требованій приносится въ жертву другому. Эта самая трудность

одновременнаго сочетанія двухъ противоположностей и создала въ классической трагедіи декламацію, напыщенность; вообще создала условную драматическую игру. Новое искусство не дало никакихъ опредѣленныхъ правилъ, предоставляя все живому лицу актера. «Пусть твоимъ учителемъ будетъ твое собственное сужденіе», говоритъ Шекспиръ. Актеръ долженъ создать роль, такъ можно опредѣлить задачу современнаго драматическаго артиста. Это значить воспроизвести дѣйствительность въ такомъ видѣ, чтобы она, имѣя значеніе житейской правды, была въ тоже время продуктомъ искусства; чтобы игра была не рабскою копіею съ природы, а совершенно новымъ, оригинальнымъ произведеніемъ таланта, для котораго природа не есть цѣль, а только модель и средство. Создать роль значить представить взятую въ пьесѣ личность со всей подробностью частныхъ индивидуальных чертъ ея быта, выразить въ тоже время ея родовыя типическія черты; мало этого: дать почувствовать зрителямъ присутствіе въ этомъ типѣ міровой общечеловѣческой идеи, во имя которой мы только и можемъ интересоваться тѣмъ, или другимъ характеромъ и положеніемъ. «Что онъ Гекубѣ? Что она ему? Что плачетъ онъ о ней?» говоритъ Шекспиръ про актера устами Гамлета. Плачетъ актеръ вмѣстѣ съ зрителемъ, потому что въ вѣрномъ, художественномъ образѣ гречанки Гекубы олицетворяется, или долженъ олицетвориться образъ страданія всѣхъ несчастныхъ матерей на свѣтѣ; долженъ показаться во всей полнотѣ и ясности тотъ міровой законъ, который управляетъ движеніями всякой материнской любви, знаніе котораго для человечества составляетъ необходимость и благо. И подобно тому, какъ высшая, конечная цѣль науки состоитъ въ открытіи, угаданіи извѣстнаго закона, управляющаго тѣмъ или другимъ явленіемъ природы, такъ и въ искусствѣ сценическомъ показаніе въ данномъ лицѣ (характерѣ) того основнаго начала, въ силу котораго зрителю становится ясно, почему дѣйствующее лицо поступаетъ именно такъ, а не иначе, и будетъ поступать такъ всегда и вездѣ въ подобныхъ положеніяхъ—это то и составляетъ высшую цѣль и заслугу актера. Это

дается не всѣмъ, а есть удѣлъ великихъ талантовъ — мыслителей художниковъ, воспитавшихъ себя серьезнымъ изученіемъ сцены и жизни.

Въ программу современнаго драматическаго актера входятъ двѣ главные задачи: онъ долженъ выразить страсть и характеръ. Это не одно и тоже. Школа классическая хлопотала по преимуществу о достиженіи первой цѣли, реальная стремится болѣе ко второй. Истина заключается въ гармоническомъ сочетаніи того и другаго. Связь между этими двумя задачами слѣдующая: побужденія и страсти въ сущности своей однѣ и тѣже для всего человѣчества, но у различныхъ народовъ, въ различныя эпохи и возрасты, характеръ, степени и формы проявленія ихъ различны. Отсюда слѣдуетъ, что характеръ въ сценическомъ смыслѣ слова надобно понимать такъ: — выраженіе страсти чертами не только общими, отвлеченными (хотя бы и истинными, напр: классическіе герои); но и тѣми особенными индивидуальными, которыя свойственны изображаемой эпохѣ, національности, личности (типы реальной школы). При разнообразіи характерныхъ чертъ очевидно, что нѣтъ и не можетъ быть въ жизни вполнѣ цѣльныхъ характеровъ, а слѣдовательно не могутъ они быть и въ искусствѣ. Отсюда яснымъ становится несостоятельность дѣленія ролей на хорошихъ и дурныхъ людей, на героев и злодѣевъ, благородныхъ отцовъ и невинныхъ жертвъ, короче, на такъ называемыя амплуа. Идеаль настоящаго актера — способность играть всѣ роли, а не извѣстныя только. Чѣмъ разнообразнѣе его репертуаръ, тѣмъ онъ выше. Въ практическомъ отношеніи можно допустить раздѣленіе ролей на амплуа только на слѣдующемъ основаніи: великіе актеры — рѣдкость, а посредственные таланты всегда останавливаются на извѣстной специальности (субъективность игры, или жанръ), слѣдовательно, волею неволею приходится соглашаться съ этимъ дѣленіемъ. Кромѣ того, въ профессіи актера играютъ большую роль физическія средства: голосъ, ростъ, наружность; нѣкоторыя роли ради сценической иллюзіи требуютъ непремѣнно извѣстныхъ внѣшнихъ средствъ въ актерѣ, слѣдовательно,

вотъ еще оправданіе существующаго на практикѣ дѣленія на амплуа. Но во всякомъ случаѣ строгое, какъ бы цѣховое дѣленіе въ этомъ случаѣ, какъ напр. первая любовница, вторая любовница, роли наперсниковъ героевъ и злодѣевъ, въ настоящее время не имѣетъ никакого серьезнаго значенія.

ДЕКЛАМАЦІЯ.

Голосъ. Общія понятія о голосѣ, какъ продуктѣ человѣческаго дыханія.—Звуки дыханія и голоса.—Средства для выработки голосовыхъ средствъ.—Двѣ стороны при выработкѣ сценической дикціи.—Часть механическая.—Приемы для приобрѣтенія ясности и чистоты произношенія.—Главнѣйшіе недостатки произношенія.—Благозвучіе, полнота, сила, выдержка и гибкость голоса и средства къ развитію этихъ качествъ.—Часть художественная.—Тонированіе слоговъ, словъ и предложений.—Движеніе рѣчи, мелодичность тона.—Какъ читать прозу и стихи.—Тоны эпическій, лирическій, драматическій, комическій, разговорный.

Одно изъ главнѣйшихъ орудій сценическаго искусства есть голосъ, выработка котораго должна представлять для актера особенную важность. Самые сильные эффекты, которые можетъ произвести актеръ на сценѣ, имѣютъ основаніе въ голосѣ; мимика стоитъ уже на второмъ планѣ.

Голосъ есть продуктъ процесса дыханія. Не входя въ подробности относительно механическаго устройства голосоваго аппарата (гортани), скажемъ, что всѣ видоизмѣненія и оттѣнки голоса состоятъ въ зависимости отъ двухъ процессовъ: вдыханія и выдыханія, причемъ происходятъ большія или меньшія сотрясенія голосовыхъ связокъ. Таковы звуки: Вздохъ—звукъ продолжительнаго выдыханія воздуха изъ легкихъ. Усиленное вдыханіе образуетъ передышку. Зѣваніе есть звукъ происходящій отъ глубокаго вдыханія, за которымъ сейчасъ же слѣдуетъ продолжительное и сильное выдыханіе. Рыданіе есть колеблющійся звукъ, происходящій отъ борьбы и побѣды вдыханія надъ состоя-

ніемъ удушья. Крикъ—конецъ сильнаго выдыханія. Смѣхъ—короткій, прерывистый звукъ, происходящій отъ глубокаго и частаго вдыханія при судорожномъ сокращеніи грудной клѣтки. Если смѣхъ свободно выходитъ ртомъ, то при этомъ образуется хохотъ, если онъ проходитъ черезъ носъ—хихиханье; болѣе раздѣльно повторяющійся носовой звукъ смѣха есть хныканье и хмыканье. Смѣхъ взрослого человѣка состоитъ изъ повторенія звуковъ а и о; смѣхъ дѣтей и стариковъ изъ і и э. Различіе членораздѣльныхъ звуковъ, производимыхъ дыханіемъ, зависитъ отъ расположенія рта, языка, зубовъ, которые въ этомъ случаѣ являются вспомогательными органами голоса. Звуки, производимые простымъ исхожденіемъ голоса изъ гортани при маломъ участіи второстепенныхъ органовъ, суть гласныя буквы. Согласныя же обусловливаются извѣстнымъ участіемъ языка, губъ, зубовъ; отсюда дѣленіе ихъ на язычно-зубныя (д, т); язычныя, свистящія (с, ж, з); язычно-пѣбныя (л, н); губно-зубныя (в, ф); губныя (б, п, м); горловые (г, к, х); шипящія (ч, ш, щ).

По происхожденію голосъ раздѣляется на грудной (сотрясеніе нижнихъ вокальныхъ связокъ гортани) и фальцетъ (сотрясеніе верхнихъ). По характеру звука онъ раздѣляется на высокій, рѣзкій, (если гортань лежитъ близко къ полости рта) и низкій, глухой, (если она отдаленнѣе).

Средствами для развитія голоса являются пѣніе и декламация.

Относительно пѣнія замѣтимъ, что оно весьма важно для актера, какъ упражненіе, развивающее грудь и вообще укрѣпляющее голосовыя средства. Къ сожалѣнію, у насъ въ общественномъ воспитаніи на эту часть обращаютъ весьма мало вниманія. Въ учебныхъ заведеніяхъ далеко не вездѣ введено обученіе хоровому пѣнію; въ большинствѣ случаевъ оно ограничивается небольшимъ количествомъ лицъ, обладающихъ хорошими голосами, притомъ и ихъ обученіе рѣдко идетъ далѣе потребности или желанія имѣть пѣвчихъ для своей церкви. Между тѣмъ въ развивающемъ началѣ хороваго пѣнія едва ли кто сомнѣвается въ настоящее время. Для актера же пѣніе, помимо элемен-

тарнаго средства для развитія голоса, является важнымъ преимуществомъ въ сценической практикѣ: является возможность участія въ водевиляхъ (куплеты) и оперетахъ.

Декламация имѣетъ двоякое значеніе. Въ обширномъ смыслѣ слова, она обозначаетъ общую совокупность приемовъ, которыми вырабатывается сценической разговоръ (дикція). Въ тѣсномъ смыслѣ она означаетъ мѣрное, пѣвучее, сопровождавшееся условною мимикою чтеніе, явившееся сперва у древнихъ Грековъ, затѣмъ развитое и утвердившееся на ложно-классической сценѣ и оставленное въ настоящее время. Какъ одно изъ вспомогательныхъ средствъ для выработки голоса, подобное чтеніе можетъ быть допущено, наравнѣ съ другими голосовыми упражненіями, только имъ отнюдь не должно злоупотреблять, чтобы въ учащихъ не развилась привычка къ сценическому пѣнію. Съ особенною пользою оно можетъ быть примѣнено для уничтоженія въ учащихъ весьма распространенной привычки говорить и читать скоро. Этотъ недостатокъ происходитъ главнѣйшимъ образомъ отъ безтолковаго выучиванія дѣтьми цѣлой массы стиховъ и прозы наизусть, при чемъ не обращается достаточно вниманія на смыслъ и характеръ произношенія; вотъ причина, почему у насъ такъ мало хорошихъ чтецовъ.

Основная цѣль декламации, въ обширномъ смыслѣ слова, есть выработка голосовыхъ средствъ и умѣнья пользоваться ими. Отсюда обученіе распадается на двѣ стороны: механическую и художественную. Первая часть обнимаетъ собою чистоту и ясность произношенія, благозвучіе, силу, выдержку и гибкость голоса; вторая часть — правильность тонированія словъ и предложеній и красоту дикціи, т. е. гармоническое соотвѣтствіе говора идеѣ и характеру произносимой рѣчи.

1) Механическая часть. Чтобы выучиться произносить ясно и чисто, необходимо начать съ чисто механическихъ вокальныхъ упражненій. Упражненіе здѣсь состоитъ въ громкомъ произнесеніи гласныхъ отдѣльно и въ порядкѣ гаммы до гѣхъ поръ, пока звуки не будутъ выходить совершенно ясны и чисты. (Соль-феджи въ сокращенномъ видѣ). Этимъ путемъ учащійся достиг-

нетъ знанія объема и силы собственнаго голоса и слѣдовательно будетъ въ состояніи располагать имъ навѣрно, а не на удачу; при чемъ не будетъ риска оборваться голосомъ (взятіе ноты выше средствъ), или впасть въ монотонность. Вторую ступень составляетъ выработка произношенія согласныхъ. Здѣсь надобно точно опредѣлить причины дурнаго произношенія: есть ли то физическій недостатокъ организма, или приобрѣтенная привычка. Въ первомъ случаѣ, если недостатокъ великъ, необходима помощь медика, а не учителя, на примѣръ заиканіе; во второмъ случаѣ упражненія могутъ или совершенно исправить, или сократить эти недостатки до такой степени, что они не будутъ препятствіемъ для сценическаго дѣла. Главнѣйшіе изъ недостатковъ произношенія приобрѣтаемыхъ суть: картавость, шепелявость, произношеніе въ носъ, сопѣніе, вставка постороннихъ рѣчи звуковъ (по преимуществу э—э); чмоканье губами, прицелкиваніе языкомъ, говореніе сквозь зубы.

Картавость есть недостатокъ по преимуществу нѣмецкій и французскій; у насъ встрѣчается, большею частью, какъ результатъ смѣшнаго подражанія французскому выговору. Это есть выговариваніе буквы *p* одною гортанью, безъ помощи языка. Излечиться отъ него можно механически: надобно упражняться, какъ можно чаще, въ издаваніи звука *p* при чемъ стараться, чтобы работалъ кончикъ языка и затѣмъ строго слѣдить за собою при произношеніи слоговъ и словъ съ этою буквою. Другой видъ картавленья заключается въ томъ, что звукъ *p* или совсѣмъ не произносится, или же замѣняется полугласною *ь*, или согласными *н* и *л*. Этотъ недостатокъ, какъ прямое слѣдствіе дѣтскихъ привычекъ, можетъ быть также исправленъ путемъ упражненій и внимательныхъ личныхъ наблюденій за произвольными движеніями языка, губъ и зубовъ.

Шепелявость—недостатокъ, заключающійся въ излишнемъ участіи языка при произношеніи шипящихъ согласныхъ, присоединяющаго къ нимъ нечистый звукъ *с*. Исправленіе шепелявости нѣсколько медленнѣе и обусловливается болѣе значительнымъ усиліемъ и стараніемъ со стороны учащагося. Надобно воздер-

живать языкъ отъ сильнаго прикосновенія его къ зубамъ, упражняясь надъ каждой согласной, къ которой приобрѣтена привычка примѣшивать звукъ с.

Гнусавость—произношеніе въ носъ, если только это не есть болѣзнь, можно уничтожить постепеннымъ упражненіемъ. При говореніи въ носъ, зубы стиснуты и ротъ мало открытъ, а расширяются ноздри (это всякій можетъ повѣрить зеркаломъ), слѣдовательно, для избѣжанія этого надобно заставлять себя говорить, открывая ротъ и зубы. Тотъ же приемъ надобно соблюдать для уничтоженія привычки говорить сквозь зубы. Источникомъ перваго недостатка весьма часто является ложное и смѣшное подражаніе носовымъ звукамъ иностранныхъ языковъ; причина втораго почти всегда лѣнь и небрежность.

Вставка постороннихъ звуковъ въ рѣчь есть прямое слѣдствіе привычки говорить скоро и безтолково заученное наизусть. Рѣчь подобнаго субъекта идетъ безостановочно и быстро, пока не измѣнила память; въ противномъ случаѣ, голосъ, непріученный слушаться мысли, вслѣдствіе инерціи, продолжаетъ дѣйствовать и какъ бы на помощь забытому слову производитъ протяженное э — э. Упражненіе въ медленномъ, осмысленномъ чтеніи есть средство избавиться отъ этой привычки.

Равнымъ образомъ путемъ строгаго вниманія за самимъ собою можно исправиться отъ остальныхъ привычекъ, мѣшающихъ ясному и чистому произношенію.

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о провинціальномъ выговорѣ. Говоря вообще, въ актерѣ это большой недостатокъ, отъ котораго избавиться довольно трудно и возможно только въ молодыхъ годахъ. Господствующій на русскомъ театрѣ языкъ есть языкъ обще-литературный, говоръ — великорусскій. Внесеніе провинціальнаго, мѣстнаго акцента можетъ совершенно испортить иллюзію драматическаго момента, придавъ ему неожиданно странный, непривычный для уха оттѣнокъ, который въ большинствѣ случаевъ является комическимъ. Наибольшею рѣзкостью и трудностью для отвыканія отличаются выговоры польскій и малороссійскій.

Послѣ приобрѣтенія способности ясно и чисто произносить звуки, надобно актеру позаботиться объ усвоеніи себѣ другихъ не менѣ важныхъ въ сценическомъ отношеніи условій голоса, а именно: благозвучія, полноты, силы, выдержки и гибкости. Хотя хорошій, благозвучный голосъ есть природный талантъ, тѣмъ не менѣ упражненіе можетъ измѣнить къ лучшему всякій голосъ. Здѣсь главное: хорошо поставить голосъ и развить его до надлежащей полноты звуковъ. Постановитъ голосъ, какъ въ пѣніи, такъ и въ чтеніи значитъ вѣрно и точно опредѣлить извѣстную степень голосовыхъ средствъ учащагося, при которой онѣ являются наиболѣе пріятными для слуха и наименѣе обременительными для поющаго и говорящаго. Весьма непріятно видѣть и слышать надрывающагося пѣвца, или кричащаго актера. Въ этомъ случаѣ нельзя пройти молчаніемъ ошибки нѣкоторыхъ учителей пѣнія, которые ставятъ голоса учащихся на высокія ноты, не соображаясь съ возрастомъ и силами учащихся. Изъ этого выходитъ то, что пѣвцы рано спадаютъ съ голоса.

Для драматической сцены не годятся ни слишкомъ высокіе голоса, ни слишкомъ низкіе: первые рѣзки, вторые грубы; наилучшій голосъ для актера—средній между тѣмъ и другимъ. Потому, если у учащагося слишкомъ высокій голосъ, его надобно понизить упражненіемъ въ чтеніи на низкихъ тонахъ. Низкіе голоса съ успѣхомъ повышать нельзя и потому актеру съ такимъ голосомъ приходится по неволѣ ограничивать свою дѣятельность извѣстными ролями, требующими, или допускающими это условіе.

Полнота голоса заключается въ способности владѣть наибольшимъ количествомъ звуковъ со всѣми ихъ оттѣнками; это есть также даръ природы, но различныя степени его развитія достигаются упражненіемъ. Для этого нужно много и громко говорить и читать грудными нотами, не позволяя себѣ ни горловыхъ, ни головныхъ звуковъ. Здѣсь грудь должна быть двигателемъ голоса, горло проходною дверью, ротъ средствомъ выраженія. Для того, чтобы убѣдиться, что говоримъ груднымъ голосомъ,

надобно во время чтенія положить руку на грудь: если въ груди замѣчается легкое сотрясеніе, значитъ, человекъ говорить грудью. Горловые ноты могутъ быть допущены на сценѣ въ моменты выраженія сильныхъ аффектовъ, когда требуется раздирающій, рыдающій голосъ; но во время голосовыхъ упражненій ихъ нужно всячески избѣгать.

Сила голоса — условіе для актера необходимое; она измѣняется пространствомъ, на которомъ онъ долженъ быть слышимъ. Учащіеся должны всегда помнить о театральномъ залѣ и потому въ своихъ упражненіяхъ должны говорить всегда громче, нежели обыкновенно говорятъ въ комнатахъ. Для развитія силы голоса полезно говорить и читать на открытомъ воздухѣ, въ большой комнатѣ, не стѣсняясь постороннимъ шумомъ, который учащимся въ этомъ случаѣ не долженъ быть замѣчаемъ. Но при этомъ надобно беречься увлеченія высокими нотами и отнюдь не позволять себѣ кричать. Вообще производить эти упражненія надобно постепенно, безъ крайнихъ напряженій голоса.

Въ прямой связи съ силою голоса являются выдержка и гибкость. Выдержка есть способность долго говорить, не утомляясь; она вырабатывается тѣмъ же путемъ, какимъ достигается сила голоса, но при этомъ вспомогательными средствами являются особые приемы, при которыхъ самая выдержка голоса получаетъ свой разумный смыслъ. Эти приемы заключаются въ умѣнны дѣлать (братъ) паузы и незамѣтно переводить духъ.

Пауза есть остановка въ теченіи рѣчи, необходимая для вдыханія. Задача здѣсь та, чтобы приучить свой голосъ дѣлать эти остановки тамъ, гдѣ этого требуетъ самый смыслъ рѣчи. Повидимому это очень просто; но на практикѣ мы видимъ постоянныя противорѣчія. Наиболѣе распространена привычка говорить, не останавливаясь до тѣхъ поръ, пока есть воздухъ въ легкихъ и затѣмъ сразу дѣлать сильное вдыханіе. Изъ этого выходитъ то, что пауза часто приходится не на томъ мѣстѣ, гдѣ ея требуетъ смыслъ рѣчи и самое вдыханіе производитъ непріятный рѣзкій звукъ (захлебываніе, театральная икота). Далѣе: неумѣнне

сдѣлать паузу въ надлежащемъ мѣстѣ производить часто то, что голоса не достаетъ на произносимую тираду, а остановиться нельзя по смыслу рѣчи, вслѣдствіе чего послѣднія слова рѣчи говорятся скоро, слабо и не ясно, такъ сказать, проглатываются. Для избѣжанія этихъ недостатковъ надобно во время упражненій постоянно соразмѣрять моменты вдыханія со смысломъ читаемой тирады и вообще отнюдь не дѣлать вдыханія замѣтнымъ. Затѣмъ весьма полезно приучать себя къ умѣнью выговаривать громко длинныя тирады однимъ духомъ; но отнюдь не скороговоркою, а ясно и отчетливо, этимъ вырабатывается сила голоса и умѣнне обходиться безъ частыхъ вдыханій. Если приходится произносить длинную тираду, въ которой неудобно сдѣлать паузу, то надобно голосъ приготовить къ этому въ предъидущей паузѣ посредствомъ сильнаго вдыханія и настроить его въ томъ тонѣ и силѣ, какіе допускаются его объемомъ. Паузы могутъ быть длинныя и короткія, смотря по смыслу рѣчи; искусство соразмѣрять ихъ и дѣлать краснорѣчивыми относится уже къ художественной сторонѣ декламации.

Гибкость голоса есть способность измѣнять разнообразнымъ образомъ естественный оттѣнокъ голосоваго звука. На этомъ основывается подражаніе и передразниваніе чужой рѣчи. Это дѣлается посредствомъ повышеній и пониженій голоса и придація ему различныхъ оттѣнковъ. Здѣсь упражненія состоятъ въ постепенномъ приученіи себя говорить все громче и громче и на оборотъ спускать голосъ до шопота. Говоря тихо, надобно выговаривать согласныя рѣзче, а гласныя тише. На этомъ основывается искусство актера сдѣлать свой шопоть слышимымъ въ концѣ театральной залы. Образцомъ для голосовыхъ упражненій этого рода можетъ служить періодическая рѣчь ораторовъ, а также стихи, писанные гекзаметромъ.

2) Художественная часть. Послѣ приобрѣтенія механическихъ голосовыхъ средствъ учащіеся должны усвоить себѣ искусство тонированія рѣчи (интонацію). Это есть умѣнне произносить слова и предложенія съ такими оттѣнками и особенностями тона, какихъ требуютъ условія логическія и фонетическія.

Без этого рѣчь бываетъ лишена живости и выразительности. Логическая сторона рѣчи есть внутренній смыслъ и относительное значеніе слоговъ словъ и предложений; фонетическая обнимаетъ внѣшнія музыкальныя условія произношенія. Логическій элементъ рѣчи обуславливаетъ собою бѣльшую или мѣньшую силу тона; фонетическій — бѣльшую или мѣньшую его продолжительность.

Въ дѣлѣ тонированія слоговъ замѣтимъ слѣдующее: по требованію логическому усиленіе тона (удареніе) падаетъ почти всегда на коренной слогъ и дѣлается въ большинствѣ случаевъ неизмѣняемымъ, постояннымъ. Этотъ усиленный тонъ коренныхъ слоговъ называется вообще акцентомъ. Но на сценѣ это слово имѣетъ гораздо обширнѣйшее значеніе. Въ этомъ случаѣ его можно перевести русскимъ словомъ звукоизобразительность. Это есть искусство изображать, такъ сказать, рисовать звуками голоса смыслъ слова такъ, чтобы понятіе, заключающееся въ словѣ, представлялось ясно воображенію. Это искусство очень трудное, важное, требующее отъ актера настойчиваго труда надъ самимъ собою, а также образованія и творческой способности, т. е. таланта. Изученіе для актера необходимо. Для облегченія учащихся акцентъ сценической можно раздѣлить на четыре степени.

1) Звукоподражательный. Эта степень не требуетъ отъ актера ни особенныхъ усилій, ни познаній, ни творчества, а только здраваго смысла. Это есть искусство хорошо и просто произносить слова звукоподражательныя. Такія слова существуютъ въ каждомъ языкѣ; онѣ рождаются въ народѣ въ періодъ младенчества, при бѣдности понятій и языка, когда образцомъ для словъ являются звуки, характеризующіе извѣстныя явленія природы. Таковы напр. слова: шипѣть, свистъ, шорохъ, громъ, шопотъ, журчаніе, стонъ и пр. Все искусство произношенія подобныхъ словъ состоитъ въ томъ, чтобы произносить ихъ такъ, какъ они написаны, просто, безъ усилія, не напирая на согласныя буквы, придающія словамъ звукоизобразительность. Къ послѣднему часто прибѣгаютъ актеры бездарные для произведенія.

по ихъ мнѣнію, эффекта, а въ дѣйствительности они только неприятно раздражаютъ этимъ ухо слушателя, такъ какъ звукоизобразительныя слова сами по себѣ уже достаточно выразительны.

2) Логическій акцентъ есть искусство читать со смысломъ, читать такъ, чтобы для слушающаго были ясны всѣ малѣйшіе оттѣнки мысли, выраженной словами. Эта степень требуетъ отъ актера знанія грамматики и вѣрнаго, здраваго мышленія. Чтобы ясно передать слушателю смыслъ рѣчи, необходимо самому совершенно ясно понимать ее, а для того нужно знать значеніе каждаго слова, вошедшаго въ составъ рѣчи и его отношенія къ другимъ словамъ. Хотя логическій акцентъ не требуетъ отъ актера таланта, тѣмъ не менѣе изученіе его необходимо потому, что тамъ, гдѣ нѣтъ смысла, талантъ безсиленъ и творчество невозможно. Логическій акцентъ есть первая ступенька, ведущая артиста къ художественному чтенію, онъ есть мысль ему предшествующая. Подобно тому, какъ во всякомъ нашемъ дѣйствіи надобно сначала подумать, составить планъ для дѣйствія, такъ и въ искусствѣ сценическаго чтенія, чтобы читать художественно, надобно сначала научиться читать логически.

3) Символическій акцентъ. Символы употребляются для обозначенія понятій и вообще предметовъ невидимыхъ, напр. якорь означаетъ надежду, маска — сценическое искусство, лира — поэзію и пр. Въ сценическомъ искусствѣ символомъ является слово, когда оно не только передаетъ совершенно ясно заключающееся въ немъ понятіе, но въ тоже время производитъ на воображеніе слушателя такое впечатлѣніе, что передъ нимъ отчетливо рисуется въ видѣ какого нибудь образа, мысль и понятіе, выраженное словомъ. Символическій акцентъ вообще можно опредѣлить такъ: это есть искусство произносить слова и цѣлыя рѣчи такъ, чтобы въ воображеніи слушателя ясно и отчетливо рисовался отвлеченный смыслъ словъ и рѣчей въ образномъ видѣ. Символическій акцентъ уже принадлежитъ къ области искусства и требуетъ отъ актера извѣстной степени творчества.

4) Драматическій акцентъ есть высшая степень художественнаго чтенія и ему научиться безъ таланта и творчества невозможно. Задача обученія ограничивается здѣсь развитіемъ въ учащихся наблюдательности надъ живыми субъектами и въ объясненіяхъ натуры, характеровъ, личностей и ихъ общественныхъ или историческихъ положеній. Это есть искусство своимъ голосомъ какъ бы перейти совершенно въ чужую душу, въ чужой тонъ, свойственный изображаемому лицу, уничтожить всякую личную субъективную интонацію, чтобы слушатель могъ забыть, что говоритъ актеръ, а не изображаемое имъ лицо; это есть искусство говорить чужимъ языкомъ, сообразно требованіямъ эпохи, національности, положенія. Достигается оно при условіи таланта путемъ долгой и серьезной практики.

Касательно вопроса тонированія словъ замѣтимъ, что слова должны произноситься съ бѣльшею или мѣньшею силою тона, смотря по ихъ относительной важности въ цѣломъ предложеніи. Это называется акцентуированіе. Степень тонированія обуславливается грамматическимъ, логическимъ строеніемъ рѣчи, а также характеромъ сценическаго момента (спокойное или страстное положеніе актера). Замѣтное, сильное акцентуированіе словъ можетъ быть допущено только тогда, когда на нихъ именно опирается особенный, выразительный смыслъ, когда является потребность рѣзко отгнѣнить извѣстную сценическую минуточку. Увлеченіе и злоупотребленіе акцентуировки составляетъ такъ называемое подчеркиваніе, иначе: неосмысленное усиленіе тона на словахъ неважныхъ, въ ущербъ главнымъ по значенію словамъ тирады, отъ чего теряется всякая образность рѣчи и самая рѣчь надоедаетъ. Это—недостатокъ, довольно распространенный на провинціальныхъ сценахъ.

При тонированіи предложеній нужно обратить вниманіе на повышеніе (поднятіе) и пониженіе (паденіе) тона, чѣмъ они и отличаются другъ отъ друга. Общее правило здѣсь то, что тонъ повышается въ началѣ предложенія и падаетъ въ концѣ, на послѣднемъ словѣ. Умѣнье правильно повышать и понижать тонъ, т. е. чтобъ эти колебанія тона соотвѣтствовали гармонически

внутреннему значенію того или другаго предложенія, дѣлается особенно важнымъ въ длинныхъ періодахъ. Здѣсь точно также, какъ и въ отдѣльныхъ предложеніяхъ, окончательное пониженіе тона должно соотвѣтствовать концу періода, а до тѣхъ поръ различные предложенія, составляющія періодъ, должны имѣть колеблющійся тонъ. Та высота тона, на которой произносится предложеніе или періодъ, есть основной тонъ. Но въ сценической рѣчи онъ не остается всегда одинъ и тотъ же. Въ рѣчи спокойной высота тона остается равномерною на протяженіи нѣсколькихъ періодовъ; рѣчь страстная, возбужденная обуславливаетъ иногда постепенное повышеніе тона на каждомъ отдѣльномъ предложеніи, сообразно возрастающему интересу и значенію высказываемыхъ мыслей и чувствъ. Степень повышенія тона въ подобныхъ случаяхъ опредѣляется во-первыхъ голосовыми средствами говорящаго, а во-вторыхъ художническимъ пониманіемъ и истолкованіемъ самому себѣ смысла произносимой тирады.

Въ такой же тѣсной зависимости отъ смысла и характера рѣчи находится умѣнье управлять движеніемъ рѣчи по своему произволу, вопреки приобрѣтаемой каждымъ изъ насъ наклонности къ скорому, или медленному говору. Разнообразіе рѣчи, необходимое для сцены, достигается именно этимъ умѣньемъ. Общее же правило движенія сценической рѣчи то, что она должно быть спокойнѣе и сдержаннѣе, чѣмъ въ обществѣ, противъ чего грѣшатъ часто молодые актеры, въ большинствѣ случаевъ имѣющіе привычку торопиться. Искусство управлять движеніемъ рѣчи приобрѣтается путемъ упражненій въ медленномъ и быстромъ чтеніи. Въ первомъ случаѣ основою должны быть гласные звуки, на которые и нужно равномерно напирать голосъ; во второмъ нужно всячески избѣгать того, что называется «запыхаться» отъ торопливости и отнюдь не позволять себѣ проглатывать или съглатывать слова и звуки. Невозможно указать опредѣленныхъ правилъ относительно выработки мелодичности тона и умѣнья пользоваться всѣми его отгнѣнками (колоритъ тона); это приобрѣтается на самой практикѣ при посредствѣ художническаго вкуса и такта. Такъ какъ всѣ драматическія произведенія являются въ

прозаической или стихотворной формѣ, то естественно является вопросъ, какъ читать то и другое? Прозаическая рѣчь, какъ прямое выраженіе логической стороны языка, обуславливаетъ собою простоту и естественность произношенія; она должна составлять главный матеріалъ для элементарныхъ средствъ учащагося. Переходъ отъ прозы къ тоническому стиху составляетъ гекзаметръ, которымъ впрочемъ надобно пользоваться при упражненіяхъ осторожно, подчиняя его постоянно логическому акценту, чтобы не приобрѣсти сценической пѣвучести. Временное исключеніе въ пользу пѣвучаго произношенія можно допустить только для тѣхъ учениковъ, для которыхъ подобное чтеніе является чуть ли не единственнымъ механическимъ средствомъ для уничтоженія укоренившейся привычки къ безтолковой скороговоркѣ, равнымъ образомъ для заикающихся въ слабой степени. Стихи тоническіе, повидимому, читать легче прозы, какъ рѣчь подчиненную извѣстному, правильному размѣру; но въ сущности дѣло хорошаго произношенія стиховъ довольно сложное. Главнѣйшіе недостатки, замѣчаемые у многихъ при чтеніи стиховъ суть: скандированіе (рубленіе) стиха (подчеркиваніе такта) и отбиваніе рифмы (удареніе на рифмахъ). Обѣ эти привычки производятъ непріятную для слуха монотонность. Вообще надобно читать стихи, слѣдуя правиламъ тонированія прозы; не надобно стараться ни уничтожать стихотворнаго такта, ни дѣлать его особенно замѣтнымъ. Отбиваніе же рифмъ происходитъ отъ неосмысленной привычки останавливаться въ концѣ каждаго стиха. Вообще можно сказать, что умѣнье правильно и музыкально тонировать прозу есть вѣрное основаніе для приобрѣтенія искусства изящно произносить стихи. Неправильное чтеніе прозы непріятно для слуха, дурное чтеніе стиховъ просто нестерпимо.

Въ область сценическаго дѣйствія входятъ всѣ три элемента поэзіи: эпическій, лирический и драматическій. Каждому изъ этихъ элементовъ соотвѣтствуетъ своеобразная дикція. Сценический докладъ, рассказъ, описаніе должны передаваться вообще спокойнымъ тономъ, но безъ монотонности. Различныя степени этого спокойствія зависятъ отъ характера рассказывае-

маго или описываемаго и отъ цѣли, которую имѣетъ въ виду рассказывающій. Рассказъ о происшествіи мало интересномъ, какъ простое заявленіе случившагося факта, обуславливаетъ совершенно спокойный тонъ, но въ тоже время не совершенно равнодушный и безучастный, какимъ напримѣръ докладываютъ лакеи. Если же рассказчикъ имѣетъ въ виду передачу важнаго по его мнѣнію происшествія подѣйствовать на воображеніе слушателей, тонъ долженъ быть оживленнѣе, но не переходить въ лирической пафосъ. Точно также описаніе внѣшней стороны предмета (прозаическое) произносится спокойно, описанія же идеальныя, поэтическія — съ большимъ одушевленіемъ. Значительную степень тоническаго оживленія рассказа и описанія можетъ внести актеръ, если, по смыслу сцены, онъ былъ очевидцемъ происшествія или предмета; тутъ иногда могутъ быть допущены тоны лирической и даже драматической.

Тонъ сценическаго лиризма весьма разнообразенъ, его нельзя подвести подъ общія правила; различіе его оттѣнковъ находится въ тѣсной связи со степенями и характеромъ аффектовъ и страстей. Мѣркою здѣсь является непосредственная чувствительность актера, которой впрочемъ нельзя давать много воли; ее постоянно надобно повѣрять научными физиологическими и психологическими свѣдѣніями и сообразовать съ условіями художественнаго вкуса. Извѣстная умѣренность и сдержанность задушевности и страстности тона суть необходимыя условія для учащихся. Нарушеніе этихъ условій даетъ въ результатѣ аффектацію (ложную чувствительность), излишнюю восторженность, или однообразную плаксивость тона. Лирический тонъ, хотя и прирожденъ человѣку, тѣмъ не менѣе для актера нужна въ этомъ случаѣ тщательная выработка; въ жизни мы нерѣдко встрѣчаемъ людей, которые тономъ своей рѣчи прямо противорѣчатъ своимъ внутреннимъ ощущеніямъ.

Драматическій тонъ обуславливаетъ собою художественное сочетаніе эпическаго и лирическаго тоновъ въ живомъ примѣненіи къ характеру и положенію дѣйствующаго лица. Особенности драматическаго тона состоятъ изъ тѣхъ оттѣнковъ интонаціи,

которые свойственны не всѣмъ людямъ вообще, а только одному извѣстному лицу, въ извѣстный моментъ дѣйствія. Такимъ образомъ эпическій и лирический тонъ, какъ составныя части, сливаются въ драматическій, когда актеръ не читаетъ и не говоритъ, а играетъ. Отношеніе здѣсь такое же, какое существуетъ въ дикціи актера, учащаго роль и актера, исполняющаго ее на сценѣ во время спектакля. Въ обоихъ случаяхъ вы слышите разнообразные оттѣнки интонаціи въ примѣненіи къ извѣстнымъ моментамъ душевныхъ состояній, выражаемыхъ ролью; но въ первомъ случаѣ они являются какъ бы отдѣльно, по частямъ, съ перерывами, въ какомъ то неопредѣленномъ, отвлеченномъ видѣ; во второмъ эти же разнообразные тоны сливаются въ одинъ гармоническій аккордъ, и образуютъ разнообразную, живую, связную рѣчь, со всѣми своеобразными оттѣнками, которыхъ требуетъ отъ человѣка выполняемая имъ роль. Драматическій тонъ въ сущности тоже, что драматическій акцентъ, о которомъ упомянуто выше. Замѣтимъ еще, что драматическій тонъ неразлученъ съ мимикой и жестикуляціей.

Комическій тонъ, составляющій прямую противоположность серьезному лирическому тону, опредѣленныхъ правилъ не имѣетъ, потому что цѣликомъ зависитъ отъ личныхъ особенностей комика. Главнѣйшіе приемы, на которыхъ опирается рѣчь комизма (по преимуществу внѣшняго) суть: передразниваніе чужаго выговора, умышенное приданіе извѣстной тирадѣ тона, несоотвѣтствующаго ея смыслу, (пародія), растягиваніе рѣчи, или речитативъ, прибавленіе къ рѣчи разныхъ постороннихъ звуковъ, удлиненіе паузъ и т. п. При изученіи этого тона, точно также какъ и въ лирическомъ, нужны извѣстнаго рода художественная сдержанность и умѣренность, чтобы не «пересолить» тона; то есть не впасть въ шаржъ и карикатуру, составляющія сферу балаганнаго комизма.

Разговорный тонъ на сценѣ отличается отъ обыкновеннаго разговорнаго тона тѣмъ, что онъ долженъ быть громче, отчетливѣе и живѣе. Въ обыденномъ разговорѣ мы часто пропускаемъ безъ вниманія неправильныя ударенія, проглатываніе словъ и

звуковъ и тому подобные недостатки дикціи; на сценѣ всѣ эти неточности рѣжутъ ухо. Живость же есть необходимое условіе для того, чтобы выученный актеромъ сценический разговоръ не походилъ на чтеніе, а былъ бы дѣйствительнымъ разговоромъ.

(Примѣры для упражненій въ чтеніи см. Хрестоматію отдѣлъ «Декламация»).

МИМИКА. *дух мимы*

Мимика лица (физиогномика) и тѣлодвиженій (жестикуляція).—Значеніе мимики и необходимость ея изученія для актера.—Двѣ стороны при обученіи мимикѣ.—Часть физиологическая.—Понятіе о мимикѣ древняго и новаго искусства.—Физиологическія основанія, какъ необходимое условіе современнаго изученія мимики.—Раздѣленіе пантомимныхъ знаковъ.—Физиономическое значеніе лицевой мимики и остальныхъ частей человѣческаго тѣла.—Часть сценическая.—Искусство сценическаго поведенія и манеры.—Главнѣйшіе недостатки современной сценической мимики.—Общія условія художественной мимики.—Средства для выработки разумной мимики.—Общія правила сценическихъ пріемовъ мимики.

Мимика (въ обширномъ смыслѣ слова), какъ языкъ инстинкта, есть способъ выраженія нашихъ мыслей и чувствъ наиболѣе выразительный. Въ области нашихъ инстинктивныхъ побужденій она имѣетъ ту характерную особенность передъ словомъ, что она менѣе его подчиняется усиліямъ воли, и потому нерѣдко своею выразительностью противорѣчитъ словесному выраженію внутреннихъ ощущеній. На этомъ основаніи неопытный лжецъ, запираясь на словахъ, старается не смотрѣть на того, кому онъ лжетъ, изъ инстинктивнаго опасенія, что лицо измѣнитъ его стремленію скрыть истину. По той же самой причинѣ въ высшемъ кругу общества, гдѣ господствуетъ вообще большая сдержанность чувства и мысли, стараются избѣгать всякихъ рѣзкихъ тѣлодвиженій и гримасъ, между тѣмъ, какъ языкъ простолюдиновъ, не нуждающихся въ этой сдержанности, всегда сопровождается рѣзкою и выразительною пантомимою. Но рядомъ съ этою выразительностью мимического языка надобно замѣтить, что онъ далеко

не всегда бываетъ ясенъ и понятенъ для каждаго. Мимическій языкъ дикарей для европейцевъ понятенъ вполне только въ общихъ чертахъ; притомъ дѣйствія воли вообще до такой степени разнообразятъ и видоизмѣняютъ этотъ инстинктивный языкъ, что часто самый опытный наблюдатель можетъ ошибиться въ истолкованіи значенія того или другаго жеста. Отсюда мы вправе заключить, что пониманіе мимического языка не прирождено человѣку, а приобрѣтается имъ по аналогіи цѣлымъ рядомъ опытовъ и наблюденій, и что, слѣдовательно, актеру надобно основательно изучить мимику, а не довольствоваться безсознательнымъ выполненіемъ той жестикуляціи, которую вырабатываетъ обыденная жизнь. Мы выставляемъ на видъ это положеніе потому, что и въ настоящее время можно еще встрѣтить мнѣніе, что специальное научное изученіе мимики для актера бесполезно на томъ основаніи, что всякое внутреннее движеніе и безъ обученія выражается натуральными, опредѣленными жестами. Мнѣніе это неосновательно въ трехъ отношеніяхъ: 1) Натуральная мимика часто бываетъ, какъ замѣтили выше, неясна: 2) Вполнѣ натуральной мимики на сценѣ быть не можетъ, потому что она соотвѣтствуетъ только непосредственному личному ощущенію человѣка; а такой субъективной игры актеръ долженъ избѣгать. 3) Натуральный жестъ въ его чистомъ видѣ для сцены не годится, а нуждается въ извѣстной выработкѣ сценическихъ манеръ точно также, какъ воспитаніе вырабатываетъ ихъ для общественной гостиной. Сценическая неловкость актеровъ начинающихъ, и распушенность манеръ многихъ провинціальныхъ, затѣмъ проглядывающая на сценѣ рутинная въ употребленіи тѣхъ или другихъ жестовъ служатъ очевидными доказательствами того значенія, какое должно имѣть для актера правильное, серьезное изученіе мимики.

Обученіе мимикѣ, имѣющее основною задачею сдѣлать лицо и тѣло актера понятнымъ, вѣрнымъ и красивымъ орудіемъ для передачи внутреннихъ ощущеній и страстей, распадается на двѣ части: физиологическую и сценическую. Первая состоитъ въ усвоеніи учащимися сознательнаго знанія законовъ, управ-

ляющихъ языкомъ тѣлодвиженій; вторая имѣеть въ виду выработку практическихъ приѣмовъ, принаровленныхъ къ сценическимъ требованіямъ. Рядомъ съ приобрѣтеніемъ научныхъ свѣдѣній должны идти мимическія упражненія, состоящія изъ попытокъ дѣлать соотвѣтствующія смыслу разучиваемаго тѣлодвиженія и фізіономію. Замѣтимъ при этомъ, что подобныя упражненія для учащихся должны имѣть не абсолютное, а относительное значеніе. Онѣ играютъ роль сценической гимнастики, вырабатывающей выразительность, подвижность и красоту тѣла; при выходѣ на сцену многое изъ этихъ приѣмовъ можно и должно забыть, но извѣстное умѣнье владѣть своей внѣшностью останется. Ошибка при обученіи мимикѣ въ старой декламационной школѣ, породившая наклонность къ рутинѣ, заключалась не въ основномъ принципѣ обученія мимикѣ, а въ условности самихъ мимическихъ приѣмовъ, которые, не опираясь съ одной стороны надлежащимъ образомъ на полнотѣ научной правды, дѣлались въ тоже время какъ бы обязательными для актера на цѣлую жизнь, и тѣмъ самымъ въ значительной степени стѣсняли рамку живой сценической мимики.

1) Фізіологическая часть. У древнихъ Грековъ пантомимное искусство (оркестика) имѣло довольно большое, хотя строго условное развитіе, и обученіе ему приведено было въ извѣстную, опредѣленную систему*), которая съ извѣстными видоизмѣненіями вошла по наслѣдству въ составъ ложно-классической школы. Эта система, имѣя въ виду изображеніе исключительно идеальныхъ сторонъ человѣческой жизни, естественно не могла въ своемъ полномъ составѣ послужить образцомъ для новаго времени, которое, вмѣстѣ съ перемѣнившимися взглядами на искусство, должно было выработать для своего руководства

*) У древнихъ основу воспитанія составляла музыка, но подъ этимъ названіемъ подразумѣвались всѣ искусства, въ основѣ которыхъ былъ ритмъ. Два искусства имѣли предметомъ дикцію и жестификацію: музыка гипокритическая (декламация) и музыка оркестическая (танцованіе, или вѣрнѣе жестификація). Сценическая оркестика раздѣлялась на эмелію (трагическую) кордакъ (комическую) и сицинію (сатирическую) версификацію, сопровождающуюся каждою особою, условною мимикою.

другой болѣе широкой принципъ, нежели которымъ довольствовался древній и средневѣковой міръ. Принципъ этотъ нынѣ уже выяснился на столько, что его можно опредѣлить такимъ образомъ: сценическая пантомима должна быть естественна и разнообразна. Труды многихъ ученыхъ*), занимавшихся изслѣдованіемъ вопроса объ языкѣ тѣлодвиженій, доказали, что единственными вѣрными руководителями въ этомъ случаѣ являются фізіологическія данныя, изученіе которыхъ и должно составлять основаніе современнаго обученія мимикѣ. И хотя ихъ научныя наблюденія, вслѣдствіе обширности и трудности задачи, не составляютъ еще того, что, въ строгомъ смыслѣ слова, называется системою, тѣмъ не менѣе онѣ могутъ служить для учащагося достаточно твердою опорой для правильной и разумной выработки сценической мимики. Не вдаваясь въ критическую оцѣнку трудовъ названныхъ нами дѣятелей, мы приведемъ въ сжатомъ видѣ результаты ихъ наблюденій.

Пантомимные знаки, имѣющіе съ одной стороны самостоятельное значеніе, какъ всякое другое физическое отправление, а съ другой стороны служащіе средствомъ для выраженія внутренней жизни, весьма разнообразны по формамъ и различны по характеру. Основаніемъ для ихъ различенія можно признать источникъ ихъ отправления, то есть: являются ли они непосредственнымъ, такъ сказать, безсознательнымъ выраженіемъ внутреннихъ ощущеній, или обусловливаютъ въ своихъ проявленіяхъ участіе человѣческой воли. На этомъ основаніи всѣ мимическіе знаки (жестъ и фізіономику) можно раздѣлить на два разряда: 1) Естественные, инстинктивные невольны и неизмѣнны, а въ общихъ чертахъ даже одинаково у всѣхъ людей выражающіе или физическое ощущеніе или нравственный порывъ (аффектъ) и 2) Искусственные, обнаруживающіе собою дѣятельность ума и приобрѣтенныхъ общежитіемъ привычекъ. Жесты первого

*) Имена лицъ, наиболѣе замѣчательныхъ по изслѣдованію вопроса о мимикѣ и жестахъ: Лафатеръ, Лебрень, Камперъ, Моро де-ла Сартъ, Чарльзъ Бэль, Дюшенъ, Пидеритъ, Грасіоле, Дарвинъ. Лица, имѣвшія въ виду специально сценическую мимику: Преваль, Энгель, Дельсартъ.

сорта можно раздѣлить на жесты выразительные и жесты равновѣсія. Жесты втораго сорта бываютъ или условные, (манеры) или обдуманые (индивидуальные). Оба разряда жестовъ могутъ являться прежде слова, или ему сопутствовать, но никогда не рождаются послѣ. Продолженіе жеста послѣ изданнаго звука или словеснаго выраженія извѣстнаго ощущенія бываетъ только тогда, когда ощущеніе, произведшее жестъ, было слишкомъ сильно. По характеру своего проявленія жесты натуральные довольно рѣзко отличаются отъ искусственныхъ, и потому безсознательное смѣшеніе въ сценической игрѣ (у посредственныхъ и дурныхъ актеровъ) этихъ двухъ родовъ пантомимныхъ знаковъ производитъ на зрителей непріятное впечатлѣніе. Балетныя пантомимы часто кажутся намъ смѣшными именно потому, что страсть выражается въ нихъ наперекоръ природѣ въ большинствѣ случаевъ знаками ненатуральными, а описательными. Такъ напримѣръ балетный любовникъ подбѣгаетъ къ красавицѣ и, дѣлая сладкое лицо, вертитъ около него рукой (намекъ на красоту), это жестъ умственнаго анализа; потомъ прикладываетъ руку къ сердцу (показаніе эмблематическаго органа любви), это опять анализъ; становится на колѣна по обдуманному, извѣстному правилу хореографіи; короче вся его мимика имѣетъ чисто описательный, а не натуральный характеръ. Потому при изученіи мимики нужно строго опредѣлить значеніе обоихъ разрядовъ пантомимныхъ знаковъ. Жесты натуральные, не смотря на безчисленное разнообразіе формъ своего проявленія, опираются на извѣстныхъ физиологическихъ законахъ, неизмѣняющихся въ своей сущности; жесты же описательные, обдуманые, какъ результаты общественной жизни въ извѣстную эпоху ея развитія, имѣютъ характеръ измѣняемый и до крайности своеобразный. Главнымъ предметомъ теоретическаго изученія мимики, конечно, должны быть знаки перваго разряда, какъ непосредственные показатели переменъ, обуславливающихъ внѣшнее и внутреннее состояніе нашего организма.

Всякое внутреннее ощущеніе выражается въ нашемъ тѣлѣ посредствомъ мускуловъ, которые, заставляя извѣстными обра-

зомъ двигаться тѣ или другіе органы, играютъ въ этомъ случаѣ роль рычаговъ, приводящихъ нашу душу въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ. Въ физиологій доказано, что каждому извѣстному внутреннему состоянію соответствуетъ опредѣленное напряженіе однихъ и тѣхъ же мускуловъ. Такъ напримѣръ всякому пріятному ощущенію соответствуетъ тѣлесная расширяемость т. е. усиленное дѣйствіе разводящихъ мускуловъ (extensores); а при непріятномъ ощущеніи обнаруживается сжимаемость, сокращеніе тѣла, т. е. преобладающая дѣятельность сводящихъ мускуловъ (flexores). Отъ частаго повторенія однихъ и тѣхъ же движеній въ извѣстномъ направленіи мускулы получаютъ особенное сильное развитіе, что обнаруживается во внѣшности наиболѣе рѣзкими, опредѣленными чертами. Совокупность этихъ постоянныхъ, опредѣленныхъ, характерныхъ чертъ въ мимикѣ каждаго человѣка составляетъ такъ называемую физиономику; названіе, примѣняемое въ общежитіи преимущественно къ лицевымъ чертамъ, какъ наиболѣе выразительнымъ, но въ строгомъ смыслѣ слова, долженствующее имѣть болѣе широкое значеніе, по отношенію къ характерной мимикѣ всего тѣла.

Къ сожалѣнію, какъ мы сказали выше, наука не выработала еще достаточнаго количества данныхъ, чтобы можно было представить полную систематическую картину лицевой мимики и тѣлодвиженій, потому приходится ограничиться указаніемъ на то физиономическое значеніе, какое имѣютъ въ отдѣльности различныя части человѣческаго тѣла. Болѣе связныя и полныя указанія мимическаго выраженія ощущеній, аффектовъ и страстей приведены нами ниже.

Голова. Выразительность головы, какъ главнѣйшей въ нравственномъ отношеніи части человѣческаго тѣла, отразилась въ общежитіи извѣстными выраженіями, которыя весьма мѣтко обрисовываютъ различныя психическія состоянія, свойственныя тому или другому головному движенію. Кому же извѣстно значеніе выраженій: кивнуть, замотать, поднять, задрать, повѣсить, понурить голову и т. п. Постараемся опредѣлить характерное значеніе наиболѣе встречающихся головныхъ движеній.

Голова наклоненная впередъ, смотря по степенямъ наклоненія означаетъ почтеніе, униженіе, смиреніе, самоотреченіе; если при этомъ существуетъ легкое отклоненіе въ бокъ, такъ что ухо приближается къ плечу—знакъ нѣжныхъ чувствъ, а такъ же огорченія. Голова понуренная, повѣшенная, т. е. наклоненная, какъ будто отъ собственной тяжести—знакъ печали. Голова поднятая—знакъ радости и надежды. Голова заброшенная нѣсколько назадъ (задранная)—знакъ гордости, готовности на борьбу, оскорбленнаго самолюбія, противодѣйствія, вообще проявленія энергіи. Голова опрокинутая назадъ, какъ бы безъ участія шейныхъ мускуловъ—знакъ крайняго горя, отчаянія; то же съ напряженіемъ шеи—знакъ ярости, бѣшенства. Быстрое движеніе головы на право и на лѣво (мотаніе), какъ бы стряхиваніе съ себя чего нибудь въ сторону—знакъ отрицанія, нежеланія чего либо; медленное качаніе головы въ стороны — знакъ недоумѣнія, осужденія, легкой угрозы; медленное качаніе головы впередъ и назадъ,—неприятнаго изумленія предъ неприятной новостью; быстрое качаніе впередъ и назадъ (киваніе)—одобренія, зова. Голова неподвижная—знакъ изумленія; голова прячущаяся между плечъ—знакъ сконфуженнаго состоянія и эгоистическаго равнодушія. Напряженное высовываніе головы впередъ по направленію къ какому нибудь опредѣленному предмету — знакъ любопытства, желанія, жажды обладанія.

Лобъ, чело есть органъ разумной дѣятельности духа; сфера инстинктовъ ближе къ затылку. Развитие этого органа въ царствѣ животномъ вездѣ соотвѣтствуетъ степени развитія умственной способности. Лобъ возвышенный, занимающій почти половину лица есть исключительное достояніе человѣка. Узкость и впалость лба — вѣсьмъ извѣстный признакъ ограниченности. Лобъ большой съ преимущественнымъ развитіемъ верхней части надъ нижнею—знакъ творческаго гения. Лобъ съ выпуклостью по срединѣ—знакъ любви къ занятіямъ, вообще способности угадывать причины вещей. Лобъ сдавленный у бровей и выпуклый къ вискамъ—знакъ ловкости и хитрости (лисыя физиог-

номія). Лобъ съ бѣльшими или мѣньшими выпуклостями надъ бровями—знакъ остроумія, насмѣшливости. Лобъ прямой, но придавленный—знакъ бѣдности воображенія, отсутствія остраго ума, но въ тоже время признакъ твердаго характера. Лобъ остроконечный—знакъ тупоумія и упрямства. Лобъ гладкій, совершенно безъ складокъ—признакъ ограниченности и холодной натуры. Лобъ блестящій, полированный (встрѣчается часто у женщинъ и молодыхъ людей)—признакъ беззаботности, спокойствія, довольства. Напряженіе лобныхъ мускуловъ, приводящихъ въ движеніе глазныя мышцы, производитъ на лбу различныя складки, которыя по ихъ фізіономическому значенію можно раздѣлить на два вида: складки горизонтальныя и вертикальныя. Первые являются характерными признаками вниманія, наблюдательности, любопытства, добродушія, а также болѣзненнаго разстройтва мышечной системы. Вторыя служатъ довольно вѣрными показателями неприятныхъ ощущеній и представленій; онѣ встрѣчаются у людей близорукихъ и страдающихъ головными и глазными болѣзнями, у людей страдающихъ душевно, чувствительныхъ и раздражительныхъ. Одновременное смѣшеніе горизонтальныхъ и поперечныхъ складокъ соотвѣтствуетъ психическому одновременному сочетанію напряженнаго вниманія и неприятнаго возбужденія. Особенно рѣзко это сказывается въ ужасѣ и мужественномъ порывѣ. Оттѣнки этихъ выраженій зависятъ отъ преобладанія тѣхъ или другихъ складокъ.

Брови. Движеніе бровей находится въ тѣсной связи съ напряженіемъ лобныхъ и глазныхъ мышцъ. Главныхъ движеній два: расширеніе, соотвѣтствующее пріятнымъ ощущеніямъ и сокращеніе (сближеніе, пониженіе)—знакъ неприятныхъ. Нахмуренныя брови вѣсьмъ извѣстный знакъ неудовольствія и гнѣва. По внѣшнему виду брови имѣютъ также свое характерное значеніе; такъ напримѣръ брови сближенныя, густыя жесткія — признакъ силы, бодрости, твердости ума, способности рассчитывать, соображать. Брови разъединенныя, рѣдкія, мягкія — признакъ слабости, робости, кротости, ограниченности, несообразительности. Неправильность, подвижность

бровей — признак живаго, нервнаго темперамента, сильныхъ страстей; неподвижность ихъ — знакъ спокойствія, равнодушія, холодной природы.

Глаза. Выраженіе «глаза—зеркало души» совершенно вѣрно опредѣляетъ то важное значеніе, которое имѣетъ этотъ органъ. Ни одинъ органъ не выражаетъ такъ живо, понятно и точно внутреннее состояніе нашего духа, какъ глаза. Отсутствие способности зрѣнія сообщаетъ всему лицу мертвенное выраженіе печали (напр. лица слѣпыхъ). Глаза суть преимущественные органы для выраженія мысли и чувства; по выразительности своей они стоятъ выше дара слова. Глазъ рѣже жметъ, чѣмъ языкъ и часто дѣлаетъ мысль вполне понятною безъ пособія языка. Такъ влюбленный обыкновенно выражаетъ свое нетерпѣніе быть вмѣстѣ съ предметомъ страсти словами: «я хочу еѣ видѣть» вмѣсто того чтобы сказать: «я хочу говорить съ ней». Далѣе: влюбленные при свиданіи гораздо больше смотрятъ другъ другу въ глаза, чѣмъ говорятъ.

При изученіи глазной мимики надобно различать: форму и цвѣтъ глазъ, движеніе и выраженіе ихъ. Форма и цвѣтъ глаза. Величина глазнаго яблока большею частью у всѣхъ одинакова; величину глаза опредѣляетъ главнѣйшимъ образомъ большее или меньшее расширеніе вѣкъ, дающихъ этому органу различныя формы. Форма, а главнымъ образомъ размѣръ глаза находится въ тѣсной связи съ психической стороною субъекта. Чѣмъ обширнѣе поле зрѣнія, тѣмъ болѣе матерьяловъ для изслѣдованія, тѣмъ шире совершается процессъ внутренней переработки полученныхъ впечатлѣній, а слѣдовательно самая организація является въ болѣе совершенномъ видѣ. На этомъ основаніи можно сказать, что глаза маленькія, суженныя отъ природы, — признакъ лѣниваго, ограниченнаго, грубаго или односторонняго ума. Глаза большіе, открытые можно считать однимъ изъ признаковъ оригинальнаго, смѣлаго, широкаго ума, иногда же это является результатомъ болѣзненныхъ состояній. Наблюденія надъ цвѣтомъ глазъ еще недостаточны для того, чтобы можно было съ точностью опредѣлить психическое значеніе различныхъ цвѣ-

товыхъ оттѣнковъ этого органа, тѣмъ не менѣе вообще замѣчено, что глаза свѣтлые соотвѣтствуютъ слабымъ и мягкимъ натурамъ, темные—болѣе сильнымъ и энергическимъ.

Движенія глаза. Глаза обращенныя къверху—знакъ возторженнаго состоянія, гордости, самопожертвованія, смиренія. Глаза неподвижно уставляются при внимательномъ созерцаніи предмета, въ глубокой думѣ и при стараніи скрыть разсѣянность. Глаза суживаются при всматриваніи въ предметъ, при тонкой насмѣшкѣ, при кокетничаньѣ, вообще въ лукавствѣ; глаза выдаются впередъ при любопытствѣ (хотя въ выскочить); таращатся, т. е. выдаются впередъ неправильно, несвободно, какъ бы давя вѣки—въ изумленіи и ужасѣ; косятся въ зависти и презрѣніи, бѣгають въ безпокойствѣ, блуждаютъ—въ апатіи и уныніи, плаваютъ—въ наслажденіи—(масляные глаза), мигаютъ—въ удивленіи, недоумѣніи.

Выраженіе глазъ (взглядъ) по преимуществу обнаруживаетъ душу. Спокойствіе души выражается во взглядѣ тихомъ, мягкомъ, какъ бы задумчиво-мечтательномъ; возбужденное состояніе оживляетъ взглядъ разнообразными красками, оттѣнки которыхъ по ихъ разнообразію перечислить невозможно. Замѣтимъ одно общее правило: ощущенія и порывы, стѣсняющіе нашу жизнедѣятельность, заставляютъ глаза западать, образуютъ взглядъ тусклый, мертвенный, печальный; ощущенія, возбуждающія нашъ организмъ, выражаются взглядами живыми, блестящими, горящими, мечущими огонь, пронцающими. Физиологически это можно объяснить такимъ образомъ: возбужденная душевная дѣятельность, обуславливая болѣе количество чувственныхъ воспріятій органа зрѣнія, держитъ глазныя мышцы въ долгомъ напряженіи, вслѣдствіе чего ускоряется процессъ выдѣленія и обмѣна влажной матеріи глаза и онъ получаетъ особый блескъ, котораго нѣтъ въ состояніи скуки и сонливости, а также и въ старости, за исключеніемъ впрочемъ очень умныхъ людей.

Одно изъ главныхъ вспомогательныхъ средствъ человѣческаго взгляда есть слезы, пользующіяся въ жизни огромнымъ значе-

ніемъ, преимущественно у женщинъ. Справедливо говорятъ, что слезы одновременно и копые и щитъ женщины. Мужчину въ большинствѣ случаевъ слезы безобразятъ, женщину украшаютъ въ молодости и оберегаютъ въ старости. Слезы въ физиологическомъ отношеніи, будучи естественнымъ слѣдствіемъ крика, судорожно сокращающаго глазныя мышцы, которыя въ свою очередь даютъ слезныя железы, въ нравственномъ мірѣ соотвѣтствуютъ неприятно возбужденному состоянію духа, обуславливающему собою потерю какой либо части духовнаго организма. Такъ, на примѣръ, плачутъ весьма часто скорбящій, влюбленный, пьяный, оскорбленный въ самолюбіи, короче, всѣ тѣ, которые въ нравственномъ отношеніи что нибудь теряютъ; эгоистъ, гордецъ, обжора, мститель, гнѣвный, скупой плачутъ весьма рѣдко. Извѣстный способъ успокоенія плачущаго ребенка сованіемъ въ ротъ куска хлѣба или пряника, употребляемый простолюдинами и вообще няньками, есть безсознательное выраженіе общаго физиологическаго закона: «плачущій всегда голоденъ» — т. е. ощущеніе, доведшее человѣка до слезъ, есть ощущеніе, ослабляющее организмъ, заставляющее его терять свои физическія силы, которыя надобно какъ нибудь возстановить. Таже мысль выражается фразою: «онъ питается слезами». Человѣкъ, сдерживающій свое горе, «глочаетъ слезы» (инстинктъ самосохраненія). Принявъ этотъ законъ къ свѣдѣнію, мы убѣдимся, что источникъ слезъ въ радости и горести, счастья и несчастія, злости и любви одинъ и тотъ же — угнетенное, подавленное состояніе организма, состояніе слабости. Въ радости, въ восторгѣ, въ любви люди плачутъ именно въ тотъ роковой моментъ, когда эти ощущенія достигли высшей степени, когда инстинктивно является въ умѣ идея непрочности, конечности всего земнаго, когда радость, счастье даютъ своимъ величіемъ, когда наконецъ является боязнь потерять это благо, всѣ эти состоянія суть угнетенныя. Отличительныя свойства слезъ — краснорѣчивость, убѣдительность и общительность (слезы вообще зоразительны).

Плачь, какъ характерная черта страданія, въ чистомъ видѣ

встрѣчается главнѣйшимъ образомъ только въ дѣтскомъ возрастѣ. Открытіе рта (для произведенія крика), образованіе глубокой ротоносовой складки, закрытіе глазъ и выдѣленіе слезъ — его главныя физиономическія черты. Въ зрѣломъ возрастѣ дѣйствія воли значительно сокращаютъ выразительность этой мимики.

Носъ при своей малоподвижности представляетъ мало признаковъ для выраженія дѣйствующей страсти, но довольно вѣрно намекаетъ на расположеніе, характеръ человѣка.

Носъ длинный въ народѣ вообще считается признакомъ глупости. Выраженіе «натянуть носъ кому нибудь» значитъ провести, одурачить. Извѣстный знакъ, которымъ мальчишки дразнятъ, приставка десяти пальцевъ къ носу (показать носъ) есть выраженіе того же самаго. Носъ, идущій какъ бы въ одинъ уровень со лбомъ, безъ большаго выгиба при началѣ — знакъ посредственнаго ума и натуры. Равнымъ образомъ носъ тупой и короткій (курносый) — признакъ простодушія и недалности. Носъ орлиный, римскій — знакъ сильнаго характера, силы ума и воли. Если при этомъ край его широкъ и плосокъ — знакъ высшей разумности. Носъ съ наклономъ къ верхней губѣ — знакъ обжорства, грубой чувственности, иногда жестокости (ястребиный носъ). Малый и тонкій носъ — знакъ насмѣшливости, остроумія, толстый и мясистый — знакъ лимфатической натуры. Носъ пухлый и красный, съ прыщами, — признакъ пьянства и разврата, а также болѣзни — полипа. Носъ имѣетъ способность временно и мгновенно краснѣть при стыдѣ и конфузливости. Движенія ноздрей: расширеніе и сжатіе, производящіяся носовыми мышцами сообразно тому, приятно, или неприятно возбужденъ органъ обонянія, въ психическомъ отношеніи соотвѣтствуютъ выраженію чувственныхъ наклонностей, энергической и мыслящей натуры и нравственнаго отвращенія.

Ротъ. Этотъ органъ по своей удобоподвижности есть одинъ изъ наиболѣе выразительныхъ. Формы и движенія рта зависятъ отъ совокупной дѣятельности слуховыхъ и язычныхъ мышцъ. Когда мышцы рта (язычныя) находятся въ нормальномъ

положеніи, линія рта красива и волнообразна. Ослабленіе ихъ заставляеть нижнюю челюсть опускаться и ротъ открывается, напр. во снѣ. Ротъ открывается также (на половину) отъ дѣйствія слуховыхъ органовъ у людей тугихъ на ухо, желающихъ, такъ сказать, слышать ртомъ, а также въ моментъ сильнаго и внезапнаго шума (здѣсь какъ бы дѣйствуетъ инстинктъ сохраненія слуховаго органа отъ слишкомъ большаго потрясенія. Ротъ широко раскрывается при смѣхѣ (пропусканіе воздуха). Психическое значеніе рта можно опредѣлить такъ: тѣмъ сильнѣе душевная дѣятельность, тѣмъ ротъ выразительнѣе. Постоянно открытый ротъ—характерный признакъ идіотовъ и глупцовъ. Временно открывается ротъ въ изумленіи и испугѣ. Закрытый, сжатый ротъ (инстинктивная защита органа вкуса отъ неприятныхъ раздраженій), есть въ тоже время фізіономическая черта упрямства, недовѣрчивости, хитрости, гордости, корыстолюбія, скупости. Различныя отгѣнки закрытому рту придаютъ разнообразныя движенія губъ. Въ противоположность сжатію губъ, выражающему идею замкнутости и упрямства, губы, свободно лежація одна на другой, суть признакъ общительности и восприимчивости. Губы вытягиваются впередъ, образуя коническую форму рта, при пробѣ какихъ нибудь веществъ, а въ психическомъ отношеніи это есть признакъ пытливаго, критическаго ума. Нижняя губа, выпяченная впередъ и кверху, при чемъ образуется глубокая черта подъ нею, есть фізіономическая черта презрѣнія. Легкое приподнятіе верхней губы при образованіи морщинъ около рта есть черта горя. Губы прижатые къ зубамъ при улыбающемся ртѣ — признакъ приятныхъ, сладкихъ ощущеній и представлений. Постоянное присутствіе въ лицѣ чертъ горести, или удовольствія производитъ на зрителя неприятное впечатлѣніе, выражающееся въ общежитіи терминами: кислое и сладкое лицо. Кусаніе губъ—признакъ досады, гнѣва, ярости при сознаніи своего безсилія. Волнообразное движеніе сжатыхъ губъ бываетъ при напряженномъ обдумываніи средствъ къ достиженію близкой, но трудной цѣли. Судорожное подергиваніе губъ—признакъ волненій, порывовъ, сдерживаемыхъ на-

сильно, особенно у людей самолюбивыхъ. Облизываніе губъ языкомъ—знакъ голода, аппетита и сладострастія.

Смѣхъ, улыбка. Подобно тому, какъ мы сказали выше, плачь и слезы суть прямые выразители слабаго, угнетеннаго состоянія организма; улыбка и смѣхъ суть знаки внутренняго довольства и пріятно возбужденнаго состоянія духа. Исключеніе составляютъ: смѣхъ искусственный, слагающійся подъ влияніемъ воли часто на перекоръ внутреннему состоянію, и смѣхъ судорожный — результатъ боли физической и нравственнаго страданія, который въ сущности есть ничто иное, какъ видоизмѣненныя волею крикъ и рыданіе. Характерными чертами смѣха, кромѣ издаванія громкихъ прерывистыхъ звуковъ, являются: болѣе или менѣе открытый ротъ, оттягиваніе угловъ рта кзади и нѣсколько къ верху, отчего образуются около рта болѣе или менѣе рѣзкія складки, сливающимся при сильномъ смѣхѣ въ одну круговую линію около рта, морщины подъ глазами и блескъ глазъ. Тѣже черты, только въ смягченномъ видѣ, характеризуютъ улыбку, различныя видоизмѣненія которой зависятъ отъ известнаго сочетанія на лицѣ другихъ мимическихъ знаковъ. Такъ напр. улыбка бываетъ добрая, злая, глупая, лукавая, хитрая, горькая, кислая, ироническая, слезливая, строгая, коварная; всѣ эти названія соотвѣтствуютъ господствующему на лицѣ во время улыбки выраженію. Будучи фізіономическимъ признакомъ веселости, смѣхъ по своему характеру и степенямъ имѣеть различныя значенія. Смѣхъ полный, здоровый, по замѣчанію Гоголя, есть знакъ доброй души; но въ тоже время замѣтимъ, что онъ можетъ быть просто результатомъ здороваго, сильнаго организма. Смѣхъ постоянный — признакъ глупости, частый — знакъ легкомыслія, хохоть съ покатываніемъ, хватаніемъ себя за бока — признакъ неудержимой веселости и отчасти необразованности, въ смыслѣ неумѣнья сдерживаться. Умѣренный смѣхъ и сдержанная улыбка — признаки людей мыслящихъ и разсуждающихъ.

Лицо. Красоту лица въ общежитіи опредѣляютъ обыкновенно правильностью и гармоническимъ сочетаніемъ лицевыхъ

черть, но, строго говоря, едва ли можно ограничивать опредѣленіе красоты человѣческаго лица исключительно внѣшними чертами. Встрѣчаются лица несомнѣнно красивыя и въ тоже самое время производящія впечатлѣніе холодной статуи, или даже впечатлѣнія непріятныя и на оборотъ часто бываетъ, что лица при всей неправильности своихъ чертъ, поражаютъ насъ своимъ прекраснымъ выраженіемъ. Причина этого явленія заключается въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ существуетъ противорѣчіе внѣшности съ внутреннимъ міромъ, котораго при строгомъ и вѣрномъ опредѣленіи человѣческой красоты существовать не должно. Не выставляя непредложною аксіомою извѣстное положеніе, что въ прекрасномъ тѣлѣ должна заключаться прекрасная душа, съ чѣмъ можно согласиться пока только а priori, такъ какъ понятіе объ идеалѣ нравственной красоты есть вещь условная; тѣмъ не менѣе мы полагаемъ, что въ большинствѣ случаевъ между лицами и внутреннимъ міромъ субъектовъ существуетъ весьма близкая аналогія. Истинная красота рѣдко дружится съ тупоуміемъ и преступленіемъ, а, сдружившись, извѣстнымъ образомъ искажаетъ свои черты. Встрѣчающіяся же въ общежитіи противорѣчія, какъ напр. красивыя лица у глухихъ людей, можно объяснить, если не вполне, то въ значительной степени вліяніемъ общественнаго воспитанія и другихъ житейскихъ условій. Но какъ бы то ни было, для актера на первомъ планѣ стоитъ выраженіе лица, такъ какъ внѣшняя сценическая красота не есть чисто физическая, а часто создаваемая искусственнымъ образомъ. При изученіи лицевой мимики нужно вообще замѣтить слѣдующее: преобладающее развитіе верхнихъ лицевыхъ чертъ (лба и глазъ) есть знакъ перевѣса въ человѣкѣ духовнаго разумнаго элемента; развитіе нижнихъ (носа, губъ, скулъ, подбородка, зубовъ)—знакъ перевѣса животныхъ инстинктовъ. Для примѣра можно указать на лица Европейца и Африканца или Австрайлѣца; на лицо генія и лицо обжоры и т. п.

Выраженіе лица опредѣляется главнѣйшимъ образомъ во взглядѣ (см. выше), затѣмъ уже слѣдуютъ, какъ вспомогательныя средства, мимическіе знаки органа обонянія и вкуса. Въ мими-

ческой игрѣ лица имѣютъ также свое значеніе лицевыя краски. Общимъ закономъ въ этомъ случаѣ можно признать слѣдующее: лицо блѣднѣетъ въ моментъ сосредоточенія внутренняго волненія въ самомъ себѣ; вспыхиваетъ и краснѣетъ въ минуту его обнаруженія. Эти явленія скоропреходящи; что же касается до постоянныхъ цвѣтовыхъ оттѣнковъ лица, то они зависятъ отъ различныхъ постороннихъ условій организма. Такъ напр. большая часть болѣзней имѣетъ свой особенный оттѣнокъ на лицѣ человѣка. Болѣзни печени сообщаютъ лицу желтизну и бурый цвѣтъ; страданія сердца — блѣдность; лихорадка и горячка — красноту; чахотка — своеобразную прозрачную блѣдность съ румяными пятнами на щекахъ и т. п.

Плечи. Формы и движенія плечъ могутъ также служить признаками извѣстныхъ внутреннихъ состояній. Плечи широкія, высокія — признакъ силы, обусловливающей собою извѣстную степень власти (толстые генеральскіе эполеты одна изъ общежитейскихъ формъ, выражающихъ ту же идею); плечи узкія — знакъ слабости. Поднятіе одного плеча — знакъ презрѣнія; легкое одновременное поднятіе обоихъ (пожиманіе плечами) — признакъ недоумѣнія, сознанія своего безсилія. Подергиваніе плечами впередъ — признакъ чванства и кокетства; въ послѣднемъ случаѣ часто замѣчается выставка всего плеча впередъ, совершающаяся какъ бы невольно (манера застарѣвшихъ невѣсть). Грудь широкая, выдающаяся, крѣпкая (молодецкая) — знакъ силы физической, а также храбрости и героизма; грудь узкая, впалая — знакъ слабости и трусливости.

Станъ. Размѣръ стана и вообще посадка тѣла имѣютъ довольно большую выразительность. Такъ напримѣръ: прямой станъ — признакъ спокойствія, довольства, искусственно прямой (аршинъ проглотилъ) — знакъ чопорности, чванства, умямства; выгибающійся нѣсколько назадъ (коробящійся) — признакъ крайняго страданія (Лаокоонъ). Станъ лежащій, вытянутый въ прямую линію — знакъ смерти. Станъ сокращенный, подобранный — признакъ приготовленія къ битвѣ, къ нападенію, къ прыжку, бѣгу (идея предварительнаго сосре-

доточенія, собиранія силъ, напр. кошка, тигръ передъ прыжкомъ на добычу). Станъ насильственно опрокинутый на минуту—знакъ угрозы и гордаго сознанія своей личности. Станъ натурально опрокинутый въ сидячемъ положеніи чело-вѣка—знакъ небрежности, беззаботности, наслажденія. Станъ гибкій—знакъ ловкости; легко гнуційся впередъ—знакъ угодливости, лести, способности уживаться съ людьми (придворный). Станъ какъ бы переломленный, опущенный (человѣкъ опустился)—признакъ усталости, скорби, униженія. Станъ прямой, но неподвижный, сухой—признакъ поста и лишеній (святые на суздальскихъ картинахъ, строгіе монахи), а также—извѣстной привычки держать себя въ извѣстномъ положеніи (солдатская выправка). Художественными образцами чело-вѣческаго стана въ области пластическаго искусства могутъ служить: Венера Медицейская—образъ женской граціи и стыдливости, Силень—образъ чувственной невоздержности, Геркулесъ Фарнезскій—образъ спокойной физической силы, Лаокоонъ—образъ страданія, муки, Аполлонъ Бельведерскій—гордый образъ побѣды и мужскаго изящества, Вакханка—образъ ловкости и невоздержной веселости.

Руки, какъ органы по преимуществу дѣятельные, играютъ въ мимическомъ языкѣ весьма важную роль; тѣмъ не менѣе мы не будемъ здѣсь подробно разсматривать значенія ихъ разнообразной мимики, какъ потому, что общія признаки ручныхъ жестовъ извѣстны (сжатіе кулаковъ, складываніе на груди, закидываніе на спину, поднятіе къверху и пр.); такъ и потому, что о нихъ будемъ постоянно упоминать при разборѣ ощущеній и страстей. Здѣсь ограничимся короткими замѣтками относительно ихъ формы. Форма рукъ (величина, длина, изящество) вообще идетъ въ связи съ интеллектуальнымъ развитіемъ и общественнымъ положеніемъ чело-вѣка (рука дикаря и европейца, барина и мужика). Отсюда можно вывести ихъ характерное значеніе. Руки большія, толстыя, съ короткими пухлыми пальцами—признакъ ограниченности, тяжелаго ума, лѣнности, неловкости, иногда добродушія. Длинныя руки съ длинными

пальцами—знакъ ловкости, дѣятельности, а также и жадности. Маленькія изящныя руки—признакъ аристократизма. Небрежность въ обращеніи съ руками—признакъ необразованности и часто безнравственности. Извѣстно выраженіе «дѣло попало въ грязныя руки». Скупость, лѣнность, пьянство всегда съ грязными руками. По ручнымъ жестамъ, чаще другихъ повторяемымъ, можно узнать степень образованности и характеръ занятій наблюдаемаго лица, напр. несдерживаемая жестикуляція простолюдина, жесты капельмейстера, рука музыканта.

Ноги имѣютъ также свои выразительные знаки: Скорченная нога—знакъ страданія. Нога колеблющаяся, подгибающаяся, пальцами вверхъ—знакъ боязни. Трясущаяся нога—знакъ нетерпѣнія; скачущая—веселость. Она твердо стоитъ на землѣ, упираясь на пальцы, въ гордости, приготовленіи къ борьбѣ, въ порывѣ смѣлости; давить землю—въ презрѣніи; бѣть землю—въ гнѣвѣ; тащится по землѣ—въ низости. Ножныя движенія (походка) весьма выразительно опредѣляютъ занятія, возрастъ и характеръ лица; напр. ноги балетмейстера, танцовщицы, позиціи фехтовальщика, походка кавалериста, ребенка, женщины, старика, солиднаго чело-вѣка и легкомысленнаго фата.

Часть сценическая. Приобрѣтя по возможности полныя теоретическія познанія о фізіологическихъ основахъ мимики, учащійся долженъ подумать о практическомъ примѣненіи ихъ къ сценическому выполненію. Совокупность приемовъ, посредствомъ которыхъ сценическая мимика является вѣрнымъ, правдивымъ и изящнымъ выраженіемъ внутренняго и ви́шняго міра изображаемаго лица, составляетъ то, что мы называемъ искусствомъ сценическаго поведенія. Эти приемы, которые, вслѣдствіе ихъ разнообразія, едва ли можно вполне перечислить, должны опираться съ одной стороны на естественной правдѣ, съ другой согласоваться съ извѣстными требованіями сцены. Трудность согласенія этихъ условій является главною причиною тѣхъ явленій, которыя вообще называются рутинными приѣмами и присутствіе которыхъ въ большей или меньшей степени замѣтно на всѣхъ

театрахъ. Такова напримѣръ привычка у нашихъ ingénues убѣгать, а у любовниковъ быстро уходить за кулисы послѣ произнесенія выразительной тирады тогда, когда правдивый смыслъ сцены вовсе не требуетъ такого быстрого исчезновенія актера. Это дѣлается вслѣдствіе расчета на большій эффектъ, а между тѣмъ часто противорѣчитъ художественной правдѣ дѣйствія. Чтобы избѣжать подобныхъ ошибокъ, необходимо помнить, что одно внѣшнее знаніе физиологическихъ признаковъ и сценическихъ приѣмовъ само по себѣ еще недостаточно для того, чтобы играть хорошо, т. е. правдиво и изящно; нужно выработать въ себѣ умѣнье пользоваться одновременно тѣми и другими. Короче, надобно развить въ себѣ физическую ловкость и артистическій тактъ въ пользованіи мимикой. Прежде нежели будемъ говорить о способахъ къ приобрѣтенію упомянутыхъ нами качествъ, укажемъ на главнѣйшіе недостатки мимической игры, а также на общія правила сценическаго поведенія, до которыхъ дошла современная театральная практика.

Главнѣйшіе недостатки мимической игры начинающихъ суть слѣдующіе: отсутствіе единства и гармоническаго соответствія между словомъ и жестомъ (жестъ иногда у нихъ опаздываетъ, или противорѣчитъ высказываемой мысли), неловкость и неразвязность тѣлодвиженій и жестовъ, напримѣръ неумѣнье ходить, стоять, бѣгать, садиться на сценѣ, держать и двигать руки, угловатость манеръ. Затѣмъ у начинающихъ же (преимущественно у актрисъ) замѣчается часто склонность производить бессознательные жесты и гримасы, каковы напримѣръ: морганіе глазами, облизываніе губъ, маханіе руками, потираніе ихъ, перебираніе и сжиманіе пальцевъ, держаніе рукъ сложенными вдоль пояса, обращеніе къ зрителямъ спиною и т. п. Всѣ подобные недостатки суть слѣдствіе недостаточной выработки сценическихъ манеръ, неадаптированной актрисъ достаточно самоувѣренности и заставляющей ее бояться и конфузиться. Излишняя развязность тѣлодвиженій (размашистость и распушенность манеръ) — качество, приобрѣтаемое по преимуществу на провинціальныхъ сценахъ. Размашистость жестовъ (мимиче-

ская аффектація), соединенная съ криками и завываніями, есть плодъ ложнаго понятія о сценическомъ эффектѣ; распушенность (тривіальность) есть результатъ неосмысленнаго увлеченія играть по натурѣ. Замѣтимъ при этомъ, что такъ называемая естественная игра, которая на практикѣ оказывается весьма часто грубою и безтактною копировкою мелочныхъ подробностей обыденной, прозаической стороны жизни, есть одинъ изъ любимыхъ коньковъ, на которомъ выѣзжаютъ всѣ тѣ, которые думаютъ, что для актера никакой науки не нужно, кромѣ личной наблюдательности и сценической практики. Эта привычка къ распушенности приобрѣтается исключительнымъ упражненіемъ въ разыгрываніи водевилей и пьесъ несерьезныхъ. Особенно надобно остерегаться этой тривіальности манеръ въ роляхъ комическихъ, гдѣ она можетъ уничтожить разумное значеніе комизма придачею ему пошлаго и карикатурнаго оттѣнка. Рисовка на сценѣ, искусственное, видимое стремленіе показать себя зрителю въ наилучшемъ внѣшнемъ видѣ встрѣчается нерѣдко у актеровъ и актрисъ съ пріятною наружностью или хорошо сложенныхъ. Впечатлѣніе, производимое этимъ недостаткомъ, бываетъ часто совершенно противоположно тому, какое желали бы рисующіеся актеры произвести на зрителей; эффектъ бываетъ отрицательнаго свойства. Это происходитъ вслѣдствіе того, что и въ жизни видъ изящнаго, но намѣреннаго, замѣтнаго кокетства при красивой наружности уменьшаетъ въ нашихъ глазахъ значеніе самой красоты; а кокетство неискusstное (жеманство, ломанье) представляетъ зрѣлище непріятное и смѣшное. Необходимо помнить, что наибольшій эффектъ бываетъ всегда тамъ, гдѣ незамѣтно пружинитъ его подготавливающихъ. Одиночество, или эгоизмъ игры — замѣтное желаніе подавить своею игрою другихъ актеровъ, участвующихъ въ пьесѣ, или же, съ другой стороны, безучастное отношеніе къ игрѣ другихъ въ то время, когда самъ не стоитъ на первомъ планѣ. Первый видъ этого недостатка замѣчается иногда у актеровъ занимающихъ первыя роли; второй весьма часто встрѣчается у исполнителей второстепенныхъ ролей. Въ обоихъ случаяхъ это ведетъ къ нарушенію гармонической общности дѣйствія (ensem-

ble). Таковы главнѣйшіе недостатки сценической мимики, которыми мы постараемся противопоставить нѣсколько замѣчаній относительно того, какими качествами должны вообще отличаться манеры актера.

Прежде всего надобно стараться о томъ, чтобы манеры были правдивы, т. е. вѣрны правдѣ физиологической и бытовой; въ послѣднемъ случаѣ мы разумѣемъ тѣ видоизмѣненія и разнообразныя оттѣнки, которые налагаетъ на человѣка извѣстная эпоха и общественныя условія. Эта правдивость должна первенствовать и при вопросѣ о примѣненіи ея къ сценическимъ условіямъ, требующимъ, сравнительно съ дѣйствительной жизнью, большей рѣзкости и цѣльности мимической игры. Но одной естественности жестовъ еще недостаточно; необходимо, чтобы они были въ тоже время изящны, въ художественномъ смыслѣ слова, то есть, они должны быть выработаны. При этомъ надобно обратить вниманіе на слѣдующія стороны. На сценѣ, равно какъ и въ обществѣ, необходима умѣренность въ тѣлодвиженіяхъ; нужны движенія не порывистыя, инстинктивныя, а выдержанныя, сознательныя, какъ выражающія идею господства души надъ тѣломъ. Задача истинной драматической мимики заключается именно въ такомъ сочетаніи характера нравственнаго самообладанія съ порывистыми стремленіями страсти, при которомъ самъ зритель могъ бы, такъ сказать, ясно и отчетливо видѣть картину борьбы, происходящей внутри человѣка. Нарушить это условіе сценическаго приличія рѣзкою и сильною жестикюляціею можно и должно дозволить актеру только въ моментъ крайняго развитія страсти, нуждающейся, такъ сказать, въ чисто животномъ проявленіи. Краснорѣчивымъ примѣромъ въ этомъ случаѣ можетъ служить г-жа Конта, связывавшая при изученіи трагической роли руки г-жи Марсъ ниткою при запрещеніи рвать ее до конца трагической коллизіи. Конечно, подобнаго рода сдержанность жестикюляціи имѣла свое настоящее значеніе въ классической трагедіи; тѣмъ не менѣе и современнымъ артистамъ можно съ успѣхомъ посоветовать, чтобы они при передачѣ драматическихъ моментовъ разумно руководились этимъ прави-

ломъ сценическаго приличія, безъ чего самое выраженіе страсти получаетъ или вычурно-аффектированный, или животный характеръ. Строгая умѣренность жестовъ въ наше время играетъ преимущественную роль въ примѣненіи къ пьесамъ историческимъ. Пьесы бытовыя, жанръ и комическія допускаютъ, по самому характеру содержанія, большую свободу жестикюляціи; но во всякомъ случаѣ художественную умѣренность тѣлодвиженій, пополняемую преобладающимъ значеніемъ личной мимики и голоса, можно признать, вмѣстѣ съ естественностью, основными условіями разумной игры. Въ тѣсной связи съ умѣренностью жестовъ стоитъ искусство нѣмой игры и слушанія чужой рѣчи на сценѣ. На это вообще, (особенно на послѣднее) у насъ обращаютъ мало вниманія, между тѣмъ какъ незнаніе его производитъ непріятное впечатлѣніе, какъ черта, нарушающая полноту и единство дѣйствія. Нѣмая игра, сосредоточивающая весь драматизмъ дѣйствія на лицѣ, есть уже творчество, обусловливаемое подробнымъ, основательнымъ знаніемъ мимики и гримировки. Умѣнье слушать чужую рѣчь есть качество, требуемое общежитіемъ (неумѣніе есть признакъ необразованности); тѣмъ болѣе нужно оно на сценѣ, гдѣ оно является неизбѣжнымъ, необходимымъ продолженіемъ игры. Къ сожалѣнію, весьма часто встрѣчаются примѣры, что актеры, не занятые игрою, т. е. не говорящіе и не дѣйствующіе, а только присутствующіе, и по смыслу пьесы слушающіе, зѣваютъ по сторонамъ, разсматриваютъ зрителей, шепчутся и вообще выказываютъ безучастіе къ тому, что дѣлается на сценѣ, или же выражаютъ свое слушаніе исключительно механическимъ образомъ: кивкомъ, всплескиваніемъ рукъ, шагомъ назадъ, качаніемъ головы, поднесеніемъ пальца ко рту и тому подобными, чисто внѣшними знаками. Сценическое слушаніе должно быть душевно, осмысленно, живо и понятно для зрителя; на лицѣ должны быть выражены извѣстная степень вниманія къ говорящему, а также и впечатлѣніе производимое рѣчью.

Другое немаловажное условіе хорошей мимики есть изящная простота сценическихъ манеръ. Она обнаруживается въ

отсутствіи всякой рисовки, всякаго кокетства въ позахъ и тѣлодвиженіяхъ, въ свободѣ и легкости, съ которыми актеръ придаетъ выразительность тому или другому мимическому движенію. Какъ непріятно бываетъ видѣть ребенка механически отвѣчающаго урокъ, или пѣвца поющаго съ усиленіемъ, точно также, если не болѣе, непріятенъ видъ актера, видимо играющаго заучеными манерами, или выказывающаго стараніе играть хорошо. Простота манеръ приобрѣтается, помимо врожденнаго таланта граціи, развитіемъ физической ловкости и подробнымъ знаніемъ всѣхъ условій сценическаго поведенія.

Мы сказали выше, что для хорошей мимики актеру необходимы физическая ловкость и артистическій тактъ. Средствами для выработки перваго условія являются гимнастика, танцы и фехтованіе. О развивающемъ значеніи этихъ занятій распространяться нечего, такъ какъ это всѣмъ извѣстно изъ житейскаго опыта; для сценическаго артиста эти упражненія имѣютъ характеръ настоятельной потребности. Что же касается до развитія въ учащемся артистическаго такта, то-есть умѣнья пользоваться мимическими знаками, то единственнымъ путемъ въ этомъ случаѣ, помимо природной способности, (художническаго чутья), можно признать практику. Учащійся, прежде нежели приступать къ исполненію цѣлыхъ ролей, долженъ систематически упражнять свою мимику на отдѣльныхъ сценахъ, соответствующихъ различнымъ душевнымъ состояніямъ. Порядокъ въ этихъ упражненіяхъ долженъ быть такой: начинать съ такихъ отрывковъ и сценъ, которыя, по характеру содержанія, обуславливаются тѣлодвиженіями простыми, спокойными, такъ сказать, эпическими и потомъ постепенно переходить къ болѣе трудному роду сложной, смѣшанной мимики, соответствующей болѣе страстнымъ и разнообразнымъ по составу положеніямъ. Должно признать за основное правило: при изученіи жестикуляціи надобно начинать съ торжественныхъ, классическихъ приемовъ, но никакъ не съ характерныхъ (жанра), чтобы не приучить себя къ распущенности и небрежности. Опасеніе, что подобнаго рода упражненія разовьютъ въ ученикѣ неестественную

искусственность манеръ, лишено основанія, потому что на нихъ надобно смотрѣть только какъ на средство, а не какъ на самую цѣль; человекъ, достигшій до умѣнья ловко держать себя во фракѣ, будетъ ловокъ въ сертукѣ и халатѣ, но не наоборотъ. Здѣсь существуетъ аналогія приемовъ съ приемами при обученіи дикціи и хореографіи. Въ несоблюденіи этого правила кроется причина того явленія, что цѣлая масса водевильныхъ актеровъ и актрисъ, весьма бойко разговаривающихъ, не въ состояніи прочесть порядочно драматическую тираду. Тоже самое встрѣчается и въ отношеніи къ мимикѣ. Упомянутыя нами мимическія упражненія должны всегда одновременно сопровождаться словеснымъ выраженіемъ; въ гармоническомъ сочетаніи того и другаго заключается тайна разумной сценической игры, достигнуть которой можно только путемъ научныхъ, теоретическихъ познаній и серьезною, постоянною практикою.

Закончимъ нашу главу о мимикѣ приведеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ замѣчаній, имѣющихъ преимущественное значеніе въ отношеніи такъ называемаго сценическаго общежитія. Наиболѣе слабое мѣсто всѣхъ начинающихъ актеровъ есть неумѣнье справиться съ руками. Надобно при упражненіяхъ достигнуть того, чтобы не думать о ихъ существованіи, чтобы онѣ ложились, складывались, вообще двигались какъ бы сами собой. При развитіи въ себѣ умѣнья владѣть ими необходимо помнить, что округленная линія есть линія красоты въ человѣческомъ тѣлѣ и потому всячески избѣгать рѣзкихъ, угловатыхъ движеній. Поднимать ихъ надобно такъ, чтобы часть руки, идущая отъ плеча къ локтю поднималась прежде, нежели остальная часть. Локти, прижатые къ туловищу въ то время, какъ дѣйствуетъ нижняя часть рукъ, придаютъ всей фигурѣ неловкій, связанный и смѣшной видъ. Особенно надобно остерегаться учащимся, чтобы не приобрѣсть привычки сжимать руки одна другою на груди, или около пояса, также играть часовой цѣпочкою или шейнымъ шнуркомъ, — всѣ подобныя жесты некрасивы, какъ признаки неловкости и сконфуженнаго состоянія. Кисти рукъ никогда не надобно оставлять въ прямолинейномъ положеніи, даже въ со-

стоянии обморока и смерти. Известная степень нарушения округленности их может быть допущена в названных нами случаях, но не должна доходить до прямых линий или угла на том основании, что форму прямой вытянутой линии тѣло принимает не мгновенно в самую минуту смерти, а вмѣстѣ съ постепенным охлажденіемъ. Пальцы отнюдь не должно держать скорченными (видѣ боли), но въ тоже время не вытягивать ихъ совершенно прямо, что придаетъ имъ вообще какой то деревянный оттѣнокъ. Сильное сжатіе пальцевъ допускается только при общемъ мимическомъ выраженіи сильной страсти. Ноги стоящаго актера не должны давить полъ, но стоять легко и свободно, не прижатыми одна къ другой, не въ танцевальной позиціи. Перемѣнять ихъ положеніе надобно осмысленно; особенно неприятно дѣйствуетъ на глазъ привычка переминаясь съ ноги на ногу, что дѣлаютъ иногда актеры, слушая чужую рѣчь. Этотъ жестъ есть внѣшній знакъ скуки и нетерпѣнія, слѣдовательно прямо противорѣчитъ идеѣ вниманія, которую долженъ выражать слушающій. Обыкновенная поза слушающаго: лицо и туловище должны находиться въ полъ оборота къ зрителю.

Характеръ походки обуславливается главнѣйшимъ образомъ смысломъ разыгрываемой сцены, тѣмъ не менѣе и въ этомъ случаѣ можно указать на нѣкоторыя замашки, которыхъ должны избѣгать учащіеся. Походка носками внутрь, въ припрыжку, маленькими шажками, бочкомъ, подаваніе корпуса впередъ на ходу, или черезъ чуръ плавная, плывущая, — все это качества не сценическія, являющіяся большею частію результатомъ привычки, на которую въ свое время не обращали вниманія. Кромѣ того надобно избѣгать крутыхъ оборотовъ и безъ особенной надобности, (напр. уходъ въ глубину сцены), не позволять себѣ обочиваться спиной къ зрителю. При уходѣ со сцены въ дверь надобно стараться уходить такъ, чтобы не тряслись декорации, изображающія стѣны. Въ держаніи головы должна быть полная свобода. У нѣкоторыхъ актрисъ бываетъ склонность держать голову постоянно нѣсколько на бокъ, что придаетъ фигурѣ томно-жеманный видъ, надѣдающій зрителю своимъ однообрази-

емъ. Сценическій поцѣлуй, за исключеніемъ сценъ изъ мѣщанскаго и крестьянскаго быта, гдѣ звучность, чмоканье есть характерная черта любви и расположенія, долженъ быть тихъ и даже беззвученъ. Въ любовныхъ сценахъ актерамъ и актрисамъ надобно стараться цѣловать другъ друга не прямо въ губы, а нѣсколько въ бокъ, потому что видѣ двухъ лицъ, сливающихся губами на прямой линіи, некрасивъ. Что касается до цѣлованія руки на сценѣ, то въ манерѣ цѣловать ее существуютъ три главныхъ пріема: 1) когда она выражаетъ нѣжныя чувства: любовь, благодарность, просьбу о прощеніи, то цѣлующій беретъ руку мягко, едва замѣтно поднимаетъ ее, а самъ нагибается къ ней и цѣлуетъ тихо. 2) Когда цѣлованіе руки выражаетъ уваженіе, почтительность, цѣлующій долженъ брать протянутую къ нему, а не поднятую самимъ руку такимъ образомъ, чтобы своею рукою какъ бы поддерживать ее, и цѣлуетъ совершенно беззвучно, остерегаясь шевелить ее. 3) Когда цѣлованіе руки выражаетъ страсть, порывистое увлеченіе, тогда дозволяется быстро схватывать предназначенную для поцѣлуя руку обѣими руками, но не столько поднимать ее, сколько наклоняться къ ней самому и цѣловать ее не громко, но крѣпко и долго. Затѣмъ замѣтимъ, что руку въ перчаткѣ никогда цѣловать нельзя, а надобно цѣловать кисть руки. При цѣлованіи руки нужно брать всегда ту руку, которая приходится къ сторонѣ цѣлующаго, причемъ правая рука цѣлующаго должна держать лѣвую цѣлуемую, а лѣвая правую. Даваніе пощечины на сценѣ обуславливается ловкостью со стороны получающаго и дающаго. При этомъ обыкновенно соблюдается слѣдующій пріемъ. Одновременно со взмахомъ руки дающаго пощечину, получающій хлопаетъ своими ладонями и стремительно прикладываетъ руку къ щекѣ, предназначенной для удара (знакъ физической боли). X

Обращеніе съ вѣромъ требуетъ отъ актрисы спокойствія и непринужденности манеры держать и обмахиваться. Дурная манера держать его совершенно въ прямомъ или въ отброшенномъ положеніи; надобно держать его между указательнымъ и среднимъ пальцами правой руки въ наклонномъ положеніи. Маханіе вѣ-

ромъ себѣ прямо въ лицо, при чемъ вся рука двигается, образуя у локтя рѣзкій уголъ, есть манера некрасивая, мѣщанская; надобно наблюдать, чтобы верхняя часть руки лежала свободно, локоть былъ немного полусогнутъ около талии, а вѣромъ управляла кисть руки. Кромѣ того не надобно много играть вѣромъ.

Употребленіе трости на сценѣ должно непременно обусловливаться ея назначеніемъ—быть опорой слабости или нездоровья. Не надобно ее подбрасывать на воздухъ, ни размахивать ею, а также часто переключивать изъ одной руки въ другую и закладывать на спину; опуская ее, отнюдь не стучать объ полъ. Стучать тростью можно только при выраженіи нетерпѣнія и то тогда только, когда сцена происходитъ на твердой почвѣ, на полу или на каменной мостовой. Употребленіе хлыстика допускаетъ большую свободу въ манерахъ обращаться съ нимъ, но и здѣсь надобно признать за правило: избѣгать излишества движеній. Со сценическими деньгами надобно обращаться внимательно, чтобы не показывать зрителямъ, что это суть ничего не стояющія бумажки. На этотъ счетъ на многихъ сценахъ существуетъ полная небрежность, прямо противорѣчащая житейской правдѣ. Шляпу надобно стараться ставить на сценѣ, точно также какъ и въ жизни, на такое мѣсто, гдѣ бы она была кстати, не торчала бы на глазахъ, но въ тоже время не прятать ее, суя куда нибудь безъ всякаго вниманія въ уголъ; а уходя со сцены отнюдь не забывать, что вошелъ въ шляпѣ. Паденіе на сценѣ есть своего рода искусство, обусловливаемое ловкостью и здоровымъ смысломъ. Оно бываетъ стремительное (параличъ, испугъ, паденіе отъ пули) и медленное (отъ раны, обморока, слабости). Есть актеры увлекающіеся и падающіе, такъ сказать, зря, не падая бокомъ и въ тоже время не заботясь о нервахъ зрителей; это ошибка. При паденіи должно вообще избѣгать большого стука, (шмяканья объ полъ), чтобы у зрителей отнюдь не явилось на первомъ планѣ опасеніе, что актеръ ушибся. Кромѣ того не надобно падать по вертикальной линіи къ рампѣ, а по горизонтальной, или наклонной, что гораздо красивѣе. Паденіе навзничь, лицомъ къ землѣ также некрасиво. При медленномъ па-

деніи, особенно актрисамъ, падающимъ въ обморокъ, нужна строгая искусная расчетанность; она должна заранѣе, такъ сказать, приготовить себѣ мѣсто для паденія, чтобы не искать его въ самый моментъ обморока взглядами и тѣлодвиженіями. Опушеніе тѣла должно быть граціозно. X

Мы коснулись здѣсь только нѣкоторыхъ главнѣйшихъ приемовъ сценическихъ манеръ, надлежащую полноту которыхъ едва ли можно формулировать строго опредѣленными правилами, она вырабатывается разумною практикою. Многое изъ сказаннаго нами принадлежитъ къ области режиссерской дѣятельности, тѣмъ не менѣе мы считаемъ далеко не лишнимъ для учащихъ предварительное знакомство съ элементарными условіями внѣшней стороны сценическаго поведенія.

УСЛОВІЯ, ОПРЕДѢЛЯЮЩІЯ РАЗЛИЧІЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ОРГАНИЗМА.

Темпераментъ, его фізіологическіе и сценическіе признаки.—Поль, различіе его въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ.—Возрастъ въ фізіологическомъ и сценическомъ отношеніяхъ.

При выработкѣ выразительныхъ движеній актеру необходимо познакомиться хотя въ общихъ чертахъ съ тѣми природными условіями, отъ которыхъ зависитъ различіе формъ человѣческой дѣятельности. Такими условіями являются темпераментъ, поль и возрастъ.

Темпераментъ (сложеніе) означаетъ извѣстныя тѣлесныя расположенія, изъ которыхъ вытекаютъ тѣ или другія страсти и порывы, тотъ или другой характеръ, наклонность къ тѣмъ или другимъ болѣзнямъ. Но говоря вообще, общепринятое дѣленіе темпераментовъ, взятое изъ древнихъ понятій*), въ настоящее

*) По мнѣнію древнихъ тѣло состоитъ изъ элементовъ, различныхъ между собою, но соединенныхъ въ людяхъ такимъ образомъ, что вліяніе одного умѣряется въ извѣстной степени другимъ. Равновѣсіе элементовъ составляетъ совершеннѣйшій организмъ. Недостатки равновѣсія, производимые тѣмъ или другимъ элементомъ, суть темпераменты. Существенные, главнѣйшіе элементы: холодъ и теплота; сухость и влага. Взаимныя ихъ соединенія образуютъ четыре темперамента: теплота со влагою (кровь)—сангвиническій, теплота съ сухостью (желчь)—желчный, холерическій; холодъ и влага (слизь, лимфа)—флегматическій; холодъ и сулость (черная желчь)—меланхолическій.

время съ научной точки зрѣнія не выдерживаетъ критики, какъ непримѣнимое въ своемъ чистомъ видѣ ни къ одному субъекту;— до такой степени разнообразны оттѣнки и смѣшенія между ними. Мы принимаемъ эти опредѣленія темпераментовъ относительно, имѣя въ виду необходимость отличить главнѣйшіе типы организациі. Къ четыремъ извѣстнымъ всѣмъ темпераментамъ мы присоединяемъ еще нервный, какъ результатъ наблюденій, сдѣланныхъ новѣйшею наукою надъ дѣятельностью нервной системы.

1) Сангвиническій темпераментъ (полнокровное сложеніе) отличается быстрою воспримчивостью, но непродолжительною реакціею организма, быстрымъ дыханіемъ и кровообращеніемъ. Обиліе артеріальной крови у подобныхъ субъектовъ обуславливаетъ ихъ способность къ утучненію. Изъ этого источника вытекаютъ ихъ внѣшніе признаки: гибкость органовъ, румянецъ, оживленная фізіономія, часто красота, бѣлый цвѣтъ кожи, свѣтлые волосы, голубые или сѣрые глаза, взглядъ открытый, бойкій, но не глубокій; носъ и ротъ часто имѣютъ чувственное выраженіе, щеки и губы легко принимаютъ черты смѣха. По праву сангвиники отличаются веселостью, насмѣшливостью, легкомысліемъ, забывчивостью, жаждою новыхъ ощущеній, непостоянствомъ, добродушіемъ, откровенностью. Вообще этотъ темпераментъ отличается характеромъ живой выразительности и потому представляетъ много данныхъ для сценической карьеры. Болѣзни сангвиниковъ преимущественно воспалительныя.

2) Холерическій, желчный темпераментъ (сухое сложеніе) обнаруживается въ преобладающемъ вліяніи печени, въ усиленной дѣятельности желчи и пищеварительныхъ органовъ. По наружности холерики худощавы съ сильно развитыми мускулами, у нихъ крѣпкія кости и мясо твердое. Цвѣтъ кожи смуглый и желтый, глаза и волосы темные, взглядъ глубокій, пронзительный. Черты лица рѣзкія, движенія страстныя, порывистыя, но не часто смѣняющія другъ друга. Въ нравственномъ отношеніи этотъ темпераментъ обуславливаетъ сильный и глубокий характеръ. Холерики вообще осторожны, храбры, энергичны, горды и самолюбивы, строги къ самому себѣ, скорѣе важны и

серьезны, чѣмъ веселы. Умъ ихъ способенъ сосредоточиваться на одномъ предметѣ, сужденія ихъ вѣрны и практичны, рѣчь сильная, рѣзкая. Они—люди страсти по преимуществу; изъ нихъ выходятъ благодѣтели и тираны челоуѣчества. У женщинъ этотъ темпераментъ встрѣчается рѣдко; настоящій періодъ развитія—зрѣлый возрастъ. Болѣзни также преимущественно воспалительныя.

3) Нервный темпераментъ имѣетъ источникомъ преобладающую дѣятельность мозга и нервной системы. Онъ рѣдко бываетъ вполне наследственнымъ, но чаще всего приобретаетъ излишнимъ употребленіемъ горячительныхъ напитковъ, сидячею жизнію, праздною и роскошью, лажнымъ идеальнымъ направлениемъ воспитанія, а также печальными потрясеніями. Признаки ихъ: кожа блѣлая, тѣло худоцавое съ мало развитыми мускулами; мимика лица подвижная и весьма выразительная, глаза свѣтлыя, волосы шатиновые. Характеръ нервныхъ можно сравнить съ дѣйствіемъ электричества. Они не любятъ противорѣчій, преувеличиваютъ свои и чужія страданія, склонны къ самоубійству. Гнѣвъ ихъ—ярость, ненависть короткая, но разрушительная, любовь быстрая, часто смѣняющаяся ненавистью, ревность доходитъ до безумія. По натурѣ они не злы и не жестоки, но часто кажутся такими. Память посредственная, воображеніе сильное, умъ живой и проницательный, но мало способный къ сосредоточенной, усидчивой дѣятельности. Они по преимуществу музыканты, сатирики, фантазеры, непрактичные люди. Въ жизни вообще несчастливы, потому что постоянно находятся въ зависимости отъ мелочей житейской обстановки. Этотъ темпераментъ весьма часто встрѣчается у дамъ образованнаго, свѣтскаго круга.

4) Флегматическій, лимфатическій темпераментъ происходитъ отъ преобладанія въ организмѣ слизистыхъ, водянистыхъ жидкостей, вслѣдствіе чего кровь мало возбуждаетъ нервную систему и воспріятія впечатлѣній, равно какъ и проявленія ихъ совершаются вяло. Внешніе признаки флегматиковъ: вялость, одутловатость, мнимая тучность, матовая блѣлизна тѣла, тонкая слабая кожа, свѣтлый цвѣтъ волосъ и глазъ, медленные, лѣни-

вые движенія. Лица ихъ вообще добрыя, но безъ всякаго сильнаго, рельефнаго выраженія. Они вообще обнаруживаютъ мало способности къ творчеству, но исправны въ механической работѣ; не имѣютъ задатковъ къ проявленію сильныхъ страстей, на всей ихъ дѣятельности лежитъ отпечатокъ односторонней, житейской разсудочности. Они по преимуществу люди рутины. Отличительныя качества ихъ нрава: терпѣливость, доброта, снисходительность, постоянство, вслѣдствіе боязни переменъ, спокойствіе, доходящее иногда до апатіи, любовь къ авторитетамъ, самоувѣренная близорукость взгляда. Болѣзни этого темперамента по преимуществу холодныя: лихорадки, водянки и т. п. Въ сценическомъ отношеніи этому темпераменту свойственны комическія положенія; но изучить его мимику труднѣе, чѣмъ мимику другихъ темпераментовъ, потому что флегматизмъ, кромѣ общей слабости и бѣдности рельефныхъ чертъ, часто совершенно противорѣчитъ тому порядку, въ которомъ обыкновенно проявляются дѣйствія страсти.

4) Меланхолическій темпераментъ есть ничто иное, какъ болѣзненное измѣненіе холерическаго (желчно-нервное сложеніе). Онъ происходитъ отъ преимущественнаго сосредоточенія жизненныхъ началъ въ желудочныхъ органахъ, отличается вообще медленною воспримчивостью, но сильною и продолжительною реакціею. По наружности меланхолики блѣдны, худоцавы, имѣютъ темный цвѣтъ волосъ и глазъ, движенія медленные, вялыя, общій видъ угнетеннаго состоянія. Сильное потрясеніе обнаруживается у нихъ какъ бы лихорадочнымъ проявленіемъ энергіи, что продолжается впрочемъ не долго. По нраву они склонны къ задумчивости, осторожны, терпѣливы, трудолюбивы, точны, строги и взыскательны къ другимъ, не скоро увлекаются страстями, но разъ увлекшись, сохраняютъ ихъ долго, тая ихъ глубоко въ душѣ; долго помнятъ и дурное и хорошее; вообще подозрительны, недовѣрчивы, ревнивы, скупы, чуждаются общества. Дѣятельность ихъ по преимуществу внутренняя (созерцательная), на всѣхъ ихъ поступкахъ лежитъ отпечатокъ серьезности. Болѣзни меланхоликовъ—желудочныя и разстройство печени. Въ

сценическомъ отношеніи этому темпераменту, наравнѣ съ холерическимъ, свойственны трагическія положенія.

Всѣ названные нами темпераменты, какъ сказано выше, въ чистомъ видѣ почти никогда не встрѣчаются; вообще они являются при значительномъ посредствѣ нервной системы въ весьма разнообразномъ, смѣшанномъ видѣ. Участіе этого мало знакомаго древнимъ начала въ видоизмѣненіи свойствъ нашего организма бываетъ часто такъ велико, что его вліяніе какъ бы совершенно заглушаетъ признаки, отличающіе извѣстныя раздѣленія темпераментовъ, и составляетъ какъ бы особый типъ организаціи, который мы и назвали нервнымъ.

Полъ. Не вдаваясь въ подробности, мы постараемся здѣсь намѣтить въ общихъ чертахъ, имѣя въ виду нашу специальную цѣль—сценическое выраженіе, тѣ особенности, которыя составляютъ въ физиологическомъ отношеніи характерное различіе организма обоихъ половъ. Настоящее различіе мужчины и женщины состоитъ не въ бѣльшей или меньшей степени развитія, и не въ большемъ или меньшемъ количествѣ силы, а въ коренныхъ особенностяхъ двухъ противоположныхъ и соответствующихъ типовъ, которые имѣютъ каждый свои отдѣльныя свойства, зависящія отъ организаціи. Какъ различіе, такъ и сходство этихъ типовъ состоятъ въ соответствіи. Дѣти обоихъ половъ въ первомъ возрастѣ развиваются одинаково, но лѣтъ съ семи дѣвушка формируется гораздо быстрѣе мужчины, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Въ физическомъ отношеніи мужчина и женщина различаются не только большею или меньшею силой и нѣжностью; ростъ, объемъ и пропорціи тѣла существенно различны. Всѣ кости женскаго скелета, сравнительно меньше, тоньше и легче. У мужчины шея короче, грудь и плечи шире, ноги длиннѣе; у женщины голова меньше, шея тоньше, туловище длиннѣе, ноги короче. У женщины преобладаетъ округленная линія мягкихъ формъ, происходящая отъ того, что ея мускулы спрятаны подъ жирной клѣтчатой плевою, отсюда ловкость, плавность, граціозность ея движеній. Такъ какъ у женщины голова меньше, то и лицо короче, и притомъ, круглѣе.

Личные мускулы мягки и подвижны, но недолго сохраняютъ слѣды впечатлѣній; отсюда ея преимущественная способность притворяться и въ тоже время малая способность къ сохраненію на лицѣ типическихъ чертъ фізіономіи. Нервы у женщины тоньше, гораздо воспримчивѣе и подвижнѣе мужскихъ: отсюда быстрота дѣйствій и неспособность къ продолжительному, однообразному напряженію. Тоже самое можно замѣтить и объ отправленіяхъ мозга, всѣхъ котораго на $\frac{1}{12}$ меньше мужскаго. Мужской мозгъ вѣситъ 3 фунта, женскій 2 ф. 24 л. кромѣ того, мозговая масса у женщинъ сравнительно жиже. Всѣ кровеносные и лимфатическіе сосуды у женщины мягче и растяжимѣе, равно какъ сердце; легкія меньше, но подвижнѣе, т. е. требуютъ болѣе короткаго, но частаго дыханія. Горло уже, стѣнки его тоньше и гибче, —отсюда нѣжный и звонкій голосъ. Кожа женщины тоньше и прозрачнѣе, оттого женское осязаніе весьма тонко. Пищевареніе у женщины совершается медленнѣе, чѣмъ у мужчины; она вообще ѣстъ меньше, но чаще, при чемъ предпочитаетъ всегда легкую пищу тяжелой. Изъ сдѣланной нами параллели обоихъ половъ въ физическомъ отношеніи можно вывести, что на сторону женщины нужно отнести тонкую чувствительность и подвижность, на сторону мужчины физическую силу и способность къ напряженію; въ первой преобладаютъ быстрота, легкость, нѣжность, грація; во второмъ энергія, рѣшительность, настойчивость. Относительно умственной и нравственной дѣятельности замѣтимъ одно: нельзя опредѣлять различія этой дѣятельности ни количествомъ, ни силой умственныхъ способностей; весь вопросъ сводится здѣсь къ своеобразности характера и формъ проявленія внутренней жизни. Большая умственная дѣятельность и сильныя страсти вообще одинаково доступны мужчинѣ и женщинѣ; замѣчаемое же различіе въ проявленіяхъ того и другаго у обоихъ половъ есть прежде всего результатъ тѣхъ физическихъ особенностей, на которыя мы указали выше, во-вторыхъ есть плодъ исторически-сложившагося, но не совсѣмъ вѣрнаго взгляда на женщину, поставившаго себѣ главною мѣркою относительнаго значенія обоихъ половъ по преимуществу одну физическую силу. Относительно пола въ сцени-

ческомъ отношеніи, замѣтимъ, что красота лица и фигуры (за исключеніемъ ампула комическихъ старухъ) есть качество обязательное для женщинъ гораздо болѣе, чѣмъ для мужчинъ. Недостатокъ красоты можетъ быть пополненъ умною гримировкою и граціею манеръ, но безобразіе и уродство суть качества положительно не сценическія для обоихъ половъ.

Возрасты суть различныя эпохи, фазисы, проходимыя человекомъ отъ рожденія до смерти, сопровождающіеся различными видоизмѣненіями его организма. На сценѣ господствующіе возрасты суть: молодость, зрѣлость, старость. Дѣтство и отрочество являются на сценѣ только какъ третъстепенныя роли, или какъ аксессуарная принадлежность. Для выраженія этого возраста требуется одна только правда, натура; замѣтная, искусственная дрессировка ребенка (учить его надлежащимъ образомъ рано) производит не удовольствіе въ зрителяхъ, а скорѣе чувство сожалѣнія, производимое на насъ дѣтми уличныхъ акробатовъ.

Молодость—въ умѣренномъ климатѣ у дѣвиць отъ 14 до 20 лѣтъ, у женщинъ до 26; у мужчинъ отъ 16 до 30; періодъ постепеннаго развитія и достиженія полной жизни организма. Характеристическія черты молодости: быстрое кровообращеніе, исправность всѣхъ физическихъ отправленій, энергія и живость впечатлѣній, воображеніе преобладаетъ надъ разсудкомъ. Округлость формъ, живость лица, взоръ блеститъ, на щекахъ румянецъ, на губахъ улыбка, движенія быстры и порывисты. Аффекты и страсти свойственныя этому возрасту: надежда, радость, храбрость, любовь, дружба, состраданіе, любопытство, непостоянство, самоувѣренность. Проявленіе всѣхъ чувствъ стремительное, но скоропреходящее.

Зрѣлый возрастъ—до 40 лѣтъ у женщинъ, до 60 у мужчинъ—состояніе полного развитія физическихъ и умственныхъ силъ. Общія характерныя черты здѣсь: остановка роста, приобрѣтеніе тучности, опредѣленное образованіе характера. Въ зрѣломъ возрастѣ можно отмѣтить два періода: мужественный, возмужалый возрастъ и пожилой. Первый до 36 у женщинъ, до 50 у мужчинъ. Въ этотъ періодъ тѣло теряетъ юношескую гибкость,

начинается развитіе организма въ ширину и толщину, окрѣпленіе мускуловъ. Кровообращеніе средней быстроты и силы, всѣ отправленія медленнѣе и регулярнѣе; чувствованія не столько живы, сколько продолжительны, обнаруживается преобладаніе разсудка и разума, приобрѣтается способность владѣть собою и въ то же время полное развитіе глубокихъ страстей. Въ пожиломъ возрастѣ остановка внѣшняго организма становится еще замѣтнѣе: тѣло уже утратило свою гибкость и мужественную силу; въ нравственномъ отношеніи состояніе спокойствія, увѣренность въ своихъ убѣжденіяхъ, обдуманность дѣйствій. На головѣ показывается сѣдина, на лбу морщины, глаза потеряли свой блескъ, лицо нѣсколько обрюзгло; въ чертахъ лица выраженіе важности и спокойствія, медленность рѣчи, твердость и ровность голоса, наклонность къ дидактизму. Преобладающія страсти зрѣлаго возраста: эгоизмъ, честолюбіе, скрытность, хитрость, лицемеріе, сластолюбіе, пьянство, гордость, мстительность.

Старость имѣетъ два періода: старчество до 70 лѣтъ и престарѣлость, дряхлость до смерти. Общій характерный признакъ—ослабленіе дѣятельности организма. Медленное кровообращеніе и дыханіе, уменьшеніе аппетита, слабость мышцъ. Волосы сѣдые, слабость всѣхъ внѣшнихъ чувствъ, постоянное ощущеніе холода, походка шатающаяся, станъ наклоненный впередъ. Умственныя способности слабѣютъ; долѣе другихъ держится разсудочная дѣятельность (старческая мудрость), эгоизмъ развивается весьма сильно. Въ дряхлости сѣдые волосы желтѣютъ и падаютъ, голова невольно наклоняется впередъ, глаза впадаютъ, морщинистое лицо худѣетъ, удлинняется, беззубыя десны твердѣютъ, кожа сухая, желтая, жесткая, члены сухи и мало подвижны. Въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ замѣчается поворотъ къ состоянію дѣтства. Страсти, господствующія въ старости: подозрительность, недовѣрчивость, сварливость, скука, скупость, суевѣріе, ханжество, страхъ смерти.

✕ Примѣчаніе. Многіе изъ актеровъ, играя стариковъ, дѣлаютъ слѣдующія ошибки: они или тянутъ рѣчь или прибѣгаютъ къ скороговоркѣ. Относительная медлен-

ность и быстрота рѣчи зависятъ не столько отъ возраста, сколько отъ темперамента и характера. Вообще рѣчь старика должна быть медленнѣе рѣчи молодаго человѣка; но извѣстную норму здѣсь установить нельзя; точно также какъ и быстрота и живость старческой рѣчи опредѣляется извѣстною степенью возбужденнаго состоянія организма, а не мертвымъ правиломъ театральной рутины. Тоже самое можно сказать и о походкѣ.

ТЕОРІЯ СЦЕНИЧЕСКАГО ВЫРАЖЕНІЯ ОЩУЩЕНІЙ.

Понятіе о процессѣ жизни.—Изученіе предмета внѣшними чувствами.—Вниманіе.—Двѣ его главнѣйшія формы: смотрѣніе и слушаніе.—Виды вниманія: любопытство, любознательность, невниманіе, разсѣянность.—Удивленіе.—Органическія ощущенія: холодъ и теплота, голодъ и жажда, боль физическая.

Ни матерьялизмъ, ни спиритуализмъ не дали до сихъ поръ дѣйствительнаго описанія того, что происходитъ въ нашей душѣ и вопросъ о томъ, что такое душа, есть тайна, едва ли когда нибудь доступная для абсолютнаго разрѣшенія. Потому, не вдаваясь въ гипотетическіе философскіе лабиринты, которыми закрыто до сихъ поръ царство нашего духа, остановимся на слѣдующемъ предположеніи, которое по своей простотѣ наиболѣе подходитъ къ нашей специальной задачѣ—пояснить душу въ ея сценическомъ выраженіи.

Жизнь есть одновременная совокупная дѣятельность тѣла и духа. Между дѣятельностью тѣла и духа существуетъ такое же единство, какое существуетъ между органомъ и его отправленіемъ. Гдѣ находится точка соприкосновенія и какъ совершается процессъ ассимилированія матеріи и духа, мы не знаемъ, но въ физиологій уже дознано, что хотя психическая дѣятельность въ обширномъ смыслѣ и связана со всею нервной системою; но что представленія и стремленія происходятъ только въ головномъ

мозгъ. Отсюда можно разсматривать душу, какъ общую сумму всѣхъ состояній мозга.

Предполагая въ учащихся знакомство съ элементарными понятіями о механизмѣ человѣческаго тѣла (для незнающихъ помѣщаемъ краткія замѣтки *), постараемся опредѣлить процессъ, которому слѣдуетъ наша психическая дѣятельность въ ея соприкосновеніи съ тѣломъ.

Впечатлѣнія внѣшняго міра на нашъ организмъ называются ощущеніями. Ощущенія эти внѣшнія (пять чувствъ) и внутреннія (органическія), выражающія общее состояніе тѣла. Оба вида этихъ ощущеній, посредствомъ нервовъ отражаясь въ мозгу, образуютъ извѣстные представленія (понятія) о предметахъ, которыя, путемъ извѣстныхъ взаимныхъ сочетаній, составляютъ то, что вообще называется мыслью. Извѣстные представленія ощущеній приводятъ нашъ организмъ въ извѣстные возбужденныя состоянія, которыя называются аффектами, порывами, чувствами. Изъ взаимнаго, внутренняго сочетанія мысли и аффектовъ возникаетъ въ организмѣ побужденіе выразить свое внутреннее состоя-

*) Мозгъ (мягкая, киселеобразная масса бѣлаго, сѣраго и сѣровато-краснаго цвѣта, заключенная въ полостяхъ черепа и позвоночнаго столба). Головной мозгъ состоитъ изъ трехъ частей: большой въ передней и верхней части головы; малый въ задней части и продолговатый, служащій какъ бы соединеніемъ большого и малаго со спиннымъ мозгомъ. Въ физиологіи доказано, что большой мозгъ есть мѣсто умственныхъ отправленій; малый — факторъ побужденій, желаній, произвольныхъ движеній; продолговатый—центральный пунктъ нервной системы, источникъ всѣхъ произвольныхъ движеній.

Нервы суть тонкія нити, распространенныя по всему нашему тѣлу, посредствомъ которыхъ всѣ внѣшнія предметы (ощущенія) приводятся въ соприкосновеніе съ мозгомъ. Общая масса этихъ нитей составляетъ такъ называемую нервную систему, имѣющую своимъ центромъ продолговатый мозгъ. Нервы раздѣляются на нервы чувствованія и движенія. Всѣ нервы одарены извѣстною силою (нервность, нервное начало) сходною съ электричествомъ, посредствомъ которой путемъ дрожанія, волнообразнымъ круговымъ движеніемъ, впечатлѣнія внѣшняго міра передаются мозгу и обратно.

Рычаги въ общемъ механизмѣ нашего тѣла суть кости, опутанные болѣе или менѣе твердыми тѣлесными связями, мускулами, которыя и приводятъ кости въ движеніе. Самое движеніе мускуловъ находится въ прямой зависимости отъ двигательныхъ нервовъ.

ніе извѣстнымъ дѣйствіемъ, это есть желаніе, воля, страсть. Въ этомъ жизненномъ процессѣ мозгъ играетъ роль регулятора всѣхъ ощущеній животнаго и нравственнаго характеровъ, приводящаго всѣ составныя части нашего организма въ то гармоническое единство, которое называется жизнью. Потому самому общепринятое дѣленіе жизни на духовную и матерьяльную, равнымъ образомъ раздѣленіе духа на три способности: умъ, чувство и волю, можно принимать только условно и относительно; въ живомъ организмѣ всѣ эти явленія неразрывно и тѣсно связаны между собою и одно неизбежно обуславливаетъ другое. И только, смотря съ этой точки зрѣнія, наблюденія надъ явленіями внѣшняго и внутренняго міра человѣка могутъ привести насъ къ правильнымъ выводамъ и вѣрнымъ заключеніямъ.

Разсмотримъ главнѣйшіе виды ощущеній наиболѣе подходящія къ главной нашей цѣли—показанію связи между дѣйствіями нашего духа и его внѣшнимъ выраженіемъ.

Внѣшнія ощущенія. Область внѣшнихъ ощущеній имѣетъ свой опредѣленный кругъ дѣятельности, измѣряемый органами внѣшнихъ чувствъ. Болѣе или менѣе сильное напряженіе этихъ органовъ, возникающее вслѣдствіе извѣстнаго раздраженія ихъ впечатлѣніями внѣшняго міра, есть вниманіе, посредствомъ котораго всѣ впечатлѣнія доходятъ до нашего сознанія. Степени этого напряженія зависятъ отъ болѣе или менѣе силы впечатлѣнія, произведеннаго предметомъ на тотъ или другой органъ. Изъ всѣхъ внѣшнихъ чувствъ наиболѣе важны по значенію своей дѣятельности зрѣніе и слухъ.

Дѣятельность зрѣнія обнаруживается въ слѣдующихъ видахъ: Смотрѣніе, наблюденіе — простое, нормальное направленіе органа зрѣнія съ извѣстною остановкою на наблюдаемомъ предметѣ. Глаза совершенно открыты, отчего на лбу образуются по срединѣ легкія складки. Всматриваніе—усиленное наблюденіе, обуславливаетъ какое нибудь внѣшнее препятствіе для наблюденія (отдаленность предмета, неясность его, недостатокъ свѣта и т. п.). Глаза нѣсколько прищурены съ цѣлью сосредоточить взглядъ въ одномъ извѣстномъ направленіи, голова нѣсколько

наклонена впередь. Осматриваніе, высматриваніе и разсматриваніе—изученіе глазомъ внѣшнихъ сторонъ и стремленіе угадать взоромъ внутреннія свойства предмета. Признаки тѣже, что при наблюденіи, только тѣснѣе соединены съ движеніями головы и тѣла. Взглядъ сверху внизъ (измѣреніе высоты предмета глазами); наклоненіе головы на право и на лѣво (оглядываніе); обходъ около предмета, взятіе его въ руки и повертываніе, (здѣсь уже присоединяется инстинктивное побужденіе помочь себѣ осязаніемъ). Подсматриваніе есть наблюденіе съ цѣлью скрыть самага себя отъ наблюденія. Здѣсь сосредоточиваются всѣ виды вниманія съ тою особенностью, что они часто маскируются притворною разсѣянностью; взглядъ то устремляется въ извѣстномъ направленіи, то блуждаетъ по сторонамъ, дыханіе тихо, станъ полусогнутъ, походка медленная, на цыпочкахъ.

Дѣятельность органа слуха представляетъ слѣдующіе виды: слушаніе—нормальное его состояніе, первая степень вниманія: ротъ полураскрытъ, черты лица неподвижны, голова въ полъ-оборота къ тому мѣсту откуда происходитъ звукъ. Прислушиваніе и вслушиваніе—болѣе усиленная степень вниманія; здѣсь обнаруживается стремленіе уловить и уяснить себѣ звуки. Голова наклонена и ухо направлено къ мѣсту происхожденія звука, нѣсколько согнутый станъ, взоръ не играетъ никакой роли, рука приставлена къ уху, или поднята съ требованіемъ тишины отъ окружающихъ. Подслушиваніе—слушаніе съ цѣлью скрыть его. Признаки тѣже, что и въ прислушиваніи, только сопровождаются тихими, осторожными приемами.

Примѣчаніе. Сфера дѣятельности остальныхъ органовъ вкуса, обонянія, осязанія (отвѣдываніе, нюханіе, щупанье) на сценѣ болѣе ограничена и выражается всѣмъ извѣстными общими признаками. О результатахъ этой дѣятельности удовольствіи и отвращеніи см. главы: «сластолюбіе» и «ненависть».

Разобравъ такимъ образомъ частные признаки смотрѣнія и слушанія, посмотримъ на общее выраженіе усиленнаго вниманія. Общій характерный признакъ, свойственный всѣмъ животнымъ,

есть приподнятая голова (иногда все тѣло), приподнятые, настороженные уши, глаза устремленные впередь. У человѣка при этомъ брови сдвинуты, ноздри расширены, ротъ полуоткрытъ, черты лица неподвижны, тѣло спокойно. Сильнѣйшая степень вниманія обнаруживается въ сжатыхъ губахъ (стремленіе задержать дыханіе) частомъ миганіи (стремленіе придать глазу большую силу и ясность), поднятіи бровей и иногда прищуренныхъ глазахъ. Видоизмѣненіе этихъ чертъ вниманія зависитъ отъ различныхъ душевныхъ состояній, въ которыхъ находится человѣкъ. Вниманіе, обратившееся въ привычку и направленное къ постиженію чего нибудь важнаго, достойнаго вниманія, называется любознательностью; направленное же безразлично ко всему окружающему есть любопытство. Характерныя черты любопытства слѣдующія: быстрый, блестящій, бѣгающій взоръ, скорая рѣчь, поднятые брови и складки на лбу, живость жестовъ и положеній.

Невниманіе есть явленіе противоположное вниманію. Физиономія невниманія: блуждающій взглядъ, холодное выраженіе лица, иногда съ дерзкимъ оттѣнкомъ, тѣло неспокойно. Результатами продолжительнаго невниманія являются скука и нетерпѣніе. Скука въ сильномъ своемъ развитіи однородна съ печалью (тоска) и ненавистью (одинъ изъ ея оттѣнковъ); нетерпѣніе однородно съ гнѣвомъ (досада). Скука имѣетъ характеръ пассивный, нетерпѣніе—активный. Въ скукѣ черты лица опускаются, взглядъ мутный, движенія вялыя, медленныя, машинальныя. Характерныя черты: зѣвота и позывъ ко сну. Послѣдняя степень скуки—апатія, безучастіе, равнодушіе ко всему, отличается характеромъ мертвенности во взглядѣ и движеніяхъ. О скукѣ подробнѣе см. главу «Ненависть». Въ нетерпѣніи—лихорадочная подвижность; человѣкъ не стоитъ на мѣстѣ, топаетъ ногой, потираетъ руки, пожимаетъ плечами, всѣ черты лица въ безпорядочномъ движеніи, похожемъ на легкія судороги. Невниманіе, обратившееся въ привычку и обнаруживающееся въ неспособности, неумѣнни на чемъ долго остановиться называется разсѣянностью. Признаки разсѣянности: постоянно блуждающій взоръ и откры-

тый ротъ, движенія отличаются неопредѣленностью и безтолковостью; отвѣты не въ попадъ, хватаніе не того, что нужно, безсознательная походка.

Вниманіе, въ особенности возбужденное внезапно и сильно, переходитъ постепенно въ удивленіе, затѣмъ въ изумленіе и наконецъ въ остолебненіе. Последнее состояніе граничитъ близко съ ужасомъ. Характерныя черты удивленія: широкое раскрытіе глазъ подъ вліяніемъ сильно приподнятыхъ бровей, причемъ образуются на лбу складки и соответственное тому открытіе рта. Степени этого мимическаго движенія соответвуютъ различнымъ степенямъ удивленія. Причина сильнаго раскрытія (выпучиванія) глазъ при изумленіи заключается въ естественномъ побужденіи увеличить скорѣе свое поле зрѣнія, чтобы рассмотреть новый предметъ насъ поразившій неожиданно. Причина раскрытія рта заключается не въ стремленіи лучше слышать (прислушивающіеся люди рта не раскрываютъ); скорѣе можно ее объяснить такимъ образомъ. Изумившись, мы приводимъ непроизвольно почти всѣ мышцы нашего тѣла въ сильную дѣятельность (идея обереженія себя отъ могущей быть опасности со стороны новаго, неизвѣстнаго предмета). Всякое приготовленіе къ усилю сопровождается полнымъ вдыханіемъ, для чего раскрываемъ ротъ. Если изумленіе долго продолжается, то вслѣдъ за возбужденіемъ нашихъ мышцъ слѣдуетъ періодъ ихъ расслабленія и нижняя челюсть, открывшаяся первоначально, остается незакрытою. Замѣтимъ еще, что при слабомъ удивленіи слегка выпячиваются губы впередъ, причемъ издается протяжный звукъ: о! а въ степеняхъ еще слабѣйшихъ шипящіе или свистящіе звуки. Изъ жестовъ, выражающихъ изумленіе, самымъ характернымъ можно считать поднятіе открытыхъ рукъ на равнѣ съ головой или надъ нею, причемъ ладони обращены къ предмету, вызвавшему изумленіе, а пальцы разставлены. Приложеніе руки ко рту, или къ головѣ есть также жестъ удивленія.

Ощущенія внутреннія. Холодъ и теплота. Не входя въ фізіологическія подробности объ источникахъ теплоты въ животномъ организмѣ, ограничимся напоминаніемъ общаго закона:

отъ теплоты тѣла расширяются, отъ холода сжимаются. Отсюда общій видъ озябшаго человѣка представляетъ сокращенную, съежившуюся фигуру и, на-оборотъ, человѣкъ, которому жарко, требуетъ большаго пространства для своего помѣщенія, члены его раскинуты. Для примѣра укажемъ на видъ сна въ теплой и холодной комнатѣ. Болѣе частные признаки холода и теплоты слѣдующіе: холодъ сначала возбуждаетъ бодрость и энергію въ организмѣ; стужа, нарушая нормальность кровообращенія, и привлекая кровь къ поверхности тѣла, производитъ красноту и побуждаетъ къ различнаго рода движеніямъ съ цѣлью возстановить норму температуры; отсюда потираніе, похлопываніе руками, топаніе ногами на одномъ мѣстѣ, бѣганіе, треніе членовъ. Болѣе сильная степень холода обнаруживается въ постепенномъ расслабленіи организма: кровь отступаетъ отъ поверхности, работаетъ медленно; отъ чего тѣло бѣлѣетъ, члены дрожатъ, вслѣдствіе ослабленія мышцъ, является позывъ ко сну. Звуки, издаваемые озябшими людьми брр... суть звуковые изображенія дрожанія членовъ.

Теплота, возвышая температуру нашего тѣла, значительнымъ образомъ ускоряетъ внутреннюю работу организма, что производитъ вообще пріятное ощущеніе. Но дѣйствіе жара, въ значительной степени содѣйствуя усиленію и ускоренію выдѣленій (потеря органической силы), производитъ непріятное чувство расслабленія. Сквозь раскрытыя поры кожи выступаетъ потъ, является жажда и желаніе воздуха (люди машутъ на себя платкомъ, вѣеромъ, руками, издають прерывистые, глубокіе вздохи, сопровождающіеся иногда звуками: уф! фу!... (идея усталости); человѣкъ или сидитъ, или полулежитъ, раскинувшись (раскисаетъ).

Голодь и жажда. Первая причина голода—разрушеніе тканей желудка отъ недостатка питанія; причина жажды—недостатокъ влаги для пополненія постоянныхъ выдѣленій организма. По характеру своему эти ощущенія суть сильнѣйшіе инстинкты, почти исключительно обусловливающіе собою наиболѣе благодѣтельныя и бѣдственныя явленія въ жизни человѣчества. Голодь—основатель цивилизаціи и общественнаго труда; онъ же пробуди-

тель въ человѣкѣ животныхъ, звѣрскихъ инстинктовъ и руководитель преступленій. Въ проявленіяхъ голода два періода: начало голода, аппетитъ и продолжительный голодь. Первое состояніе, испытанное каждымъ изъ насъ, есть довольно пріятное ощущеніе; второе крайне мучительное. Аппетитъ обнаруживается легкимъ раздраженіемъ, какъ бы щекотаніемъ желудка, которое въ психической жизни отражается въ усиленной работѣ воображенія, рисующей намъ пріятную картину способовъ, будущаго удовлетворенія. Облизываніе и поцелкиваніе языкомъ—характерный признакъ этого состоянія. Это продолжается впрочемъ недолго; продолжительный аппетитъ производитъ въ ослабленномъ желудкѣ неловкое ощущеніе: въ немъ начинаются какъ бы судорожныя подергиванія, ротъ невольно открывается, человѣкъ какъ будто тошнить: работа воображенія теряетъ свою силу. Затѣмъ, въ случаѣ неудовлетворенія, наступаютъ страданія голода. Въ желудкѣ чувствуется острая боль; онъ какъ бы разрывается на части, обнаруживается чувство холода, головная боль, лихорадочное состояніе, забывчивость, переходящая въ бредъ и въ тоже время страданіе безсонницы. Все существо человѣка наполняется тогда исключительнымъ желаніемъ ѣды, передъ которымъ умолкаютъ всѣ остальные инстинкты, не исключая даже материнской привязанности. Внѣшніе признаки сильно голоднаго человѣка: крайняя худоба, не похожая на обыкновенную худощавость, но прямо обнаруживающая истощеніе. Лицо вяло-блѣднаго цвѣта, ввалившіяся щеки, особенный лихорадочный блескъ глазъ, въ которыхъ какъ будто сосредоточилась вся жизненность, зрачекъ расширенъ, взоръ неподвиженъ, напряженъ и не прерывается миганіемъ. Всѣ движенія тѣла тяжелы и медленны, руки дрожать; голосъ слабъ; разсудокъ словно потерянъ. Всѣ голодные страдаютъ безсонницей. Жажда весьма близка къ голоду, только съ тою разницею, что она гораздо мучительнѣе. Ощущеніе жажды, какъ бы ни было слабо, всегда непріятно—характерное различіе отъ ощущенія аппетита. Дѣйствія жажды обнаруживаются сначала сухостью рта, нѣба и горла. Выдѣленія становятся скудными, образуется во рту густая слизь,

языкъ прилипаетъ къ нѣбу, голосъ становится хриплымъ. Потомъ глаза какъ бы загораются, дыханіе становится труднымъ, ощущается лихорадочное возбужденіе, часто переходящее въ бредъ, сонъ безпокоенъ и сопровождается грезами. (Муки Тантала). Голодь убиваетъ, производя гнилую горячку, жажда—воспалительную.

Чувство боли. Боль, въ физическомъ смыслѣ слова, есть непосредственный, непріятный для ощущенія результатъ какого нибудь дѣйствія, вредящаго нашему организму. Источникъ ощущенія боли заключается въ инстинктѣ самосохраненія; она есть какъ бы природное предостереженіе, напоминающее человѣку о томъ, чего онъ долженъ избѣгать. Физиологическій процессъ этого ощущенія заключается въ слѣдующемъ: боль въ первый моментъ своего появленія немедленно устремляетъ всѣ живительные токи внутрь организма (идея удалиться отъ зла, сосредоточиться) и затѣмъ немедленно воспроизводитъ въ нашемъ организмѣ реакцію въ силу энергіи, заключающейся въ сосредоточенныхъ силахъ. Отсюда общее напряженіе мускуловъ есть отличительная черта боли физической (идея противодѣйствія, самозащиты) въ противоположность боли нравственной, гдѣ отличительною чертою является расслабленіе. Исключеніе составляетъ ощущеніе слишкомъ большой и внезапной боли, убивающей способность противодѣйствія и производящей онѣменіе въ организмѣ. Замѣтимъ еще, что изъ двухъ болей, дѣйствующихъ одновременно, сильнѣйшая убиваетъ слабѣйшую. На этомъ основаніи становится понятнымъ, почему люди во время голода грызутъ собственные руки и подвергнутые физическому наказанію кусаютъ иногда губы до крови.

Сценическіе признаки. Наиболѣе характерными общими признаками физического страданія, исключая его крайней степени, можно считать крики и плачь. Впрочемъ привычка здѣсь играетъ большую роль; можно приучить себя къ плачу (восточныя плакальщицы) и наоборотъ приучить себя сдерживать слезы, (срав. дѣтей и взрослыхъ). При крикѣ замѣчается сокращеніе мышцъ около глазъ (дѣти, крича, совсѣмъ закрываютъ глаза). Смысль этого явленія заключается въ защитѣ глаза путемъ сжи-

манія отъ переполненія его кровью, которая при всякомъ сильномъ выдыханіи накопляется въ венахъ головы и шеи. Слезы—результатъ именно подобнаго непроизвольнаго, судорожнаго сжиманія глаза, такъ какъ мы замѣчаемъ, что при произвольномъ закрытіи глаза выдѣленія слезъ не бываетъ. Сокращеніе же круговыхъ мышцъ глаза обуславливаетъ подниманіе верхней губы и слѣдовательно, (если ротъ широко открытъ, какъ это бываетъ при крикѣ), оттягиваніе угловъ рта и образованіе ротоносовой складки на щекахъ. При сильной боли признаки видоизмѣняются. Когда человѣкъ и вообще всѣ животныя сильно страдаютъ отъ боли, они обыкновенно странно изгибаются въ разныхъ направленіяхъ (уколотый червякъ) и тѣ, которые имѣютъ голосъ, издаютъ раздираательные крики и стоны. Человѣкъ обыкновенно плотно закрываетъ ротъ или еще чаще, сильно оттягиваетъ губы и сжимаетъ зубы, иногда скрежеща ими (судорожное движеніе вмѣсто крика). Извѣстно выраженіе про адскія муки: «тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ». Человѣкъ при сильной боли часто глядитъ дико и неподвижно, точно въ сильномъ удивленіи, или же брови его сильно сокращаются. Потъ выступаетъ на всемъ тѣлѣ (ослабленіе кровообращенія въ волосныхъ сосудахъ). Вслѣдствіе сильно возбужденнаго кровообращенія и дыханія ноздри часто расширяются и дрожатъ, или дыханіе задерживается до тѣхъ поръ, пока все лицо нальется кровью. Если боль очень сильна или продолжительна, всѣ признаки измѣняются; наступаетъ полное истощеніе съ обморокомъ и судорогами. Наибольше употребительныя движенія, производимыя нами при ощущеніи физической боли, суть слѣдующія: немедленное прикрытие рукою пораженной части тѣла, напр. раненый (здѣсь идея спрятать, обезопасить пораженный членъ); отдергиваніе, встряхиваніе, качаніе пораженнаго члена при обжогѣ, ушибѣ, придавленіи, поддерживаніе рукою пораженнаго члена, поднятіе ноги (наступать напр. на мозоль), грызеніе и сосаніе указательнаго пальца, стремленіе сѣсть или лечь.

Примѣчаніе 1-е. Необходимо при наблюденіи надъ примѣрами боли физической помнить, что общественное

самолюбіе заставляетъ насъ скрывать ощущенія боли чтобы насъ не заподозрили въ трусости; это самовладѣніе, зависящее отъ возраста и воспитанія, значительнымъ образомъ сокращаетъ и смягчаетъ внѣшніе признаки выраженія боли.

Примѣчаніе 2-е. Искусство вообще не терпитъ исключительной картины физической боли, видъ которой всегда непріятенъ и возмутителенъ; оно требуетъ извѣстнаго смягченія ея, видоизмѣненія подъ влияніемъ нравственной силы. Потому древніе всѣ сценическія убійства совершали за сценою и въ изображеніи физическаго страданія героевъ старались смягчить впечатлѣніе идеею нравственнаго величія. Прикованный Прометей не кричитъ, не корчится отъ боли, а гордо угрожаетъ Зевсу; задушаемый змѣями Лакоонъ носитъ на лицѣ и напряженныхъ мускулахъ отпечатокъ идеи борьбы съ чудовищами для защиты дѣтей. Наше искусство, хотя и не съ такою строгостью, идетъ по тому же пути: картины варварскихъ пытокъ инквизиціи насъ возмущаютъ, видъ страданій Христа умиляетъ, потому что въ послѣднемъ случаѣ видъ физической боли смягченъ идеею нравственной силы. По тому же самому видъ падучей болѣзни, не выражающей ничего, кромѣ физическаго страданія, для насъ страшнѣе и возмутителнѣе преимущественно предъ другими болѣзнями. Примѣры боли и страданій физическихъ на сценѣ идутъ всегда неразлучно со страданіями нравственными; чаще всего встрѣчаются примѣры боли отъ сценическихъ болѣзней, смертельныхъ ранъ, отравленія предсмертной агоніи.

(Примѣры для упражненій см. Хрестоматію отдѣлъ «Ощущенія» и «Физическія болѣзни»).

ТЕОРІЯ СЦЕНИЧЕСКАГО ВЫРАЖЕНІЯ МЫСЛИ.

Мышленіе и его виды: размышленіе, задумчивость, глубокая, отвлеченная дума.— Два момента въ дѣятельности мысли: недоумѣніе, рѣшимость.— Составныя части умственной дѣятельности: разсудокъ, память, воображеніе, разумъ.— Сценическіе признаки.

Мысль, въ общемъ смыслѣ слова, есть названіе всѣхъ душевныхъ дѣйствій, происходящихъ отъ переработки въ нашемъ мозгу разнообразныхъ ощущеній, получаемыхъ нами извнѣ. Мыслить значитъ изучать предметъ, воспринятый путемъ вниманія, то есть: сравнивать, оцѣнять различныя его стороны, сопоставлять съ другими предметами, дѣлать изъ этого извѣстные выводы и заключенія, составлять опредѣленные понятія, обобщать ихъ, дѣлая отвлеченія (выработка идей). Процессъ мышленія мы называемъ вообще размышленіемъ, оно имѣетъ различныя степени и виды: 1) Думать значитъ размышлять нормально, спокойно, безъ особенныхъ усилій и напряженій мозга. Это состояніе мышленія допускаетъ возможность такъ называемыхъ механическихъ движеній нашего тѣла. Мы можемъ думать и работать въ тоже время внѣшними органами тѣла: ходить, вязать чулокъ, насвистывать пѣсню, даже говорить, какъ бы вполне независимо отъ совершающагося въ тоже время процесса нашего мышленія. Впрочемъ подобные факты не суть еще вѣрное доказательство безучастія мысли, а скорѣе можно допустить

то, что дѣйствіе ненапряженной мысли въ этомъ случаѣ выказывается такими тонкими, слабыми чертами, что мы привыкли не замѣчать ихъ. 2) Задумываться (придумываніе, выдумываніе, раздумье) значитъ обнаруживать наклонность нашего мышленія къ извѣстной умственной остановкѣ на одномъ извѣстномъ предметѣ; это уже есть состояніе напряженной мозговой дѣятельности при встрѣчѣ съ какимъ нибудь препятствіемъ. Здѣсь уже прекращается, или по крайней мѣрѣ, значительно ограничивается возможность механическихъ отправленій нашего тѣла, является соотвѣтствіе, подчиненность движеній теченію мысли; такъ напримѣръ, ходя, мы останавливаемся именно тогда, когда мысль наша встрѣтила какое нибудь препятствіе, поднимаемъ и размахиваемъ руками, какъ бы обозначая тѣмъ направленіе и силу мышленія. 3) Третью, наиболѣе сильную степень размышленія составляетъ отвлеченное размышленіе (дума, вдумчивость), обнаруживающееся въ полномъ сосредоточеніи мышленія въ самомъ себѣ и выражающееся во внѣшности полною неподвижностію тѣла.

Въ сценическомъ отношеніи обыкновенное, нормальное состояніе мышленія (думаніе) выражается слѣдующими главными признаками: голова держится прямо, взоръ пристальный, направленный вдаль, или нѣсколько опущенный, губы сжаты. Характернымъ признакомъ размышленія съ усиліемъ, при встрѣчѣ затрудненія, или непріятности, является нахмуриваніе бровей. Вообще можно сказать, что нахмуренный лобъ придаетъ лицу выраженіе умственной энергіи. Источникъ этого мимического движенія кроется въ привычкѣ, приобрѣтенной человѣчествомъ издавна. Извѣстно, что дѣти, испытывая непріятность, или затрудненіе, кричатъ и плачутъ, что неизбѣжно сопровождается сокращеніемъ круговыхъ мышцъ глаза и нахмуреніемъ лба. У взрослыхъ привычка кричать и плакать пропадаетъ, но остается способность нахмуривать лобъ при всякомъ препятствіи. Еще можно объяснить это явленіе аналогіею, существующею между напряженнымъ мышленіемъ и напряженнымъ зрѣніемъ. Существуетъ весьма близкое сходство между внимательнымъ рассматри-

ваніемъ отдаленнаго, неяснаго предмета и упорнымъ умственнымъ преслѣдованіемъ темнаго ряда мыслей; во внѣшности оба эти дѣйствія выражаются одинаково. Кромѣ того, затрудненное мышленіе сопровождается поднятіемъ руки ко лбу, рту, подбородку, чаще всего поднимается указательный палецъ къ верхней губѣ; затѣмъ — треніемъ и давленіемъ лба, глаженіемъ бороды. Въ третьей степени мышленія, въ отвлеченной думѣ, признаки второй степени пропадаютъ. Лобъ не нахмуренъ, глаза принимаютъ неопредѣленное, нѣсколько бессмысленное выраженіе и безъ всякаго направленія; зрительныя оси ихъ принимаютъ иногда слегка расходящееся направленіе. Это происходитъ отъ расслабленія мышцъ глаза, оставляемаго въ періодъ глубокой думы безъ всякаго вниманія. Тоже выражается наклоненіемъ головы впередъ, неподвижнымъ положеніемъ тѣла, какъ бы застывшаго въ томъ видѣ, въ какомъ оно было до погруженія человѣка въ думу. X

Извѣстныя степени мышленія, затрудненнаго препятствіями, суть недоумѣніе и рѣшимость. Первое есть болѣе или менѣе продолжительный періодъ сосредоточенной остановки въ процессѣ умственной дѣятельности предъ переработаннымъ предметомъ препятствія; вторая есть моментъ выхода мысли изъ неопредѣленнаго, бездѣйственнаго состоянія съ усиленнымъ реактивнымъ напряженіемъ по извѣстному направленію. Въ сценическомъ отношеніи недоумѣніе представляетъ сочетаніе признаковъ задумчивости и изумленія: наклоненная нѣсколько внизъ и въ бокъ, (чаще на правый) голова, пристальный, устремленный къ низу взоръ, поднятыя брови и складки на лбу. Ротъ болѣею частью бываетъ раскрытъ. Но самую характерною чертою, свойственною всему человѣчеству, и въ тоже время общею для выраженія недоумѣнія, безсилія, терпѣнія и желанія остаться въ бездѣйствіи является жестъ пожиманія плечами. Въ слабой степени этотъ жестъ ограничивается простымъ подергиваніемъ плечъ вверхъ; въ болѣе сильной, вслѣдствіе сильнаго пожиманія плечъ, локти загибаются внутрь, поднимаются открытыя ладони до уровня талии и выворачиваются наружу, разставивши пальцы.

Рѣшимость имѣетъ характернымъ сценическимъ признакомъ плотное сжиманіе губъ. Всѣ рѣшительные люди ходятъ съ закрытымъ ртомъ и потому неразвита, слабая нижняя челюсть, не замыкающая плотно рта есть признакъ слабаго характера. Это можно объяснить аналогически такъ: всякое мышечное усиліе обуславливается сначала большимъ вдыханіемъ воздуха и затѣмъ задержаніемъ его въ груди посредствомъ закрытія рта, вслѣдствіе чего замедляется кровообращеніе, а это послѣднее обстоятельство есть необходимое условіе всякаго значительнаго мышечнаго напряженія. Отсюда выводимъ замѣчаніе, подтвержденное наблюденіями, что широкая грудь, обуславливающая присутствіе большаго количества воздуха и сильнаго, но не частаго дыханія, есть признакъ людей энергическихъ.

Утвержденіе, отрицаніе, одобреніе и порицаніе суть внѣшнія словесныя и мимическія формы нашей рѣшимости, выводящей наружу наши умозаключенія о предметѣ, при чемъ сказывается болѣе или менѣе замѣтнымъ образомъ впечатлѣніе имъ на насъ произведенное. Хотя способы выраженія этихъ явленій весьма разнообразны у различныхъ народовъ, тѣмъ не менѣе общимъ, наиболѣе встрѣчающимся признакомъ можно считать: киваніе головой (утвержденіе) и маханіе головой въ стороны (отрицаніе). Выраженіе лица при этомъ (улыбка или гримаса) мотивируетъ характеръ и степень нашего одобренія или порицанія. Кромѣ того при отрицаніи (отказѣ) голова нерѣдко закидывается назадъ или отворачивается въ сторону, ротъ закрывается и голосъ при стиснутыхъ зубахъ и замкнутыхъ губахъ производитъ носовой звукъ, похожій на *n*, или *m*. Отсюда естественное происхожденіе словъ *не*, *нѣтъ*.

Составныя части нашего мышленія слѣдующія:

1) Разсудокъ (разсужденіе, резонерство) есть первоначальная форма умственной дѣятельности. Задача разсудка — постиженіе свойствъ предмета, его сходства и отличія отъ другихъ, составленіе сужденій, сравненіе ихъ между собою и переходъ отъ одного къ другому. Разсужденіе и особый оттѣнокъ его, резонерство есть словесное выраженіе спокойнаго мышленія. Въ сцени-

ческомъ отношеніи оно выражается спокойствіемъ лица и взгляда, а также всей позы, нѣкоторымъ однообразіемъ разговорнаго тона, прерываемымъ время отъ время выразительнымъ дидактическимъ подчеркиваніемъ, медленною и не сильною жестикуляціею. Руки, особенно правая, играютъ въ этомъ случаѣ главную роль; жесты, производимые ими, на столько извѣстны своею выразительностью, что про нихъ сложился въ общежитіи особый словесный терминъ: «онъ разсуждаетъ руками». Этимъ спокойнымъ характеромъ сценическаго дѣйствія отличалось амплуа резонеровъ, нынѣ утратившее почти совсѣмъ свое прежнее дидактико-пояснительное значеніе, и сложившееся въ болѣе живую и интересную форму обыкновенныхъ, связанныхъ неразлучно съ дѣйствіемъ разсужденій, выпадающихъ на роли мыслящихъ и образованныхъ людей.]

2) Память (вспоминаніе, припоминаніе, спохватка, забывчивость, безпамятство) есть способность ума хранить въ болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени все нѣкогда воспринятое. Дѣятельность ея обнаруживается въ извѣстномъ напряженіи нашего вниманія къ тому, чтобы воскресить въ мышленіи всѣ полученныя нѣкогда ощущенія, образы, понятія. Воспоминаніе имѣетъ всѣ внѣшніе признаки нормальнаго мышленія съ легкимъ откидываніемъ головы назадъ, вслѣдствіе чего самый взглядъ нѣсколько поднимается. Въ припоминаніи замѣчаются признаки усиленнаго затрудненнаго мышленія, но съ характеромъ безпокойства: голова то наклоняется, то закидывается, человѣкъ потираетъ лобъ, почесываетъ въ головѣ и за ухомъ, крутитъ усы, пощелкиваетъ пальцами руки, поднятой до уровня лба, брови то насушены, то подняты. Выраженіе лица при этомъ обусловливается мотивомъ воспоминанія; пріятное сопровождается улыбкою, затрудненіе выражается нетерпѣніемъ (безпорядочная ходьба, топаніе ногой). Спыхватка—внезапное, но запоздавшее воспоминаніе, выражается внезапною остановкою походки и начатой рѣчи, нахмуриваніемъ бровей съ оттягиваніемъ угловъ рта книзу (выраженіе досады), нѣкоторымъ откидываніемъ тѣла назадъ (какъ бы признакъ испуга), хлопань-

емъ себя по лбу рукой. Безпамятство съ болѣе слабымъ отбѣнкомъ своимъ забывчивостью по внѣшнимъ признакамъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ человѣкомъ, погруженнымъ въ отвлеченную думу, только выраженіе лица глуше.]

3) Воображеніе (фантазія, мечтательность) есть способность представленія различныхъ ощущеній въ образномъ видѣ и сочетанія въ одинъ стройный, цѣльный образъ такихъ представленій, первообразы, части, элементы которыхъ существуютъ въ природѣ отдѣльно. По внѣшнему виду дѣятельность воображенія имѣетъ много сходнаго съ отвлеченною думою безъ ея рѣзкихъ, серьезныхъ, неподвижныхъ чертъ. Характерные признаки: мягкій, но живой взглядъ, устремленный вдаль, или къ небу при широко раскрытыхъ глазахъ, голова и тѣло нѣсколько откинута назадъ, положеніе тѣла чаще всего сидячее, или полулежащее. ✕

4) Умъ, разумъ (талантъ, геній)—высшая способность мышленія, проявляющаяся въ нахожденіи, открытіи новыхъ истинъ, вытекающихъ изъ извѣстныхъ сужденій, въ угаданіи внутренняго смысла явленій (идеи), отвлеченіи ихъ и возведеніе на степень общаго закона. Характерный внѣшній признакъ разумаго творчества есть гармоническое сочетаніе спокойствія съ энергіею.

(Примѣры для упражненій см. Хрестоматію, отдѣлъ «Мышленіе»).

ТЕОРІЯ СЦЕНИЧЕСКАГО ВЫРАЖЕНІЯ АФФЕКТОВЪ.

Нормальное и возбужденное состояніе организма.—Виды спокойствія: безмятежность, апатія, невозмутимость.—Виды возбужденія: безпокойство, мученіе, волненіе, тревога, потрясеніе.—Понятіе объ аффектахъ и ихъ раздѣленіе.

Совокупность всѣхъ физическихъ ощущеній, доведенныхъ до нашего сознанія, образующая извѣстное состояніе нашего тѣла, есть общее органическое чувство, которое, будучи съ одной стороны результатомъ физическаго процесса, въ тоже время есть психическій актъ. Это общее чувство нашего организма находится въ постоянно колебательномъ движеніи между двумя состояніями: нормальнымъ (спокойствіе) и возбужденнымъ (безпокойство). Физическій аппаратъ, играющій главнѣйшую роль въ этомъ процессѣ нашей жизни, есть сердце. Въ физиологическомъ отношеніи оно является мышечнымъ, сократительнымъ органомъ, назначеніе котораго регулировать кровообращеніе; въ психическомъ отношеніи оно имѣетъ значеніе главнаго центра, въ которомъ отражаются всѣ душевныя впечатлѣнія и состоянія. Различныя степени нормальнаго и возбужденнаго состоянія опредѣляются количествомъ и качествомъ движеній сердца (частое и медленное, сильное и слабое біеніе) отъ чего въ тѣсной зависимости находится ускореніе, или замедленіе кровообращенія и дыханія. Въ нормальномъ состояніи приходится на одно дыханіе четыре сердечныхъ біенія (пульса); въ возбужденномъ

біенія замедляются и учащаются въ весьма значительныхъ размѣрахъ.

Нормальное состояніе, спокойствіе есть такое состояніе организма, въ которомъ всѣ отправленія физическія и нравственныя совершаются правильно. Въ строгомъ смыслѣ, такое состояніе есть идеаль, къ которому человѣкъ постоянно стремится, но которымъ наслаждается почти всегда только относительно и кратковременно. Жизнь, какъ олицетвореніе идеи вѣчнаго движенія и борьбы, исключаетъ возможность постояннаго, абсолютнаго покоя. Въ психическомъ отношеніи нормальному состоянію соотвѣтствуетъ нравственная тишина, безмятежность, состояніе весьма легкое и пріятное, которое можно приравнять ощущенію здоровья. Въ сценическомъ отношеніи ^{спокойствію} этому состоянію соотвѣтствуютъ по преимуществу сидячія и лежачія позы, ясный взоръ, улыбка, наклонность къ зашѣванію. Апатія есть болѣзненный видъ спокойствія, происходящій отъ ощущенія внутренней пустоты душевныхъ силъ и вытекающаго отсюда равнодушія ко всему окружающему. Выражается она преимущественно мутностью взгляда, неподвижностью и вялостью движеній, а также безцвѣтно-монотоннымъ звукомъ голоса. Невозмутимость, (безстрастіе) высшая степень спокойствія, обуславливающая какъ бы полное отреченіе отъ всего земнаго. Невозмутимость, будучи болѣе результатомъ дѣйствія воли, чѣмъ инстинкта, отличается отъ сходнаго съ нимъ состоянія апатіи болѣею осмысленностью выраженія.

Возбужденное состояніе имѣетъ безчисленное множество видовъ и оттѣнковъ. Главнѣйшіе изъ нихъ: Безпокойство общее названіе чувства, производимаго въ насъ непріятнымъ нарушеніемъ нормальнаго состоянія. Въ основѣ его всегда лежитъ идея лишенія какого нибудь блага. Оно бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше препятствій къ удовлетворенію возникшей нужды. Мученіе—сильнѣйшая степень безпокойства. Въ сценическомъ отношеніи безпокойство выражается порывистыми движеніями, человѣкъ чувствуетъ потребность часто мѣнять мѣсто и положеніе тѣла; вмѣстѣ съ усиленіемъ кровообращенія сокращаются и ра-

стягиваются попеременно личные мускулы. Въ мученіи сердце сжимается, кровообращеніе замедлено, человекъ чувствуетъ тяжесть и садится, чтобъ перевести духъ. Известныя выраженія: «сердце не на мѣстѣ», «выскочить хотеть», «ёкнуло сердце» «защемило сердце» довольно ясно намекаютъ на неправильность сердечныхъ движеній, сопровождающихъ различныя степени безпокойнаго состоянія человека. Волненіе (ажитация) есть безпокойство по преимуществу нравственнаго характера. Оно бываетъ или радостное, или печальное, смотря по причинѣ его возбуждающей. Въ волненіи замѣчается поступательное движеніе отъ сердца къ глазамъ, гдѣ оно и разрѣшается видимымъ образомъ слезами (преимущественно у женщинъ). Выраженіе «накипѣвшіе въ груди слезы» мѣтко обрисовываютъ этотъ процессъ возбужденнаго состоянія. Тревога (тревожное ожиданіе)—болѣе опредѣленный видъ безпокойства, обусловливаемый исключительно идеею какой нибудь бѣды или неприяности. Въ дальнѣйшемъ развитіи это состояніе переходитъ въ аффектъ страха (боязнь, опасеніе). Потрясеніе, ударъ—видъ безпокойства, обнаруживающагося внезапно, вслѣдствіе неожиданнаго и быстрого переворота въ нашихъ ощущеніяхъ. Въ этомъ кратковременномъ состояніи весь организмъ какъ бы вздрагиваетъ, человекъ «теряетъ голову», лишается силъ на время (обморокъ), или окончательно (апоплексія). Физиологическіе и сценическіе признаки обморока см. главу «Физическія болѣзни».

Всякое возбужденное состояніе, смотря по степенямъ силы и характеру своего проявленія, даетъ начало такъ называемымъ аффектамъ, или страстнымъ порывамъ, известнымъ въ обществѣ подъ общимъ именемъ чувствъ. По отношенію къ физическимъ чувствамъ мы назовемъ аффекты высшими чувствами потому, что въ нихъ элементъ нравственный преобладаетъ надъ физическимъ ощущеніемъ. Особый видъ аффектовъ составляютъ настроенія, отличающіяся отъ первыхъ болѣею продолжительностью и спокойнымъ характеромъ возбужденія. Сильные аффекты на языкѣ обществитія называются страстями, но это опредѣленіе не совсемъ точно. Аффектъ есть известное состояніе нашего духа (чувство),

являющееся невольнымъ отраженіемъ совокупнаго дѣйствія физическихъ ощущеній и представленій предмета, а страсть складывается изъ цѣлаго ряда часто повторяющихся однородныхъ аффектовъ, непосредственно переходящихъ въ желаніе и дѣйствіе.

Какъ разнообразны мотивы, дающія начало тому или другому возбужденію духа, также разнообразны и самые аффекты. Но для большей простоты изложенія мы можемъ сгруппировать ихъ въ двѣ категоріи, нѣсколько соответствующія известному раздѣленію физическихъ ощущеній, на пріятныя и непріятныя, психическимъ отраженіемъ которыхъ являются состоянія удовольствія и неудовольствія. Такимъ образомъ наше раздѣленіе аффектовъ будетъ слѣдующее:

Аффекты удовольствія.

Радость.

Надежда.

Храбрость.

Аффекты неудовольствія.

Печаль.

Гнѣвъ.

Стыдъ.

Страхъ.

РАДОСТЬ.

Опредѣленіе.—Виды: удовольствіе, наслажденіе, веселіе, восторгъ, умиленіе, блаженство.—Физиологія чувства и сценическое его выраженіе.

Радость есть сильное, пріятное чувство, испытываемое нами при представленіи объ обладаніи какимъ нибудь значительнымъ благомъ, по преимуществу неожиданнымъ. Радость бываетъ также иногда при мысли объ обладаніи благомъ, общающимся много впереди, или даже только при избѣжаніи угрожавшаго намъ зла. Къ частому проявленію этого чувства склонны по преимуществу тѣ люди, въ которыхъ анализъ разсудка и житейскій опытъ не убили надеждъ и вѣры въ иллюзіи; потому дѣтство и молодость болѣе склонны къ радости, чѣмъ зрѣлый и старческій возрасты. На легкость его проявленія имѣютъ также не малое

вліяніе состояніе здоровья и темпераменты. Въ послѣднемъ случаѣ наиболѣе склонны къ ней сангвиники и нервныя, наименѣе меланхолики.

Виды радости: 1) Удовольствіе—приятное ощущеніе, испытываемое нами при удовлетвореніи какой нибудь нашей потребности, физической, или нравственной. Это чувство нашего благосостоянія; идеаль нормального состоянія. 2) Наслажденіе—высшая степень удовольствія. Здѣсь главную роль играетъ процессъ удовлетворенія. 3) Веселіе, веселость—продолжительное, приятно возбужденное состояніе духа, какъ результатъ, или отраженіе радостнаго момента. 4) Восторгъ, восхищеніе—короткое, сильно возбужденное приятное состояніе, составляющее высшую степень радости съ отбѣнкомъ нѣкотораго изумленія предъ величіемъ, или красотой предмета восторга. 5) Умиленіе есть какъ бы слѣдствіе восторженной минуты, отличающееся въ своемъ выраженіи болѣшимъ спокойствіемъ и продолжительностью. 6) Блаженство есть высшая степень наслажденія, доходящая до самозабвенія. Кратковременность—его отличительная черта, за которою слѣдуетъ почти всегда боязнь за будущее, или огорченіе настоящимъ.

Физиологическія замѣчанія. Подобно всѣмъ приятнымъ чувствамъ радость обнаруживается въ усиленномъ дѣйствіи разводящихъ мускуловъ; радости соотвѣтствуетъ тѣлесная и нравственная расширяемость. Человѣкъ въ радости выходитъ изъ тѣснаго круга заботъ и мыслей о своей собственной личности и хочетъ какъ бы жить жизнью другихъ существъ. «Я радъ весь міръ обнять» говоритъ человѣкъ, находящійся въ состояніи восторга. Отсюда пенятно, что человѣкъ въ радости становится добрѣе, щедрѣе, вообще гуманнѣе, а также чувствуетъ потребность движенія. Кровообращеніе совершается быстрѣе, мозгъ, дѣйствуетъ полнѣе, что отражается на умственныхъ способностяхъ, мысли живѣе, чувства теплѣе. Пищевареніе совершается правильно и быстро, вслѣдствіе чего является хорошій аппетитъ. Всѣ значительные радостные случаи въ обществѣ ознаменовываются завтраками, обѣдами ужинами.

Сценическіе признаки. Радость вообще есть чувство по преимуществу подвижное, откровенное, болтливое. У радостнаго человѣка влажный взоръ блеститъ, щеки оживлены, на лбу расходятся складки, на губахъ улыбка; голосъ громкій, звонкій, рѣчь быстрая, обнаруживается сильная склонность къ пѣнію и разнымъ безцѣльнымъ движеніямъ—прыжкамъ, хлопанью въ ладоши, топанью ногами, пляскѣ и наконецъ ко громкому смѣху. Сильная радость почти безгранична въ своихъ стремленіяхъ; вообще она антагонистъ здравому разсудку и благоразумію; часто ея проявленія похожи на признаки опьяненія и с мажествія. Выраженіе «онъ одурѣлъ отъ радости» весьма вѣрно выражаетъ внѣшніе признаки этого чувства. Наслажденіе, восторгъ, умиленіе и блаженство вообще выражаются въ безмолвіи; сила чувства пріостанавливаетъ на время движеніе организма, происходитъ приятное замираніе, исходъ изъ котораго—или сильный радостный вздохъ, или крикъ, слезы и даже обморокъ. Замѣтимъ, что радость есть чувство по преимуществу трудно скрываемое; опытный наблюдатель по внѣшности сейчасъ можетъ замѣтить истинная она, или ложная. Въ истинной радости полная гармонія всѣхъ лицевыхъ мускуловъ; въ притворной—противорѣчіе губъ выражающихъ улыбку съ остальными чертами лица и въ особенности съ выраженіемъ глазъ. Наиболѣе же характерный признакъ радости есть смѣхъ *) съ его видами: улыбкою и хохотомъ. Сильный смѣхъ имѣетъ близкое сродство съ плачемъ. При гром-

*) Самою частою причиною смѣха у взрослыхъ оказывается все несообразное, нелѣпное или необъяснимое, возбуждающее удивленіе вмѣстѣ съ чувствомъ нѣкотораго превосходства въ смѣющемся, который долженъ при этомъ быть въ веселомъ настроеніи духа. Обстоятельства эти не должны быть слишкомъ важны. Если умъ сильно возбужденъ приятными ощущеніями то, по мнѣнію Герберга Спенсера, при всякомъ неожиданномъ и маловажномъ происшествіи или мысли, большой запасъ нервной силы вмѣсто того, чтобы быть потраченнымъ на равносильное количество новыхъ мыслей и чувствъ, находящихся въ зародышѣ, бываетъ остановленъ на своемъ пути. Излишекъ долженъ быть употребленъ въ другомъ направленіи и въ результатъ является оттокъ, чрезъ посредство двигательныхъ нервовъ къ различнымъ мышцамъ, производящимъ полусудорожныя движенія, которыя мы называемъ смѣхомъ. Физиономію смѣха см. главу о личной мимикѣ.

комъ хохотъ все тѣло откидывается иногда назадъ и трясется, или почти впадаетъ въ судороги; дыханіе неправильно, лицо и голова наливаются кровью, вены расширены и круговыя мышцы судорожно сжимаются для защиты глаза. Слезы текутъ обильно. Сценическій смѣхъ и хохотъ долженъ быть пріятенъ и натураленъ, т. е. имѣть правдивый тонъ. Въ жизни встрѣчаются иногда люди, скверно смѣющіеся, т. е. дѣлающіе при этомъ рѣзкія гримасы и издающіе непріятные звуки. Учащіеся должны выработать въ себѣ упражненіемъ умѣнне владѣть смѣхомъ, одновременно въ звуковомъ и мимическомъ отношеніяхъ.

НАДЕЖДА.

Опредѣленіе и характеристика чувства.—Физиологическіе и сценическіе признаки.

Надежда есть пріятное чувство, возбуждаемое въ насъ мыслью объ обладаніи какимъ нибудь благомъ въ будущемъ. Это чувство сложное, въ немъ заключаются три существенныхъ элемента: сознаніе блага, желаніе обладать имъ, вѣра въ возможность обладанія. Это чувство сознательное, а не только инстинктивное, главный факторъ его воображеніе. Въ жизни это чувство имѣетъ огромное значеніе, какъ главнѣйшее условіе человеческого счастья. Мифологія сдѣлала изъ него божество (миѳъ Пандоры у Гезіода); христіанство возвело на степень добродѣтели. Въ умственной дѣятельности продуктами надежды можно считать грѣзы и мечтанія, которые суть ничто иное, какъ фантастическіе образы и картины, которыя рисуетъ намъ воображеніе подъ вліяніемъ нашихъ надеждъ. Сила и характеръ этого чувства различны, смотря по возрастамъ, полу, темпераментамъ, житейскимъ обстоятельствамъ. Молодость вообще надѣется легко, часто и много; зрѣлый возрастъ труднѣе, рѣже и ограниченнѣе, старость еще менѣе. Женщины надѣются вообще болѣе мужчинъ, или вѣрнѣе сказать, больше заставляютъ себя надѣяться, принимая часто

свои желанія за дѣйствительность. Холерики и санвиники обнаруживаютъ болѣе склонности къ надеждамъ, нежели меланхолики и флегматики.

Въ физиологическомъ и сценическомъ отношеніяхъ надежда однородна съ веселостью и радостью. Дѣятельное, живое кровообращеніе, дыханіе нѣсколько рѣже, но глубже обыкновеннаго, всѣ отправленія организма совершаются легко. Надежда вообще дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ. Лицо улыбающееся, сіяющее, морщины разглаживаются, блескъ въ глазахъ, голова приподымается. Является наклонность къ тихой и пріятной задумчивости (наслажденіе мечтами); но въ тоже время она пробуждаетъ въ человѣкѣ энергію, изобрѣтательность, развиваетъ въ немъ благородные порывы храбрости, милосердія, терпѣнія, самоотверженія и т. п.)

ХРАБРОСТЬ.

Опредѣленіе и характеристика чувства.—Виды: бодрость, смѣлость, наглость, отважность, заносчивость, храбрость (въ тѣсномъ смыслѣ), неустрашимость, дерзость.—Физиологическія замѣчанія.—Сценическіе признаки.

Храбрость вообще есть пріятное чувство, происходящее отъ сознанія собственной силы физической, или нравственной для достиженія пріятной цѣли (здѣсь она однородна съ любовью), или для уничтоженія зла или для защиты отъ него (здѣсь она однородна съ гнѣвомъ). По характеру это чувство бываетъ или физическое, или нравственное. Физическая храбрость имѣетъ источникомъ сильное развитіе физического организма (мускулярной системы по преимуществу). Область ея дѣятельности ограничивается преимущественно явленіями реального міра, хотя въ тоже время, какъ выраженіе здороваго состоянія организма, она вліяетъ и на нравственную сторону человѣка. Подъ вліяніемъ воспитанія и историческихъ условий бываютъ иногда противорѣчащія явленія; напр. храбрый си-

лать поселенинъ оказывается трусомъ предъ привидѣнiями, сильный физически мошенникъ труситъ слабѣйшаго по силамъ, но нравственно храбраго человѣка и т. п. Физическая храбрость составляла героизмъ древнихъ. Нравственная храбрость, завися отчасти отъ здороваго состоянiя организма, приобретається путемъ развитiя духовныхъ силъ при посредствѣ разума и нравственности и часто бываетъ заслугою и добродѣтелью; напр., способность великодушно переносить обиды, несправедливость, побуждать зависть и клевету, — это героизмъ христіанскаго міра. Храбрость нравственная можетъ проявляться даже у существъ съ весьма слабой физической организаціей въ минуты крайности. У животныхъ она однородна въ этомъ случаѣ съ отчаяніемъ ужаса, напр. храбрость кошки, птицы, у которой отнимаютъ дѣтей; у людей она однородна съ гордостью и надеждою, напр. человѣкъ на дуэли, солдатъ на приступѣ, невинный на эшафотѣ. Храбрость въ своемъ проявленіи представляетъ слѣдующіе виды: 1) Бодрость, энергія — это возбужденное, веселое состоянiе духа, зависящее главнѣйшимъ образомъ отъ сознанiя своего здороваго состоянiя тѣла и духа и проявляющееся преимущественно въ стремленіи къ дѣятельности. Особый оттѣнокъ энергіи, непросвѣщенной разумомъ, есть упрямство, обнаруживающееся въ постоянной склонности къ умственному сопротивленію. 2) Смѣлость, подобно гнѣву, растеть въ виду сопротивленiя, но въ тѣлесномъ выраженіи своемъ имѣеть большое различіе: гнѣвъ безобразитъ черты лица, обнаруживая мускулярное напряженіе; смѣлость расширяетъ черты, представляя ихъ въ лучшемъ видѣ. Далѣе: гнѣвъ болѣе свойственъ слабости, чѣмъ силѣ; смѣлость только обнаруживаетъ свои настоящіе силы. Гнѣвъ представляетъ склонность болѣе ко злу, смѣлость — ко благу. Въ основѣ смѣлости лежитъ увѣренность въ законности и силѣ своихъ стремленій, выказывающаяся въ словѣ, жестѣ, походкѣ. 3) Наглость, нахальство, безстыдство суть оттѣнки смѣлости, заключающіяся въ готовности идти на переборъ тому, что большинствомъ считается ненарушимымъ. 4) Отважность есть болѣе рѣзкій, возбужденный видъ смѣло-

сти. Въ ея проявленіяхъ менѣе порядка, но болѣе блеска и шума; смѣлость обсуждаетъ опасность и выказываетъ свои силы; отважность презираетъ опасность, смѣется надъ нею и вызываетъ на бой. Въ основѣ отважности лежитъ увѣренность въ безнаказанности дѣйствій. 5) Заносчивость, придиричивость суть оттѣнки отважности, заключающіяся въ постоянномъ стремленіи отыскать предлогъ для спора и столкновеній, не разбирая, справедливо это, или нѣтъ. 6) Храбрость — чувство спокойное, обдуманное, постоянное, величественное въ дѣйствіяхъ и средствахъ, это чувство благородное, всегда вѣрное самому себѣ. Она оцѣняетъ и взвѣшиваетъ угрожающія обстоятельства хладнокровно, образъ ея дѣятельности всегда прямой. Источникъ храбрости болѣе энергія душевная, чѣмъ тѣлесная; въ этомъ ея отличіе отъ смѣлости. 7) Неустранимость — высшая степень храбрости; это есть чувство непреклонной твердости, спокойствiя въ виду грозящей опасности. Она есть какъ бы упрямство храбрости. Есть два вида неустранимости: одинъ видъ имѣеть основаніемъ глубокое нравственное убѣжденіе; другой грубую животность, окаменяющую чувства. Въ сценическомъ отношеніи оба вида отличаются слѣдующимъ образомъ. Нравственная неустранимость выражается главнѣйшимъ образомъ въ глазахъ, устахъ, вообще въ лицѣ и въ движеніяхъ рукъ. Физическая неустранимость, безчувственность проявляется по преимуществу въ грудныхъ и ножныхъ мускулахъ, челюстяхъ и ноздряхъ. Для примѣра можно провести параллель христіанскаго мученика и краснокожаго индѣйца въ виду угрожающихъ мукъ и смерти. Въ неустранимости перваго видны свобода, надежда, жизнь; въ апатичной безчувственности дикаря — мертвенность, одеревенѣлость. 8) Дерзость, удалство — чувство порывистое, лишенное обдуманности, слѣпо устремляющее насъ въ самый центръ опасности; она съ одной стороны есть какъ бы отчаяніе храбрости; съ другой какъ бы кокетство ею. Въ общепити дерзость часто бываетъ ничѣмъ инымъ, какъ оттѣнкомъ нахальства.

Физиологическая замѣтка. Организмъ человѣка, во время проявленія различныхъ видовъ храбрости, находится въ состоя-

ни болѣе или менѣе сильнаго возбужденія. Въ немъ замѣчается: быстрое кровообращеніе, напряженность мускуловъ, болѣе сильное бѣненіе пульса, учащенное дыханіе; вообще вся жизненная дѣятельность усилена, отсюда ощущеніе большаго и меньшаго жара въ тѣлѣ. На этомъ основаніи понятны искусственное возбужденіе храбрости въ людяхъ путемъ охмѣленія ихъ крѣпкими напитками, а также раздраженія ихъ криками, пѣснями, музыкой; напр., чернь при возмущеніи, дикари передъ схваткой. Извѣстно выраженіе «выпить для куража».

Сценическіе признаки храбрости вообще имѣютъ много сходнаго съ гнѣвомъ, но отличаются большею мягкостью и свободою движеній; впечатлѣніе ихъ на зрителей большею частію пріятное. Общій видъ храбраго человѣка выражаетъ спокойствіе, сквозь которое впрочемъ проглядываетъ энтузіазмъ. Положеніе туловища свободное, движенія развязны и открыты, плечи нѣсколько впередъ, руки не-удалены отъ туловища, (сильныя движенія плечами и напряженный размахъ руками — признакъ наглости, дерзости, удалства); кулаки не сжаты, но ручные мускулы напряжены, готовы къ дѣйствию; нога не тяжело, но сильно давитъ землю, голова смѣло приподнята. Во взглядѣ увѣренность съ примѣсю легкаго презрѣнія, глаза устремлены вдаль, но по временамъ обращаются по окружающимъ предметамъ, лобъ безъ морщинъ, брови приподняты, губы слегка закрыты, причѣмъ нижняя нѣсколько выдается впередъ. Упрямство выражается всѣми признаками постоянного усилія: глаза сокращены, ротъ сжужень, челюсти сжаты; въ то же время плечи приподняты, голова какъ бы вдавлена въ туловище, спина согнута въ позѣ сопротивленія, кулаки готовы сжаться.

ПЕЧАЛЬ.

Опредѣленіе и характеристика чувства.—Виды: прискорбіе, огорченіе, грусть, горе, сожалѣніе, угрызненіе совѣсти, тоска, отчальніе, тоска по родиѣ.—Физиологическія замѣчанія и сценическіе признаки.

Печаль есть непріятное чувство, являющееся въ насъ при столкновеніи съ настоящимъ внѣшнимъ, или внутреннимъ зломъ, соединенное съ представленіемъ его вредныхъ послѣдствій. Побужденія этого чувства весьма разнообразны, но всѣ вообще могутъ быть сгруппированы въ два главныхъ вида страданія: боль физическая (см. главу объ ощущеніяхъ) и боль нравственная. На степень и характеръ проявленія этого чувства имѣютъ большое вліяніе возрастъ, полъ, темпераменты, климатъ, общественное положеніе и занятія. Дѣтство наименѣе подвержено этому чувству, затѣмъ молодость; печали этихъ возрастовъ большею частію скоропреходящія, не оставляющія слѣдовъ. Зрѣлый возрастъ и старость по преимуществу склонны къ печали. Женщины, благодаря своей нервной организаціи, сильной работѣ воображенія, сидячей жизни, часто праздною и уединенной, а также по своей физической слабости, склонны къ печали болѣе мужчинъ, но вообще ихъ печали не глубоки и кратковременны. Рѣзкимъ исключеніемъ въ этомъ случаѣ являются печали серьезной женской любви, въ особенности материнской. Печаль сангвиника быстрая въ проявленіи, но не глубокая и скоропреходящая; онъ болѣе скучаетъ, чѣмъ печалится. Печаль желчнаго темперамента — сильная, серьезная, глубокая, долговременная. У флегматика печаль выражается по преимуществу въ формѣ неудовольствія. Печаль нервнаго — подвижная, безпокойная, часто повторяющаяся. Печаль меланхолика — постоянная, тихая, спокойная, это его нормальное состояніе. Климатъ и почва имѣютъ на печаль посредствующее вліяніе. Воздухъ сырой, туманный, проникающій и бѣдная почва содѣйствуютъ по преимуществу развитію этого чувства. Роскошь природы дѣйствуетъ на оборотъ. Равнымъ образомъ оказываютъ вліяніе на развитіе этого чувства

общественное положеніе и занятіе. Бѣдность, зависимость воли, рабство, занятія не по призванію, несоразмѣрныя съ силами и невознаграждаемыя — вотъ общественныя условія располагающія къ печали, которая впрочемъ всегда занимала роль преимущественную по своему значенію предъ чувствомъ радости. Вообще печаль уважается людьми болѣе, чѣмъ радость и часто разсматривается, какъ достоинство, напр. печаль матери, печаль раскаянія. Послѣднюю христіанство возводитъ на степень добродѣтели (блаженны плачущіе). Мы сказали выше, что существенное отличіе боли физической заключается въ напряженіи организма, тогда какъ въ страданіи нравственномъ характерною чертою является расслабленіе; отсюда слѣдуетъ, что боль нравственная менѣе реактивна, чѣмъ физическая. Печаль, какъ результатъ боли нравственной, обуславливаетъ въ себѣ элементъ сосредоточенія, покорности и терпѣнія; страданіе, какъ результатъ боли физической обнаруживается раздраженіемъ, постоянно стремящимся освободиться отъ гнетущаго зла. Смѣшивать эти два типа человѣческой боли нельзя, не смотря на то, что при условіяхъ силы и продолжительности, они неизбѣжно вліяютъ другъ на друга; страданія физическія приводятъ насъ къ печали, а печаль въ свою очередь предрасполагаетъ нашъ организмъ къ болѣзнямъ и страданіямъ.

Виды боли нравственной: 1) Прискорбіе, сердечная боль есть высшая степень нравственной боли, отличающаяся характеромъ неопредѣленности. Большею частію оно бываетъ результатомъ неосознаннаго физическаго страданія или нравственнаго безпокойства. Сюда относятся всѣ непріятныя ощущенія, раждающіяся въ насъ отъ мысли о будущемъ, возможномъ злѣ, называемыя въ общежитіи предчувствіями; этотъ видъ печали въ близкомъ сродствѣ съ боязнью. 2) Огорченіе, оскорбленіе есть результатъ пассивно воспринятаго нами несправедливаго стѣсненія или нарушенія нашего душевнаго спокойствія. Слѣдствіями этого чувства являются досада, неудовольствіе, раздраженіе, иногда гнѣвъ и ярость. Различіе между огорченіемъ то, что въ первомъ ощущеніи преобладаетъ элементъ покорности по-

стигнутому злу (обидѣ или несчастію); во второмъ — элементъ противодѣйствія, отмщенія за полученную обиду. 3) Грусть, скорбь — результатъ печали; это есть продолжительное, тихое непріятное чувство, обуславливающее собою потерю какого нибудь блага. 4) Горе есть усиленная, болѣе живая степень скорби, являющаяся при мысли о невозможности противодѣйствія великому и продолжительному злу, насъ постигнутому. 5) Сожалѣніе есть грусть по поводу несчастнаго обстоятельства, происшедшаго вопреки нашимъ расчетамъ. Особый оттѣнокъ сожалѣнія составляетъ угрызеніе совѣсти, обнаруживающееся въ прискорбной досадѣ, неудовольствіи, гнѣвѣ на самаго себя. Отличительный характеръ этого состоянія — мучительное безпокойство. Сожалѣніе, возбужденное въ насъ несчастіемъ или страданіемъ ближнихъ, переходитъ въ сочувствіе, состраданіе, а, обращаясь въ привычку, образуетъ милосердіе. Здѣсь въ основѣ лежитъ идея облегчить страданія ближняго путемъ раздѣленія. Состраданіе болѣе свойственно человѣку сознающему свое превосходство, силу предъ ближнимъ; милосердіе — человѣку страдавшему самому и видящемъ въ ближнемъ своего равнаго по несчастію. 6) Тоска, уныніе — высшая степень горя, или, вѣрнѣе сказать, результатъ горя, происходящій отъ долгаго сознанія своего бессилія противодѣйствовать злу. Это душевное состояніе часто переходитъ въ постоянныя болѣзни: сплинь, меланхолю, ипохондрию. 7) Отчаяніе есть послѣдняя степень, крайній моментъ унынія, обнаруживающійся въ слѣпомъ стремленіи избавиться какимъ бы то ни было образомъ отъ гнетущаго зла, не выключая даже идеи самоуничтоженія; это состояніе имѣетъ большое сходство съ апатіею. 8) Тоска по родинѣ, ностальгія есть тихое чувство печали, возбуждаемое въ человѣкѣ на чужбинѣ мыслью о родинѣ вслѣдствіе невыгоднаго для себя сравненія своихъ положеній. У нѣкоторыхъ это чувство обращается въ постоянное, чисто болѣзненное состояніе, сообщающее всей ихъ дѣятельности грустный, меланхолическій характеръ.

Физиологическія замѣчанія. Печаль, вообще въ противоположность радости, заставляетъ человѣка сосредоточиваться въ

самомъ себѣ, уединяетъ его отъ общества съ внѣшнимъ міромъ. Стремленіе человѣка подѣлиться горемъ съ ближними обнаруживается только въ нисшихъ степеняхъ печали; великое, настоящее горе всегда молчаливо и уединенно. Въ этомъ состояніи духа умолкаетъ даже самолюбіе и остается въ бездѣйствіи вся активная сторона духа. Исключеніемъ являются припадки сильной, внезапной печали, когда въ человѣческомъ организмѣ возбуждается временная вспышка противодѣйствія постигнутому злу; тогда люди ищутъ себѣ облегченія въ сильныхъ, почти неистовыхъ движеніяхъ, за которыми сдѣдуетъ пассивное подчиненіе злу, обнаруживающееся въ неподвижности, или легкомъ качаніи тѣла изъ стороны въ сторону, особенно при сожалѣніи. Въ печали кровообращеніе замедлено, мышцы разслаблены; кровь сосредоточивается въ сердцѣ и въ мозгу (голова тяжела, на сердцѣ камень); дыханіе медленное, слабое, часто прерывается глубокими вздохами; система питанія ослабляется (отъ горя теряется аппетитъ), количество выдѣленій усиливается (слезы, сѣденіе и выпаденіе волосъ), потеря жирныхъ веществъ (отъ горя люди не толстѣютъ).

Сценическіе признаки. Понижая голова, вѣки опущены, губы, щеки и нижняя челюсть опускаются отъ собственной тяжести, отчего всѣ черты лица кажутся удлинненными. Извѣстны выраженія: «лицо осунулось, вытянулось.» Глаза послѣ долгаго страданія дѣлаются мутными, безжизненными и иногда наполнены слезами. Они то безцѣльно бродятъ по сторонамъ, то устремляются безразлично въ даль. Наиболѣе характерными признаками можно считать подниманіе внутреннихъ концовъ бровей, образующее на лбу извѣстное соединеніе вертикальныхъ и поперечныхъ морщинъ; а также опусканіе, оттягиваніе угловъ рта. Въ движеніяхъ сильнаго горя выражается какая-то потребность самоуничтоженія: человѣкъ ломаетъ руки, бьетъ себя въ грудь, рветъ волосы; восточные народы и вообще дикари царапаютъ себѣ лицо; греки и римляне обрѣзывали или запускали себѣ волосы и бороды на перекомъ обычаю; евреи били въ перси, посыпали голову пепломъ, разрывали одежды. Подобныя дѣйствія

суть какъ бы отвлекающія средства, имѣющія цѣлью заглушить болью физической боль нравственную. Въ горѣ и тоскѣ всѣ движенія какъ будто бессознательны: хочется садиться, когда ходишь; ходить, когда сидишь (человѣкъ мѣста не находитъ отъ горя, не знаетъ, куда отъ него спрятаться). Въ уныніи—неподвижность—знакъ того, что дальше печаль идти не можетъ. Въ отчаяніи признаки движеній сходны съ гнѣвомъ и безуміемъ. Относительно сценическаго плача замѣтимъ, что играющій не долженъ имъ злоупотреблять. Съ хныканьемъ, всхлипываніемъ и рыданіемъ нужно обходиться очень осторожно: нужно чтобъ эти звуки (за исключеніемъ плача истерическаго и плача лицъ нисшаго сословія) не были ни слишкомъ рѣзки и громки, ни также особенно продолжительны. Первое можетъ произвести или возмутительное, или комическое впечатлѣніе; второе—надоѣсть однообразіемъ впечатлѣнія.

ГНѢВЪ.

Опредѣленіе, причины и свойства этого чувства.—Виды: досада, раздраженіе, негодованіе, гнѣвъ, ярость, озлобленіе, сварливость.—Физиологическія замѣчанія.—Сценическіе признаки.

Гнѣвъ. Гнѣвъ вообще есть неприятное чувство, рождающееся въ насъ при мысли о незаконномъ нарушеніи нашего благосостоянія другими людьми, или предметами. Онъ бываетъ нравственный, когда причиною его является извѣстная идея и физическій, какъ результатъ болѣзненно настроеннаго организма, располагающаго насъ къ его проявленію. Ближайшими причинами послѣдняго являются болѣзни (особенно печени и желудка). Первоначальный источникъ гнѣва—несовершенство и слабость природы; на этомъ основаніи человѣкъ сильный физически и нравственно менѣе подверженъ гнѣву, чѣмъ слабый. Въ развитіи гнѣва можно замѣтить два различныхъ явленія: въ началѣ—чувство боли (сосредоточеніе ощущенія обиды въ насъ самихъ) и затѣмъ гнѣвъ, какъ

реакція подавленнаго обидою за минуту передъ тѣмъ организма, обнаруживающая какъ бы сознание силы и права на отищеніе. Чѣмъ сильнѣе первое ощущеніе боли, чѣмъ долѣе это чувство держать насъ въ первомъ періодѣ сосредоточенія, тѣмъ сильнѣе проявленіе реакціи.

Виды гнѣва: 1) Досада, неудовольствіе, дутье есть низшая степень гнѣва. Это—непріятное ощущеніе отъ нарушенія нашего благосостоянія посторонними предметами наперекоръ нашимъ ожиданіямъ. Она можетъ проявляться и въ отношеніи къ предметамъ неодушевленнымъ, напр. досада на погоду. 2) Негодованіе, возмущеніе есть сильная степень неудовольствія на личность или поступки, непрямо, не лично задѣвающие насъ, а по отношенію къ извѣстной идеѣ, къ извѣстнымъ обстоятельствамъ. Это есть гнѣвъ за униженіе человѣческаго достоинства, за посрамленіе высокой, уважаемой идеи, напр. негодованіе Моисея, разбивающаго скрижали въ виду идоложертвующихъ евреевъ; Христа, изгоняющаго торговцевъ изъ храма; возмущеніе души предъ нахальствомъ, дерзостью, подлостью. 3) Раздраженіе, вспыльчивость есть расположеніе, способность часто приходитъ въ гнѣвъ вслѣдствіе частаго повторенія поводовъ къ тому, или вслѣдствіе отсутствія противодѣйствія; иногда же вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія нервной системы. 4) Гнѣвъ есть непріятное чувство, предполагающее въ нарушителѣ нашего благосостоянія извѣстную произвольность дѣянія, осмысленность, злой умыселъ на насъ; это есть уже сознательная реакція нашего организма. 5) Ярость, бѣшенство, когда человѣкъ по извѣстному выраженію «выходитъ изъ себя» есть высшая степень гнѣва, приближающая человѣка къ животному, безумному состоянію, происходящая какъ отъ важности и силы оскорбленія, такъ и отъ его внезапности. 6) Озлобленіе—постоянно гнѣвное расположеніе къ извѣстному предмету, обусловливающее въ насъ уже несправедливый, слѣпой взглядъ на виновника гнѣва. 7) Сварливость есть гнѣвъ, обратившійся въ привычку, въ безсознательное расположеніе сердиться вездѣ и всегда, это есть озлобленіе, распространенное на всѣхъ съ отпечаткомъ мелочности и пошлости.

Физиологическія замѣтки. Гнѣвъ вообще сильно угнетаетъ организмъ, дѣйствуя главнѣйшимъ образомъ на желудокъ. Питаніе ослабѣваетъ, выдѣленія организма увеличиваются. Въ гнѣвѣ нѣтъ аппетита; у людей раздражительныхъ всегда разстроены желудокъ. «У сердитаго губа толста, да желудокъ пустъ», говоритъ пословица. Въ гнѣвѣ люди плюютъ; слюна эта въ ярости острая и ядовитая; здѣсь какъ бы выражается идея отравить врага; въ бѣшенствѣ появляется на губахъ пѣна. У животныхъ мы замѣчаемъ тоже самое явленіе: разсерженная лама плюетъ, у собаки на травлѣ на губахъ пѣна, разсерженная лягушка испускаетъ жидкость; змѣя при кусаніи выпускаетъ ядъ. Въ гнѣвѣ же обнаруживается беспорядочное движеніе крови отъ оконечностей внутрь (отъ гнѣва блѣднѣютъ), и затѣмъ къ печени (воспалительное состояніе) и къ головному мозгу (краснота гнѣвная, ударъ отъ внезапнаго прилива крови); сильныя выдѣленія печени, отсюда выраженіе: «желчный человѣкъ», дрожаніе всего тѣла вслѣдствіе внезапнаго возбужденія всей нервной системы.

Сценическіе признаки. Въ первый моментъ гнѣва (ощущенія обиды) лицо блѣднѣетъ, губы трясутся, голосъ умираетъ, останавливается въ горлѣ; человѣкъ задыхается отъ гнѣва; вся мускульная система является въ сжатомъ видѣ, руки стиснуты, нога сильно упирается въ почву, челюсти и губы крѣпко сжаты, ноздри сдавлены съ верху, брови насушены надъ широко раскрытымъ глазомъ, но сдавленнымъ орбитою; руки сложены на груди (идея самоудержанія, сосредоточенія въ себѣ, собранія силъ къ борьбѣ). Во второмъ моментѣ, на оборотъ, все устремляется впередъ: кровь приливаетъ къ оконечностямъ, отсюда краснота, надуваніе, опухлость шеи, вообще лица, въ особенности губъ, принимающихъ видъ трубки, виски трепещутъ, глазъ выходитъ изъ орбиты, блеститъ, сверкаетъ, горитъ, наливаются кровью. Расширяются ноздри, ротъ раскрывается на столько, что видны зубы (клыки), оскаливаются зубы; туловище устремлено впередъ; рука, особенно правая, поднята вверхъ съ сжатымъ кулакомъ, готовая нанести ударъ, или обѣ отдалены

отъ туловища въ положеніи размаха предъ ударомъ. Когда гнѣвъ имѣетъ источникомъ моральную причину, то на первомъ планѣ у насъ является стремленіе выразить живой протестъ противъ обиды, нанесенной нашему самолюбію; обнаруживается идея удалить отъ противника мысль о нашей слабости, мы возвышаемъ голосъ, угрожаемъ, вызываемъ на бой; въ этотъ моментъ предложеніе чужой помощи кажется намъ лишнею и оскорбительною. Иногда гнѣвный человѣкъ бьетъ себя въ грудь, чтобъ она звучала, здѣсь идея—показаніе ея силы; онъ поднимается съ мѣста, выпрямляется во весь ростъ, вытягивается со сжатымъ кулакомъ или повелительнымъ жестомъ (ступай вонъ); военные въ гнѣвѣ схватываются за оружіе, мужики сжимаютъ кулаки; вообще во всемъ обнаруживается стремленіе ужаснуть противника наружнымъ видомъ. Если къ этому присоединяется нетерпѣніе, что встрѣчается очень часто въ гнѣвѣ, то человѣкъ топаетъ ногами (идея заглушить голосъ противника, что выражается также повелительнымъ: «молчать» а также идея поверженія во прахъ противника), опрокидываетъ, ломаетъ въ дребезги окружающіе предметы, языкъ произноситъ сравненія, обидныя для противника. Звуки гнѣва слѣдующіе: въ досадѣ «энь, эхъ!» въ гнѣвѣ протяжные: *а-а*, *хмъ-хмъ*; въ ярости—животные крики. Гнѣвъ дѣйствуетъ самостоятельно и прямо только при надеждѣ на успѣхъ побѣды, въ сомнѣніи человѣкъ прибѣгаетъ къ мстительности; потому нѣмые и неэнергичскіе люди обнаруживаютъ гнѣвъ не ранѣе, какъ вооружившись, чѣмъ попало; гнѣвъ ихъ большею частію есть ярость. Существо слабое, не могущее отмстить обидчику, большею частію обращаетъ гнѣвъ на самого себя: битые кулаками въ грудь, кусаніе пальцевъ, бросаніе себя на землю и катаніе себя по ней часто встрѣчается у дѣтей; у взрослыхъ же рванье волосъ, разрываніе одежды, (здѣсь идея пробужденія въ себѣ энергіи болью), затѣмъ отчаяніе, самоуниженіе. У женщинъ гнѣвъ обнаруживается съ характеромъ необыкновенной подвижности. Въ досадѣ онѣ кусаютъ и щиплютъ губы, руки ихъ расходятся и опираются одна на другую, онѣ постоянно стремятся показать презрѣніе (подыманіе плечъ) и въ тоже время невольно обнару-

живаютъ свою худо скрытую слабость. Въ гнѣвѣ вообще онѣ не знаютъ границъ и забываютъ самихъ себя, становятся яростны и жестоки, является неутомимая жажда мщенія; онѣ кусаются, царапаютъ лицо противника ногтями (дерущіяся торговки); является полное забвеніе своего личнаго достоинства (распущенные волосы, обнаженіе тѣла, цинизмъ брани и проклятій). При этомъ замѣчается (вообще у гнѣвныхъ въ періодѣ ярости) приобрѣтеніе огромнаго количества физической силы. >

С Т Ы Д Ъ.

Опредѣленіе и характеристика чувства.—Виды: замѣшательство, стыдливость, застѣнчивость, цѣломудріе, чопорность.—Физиологическія замѣчанія.—Сценическіе признаки.

Стыдъ есть особое непріятное, неловкое ощущеніе, инстинктивно производимое въ насъ мнѣніемъ другихъ людей о нашихъ достоинствахъ, или недостаткахъ. Существенный элементъ стыда—вниманіе къ самому себѣ. Первоначальнымъ источникомъ стыда было конечно вниманіе, обращенное только на наружность, въ зависимости отъ мнѣнія другихъ людей; въ послѣдствіи стыдъ сталъ также результатомъ самовниманія по отношенію къ нравственнымъ поступкамъ. Доказательствомъ того, что въ стыдѣ главную роль играетъ не собственное мнѣніе о насъ самихъ, а мысль о томъ, что думаютъ о насъ другіе, можно считать то, что въ абсолютномъ уединеніи человѣкъ дѣлается совершенно равнодушнымъ къ своей внѣшности, и что человѣкъ, сознающій свой грѣхъ, не краснѣетъ предъ Богомъ, а только передъ людьми. Далѣе, часто случается, что человѣкъ совершенно невинный, даже дѣлающій по своему убѣжденію доброе дѣло, краснѣетъ отъ стыда, конфузится отъ одного предположенія, что его поступокъ люди могутъ перетолковать въ дурную сторону.

Виды стыда: 1) Замѣшательство, смущеніе есть непріятная, временная потеря присутствія духа подъ вліяніемъ чувства

стыда, охватывающего насъ сразу. 2) Стыдливость—чуткое, нѣжное чувство стыда, рождающееся не изъ самаго факта, а изъ одного только предположенія возможности невыгоднаго мнѣнія о насъ со стороны окружающихъ. 3) Застѣнчивость есть пугливая наклонность, какъ бы привычка легко и скоро приходиться въ замѣшательство, происходящая отъ сильно развитой чувствительности къ мнѣнью другихъ людей. Замѣтимъ, что люди застѣнчивые гораздо болѣе стыдятся и краснѣютъ предъ незнакомыми за свою внѣшность; а передъ близкими и знакомыми за свои поступки. Всѣ три упомянутые нами вида стыда имѣютъ много сходства со страхомъ, но въ тоже время далеко отличаются отъ него въ собственномъ смыслѣ слова. Какой-нибудь военный герой часто можетъ придти въ совершенное замѣшательство въ незнакомой ему гостиниѣ. У дѣтей вообще трудно бываетъ отличить страхъ и робость отъ застѣнчивости; но впоследствии эти два чувства рѣзко выясняются въ различныхъ фактахъ своего проявленія. Иные люди, не будучи вовсе трусливыми, остаются застѣнчивыми на цѣлую жизнь и многіе безстыдные, вовсе незастѣнчивые нахалы, оказываются въ серьезныхъ случаяхъ великими трусами. 4) Цѣломудріе — особый видъ стыдливости; это есть чувство строгаго уваженія къ чистотѣ духовной и физической. Это чувство состоитъ въ близкомъ сродствѣ съ чувствомъ чести и составляетъ смѣшанный видъ стыда и гордости. 5) Чинность, чопорность есть стыдъ искусственный, доведенный до крайности путемъ воспитанія и приемовъ общежитія.

Физиологическія замѣчанія. У человѣка сконфуженнаго замѣчается бѣлая или мѣлая неправильность кровообращенія; сильный приливъ крови къ лицу (краска стыда) и къ груди (частое и сильное бѣненіе сердца и неправильность, затрудненность дыханія). Тоже замѣшательство замѣчается при стыдѣ и въ нашихъ умственныхъ способностяхъ вслѣдствіе неправильнаго кровообращенія въ мозгу. Причину появленія краски на лицѣ (характерный признакъ стыда у всѣхъ народовъ *) Дарвинъ объ-

*) Негры при стыдѣ становятся еще темнѣе.

ясняетъ такимъ образомъ: «Вниманіе, устремленное на какую-нибудь часть тѣла задерживаетъ обыкновенное тоническое сокращеніе мелкихъ артерій этой части. Вслѣдствіе этого сосуды разслабляются болѣе или менѣе и мгновенно наполняются артериальной кровью. Такое стремленіе должно было значительно усиливаться, если вниманіе обращалось постоянно, въ теченіе многихъ поколѣній, на ту же самую часть тѣла, вслѣдствіе того, что нервная сила распространяется быстрѣе по привычнымъ путямъ; оно должно было, кромѣ того, усиливаться и чрезъ наследственную передачу. Всякій разъ, когда мы думаемъ, что другіе люди осуждаютъ или даже только разбираютъ нашу наружность, наше вниманіе быстро устремляется на внѣшнія или видимыя части нашего тѣла; а изъ всѣхъ частей нашего тѣла мы всего болѣе дорожимъ лицомъ и тоже существовало, вѣроятно, въ теченіе многихъ прошлыхъ поколѣній. Отсюда, принимая, что пристальное вниманіе можетъ вліять на волосные сосуды вообще, сосуды лица должны были сдѣлаться крайне чувствительными. Въ силу же ассоціаціи тотъ же результатъ долженъ повторяться и во всѣхъ случаяхъ, когда мы думаемъ, что другіе люди критикуютъ или порицаютъ наши поступки или характеръ.» (См. о выраженіи ощущеній человѣка и животныхъ стр. 286). Вслѣдствіе упомянутаго нами неправильнаго кровообращенія во всемъ организмѣ обнаруживается ослабленіе и неловкость. Человѣкъ сконфуженный чувствуетъ переменную жарь и холодъ. Сильная степень краснѣнія сопровождается иногда легкимъ выдѣленіемъ слезъ. Люди слабонервные подвержены при стыдѣ конвульсіямъ, обмороку и даже смерти. Известно выраженіе «умереть со стыда».

Сценическіе признакіи. Подъ вліяніемъ стыда въ насъ проявляется непреодолимое желаніе спрятаться, спуститься внизъ. Мы отворачиваемся тѣломъ, преимущественно лицомъ, закрываемъ его руками, опускаемъ внизъ глаза, смотримъ въ сторону, или же глаза у насъ двигаются безпокойно (частое миганіе); здѣсь обнаруживается идея борьбы между стремленіемъ не казаться сконфуженнымъ и ощущеніемъ стыда; на лицѣ часто яв-

ляется выраженіе недоумѣнія. Краснота лица и странныя гримасы сопровождаются иногда полнымъ молчаніемъ (стыдъ въ сильной степени), или же заиканьемъ, отрывистыми звуками и фразами. >

СТРАХЪ.

Опредѣленіе.—Виды: боязнь, опасеніе, страхъ, трусость, робость, мнительность, паника, испугъ, ужасъ.—Физиологическія замѣчанія.—Сценическіе признаки.

Страхъ. Подъ страхомъ въ жизни вообще безразлично подразумѣваютъ непріятныя ощущенія, производимыя въ насъ мыслью о будущемъ злѣ, долженствующемъ насъ постигнуть. Виды и оттѣнки этого чувства довольно разнообразны.

1) Боязнь (нисшая степень страха) есть непріятное чувствованіе, такъ сказать, инстинктивное, внезапно поражающее нашъ организмъ при безсознательномъ ощущеніи своего безсилія предъ ожидаемымъ зломъ. Отличительная черта боязни — томительная неопредѣленность ощущенія. 2) Опасеніе есть тяжелое чувствованіе, производимое въ насъ размышленіемъ о будущемъ злѣ, характеръ котораго намъ уже нѣсколько извѣстенъ. 3) Страхъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, есть сильное, тяжелое чувствованіе, производимое въ насъ яснымъ представленіемъ зла настоящаго, при сознаніи безсилія или слабости средствъ къ защитѣ. 4) Трусость, робость, мнительность—оттѣнки боязни и страха, обратившіеся въ постоянныя качества (привычку) подъ влияніемъ натуры, воспитанія, болѣзней. 5) Паника есть страхъ, развивающійся быстро подъ влияніемъ усиленной работы воображенія и дѣйствующій эпидемически на цѣлыя массы, такъ напр. паника войска при измѣнѣ, народа при пожарѣ, при заразительныхъ болѣзняхъ. 6) Испугъ—сильное душевное волненіе, производимое въ насъ внезапнымъ открытіемъ угрожающаго намъ зла. 7) Ужасъ — высшая степень испуга, когда зло является

намъ внезапно громаднымъ и неотразимымъ. Здѣсь можно отмѣтить два оттѣнка душевныхъ движеній: а) чувство пассивное ужаса—отвращенія (*horreur*), когда предметъ ужаса самъ по себѣ гадокъ и когда человѣкъ какъ бы инстинктивно уничтожается самъ въ себѣ, каменѣетъ, теряется; таковъ ужасъ при внезапномъ видѣ змѣи, изуродованнаго мертвеца, отвратительнаго призрака, созданнаго болѣзненнымъ воображеніемъ и б) активное чувство противодѣйствія, рѣшимость ужаса (*éprouvante*), когда всѣ силы организма устремляются безсознательно и внезапно на то, чтобы спастись отъ перваго впечатлѣнія ужаса—окаменѣнія; таковъ напр., ужасъ зайца, оленя, перескакивающихъ во время травли чрезъ собакъ, такой же характеръ ужаса имѣетъ борьба преступника съ палачами.

Физиологическія замѣтки. Ощущенія страха отражаются на разстроенной дѣятельности системы дыханія, кровообращенія и системы выдѣленій. Замѣчено, что всѣ проявленія страха обнаруживаются неправильностью дыханія; у животныхъ по природѣ боязливыхъ всегда мало развитая грудь и на оборотъ герои и вообще храбрые люди не имѣютъ узкой груди. Вообще дыханіе полною грудью, хорошимъ воздухомъ обуславливаютъ бодрость и смѣлость и обратно. Для доказательства можно указать на писателей, чиновниковъ, свѣтскихъ дамъ, работниковъ въ рудникахъ и каменоломняхъ, которые вообще оказываются трусливѣе людей, живущихъ на открытомъ воздухѣ. Тоже замѣчается при болѣзняхъ временно стѣсняющихъ нормальное дыханіе. Горловой катарръ вліяетъ на бодрость духа. Далѣе можно взять въ примѣръ для сравненій бодрость и смѣлость птицъ, насѣкомыхъ съ трусостью рыбъ и улитокъ. Сердце при страхѣ бьется быстро и сильно, нервная система слабѣетъ, человѣкъ въ страхѣ дрожитъ; въ кишечномъ каналѣ происходитъ внезапная остановка дѣятельной силы, отсюда непроизвольныя выдѣленія. Неправильность выдѣленій въ страхѣ обнаруживается ясно въ томъ обстоятельстве, что кожа при выдѣленіи пота въ страхѣ и испугѣ немедленно холодѣетъ (отсюда выраженіе «холодный потъ»), между тѣмъ такъ при нормальномъ состояніи духа вы-

ступленіе пота обусловливается теплотою кожи. Въ сильныхъ степеняхъ страха (ужасѣ) возбужденная дѣятельность сердца можетъ такъ ослабѣть, что наступаетъ цѣпененіе и обморокъ; дыханіе затрудняется, человѣкъ не можетъ произнести ни слова и только въ самомъ послѣднемъ періодѣ крайняго ужаса (érouvante) можетъ вырваться невольный, ужасный крикъ.

Сценическіе признаки. Въ страхѣ—сжатое, подобранное тѣло (идея спрятаться отъ врага путемъ уменьшенія своего объема, напр. нѣкоторыя породы жуковъ, улитки); неподвижность или медленныя, обдуманная, осторожныя движенія (идея—ускользнуть отъ врага напр. кошка); напряженность взгляда и слуха, молчаливость или тихая рѣчь (шопотомъ); вздрагиваніе и дрожаніе тѣла. Въ испугѣ—внезапная неподвижность напряженнаго взгляда и головы, какъ бы насильственно отброшенной назадъ, нѣкоторое расширение вѣкъ, слегка раскрытый ротъ, дрожаніе членовъ, блѣдность. Въ ужасѣ неподвижность, окаменѣлость, онѣменіе всего организма. Мертвенная блѣдность, капли холоднаго пота на лбу, испещренномъ складками. Глаза, выступившіе изъ орбитъ, направлены неподвижно на предметъ ужаса, или же безпокойно, машинально вращаются изъ стороны въ сторону. Зрачки страшно расширяются. Волосы становятся дыбомъ, ноздри широко раздуваются. Ослабленіе нижнихъ лицевыхъ мускуловъ — паденіе нижней челюсти, полное раскрытіе рта. Пальцы рукъ то сжимаются, то раскрываются, иногда человѣкъ ломаетъ ихъ. Руки иногда вытянуты впередъ (идея оттолкнуть, отвратить опасность), или дико закидываются надъ головой. Весь станъ нѣсколько отброшенъ назадъ, голоса нѣтъ; въ реактивномъ послѣднемъ періодѣ страшный крикъ. Въ послѣднемъ случаѣ необыкновенная стремительность движеній и проявленіе значительно увеличенной физической силы мышцъ и членовъ. Слѣдующій за тѣмъ періодъ—полное ослабленіе.

(Примѣры для упражненій см. Христоматию отдѣль «Аффекты»).

ТЕОРІЯ СЦЕНИЧЕСКАГО ВЫРАЖЕНІЯ СТРАСТЕЙ.

Происхожденіе и различіе страсти отъ аффекта.—Характеръ.—Законъ движенія страстей.—Раздѣленіе ихъ по происхожденію, составу и характеру.

Выше было сказано, что всякое удовлетвореніе потребностей нашего организма, какъ физическихъ такъ и нравственныхъ, образуетъ въ насъ ощущеніе пріятное (удовольствіе), всякое не удовлетвореніе—ощущеніе непріятное (неудовольствіе). Благодаря этимъ ощущеніямъ, въ насъ возникаетъ стремленіе къ извѣстнаго рода дѣятельности, которая имѣетъ цѣлью или сохранить удовольствіе, или уничтожить неудовольствіе. Первое стремленіе мы называемъ вообще любовью, второе ненавистью! Но въ сущности, оба эти стремленія суть ничто иное, какъ два вида одной изъ способностей нашего духа, желанія (воли), которое, будучи въ основѣ своей неразлучно со всякимъ физическимъ ощущеніемъ, со всякимъ душевнымъ порывомъ, достигаетъ своего наибольшаго развитія въ такъ называемыхъ страстяхъ. Страсть, въ строгомъ смыслѣ слова, есть ничто иное, какъ наиболѣе развитой, усиленный видъ, часто повторяющагося аффекта, обнаруживающійся въ живомъ дѣйствіи. Страсть отличается отъ аффекта тѣмъ, что аффектъ, имѣетъ характеръ временныхъ и скоропреходящихъ потрясеній организма, а страсть при большей определенности и силѣ основныхъ представленій обусловливаетъ постоянство и продолжительность стремленій. Относительно уча-

стія мышленія въ области страстей замѣтимъ, что элементъ полнаго сознанія является только въ моментъ удовлетворенія страсти; на этомъ основаніи сложилось извѣстное выраженіе «страсть ослѣпляетъ человѣка.» Страсть, получившая сознаніе, образуетъ извѣстное душевное настроеніе, которое мы называемъ характеромъ и которое обнаруживается въ постоянномъ, неуклонномъ слѣдованіи выработанному сознаніемъ принципу своихъ стремленій подъ преобладающимъ вліяніемъ того или другаго аффекта или страсти. Отсюда названія характеровъ: злой, добрый, робкій, веселый, влюбчивый, гордый, ревнивый, завистливый и т. п. Короче сказать, характеръ есть извѣстное страстное стремленіе, переработанное нашимъ мышленіемъ въ убѣжденіе и обратившееся въ привычку дѣйствовать всегда въ одномъ извѣстномъ направленіи.

Законъ управляющій движеніемъ страстей есть слѣдующій: всякая страсть зараждается мало по малу и развивается постепенно въ одномъ извѣстномъ направленіи, преслѣдуя одну опредѣленную цѣль. Все то, что состоитъ въ положительной связи съ представленіемъ о предметѣ страсти, возбуждаетъ и оживляетъ страсть; все то, что состоитъ въ связи отрицательной, какъ напр. препятствія, противоположности, раздражаетъ, ожесточаетъ страсть. Сильное препятствіе можетъ остановить страсть только въ началѣ ея развитія; встрѣтившись позднѣе, оно, какъ начало раздражающее, придаетъ страстнымъ стремленіямъ только ббольшую силу. Для сравненія можно взять дѣйствіе воды при началѣ пожара и при полномъ его развитіи.

Въ нѣкоторыхъ психологіяхъ существуетъ извѣстное дѣленіе страстей по ихъ происхожденію на страсти эгоистическія, личныя и на страсти симпатическія, общественныя; но это дѣленіе не совсѣмъ справедливо, ибо различіе, на которомъ основывается подобное дѣленіе, есть чисто внѣшнее. Каждая страсть имѣетъ въ себѣ элементъ эгоистическій и въ тоже время обусловливается элементомъ общежитія. Гораздо вѣрнѣе обратить въ этомъ случаѣ вниманіе на коренной источникъ страстей. Источникъ, какъ мы замѣтили выше, заключается въ томъ, что

мы или стремимся къ обладанію и сохраненію предмета пріятнаго, или же стремимся уничтожить предметъ непріятный, что составляетъ только два различныхъ пути (положительный и отрицательный) желанія (воли), которое по преимуществу можетъ быть названо творящимъ, дѣйствующимъ началомъ, управляющимъ всею сферою человѣческихъ дѣяній со всѣми ихъ разнообразными, безчисленными оттѣнками. Эта психическая способность составляетъ основной, существенный элементъ всякой страсти. Все различіе здѣсь въ направленіи желанія, въ степеняхъ и формахъ развитія и въ характерѣ его проявленія. Слѣдовательно страсти можно раздѣлить на двѣ главныя группы:

1) Страсти, происходящія отъ желанія въ его положительныхъ проявленіяхъ.

I. Эгоизмъ (любовь къ самому себѣ). Виды ея:

Невоздержаніе.

Гордость.

Смирненіе.

Честолюбіе.

Властолюбіе.

Скупость.

Мотовство.

Лѣность.

II. Любовь къ ближнимъ.

Любовь половая.

Любовь семейная.

Дружба.

III. Любовь къ извѣстнымъ идеямъ.

Любовь къ религіи.

Любовь къ родинѣ.

Любовь къ свободѣ.

2) Страсти, происходящія отъ желанія въ его отрицательныхъ проявленіяхъ.

Ненависть. Виды ея:

Отвращеніе.

Презрѣніе.

Скука.

Ревность.

Зависть.

Мстительность.

Другое дѣленіе страстей по составу ихъ представляетъ французскій ученый Грасіоле. По его классификаціи страсти бываютъ простыя, однородныя, въ образованіи которыхъ участвуетъ одинъ извѣстный элементъ аффекта и смѣшанныя, разнородныя, сложившіяся при участіи нѣсколькихъ различныхъ между собою элементовъ. Такъ напримѣръ: гордость, любовь, ненависть суть страсти простыя; состраданіе, лицемѣріе, ревность, зависть — страсти разнородныя. По характеру страсти можно раздѣлить на нравственныя, въ которыхъ преобладающимъ началомъ является духовная сторона (какая нибудь нравственная идея), напр. словолюбіе, фанатизмъ и физическія съ преобладающимъ элементомъ животнаго чувства, напр. пьянство, обжорство, развратъ.

ЭГОИЗМЪ.

Сущность и характеристика страсти.—Общіе сценическіе признаки.—Главнѣйшіе виды: невоздержаніе, гордость.

Эгоизмъ въ психологическомъ смыслѣ обозначаетъ сознаніе самаго себя. Съ одной стороны онъ есть необходимый законъ природы, побуждающій насъ къ сохраненію и развитію собственной личности; съ другой стороны, онъ, какъ извращенное пониманіе этого закона, доведенное до крайности есть порокъ. Въ обществѣ оба названія эгоизмъ и самолюбіе употребляются безразлично; существенное же отличіе между ними заключается въ томъ, что самолюбіе есть прирожденное человѣку качество, законъ, обуславливающій существованіе каждаго индивидуума, а эгоизмъ есть страсть, приобретаемая въ самой жизни путемъ неумѣреннаго удовлетворенія самолюбивыхъ побужденій. Эта страсть одна изъ самыхъ глубокихъ и обширныхъ по количеству видовъ и оттѣнковъ и въ тоже время менѣе другихъ замѣтная по внѣшнимъ признакамъ. Внѣшнія формы ея проявленія разнооб-

разны и крайне обманчивы. Основная идея эгоизма — полное, постоянное сосредоточеніе въ самомъ себѣ, какъ бы въ главномъ центрѣ всего мірозданія. Причины развитія его бываютъ какъ физическія, такъ и нравственныя; вообще замѣтимъ, что возрастъ оказываетъ здѣсь не послѣднее вліяніе. Дѣти вообще великіе эгоисты, но у нихъ это качество стоитъ на степени безсознательныхъ, животныхъ инстинктовъ. Старики также эгоисты по преимуществу, вслѣдствіе потерянной надежды на будущность, въ виду близкой смерти. Зрѣлый возрастъ даетъ разнообразную пищу для развитія эгоизма въ видѣ житейскаго опыта, заставляющаго человѣка часто сосредоточиваться исключительно въ расчетахъ о личномъ благосостояніи. Менѣе всего эгоизма въ молодости полной довѣрія и надеждъ. Мужчины вообще болѣе склонны къ развитію въ себѣ эгоизма, чѣмъ женщины; что, кромѣ физиологическихъ и психологическихъ причинъ, происходитъ главнѣйшимъ образомъ отъ различія въ образѣ жизни обоихъ половъ, такъ какъ забота о добываніи матерьяльныхъ средствъ жизни тяготеетъ болѣе надъ мужчинами и потому имъ чаще приходится вспоминать о законѣ самосохраненія. Затѣмъ на развитіе эгоизма имѣютъ вліяніе слѣдующія обстоятельства: уединеніе, холостая жизнь, болѣзни, по преимуществу хроническія. Нравственныя страданія вліяютъ въ этомъ случаѣ гораздо менѣе и иногда дѣйствуютъ даже въ противоположную сторону. Несчастіе вообще сближаетъ людей и животныхъ; такъ напримѣръ хищные звѣри, гонимые людскимъ пожаромъ, не трогаютъ слабыхъ. Образованность вообще видоизмѣняетъ характеръ эгоизма, выводя его изъ первобытной сферы чисто животныхъ инстинктовъ къ самосохраненію на сознательную дорогу житейскаго благоразумія, обуславливающаго уваженіе правъ ближнихъ при чемъ замѣняетъ грубыя формы его проявленія формами мягкими и изящными. Но въ тоже время въ силу своей сознательности эгоизмъ Европейца можетъ достигать наибольшей силы и глубины, какъ продуктъ осмысленнаго заключенія о своихъ преимущественныхъ правахъ на извѣстную степень благосостоянія.

Общимъ сценическимъ признакомъ эгоизма можно считать

спокойствіе, выражающееся въ самоувѣренномъ взглядѣ, прямою покойномъ положеніи тѣла на ногахъ, твердой, свободной походкѣ, легкомъ размахиваніи рукъ (инстинктивный жестъ презрѣнія съ цѣлью очищенія себѣ дороги); въ голосѣ не крикливомъ, но громкомъ, часто рѣзкомъ, сухомъ, въ манерѣ говорить категорически, но не спорить, въ отсутствіи болтовни. Видовъ эгоизма множество, главнѣйшіе изъ нихъ: невоздержаніе и гордость съ ихъ разнообразными оттѣнками. Невоздержаніе имѣетъ слѣдующіе виды: сластолюбіе, пьянство, страсть къ игрѣ. Виды гордости: честолюбіе, властолюбіе, корыстолюбіе.

С Л А С Т О Л Ю Б І Е.

Опредѣленіе и виды страсти: сластолюбіе (въ тѣсномъ смыслѣ), гастрономія, лакомство, жадность, прожорство.—Условія развитія страсти.—Физиологическая связь сластолюбія съ эгоизмомъ.—Сценическіе признаки.

Сластолюбіе вообще есть страсть къ пріятному ощущенію, получаемому нами при удовлетвореніи потребностей, возбуждаемыхъ нашими внѣшними чувствами (вкусомъ, обоняніемъ, осязаніемъ), переходящая часто въ привычку ѣсть сверхъ необходимости пропитанія. Оттѣнки сластолюбія слѣдующіе:

- 1) Сластолюбецъ (въ тѣсномъ смыслѣ слова) любитъ вообще хорошій столъ, онъ прихотливъ, разборчивъ, брезгливъ.
 - 2) Гастрономъ — знатокъ стола, тотъ же сластолюбецъ, только съ присоединеніемъ ученаго, часто даже педантическаго элемента; онъ возводитъ ѣду на степень извѣстной теоріи, хлопотать не только о вкусѣ, но и о самомъ процессѣ изготовленія пицци по правиламъ кулинарнаго искусства.
 - 3) Лакомка любитъ по преимуществу деликатныя, сладкія, тонкія блюда.
 - 4) Жадный, прожора, ѣдокъ любятъ все безъ разбора, по преимуществу самый процессъ ѣды.
- Относительно развитія этой страсти по возрастамъ замѣтимъ,

что дѣтство вообще склонно къ жадности и лакомству, юношество вообще ѣсть не любитъ, въ зрѣломъ возрастѣ и въ особенноти подъ старость развивается сластолюбіе и гастрономія. Женщины менѣе обжорливы, чѣмъ мужчины, онѣ преимущественно лакомки. Изъ темпераментовъ меланхолическій и холерическій наиболѣе располагаютъ къ развитію сластолюбія. Но вообще замѣтимъ, что всякій здоровый организмъ имѣетъ въ себѣ зачатки сластолюбія, которые можно или развить, или сократить. Отношеніе этой страсти къ общественнымъ положеніямъ слѣдующее: богатые, обеспеченные люди обжорливѣе бѣдныхъ; банкиры, капиталисты, доктора, монахи, адвокаты — вообще сластолюбцы. Въ противность этимъ лицамъ умѣренны въ ѣдѣ: военные, мужики, повара, трактирщики, пирожники. Нѣкоторыя болѣзни и физическія страданія содѣйствуютъ развитію этой страсти (глисты); нравственныя страданія дѣйствуютъ всегда на оборотъ. Цивилизованные народы вообще сластолюбивѣе дикихъ.

Пищевареніе находится вообще въ весьма близкомъ сродствѣ съ эгоизмомъ; можно сказать навѣрно, что всякій обжора—эгоистъ. «Сытый голоднаго не понимаетъ» говоритъ пословица. Можно признать даже закономъ, что всякое удовлетвореніе самолюбія возбуждаетъ аппетитъ и въ свою очередь голодь возбуждаетъ эгоистическіе порывы. Люди съ разстроеннымъ желудкомъ почти всегда обидчивы и придирчивы. Всякая сильная обида самолюбію отражается на пищеварительной системѣ, приходящей отъ того въ большее или меньшее разстройство. Чѣмъ самолюбивѣе человекъ, тѣмъ разнообразнѣе его аппетиты. Сильно питательная мясная пища болѣе содѣйствуетъ развитію сластолюбія, а слѣдовательно и эгоизма, чѣмъ растительная; отсюда понятно, что большее число обжоръ и эгоистовъ приходится на страны сѣверныя и умѣренныя, а не южныя. Въ доказательство можно провести параллель между гостепріимствомъ Арабовъ и Эскимосовъ, а въ связи съ этимъ разницу въ умѣренности первыхъ и прожорствѣ послѣднихъ. Преобладающая дѣятельность желудка сластолюбца дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на свободную дѣятельность духа, не терпящую исключительной сосредоточен-

ности на своей собственной личности; отсюда понятно то явление, что тучный обжора не бывает ни великимъ мыслителемъ, ни поэтомъ. Отсюда выраженіе: «Plenus venter non studet libenter.» Толстые буржуа, старики гастрономы — вообще эгоисты и люди ограниченные, идиоты всегда прожоры. На оборотъ, сильное, крайнее развитіе духовной дѣятельности, ограничивая эгоизмъ, угнетаетъ и желудокъ. Ученые вообще худощавы, желудочныя болѣзни—достояніе учителей. Весьма характерною чертою сластолюбца можно считать то, что онъ охотно приглашаетъ къ столу, къ чему побуждаетъ его эгоистическая потребность общества во время ѣды, но одождаетъ пріятелей деньгами и услугами весьма рѣдко и неохотно.

Сценическіе признаки. Взглядъ и ротъ напоминаютъ морду и вообще физиономію прожорливыхъ животныхъ (желудочныхъ). Жевательные мускулы развиты сильно, челюсти крѣпкія, скулы широкія, выдающіяся. Здоровье сластолюбца вообще цвѣтущее, ростъ средній, лицо большею частію круглое, глаза небольшие, блестящіе, щеки нѣсколько пухлыя и отвислыя, ротъ большой, красные, полные губы, большіе, крѣпкіе зубы, тучное тѣло. Обжоры худощавые большею частію больные люди. Походка сластолюбцевъ медленная. Выраженіе лица самодовольное, нѣсколько нахальное, прищуриваніе глазъ, прищелкиваніе языкомъ, облизываніе и обнюхиваніе — ихъ обыкновенныя привычки. Голосъ мягкій, умѣренный; движеніе рѣчи умѣренное, неторопливое. У женщинъ почти всѣ тѣже признаки: онѣ жирны, сдобны; выраженіе лица смѣлое, увѣренное; онѣ часто хорошенькія, живыя, на минуту чувствительныя, но болѣе склонныя къ чувственности; вообще въ ихъ фигурахъ нѣтъ благородства и истиннаго изящества. Историческими образцами сластолюбія можно поставить Сарданапала, Лукулла, Клеопатру, Апиція, Вителлія, Геліогабала.

ПЬЯНСТВО.

Опредѣленіе.—Условія развитія страсти.—Три вида (періода) пьянства: на-веселѣ, охмѣленіе, одуреніе въ физиологическомъ и сценическомъ отношеніяхъ.—Различіе въ характерѣ опьяненія въ зависимости отъ свойства напитковъ.—Замѣчаніе о сценическомъ выраженіи опьяненія.

Пьянство есть страсть къ неумѣренному употребленію охмѣляющихъ напитковъ и веществъ ради пріятныхъ ощущеній, возбуждаемыхъ въ насъ усиленнымъ дѣйствіемъ воображенія. Надобно отличать пьянство, какъ порочную страсть и болѣзнь, отъ временнаго состоянія охмѣленія, въ которомъ можетъ случайно находиться человѣкъ, ведущій весьма трезвую жизнь. Пьянство рѣдко встрѣчается въ дѣтствѣ, чаще въ молодости, но всего болѣе въ зрѣломъ возрастѣ и старости. Мужчины склонны къ нему болѣе, чѣмъ женщины; причина тому заключается въ болѣе грубой организаціи. Въ классахъ нисшихъ распространено болѣе, чѣмъ въ высшихъ; главная причина тому бѣдность и неразвитость первыхъ. Тѣмъ не менѣе развитіе этой страсти въ странахъ первобытныхъ, между дикарями, есть результатъ ложно направленной въ гуманномъ отношеніи политики Европы. На сѣверѣ вообще пьянства больше, чѣмъ на югѣ, причина тому—климатическія условія. По тому же самому пьянство на сѣверѣ имѣетъ характеръ подвижности; проявляется преимущественно въ буйствѣ, пѣсняхъ, пляскахъ; на югѣ пьянство сонливое, мечтательное, неподвижное (курение опиума). На развитіе пьянства имѣютъ огромное вліяніе общественныя занятія и положенія. На первомъ планѣ въ этомъ отношеніи являются работники, фабричные, ремесленники; причины — трудность работы и неразвитое или извращенное понятіе о наслажденіяхъ жизни; затѣмъ слѣдуютъ художники — стремленіе къ поэтическимъ идеаламъ, осуществленія которыхъ они ищутъ въ усиленномъ дѣйствіи воображенія; моряки и военные — климатъ и пренебреженіе къ жизни; безнравственныя женщины отъ праздности и стремленія забыться. Весьма часто причинами пьянства являются

несчастія, голодь, болѣзни. Пьянство есть страсть, по преимуществу создаваемая самими людьми; въ природномъ организмѣ чловѣка нѣтъ не только побужденій къ нему, но есть даже оппозиція доказательствомъ чему можетъ служить трезвая жизнь животныхъ, а также нравственное и физическое разстройство организма, слѣдующее обыкновенно за періодомъ опьяненія.

Физиологически и сценически въ развитіи пьянства можно отмѣтить три періода:

Первый періодъ удовольствія, на веселѣ—состояніе возбужденное. Сейчасъ послѣ употребленія вина кровь волнуется и движется скорѣе, внутренняя дѣятельность организма ускоряется, обнаруживается обиліе выдѣленій физическихъ (слюна), нравственныхъ (откровенность и болтливость); теплота крови увеличивается и приводитъ въ сильное движеніе дыхательную сферу—является потребность пѣть и громко говорить; воображеніе создаетъ пріятные и веселые образы, вслѣдствіе чего чловѣкъ часто смѣется. Вообще въ этомъ періодѣ чловѣкъ бодръ, беззаботенъ, самоувѣренъ, обнаруживаетъ веселый взглядъ на міръ. (Сценическіе признаки этого періода: живость движеній, блескъ глазъ, румянецъ, болѣе звонкій голосъ, скорый разговоръ, рѣчь по преимуществу отрывистая, желаніе пѣть, прыгать, плясать.)

Второй періодъ — охмѣленіе, состояніе угнетенное. Вслѣдствіе быстрой, усиленной внутренней дѣятельности организма кровь разлагается на составныя части, усиливая въ значительной степени выдѣленія (отрыжка, испарина кожи). Въ то же время приливъ крови къ печени; охмѣлѣвшій чувствуетъ тяжесть, давленіе въ груди. Слѣдствіемъ этого является быстрое и обильное образованіе желчи, печень размягчается, отсюда желчное и въ то же время мягкое, дрябло-чувствительное настроеніе пьяницъ. Въ духовномъ отношеніи у пьянаго въ этомъ періодѣ замѣчается колебаніе между стремленіемъ предать себя другому существу (сочувствіе, состраданіе, самоуничтоженіе) и стремленіемъ къ противодѣйствию (обидчивость, придирчивость, досада, гнѣвъ, угроза, мстительность). (Сценическіе признаки: замѣтное усиленіе краски въ лицѣ несвободныя движенія языка,

(бормотанье, негармоническое повышеніе и паденіе тона въ затрудненной съ перерывами рѣчи), рукъ (быстрый размахъ и обезсиленное паденіе ихъ), ногъ (пошатываніе), отвислость нижней губы, частое отдѣленіе пѣнистой слюны, мутные глаза (оловянные) съ временными вспышками жизненнаго блеска.)

Третій періодъ—одуреніе, состояніе подавленное, представляетъ усиленный образъ обѣихъ предъидущихъ степеней охмѣленія съ особымъ характеромъ угнетенія. Изъ источника внутреннего самоотверженія является мысль о собственномъ несчастіи, обидѣ, (пьяницы плачутъ, обнимаются и цѣлуются, какъ бы съ товарищами по несчастію, торопятся пить безъ разбора, какъ бы стараясь забыться, залить горе); изъ другаго источника, стремленія къ противодѣйствию, являются въ этомъ періодѣ побужденія къ брани, ссорѣ, дракѣ, разрушенію, но постоянно съ характеромъ внутреннего страданія. Чаще же всего этотъ періодъ обнаруживается въ безсмысленномъ колебаніи: люди то шумятъ и разрушаютъ окружающее, то сейчасъ же горько плачутъ и сочувствуютъ, а затѣмъ опять переходятъ къ гнѣву и ссорамъ. Вообще состояніе третьяго періода можно опредѣлить такъ: угнетенная, подавленная индивидуальность, недовольство собой и свѣтомъ (идея преслѣдованія судьбой), раскаяніе, робость, тупоуміе, нерасположеніе, злость, звѣрство. Состоянія охмѣленія, а преимущественно одуренія, повторяющіяся часто, даютъ начало двумъ явленіямъ: опохмѣленію и запою. Опохмѣленіе есть выраженіе извращеннаго понятія объ идеѣ раскаянія, являющейся послѣ пьянства; «надобно поправиться» говоритъ опохмѣляющійся. Это есть стремленіе привести разстроенный излишествомъ организмъ въ норму путемъ легкаго опьяненія, заглушающаго отчасти головную боль и разстройство желудка. Запой есть привычка, обращающаяся подъ конецъ въ болѣзненную потребность поддерживать въ себѣ постоянно состояніе охмѣленія. Это состояніе, въ своемъ сильномъ развитіи, образующее настоящую хроническую болѣзнь, возникаетъ главнѣйшимъ образомъ при недостаткѣ характера и воли изъ частыхъ повтореній опохмѣленія. (Сценическіе признаки одуренія имѣютъ сходство съ призна-

ками второго періода, только въ усиленномъ видѣ. Новая черта здѣсь—болѣзненная неподвижность тѣла (выраженіе: «мертвецки пьянъ») съ временными, какъ бы судорожными движеніями и порывами къ буйству.) Оттѣнковъ пьянства всѣхъ трехъ періодовъ множество, большое вліяніе здѣсь оказываютъ: общественное положеніе пьянаго и его воспитаніе, качество напитка, темпераментъ, состояніе духа до начала пьянства. Замѣчательно, что опьяненіе охватываетъ скорѣе и легче человѣка, бывшаго въ веселомъ расположеніи духа, нежели въ состояніи печальномъ и озлобленномъ. Общій типъ пьяницы можно обрисовать такъ: онъ на видъ вообще тяжелъ, лицо носитъ на себѣ отпечатокъ стыда, глаза не выдерживаютъ чужаго взгляда. Лицо пухлое, красное, вѣки раздутыя, глаза тусклые, бессмысленные, толстыя губы, носъ багровый, толстый, иногда съ прыщами и шишками. Онъ грязенъ и отвратителенъ. Рѣчь медленная, не громкая съ остановками, безсвязная. Взглядъ по преимуществу къ низу, тѣло согнутое, животь большой, походка невѣрная, трясеніе потныхъ рукъ, слабость во всѣхъ членахъ, дыханіе съ усиленіемъ.

Мы упомянули выше, что различіе въ характерѣ опьяненія зависитъ также отъ рода и качества напитковъ. Вино виноградное производитъ вообще опьяненіе быстрое, веселое; оно дѣйствуетъ преимущественно на мозговую систему и возбуждаетъ дѣятельность воображенія (остроуміе, шутки, пѣсни, эротическое настроеніе). Пиво напротивъ опьяняетъ медленно, дѣйствуетъ по преимуществу на желудокъ. Характеръ охмѣленія пивомъ—тяжесть, сонливость, грубость и безстыдство, одуреніе; слѣды его продолжительнѣе, чѣмъ отъ вина. Водка и вообще крѣпкіе спиртные напитки дѣйствуютъ быстро раздражающимъ образомъ на всю нервную систему. Пьянство въ этомъ случаѣ отличается характеромъ крайняго возбужденія, дѣятельности и энергіи, продолжающейся впрочемъ недолго; человѣкъ подъ ихъ вліяніемъ склоненъ къ смѣлымъ поступкамъ и преступленіямъ. Крайняя степень—бѣшенство, сумашествіе (бѣлая горячка). Опіумъ наводитъ сонъ и апатію. Смѣси напитковъ натурально усложняютъ результаты.

Примѣчаніе. Въ сценической передачѣ нетрезваго состоянія актеръ долженъ до нѣкоторой степени сокращать и смягчать грубыя черты дѣйствительности; такъ напримѣръ, при изображеніи сильнаго охмѣленія и одуренія плеваніе, рыгота и тошнота должны быть совершенно исключены. Шатаніе тѣла должно строго соразмѣряться со смысломъ сцены; усиленіе игры въ этомъ случаѣ большею частію производитъ непріятное впечатлѣніе. Также необходимо соразмѣрять время, даваемое сценой пьесы для отрезвленія дѣйствующаго лица, чтобы переходъ отъ пьянаго состоянія къ трезвому не казался для зрителей моментальнымъ. Мгновенно отрезвляетъ человѣка только испугъ и ужасъ.

АЗАРТЪ.

Страсть къ игрѣ.—Характеристика ея.—Физиологическіе и сценическіе признаки.

Страсть къ игрѣ, азарту, есть склонность ставить себя въ возбужденное, колебательное, неопредѣленное положеніе между зломъ и добромъ. Въ основѣ ея лежитъ самолюбивое стремленіе сознать себя превосходнѣе другихъ не заслугами, а природнымъ счастьемъ. Человѣку вообще пріятно сознавать себя счастливымъ также, какъ пріятно сознавать себя умнымъ, талантливымъ, сильнымъ физически. Въ основѣ этой страсти лежатъ два элемента: корыстолюбивая жажда выигрыша пріобрѣтенія, и пріхотливое желаніе пріятно-болѣзненныхъ ощущеній, производимыхъ неизвѣстностью игры (рискъ, азартъ). Последнюю сторону страсти можно объяснить такимъ образомъ: всякая неизвѣстность возбуждаетъ въ насъ стремленіе открыть тайну; всякое открытіе тайны заключаетъ въ себѣ элементъ неопредѣленной дѣятельности (риска), а всякій рискъ производитъ въ насъ своего рода пріятное волненіе. Отсюда слѣдуетъ, что страсть къ игрѣ есть

извращенное стремление открыть истину не путем разума, а путем неопредѣленныхъ мечтаній воображенія.

По темпераменту игроки по преимуществу сангвиники и нервные, рѣже холерики; меланхолики и флегматики почти никогда. Женщины менѣе мужчинъ склонны къ игрѣ, ибо вообще расчетливѣе и боязливѣе; но за то, вступивъ разъ на эту дорогу, превосходятъ мужчинъ смѣлостью риска, а также жадностью къ выигрышу. По возрасту игроки преимущественно молодые люди и зрѣлаго возраста. Южные жители, какъ вообще менѣе мыслящіе, склонны къ азартной игрѣ болѣе сѣверныхъ, которые предпочитаютъ игры коммерческія. По состояніямъ игроки бываютъ: или очень бѣдные люди, которыми руководить пріятная, но обманчивая надежда доставить себѣ сразу благосостояніе, котораго они не могутъ достигнуть путемъ труда; или очень богатые люди, побужденіемъ у которыхъ является потребность потѣшить счастьемъ свое самолюбіе и пощекотать неизвѣстностью притупленные обыкновенными удовольствіями нервы. Отличительная черта игрока есть уменьшеніе на словахъ цифры выигрыша и увеличеніе цифры проигрыша, хвастовство проигранными суммами и презрѣніе къ неиграющимъ, при чемъ часто обнаруживается стремленіе увлечь, соблазнить игрой. Игра въ большинствѣ случаевъ идетъ рука объ руку со сластолюбіемъ, пьянствомъ, развратомъ и всегда является антагонистомъ чувству любви. Всякій истинный игрокъ, игрокъ по страсти, презираетъ женщину и смотритъ на нее только, какъ на игрушку. Равнымъ образомъ игра развиваетъ полное презрѣніе къ труду и вообще заслугамъ. Всякій игрокъ суевѣренъ. По составу эта страсть очень сложная; по характеру слѣпая и тиранническая.

Физиологическіе и сценическіе признаки. Быстрое, безпорядочное кровообращеніе, производящее попеременно въ организмъ то возбужденное, то угнетенное состояніе. Главнымъ образомъ въ этой страсти работаетъ воображеніе и нервная система. Въ обыденной жизни своей игрокъ не отличается никакими рѣзкими особенностями; вообще имѣетъ характеръ мономана, человѣка, имѣющаго свою *idée fixe*. Все серьезное его не

занимаетъ, взглядъ его широкъ, но не глубокъ, онъ легкомысленъ, любимая тема разговоровъ: игра, рискъ, азартъ. Во время удовлетворенія страсти игрокъ блѣднѣетъ и краснѣетъ (приливы и отливы крови); глаза, устремленные впередъ, расширены и горятъ (вниманіе и жадность); губы сжаты, по временамъ дрожатъ (самообладаніе и борьба съ самимъ собою); въ тѣлѣ ощущеніе холода (признакъ испуга); откидываніе головы при выигрышѣ назадъ (гордость побѣды); иногда при этомъ же случаѣ сдержанный, глубокій вздохъ, междометіе уфъ! (освобожденіе отъ грозившей опасности); неловкое, неестественное положеніе тѣла, напряженіе и безобразная гримаса лица при большомъ проигрышѣ, (робость, стыдъ, униженіе); иногда выраженіе ненависти и зависти къ сопернику. Походка то горделивая, самоувѣренная, то убитая, неловкая. Судорожное ломаніе рукъ (наказаніе ихъ за то, что не могли удержать проиграннаго), скрещиваніе ихъ на груди (намѣреніе не прикасаться ни къ чему окружающему), удары въ собственную голову и грудь (выраженіе ярости, обращенной на самаго себя).

ГОРДОСТЬ.

Опредѣленіе.—Виды страсти: высокомѣріе, надменность, самодовольство, высокоуміе, фатство, тщеславіе, хвастовство, чванство.—Условія развитія гордости.—Физиологическая замѣтка и сценическіе признаки.

Гордость, какъ психическое развитіе чувство силы (энергіи) имѣетъ два значенія: 1) Гордость, какъ хорошее качество и добродѣтель (*fierté*), есть разумное довѣріе къ собственнымъ силамъ и достоинствамъ; нравственная стыдливость, мѣшающая намъ сдѣлать безчестный поступокъ, 2) Гордость, какъ порокъ (*orgueil*) есть преувеличенное уваженіе самаго себя, происходящее отъ идеи о своихъ достоинствахъ мнимыхъ или дѣйствительныхъ.

Видовъ и оттѣнковъ гордости очень много:

1) Высокомѣріе — презрѣніе къ другимъ, происходящее вслѣдствіе сравненія съ собою (высокая мѣрка для самаго себя).

2) Надменность, надутость — стремленіе занять вездѣ первое мѣсто, какъ бы по праву быть выше другихъ.

3) Самодовольство — сосредоточеніе всего міра въ своей собственной личности. Постоянное самодовольство есть отличительная черта ограниченности.

4) Высокоуміе — полная, слѣпая увѣренность въ превосходствѣ своего ума. Высокоумный ничего не боится, не вѣрится въ затрудненія и невозможность сдѣлать что нибудь, совершенно неспособенъ сознать въ себѣ возможность ошибки и тупо, жестоко строитъ къ другимъ.

5) Фатство — самодовольство въ его высшемъ развитіи, — исключительное наслажденіе самимъ собою; желаніе сдѣлать себя предметомъ удивленія и созерцанія. *Delicatus, fatuus* — пустой — его имя; основная идея убѣжденіе въ своей порядочности; *nil admirari*, ничему не удивляться — его девизъ. Фатъ фамиліаренъ со старшими и высшими, дерзокъ съ низшими, важничаетъ, тонируетъ съ равными. Фатъ ничего такъ не боится, какъ показаться смѣшнымъ въ обществѣ. У фатовъ свои извѣстныя манеры и свой извѣстный способъ разговора, по ихъ понятіямъ, непременно приличныя. Фатовство является вмѣстѣ съ цивилизаціей, это какъ бы прыщи общественнаго организма; у дикарей фатовъ нѣтъ. Хлыщъ — это отѣнокъ фата, ничего не дѣлающаго, ничего не имѣющаго, живущаго, какъ говорятъ, на фуфу, но бьющаго постоянно на великосвѣтскость. Въ обществѣ фаты извѣстны подъ различными именами: *gandin, petit crevé, roué, левъ, львица, онагръ*.

6) Тщеславіе есть гордость не дѣйствительными достоинствами или заслугами, а фиктивными, ничтожными преимуществами даже иногда совершенно чуждыми тому, кто тщеславится; на примѣръ тщеславіе знакомствомъ съ богачемъ, или знатнымъ. Различіе тщеславія отъ гордости заключается въ узкости, мелочности взгляда на вещи, а также и въ томъ, что гордость живетъ сама собою, имѣетъ свою внутреннюю жизнь; у тщеславія же

пища внѣшняя — людскія отношенія. Источниками тщеславія являются богатство, знатное происхожденіе, почести, удача, физическія достоинства, иногда даже преступленія и недостатки; на примѣръ тщеславіе количествомъ убійствъ, проигрыша и т. п. Тщеславіе ненасытно, какъ скупость, но не постоянно; оно безпрерывно мѣняетъ игрушки. Въ тщеславіи есть собственное внутреннее самосознаніе, но въ немъ тщеславный никогда не признается другимъ.

7) Хвастовство есть видъ тщеславія, обнаруживающійся по преимуществу въ разговорахъ о предметахъ тщеславія. Короче, хвастовство есть болтливое тщеславіе.

8) Чванство, чопорность, — также видъ тщеславія, обнаруживающійся въ стремленіи копировать манеры гордыхъ и знатныхъ людей.

По возрастамъ можно распределить эти виды гордости такимъ образомъ: дѣтство тщеславно; молодости доступны всѣ виды; въ зрѣломъ возрастѣ по преимуществу гордость серьезная съ болѣе опредѣленнымъ сознаніемъ своего достоинства, встрѣчается меньше случаевъ тщеславія, фатства и хвастовства; старость вообще лишена гордости, за немногими исключеніями, на примѣръ фамиліарная гордость, національная. Женщины горды менѣе мужчинъ, но за то большинство изъ нихъ тщеславны. Фатство у женщинъ проявляется по преимуществу въ слѣдованіи модѣ; на примѣръ: львицы, *femmes à la mode*. Изъ темпераментовъ наименѣе склонны къ гордости флегматическій и меланхолическій. Въ отношеніи къ состоянію и общественному положенію можно признать общимъ правиломъ слѣдующее: тѣмъ богаче человекъ средствами, тѣмъ болѣе пища для гордости и наоборотъ. Гордый есть постоянный эпитетъ богатства и знатности.

Физиологическая замѣтка. Гордость по натурѣ своей есть страсть дѣятельная, обуславливающая извѣстную степень энергіи и умственныхъ способностей. Общія свойства гордости: несправедливость и строгость относительно другихъ, дерзость, смѣлость, нахальство. У гордаго человека замѣчается развитіе умственной дѣятельности въ ущербъ чувству; отсюда часто происхо-

дитъ жестокость. Гордость обнаруживается главнѣйшимъ образомъ при спокойномъ, невозбужденномъ состояніи организма; всѣ физическія отправления совершаются правильно.

Сценическіе признаки. Гордость, какъ въ разумномъ, такъ и въ извращенномъ смыслѣ слова, имѣетъ свои характерные признаки. Гордость разумная, будучи чувствомъ болѣе нравственнымъ, чѣмъ матерьяльнымъ, выражается въ величественной осанкѣ (человѣкъ вытягивается во весь ростъ), отсюда взглядъ свысока; голова держится прямо, глаза смѣло раскрыты, взоръ повелѣвающій, ротъ закрытъ, ноздри слегка вздернуты, движенія бровей и лба обнаруживаютъ избытокъ внутренней энергіи. Тонъ разговора повелительный, отрывистый, рѣчь скупая, но сильная. Руки нѣсколько отдалены отъ туловища (какъ бы очищающія мѣсто), или заложены за спину (нежеланіе протянуть кому либо руку), плечи нѣсколько подняты, по преимуществу правое. Походка гордаго человѣка смѣлая, самоувѣренная, твердая и спокойная. Отличительная черта гордости, какъ достоинства, есть выраженіе спокойствія во взглядѣ и движеніяхъ; на всей фигурѣ лежитъ отпечатокъ величія и простоты, ничего вычурнаго, выдающагося, рѣзкаго; все сосредоточивается на внутреннемъ сознаніи силы. Гордость, въ дурномъ смыслѣ слова, имѣетъ различные оттѣнки. Высокомѣріе, будучи гордостью въ соединеніи съ глупостью и животнымъ эгоизмомъ, выражается въ насильственномъ увеличеніи своихъ внѣшнихъ размѣровъ (онъ надувается), глаза не смотрятъ свободно вдаль, какъ у гордаго, а опускаются (идея равнодушія ко всему міру). Рядомъ съ деревяннымъ, такъ сказать, выпрямленіемъ стана, идетъ какъ бы обнюхиваніе самаго себя, наслажденіе самимъ собою (видъ павлина и индѣйскаго пѣтуха. Нахальство, смѣсь высокомѣрія, презрѣнія и упрямства, выражается сильнымъ приподнятіемъ плечъ и головы, вздернутыми губами и носомъ, взглядомъ сухимъ, рѣзко обѣгающимъ кругомъ себя, но безъ вниманія. Во всѣхъ манерахъ хлыща и фата обнаруживается пренебреженіе къ окружающимъ. Лицо не краснѣетъ, брови почти постоянно сближены. Рѣчь сквозь зубы и въ носъ, какъ бы неохотная, тѣлодвиженія развязныя, но имѣ-

ють непріятный видъ ломанныхъ линій (ломанье). Подпираніе стана обѣими руками (руки въ боки), раскидываніе ногъ, размашистыя движенія рукъ, частое прищуриваніе глазъ при взглядѣ на окружающихъ, небрежное повертываніе себя спиной къ говорящему—всѣмъ извѣстные приемы нахала. >

СМИРЕНІЕ.

Скромность, какъ источникъ смиренія.—Формы его проявленія: уваженіе, почтаніе, благоговѣніе, раболѣпство, лесть.—Сценическіе признаки.

Въ прямой противоположности съ гордостью является смиреніе, вытекающее изъ своего первоначальнаго источника — скромности. Скромность есть спокойное чувство, раждающееся въ насъ вслѣдствіе сознанія своей слабости, сравнительно съ другими людьми, или съ идеаломъ цѣлаго человечества. Скромность бываетъ прирожденная и приобрѣтенная. Въ первомъ случаѣ она имѣетъ источникомъ физическую слабость организма и состоитъ въ весьма близкомъ сродствѣ съ боязливостью и стыдливостью. Стремленіе къ уединенію, молчаливость, сдержанность, способность конфузиться и краснѣть, вотъ отличительныя черты этого вида скромности. Къ проявленію подобнаго качества весьма много содѣйствуютъ темпераменты флегматическій и меланхолическій, (въ особенности послѣдній) и нѣкоторыя болѣзни, (по преимуществу желудочныя). Женщины, по преимуществу, обладаютъ этимъ видомъ скромности; у нихъ это чувство, подобно стыдливости, вполне натуральное. Скромность приобрѣтенная есть уже результатъ умственной дѣятельности; это есть извѣстное кроткое настроеніе духа, происходящее вслѣдствіе сознательнаго убѣжденія въ незначительности роли, которую человѣкъ занимаетъ въ обширной цѣпи мірозданія. Отсюда является способность критически относиться къ самому себѣ, а также уважать и любить другихъ. Подобная скромность есть не-

премьная спутница истиннаго ума и таланта, точно также, какъ тщеславіе и нахальство суть вѣрные признаки посредственности и бездарности. Полное развитіе подобной скромности есть смиреніе, отличительными свойствами которой являются благоразуміе, сдержанность, доброта.

Обыкновенныя формы проявленія чувства смиренія суть слѣдующія: 1) Уваженіе—сознательное признаніе за другимъ лицомъ физическихъ или нравственныхъ преимуществъ, ставящихъ насъ какъ бы въ обязательную для насъ зависимость отъ лица, ими обладающаго. 2) Почтеніе—тоже уваженіе, но имѣющее предметомъ не абсолютныя человѣческія достоинства, а по преимуществу заслуги и качества, приобретенныя подъ вліяніемъ условій общезжитія, таковы напримѣръ: почитаніе старшихъ, начальства и т. п. 3) Благоговѣніе—высшая степень уваженія, обнаруживающаяся главнѣйшимъ образомъ въ нашихъ отношеніяхъ къ предмету высокому, исключаящему даже возможность сравненія съ самимъ собою; напримѣръ: благоговѣніе къ Богу, къ великому героическому поступку, къ любимой женщинѣ. Въ благоговѣніи элементъ опасенія, входящій въ составъ уваженія и почитанія, усиливается до степени страха и трепета. Во всѣхъ названныхъ нами видахъ смиренія участвуетъ чувство любви, но лишенное совершенно своего чувственнаго, сластолюбиваго элемента. 4) Подобострастіе, раболѣпство суть извращенныя формы смиренія, обнаруживающіяся въ чрезмѣрномъ униженіи своего человѣческаго и личнаго достоинства предъ другими людьми. Эти качества бывають иногда искренними, безкорыстными вслѣдствіе мелкоты, ничтожности натуры, а также нелѣпаго воспитанія (забитости); но въ большинствѣ случаевъ оно является плодомъ обдуманнаго расчета на людское самолюбіе. Руководительнымъ началомъ подобнаго смиренія является хитрость—скрытая воля, обнаруживающаяся въ обманчивой внѣшности, лицемѣріи. 5) Лесть есть словесная форма низости, имѣющая цѣлью извлечь для себя выгоду путемъ обманчиваго угодничества людскому самолюбію.

Физиологія и сценическіе признаки смиренія находятся въ

прямой аналогіи съ чувствами, входящими въ его составъ. Робость, стыдъ—характерные признаки скромности. Уваженіе, почитаніе выражается извѣстнымъ наклоненіемъ головы и тѣла, стояніемъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ почитаемаго лица, не на первомъ планѣ, при чемъ глаза устремлены на него; также извѣстнымъ тономъ голоса (среднимъ между громкимъ и шопотомъ); руки оцущены вдоль туловища, ноги стоятъ вмѣстѣ одна съ другой. Въ благоговѣніи—колѣнопреклоненное положеніе съ поднятыми къ верху руками и сложенными ладонями, живой взглядъ неподвижно устремленъ къ небу (идея молитвы). Другая поза благоговѣнія: наклоненіе фигуры, стоящей на колѣнахъ съ руками сложенными крестообразно на груди (идея полной покорности). Низость и раболѣпство въ сценическомъ выраженіи соединяють признаки скромности и уваженія въ преувеличенномъ видѣ: болѣе частые поклоны, походка тихая, часто на цыпочкахъ, на лицѣ извѣстное выраженіе подобострастія, въ движеніяхъ обнаруживается вниманіе къ субъекту, доведенное до мелочей, голосъ мягкій, льстивый, вкрадчивый. Физиономическія черты хитрости и лицемѣрія: ласкающій, какъ бы мечтательный взглядъ, легкая, виѣшняя улыбка съ оттѣнкомъ презрѣнія во вздернутыхъ ноздряхъ, выраженіе горделивости на лицѣ и униженія въ жестахъ остальнаго тѣла.

Ч Е С Т О Л Ю Б І Е.

Определеніе и происхожденіе страсти.—Ея характеристика и условія развитія.—Виды: славолубіе, властолюбіе (тираннія, деспотизмъ, самодурство).—Физиологическая замѣтка.—Сценическіе признаки.

Честолюбіе, одинъ изъ важнѣйшихъ видовъ гордости, есть страсть, происходящая отъ извращеннаго понятія о чести. Честь, безчестіе, суть чувства рождающіяся въ насъ при мысли о хорошемъ или дурномъ мнѣніи людей о насъ самихъ. Это мнѣніе выражается словами (похвала) и поступками (почести, уни-

маніе, любезность), или же порицаньемъ, бранью, небрежностью, презрѣніемъ. Похвала пріятна, порицаніе нѣтъ, отсюда стремленіе къ первой, отвращеніе отъ втораго. Чувство чести прирождено человѣку, но характеръ, степень развитія и формы пониманія его весьма относительны и разнообразны, напр: понятія о воровствѣ, грабежѣ, дуэляхъ, военныхъ хитростяхъ, политикѣ и т. п. Честолюбіе есть стремленіе къ владычеству надъ другими путемъ нравственнымъ или матерьяльнымъ; оно есть ревнивое, эгоистическое служеніе самому себѣ, желаніе подчинить себѣ все путемъ возвышенія надъ другими. Это страсть могущественная, исключительная, обнимающая всего человѣка и потому вытѣсняющая прочія страсти, даже любовь къ женщинѣ; напр. Мазепа и Марія Пушкина; къ дѣтямъ, напр. Филиппъ II въ Донъ Карлосъ Шиллера. Источникъ и область дѣятельности этой страсти—умъ; по характеру она безгранична и неудовлетворима. Она походитъ на зависть въ томъ отношеніи, что никогда не оглядывается назадъ, а всегда идетъ впередъ. У честолюбца нѣтъ наслажденія, ибо нѣтъ удовлетворенія, а только вѣчное желаніе. Цѣль ея—слава, могущество, почести, богатство всѣ средства для достиженія хороши. Впрочемъ въ этой страсти есть и хорошая сторона: побужденіе къ великой дѣятельности, преодолюющее малодушный страхъ передъ опасностями, удерживающее часто отъ развитія грубыхъ инстинктовъ, могущее исправить порочнаго; это такъ называемое благородное честолюбіе. Причины, содѣйствующія развитію этой страсти, отчасти физическія, отчасти политическія. Люди съ желчнымъ, сухимъ, холерическимъ темпераментомъ вообще склонны къ развитію личнаго эгоизма; изъ нихъ люди съ ограниченными способностями—завистливы, люди болѣе одаренные природою—честолюбивы. Прогрессъ и цивилизація, выдвигая личность человѣка впередъ, даютъ пищу честолюбію указаніемъ болѣе широкаго поля для его дѣятельности. Вслѣдствіе этого въ Европѣ замѣчается болѣе глубокое и серьезное развитіе этой страсти, чѣмъ на востокѣ, гдѣ царитъ одинъ грубый деспотизмъ, опирающійся почти исключительно на физической силѣ. Дѣтство, какъ мы за-

мѣтили выше, бываетъ по преимуществу тщеславно, но не изъято также отъ начатковъ властолюбія, славолюбія и корыстолюбія; молодость по преимуществу славолюбива; зрѣлый возрастъ властолюбивъ; старость властолюбива и корыстолюбива. У женщинъ властолюбіе и славолюбіе, благодаря ихъ общественному положенію проявляется менѣе и вообще мелочнѣе, чѣмъ у мужчинъ; но за то женщины вообще склонны къ корыстолюбію. Отличительною чертою честолюбія можно считать то, что эта страсть не пренебрегаетъ для достиженія цѣли средствами по видимому прямо противоположнаго свойства, напр: самоуниженіемъ, лестью, подлостью.

Виды честолюбія: 1) Славолюбіе стремленіе къ славѣ и извѣстности. Слава есть похвала чему нибудь великому, имѣющему значеніе для всего человѣчества. Извѣстность, популярность есть похвала чему нибудь особенному, имѣющему значеніе только для извѣстнаго кружка людей или только для извѣстной эпохи. Извѣстностью люди пользуются преимущественно при жизни, слава настоящимъ образомъ обнаруживается послѣ смерти лица, ее снискавшаго. 2) Властолюбіе съ его отгѣнками: тираннія, деспотизмъ, самодурство. Тираннія есть поставленіе своей воли закономъ для другихъ на томъ основаніи, что приобрѣтеніемъ этой власти человѣкъ обязанъ самъ себѣ, а не другимъ. Деспотизмъ—поставленіе своей физической или умственной силы закономъ для другихъ. Самодурство—приданіе своему капризу обязательной силы для другихъ, на основаніи чисто случайныхъ обстоятельствъ. Проявленіе его всегда обусловливается ничтожествомъ или слабостью окружающихъ.

Физиологическая замѣтка. Дѣятельность мозга въ постоянномъ напряженіи; дыхательная система господствуетъ надъ всѣми другими отправлениями; кровь обращается сильно и часто, біеніе сердца; легкія дышатъ быстро и съ усиленіемъ. Грудь вообще развита, пищевареніе дурно, постоянно лихорадочное состояніе.

Сценическіе признаки вообще сходны съ признаками гордости; но въ моменты полнаго развитія страсти являются особыя

оттѣнки. На лбу глубокая морщина посрединѣ, брови сжаты и сближены (признаки вниманія); въ глубокихъ глазахъ взглядъ сухой, острый, пронзающій (анализъ, отгадка чужой мысли); губы сжаты безъ улыбки. Цвѣтъ лица сравнительно блѣдень. Голова, лицо, всѣ черты лица обнаруживаютъ напряженіе впередъ. Тонъ голоса и рѣчь повелительная, краткая, сухая, походка быстрая съ остановками. Руки нѣсколько впередъ, ноги слѣдуютъ болѣе по одному направленію, не разбрасываются, какъ у гордаго. Выраженіе лица вообще серьезное, озабоченное; въ минуту удачи выраженіе радости съ небольшимъ оттѣнкомъ злости на бывшія препятствія (наконецъ то достигнулъ цѣли!), въ моментъ неудачи на лицѣ выраженіе досады, гнѣва, злости, отчаянія.

КОРЫСТОЛЮБІЕ.

Происхожденіе страсти.—Виды: жадность, скупость, экономія, скряжничество, мотовство, щедрость.—Характеръ и развитіе страсти.—Физиологическая замѣтка.—Сценическіе признаки.

Корыстолюбіе, любостяжаніе есть слѣдствіе преувеличеннаго, извращеннаго пониманія инстинкта самосохраненія. Нравственными побужденіями къ развитію этой страсти являются опасеніе будущности и недовѣріе къ средствамъ, имѣющимся въ настоящемъ. «Скупой не живетъ, но надѣется жить» говоритъ Паскаль. Вообще же это есть страсть къ обладанію такими вещами, которыя служатъ средствами не столько для удовлетворенія потребностей повседневнаго быта, сколько для достиженія разныхъ пріятныхъ цѣлей. Въ корыстолюбіи три цѣли: или простое, безцѣльное стремленіе къ приобрѣтенію средствъ (жадность, любостяжаніе), или желаніе сберечь ихъ (скупость), или же стремленіе къ приобрѣтенію ради расточенія (мотовство). Разумная сторона скупости есть экономія, необходимая расчетливость на счетъ матерьяльныхъ средствъ жизни, вытекающая изъ

благоразумія и опытности. Экономія, доведенная до крайности, есть скряжничество, проявляющееся въ безсмысленномъ копленіи и сбереженіи вещей и предметовъ совершенно негодныхъ для употребленія. Щедрость, имѣющая въ виду помощь не имущимъ, есть разумная сторона расточительности. Скупость, какъ главнѣйшій видъ корыстолюбія, есть страсть холодная, исключительная, слѣпая, убійственная. Въ ней два составныхъ элемента: страданіе (боязнь потерять) и наслажденіе (идея обладанія, сознанія своей мнимой силы). Отличительными свойствами скупости можно признать постоянство, настойчивость, терпѣніе. Скупость почти всегда обнаруживается у людей ограниченнаго ума, инстинктивно недовѣряющихъ самимъ себѣ и стремящихся пополнить этотъ недостатокъ внѣшними средствами. Въ дѣтствѣ и юношествѣ скупость есть рѣдкое явленіе; дѣти жадны, юноши большею частію моты; чаще встрѣчается эта страсть въ зрѣломъ возрастѣ, по преимуществу расчетливомъ и экономномъ; въ больной и дряхлой старости она царствуетъ. Темпераментъ наиболѣе склонный къ ея развитію—флегматическій. Женщины вообще скупѣе мужчинъ. На сѣверѣ скупость развита сильнѣе, чѣмъ на югѣ; причина тому скрывается въ различіи обилія природныхъ средствъ къ жизни и легкости ихъ добыванія; потому же самому народы цивилизованные вообще скупѣе и расчетливѣе дикихъ.

Скупость не надобно смѣшивать съ жадностью. Скупой и мотъ могутъ быть одинаково жадны; мотъ даже можетъ быть болѣе жаденъ, чѣмъ скупой, потому что въ немъ живетъ постоянно мысль о недостаточности средствъ къ широкой жизни, въ этомъ онъ убѣждается на опытѣ и потому въ немъ жажда корысти для расточенія усиливается. Скупой же отличается, главнѣйшимъ образомъ, сосредоточенностью на томъ, что у него есть. У скупаго на первомъ планѣ стоитъ сохраненіе, на второмъ приобрѣтеніе, на третьемъ трата, у мота на первомъ трага, на второмъ приобрѣтеніе, на третьемъ—сохраненіе. Основа жизни скупаго—тихая неподвижность; у мота—движеніе съ шумомъ и эффектомъ.

Физиологическая замѣтка. У скупаго обнаруживается,

вслѣдствіе недостатка движенія, вообще болѣзненное состояніе организма: медленность, мертвенность всѣхъ отправленій съ временными, лихорадочными вспышками, оставляющими въ результатѣ разслабленіе, состояніе духа постоянно угнетенное, но въ тоже время не лишнее сравнительно эгоистическаго довольства.

Сценическіе признаки. Худощавость, желтизна кожи, сморщенность ея. Внѣшній видъ жалокъ, бѣдень, грязень, убитъ. Походка торопливая, прерывистая, болзливая, шаги маленькіе, тихіе. Голова почти всегда вытянута впередъ (признакъ жадности); тѣло нѣсколько наклонено впередъ, руки также, ладонь полуоткрыта. На лицѣ безпокойство и недовѣріе, смѣняемое часто сардонической улыбкой, какъ бы говорящей окружающимъ: «меня не обмануть.» Частое подергиваніе губъ. Скупой считаетъ по пальцамъ, говоритъ большею частію не громко и про себя. Въ разговорахъ часто повторяетъ одно и тоже. Относительно своихъ выгодъ мелочень, торопливъ и акуратень.)

Физиономія жаднаго человѣка видоизмѣняется, сообразно съ тѣмъ, испытываетъ ли жадный въ минуту порыва пріятную надежду достигнуть желаемаго, или онъ огорченъ вѣроятностью ожидаемой неудачи. Въ чертахъ его лица при достиженіи цѣли бываетъ выраженіе радости и самодовольства, но такъ какъ у него нѣтъ мѣры желаніямъ, то этимъ самымъ и отравляется спокойное наслажденіе, вслѣдствіе чего на лицѣ, вмѣстѣ съ радостью, появляется выраженіе испуга (возможность потери отъ враговъ), а также ненависти, огорченія (мало). Этотъ смѣшенный характеръ физиономіи представляетъ гіена, пожирающая съ наслажденіемъ кость и въ тоже время какъ бы плачущая надъ ней; тѣже признаки замѣчаются у кошки, волка, вообще у большинства хищныхъ животныхъ.)

ЛѢНОСТЬ.

Опредѣленіе, характеристика и условія развитія.—Физиологическіе и сценическіе признаки.

Лѣность есть любовь къ бездѣйствію физическому и нравственному. Основою ея можно считать врожденное челѣвѣку стремленіе къ идеальному, но неосуществимому на землѣ надлежащимъ образомъ нормальному состоянію, обнаруживающееся въ постоянной жадѣ удовольствія и покоя. Но такъ какъ вся обстановка обыденной жизни обусловливаетъ это состояніе покоя извѣстнымъ періодомъ дѣятельнаго труда, то этимъ самымъ опредѣляется неразумная сторона лѣности — стремленіе къ покою и отдыху ранѣе труда, между тѣмъ какъ они должны ему послѣдовать.

Причины, вліяющія на развитіе лѣности, довольно многочисленны и разнообразны. Дѣтство вообще наклонно къ лѣности; природа какъ будто предназначила этотъ возрастъ для исключительнаго развитія самаго организма, потому сонъ, питаніе и физическія упражненія играютъ преимущественную роль въ жизни ребенка. Равнымъ образомъ старость, лишая челѣвѣка извѣстныхъ запасовъ силъ, а также, опираясь на принципъ прошедшей дѣятельности, имѣетъ какъ бы законныя основанія для проявленія расположенія къ лѣности. Въ юношескомъ и зрѣломъ возрастѣ лѣность является порокомъ, зависящимъ отъ причинъ физическихъ и политическихъ. Организанія слабая, лишняя энергической силы, лимфатическій темпераментъ, по преимуществу, вообще предрасполагаютъ челѣвѣка къ апатіи и лѣности; равнымъ образомъ вліяютъ въ этомъ отношеніи внѣшніе физическіе недостатки и болѣзни. Жаркій климатъ, роскошная почва, дающія возможность легкаго добыванія средствъ пропитанія, суть также обстоятельства, вызывающія праздность и привычку къ лѣности. Сюда же отнесемъ вліяніе долговременнаго сна, неумѣреннаго употребленія одуряющихъ напитковъ, обильное насыщеніе, вообще излишество чувственныхъ наслажденій. Изъ по-

литическихъ причинъ наиболѣе дѣйствующихъ на развитіе лѣности, укажемъ на направленіе воспитанія и на богатство. Лѣность, какъ нравственное качество, не существуетъ въ животномъ мірѣ; замѣтное различіе, замѣчаемое нами въ характерѣ дѣятельности различныхъ животныхъ (муравей, бобръ и лѣннинецъ) зависитъ исключительно отъ ихъ природныхъ инстинктовъ и организаціи, и слѣдовательно по сущности не есть то, что мы обыкновенно называемъ лѣностью. — Лѣность людская проявляется въ двухъ видахъ: положительной, скучающей или апатической праздности и склонности къ пустымъ и бесполезнымъ занятіямъ (туалетъ, хожденіе изъ угла въ уголъ, шатаніе, страсть къ визитамъ).

Въ физиологическомъ отношеніи лѣность, какъ состояніе физическаго и нравственнаго покоя, обуславливается вообще известною степенью здороваго состоянія, но всякій излишекъ ея отражается неблагоприятнымъ образомъ на организмѣ. Отсутствіе движенія обуславливаетъ недостатокъ живаго кровообращенія, отсюда тучность, одышка, тяжесть. Въ нравственномъ отношеніи лѣность почти всегда неразлучна съ глупостью и ограниченностью. Дѣятельность есть одна изъ характерныхъ чертъ ума и гения. Лѣность въ психическомъ отношеніи имѣетъ два опасныхъ свойства: она постепенно втягиваетъ человѣка и можетъ дѣйствовать заразительнымъ образомъ на окружающихъ. Вслѣдствіе этого мы встрѣчаемъ людей, впадающихъ въ совершенную лѣность послѣ известнаго періода энергической дѣятельности и людей, излѣнившихся только вслѣдствіе частыхъ сообщеній съ лѣнивыми. Сценическіе признаки лѣности: медленность, вялость движеній, тяжелая небрежность во всѣхъ дѣйствіяхъ. Лѣность постоянно устааетъ, отсюда позы сидячія и лежачія. На лицѣ отпечатокъ апатической скуки, или глупаго довольства, улыбка лѣности пошлая, рѣчь медленная и безцвѣтная или пустая болтовня, частый позывъ ко сну (зѣвота), или глупый, легкомысленный смѣхъ.

ЛЮБОВЬ КЪ БЛИЖНИМЪ.

Любовь половая.—Опредѣленіе.—Происхожденіе.—Значеніе и характеристика.—Различіе формъ ея проявленія въ зависимости отъ пола, темперамента, природы и образованности.—Физиологическія замѣчанія.—Сценическіе признаки различныхъ періодовъ страсти.

Любовь половая есть сильное, глубокое желаніе, ищущее себѣ удовлетворенія въ сношеніи и тѣснѣйшемъ соединеніи съ личностью другаго пола. Процессъ образованія этого чувства можно объяснить такимъ образомъ. Каждый индивидуумъ, мужчина и женщина, взятый отдѣльно, не выражаетъ вполне идеи челоуѣчества, а для осуществленія ея нуждается въ дополненіи, которое составляетъ какъ бы другую его половину. Это дополненіе доставляетъ существо другаго пола на основаніи своей разнородности и въ тоже время соотвѣтствія организма. Стремленіе двухъ половъ (половинъ) придти въ цѣлостность, внутренняя необходимость сознавать себя вполне челоуѣкомъ только въ сочетаніи съ другимъ недѣлимимъ есть любовь. Это стремленіе можетъ быть истиннымъ и вѣрнымъ только тогда, когда обѣ половины достигли надлежащаго развитія своего физическаго и нравственнаго организма. Въ своемъ первоначальномъ видѣ любовь, равно какъ и ненависть, есть выраженіе чисто физическаго побужденія (чувственная любовь); при дальнѣйшемъ развитіи это чувство обуславливается возбужденіемъ всѣхъ душевныхъ способностей. Въ своемъ полномъ видѣ любовь требуетъ кромѣ чувственности, удовлетворенія эстетическаго чувства (наслажденіе внѣшнею красою), а также умственныхъ и нравственныхъ стремленій. Такая любовь, охватывающая всѣ стороны челоуѣческаго бытія, есть любовь вѣчная, потому что въ ней получаютъ удовлетвореніе постепенно одна за другою всѣ безконечныя цѣли духовной жизни, которыя ставятъ желанію чувство и познаніе. Но такъ какъ въ мірѣ весьма рѣдко случается, чтобы процессъ развитія этого чувства совершался согласно съ природою одновременно въ равной степени въ обоихъ индивидуумахъ,

то въ большинствѣ случаевъ мы встрѣчаемъ противорѣчащія явленія. Такъ на примѣръ на нисшихъ степеняхъ челоѳческаго развитія, гдѣ любовь не идетъ далѣе чувственныхъ побужденій, является полигамія и полиандрія. Далѣе: въ челоѳческихъ обществахъ, благодаря историческимъ и экономическимъ условіямъ, обыкновенная форма любви по необходимости ограничивается часто однимъ чувственно-эстетическимъ побужденіемъ, рѣдко переживающимъ извѣстный періодъ частаго удовлетворенія своихъ желаній. Такая любовь, строго говоря, продолжается только до момента своего полного проявленія; вслѣдъ за удовлетвореніемъ паеоса страсти слѣдуетъ отвлеченіе, сердце уступаетъ разсудку, и, по неизбѣнью другихъ сторонъ ко взаимному удовлетворенію, начинается обратное движеніе. Процессъ такой любви выражается въ страстно восторженныхъ отношеніяхъ въ началѣ и затѣмъ въ раскаяніи послѣ минутнаго увлеченія, въ охлажденіи, равнодушій и измѣнѣ, которая есть ничто иное, какъ выраженіе попытки найти болѣе полное удовлетвореніе. Такъ какъ это случается весьма часто, то въ общезитіи и сложилось убѣжденіе, что въ самой основѣ любви лежитъ роковое начало, обуславливающее моментъ удовлетворенія страсти ея уничтоженіемъ. Отсюда то явленіе, что въ литературѣ почти всѣхъ народовъ бракъ является по преимуществу концомъ романтической, любовной интриги. Другая сторона, мѣшающая гармоническому единенію, обуславливаемому любовью, заключается въ большой однородности, одинаковости натуръ любящихся. Любовь обуславливается не сходствомъ индивидуумовъ, а извѣстною степенью контраста, не исключающаго въ тоже время необходимаго соответствія между сближающимися субъектами. Такъ женщины, отличающіяся твердостью духа, силою воли, предпочитаютъ мужчинъ мягкаго, уступчиваго характера и на оборотъ. По той же самой причинѣ любовь между существами близко другъ друга знающими, котормъ нечего, такъ сказать, дополнять другъ въ другѣ, не достигаетъ своего надлежащаго развитія; браки между близкими родственниками и друзьями дѣтства рѣдко бываютъ удачны.

Если, какъ мы сказали выше, для надлежащаго проявленія

чувства любви недостаточно однихъ чувственныхъ побужденій, хотя бы и въ соединеніи съ эстетическими условіями; то съ другой стороны оказывается несостоятельнымъ исключительный перевѣсъ въ другую, идеальную, сторону. Мы говоримъ о платонической любви, проявляющейся въ мечтательномъ чувствѣ благоговѣнія къ существу другаго пола, въ которомъ, по мнѣнію любящаго, олицетворяется идеаль недосягаемой небесной красоты и нравственнаго величія, недоспускающихъ по своему значенію возможности земнаго, чувственнаго сближенія. Въ извѣстномъ, сложившемся для проявленія любви возрастѣ, это явленіе есть ненормальное, болѣзненное и ложное. Естественнымъ результатомъ подобнаго чисто искусственнаго направленія чувства являются физическое и нравственное разстройство организмовъ. (Галлюцинаціи въ женскихъ монастыряхъ среднихъ вѣковъ и релігіозный фанатизмъ рыцарей).

Упомянутое нами стремленіе къ единству высказывается вначалѣ у обоихъ половъ неопредѣленно и безсознательно: юноша стремится привязать себя къ какому нибудь внѣшнему бытію, является мечтательное, всецѣлое отдаваніе себя отечеству, дружбѣ, искусству и т. п.; у дѣвушки тоже стремленіе выражается тихимъ сочувствіемъ несчастію и слабости, теплымъ чувствомъ къ поэзіи, героическимъ подвигамъ и т. д. Всѣ эти проявленія суть безсознательныя попытки примирить возникающую потребность дополненія. Съ развитіемъ физическихъ и нравственныхъ силъ является напряженіе въ черепномъ мозгѣ (приливы крови, волненія), въ воображеніи слагается опредѣленный образъ красоты олицетворяющійся въ существѣ другаго пола и образуется стремленіе чаще и ближе созерцать его. Въ этомъ періодѣ преобладаютъ идеальныя формы; это есть состояніе влюбленности, очарованіе любви, воспѣваемое поэтами, когда люди понимаютъ другъ друга безъ словъ, при одномъ взглядѣ, когда выражаются больше звуками, чѣмъ словами, отрывистыми фразами, а не періодами (музыка и мимика любви). Затѣмъ стремленіе къ наибольшему сближенію съ предметомъ любви идетъ crescendo; отсюда нетерпѣніе, порывистость, отсутствіе обыкновенной логики въ рѣчахъ и поступкахъ

(состояніе полусумашедшее). Поцѣлуй любви есть первый фактъ, выводящій это чувство изъ отвлеченной области идеаловъ въ жизнь дѣйствительную; въ періодѣ послѣдующемъ любовь уже получаетъ определенное реальное выраженіе. Если нормальное, согласное съ природою стремленіе человѣка къ единенію съ найденною половиною производитъ ощущеніе пріятное (очарованіе любви); то стремленіе, затрудненное какими нибудь препятствіями, производитъ ощущеніе неприятное (томленіе, грусть, тоска влюбленныхъ въ разлукѣ). Если внутреннія, или внѣшнія препятствія къ соединенію любящихся слишкомъ сильны, непобѣдимы, то это чувство извращается, является сомнѣніе въ истинности самаго чувства любви. Отсюда становятся понятными слѣдующія явленія: старыя дѣвы вообще ненавидятъ влюбленныхъ, онѣ влюбляются въ кошекъ, собакъ, въ извѣстныя идеи и вещи (ханжество, страсть собирать почтовые марки, монеты и т. п.). Мужчины-холостяки влюбляются иногда въ искусства и гражданскія идеи (присяжные меломаны и политики), пристращаются къ игрѣ, дѣлаются идеальными друзьями мужчинъ, ударяются въ аскетизмъ и фанатизмъ и т. п. Любовь, какъ высшее начало, гармонически примиряющее контрасты, изъ которыхъ слагаются явленія міра, есть чувство единое и всеобщее для всего человѣчества, но по своему характеру, степенямъ и формамъ проявленія представляетъ безчисленное множество видовъ и оттѣнковъ, зависящихъ отъ условій пола, темперамента, климата, національности и образованности.

По полу различіе оттѣнковъ любви можно опредѣлить такъ: въ любви мужчины почти всегда половина эгоизма, у женщинъ цѣликомъ самоотверженіе, любить для многихъ изъ нихъ значитъ пожертвовать всѣмъ остальнымъ. Любовь для мужчины одна изъ цѣлей жизни; для женщины она почти единственная. Долгій періодъ влюбленнаго состоянія возвышаетъ красоту и значеніе женщины, это чувство развиваетъ ее физически и нравственно; мужчинѣ же она сообщаетъ что-то чуждое уму и достоинству. Надъ влюбленными дѣвушками и женщинами смѣются гораздо рѣже, чѣмъ надъ юношами и мужчинами. Любовь дѣлаетъ мужчину

болтливымъ, готовымъ обнять всѣхъ и каждого, заставляетъ быть неумѣреннымъ, высказаться какимъ нибудь образомъ; женщина въ любви становится серьезнѣе, молчаливѣе, сосредоточеннѣе въ самой себѣ. Потребность любви упорнѣе, настойчивѣе, постояннѣе у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ. Любовь женщинъ есть чувство болѣе идеальное; у мужчинъ болѣе матерьяльное. Потребность любви у женщинъ проявляется ранѣе, чѣмъ у мужчинъ. Мужчины любятъ въ женщинѣ преимущественно красоту, ловкость, грацію; женщина — величіе, героизмъ. (Одностороннее развитіе этой идеи представляетъ пристрастіе женщинъ къ военнымъ, а мужчинъ къ хорошенькимъ личикамъ).

По темпераментамъ. Мужчина сангвиникъ склоненъ по преимуществу къ увлеченію, но не къ серьезному, глубокому чувству; онъ ищетъ любви только, какъ наслажденія, мало способенъ къ постоянству. Такіе люди по преимуществу волокиты. Женщины часто временно ими увлекаются, впоследствии нерѣдко ненавидятъ, какъ виновниковъ разочарованія. Холерическій, желчный темпераментъ обуславливаетъ страсть сильную, глубокую, постоянную. Для него любовь — дѣло серьезной жизни, а не развлеченія. Жертвуя многимъ, часто всѣмъ для любви, онъ требуетъ такой же взаимности. Ревнуетъ онъ не скоро, но кончаетъ мщеніемъ и отчаяніемъ. Это типъ наиболѣе удобный для проявленія страсти со всѣми ея восторгами и страданіями. Женщины любятъ ихъ болѣе, чѣмъ сангвиниковъ, ибо въ нихъ по преимуществу выражается идея силы и величія. Меланхолическій темпераментъ склоненъ къ любви страдательной, болѣзненной и мечтательной. Платоническое обожаніе красоты, вѣрность до гроба, боязнь смѣлыхъ порывовъ страсти—его отличительныя свойства. Женщины вообще презираютъ ихъ, ибо видятъ въ нихъ выраженіе идеи слабости и нравственнаго безсилія. Флегматическій темпераментъ мало склоненъ къ страсти; его любовь холодная, логически необходимая съ полнымъ отсутствіемъ поэзіи. Флегматикъ любитъ искренно, но односторонне. Его любовь разсудительная, исходная точка—полезность этого чувства. Онъ вѣренъ долго, потому что не любитъ хлопотъ переменъ. Женщины ча-

сто за нихъ выходятъ замужъ, но не любятъ. Тѣже вліянія оказываетъ темпераментъ и на женщинъ, только онѣ обнаруживаются съ меньшею рѣзкостью, благодаря женской ловкости и умѣнью скрывать свои ощущенія.

Климатъ и почва, обусловливающіе различіе въ характерѣ и жизни народовъ, также не остаются безъ вліянія на это чувство. Страны холодныя, укрѣпляя организмъ, но давая въ тоже время мало пищи воображенію, посредственно вліяютъ на развитіе этого чувства въ формахъ тихихъ, спокойныхъ, постоянныхъ. Область любви супружеской, брачнаго чувства, ограничена известными принципами религіозными и гражданскими, сосредоточивается по преимуществу въ странахъ умѣренныхъ. Любовь, какъ страсть внезапная, сильная, скоропреходящая, часто переходящая въ исключительное сладострастіе, преимущественно родится подъ знойнымъ климатомъ, посреди роскошной природы, вліяющей главнѣйшимъ образомъ на воображеніе. Для сравненія можно взять поэтическую картину Скандинавской Валгаллы и Магометова рая. Вообще замѣтимъ, что Азія есть классическая страна любви, какъ страсти чувственно-эстетической, что доказывается религіями восточныхъ народовъ.

Цивилизація, опредѣляя главнѣйшимъ образомъ смыслъ и значеніе брачныхъ союзовъ, сообразно степенямъ интеллектуальнаго и нравственнаго развитія народовъ, вліяетъ весьма сильно на формы, въ которыхъ обнаруживается то или другое направленіе любовнаго чувства. Для сравненія можно указать на любовныя миѣы Востока, Греціи, Рима, Христіанскаго міра.

Физиологическая замѣтка. Въ составъ этого чувства входятъ два противоположныхъ элемента: 1) самопожертвованіе новому существу (самоуничтоженіе) и 2) возвышеніе собственной жизни (эгоистическое желаніе, творчество). Въ первомъ случаѣ обнаруживается дѣятельность системы отдѣленій (неправильность кровообращенія, потеря равновѣсія въ крови, лишеніе аппетита); во второмъ работаетъ главнымъ образомъ нервная система, возбуждая воображеніе. Первое физиологическое явленіе психически отражается въ стремленіи влюбленныхъ

сочувствовать другому, предаться, разрѣшиться, уничтожиться въ чемъ нибудь вѣншемъ, противоположномъ себѣ, что и высказывается въ самоотверженіи любящаго, самоубійствахъ отъ любви, отсутствіи мелочныхъ проявленій самолюбія, щедрости въ подаркахъ и т. п. Известны всѣмъ выраженія влюбленныхъ: «я твой на вѣки, я твой рабъ, я готовъ на всѣ жертвы, я готовъ умереть за тебя». Второе физиологическое явленіе психически отражается въ возбужденномъ эгоистическомъ наслажденіи влюбленныхъ идеєю творчества. Отсюда любимая мечта всѣхъ родителей — семейное сходство дѣтей, радость при мысли о потомствѣ, радостное сознаніе того, что человекъ не одинокъ на свѣтѣ, что онъ можетъ многое сдѣлать...

Сценическіе признаки. Ни одна страсть не имѣетъ такихъ разнообразныхъ, переменчивыхъ оттѣнковъ, какъ любовь, вслѣдствіе чего вѣрная передача этого чувства на театральной сценѣ есть труднѣйшая задача артиста. Вообще замѣтимъ, что хорошіе любовники-актеры рѣдкость, хорошія любовницы встрѣчаются чаще. Такъ какъ въ самой натурѣ любви лежатъ противорѣчащіе элементы, самоотреченіе и эгоизмъ, то это противорѣчіе отражается и на внѣшнихъ признакахъ влюбленнаго: его состояніе обнаруживаетъ всѣ признаки пріятныхъ чувствованій и въ тоже время всѣ краски угнетеннаго состоянія, страданія. Не даромъ Греки создали Купидона, наносящаго раны стрѣлами любви. Чаще всего наблюдатель можетъ найти во влюбленномъ сходство съ сумасшедшимъ, т. е. дѣйствующимъ на перекоръ той нормѣ, которую люди вообще признаютъ за правильную, логическую. Отсюда известные выраженія: «онъ точно помѣшался отъ любви, влюбленный дуракъ». Постараемся опредѣлить сценическіе признаки любви по различнымъ періодамъ развитія этой страсти.

1) Начало любви. Здѣсь обнаруживаются признаки, свойственные изумленію и стыду. Тѣло все какъ бы сжато, оно вздрогнуло и застыло въ известномъ положеніи; при стремленіи выйти изъ него является неловкость; взглядъ обращенъ къ землѣ, рѣчей нѣтъ, а только тихіе звуки, стремленіе удалиться при

неспособности тронуться съ мѣста. Припомнимъ трудность признанія влюбленныхъ даже передъ отцомъ и матерью.) Художественный образецъ этого періода чувства представляетъ намъ поэтическая, граціозная сцена Паоло и Франческо въ Божественной комедіи Данта.)

(2) Періодъ развитія чувства. Одинъ изъ отличительныхъ внѣшнихъ признаковъ этого періода есть косвенность приемовъ въ движеніяхъ и поступкахъ. Влюбленный не говоритъ, не идетъ прямо къ цѣли, а только намекаетъ, но намекаетъ внушительно, желая убѣдить предметъ страсти средствами какъ бы побочными. Сразу никто изъ влюбленныхъ не говоритъ: «я васъ люблю», а старается сначала показать и доказать, что онъ есть субъектъ достойный любви и для лучшаго достиженія этой цѣли часто даже маскируетъ невольнымъ образомъ свое чувство. Это есть такъ называемое ухаживаніе за любимой женщиной, невольная игра въ любовь. Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлаетъ человекъ добивающійся любви женщины? (Прежде всего въ рѣчахъ и поступкахъ онъ старается удалить мысль о своихъ характерныхъ качествахъ, силѣ и господствѣ; стремится убѣдить женщину, что онъ считаетъ ее гораздо выше и могущественнѣе себя; въ манерахъ своихъ избѣгаетъ всякой грубости и рѣзкости (маневръ кошки, подбирающей къ добычѣ и змѣи между цвѣтами); онъ старается вообще занять мѣсто пониже женщины, (влюбленный рыцарь у ногъ своей дамы); обнаруживаетъ робость въ голосѣ и рѣчахъ, прерываетъ себя, затрудняется, конфузится, молчитъ, какъ бы очарованный красотой женщины; ловитъ глазами ея мысль (невольникъ предъ господиномъ); жесты его сдержаны и боязливы; онъ робко жметъ руку, какъ бы нечаянно прикасается къ платью любимаго существа; въ заключеніе проситъ, не какъ знака любви, которой онъ, по его словамъ, недостоинъ, а какъ знака милосердія, сожалѣнія къ нему, несчастному, или руку на прощанье, или мирный братскій поцѣлуй.) Художественный образецъ въ этомъ случаѣ представляютъ намъ сцены Донъ Жуана съ Донной Анной въ «Каменномъ гостѣ» Пушкина. Женщина въ свою очередь въ это время старается по возможности долѣе выдержать себя непри-

ступной; или наивно равнодушною, не понимающею намѣковъ, обращающей ихъ въ шутку; отсюда у влюбленныхъ женщинъ является невольное, а у кокетокъ сознательное стремленіе помучить любимаго человека, огорчить его для того, чтобы послѣ утѣшить. (Легенда о сѣверной героинѣ Брунегильдѣ въ поэмѣ «о Нибелунгахъ»). Тѣже самые приемы замѣчаются въ этомъ случаѣ и въ царствѣ животномъ, напримѣръ движенія голубей, пѣтуховъ, кошекъ и т. п.

(3) Періодъ соглашенія, раздѣленія, признанія любви. Здѣсь признаки, свойственные удовольствію: влажные глаза, лицо сіяющее, руки сложены на груди, или порываются къ объятію, положеніе тѣла по преимуществу сидячее, сближеніе лицъ, смотрѣніе въ глаза, лѣнивая, граціозная небрежность въ позѣ женщины, смѣлость и ловкость въ позѣ мужчины (Дидона, слушающая Энея, картина Герена).

(4) Періодъ страстнаго увлеченія. Здѣсь признаки сильно возбужденнаго лихорадочнаго состоянія. Горящій, жадный взглядъ въ масляно-блестящихъ глазахъ, расширенныя ноздри, прерывистое дыханіе, трепетаніе груди, ротъ открытый на столько, что видны зубы, приподнятыя губы, (вызовъ на поцѣлуй); быстрыя порывистыя движенія, смѣняющіяся минутами совершенной неподвижности; голосъ громкій, часто рѣзкій, временемъ переходящій въ страстный шопотъ, рѣчь быстрая съ выразительной интонаціей; цѣлый рядъ жадныхъ, горячихъ поцѣлуевъ, небрежность къ костюму, забвеніе или пренебреженіе условныхъ свѣтскихъ приличій. Художественные образцы: Даная, Семела, Сатиръ и Вакханки.

(5) Любовь нераздѣленная, несчастная обнаруживается признаками угнетеннаго состоянія скуки и озлобленія. Выражается стремленіе освободиться отъ неотвязной мысли о предметѣ страсти, что высказывается въ общемъ видѣ неловкости; на лицѣ досада и притворное равнодушіе, придирчивость и мизантропія, чужая радость и веселье производятъ впечатлѣніе неприятное, раздражающее. Взглядъ блуждающій, горящій часто мрачнымъ огнемъ, лицо какъ бы измято, губы блѣдны, сардонич-

ческая улыбка, движенія безпорядчны, частые вздохи, молчаливость, невольное сжатіе кулака, руки близко къ туловищу, небрежность къ своему внѣшнему виду.)

КОКЕТСТВО.

Опредѣленіе.—Виды: естественное и искусственное.—Характеристика.—Различіе формъ его проявленія.—Сценическіе признаки.

Кокетство вообще, какъ желаніе нравиться, есть одинъ изъ видовъ гордости, но проявленіе его весьма часто въ связи съ любовнымъ чувствомъ. Въ отношеніи къ любви оно есть какъ бы тщеславіе чувства, выставляющаго себя на показъ. Въ кокетствѣ надобно отличать два вида: чувство натуральное, вытекающее изъ естественнаго побужденія нравиться; это—одно изъ свойствъ красоты, (сестра граціи) стремящейся показать себя въ наилучшемъ видѣ. У женщинъ это чувство инстинктивное; у мужчинъ большею частію приобрѣтаемое. Женщины кокетничаютъ преимущественно красотой и вообще внѣшностью; мужчины умомъ, знаніемъ, храбростью, чувствомъ. Кокетство расчетливое,—качество порочное, имѣющее въ виду не только нравиться другимъ, но еще привести въ отчаяніе, сдѣлать другаго несчастнымъ, или смѣшнымъ. Кокетку не веселятъ почести и уваженіе, ей нужны чужія страданія, скорбь влюбленныхъ ея пища; она вызываетъ признанія въ чувствѣ и не принимаетъ ихъ, возбуждаетъ страсть и въ то же время смѣется надъ нею. Строго говоря, подобнаго рода кокетство есть ничто иное, какъ выраженіе чувственнаго сладострастія, прикрытаго маскою стыдливости и приличія, въ основѣ котораго лежитъ искусственное, утрированное пониманіе такта женской любви, заставляющаго любящую женщину держаться постоянно середины между равнодушіемъ и благосклонностью. И такъ какъ намѣренность нигдѣ не бываетъ такъ противна какъ въ любви, то и выходитъ часто, что кокетка произво-

дитъ впечатлѣніе прямо противоположное задуманнымъ ею цѣлямъ. Отличительная черта кокетки—капризъ (необдуманное, скоропреходящее желаніе). Кокетство весьма разнообразно въ формахъ своего проявленія смотря по возрасту, общественнымъ условіямъ и національности. Въ молодости кокетство бываетъ большею частію необдуманное, естественное, невинное; условія общественной жизни часто развиваютъ его до степени извѣстной теоріи (матери иногда систематически учатъ дочерей, какъ поправиться женихамъ); по преимуществу кокетство проявляется въ женщинахъ уже отцвѣтающихъ, сознающихъ, что ихъ красота уже потеряла свою силу и въ старухахъ, вслѣдствіе приобрѣтенной привычки. Въ молодости умѣренное кокетство увеличиваетъ значеніе женской красоты, въ старости оно увеличиваетъ безобразіе силою контраста теоріи и дѣйствительности. Затѣмъ обдуманное кокетствомъ отличаются по преимуществу тѣ женщины, которымъ часто приходится быть въ мужскомъ обществѣ; таковы свѣтскія женщины и дамы полусвѣта. По національностямъ кокетство имѣетъ также свои особые оттѣнки, такъ напримѣръ: французенка, женщина по преимуществу свѣтская, кокетничаетъ прежде всего лицомъ, станомъ, умѣнемъ одѣваться, вкусомъ, ловкостью, остроуміемъ (шикъ); нѣмка—наивною чувствительностью, часто переходящею въ приторное жеманство; англичанка—нравственною чопорностью (pruderie), свѣдѣніями и умомъ (bas bleu); итальянки и испанки—сильною страстью; русская женщина—богатствомъ костюма, и видомъ неприступности.

Сценическіе признаки вообще сходны съ разными видами любви; неопытный наблюдатель въ хорошей кокеткѣ не отличитъ игры отъ дѣйствительнаго чувства, влюбленные въ этомъ случаѣ отличаются крайнею слѣпотою. Общія отличительныя черты слѣдующія: Взглядъ выразительный, вызывающій и вслѣдъ за тѣмъ равнодушный и строгій; въ движеніяхъ или обдуманная небрежность (кокетка какъ будто далека отъ мысли нравиться кому нибудь), или же суетливая забота о своей внѣшности, наприм. поправка платья безъ нужды, притворная конфузли-

вость при новомъ лицѣ, какъ бы нечаянная выставка на показъ красивой руки, плеча, ноги, походка, размѣренная по обстоятельствамъ; все это опытный посторонній глазъ можетъ легко подмѣтить. Глаза у кокетки искусственно суживаются (сладкіе глаза); на лицѣ мягкая, любезная улыбка, мгновенно пропадающая за спиной того, предъ кѣмъ кокетничаетъ; голосъ мягкій, заискивающий; частые вздохи, (представленіе себя несчастной съ цѣлью возбудить къ себѣ сочувствіе); громкій, фальшивый, звонкій смѣхъ, на манеръ дѣтскаго, обнаруживающій попытку представить себя простодушной, наивной; гнѣвъ, слезы и обмороки (представленіе себя обиженной и ревнивой), искренняя злость въ случаѣ неудачи. Вообще кокетка есть актриса въ жизни, взявшая на себя труднѣйшую роль и потому искусныхъ, хорошихъ кокетокъ мало и въ жизни и на театральной сценѣ; большинство ихъ не художественны, не выдержаны, часто уродливы и смѣшны. Всякая старая кокетка есть лицо безусловно комическое.

ЛЮБОВЬ СЕМЕЙНАЯ.

Виды: материнская, отцовская, дѣтская.—Характеристика и значеніе.—Сценическое выраженіе.

Материнская любовь есть прирожденное чувство въ сердцѣ матери, тѣсно связывающее ее со своимъ ребенкомъ и заставляющее ее жить съ нимъ, какъ бы одною жизнью. Изъ всѣхъ видовъ человѣческой любви эта любовь есть величайшая, чистѣйшая и прочнѣйшая. Всякая другая любовь рядомъ съ самоотверженіемъ опирается на эгоизмъ; любовь матери единственная безкорыстная, безграничная, ея счастье — счастье ребенка. Это чувство можно нѣсколько сравнить съ чувствомъ художника къ своему произведенію съ тою только разницею, что привязанность матери сильнѣе и глубже. Предметъ художнической любви — вещь (картина, статуя); предметъ материнской любви — человѣкъ;

художникъ въ свое произведеніе влагаетъ свою душу — идею; мать кромѣ того, раздѣляетъ со своимъ произведеніемъ свой физическій организмъ. Благодаря этой близкой связи, въ сердцѣ матери живетъ постоянно инстинктивная потребность сближенія со своимъ ребенкомъ и постоянная боязнь разлуки. Любовь матери есть единственное земное олицетвореніе идеи любви безконечной и всепрощающей. Случаи отреченія, отверженія матери отъ своего ребенка очень рѣдки и въ большинствѣ случаевъ имѣютъ характеръ болѣзненного, насильственного извращенія чувства. Безкорыстіе материнскаго чувства проявляется весьма рельефно въ томъ фактѣ, что любовь ея увеличивается пропорціонально тѣмъ страданіямъ, которыя заставляютъ переносить ее ея дѣтище. Ни уродство, ни преступленіе не уничтожаютъ вполне этого чувства. Въ основѣ материнской любви, прирожденной всѣмъ женщинамъ и самкамъ лежитъ одна общая идея сохраненія рода; но между чувствомъ животнымъ, инстинктивнымъ и осмысленнымъ человѣческимъ есть большое отличіе. Привязанность самки длится не долѣе того времени, какое нужно для того, чтобы животное могло само снискивать себѣ пропитаніе; привязанность матери длится цѣлую жизнь, не угасая въ самую минуту смерти. Тѣмъ не менѣе, однако, подъ вліяніемъ условій общежитія, характеръ и формы проявленія материнской любви не вездѣ одинаковы. Обычай замѣнять молоко матери молокомъ кормилицы, воспитаніе дѣтей до извѣстнаго возраста на сторонѣ, вдали отъ родительскаго дома, условія свѣтской жизни, содѣйствуя разъединенію матери съ ребенкомъ въ тѣ годы, когда участіе матери является наиболѣе необходимымъ, все это вмѣстѣ вліяетъ болѣе или менѣе замѣтнымъ образомъ на охлажденіе материнской любви. Дѣти часто стѣсняють свѣтскую женщину и растутъ цѣликомъ на рукахъ нянекъ, гувернантокъ и гувернеровъ. Съ другой стороны тоже чувство, благодаря ложному пониманію его настоящаго значенія, дѣлается явленіемъ уродливымъ въ формѣ исключительно матерьяльнаго питанія, или въ формѣ односторонней нравственной опеки, лишаящей ребенка надлежащей свободы, необходимой для его правильнаго развитія.

Мы не будем касаться физиологической стороны материнского чувства, потому что этот вопрос неразлучно связанъ съ такими подробностями, которыя не стоятъ въ непосредственной, необходимой связи съ основною цѣлью этого руководства, а стараемся намѣтить въ общихъ чертахъ характеръ сценическаго проявленія этого чувства. Но и въ этомъ отношеніи мы должны признаться, что довольно трудно указать опредѣленнымъ образомъ учащимся на правила, которыхъ они должны держаться при передачѣ материнскаго чувства на сценѣ, ибо въ этомъ чувствѣ встрѣчаются такіе тонкіе, неуловимые оттѣнки нѣжности, сочувствія, вниманія, заботливости, радости и страданія, которые, строго говоря, доступны только дѣйствительной матери. Лучшимъ руководствомъ въ большинствѣ случаевъ для актрисы-дѣвушки въ этой роли можетъ служить воспоминаніе о ласкахъ или своей собственной матери, или наблюденіе надъ признаками проявленія этого чувства въ обыденной жизни. Общими характерными сценическими признаками этой любви можно считать нѣжность взгляда, ласковость улыбки, поцѣлуи, объятія, мягкость, сочувственность рѣчей; вообще признаки вниманія, доброты, покоя, опасенія и т. п.

Любовь отцовская. Это чувство значительнымъ образомъ отличается отъ чувства матери. Въ дѣлѣ сохраненія рода отецъ участвуетъ по преимуществу внѣшнимъ образомъ и не составляетъ со своимъ ребенкомъ того единства, которое представляетъ мать, живущая съ нимъ одною жизнью. Отсюда выходитъ слѣдующее различіе: мать заботится о настоящемъ, отецъ о будущемъ положеніи ребенка, отецъ гордится сыномъ, мать въ него влюблена, отецъ покровительствуетъ, защищаетъ его, мать ласкается и кормитъ, отецъ говоритъ ребенку о будущности, мать о себѣ и о своей любви. Любовь отцовская есть чувство болѣе обдуманное, спокойное, любовь матери по преимуществу нѣжное и страстное. Вліяніе отца на ребенка болѣе посредственное, что объясняется отчасти общественными условіями мужскаго и женскаго быта. Въ дѣлѣ воспитанія отецъ главнѣйшимъ образомъ развиваетъ умъ, мать сердце. Сценическіе признаки въ главныхъ,

общихъ чертахъ своихъ сходны съ предыдущими съ тою впрочемъ разницею, что на всѣхъ нихъ лежитъ отпечатокъ спокойствія, сдержанности, обдуманности.

Любовь дѣтская. Въ своемъ первоначальномъ видѣ это чувство обусловливается чисто инстинктивными побужденіями, связывающими ребенка съ матерью. Въ мѣрѣ животныхъ оно исчезаетъ, какъ только животное достигаетъ извѣстнаго періода развитія физическихъ силъ, въ которомъ оно можетъ само заботиться о своемъ существованіи. У людей это чувство имѣетъ болѣе глубокое и продолжительное нравственное значеніе. Въ юношествѣ оно опирается на сознаніи превосходства своихъ родителей и на чувствѣ благодарности за ихъ заботы о воспитаніи. Въ зрѣломъ возрастѣ, благодаря условіямъ общественной жизни, разлучающей большею частію дѣтей отъ родителей, это чувство, значительно видоизмѣняясь въ характерѣ и формахъ проявленія, сохраняется, какъ принципъ нравственнаго обязательства, связывающаго насъ къ виновникамъ нашего рожденія. Въ обществѣ принято объяснять эту нравственную силу, связующую дѣтей съ родителями, такъ называемымъ «голосомъ крови»; но наблюденія показываютъ, что подобное толкованіе чувства опирающееся исключительно на инстинктъ, лишено надлежащаго основанія. Не отрицая абсолютно участія инстинкта въ дѣлѣ дѣтской любви, мы видимъ, что въ извѣстныхъ періодахъ развитія, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, эти инстинктивныя побужденія ослабляются до такой степени, что дѣти не узнаютъ родителей. Голосъ инстинктивной привязанности не умираетъ только въ сердцѣ матери. Слѣдовательно, мы должны признать, что опорой дѣтской любви въ возмужаломъ возрастѣ является сознаніе нравственнаго долга передъ родителями, изъ котораго вытекаетъ болѣе или мѣншая степень чувства. Итакъ какъ условія самостоятельной жизни выросшихъ дѣтей часто вліяютъ ослабляющимъ образомъ на это чувство, то религія и гражданскій законъ нашли нужнымъ возвести сознаніе этого долга на степень обязательной силы и формулировать выполненіе его извѣстными правилами, (пятая заповѣдь и гражданскія постановленія объ

отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ). Такъ какъ въ основѣ всякаго чувства лежитъ побужденіе идти впередъ, а не назадъ, то отсюда вытекаетъ то явленіе, что родители любятъ дѣтей своихъ болѣе, чѣмъ дѣти родителей. Со стороны первыхъ по большей части выказывается гораздо больше безкорыстной нѣжности, заботливости и самоотверженія въ то время, какъ со стороны послѣднихъ выраженіе привязанности часто не идетъ далѣе обыкновенныхъ формъ уваженія и благодарности. Въ любви дѣтей къ родителямъ замѣчается различіе по отношенію къ матери и отцу. Мать пользуется вообще болѣею нѣжностью и привязанностью со стороны дѣтей, чѣмъ отецъ, что естественно вытекаетъ изъ той преимущественной доли участія, которую имѣетъ мать въ дѣлѣ рожденія и воспитанія ребенка. На этомъ основаніи преступленія противъ матери въ общемъ сознаніи человѣчества считаются гораздо важнѣе преступленій противъ отца. Въ сценическомъ отношеніи дѣтская любовь не имѣетъ другихъ характерныхъ признаковъ, кромѣ признаковъ уваженія, почтительности и любви, по преимуществу въ ея нѣжныхъ отгѣнкахъ.)

Д Р У Ж Б А.

Происхожденіе, характеристика, условія развитія.—Виды: пріятельство, товарищество.—Сценическіе признаки.—Доброта.

Изъ общаго чувства любви къ ближнимъ возникаетъ чувство дружбы, обнаруживающееся въ потребности нравственно привязаться къ другому существу; тѣсно сблизить, такъ сказать, слить свои души во едино для того, чтобы въ этой совокупности жизненныхъ интересовъ полнѣе чувствовать и сознавать свое личное бытіе. Дружба выражается въ постоянной готовности помочь ближнему, доходящей до самоотверженія, въ сильномъ желаніи какъ можно чаще видѣть, говорить съ другимъ, жить вмѣстѣ съ нимъ, повѣрять ему всѣ свои тайны, мысли и чувства, пользуясь

въ тоже время взаимною довѣренностью. Эта потребность лежитъ глубоко въ сердцѣ каждаго человѣка, хотя иногда и ускользаетъ отъ прямаго наблюденія; первое благопріятное обстоятельство заставляетъ его пробудиться и обнаружиться. Таковы напримѣръ проявленія дружественныхъ сближеній между незнакомыми людьми подъ гнетомъ несчастія (товарищи тюремнаго заключенія), въ чужой сторонѣ (соотечественники на чужбинѣ), подъ вліяніемъ общности занятій (товарищи по службѣ и ремеслу) и т. п. Основное начало любви къ ближнимъ есть сознаніе своей личной слабости и вытекающая отсюда наклонность къ общежитію, а также естественное чувство расположенія къ себѣ подобнымъ, но развитіе дружбы зависитъ отъ болѣе частныхъ причинъ и условій. Большое значеніе въ образованіи этого чувства имѣютъ такъ называемыя симпатія и антипатія, невольныя ощущенія расположенія или нерасположенія къ тому или другому субъекту. Въ сущности эти ощущенія суть ничто иное, какъ результатъ общаго впечатлѣнія, производимаго на насъ совокупнымъ сочетаніемъ достоинствъ или недостатковъ извѣстнаго лица, болѣею частію несознаваемого нами, а только угадываемаго инстинктомъ. Впечатлѣнія эти бываютъ иногда такъ сильны, что пріобрѣтаемое впоследствии разумное сознаніе дѣйствительности, противорѣчащей первому представленію предмета, часто не въ состояніи совершенно уничтожить разъ установившееся влеченіе или отвращеніе. Можно признать правиломъ, что люди, чувствующие другъ къ другу антипатію, никогда не будутъ друзьями. Такъ какъ дружба есть союзъ по преимуществу нравственный, то при образованіи его физическая, внѣшняя сторона организма играетъ роль второстепенную. На этомъ основаніи физическая сила можетъ сблизиться со слабостью, красота съ безобразіемъ во имя соотвѣтствующаго дружбѣ равенства нравственныхъ качествъ. Въ нравственномъ отношеніи для развитія истинной дружбы необходимы одинаковость или, по крайней мѣрѣ, однородность характеровъ, наклонностей, образованія и, какъ слѣдствіе послѣдняго, извѣстной степени равенства въ общественномъ положеніи. Отношенія бѣдности и богатства, знатности и простоты про-

исхожденія представляют мало данныхъ для дружественной связи, которая въ этомъ случаѣ замѣняется идеями почтенія и покровительства, исключаящими возможность полной взаимности. Необходимою основою истинной, прочной дружбы является добродѣтель, обуславливающая степень взаимнаго уваженія. Всякая другая дружба есть не болѣе, какъ временной союзъ, вызванный внѣшними обстоятельствами подъ вліяніемъ эгоистическихъ побужденій; такова бываетъ обыкновенно дружба воровъ и разбойниковъ, а также въ болѣе мягкихъ формахъ дружба свѣтскихъ людей. Далѣе дружба обуславливаетъ взаимную снисходительность и откровенность. Снисходительность друга не должна опускаться до степени равнодушія и слабости къ недостаткамъ друга; откровенность должна быть свободная, но не грубая и оскорбительная. Въ жизни часто встрѣчаются примѣры извращеннаго пониманія этихъ качествъ, такъ напр. съ другомъ не церемонятся, то есть, не стѣсняются въ обращеніи съ нимъ, смѣются надъ его слабостями, обременяютъ требованіями обязательныхъ услугъ, назойливо ищутъ полной откровенности, не щадя самыхъ щекотливыхъ вопросовъ сердца и самолюбія—все это суть дѣйствія, нарушающія долгъ взаимнаго уваженія, и потому враждебныя чувству дружбы. Это чувство, подобно любви къ женщинѣ, есть чувство исключительное и, въ строгомъ смыслѣ слова, обуславливается двумя, много, если тремя личностями. Имѣть много друзей значить часто не имѣть ни одного. Дружба вообще великодушно и охотно прощаетъ недостатки друга за исключеніемъ измѣны, лжи и коварства, сердечной обиды и насмѣшки надъ чувствомъ. Истинная дружба, вопреки установившемуся въ общежитіи злоупотребленію этого названія, есть явленіе весьма рѣдкое, ибо полное ея развитіе исключаетъ всякую идею порока и даже посредственности ума и нравственности. Гораздо чаще встрѣчаются примѣры пріятельства и товарищества, нисшихъ степеней дружбы, ограничивающихся по преимуществу внѣшними, случайными условіями общественной жизни и воспитанія. Отличительная черта пріятельства есть ея сравнительная кратковременность; болшею ча-

стію она кончается вмѣстѣ съ прекращеніемъ внѣшней причины, содѣйствовавшей сближенію и превращается въ простой видъ знакомства или смѣняется полнымъ равнодушіемъ. Товарищество, будучи результатомъ сближенія въ періодъ впечатлительной молодости (дѣтскія игры, школа), сохраняется нѣсколько долѣе во имя укоренившагося воспоминанія. Въ отношеніи къ возрасту замѣтимъ, что дружба можетъ развиваться надлежащимъ образомъ только въ періодъ возмужалости и сохраняться въ старости, дѣти имѣютъ товарищей, но не друзей. «Друзья дѣтства» есть выраженіе неточное. По полу дружба проявляется преимущественно между мужчинами. Женщины, по своему общественному положенію и по тому преимущественному значенію, какое имѣетъ въ ихъ жизни чувство любви, оказываются вообще мало расположенными къ развитію дружественныхъ связей между собою. Женская прочная дружба есть явленіе крайне рѣдкое. Дружба между женщиной и мужчиной можетъ существовать, но весьма рѣдко случается, чтобъ она сохранила свой чистый характеръ и не перешла въ любовное чувство. Подобную дружбу можно допустить, какъ явленіе исключительное. Въ сценическомъ отношеніи дружба особенно характерныхъ чертъ не имѣетъ; ей свойственны признаки вниманія, уваженія, нѣжности, любезности, любви. Отличительная черта пріятельства свобода, развязность, фамильярность словесныхъ и мимическихъ пріемовъ во взаимныхъ отношеніяхъ.

◁Общее чувство любви къ ближнимъ, обратившееся въ постоянное качество, есть доброта. Это есть извѣстное расположеніе къ любви, лишенное страстныхъ порывовъ, проявляющееся постоянно и почти безразлично ко всему окружающему. Это расположеніе въ своемъ безсознательномъ примѣненіи къ предметамъ, незаслуживающимъ любви, обуславливается невѣрнымъ пониманіемъ, отсутствіемъ правильной оцѣнки извѣстнаго предмета и слѣдовательно предполагаетъ въ проявителѣ доброты недостаточность умственного развитія. На этомъ основаніи въ общежитіи названіе «добрый человекъ» есть синонимъ простоты и ограниченности. Отличительными чертами доброты являются спокой-

ствіе и мягкость формъ, представляющихъ смѣсь признаковъ почтенія и любви. На губахъ постоянная улыбка, самыя губы нѣсколько выпячены (идея сладости и ласки), отсутствіе живости и рѣзкости въ движеніяхъ и жестахъ, всегдашняя готовность уступить и сокращенія себя. Великодушіе есть видъ доброты, видоизмѣненной оттѣнками гордости. Сценическіе признаки сходны съ признаками мужества (см. главу «храбрость»). Снисходительность — видъ доброты, обнаруживающійся въ готовности прощать недостатки ближнихъ. Она предполагаетъ въ человѣкѣ нѣкоторую идею личнаго превосходства, потому можно сказать: снисходительный начальникъ, но не наоборотъ. Благодарность есть видъ обязательной доброты, вытекающей изъ сознательной оцѣнки чужой доброты, обнаружившейся въ полезной для насъ дѣятельности. Общія внѣшніе признаки благодарности: цѣлованіе и сильное пожатіе руки, почтительные поклоны, вниманіе къ лицу оказавшему намъ благодѣяніе, на лицѣ выраженіе радостнаго умиленія, въ глазахъ слезы.

ЛЮБОВЬ КЪ ИЗВѢСТНЫМЪ ИДЕЯМЪ.

Религіозное чувство.—Его значеніе.—Виды: благоговѣніе, религіозный восторгъ, умиленіе, ревность, фанатизмъ, ханжество.—Любовь къ родинѣ, отечеству, свободѣ.—Сценическое выраженіе.

Религіозное чувство слагается изъ двухъ элементовъ: невольнаго самоуниженія (смиренія) вслѣдствіе нашей слабости посреди разнообразныхъ явленій мірозданія и чувства восторженной любви (благоговѣнія) къ основной причинѣ, произведшей и поддерживающей этотъ міръ—Богу. Это чувство пробуждается въ человѣкѣ вмѣстѣ съ развитіемъ сознанія себя, какъ существа разумнаго; слѣды его замѣчаются на самыхъ нисшихъ степеняхъ человѣческаго развитія. Будучи чувствомъ по преимуществу нравственнымъ, оно есть въ основѣ своей ничто иное,

какъ философское стремленіе къ отысканію основной причины бытія міра, выражающееся въ нашемъ организмѣ различными болѣе или менѣе возбужденными состояніями, которыя мы называемъ: благоговѣніемъ, религіознымъ восторгомъ (экстазъ), умиленіемъ, религіозною ревностію, фанатизмомъ, ханжествомъ. Всѣ эти состоянія слагаются изъ разныхъ аффектовъ и обуславливаютъ собою извѣстнаго рода дѣятельность, а потому и могутъ быть отнесены къ числу страстныхъ возбужденій. Благоговѣніе есть сложное чувство, въ составъ котораго входятъ элементы высокаго почтенія и страха, смягченныхъ любовнымъ оттѣнкомъ. Въ сценическомъ отношеніи оно выражается поднятіемъ глазъ къ небу, колѣнопреклоненнымъ положеніемъ тѣла съ поднятыми до начала лица руками, ладони которыхъ сложены вмѣстѣ (общая поза полной покорности). Благоговѣніе, соединенное съ сильнымъ радостнымъ волненіемъ при мысли о благодѣяніяхъ божества, образуетъ религіозный восторгъ, обнаруживающійся необыкновенною, какъ бы лихорадочною живостью взгляда и прерывистымъ, замирающимъ дыханіемъ. Переходъ изъ восторженнаго религіознаго состоянія въ болѣе спокойное и продолжительное составляетъ умиленіе, главный смягчающій элементъ котораго есть идея благодарности. Глаза влажные отъ слезъ—его отличительный сценическій признакъ. Чувство благоговѣнія съ присоединеніемъ энергическаго оттѣнка соревнованія образуетъ чувство религіозной ревности. Извращеніе послѣдняго чувства, путемъ ложнаго пониманія, составляютъ фанатизмъ и ханжество. Первый есть одностороннее, слѣпое увлеченіе извѣстнымъ религіознымъ идеаломъ, желающее немедленнаго фактическаго его осуществленія, не смотря ни на что другое; это есть страсть, слагающаяся изъ любви къ идеалу и ненависти ко всему окружающему. Сценическіе признаки фанатизма имѣютъ сходство съ признаками скупости и ревности. Грубое сочетаніе религіозной ревности съ восторгомъ составляетъ изувѣрство, проявляющееся въ стремленіи къ самоуничтоженію во имя слѣпой вѣры въ извѣстный идеаль. Ханжество есть слѣпое увлеченіе внѣшнею обрядовою стороною религіознаго чувства съ

оттѣнкомъ тщеславія, служащее нерѣдко маскою для прикрытія корыстныхъ и честолюбивыхъ цѣлей. Искреннее ханжество часто является отрицательнымъ выраженіемъ неудовлетвореннаго чувства половой любви (у женщинъ чаще, чѣмъ у мужчинъ). Ханжество, въ противоположность серьезному характеру истиннаго благоговѣнія, содержитъ въ себѣ комическій оттѣнокъ, обнаруживающійся въ противорѣчій проповѣдуемыхъ истинъ съ поступками. Ханжа есть какъ бы актеръ, часто забывающій свою роль. Въ сценическомъ отношеніи ханжество выражается общими признаками смиренія и благоговѣнія, только въ преувеличенномъ какъ бы искусственномъ видѣ.)

Любовь къ родинѣ и отечеству (патріотизмъ), равно какъ и любовь къ свободѣ, въ сценическомъ выраженіи особенно характерныхъ, рельефныхъ признаковъ не имѣетъ. Обнаруживается она по преимуществу въ смыслѣ рѣчей, и въ извѣстной степени общаго одушевленія. Любви къ родинѣ свойственны признаки умиленія и печали (тоска по родинѣ). Увлеченіе патріотизмомъ и либерализмомъ (фанатизмъ) имѣетъ сложное выраженіе въ различныхъ аффектахъ и страстяхъ, соответствующихъ направленію руководящихъ имъ мыслей; таковы: радость, гордость, любовь, ревность.

НЕНАВИСТЬ.

Общее опредѣленіе и характеристика страсти.—Двѣ формы ея проявленія: сосредоточеніе, реакція.—Физиологія и сценическое выраженіе.—Виды ненависти: 1) сосредоточенной (отвращеніе, презрѣніе, скука), 2) реактивной (ревность, зависть, мстительность).

Ненависть есть вообще тяжелое, непріятное чувство, ставящее насъ въ постоянно враждебное отношеніе къ предмету намъ не нравящемуся. Она есть какъ бы видъ постояннаго гнѣва, обусловливаемого двумя существенными элементами: инстинктивнымъ удаленіемъ себя отъ предмета намъ противнаго

(антипатія) и реактивнымъ, живымъ стремленіемъ уничтожить, удалить не нравящійся намъ предметъ. Изъ перваго элемента вытекаютъ слѣдующіе виды ненависти: отвращеніе, презрѣніе, скука; изъ втораго — ревность, зависть, мстительность. Ненависть, обратившаяся въ привычку, есть злость, имѣющая на лицѣ свой постоянный, особый отпечатокъ. Повидимому ненависть имѣетъ близкое сходство съ гнѣвомъ, но на самомъ дѣлѣ она отъ него существенно отличается. Гнѣвъ есть чувство внезапное, необдуманное, проходящее вмѣстѣ съ прекращеніемъ противодействія со стороны предмета его возбудившаго; ненависть же образуется не вдругъ; она развивается постепенно, укореняется на долго, опираясь при этомъ на нравственные силы, она обдумываетъ свои поступки. Отсюда вытекаетъ разница и во внѣшнихъ проявленіяхъ этихъ душевныхъ состояній: гнѣвъ характеризуется подвижностью, порывистыми движеніями; ненависть обнаруживаетъ глубину и постоянство чувства. Гнѣвъ иногда имѣетъ источникомъ натуру человѣка и безразлично направляется въ этомъ случаѣ на все, что можетъ служить ему пищею; ненависть всегда направлена къ одному опредѣленному предмету, даже и тогда, когда она вытекаетъ изъ извѣстнаго болѣзненнаго расположенія духа, на примѣръ изъ мизантропіи. Гнѣвъ идетъ по пути открытому, видимому; ненависть выбираетъ для себя почти всегда окольный путь, тщательно маскируя свои цѣли. Далѣе: ненависть обладаетъ удивительнымъ умѣньемъ немедленно открывать слабѣйшую сторону противника и выбирать лучшее оружіе, чтобъ поразить глубже и чувствительнѣе. (Женщины въ своемъ злословіи на счетъ соперницъ). Ненависть проявляется различнымъ образомъ, смотря по возрастамъ, полу, темпераментамъ. Дѣтство вообще мало склонно къ ненависти, благодаря неразвитію сознанія и обилію надеждъ; молодость обнаруживаетъ въ этомъ случаѣ болѣе способности; проявленія ея въ этомъ возрастѣ живы и откровенны; рождается она по преимуществу изъ препятствій на пути чувства, въ особенности любви. Но настоящею почвою для полнаго развитія ненависти является зрѣлый возрастъ, здѣсь эта страсть достигаетъ полной силы, имѣя побуж-

денієм эгоистическія наклонности: властолюбіе, честолюбіе, чувственность. Старость вообще болѣе злопамятна, чѣмъ ненавистна; въ этомъ возрастѣ страсть эта уже лишена своей живости, она живуча, но спокойна, имѣя побужденіями скупость, любовь къ комфорту, эгоизмъ. Женщины вообще ненавидятъ продолжительнѣе и живѣе мужчинъ, при этомъ ихъ ненависть почти всегда имѣетъ характеръ личности. Сила этой страсти у женщинъ растетъ пропорціонально состоянію красоты и приближенію къ старости. Темпераменты наиболѣе склонные къ ненависти—нервный, меланхолическій, холерическій. Ненависть дикарей грубѣе, сильнѣе и постояннѣе, чѣмъ у народовъ образованныхъ, таково напр. чувство родовой мести встрѣчающееся у народовъ первобытныхъ и мало цивилизованныхъ.

Общіе фізіологическіе и сценическіе признаки. Ненависть, состоящая, какъ мы выше замѣтили, изъ двухъ элементовъ, въ своемъ развитіи представляетъ два главныхъ періода: 1) Сосредоточеніе силъ организма въ одномъ центрѣ съ цѣлью установить извѣстное разстояніе между своею личностью и предметомъ, возбудившимъ страсть. Это стремленіе организма обнаруживается блѣдностью лица и губъ, дрожью по всему тѣлу, ощущеніемъ внутренней боли, проявляющейся въ общемъ видѣ неловкости, стѣсненности движеній; это—какъ бы невольная лихорадка, которую желательно было бы скрыть отъ другихъ. При ненависти всегда дурное пищевареніе и дурное питаніе организма, что вообще составляетъ, какъ выше замѣчено, отличительную черту гнѣва и сердитаго состоянія. Въ зависимости отъ дурнаго питанія и пищеваренія, люди ненавидящіе страдаютъ стѣсненіемъ сердца, внутренними судорогами, неподвижностью моральныхъ способностей, получающихъ крайне одностороннее направленіе. 2) Реактивное движеніе организма проявляется внезапнымъ приливомъ крови къ мозгу и оконечностямъ: человекъ краснѣетъ, взглядъ его живо окидываетъ врага съ презрѣніемъ, тѣло полуустремлено впередъ, лѣвая рука на груди, правая съ сжатымъ кулакомъ нѣсколько отдѣлена отъ ладвѣи, голосъ громкій, сухой, отрывистый, выраженія злыя, обидныя,

всегда съ указаніемъ на факты, возбудившіе ненависть. Въ этомъ періодѣ у ненависти много сходныхъ чертъ съ гнѣвомъ, но при этомъ ненужно забывать одной особенности, исключительно принадлежащей ненависти, именно: замѣтнаго движенія впередъ нижней челюсти, между тѣмъ какъ въ гнѣвѣ бываетъ простое сжатіе челюстей. Сверхъ того взглядъ гнѣва какъ то благороднѣе ненавистнаго; у него взглядъ «молніеносный», у ненависти «змѣиный». Замѣтимъ, что главнѣйшимъ образомъ ненависть выражается во взглядѣ, выразительности котораго помогаютъ движущіяся губы съ готовою слюною (стремленіе освободиться отъ вредной пищи) и раздувающихся ноздри, какъ бы судорожно выдыхающія вредный воздухъ (вкусъ и запахъ врага); затѣмъ наиболѣе краснорѣчивы движенія праваго плеча, подающагося судорожно впередъ (презрѣніе). У ненависти брови нахмурены, зубы оскалены (признакъ ярости). Сильная ненависть къ сильному противнику находится въ близкомъ сродствѣ съ ужасомъ, у котораго часто она заимствуетъ свои характерные оттѣнки. Злость выражается на лицѣ признаками ярости и презрѣнія, соединенными съ постояннымъ видомъ неудовольствія, отвращенія и внутренняго страданія. Сокращеніе, сморщиваніе лица—характерная черта злости.

Виды ненависти (сосредоточенной). Отвращеніе, омерзѣніе есть непріятное чувство, являющееся въ насъ при видѣ, прикосновенія, вообще при сближеніи съ предметомъ нашей антипатіи. Главный источникъ здѣсь—рѣзкая противоположность нашей природы и предмета, возбудившаго это чувство. Оно бываетъ природное и пріобрѣтенное воспитаніемъ и жизнью; такъ напр. отвращеніе ко грязи, вони, къ воровству, къ нѣкоторымъ людскимъ обычаямъ и т. д. Область перваго—пять высшихъ чувствъ, особенно чувство вкуса; область втораго—нравственный міръ человека. Въ сценическомъ отношеніи это чувство весьма характерно выражается органами пяти высшихъ чувствъ. Ротъ отывается (какъ бы для того, чтобъ противный кусокъ могъ выпасть), человекъ плюетъ, выдуваетъ изъ себя воздухъ чрезъ вытянутыя впередъ губы, издаетъ горловой звукъ, похожій на откашливаніе или прочищеніе горла. Крайнее отвращеніе выражается дви-

женіями вокругъ рта, похожими на тѣ, которыя сопровождаютъ рвоту, а иногда самою рвотою. (Выраженіе: «у меня всѣ внутренности поднялись отъ этой мерзости»). Отвращеніе на органѣ зрѣнія обнаруживается въ нахмуреніи лба около глаза, уменьшеніе глаза съ цѣлью ослабить неприятое впечатлѣніе, человѣкъ отворачивается, дѣлаетъ руками жестъ удаленія, обереженія себя отъ противнаго виду предмета. Въ чувствѣ слуха и обонянія отвращеніе заставляетъ человѣка затыкать уши и носъ, сжимать ноздри, въ осязаніи возбуждаетъ судорожную дрожь. При этомъ на лицѣ обозначается общая болѣе или менѣе рѣзкая гримаса неприятныхъ ощущеній. Отвращеніе нравственнаго міра человѣка (къ идеямъ, чувствамъ, поступкамъ) выражается тѣми же признаками, только въ болѣе сокращенномъ видѣ.)

Презрѣніе, пренебреженіе есть видъ ненависти къ противнику, котораго мы считаемъ слабѣе насъ, состоящій изъ элементовъ гордости и отвращенія. Сильнѣйшая степень презрѣнія почти что тождественна съ отвращеніемъ. Вообще это есть неприятое чувство при которомъ мы какъ бы маскируемъ во внѣшности внутреннее негодованіе, или ненависть, какъ бы говоря противнику: «не стоитъ говорить съ тобой, не стоитъ рукъ марать, не стоитъ обращать вниманіе» и т. п. (Характеристическими признаками презрѣнія можно считать частое смыканіе вѣкъ, полукрытіе глазъ, взглядъ сверху внизъ, отворачиваніе глазъ или всего тѣла, холодное, выразительное молчаніе. Обыкновенно при этомъ носъ слегка вздернуть, вслѣдствіе поднятія верхней губы, при чемъ онъ нѣсколько сжимается, какъ бы для того чтобы преградить доступъ воздуху и это сопровождается часто легкимъ фырканьемъ или выдыханіемъ. (Признаки сходные съ отвращеніемъ къ скверному запаху). Презрительная улыбка сопровождается оскаливаніемъ клыка на одной сторонѣ лица и выражаетъ ту мысль, что обидчикъ по своей ничтожности, не сердитъ а только забавляетъ улыбающагося. Плеваніе въ сторону, шипящій звукъ, издаваемый вытянутыми губами, показаніе языка (жестъ уличныхъ мальчишекъ) суть также характерные признаки презрѣнія. Есть еще жестъ презрѣнія — щелканіе пальцами подъ носомъ,

встрѣчающійся часто въ языкѣ глухонѣмыхъ для обозначенія чего нибудь мелкаго, ничтожнаго, презрительнаго; первоначальная идея этого жеста — скатываніе, стираніе мелкаго предмета между ногтемъ большаго съ указательнымъ пальцемъ. Ручной жестъ презрѣнія заключается въ откидываніи руки закрытой, приложенной къ груди, при чемъ быстро разставляются пальцы; при этомъ голова отворачивается въ противную сторону. Здѣсь идея выбрасыванія, выкидыванія ничтожнаго предмета въ сторону. Обыкновенныя словесныя формы презрѣнія: насмѣшка (смѣсь радости и пренебреженія) и иронія (смѣсь почтенія, презрѣнія и гнѣва).

Скука есть видъ нравственнаго отвращенія, происходящій отъ нашего нерасположенія къ занятію утомительному или безъинтересному. Ея дѣйствіе прямо обнаруживается въ парализованной дѣятельности мозга. Скука проявляется въ человѣкѣ въ двухъ видахъ: или она заставляетъ человѣка бороться съ цѣлью произвести реакцію (зѣвота, потягиваніе); или же совершенно подавляетъ, сосредоточиваетъ человѣка въ немъ самомъ (приливъ крови къ головѣ, тягость, сонъ). Скука, которую можно назвать «отчаяніемъ ненависти», парализуя нашъ умъ и волю, убиваетъ всякую энергію и осуждаетъ человѣка на неподвижность. Слѣдствіемъ долговременной скуки является равнодушіе къ жизни (сплинъ и манія къ самоубійству). Отличительною чертою скуки является постоянное желаніе выйдти изъ стѣсненнаго, связаннаго положенія при полной неспособности сдѣлать самостоятельную попытку для своего развлеченія. Скука производитъ въ человѣкѣ мучительное ощущеніе пустоты внутренней и внѣшней, посреди которой человѣкъ какъ бы начинаетъ терять сознаніе своего бытія. Мысли скучающаго человѣка похожи на человѣка, заблудившагося въ пустомъ лабиринтѣ; онѣ совершаютъ извѣстные логическіе процессы разсужденія, но остаются безъ исхода, безъ окончательнаго заключенія, или рѣшенія. Источниками скуки являются: праздность, пресыщеніе удовольствіями, однообразіе занятій, уединеніе, а также климатическія условія и отчасти пища. Такъ на примѣръ, скучаютъ свѣтскіе, богатые люди,

не имѣющіе опредѣленной цѣли дѣятельности, скучаютъ заключенные въ тюрьмахъ, часовые, люди живущіе въ сырой мѣстности подъ сумрачнымъ небомъ, въ тѣсномъ помѣщеніи. Съ другой стороны, безграничность пустыни, однообразный видъ моря при условіи одиночества суть также обстоятельства, возбуждающія скуку. Къ ней же располагаютъ тяжелая пища и крѣпкіе, тяжелые напитки, употребляемые въ большомъ количествѣ, напр: портеръ и пиво, но вліяніе ихъ только посредствующее, при другихъ располагающихъ обстоятельствахъ. Вообще замѣтимъ, что скука болѣе доступна людямъ образованнымъ, чѣмъ дикарямъ и неразвитымъ; причина въ томъ, что у первыхъ является больше требованій отъ жизни, которымъ труднѣе бываетъ удовлетворить и въ тоже время меньше иллюзій, представляющихъ жизнь въ привлекательномъ видѣ. (Въ сценическомъ отношеніи скука выражается слѣдующими признаками: Чело пасмурное съ морщинами, взглядъ тусклый, оловянный, неподвижный, полузакрытый, направленіе взгляда къ землѣ, на всемъ организмѣ отпечатокъ усталости, зѣвота, машинальность, мертвенность движеній, частые вздохи.)

Виды ненависти (реактивной). Ревность со своими оттѣнками подозрительностью и злорадствомъ есть страсть сложная, смѣняющая въ себѣ попеременно ощущенія любви, страха, гнѣва, ярости. Ревность есть страстное стремленіе къ исключительному обладанію какимъ нибудь благомъ дѣйствительнымъ или воображаемымъ. Въ основѣ этой страсти два элемента: опасеніе потерять обладаемое благо (подозрительность) и наступательное недоброжелательство къ лицу, подозрѣваемому въ какомъ нибудь превосходствѣ надъ ними (злорадство). Источники ревности—эгоизмъ, обнаруживающій невольно сознание своей слабости, которая не въ силахъ защитить обладаемаго блага. (Ревность влюбленнаго юноши, старика, ревность докторская). Эта страсть—безпокойная, гнетущая безостановочно, заставляющая человѣка быть постоянно на сторожѣ, она есть какъ бы душевная лихорадка, доводящая подъ часъ до бѣшенства. Ревность стыдится сама себя, потому что въ основѣ ея лежитъ сознание своего

безсилія и превосходства противника. Замѣчательно, что люди ревнующіе постоянно отрицаютъ въ себѣ присутствіе этого чувства передъ другими, и въ тоже время нервною безъ всякаго затрудненія признается въ своей способности ревновать. Еще отличительная черта этой страсти—преувеличивать все, на что ни обращается ея подозрительный взглядъ. Характеръ проявленія ревности—косвенность дѣйствій: подслушаніе, подсматриваніе, стремленіе обмануть, надуть противника. Движеніе ея всегда прогрессивное. Между причинами способными возбудить эту страсть главнѣйшія: физическое безобразіе, старость, слабость организма, ограниченность умственныхъ способностей, вообще все то, что возбуждаетъ въ человѣкѣ недовѣріе къ самому себѣ и боязнь сравненія. Женщины вообще ревнивѣе мужчинъ. Элементы этой страсти замѣчаются у дѣтей (ревность къ ласкамъ), а также у большинства животныхъ.

Физиологическія замѣтки. Ревность обнаруживается въ угнетенномъ состояніи организма, вслѣдствіе стѣсненнаго кровообращенія. Кровь густѣетъ, застаивается въ главныхъ центрахъ—сосудахъ сердца и легкихъ, отсюда чувство тягости, затрудненное дыханіе, (ревнивый часто вздыхаетъ); печень вырабатываетъ большое количество густой желчи (желтизна лица); разстроенное пищевареніе (отсутствіе аппетита, худоба).

Ревность Сценическіе признаки. Взглядъ безпокойный, на губахъ изрѣдка горькая, ироническая улыбка, на лбу горизонтальныя складки, брови большею частью нахмуренныя, насупленныя, но раздѣленныя двумя перпендикулярными морщинами (признакъ печальныхъ размышленій), блѣдность и желтизна лица. Въ обращеніи съ противникомъ принужденность, искусственность, обнаруживающая внутреннюю борьбу.)

Зависть есть смѣшанное чувство, состоящее изъ ненависти къ обладателю благомъ и желанія блага, имъ обладаемаго. Оба эти элемента тѣсно связаны между собою въ чувствѣ зависти, но въ своемъ проявленіи обнаруживаютъ различные оттѣнки, смотря потому, какой элементъ преобладаетъ въ нашемъ сознаніи. На этомъ основаніи зависть иногда смѣшиваютъ съ общимъ чувствомъ

ненависти, принимая причину за слѣдствіе, между тѣмъ какъ ненависть часто бываетъ только результатомъ зависти, напр: Каинъ, брата Іосифа, Саулъ. Въ основѣ своей зависть есть ничто иное, какъ реактивное движеніе нашего самолюбія, сознающаго себя обиженнымъ, униженнымъ достоинствами ближняго, которыхъ у насъ нѣтъ. Потому зависть распространяется только на предметы, доступные нашему желанію и всегда обуславливается идеею соперничества. Въ послѣднемъ случаѣ зависть часто является извращеніемъ похвальнаго чувства соревнованія. При мысли же о недоступномъ для человѣка превосходствѣ другаго является у зависти желаніе не приобрести это благо для себя, а уничтожить его въ другихъ. Источникъ зависти не природа, а общежитіе, что доказываютъ наблюденія надъ животными, которыя ревнуютъ, жадничаютъ, но не завидуютъ. Побужденіями къ развитію въ человѣкѣ зависти являются во 1-хъ слабость и ограниченность физическая и нравственная, такъ напр: уроды, глухцы, старики, бѣдняки, слуги суть завистники по преимуществу, женщины также вообще завистливѣе мужчинъ; во 2-хъ страсти: скупость, честолюбіе, тщеславіе. Отличительная черта зависти—сознаніе въ себѣ этого чувства при постоянномъ стремленіи забыть объ этомъ самому и скрыть отъ другихъ, отсюда очевидно ея различіе отъ ревности. Ревность есть чувство инстинктивное, мало осмысленное, оно питается химерами и преувеличеніями; зависть есть продуктъ размышленія, результатъ анализа и сравненія себя съ другими, и опирается всегда на дѣйствительныхъ, какъ бы законныхъ предлогахъ для своего проявленія. Наиболее распространенная форма зависти въ общежитіи есть лицемѣріе; обыкновенныя ея орудія—иронія, насмѣшка, клевета, преступленіе. Изъ зависти же вырабатывается иногда болѣзненное состояніе, извѣстное подъ именемъ мизантропіи.

Физиологическія замѣтки. Въ зависти постоянно возбужденное состояніе разсудка утомляетъ мозговую дѣятельность и заставляетъ пренебрегать остальными отправленіями организма; завистникъ вообще не имѣетъ аппетита, не любитъ движенія, жизни. Слѣдствіемъ этого являются: дурное кровообращеніе, за-

валы въ печени и желудкѣ, худоба, сухость и желтизна кожи. Извѣстно выраженіе: «зависть гложетъ человѣка». Въ связи со сказаннымъ является сжатіе, стѣсненіе сердца, ослабленіе дыханія, лихорадочная дрожь, бессонница.

(Сценическіе признаки. Такъ какъ въ зависти есть два элемента: удовольствіе при чужомъ горѣ и неудовольствіе при чужомъ счастьи, то сообразно этому въ проявленіи этой страсти участвуетъ смѣшанное дѣйствіе разводящихъ и сводящихъ мускуловъ, но всегда болѣе работаютъ послѣдніе. Общіе признаки заключаются въ частомъ вздрагиваніи косвенно сжатыхъ губъ, слегка искривленныхъ, недоконченность, какъ бы болѣзненность холодныхъ улыбокъ, дрожаніе головы, грусть и равнодушіе при чужомъ смѣхѣ, при чемъ нибудь умномъ оригинальномъ словѣ, впалость щекъ, сжатіе зубовъ съ выдающейся впередъ и нѣсколько на бокъ нижнею челюстью. Выраженіе лица вообще печальное, озабоченное, глаза впалые, брови опущены, взглядъ желчный, лукавый, косой. Лобъ блѣдный съ морщинами во всѣхъ направленіяхъ, мускулы напряжены и выдаются. Замѣтимъ, что въ общежитіи всѣ эти рѣзкія проявленія страсти значительно маскируются болѣе или менѣе приличными формами, часто даже совершенно противоположными ей, каковы напр. притворно-добродушный взглядъ, мягкость и льстивость рѣчи; но страсть изобличаетъ себя или въ одиночествѣ или, что называется, за спиной противника.)

Мстительность, памятозлобіе заключаетъ въ себѣ память объ обидѣ, соединенную съ желаніемъ заплатить за нее равносильно, или въ болѣе мѣрѣ. Воображеніе здѣсь одинъ изъ главныхъ дѣятелей. Эта страсть сложная, ея составные элементы: гордость, гнѣвъ, жестокость. Отличительная черта мстительности есть желаніе, чтобы противникъ зналъ, откуда идетъ ударъ (эгоистическое сознаніе власти сдѣлать кого нибудь несчастнымъ). Мстительность вообще есть удѣлъ умовъ мелкихъ и слабыхъ; великая душа или прощаетъ, или презираетъ обиду. Эта страсть въ своемъ выраженіи имѣетъ два вида: быстрое, немедленное, громкое мщеніе и мщеніе медленное, рассчитанное, тихое. Разли-

чіе зависить главнѣйшимъ образомъ отъ темперамента, возраста, характера лица и условій общественнаго развитія, дѣлающихъ иногда эту страсть обязательно (родовая мечь).

Въ фізіологическомъ и сценическомъ отношеніяхъ ^{слетити до но} эта страсть представляетъ смѣшанные признаки. Въ періодъ приготовленія себя къ мщенію обнаруживаются признаки сходные съ ненавистью; въ моментъ выполненія—сходные съ радостью въ ея животномъ видѣ. Страсть эта вообще не имѣетъ постояннаго рельефнаго выраженія; она проявляется минутами во вздрагиваніи лица, плечъ, порывистыхъ движеніяхъ тѣла и прерывистыхъ звукахъ голоса. Судорожное искривленіе лица, взглядъ вообще мрачный, въ минуту мщенія горитъ.

(Примѣры для словесныхъ и мимическихъ упражненій см. Христоматию, отдѣлъ «Страсти»).

СЦЕНИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНІЕ ФИЗИЧЕСКИХЪ БОЛѢЗНЕЙ.

Определеніе и раздѣленіе.—Виды болѣзненныхъ состояній: обморокъ, истерика, головная, зубная боль, кашель, чахотка, подагра, лихорадка, горячка.—Тѣлесные недостатки.—Сценическое выраженіе.

Болѣзнь есть всякое разстройство нашего организма, сопровождающееся извѣстными вредными послѣдствіями и обнаруживающееся болѣе или менѣе продолжительными періодами. На послѣднемъ основаніи ихъ можно раздѣлить на болѣзни хроническія (постоянныя) и временныя болѣзненные состоянія. Примѣняясь къ языку общежитія, болѣзни по ихъ внутреннему значенію можно дѣлить на фізическія и душевныя, смотря по преобладающему характеру разстройства фізической, или нравственной стороны организма.

Изъ фізическихъ болѣзненныхъ состояній и болѣзней наиболѣе встрѣчаются на сценѣ слѣдующія:

Обморокъ—внезапная потеря сознанія, чувствительности и движенія, при ослабленіи или совершенной остановкѣ сердечныхъ біеній и дыханія. Онъ происходитъ отъ мгновенной остановки прилива крови къ головному мозгу. Психическая причина обморока есть потрясеніе, то есть сильно возбужденное состояніе духа, произведенное внезапно. Продолжительность обморока зависитъ отъ продолжительности остановки пульса, которая въ свою очередь обуславливается быстротою самаго акта остановки. Чѣмъ

быстрѣе послѣдовала остановка сердечнаго пульса, тѣмъ медленнѣе бываетъ постепенное и въ началѣ неправильное его возстановленіе въ норму. Иногда остановка бываетъ окончательная и тогда обморокъ становится смертельнымъ. Обмороку предшествуютъ звонъ въ ушахъ, мельканіе и потемнѣніе въ глазахъ, блѣдность лица. Возвращеніе къ сознанию изъ обморочнаго состоянія сопровождается вздохомъ и открытіемъ глазъ. Кратковременное, неполное обморочное состояніе называется дурнотой. Въ близкой связи съ обморокомъ состоитъ болѣзненное состояніе истерики, происходящее физически отъ сильной неправильности сердечныхъ біеній, вслѣдствіе внезапнаго прилива крови къ головному мозгу; психически—главнымъ образомъ отъ обиды, оскорбленія, накопившагося горя. Истерика обнаруживается судорожнымъ смѣхомъ, плачемъ и крикомъ, за порывистымъ проявленіемъ которыхъ слѣдуютъ слабость и истощеніе. Относительно сценическихъ пріемовъ обморочнаго состоянія см. замѣчанія въ главѣ «Мимика».

Головная боль—результатъ неправильности кровообращенія въ черепномъ мозгѣ. Психически отражается она въ формахъ печали, скуки, неудовольствія. (Сценическіе признаки: отсутствіе энергіи во взглядѣ и движеніяхъ, подпираніе головы рукой, прикладываніе руки ко лбу, встряхиваніе головы (идея облегчить, сбросить тяжесть).)

Зубная боль имѣетъ вообще признаки безпокойнаго мучительнаго состоянія. Приложеніе руки къ щекаѣ прикрывающей больное мѣсто, подвязываніе щеки платкомъ, бѣготня, сопровождающаяся частыми остановками для того, чтобы сѣсть, искривленное болѣзненною гримасою лицо. Состояніе по преимуществу свойственное комическимъ положеніямъ.)

Кашель, хрипота есть продуктъ дыханія, затрудненнаго накопившимися въ грудныхъ сосудахъ мокротами, а также зависитъ отъ воспалительнаго состоянія (опухлости) горловыхъ стѣнокъ. (Сценическое его примѣненіе обуславливается степенью сообразительности актера, который, соображаясь со смысломъ пьесы, путемъ повышенія и пониженія звуковаго тона, можетъ

придать этому состоянію комическій или серьезный оттѣнокъ. Слишкомъ низкій, густой, и слишкомъ высокій, тонкій тонъ кашля всегда комичны. Вообще замѣтимъ, что кашель на сценѣ долженъ быть умѣренный, чтобы не надобѣть слуху зрителя, а отхаркиваніе мокроты, частое плеваніе, какъ дѣйствія некрасивыя, могутъ быть совершенно исключены изъ сценической мимики. Единственное исключеніе въ пользу послѣдняго можно допустить въ моменты выраженія неудовольствія и отвращенія (звукъ тѣфу) и въ комическомъ изображеніи закашлявшихся стариковъ.)

Чахотка—воспаленіе въ лимфатическихъ сосудахъ легкихъ, образующее на тканяхъ этого органа наросты, бугорки, уничтожающіе постепенно самыя легкія. Общій характеръ этой болѣзни сказывается въ худобѣ и слабости всѣхъ физическихъ отправленій при усиленномъ развитіи нравственной дѣятельности. Чахоточные вообще отличаются необыкновенною впечатлительностью, быстротой въ развитіи умственныхъ способностей, усиленной дѣятельностью воображенія и большимъ запасомъ надежды. Въ этомъ противорѣчій физической и нравственной стороны больного, сопровождающемся отсутствіемъ правильнаго сознанія угрожающей опасности, заключается какъ бы роковой элементъ, почему самая болѣзнь въ сценическомъ отношеніи можетъ быть названа «драматическою» по преимуществу. Къ причинамъ, ее возбуждающимъ, можно отнести слабое тѣлосложеніе, отсутствіе питательной пищи, сидячую жизнь, надорваніе дыхательныхъ органовъ, излишество чувственныхъ наслажденій, печальныя потрясенія и страсти. (Внѣшній видъ чахотки: худоба, сухость всего тѣла, длинная, жидкая шея, выдающіяся плечи, узкая грудь, блѣдность лица съ рѣзкими красными пятнами на щекахъ (чахоточный румянецъ), лихорадочный блескъ глазъ, вспыхивающихъ и затѣмъ потухающихъ, голосъ слабый, прерывающійся глухимъ кашлемъ, въ движеніяхъ болѣзненная энергія. Общее впечатлѣніе этой болѣзни всегда печальное. Въ сценическомъ ея выраженіи необходимо, чтобы внѣшній видъ актера и актрисы не противорѣчилъ основному ея характеру (худобѣ); тучные

должны совершенно отказаться отъ выполнения этой роли иначе впечатлѣніе будетъ комическое. Равнымъ образомъ отнюдь не надобно утрировать кашлемъ. Конецъ болѣзни, смерть, похожъ на сонъ; онъ можетъ сопровождаться болѣе сильнымъ вздохомъ, но не крикомъ, который позволяютъ себѣ, по незнанію, нѣкоторые артисты въ надеждѣ на эффектъ. Слабое вскрикиваніе можетъ быть допущено въ послѣднюю минуту чахоточнаго только въ томъ случаѣ, когда къ этому моменту присоединяется впечатлѣніе испуга.)

Подагра есть одинъ изъ видовъ ревматизма — воспалительнаго состоянія мускульной системы. Признаки этой болѣзни живая, острая, бѣгающая боль въ мускульныхъ связяхъ, преимущественно ножныхъ, сопровождающаяся опухолью и краснотой больного мѣста и препятствующая свободному движенію членовъ. Психическое отраженіе этой болѣзни — крайняя раздражительность, проявляющаяся въ наклонности къ жалобамъ и гнѣву. Главными причинами подагры бываютъ простуда, пьянство и чувствительныя удовольствія. (На сценѣ подагрикъ представляется намъ преимущественно въ сидячемъ положеніи съ протяннутыми впередъ обвязанными и покрытыми одеждою ногами, или же съ усиленнымъ волочащимъ на медленномъ, прихрамывающемъ ходу свои больныя ноги, при чемъ лицо представляетъ постоянную гримасу физической боли и неудовольствія. Сценическое выраженіе подагры по характеру — болѣе комическое, чѣмъ драматическое.)

Рельефныя сценическія признаки лихорадки (дрожь и жаръ) и горячки (безпокойный бредъ) вообще рѣдко приходится примѣнять актеру; для ихъ выраженія онъ можетъ руководиться общими свѣдѣніями объ ощущеніяхъ холода и теплоты, а также о снѣ (см. главы «физическія ощущенія» и «сонъ»). Тѣлесныя недостатки, каковы: слѣпота, глухота, нѣмота и хромота выражаются на сценѣ опредѣленными общими признаками, которые, по своей извѣстности, не нуждаются въ перечисленіи.

(Примѣры для упражненій см. Хрестоматію отдѣлъ «физическія болѣзни»).

СЦЕНИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНІЕ ДУШЕВНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ.

Опредѣленіе и причины болѣзней.— Два рода болѣзней: помѣшательство и слабоуміе.— Двѣ формы помѣшательства: состояніе душевной подавленности (меланхолія, мономанія, ипохондрія), состояніе душевнаго возбужденія (бѣшенство, безуміе).— Слабоуміе и его виды: безсмысліе, тупоуміе, идиотство, кретинизмъ.— Физиологическіе и сценическіе признаки.— Глупость, ея характеристика, виды и сценическое выраженіе.

Всѣ душевныя болѣзни могутъ быть сведены къ одному общему источнику, умалишенію, причины котораго кроются въ недостаткахъ мозговой системы. Слово сумашествіе, употребляемое въ общезитіи вообще для обозначенія душевныхъ болѣзней, не совсѣмъ точно выражаетъ идею, ибо предполагаетъ въ человѣкѣ умъ прежде бывшій и затѣмъ потерянный, между тѣмъ какъ умалишеніе бываетъ и врожденное. Ближайшія и точныя причины умалишенія физиологическія и психологическія еще далеко не всѣ опредѣлены, но по сдѣланнымъ наблюденіямъ можно заключить, что онѣ состоятъ въ болѣзненно умаленной, или неправильно и чрезмѣрно усиленной мозговой дѣятельности, вслѣдствіе перемѣны въ составѣ, количествѣ и расположеніи мозговой массы. Не вдаваясь въ анатомическія подробности, не идущія къ предположенной нами цѣли, замѣтимъ, что на развитіе душевныхъ болѣзней вліяютъ еще посредствующимъ образомъ причины постоянныя и случайныя. Къ постояннымъ отнесемъ наслѣд-

ственность, горячій, раздражительный темпераментъ, сильное воображеніе, уединенную, однообразную, бездѣйственную жизнь, мѣстность и климатъ. Къ случайнымъ относятся: ненормальное состояніе мозговой массы, вслѣдствіе болѣзней и другихъ внѣшнихъ вліяній, каковы, напр. придавленіе черепа тяжестью, сотрясеніе мозга въ паденіи, наросты, раны, воспаленіе, лихорадки, недостатокъ питанія, пьянство, бессонница, сильныя страсти, испугъ.

Главныхъ родовъ умалишенія два: помѣшательство ума и слабоуміе. Первый родъ соотвѣтствуетъ болѣзненно и неправильно усиленной дѣятельности мозга; второй—умаленной. Помѣшательство имѣетъ двѣ главныхъ формы: состояніе душевной подавленности (меланхолія, ипохондрія) и состояніе душевнаго возбужденія, манія (бѣшенство, безуміе). Слабоуміе имѣетъ слѣдующіе виды: бессмысліе, тупоуміе, идиотство и кретинизмъ.

1) Состоянія душевной подавленности: Меланхолія есть болѣзненное состояніе, заключающееся въ преобладаніи тяжелаго, подавляющаго душевнаго аффекта; это состояніе постоянной душевной боли. Первоначальная форма меланхоліи—тоска. Общій характеръ всѣхъ меланхоликовъ — унылое, подавленное, печальное настроеніе духа, уменьшеніе энергіи воли и соотвѣтствующій этому состоянію бредъ. Меланхолики обнаруживаютъ постоянно дурное настроеніе духа, чувство отвращенія и недовольства, соединенныя съ неопредѣленнымъ страхомъ и горькимъ сознаниемъ своего собственнаго ничтожества. Въ самоощущеніи и представленіяхъ меланхоликовъ происходитъ аномалія: всѣ предметы внѣшняго міра воспринимаются и различаются хотя правильно, но впечатлѣніе производятъ другое, нежели въ нормальномъ состояніи. Слѣдствіемъ этого являются тѣ болѣзненныя полусонныя состоянія, которыя называются галлюцинаціями и иллюзіями. Въ галлюцинаціи человѣкъ твердо вѣритъ въ истину испытываемаго ощущенія отъ извѣстнаго предмета, когда самаго предмета въ дѣйствительности не существуетъ. Бываютъ галлюцинаціи слуха, зрѣнія (привидѣнія), рѣже вкуса и

обонянія, осязанія чаще. Бываютъ также галлюцинаціи внутренняго самоощущенія; такова напримѣръ вѣра въ присутствіе лягушекъ и змѣй въ животѣ, дьявола въ тѣлѣ и т. п. Для сцены важнѣе другихъ галлюцинація зрѣнія. Здѣсь бываютъ два случая: или авторъ пьесы выводитъ самый призракъ на сцену, или составляетъ дѣйствующее лицо видѣть его въ своемъ воображеніи. Въ послѣднемъ случаѣ мимическое и словесное выраженіе галлюцинаціи, сведенное къ какому нибудь опредѣленному виду аффектовъ, должно быть передано сильнѣе и ярче чтобы заставить работать воображеніе зрителей. Иллюзія—есть такое состояніе, въ которомъ человѣкъ приписываетъ предмету, дѣйствующему на него, ощущенія имъ непроеизводимыя. Галлюцинація живетъ воображаемыми чувствованіями; иллюзія извращаетъ ощущенія дѣйствительныя; таковы напримѣръ: иллюзіи Донъ-Кихота.

Существуетъ нѣсколько видовъ меланхоліи: религіозная (демономанія, кликушество), мономанія (влеченіе къ самоубійству, убійству, поджогамъ, воровству), ипохондрія—сосредоточивающаяся почти исключительно на идеѣ о собственномъ тѣлесномъ нездоровьѣ.

Физиологическіе и сценическіе признаки. Меланхолія всегда сопровождается бессонницей, болѣзненными ощущеніями въ головѣ (жарь, тяжесть, головокруженіе) и переменнѣе въ различныхъ частяхъ тѣла (въ груди, спинѣ, животѣ), недостаткомъ пищеваренія и питанія при весьма большой прожорливости, дыханіе бываетъ медленное, неполное, тяжелое. Движенія меланхоликовъ носятъ на себѣ отпечатокъ преобладающаго аффекта. Большею частію они медленны, лѣнны, подавлены; они или стоятъ, или лежатъ гдѣ нибудь въ углу, не обращая на все окружающее никакого вниманія. Мышцы лица часто въ продолжительномъ одностороннемъ сокращеніи, черты лица неизмѣнны и напряжены, лобъ сморщенъ, углы рта оттянуты книзу. Цвѣтъ кожи блѣдный, сѣроватый, видъ меланхоликовъ старообразный. Другой видъ меланхоліи, безпокойной, выражается необыкновенною подвижностью движеній съ характеромъ беспорядочной суетливости, но

съ тѣмъ же оттѣнкомъ страдательнаго, подавленнаго состоянія. Въ обоихъ этихъ выраженіяхъ меланхоліи можно видѣть аналогію съ явленіями болѣзненныхъ аффектовъ у здоровыхъ людей: окоченѣніемъ отъ страха и горя и бѣганьемъ отъ тревоги и безпокойства.)

2) Состояніе душевнаго возбужденія, манія. Существенное отличіе этой формы душевныхъ болѣзней отъ меланхоліи заключается въ томъ, что вмѣсто болѣзненнаго погруженія въ самага себя, сосредоточеннаго, угнетающаго вліянія какого нибудь печальнаго аффекта, является постоянная экзальтація воли, къ чему присоединяется горделивая, слѣпая самоувѣренность. Здѣсь можно отмѣтить два вида: бѣшенство (неистовство)—состояніе болѣзненнаго внѣшняго безпокойства съ сильными мышечными движеніями, и безуміе—состояніе наружнаго спокойствія при условіи аномальныхъ представленій. Часто случается, что оба эти вида соединяются между собою и образуютъ такимъ образомъ переходныя и смѣшанныя формы.

Бѣшенство въ своемъ проявленіи представляетъ какъ бы вторую ступень въ развитіи душевной болѣзни, для которой меланхолія является предрасполагающимъ обстоятельствомъ. Вообще состояніе бѣшенства не представляетъ однообразной, постоянной картины извѣстнаго настроенія духа, (существенный характеръ котораго есть идея разрушенія, истребленія), но въ немъ различныя состоянія возбужденія и подавленія часто смѣняются одно другимъ; у бѣшеннаго часто являются безпричинные переходы отъ веселости къ печали, отъ упрямства къ послушанію, отъ злости къ равнодушію, отъ буйства къ спокойствію. Всѣ дѣйствія бѣшенныхъ имѣютъ характеръ инстинктивныхъ дѣяній, а не сознательныхъ.

Физиологическіе и сценическіе признаки. (Въ началѣ болѣзни обнаруживаются признаки общіе меланхоліи, но только въ усиленномъ видѣ. Худоба, бессонница, галлюцинаціи чувствъ, желтый цвѣтъ кожи, красное или совершенно блѣдное лицо, лихорадочное состояніе, дрожь, притупленіе ощущеній температуры и чувства боли. При полномъ развитіи бѣшенства чувство

нездоровья совершенно исчезаетъ въ сознаніи больнаго. Въ сценическомъ отношеніи признаки бѣшенства весьма схожи съ аффектами гнѣва и ярости, смѣняемыхъ періодами болѣзненной усталости съ характеромъ неподвижности дикаго звѣря.)

Безуміе (манія, горделивое помѣшательство) есть такое состояніе душевнаго возбужденія, которое характеризуется болѣе или менѣе сильнымъ выраженіемъ постоянныхъ безумныхъ идей, при чемъ всегда обнаруживается преувеличенная оцѣнка собственнаго достоинства. Источникъ маніи — тоже меланхолія, но съ характеромъ наружнаго спокойствія. Возбужденіе здѣсь обусловливается по болѣе части внѣшними поводами и дѣятельность помѣшанныхъ лишена той бурной, дикой силы, которою отличаются бѣшеные. Отличительною чертою помѣшанныхъ можно считать фантастическое преувеличеніе идей и аффектовъ, соотвѣтственно которому является оригинальность рѣчей и поступковъ. Въ сумашедшихъ домахъ (у мономановъ) существуетъ своего рода порядокъ, свое общество съ вѣрованіями, принципами, привязанностями, только всѣ черты этой жизни рѣзче и живѣе. За исключеніемъ извѣстной идеи, составляющей пунктъ помѣшательства, каждый членъ этого міра согласуется въ своихъ поступкахъ съ заведеннымъ порядкомъ, обнаруживая часто при этомъ болѣе правдивость и акуратность отношеній, чѣмъ общество здоровыхъ людей. Характерныя особенности помѣшанныхъ— крайнее развитіе чувствительности при твердой увѣренности въ своемъ полномъ разсудкѣ.

(Въ физиологическомъ отношеніи это состояніе имѣетъ много сходнаго съ состояніемъ бѣшенства; тоже лихорадочное состояніе, бессонница, дурное пищевареніе, обжорливость, приливы къ головѣ, галлюцинаціи. Замѣчательно сходство въ проявленіи и исходѣ различныхъ формъ помѣшательства съ соотвѣтствующими состояніями пьянства, признаками котораго (всѣхъ трехъ періодовъ), за исключеніемъ пошатыванія, можетъ толково воспользоваться актеръ для выраженія рѣчей и мимики помѣшаннаго.)

Слабоуміе (состояніе душевнаго расслабленія) отличается

отъ меланхоліи и маніи тѣмъ, что аномалія является здѣсь въ разстройствѣ умственной способности при отсутствіи аффектовъ. Здѣсь два главныхъ вида: слабоуміе творческое (безсмысліе) и слабоуміе апатическое (тупоуміе, идиотство, кретинизмъ). Въ первомъ состояніи характеръ душевнаго расслабленія прикрытъ до извѣстной степени господствомъ отдѣльныхъ нелѣпныхъ представлений, на постоянное удержаніе которыхъ тратится весь остатокъ душевной силы. Въ сознаніи больного обнаруживается постоянное стремленіе сгруппировать около извѣстнаго нелѣпаго представленія всю свою умственную дѣятельность; но при слабости мысли онъ не можетъ установить опредѣленнаго порядка и въ результатѣ выходитъ безсвязная путаница образовъ и рѣчей. Въ физиологическомъ отношеніи состояніе безсмыслія обнаруживается, сравнительно, хорошимъ здоровьемъ: больные полнѣютъ, жирѣютъ; тѣмъ не менѣе организмъ находится въ постоянномъ ослабленіи: частыя галлюцинаціи, слабость памяти и воли, раздражительность. Исходъ этой болѣзни параличъ. (Въ сценическомъ отношеніи это ^{сценическое} состояніе представляетъ странное смѣшеніе старческаго лица съ дѣтскими привычками и поступками; больные собираютъ всякую дрянь, любятъ игрушки, прыгаютъ, танцуютъ, бормочатъ слова, напѣваютъ. Въ движеніяхъ ихъ замѣчается строгая равномерность. Взглядъ тупой, рѣдко оживляющійся, господствующее выраженіе его—недовольство. Внѣшность грязная и часто отвратительная.)

Второе состояніе, апатичное слабоуміе, обнаруживается въ совершенной остановкѣ или, вѣрнѣе сказать, крайне слабой дѣятельности духовной жизни. Тупоуміе есть первая, слабѣйшая степень апатическаго слабоумія. У тупоумныхъ умственная дѣятельность ограничивается способностью постигать только самыя простыя понятія о предметахъ; у нихъ нѣтъ достаточнаго вниманія, порядка и силы сужденія, замѣчается полная неспособность къ сравненію и аналогіи, преимущество остается за проявленіемъ животныхъ инстинктовъ. Идиотство—такое состояніе умственной слабости (отъ рожденія или съ ранней юности), которое или совершенно исключаетъ, или до такой степени огра-

ничиваетъ возможность духовнаго развитія, что субъекты подобнаго рода на-всегда остаются въ состояніи дѣтства, или даже полуживотнаго состоянія. Кретинизмъ есть особый видъ идиотства, отличающійся значительнымъ тѣлеснымъ уродствомъ. Въ физиологическомъ отношеніи оба послѣдніе вида отличаются тѣмъ, что у нихъ самыя инстинкты самосохраненія притуплены. Чувствительность у нихъ самая ничтожная, органическія отправления безсознательны, на всемъ лежитъ отпечатокъ умственной инерціи. Часто нѣмота и глухота сопровождаютъ эту болѣзнь. Всѣ идиоты и кретины страшно прожорливы и жадны, сонъ ихъ продолжителенъ и крѣпокъ. Смерть бываетъ здѣсь отъ мозговой водянки, отъ апоплексическихъ припадковъ, а также случайная, вслѣдствіе неспособности больныхъ руководить собственными своими инстинктами (удавленіе себя большими кусками пищи, обжорги, растравленіе ранъ, паденіе и т. п.).

Сценическіе признаки. У тупоумныхъ за исключеніемъ постоянно телячьяго, глупаго выраженія лица, особенно характерныхъ признаковъ нѣтъ. У идиотовъ выраженіе лица постоянно безумное, глаза тусклые, оловянные; на лицѣ или безсознательная улыбка, или автоматическая неподвижность взгляда. Губы толстыя, выдающіяся, щеки отвислыя, изо рта течетъ слюна. Движенія ихъ медленныя, вялыя, порывы ихъ и волненія имѣютъ характеръ конвульсивныхъ движеній. У кретиновъ большею частію или несоразмѣрно большая или малая, часто остроконечная голова, руки длинныя и большія, члены уродливыя, горбатость, на шеѣ зобъ (Альпійскій кретинизмъ), мясо дряблое, пухлое. Крики дикіе, рѣчь крайне безсвязная. На сценѣ идиоты и кретины не встрѣчаются, потому что внѣшній видъ ихъ противорѣчитъ эстетическимъ требованіямъ искусства.)

Глупость. Въ нѣкоторой связи и аналогіи съ различными моментами и степенями душевныхъ болѣзней находится извѣстное состояніе душевной дѣятельности, которое вообще называется въ общежитіи глупостью. Глупость, надобно замѣтить, есть понятіе весьма относительное и допускаетъ безчисленное множество степеней. Опредѣлить точную границу, отдѣляющую умнаго человѣка

отъ глупца, весьма трудно потому что понятія о томъ или другомъ состояніи ума составляютъ обыкновенно подъ вліяніемъ условныхъ и относительныхъ взглядовъ известной эпохи и общественныхъ положеній. Неразумнымъ люди называютъ того, кто, говоря и дѣйствуя противоположно общепринятымъ правиламъ, обычаямъ, порядку, признаваемымъ большинствомъ за истину, приводитъ и себя и другихъ къ неудовлетворительному, или вредному результату. Вообще же глупость есть такое состояніе умственной способности, которое по своей слабости не доводитъ человѣка до вѣрнаго постиженія сущности предметовъ, а ограничивается поверхностнымъ познаніемъ ихъ (аналогія съ тупоуміемъ) и вслѣдствіе этого приводитъ человѣка къ ложному результату, причемъ, въ силу той же слабости, обнаруживается отсутствіе сознанія своей ошибки (аналогія съ горделивою манією). Дѣйствительно, тѣ неправильныя, нелогическія дѣйствія, которыя подъ вліяніемъ разныхъ причинъ совершаются людьми умными и которыя, по ихъ собственному сознанію, являются ошибками и глупостями, у глупцовъ суть ничто иное, какъ нормальный, логическій результатъ ихъ мозговой дѣятельности и потому самому не могутъ быть ими признаны ошибками. Арабская пословица правильно говоритъ, что глупость есть болѣзнь неизлѣчимая, ибо больной не въ состояніи сознать своего больного состоянія и слѣдовательно отрицаетъ возможность леченія. Сюда же можно отнести афоризмъ, что только умный человѣкъ имѣетъ право дѣлать глупости. Есть впрочемъ дураки, не лишеныя самосознанія своихъ ложныхъ взглядовъ и поступковъ; но въ большинствѣ случаевъ это самосознаніе бываетъ бездѣйственное, успокоивающее, безплодное. Отличительными чертами глупости являются: ослѣпленная самоувѣренность, беспорядочность и быстрота легкомысленныхъ дѣйствій, упрямство и настойчивость въ своихъ ложныхъ убѣжденіяхъ, нахальное и дерзкое презрѣніе къ мнѣнію другихъ, мелочность взгляда и пошлость формъ въ проявленіи своихъ мыслей и желаній. Сужденія глупцовъ почти всегда частныя, а не общія; способность обобщенія фактовъ, выработка идей у нихъ развита весьма слабо, или ея вовсе нѣтъ; потому они почти всегда въ

своей дѣятельности безсознательно копируютъ окружающее, обманчиво признавая свои копіи за самостоятельные поступки. Самостоятельное творчество глупцовъ всегда уродливое, напоминающее поступки помѣшанныхъ. Глупецъ почти всегда веселъ и доволенъ, у него хорошій аппетитъ, всѣ физическія отправленія вообще правильны, желанія удобоисполнимы, отсутствіе анализа и упрековъ самому себѣ. Отсюда выраженіе «дураки счастливы». Между безчисленными видами и оттѣнками глупости отмѣтимъ главнѣйшіе: простота — слабость умственной дѣятельности вслѣдствіе неразвитости, результатъ обстановки и воспитанія, таковы поселяне глухихъ деревень, провинціалы; ограниченность — состояніе, нѣсколько превышающее тупоуміе, таковы вообще рутинеры; скромная глупость, обуславливающая отсутствіе творчества при равнодушномъ сознаніи своего безсилія; наглая глупость, проявляющая уродливое творчество съ ложнымъ сознаніемъ своей правоты; сюда относится большинство ученыхъ дураковъ, пошлыхъ остряковъ и любезниковъ, фатовъ и самодуровъ; скучная глупость — резонеры и болтуны.

(Въ отношеніи сценическомъ замѣтимъ, что глупость всегда комична, трагедія между глупцами немислима. Вообще же глупость особенно характерныхъ внѣшнихъ признаковъ не имѣетъ; по преимуществу выдаютъ глупцовъ наружу глаза (глупое, пошлое выраженіе) и нелогичная, пустая рѣчь. Замѣтимъ еще, что глупцы вообще любятъ рассуждать и отличаются отъ умныхъ бѣльшею болтливостью.)

(Примѣры для упражненій см. Христоматию, отдѣлъ «Душевныя болѣзни»).

СЦЕНИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ СНА И СМЕРТИ.

Сонъ. Физиологическія причины сна.—Виды его: дремота, сонъ съ бредомъ, сновидѣнія.—Лунатизмъ и его признаки.—Смерть. Определеіе.—Характеристика сценической смерти: отъ болѣзни и насильственной.—Виды насильственной смерти: самоубійство, убійство (отравленіе, удушеніе, утопленіе, удавленіе, замерзаніе, голодная смерть).—Сценическіе признаки.

Сонъ. Определеіть съ точностію, что такое сонъ, мы не можемъ, по недостатку определенныхъ научныхъ данныхъ. По сдѣланнымъ наблюденіямъ извѣстно только, что это состояніе зависитъ отъ нервной дѣятельности и помогаетъ неизвѣстнымъ намъ образомъ ослабѣвшей энергіи мозга и мышцъ. Это такое же нормальное состояніе человѣческаго организма, какъ и бдѣніе, продолжительность котораго обусловливается возрастомъ, темпераментами, состояніемъ здоровья и другими внѣшними условіями. Въ младенчествѣ и дѣтствѣ сонъ такъ продолжителенъ, что бдѣніе кажется исключеніемъ, въ глубокой старости замѣчается наклонность къ той же сонливости, менѣе всего спятъ люди въ зрѣломъ возрастѣ. Изъ темпераментовъ наиболее способствуетъ развитію сонливости—флегматическій. Многія болѣзни, ослабляющія организмъ, вообще уменьшающія и уничтожающія побужденіе къ дѣятельности, располагаютъ ко сну. Тяжелая пища, сыророй, туманный воздухъ, жаръ, однообразіе всякаго рода наводятъ сонъ. Умѣренный холодъ препятствуетъ сну, сильный произ-

водитъ одѣпенѣніе. Вообще все, что успокоиваетъ мозгъ, въ тоже время наводитъ сонъ, все, что возбуждаетъ дѣятельность мозга, препятствуетъ усыпленію; вотъ почему мыслители и сумашедшіе спятъ очень мало. Сонъ есть явленіе въ сущности независимое отъ нашей воли, которая можетъ оказывать только посредствующее вліяніе на предрасполагающія обстоятельства. Такъ напримѣръ, мы можемъ при извѣстной (не сильной) степени усталости бороться со сномъ, а также можемъ регулировать сонъ пріобрѣтеніемъ привычки просыпаться и засыпать въ извѣстное определенное время.

Сонъ, который въ рѣдѣ можно назвать рядомъ колеблющихся состояній отъ бдѣнія къ дремотѣ, отъ дремоты ко сну съ грезами въ сценическомъ отношеніи является въ двухъ главныхъ видахъ: состояніе забытья (полусонъ, дремота) и сонъ съ бредомъ. Первое состояніе, составляющее какъ бы начало сна, есть результатъ борьбы бдѣнія со сномъ; общіе признаки его: обнаруженіе усталости (наклонность сѣсть, прилечь, облокотиться), зѣвота, глаза закатываются, голова наклоняется, движенія мышцъ постепенно ослабѣваютъ. Характерные признаки сна тѣже, только съ болѣе рѣзкимъ и сильнымъ оттѣнкомъ бездѣйствія внѣшнихъ органовъ. Бредъ есть болѣе, или менѣе отчетливое и связанное словесное выраженіе отголосковъ жизни на яву, отражающихся въ мозгу спящаго человѣка въ видѣ грезъ (сновидѣній). Сновидѣнія суть умственные процессы, происходящія во время сна и близко сродные мечтаніямъ, бывающимъ во время бдѣнія. Въ выраженіи этого состоянія актеръ долженъ сообразоваться съ характеромъ лица, имъ изображаемаго и съ общимъ смысломъ сцены; эти соображенія укажутъ ему, долженъ ли онъ своей интонаціей и жестами обнаружить слабое, или возбужденное состояніе нервной системы спящаго. Руководствомъ можетъ служить тщательное наблюденіе надъ примѣрами подобныхъ состояній въ живой дѣйствительности.

Лунатизмъ (сонамбулизмъ) есть ненормальный видъ сна, обнаруживающійся не голосомъ, а внѣшними дѣйствіями спящаго человѣка. Лунатики ходятъ, бѣгаютъ, дѣйствуютъ руками,

очень ловко и разумно побуждаютъ физическія трудности и препятствія, встрѣчающіяся на пути руководящей ихъ мысли, но совершаютъ все это молча, съ открытыми глазами. Причины лунатизма весьма мало изслѣдованы.

Смерть. Общепринятое опредѣленіе: «смерть есть прекращеніе жизненныхъ отправленій» не совсѣмъ вѣрно. Жизненные отправленія могутъ прекратиться въ организмѣ еще способномъ къ жизни, слѣдовательно не мертвомъ. Такъ напримѣръ, замороженныя лягушки и черви не обнаруживаютъ никакихъ жизненныхъ отправленій, однако не умерли; незаведенныя часы стоятъ, но не разрушены. Точнѣе опредѣлить смерть такимъ образомъ: она есть разрушеніе единства, равновѣсія нашего организма, а слѣдовательно и всѣхъ явленій, зависѣвшихъ отъ этого единства. По различію проявленій можно отмѣтить три вида смерти: 1) естественная (медленное истощеніе силъ въ старости); 2) отъ болѣзни (медленная съ агоніею, или мгновенная въ апоплексіи) и 3) случайная, насильственная (убійство, самоубійство). Все различіе заключается здѣсь въ скорости или медленности процесса разрушенія единства. На сценѣ употребляются всѣ три вида смертей, но, не вдаваясь въ анатомическія подробности, мы ограничимся указаніемъ наиболѣе рельефныхъ признаковъ. Для сцены смерть естественная, медленная, отъ истощенія старческихъ силъ, похожая на усыпленіе, имѣетъ мало значенія по недостатку рельефности; гораздо важнѣе остальные два вида. При этомъ замѣтимъ, что на сценѣ преимущественное значеніе имѣетъ не послѣдній крайній моментъ смерти, а предсмертная агонія, дающая возможность актеру показать зрителямъ борьбу своей нравственной стороны съ физическимъ страданіемъ, во имя которой самое страданіе получаетъ въ нашихъ глазахъ свое настоящее значеніе. Но и въ этомъ случаѣ актеру нужно поступать, какъ можно осторожнѣе. Сценическое искусство имѣетъ свои особыя требованія, во имя которыхъ приходится, не измѣняя существенныхъ физиологическихъ и анатомическихъ признаковъ этого явленія, сокращать, смягчать и вообще нѣсколько видоизмѣнять черты дѣйствительности. Люди въ жизни рѣдко умираютъ кра-

сиво, а нѣкоторые виды смерти, хотя и поразительны, но производятъ впечатлѣніе возмутительное и непріятное (судороги и крики); актеръ въ этомъ случаѣ, кромѣ научной правды, долженъ руководствоваться художественнымъ тактомъ. Предсмертная агонія, соображаясь съ характеромъ причины ея производящей, не должна быть ни слишкомъ коротка, ни спокойна, ни слишкомъ длинна и криклива; актеръ, какъ римскій гладиаторъ, долженъ страдать и умирать красиво. Театръ не госпиталь и не поле сраженія, откуда зрители выносятъ часто одно возмутительное впечатлѣніе. Вообще умѣнье страдать и умирать на сценѣ дѣло не легкое. Сдержанность, скромность движеній и звуковъ, отсутствіе угловатости и рѣзкости въ паденіи и судорогахъ (особенно съ послѣдними надобно быть очень осторожнымъ, чтобъ не быть смѣшнымъ или противнымъ), строгій расчетъ въ передачѣ различныхъ моментовъ агоніи, постепенность въ подготовленіи зрителя къ сценическому эффекту послѣдней минуты (музыка голоса, пластика жестовъ, игра фizioноміи), вотъ что долженъ соблюдать умирающій актеръ. Часто актеры нарушаютъ гармонию сцены предсмертной агоніи невѣрною и неровною интонаціею рѣчей; у нихъ слышатся то звуки слабости и страданія, то рѣчь сильнаго и здороваго человѣка, — это игра неосмысленная. Энергическія вспышки въ агоніи бываютъ, но онѣ совершенно не похожи на естественныя. Изъ всѣхъ смертей отъ болѣзни по преимуществу правомъ гражданства на сценѣ пользуется смерть отъ чахотки и удара (см. главу объ аффектахъ и болѣзняхъ физическихъ).

Наибольшее примѣненіе на сценѣ имѣетъ смерть случайная (убійство и самоубійство) въ разнообразныхъ формахъ ея житейскаго проявленія.)

Самоубійство бываетъ или при полномъ разсудкѣ, или вслѣдствіе помѣшательства. Наибольшее значеніе имѣетъ первое. Маркъ Жирарденъ говоритъ: «чтобы предаться мысли о самоубійствѣ необходимы нѣсколько развитой умъ и броженіе страстей» *). Это положеніе подтверждается статистикою, которая

*) Cours de la litterature dramatique chap. V.

показываетъ, что число самоубійствъ въ Европѣ идетъ crescendo въ прямой связи съ развитіемъ цивилизаціи, самоубійство у дикарей рѣдкій случай. Причины, обусловливающія самоубійство, бываютъ физическія и нравственныя.

Физическія: головныя раны, вообще все то, что угнетаетъ, разстраиваетъ нормальную дѣятельность мозга и ведетъ къ умопомѣшательству (меланхоліи); дурное дыханіе и поврежденное состояніе желудка, производящія ипохондрію; долгія, изнурительныя болѣзни, (за исключеніемъ чахотки), и распутная жизнь. Сверхъ того вліяютъ на самоубійство климатъ, темпераментъ, сидячій образъ жизни, нищета, общественное положеніе.

Нравственныя: сильныя страсти, безнадежная любовь, ревность, гнѣвъ, угрызеніе совѣсти, лѣнь, игра, страхъ наказанія, страхъ безчестія, обида, мечтанія, изувѣрство, тоска по родинѣ.

Отличительною нравственною чертою самоубійцы можно признать стремленіе заявить о себѣ и о причинахъ, побудившихъ человѣка къ самоубійству. Большинство изъ нихъ пишутъ передъ смертью письма и записки. Вообще можно замѣтить, что въ послѣдніе моменты передъ самоубійствомъ добрыя начала преобладаютъ надъ злыми. Большею частію самоубійцы высказываютъ прощеніе врагамъ, жалобы на жизнь и болѣзнь, признаніе и раскажаніе въ преступленіяхъ, надежду на милосердіе Божіе, заботу о семействѣ, милосердіе къ ближнимъ, просьбу о похоронахъ, вѣру въ будущность, ужасъ и страхъ самоубійства, просьбы о сохраненіи въ тайнѣ причинъ смерти и т. п. Самоубійство совершенно хладнокровное, обдуманное, рассчитанное спокойно, можетъ быть только подъ вліяніемъ фанатической вѣры въ какую нибудь теорію. Такой характеръ имѣли самоубійства въ Римѣ (стоики и эпикурейцы). Извѣстно выраженіе Сенеки: «мудрецъ самъ назначаетъ себѣ предѣлы земнаго бытія».

Сценическіе признаки Самоубійство острымъ орудіемъ. Обыкновенно люди стараются убить себя однимъ ударомъ и потому наносятъ себѣ одну глубокую рану преимущественно въ лѣвую боковую часть груди въ то мѣсто, гдѣ предполагаютъ присутствіе сердца, или же рѣжутъ себѣ шею. При употребленіи ко-

лющаго орудія при самоубійствѣ ударъ наносится обыкновенно въ лѣвый бокъ, между реберъ правой рукой, по направленію сверху внизъ; при рѣжущемъ орудіи—слѣва направо поперечно (поперекъ горла), или же снизу вверхъ (распарываніе живота). Два послѣднихъ способа зарѣзыванія себя почти совсѣмъ не употребляются на сценѣ. Предсмертная агонія отъ всякой раны выражается схватываніемъ, придерживаніемъ ближайшею рукою, иногда обѣими, раненаго мѣста; на лицѣ является отпечатокъ томленія, страданія, глаза закрываются, лицо блѣднѣетъ, голосъ издаетъ усиленные вздохи, стонъ. Обнаруженіе слабости организма, заставляющей человѣка падать, должно совершаться актеромъ осмысленно: ни слишкомъ поспѣшно, ни слишкомъ медленно. Вообще агонія, сопровождающаяся рѣзкими движеніями, кривляньями, криками, судорожнымъ пошатываніемъ и громкимъ паденіемъ сразу на спину (не жалѣя боковъ) эффектно дѣйствуетъ на массу, но на человѣка со вкусомъ производитъ такое же не пріятное впечатлѣніе, какое получается при видѣ кривляній уличныхъ акробатовъ. >

Убіиство. Актеръ изображающій убиваемаго, долженъ руководиться тѣми же признаками, какіе показаны въ агоніи самоубійства. Убивающій долженъ соображаться въ этомъ случаѣ съ условіями пьесы и режиссерской постановки. Отличительнымъ его достоинствомъ должна быть ловкость, отсюда умѣнье фехтовать является качествомъ необходимымъ для актера. Незнаніе этого дѣла бываетъ причиною того, что многія сценическія дуэли не эффектны, а смѣшны. >

Казнь. Орубленіе головы допускается на сценѣ только до момента удара; предсмертная агонія казнимаго имѣетъ нравственный характеръ и выражается признаками печали и страха, бойкой рѣшимости или тихой покорности. |

Отравленіе. Очень немногіе виды яда умерщвляютъ мгновенно, обыкновенное житейское отравленіе обнаруживается жестокими припадками, нѣсколько разъ повторяющимися до момента смерти; потому актеры, падающіе почти немедленно послѣ принятія яда на сценѣ, дѣлаютъ грубую ошибку. Сокращеніе пе-

ріода агоніи на сценѣ можетъ и должно быть допущено; но съ полнымъ ея уничтоженіемъ никакъ нельзя согласиться. Въ этой неестественности, понятной для каждаго, кроется комическая сторона, разрушающая совершенно эффектъ сцены. Признаки отравленія различны, смотря по качеству и количеству принятаго яда, но для сцены нѣтъ необходимости входить при этомъ въ фізіологическія и анатомическія подробности. Наиболѣе употребляющійся на сценѣ способъ отравленія мышьякомъ имѣетъ слѣдующіе признаки: въ тѣлѣ чувствуется ознобъ, подираніе по кожѣ, дрожаніе членовъ, стѣсненіе груди, лицо блѣднѣетъ, глазныя вѣки покрываются синевою, пульсъ скорый, напряженный. Чувствуется позывъ на рвоту, является сухость во рту, жажда, въ желудкѣ грызущая боль. Человѣкъ ощущаетъ невыразимую тоску, мечется въ стороны, не находя себѣ мѣста. При переходѣ болѣзни въ воспаленіе (Антоновъ огонь) больной становится спокойнѣе, дыханіе рѣже и тише, почернѣвшія губы дрожатъ, пульсъ перестаетъ биться, наступаетъ смерть. Конвульсивныя движенія свойственны всѣмъ видамъ отравленія, но, какъ мы замѣтили выше, ихъ надобно по возможности смягчать и сокращать.)

(Удушеніе угольнымъ газомъ. Здѣсь дѣйствуютъ двѣ причины: угольная кислота, накопившаяся въ атмосферѣ и мѣшающая выдѣленію ея же изъ нашей крови и окись углерода, умерщвляющая кровь отнятіемъ у нея способности производить процессъ выдѣленія газовъ. Оно походитъ на тяжелый, мучительный сонъ. Страшная головная боль, учащенное біеніе пульса, боль въ желудкѣ, страшный бредъ. У задушенныхъ такимъ образомъ лицо красное, опухшее.)

Утопленіе есть видъ удушенія. Утопшій, вытасченный скоро изъ воды, не имѣетъ особенныхъ признаковъ и напоминаетъ обморочное состояніе. Это бываетъ тогда, когда человѣкъ отъ сильнаго потрясенія падаетъ въ водѣ въ обморокъ и умираетъ безъ борьбы. Если же утопленникъ долго лежалъ въ водѣ, то онъ имѣетъ видъ безобразный, вслѣдствіе чего послѣдній видъ смерти не годится для сцены. У трупа закрытыя глаза, запертый ротъ, лицо и тѣло опухшія, посинѣлыя. Если человѣкъ бросился

самъ, то у него руки стиснуты крѣпко и сложены или надъ головой, или около груди (дѣйствіе воли); если его бросили въ воду насильно, руки висятъ (результатъ ослабленія ручныхъ мышцъ, силившихся поднять человѣка на поверхность). Станъ утопленниковъ всегда согнутъ, всплываютъ они всегда спиной къ верху.)

(Удавленіе, повѣшеніе есть также видъ удушенія, причиняющій быструю смерть путемъ вещественнаго препятствія процессу дыханія. Лицо блѣдное, глаза и ротъ закрыты, видъ спокойный, руки висятъ. Агонія сопровождается иногда глухимъ хрипѣніемъ (если удавленіе совершалось не быстро). Высунутый языкъ, багровое лицо, напряженіе въ членахъ—результатъ удушенія съ мучительной агоніей, обуславливающей борьбу со смертью. Таковъ несценический видъ большинства умирающихъ на висѣлицахъ.)

Замерзаніе причиняетъ мучительную смерть посредствомъ постепеннаго уменьшенія внутренней теплоты потребной для дыханія. Признаки: дрожаніе всего тѣла, (актеръ долженъ при этомъ беречься комическаго оттѣнка дрожанія), затѣмъ оцѣпенѣніе мышцъ (суживаніе тѣла), апоплексическій ударъ вслѣдствіе скопленія крови въ грудныхъ и мозговыхъ сосудахъ. Послѣдніе моменты—неподвижность, похожая на летаргическій сонъ, безъ всякихъ красокъ на лицѣ.)

Голодная смерть (см. главу чувство голода и жажды) носитъ на себѣ признаки изнурительныхъ сухоточныхъ болѣзней.)
(Примѣры для упражненія см. Христоматию, отдѣлъ «Смерть».)

ОБЩИЕ ПРИЕМЫ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РОЛИ.

Все изложенное нами есть не болѣе, какъ предварительное подготовленіе къ настоящей дѣятельности актера, необходимое научное основаніе, на которомъ должно опираться сценическое выполненіе, обусловливаемое творчествомъ. Подъ этимъ словомъ мы подразумѣваемъ умѣнье толково, разумно пользоваться приобрѣтенными средствами (знаніемъ словеснаго и мимическаго выраженія физической и нравственной сторонъ человѣческой жизни) въ живомъ, а не механическомъ только примѣненіи ихъ къ извѣстному характеру и лицу. На этой внутренней связи научныхъ свѣдѣній съ художническою практикою основывается вся задача актера, какъ сценическаго дѣятеля, долженствующаго воплотить въ живомъ, дѣйствующемъ образѣ лицо, задуманное авторомъ пьесы. Этому сценическому воплощенію долженъ предшествовать въ головѣ актера извѣстный творческій замыселъ, опредѣляемый съ одной стороны данными пьесы, а съ другой степенью научнаго развитія и таланта актера. Общая совокупность приемовъ, обусловливающихъ процессъ сценическаго выполненія, составляетъ то, что вообще называютъ изученіемъ роли. Въ общихъ чертахъ главнѣйшіе изъ этихъ приемовъ суть слѣдующіе:

Прежде всего надобно внимательно прочесть всю пьесу и уяснить себѣ путемъ литературнаго, критическаго разбора зна-

ченіе ея основной идеи и драматической интриги. Весьма полезно и даже необходимо, чтобы литературное чтеніе и сценическая считка происходили сообща, въ присутствіи всѣхъ участвующихъ въ пьесѣ; это весьма много содѣйствуетъ скорѣйшему пониманію ролей. При этомъ способѣ учитель имѣетъ полную возможность объяснить темныя мѣста и исправить недостатки дикціи.

Списать, исправить по пьесѣ и прочесть отдѣльно выбранную себѣ роль. Выбирать роль въ началѣ нужно самому учащемуся; это есть какъ бы проба направленія сценическаго таланта и степени артистическаго чутья. Исправленіе ошибки въ этомъ случаѣ лежитъ на отвѣтственности учителя. Для начала сценической практики нужно брать пьесы съ общими, цѣльными, несложными характерами и притомъ не изъ простонароднаго быта, потому что первыя вообще легче и кромѣ того, представляя менѣе данныхъ для произвола игры, приучаютъ къ строгому держанію себя на сценѣ.

Опредѣлить, то есть вполне понять характеръ лица выбранной роли и уяснить себѣ отношенія его къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ. Изучать характеръ необходимо въ связи съ общимъ ходомъ пьесы, при чемъ для учащагося будетъ ясно, долженъ ли онъ давать извѣстный тонъ сценѣ (быть на первомъ планѣ), или же только помогать главному дѣйствующему лицу.

Уяснивъ себѣ внутреннюю сторону избраннаго лица, обдумать его гримировку и костюмъ. При этомъ основнымъ правиломъ должно быть стремленіе къ естественности, соразмѣряемое сценическими условіями, но отнюдь не рассчитанное исключительно на внѣшній эффектъ.

Выучить роль твердо наизусть, слово въ слово. Вопросъ о томъ, можно ли передавать роль на сценѣ своими словами, можетъ быть рѣшенъ положительнымъ образомъ только, въ видѣ исключенія, относительно опытныхъ артистовъ-художниковъ, но никакъ не для начинающихъ. Исправленіе роли, сообразно сценическимъ требованіямъ, какъ то: сокращеніе длинныхъ монологовъ и лишнихъ діалоговъ, смягченіе пошлыхъ, двусмысленныхъ

и рѣзкихъ выраженій, должно быть сдѣлано раньше, при считкѣ пьесы, но не тогда, когда разучивается самая роль. Привычка къ небрежному выучиванію ролей въ надеждѣ на суфлера приобрѣтается очень скоро и отвыкать отъ нея очень трудно; потому начинающій долженъ при самомъ началѣ обратить на это вниманіе и не позволять себѣ отступленій, даже въ мелочныхъ, ничего не значущихъ, повидимому, перестановкахъ словъ. Русскій языкъ, благодаря гибкости своей фразировки, является весьма соблазнительною почвою для развитія въ актерѣ подобныхъ уклоненій отъ основнаго правила точной выучки роли. Для приученія учащихся къ этому необходимому качеству весьма полезно заставлять ихъ играть безъ суфлера. Самое пользование суфлерскою помощью должно быть искусно и осторожно; актеръ долженъ всячески остерегаться обнаружить передъ зрителями свое прислушиваніе къ рѣчи суфлера, а тѣмъ болѣе смотрѣть на него.

Относительно самаго выполненія пьесы замѣтимъ, что учитель отнюдь не долженъ учить «какъ играть», то есть не долженъ заставлять учащихся копировать себя самаго, или кого либо другаго; можно сдѣлать указаніе на чью нибудь игру, ради объясненія при передачѣ труднаго мѣста сцены, но никогда не надобно ставить готовые образцы для подражанія. Подобный приемъ не есть основательное обученіе искусству, а только механическая дрессировка, неспособная выработать самостоятельнаго артиста. Дѣло учителя довести ученика путемъ объясненій до той степени пониманія роли, чтобы ученикъ самъ сыгралъ ее по своимъ собственнымъ силамъ. На этомъ основаніи распредѣленіе ролей между учащимися, сообразно ихъ способностямъ, можетъ служить довольно вѣрною мѣркою для опредѣленія критическаго взгляда самаго учителя.

Относительно гримировки замѣтимъ, что при различіи, сравнительно съ древними, современныхъ воззрѣній на сценическое искусство, гримировка имѣетъ весьма большое значеніе, какъ необходимое дополненіе къ словесному и мимическому выраженію дѣйствующаго лица. Но не смотря на свою важность, вопросъ

этотъ для начинающихъ представляется въ совершенно неопредѣленномъ видѣ, ставя ихъ въ полную зависимость отъ указаній и примѣра актеровъ, приобрѣвшихъ уже въ этомъ дѣлѣ извѣстную опытность. Но актеровъ, умѣющихъ гримироваться художественно, вообще немного и потому случается часто видѣть въ сценической гримировкѣ не типическое изображеніе извѣстныхъ лицъ, а просто грубо намалеванныя маски. Не находя удобнымъ излагать здѣсь отдѣльно правила этого особаго отдѣла сценическаго искусства, мы ограничимся указаніемъ особаго на этотъ счетъ руководства въ книгѣ нѣмецкаго актера Альтмана «Маска актера», переведенной на русскій языкъ въ 1873 году; въ ней учащіеся могутъ найти довольно подробныя правила относительно приемовъ гримировки, соответствующей нынѣшнимъ условіямъ театральнаго освѣщенія.

— 288 —

ЧАСТЬ ВТОРАЯ — ТЕМЫ ДЛЯ УПРАЖНЕНИЙ.

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF TORONTO

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТИЯ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ

ТЕМЫ ДЛЯ УПРАЖНЕНІЙ

въ словесномъ и мимическомъ выраженіи ощущеній,
аффектовъ и страстей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Скарятина, на углу Фонарнаго переулка, домъ Франка.

1874

ДЕКЛАМАЦІЯ.

ПЕРІОДИЧЕСКАЯ РѢЧЬ.

Прежде всего, Аѳиняне, приношу я мольбу всѣмъ богамъ и богинямъ о томъ, чтобы вы оказали мнѣ въ настоящемъ состязаніи такую же любовь, какую я всегда питалъ къ этому городу и ко всѣмъ вамъ; потомъ, чтобы боги внушили вамъ то, что наиболѣе послужитъ къ вашей славѣ и заявитъ вашу совѣстливость, — чтобы вы не съ противникомъ моимъ совѣтовались о томъ, какъ надлежитъ вамъ меня слушать (это было бы невыносимо тяжело), а съ законами и съ вашею присягою, въ которой, кромѣ всего прочаго, написано: «одинаково выслушивать обоихъ.» Это значитъ не только не составлять заранѣе сужденія, не только выражать къ обоимъ соперникамъ равное расположеніе, но даже позволять имъ слѣдовать тому порядку и пользоваться тѣми средствами, какія они сами изберутъ и пожелаютъ...

...Я полагаю, Аѳиняне, всѣ вы согласитесь, что тяжба моя общая съ Ктесифонтомъ и требуетъ отъ меня отнюдь не меньшей заботливости, чѣмъ отъ Ктесифонта: лишиться чего бы то ни было прискорбно и тяжело, а особенно, если у насъ отнимаетъ что нибудь врагъ; тѣмъ прискорбнѣе еще и тяжелѣе — лишиться вашей любви и вашего расположенія, потому что пріобрѣсть ихъ есть величайшее счастье. А такъ какъ именно о немъ теперь идетъ дѣло, то я желаю и прошу васъ всѣхъ выслушать мои оправда-

нія во всѣхъ обвиненіяхъ безпристрастно, какъ повелѣваютъ законы, постановленные искони Солономъ: онъ по любви къ вамъ сдѣлалъ васъ судьями всякихъ тяжбныхъ дѣлъ, и не только издалъ объ этомъ законы, но и обязалъ судей присягою, не потому, какъ мнѣ кажется, чтобы не довѣрялъ вамъ; но потому что видѣлъ всю невозможность опровергнуть обвиненія, клеветы, которыми обвинитель уже отъ того, что первый держитъ рѣчь, бываетъ силенъ; — невозможно это, если каждый судья не будетъ слѣдовать указаніямъ совѣсти, не будетъ внимать благодушно оправданіямъ обвиняемаго, который говоритъ послѣ обвинителя, и если, одинаково и безпристрастно выслушавъ обоихъ, не разберетъ всего дѣла.

Намѣреваясь нынѣ отдать отчетъ во всей моей жизни, и частной и общественной, я опять хочу возвать къ богамъ и предъ лицомъ вашимъ молюся во первыхъ о томъ, чтобы вы въ настоящемъ состязаніи оказали мнѣ такую же любовь, какую я всегда выражалъ къ городу и ко всѣмъ вамъ; потомъ, чтобы боги вамъ всѣмъ внушили о настоящей тяжбѣ такое рѣшеніе, которое послужило бы къ общей вашей славы и выразило бы личную совѣстливость каждаго изъ васъ.

Демосѳенъ. (Рѣчь «о Вѣнкѣ»).

Уже давно, почтенные сенаторы, угрожаетъ намъ опасностью этотъ заговоръ, втайнѣ и предательски затѣянный; но, по неизвѣстной причинѣ, созрѣвъ ему и всей безднѣ золь и преступленийъ, сопряженныхъ съ неслыханною дерзостью, суждено было открыться въ мое консульство. Если изъ столь многочисленной шайки злодѣевъ казнимъ мы одного Катилину, то мы отсрочимъ только на нѣсколько времени и опасность, угрожающую обществу, и заботу предотвратить ее; зло же самое останется, мало того: оно глубже проникнетъ внутрь нашего отечества, заразитъ его еще болѣе. Такъ человекъ въ тяжелой болѣзни, метаясь въ жару горячки, выпивъ холодной воды, чувствуетъ себя лучше; но ненадолго: болѣзнь возвращается къ нему съ большею силою. Такимъ образомъ и наша общественная болѣзнь, возникшая въ

государствѣ, казню Катилины на время пріостановленная въ своемъ ходѣ, обнаружится потомъ еще съ большею силою, если сообщники Катилины останутся невредимы. А потому, почтенные сенаторы, пусть дурные граждане сами себя обнаружатъ, пусть они отдѣлятся отъ благонамѣренныхъ, пусть соберутся въ одно мѣсто; пусть, чего я давно желаю, между ими и нами будетъ хоть одна стѣна городская. Пусть наконецъ не будутъ они посягать на жизнь консула въ его домѣ! Не будемъ мы наконецъ видѣть толпу заговорщиковъ около трибунала городского претора; не станутъ они съ мечами угрожать Сенату; не станутъ наконецъ въ самомъ городѣ готовить факелы и горючіе матерьялы для его же разрушенія. Даю вамъ слово, почтенные сенаторы, что такова будетъ бдительность нашихъ консуловъ, таково согласіе ваше и сознаніе вашего значенія, такова доблесть всадниковъ Римскихъ, таково единодушіе благонамѣренныхъ гражданъ, что всѣ замыслы Катилины, вмѣстѣ съ его отбѣздомъ, будутъ открыты, предупреждены и подавлены въ самомъ началѣ.

Цицеронъ. (Рѣчь противъ Катилины).

Я вижу, что вы сѣете, но не полною рукою; почему я и опасуюсь, что вы не обильную жатву соберете; по пословицѣ: что посеешь, то и пожнешь. Какое безчестіе для насъ быть такъ привязанными къ вещамъ скоропреходящимъ, быть столь прикованными къ землѣ и столь мало внимательными къ бѣднымъ, которые суть также дѣти одного Отца Небеснаго; въ лицѣ которыхъ намъ представляется самъ Іисусъ Христосъ! Для безконечной любви Господа Іисуса недостаточно было претерпѣть за насъ крестъ и самую смерть; Онъ благоволилъ еще, чтобы доставить намъ случай засвидѣтельствовать къ нему любовь и признательность, — являться къ намъ въ лицѣ бѣдныхъ, странниковъ, узниковъ и болящихъ. Онъ, кажется, говоритъ намъ устами сихъ несчастныхъ страдальцевъ: если вы не хотѣли быть признательными Мнѣ за все, что Я сдѣлалъ и претерпѣлъ для васъ, имѣйте, по крайней мѣрѣ, состраданіе къ Моей бѣдности; если Моя бѣдность не трогаетъ васъ, скальтесь хоть надъ Моими страданіями,

которыя изнуряють Меня, надъ Моими цѣпями, которыя тяготятъ Мои руки и ноги. Если Мои страданія, Моя бѣдность, Мои цѣпи не трогаютъ васъ, подумайте хоть о томъ, какъ мало и ничтожно то, чего Я у васъ прошу; Я не требую отъ васъ многоцѣпныхъ приношеній; нѣтъ, Я прошу у васъ только одинъ кусокъ хлѣба, бѣдный покровъ отъ темной ночи, одно слово ласковое и добрый совѣтъ. Но если Мои страданія васъ не трогаютъ, позаботьтесь, по крайней мѣрѣ, о собственныхъ своихъ выгодахъ, подайте мнѣ милостыню, чтобъ увеличить тѣмъ свои заслуги, чтобъ пріобрѣсть право на тѣ награды небесныя, которыя Я обѣщаль милостивымъ.

Иоаннъ Златоустъ. (Бесѣда о благотворительности).

...И такъ, что есть одежда наша? Она есть произведеніе беззаконія; она есть обязаніе грѣховной раны, и притомъ пустое, безъ цѣлебнаго елѣя; она есть слабое средство для кратковременнаго сохраненія осужденнаго тѣла отъ дѣйствія стихій, совершающихъ его казнь; она есть прикрытіе нравственнаго безобразія, содѣлавшагося естественнымъ; она есть защита отъ стыда тѣлесной наготы, избобрѣтенная обнаженнымъ къ совѣсти человѣкомъ; она есть видимый знакъ человѣка — преступника; она есть всеобщій и всегдашній трауръ, наложенный раскаяніемъ, по смерти первобытной непорочности; она есть знамя побѣды, которое нашъ врагъ выставилъ наружу, овладѣвъ нашею внутренностью. Что же дѣлають тѣ, которые съ такою заботливостью наперерывъ стараются блистать красотою и великолѣпіемъ одеждъ? Едва ли что нибудь болѣе, какъ только возобновляютъ и украшаютъ торжество древняго врага человѣческаго рода. Что значить сія гордость, съ которою имѣющій на себѣ дорогую одежду едва удостоиваетъ взора покрытую вретичемъ или полураздѣтую нищету, сія ненасытимость, съ какою нѣкоторые со дня на день умножаютъ сіе непостоянство, съ которымъ такъ часто перемѣняютъ уборы? Не есть ли сіе нѣчто подобное тому, какъ если бы больной вздумалъ тщеславиться множествомъ своихъ струповъ и красотою обязаній; или если бы рабъ, принужденный носить

оковы, желалъ имѣть ихъ въ великомъ числѣ, и выработанныя съ разнообразнымъ искусствомъ.

Филаретъ. (Слово противъ роскоши въ одеждѣ).

...Наконецъ, передъ лицомъ Бога, похвалимся ли мы нашею общественною жизнью? Открытое вольномысліе въ самыхъ священнѣхъ для человѣка предметахъ, не только явное охлажденіе и пренебреженіе къ Церкви, но и нескрываемая неприязнь къ ней, извращеніе нравственныхъ понятій, публичный развратъ, убійство времени, достоянія и жизни въ денежныхъ играхъ, роскошь и расточительность среди вопіющихъ нуждъ общественныхъ и всеобщихъ жалобъ на затрудненія въ средствахъ жизни, равнодушіе и неразвитіе общественной дѣятельности среди настоятельно вызывающихъ ее вопросовъ, странный голосъ среди отечества противу отечественныхъ интересовъ и стремленіе ослаблять основы народной жизни; неуваженіе власти, и при слабости чувствъ законности, неугомонныя посягательства на неподлежащія права; упадокъ серьезнаго образованія и воспитанія, раздоръ въ семействахъ между отцами и дѣтьми, безмѣрное пьянство въ народѣ, умноженіе дерзкихъ общественныхъ преступленій: и все это въ то самое время, когда рѣчь и дѣло идетъ о возрожденіи Россіи и мы воображаемъ, что идемъ впередъ! Не кажется ли вамъ, не можетъ ли придти на мысль всякому строгому наблюдателю, если посмотрѣть вокругъ себя серьезно, что жизнь наша какъ будто сдвинулась съ вѣковыхъ религіозныхъ и нравственныхъ основаній, и, въ разладѣ съ народною вѣрою и совѣстью, съ отечественною любовію и правдою, при нашей внутренней несостоятельности, идетъ будто не вѣсть куда, безъ разумныхъ убѣжденій и сознательно-вѣрныхъ стремленій? Но это было бы ужасно!—Народъ! помни Бога!

Еп. Иоаннъ. (Слово при дворянскихъ выборахъ).

Тамъ, на берегу Невы, подымается скала, дикая и безобразная, и на той скалѣ всадникъ, столь же почти огромный, какъ сама она, и этотъ всадникъ, достигнувъ высоты, осадилъ могу-

чаго коня своего на краю стремнины; и на этой скалѣ написано Петръ, и рядомъ съ нимъ Екатерина; и въ виду этой скалы воздвигнута нынѣ другая, несравненно огромнѣе, но уже не дикая, изъ безобразныхъ камней набросанная громада, а стройная, величественная, искусствомъ округленная колонна; и ей подножіемъ служатъ бронзовые трофеи войны и мира, и на высотѣ ея уже не человѣкъ скоропреходящій, а вѣчный сіяющій Ангелъ, и подъ крестомъ сего Ангела издыхаетъ то чудовище, которое тамъ, на скалѣ, полу-раздавленное, извивается подъ копытами конскими; и между сими двумя монументами (вокругъ которыхъ подѣмлются зданія великолѣпныя, и Нева кипитъ всемірною торговлею), однимъ мановеніемъ царскимъ сдвинута была стотысячная армія, и въ этой стотысячной арміи подъ одними орлами и Русскій и Полякъ, и Ливонецъ и Финь, и Татаринъ и Калмыкъ, и Черкесь и боець Закавказскій; и эта армія прошла отъ Торнео до Арарата, отъ Парижа до Адрианополя, и громкому ура ея отвѣчали пушки съ кораблей Чесмы и Наварина... Не вся ли это Россія? Россія, созданная вѣками, бѣдствіями, побѣдою? Россія, прежде безобразная скала, набросанная медленнымъ временемъ, мало по малу, подъ громомъ древнихъ междоусобій, подъ шумомъ Половецкихъ набѣговъ, подъ гнетомъ Татарскаго ига, въ бояхъ Литовскихъ, сплоченная Самодержавіемъ, слитая воедино и обтесанная рукою Петра, и нынѣ стройная, единственная въ свѣтѣ своею огромностію колонна? И Ангелъ, вѣнчающій колонну сію, не то ли онъ знаменуетъ, что дни боеваго созданія для насъ миновались, что все для могущества сдѣлано, что завоевательный мечъ въ ножнахъ и не иначе выйдетъ изъ нихъ, какъ только для сохраненія; что наступило время созданія мирнаго; что Россія, все свое взявшая, извнѣ безопасная, врагу недоступная или погибельная, не страхъ, а стражь породнившейся съ нею Европы, вступила нынѣ въ новый великій періодъ бытія своего, въ періодъ развитія внутренняго, твердой законности, безмятежнаго приобрѣтенія всѣхъ сокровищъ общежитія; что, опираясь всѣмъ Западомъ на просвѣщенную Европу, всѣмъ Югомъ на богатую Азію, всѣмъ

Сѣверомъ и Востокомъ на два океана, богатая и бодримъ народомъ, и землею для тройнаго народонаселенія, и всѣми дарами природы для животворной промышленности, она, какъ удобренное поле, кипитъ брошеною въ нѣдра ея жизнию, и готова произрастить богатую жатву гражданскаго благоденствія, вѣренная самодержавію, коимъ некогда была создана и упрочена ея сила, и коего символъ нынѣ воздвигнуть передъ нею Царемъ ея въ лицѣ сего крестоноснаго Ангела, а имя его: Божія правда.

Жуковскій. (Воспоминаніе о торжествѣ 30-го авг. 1834 г.).

I.

Баль разгорался часъ отъ часу сильнѣе; тонкій чадъ волновался надъ безчисленными тускнѣющими свѣчами; сквозь него трепетали штофные занавѣсы, мраморныя вазы, золотыя кисти, барельефы, колонны, картины; отъ обнаженной груди красавицъ поднимался знойный воздухъ и часто, когда пары, будто бы вырвавшіеся изъ рукъ чародѣя, въ быстромъ круженіи промелькали передъ глазами, — вась, какъ въ безводныхъ степяхъ Аравіи, обдавалъ горячій, удушаящій вѣтеръ; часъ отъ часу скорѣе развивались душистые локоны; смятая дымка небрежнѣе свертывалась на раскаленные плечи; быстрѣе бился пульсъ; чаще встрѣчались руки, близились вспыхивающія лица; томнѣе дѣлались взоры, слышнѣе смѣхъ и шопотъ; старики поднимались съ мѣсть своихъ, расправляли безсильные члены и въ полупотухшихъ, остолбенѣлыхъ глазахъ мѣшалась горькая зависть съ бѣшеннымъ воспоминаніемъ прошедшаго, — и все вертѣлось, прыгало, бѣсновалось въ сладострастномъ безуміи...

На небольшомъ возвышеніи съ визгомъ скользили смычки по натянутымъ струнамъ; трепеталъ могильный голосъ волторнѣ, и однообразные звуки литавръ отзывались насмѣшливымъ хохотомъ. Сѣдой капельмейстеръ, съ улыбкой на лицѣ, внѣ себя отъ восторга, безпрестанно учащаль размѣръ и взоромъ, тѣлодвиженіями возбуждалъ утомленныхъ музыкантовъ.

— «Не правда ли?» говорилъ онъ мнѣ отрывисто, не оставляя смычка: «не правда ли? я говорилъ, что оживлю этотъ балъ—и

сдержалъ свое слово. Все дѣло въ музыкѣ; не умѣютъ составлять ее; она поднимаетъ съ мѣста, она невольно вводитъ танцующихъ въ упоеніе; въ сочиненіяхъ славныхъ музыкантовъ есть мѣста, которыя производятъ странное дѣйствіе, — я славно подобралъ ихъ—въ этомъ все дѣло;—вотъ, слышите: это вопль Донны-Анны, когда Донъ-Жуанъ насмѣхается надъ нею; вотъ стонъ умирающаго Командора; вотъ минута, когда Отелло начинаетъ вѣрить своей ревности, — вотъ послѣдняя молитва Дездемоны».

Еще долго капельмейстеръ исчислялъ мнѣ всѣ человѣческія страданія, получившія голосъ въ произведеніяхъ славныхъ музыкантовъ; но я не слушалъ его болѣе, — я замѣтилъ въ музыкѣ что-то странное, обворожительно-ужасное; я замѣтилъ, что къ каждому звуку присоединился другой звукъ болѣе пронзительный, отъ котораго холодъ пробѣгалъ по жиламъ и волосы дыбомъ становились на головѣ; прислушиваюсь: то какъ-будто крикъ страждущаго младенца, или буйный вопль юноши, или визгъ сиротѣющей матери, или трепещущее стенаніе старца, и всѣ голоса различныхъ терзаній человѣческихъ явились мнѣ разложенными по степенямъ одной безконечной гаммы, продолжавшейся отъ перваго вопля новорожденнаго до послѣдней мысли умирающаго Байрона: каждый звукъ вырывался изъ раздраженнаго нерва и каждый напѣвъ былъ судорожнымъ движеніемъ.

Этотъ страшный оркестръ темнымъ облакомъ висѣлъ надъ танцующими, — при каждомъ ударѣ оркестра вырывались изъ облака: и громкая рѣчь негодованія; и прерывающійся лепетъ побѣжденнаго болью; и глухой говоръ отчаянія; и рѣзкая скорбь жениха, разлученнаго съ невѣстою; и раскаяніе измѣны; и крикъ разъяренной, торжествующей черни; и насмѣшка невѣрія; и бесплодное рыданіе генія; и таинственная печаль лицемѣра, и стонъ страдальца, не признаннаго своимъ вѣкомъ; и вопль человѣка, въ грязь втоптаннаго сокровищницу души своей; и болѣзненный голосъ изможденнаго долгою жизнію человѣка; и радость мщенія; и трепетаніе злобы; и упоеніе истребителя; и томленіе жажды; и скрежетъ зубовъ; и хрустъ костей; и плачь; и взрыдъ; и хохоть... и все сливалось въ неистовыя созвучія, которыя громко

выговаривали проклятіе природѣ и ропотъ на провидѣніе; при каждомъ ударѣ оркестра выставлялись изъ него то посинѣлое лицо истерзаннаго пыткой, то смѣющіеся глаза сумасшедшаго, то трясущіяся колѣна убійцы, то замолчавшія уста убитаго тайною душевною грустію; изъ темнаго облака капали на паркетъ кровавыя слезы, — по нимъ скользили атласные башмаки красавиць... и все по прежнему вертѣлось, прыгало, бѣсновалось въ сладострастномъ, холодномъ безуміи...

II.

Долго за разсвѣтъ длился балъ; долго поднятые съ постели житейскими заботами останавливались посмотреть на мелькающія тѣни въ свѣтлыхъ окошкахъ.

Закруженный, усталый, истерзанный его мучительнымъ весельемъ, я выскочилъ на улицу изъ душныхъ комнатъ и впивалъ въ себя свѣжій воздухъ; утренній благовѣстъ терялся въ шумѣ разѣзжающихся экипажей и предо мною были растворенныя двери храма.

Я вошелъ; въ церкви пусто, одна свѣча горѣла предъ иконою, и тихій голосъ священника раздавался подъ сводами: онъ произносилъ завѣтныя слова любви, вѣры, надежды; онъ возвѣщалъ таинство искупленія, онъ говорилъ о Томъ, кто соединилъ въ себѣ всѣ страданія человѣка; онъ говорилъ о высококомъ созерцаніи божества, о мирѣ душевномъ, о милосердіи къ ближнему, о братскомъ соединеніи человѣчества, о забвеніи обидъ, о прощеніи врагамъ, о тщетѣ замысловъ богопротивныхъ, о непрерывномъ совершенствованіи души человѣка, о смиреніи предъ судьбами Всевышняго; онъ молился объ оглашенныхъ, о предстоящихъ!

Я бросился къ притвору храма, хотѣлъ удержать бѣснующихся страдальцевъ, сорвать съ сладострастнаго ложа ихъ истерзанное сердце, возбудить его отъ холоднаго сна огненною гармонією любви и вѣры, — но уже было поздно! всѣ проѣхали мимо церкви и никто не слышалъ словъ священника...

Кн. Одоевскій. (Балъ).

ТЕМА ДЛЯ МЪРНАГО ЧТЕНІЯ.

Патеръ Лаврентій, услышавъ о томъ, какъ внезапно и чудно
 Кончилъ жизнь владѣтель замка Рингштетена, тотчасъ
 Въ замкъ явился; и онъ, входя на дворъ, осѣненный
 Липами, встрѣтился тамъ съ монахомъ, недавно вѣнчавшимъ
 Рыцаря: въ ужасѣ тотъ удалиться спѣшилъ. Такъ и должно!
 Патеръ Лаврентій сказалъ, теперь моя наступила
 Очередь; мнѣ помощникъ не нуженъ. Хотѣлъ онъ невѣстѣ,
 Вдругъ овдовѣвшей, отрадное слово сказать въ подкрѣплене,
 Но Бертальда, ему не внимая, молчала угрюмо.
 Старый рыбакъ молился и плакалъ, и въ горѣ смиряясь,
 Думалъ: оно иначе и быть не могло—то Господній
 Судъ; и конечно Гульбрандова смерть никому не могла быть
 Такъ тяжела, какъ именно той, которую съ смертной
 Вѣстью прислали къ нему, отверженной, бѣдной Ундины.
 Стали готовить обрядъ похоронный, какъ было прилично
 Сану покойника; тѣло его положить надлежало
 Подлѣ церкви приходской; тамъ, гдѣ были гробницы
 Предковъ его, одарившихъ множествомъ вкладовъ богатыхъ
 Эту церковь. И щитъ и шлемъ ужъ лежали на кровлѣ
 Гроба, чтобъ съ нимъ опуститься въ могилу, ибо нашъ рыцарь
 Былъ послѣдній въ родѣ своемъ, который съ нимъ вмѣстѣ
 Кончился весь. И ходъ печальный уже начинался,
 Пѣснь погребальная къ свѣтло-спокойной небесной лазури
 Тихо входила; съ длиннымъ крестомъ, во всемъ облаченъ
 Патеръ Лаврентій шелъ впереди; за нимъ шла Бертальда
 Въ горькихъ слезахъ, на дряхлую руку отца опираясь.
 Вдругъ посреди Бертальдиныхъ женщинъ, одѣтыхъ въ глубокой
 Трауръ и шедшихъ въ свѣтѣ ея, замѣтили бѣлый
 Образъ, въ длинномъ, густомъ покрывалѣ, тихо идущій,
 Грустно потупивши голову. Страхомъ проникнуть былъ каждый,
 Шедшій подлѣ такого товарища; все сторонились,
 Пятились, такъ, что порядокъ хода разстроился. Силой
 Два смѣльчака хотѣли незваного изъ ряда вывести;
 Но отъ нихъ ускользнувши какъ легкая тѣнь, онъ на прежнемъ
 Мѣстѣ явился опять и послѣдовалъ тихо за гробомъ.
 Вотъ, напоследокъ онъ, мало-по-малу, мѣняясь мѣстомъ
 Съ тѣми, кто въ страхѣ спѣшилъ отъ него удалиться, подлѣ
 Самой вдовы очутился; но ею сначала примѣченъ
 Не былъ, и сзади пошелъ смиренно-печальный. Достигнулъ
 Ходъ до кладбища, и все обступили могилу. Тутъ въ первый
 Разъ Бертальда незваного гостя увидѣла, въ страхѣ
 Стала она рукою махать, чтобъ онъ удалился;

Но покровенный, кротко упорствуя, трясъ головою,
 Руки къ ней простиралъ и какъ будто молилъ о пощадѣ.
 Вспомнила тутъ невольню Бертальда Ундины, какъ руку
 Къ ней она подняла на Дунаѣ, когда ей хотѣла
 Такъ добродушно подать ожерелье, и какъ подъ водами
 Скрылась потомъ навсегда. Но въ это мгновеніе подалъ
 Знакъ отецъ Лаврентій, чтобъ все умолкли. И стали
 Гробъ опускать въ могилу, и мало-по-малу засыпанъ
 Былъ онъ землею. Когда же совсѣмъ былъ набросанъ могильный
 Холмъ и читать послѣднюю началъ молитву священникъ,
 Стала вдова на колѣни, стали и все на колѣни,
 Въ томъ числѣ и могильщики, кончивши насыпь. Когда же
 Снова все встали... ужъ бѣлый образъ пропалъ, а на мѣстѣ,
 Гдѣ онъ стоялъ на колѣнахъ, сквозь травку сочился прозрачный
 Ключъ; серебристо вѣясь, онъ впередъ пробирался, покуда
 Всей не обвилъ могилы; тогда ручейкомъ побѣжалъ онъ
 Далѣ, и бросился въ свѣтлое озеро ближней долины.
 Долго, долго спустя, про него тѣхъ мѣстѣ поселяне
 Чудную повѣсть любили прохожимъ рассказывать; долго,
 Долго жило повѣрье у нихъ, что ручей тотъ Ундины,
 Добрая, вѣрная, слитая съ милымъ и въ гробъ Ундины.

Жуковский. (Ундины, гл. 19)

ТЕМЫ ДЛЯ АКЦЕНТУИРОВАНИЯ.

(Акцентъ звукоподражательный).

...И онъ подступаетъ къ наклону скалы
 И взоръ устремилъ въ глубину...
 Изъ чрева пучины бѣжали валы,
 Шумя и гремя, въ вышину;
 И волны спирались, и пѣна кипѣла:
 Какъ будто гроза, наступаая, ревѣла.
 И воетъ и свищетъ и бьетъ и шипитъ,
 Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ;
 Волна за волною; и къ небу летитъ
 Дымящимся пѣна столбомъ:
 Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ...
 Не море-ль изъ моря низвергнуться хочеть?
 И вдругъ, успокоясь, волнение легло;
 И грозно изъ пѣны сѣдой
 Разинулось черною щелью жерло;
 И воды обратно толпой
 Помчались во глубь истощеннаго чрева;
 И глубь застонала отъ грома и рева.

И воешь, и свищешь, и бьешь, и реветь,
 Какъ влага мѣшаясь съ огнемъ;
 Волна за волною, и къ небу летитъ
 Дымящимся пѣна столбомъ...
 И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,
 Извергнутый бездны зіяющимъ зѣвомъ...

Жуковскій. (Кубокъ).

...И съ ними царскія дружины
 Сошлись въ дыму среди равнины—
 И грянулъ бой, Полтавскій бой.
 Въ огнѣ подъ градомъ раскаленнымъ,
 Стѣной живою отраженнымъ,
 Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
 Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
 Отряды конницы летучей
 Браздами, саблями звуча,
 Сшибаясь, рубятся съ плеча.
 Бросая груды тѣлъ на груды,
 Шары чугунные повсюду
 Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
 Прахъ роютъ и въ крови шинятъ!
 Шведъ, Русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
 Бой барабанный, клики, скрежетъ.
 Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
 И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ!
 Но близокъ, близокъ мигъ побѣды...
 Ура! мы ломимъ: гнутся Шведы
 О славный часъ! о славный видъ!
 Еще напоръ—и врагъ бѣжитъ;
 И слѣдомъ конница пустилась,
 Убийствомъ тупятся мечи,
 И падшими вся степь покрылась,
 Какъ роетъ черной саранчи.

Пушкинъ. (Полтава).

Вотъ взошла луна золотая,
 Тише, чу!... гитары звонъ
 И Испанка молодая
 Оперлася на балконъ,
 Ночной зефиръ
 Струитъ эфиръ,
 Шумитъ, бѣжитъ
 Гвадалквивиръ.

Скинь мантилью, ангелъ милый,
 И явись, какъ майскій день,
 Сквозь чугунныя перила
 Ножку дивную продѣнь.
 Ночной зефиръ
 Струитъ эфиръ,
 Шумитъ, бѣжитъ
 Гвадалквивиръ.

Пушкинъ.

Слезы людскія, о слезы людскія,
 Льетесь вы ранней и поздней порой,—
 Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
 Неисчислимыя, неисчислимыя,—
 Льетесь, какъ льются струи дождевыя
 Въ осень глухую, порою ночной.

Тютчевъ.

(Символическій).

Сплю, но сердце мое чуткое не спитъ:
 За дверями голосъ милаго звучитъ:
 «Отвори, моя невѣста, отвори,
 Догорѣло пламя алое зари;
 Надъ лугами надъ шелковыми
 Бродитъ бѣлая роса,
 И слезинками перловыми
 Мнѣ смочила волоса;
 Съ неба сходитъ ночь прохладная;—
 Отвори мнѣ, ненаглядная!»
 — Я одежды легкотканныя сняла,
 Я омыла мои ноги и легла,
 Я на ложѣ цѣпенью и горю—
 Какъ я встану, какъ я двери отворю?
 Милый въ дверь мою кедровую
 Стукнулъ смѣлою рукой,
 Всколыхнуло грудь пуховую
 Перекатною волной,
 И, полна желанья знойнаго,
 Встала съ ложа я покойнаго...
 Съ смуглыхъ плечъ моихъ покровъ ночной скользнуть
 Жжетъ нога моя холодный мраморъ плитъ,
 Съ черныхъ косъ моихъ струится аромать,
 На рукахъ запыстья цѣнные бренчать.

Отперла я дверь докучную—
 Статный юноша вошелъ
 И со мною сладозвучную
 Потихоньку рѣчь повелъ:
 И слилась я съ рѣчью нѣжною
 Всей душой моею мятежною...

Мей. (Подражаніе восточнымъ).

...Какой бы цѣной ни досталось
 Забвеніе крестьянкѣ моей,
 Что нужды? Она улыбалась.
 Жалѣть мы не будемъ о ней.

Нѣтъ глубже, нѣтъ слаще покоя,
 Какой посылаетъ намъ лѣсъ,
 Недвижно, безтрепетно стоя
 Подъ холодомъ зимнихъ небесъ.

Нигдѣ такъ глубоко и вольно
 Не дышитъ усталая грудь
 И, ежели жить намъ довольно,
 Намъ слаще нигдѣ не уснуть!

Ни звука! Душа умираетъ
 Для скорби, для страсти. Стоишь
 И чувствуешь, какъ покоряетъ
 Ее эта мертвая тишь.

Ни звука! И видишь ты синій
 Сводъ неба, да солнце, да лѣсъ
 Въ серебряно-матовый иней
 Наряженный, полный чудесъ,

Влекущій невѣдомой тайной
 Глубоко-безстрастный... Но вотъ
 Послышался шорохъ случайный—
 Вершинами бѣлка идетъ.

Комъ снѣга она уронила
 На Дарью, прыгнувъ по соснѣ.
 А Дарья стояла и стыла
 Въ своемъ заколдованномъ снѣ...

Некрасовъ. (Морозъ, красный носъ).

Свою куклу раздѣла малютка
 И накрыла ее лоскуткомъ;
 А сама нарядилась, какъ кукла,
 И не дѣтскимъ забылася сномъ.
 И не видитъ малютка во гробѣ
 Въ этотъ солнечный день, при свѣчахъ,

Какъ хороша ея маленькій гробикъ
 Подъ парчей золотою, въ цвѣтахъ.
 А ужъ какъ бы она любовалась,
 Еслибъ только могли разбудить...
 Милый другъ, будемъ плакать, какъ дѣти,
 Чтобъ не дѣтское горе забыть...

Фетъ. (Смерть малютки).

Ты рябинушка, ты кудрявая,
 Ты когда взошла, когда выросла?
 Ты рябинушка, ты кудрявая,
 Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?
 — Я весной взошла, лѣтомъ выросла.
 Подъ тобою ли, подъ рябинушкой
 Что не макъ цвѣтеть, не трава растеть,
 Не трава растеть, не огонь горить,
 Не огонь горить—ретиво сердце,
 Ретиво сердце молодецкое.
 Ахъ! горить, горить, какъ смола кипить
 По душѣ-ль душѣ, по лебедушкѣ
 По лебедушкѣ, по голубушкѣ
 По голубушкѣ красной дѣвицѣ.
 Ты душа-ль, душа, красна-дѣвица!
 На зарѣ-ль, зарѣ, зарѣ утренней
 При восходѣ-ли свѣтла солнышка,
 Не простившись съ отцомъ, съ матерью,
 Не выдавшись съ добрымъ молодцемъ,
 Жизнь оставила, скончалася.
 Ой вы вѣтры, вѣтры теплые,
 Вѣтры теплые, вы осеніе!
 Вы не дуйте здѣсь, васъ не надобно.
 Прилетайте вы, вѣтры буйные,
 Что со сѣверной со сторонки;
 Вы развѣйте здѣсь мать сыру-землю,
 И развѣявши по чисту полю,
 По чисту полю, по широкому,
 Вы раскройте мнѣ гробову доску;
 Ужъ и дайте мнѣ вы въ послѣдній разъ
 Распростатися съ моею милою,
 Съ моею милою душой—дѣвицей!
 Окропивъ ее горячей слезой
 Я вздохну, умру подлѣ ней тогда!

(Русская пѣсня).

(Драматическій, 4 голоса).

До разсвѣта поднявшись, коня осѣдлалъ
Знаменитый Смальгольмскій баронъ
И безъ отдыха гналъ межъ утесовъ и скалъ
Онъ коня, торопясь въ Бротерстонъ.

Не съ могучимъ Боклю совокупно спѣшилъ
На военное дѣло баронъ,
Не въ кровавомъ бою перевѣдаться мнилъ
За Шотландію съ Англіей онъ;

Но въ желѣзной бронѣ онъ сидитъ на конѣ;
Наточилъ онъ свой мечъ боевой;
И покрытъ онъ щитомъ, и топоръ за сѣдломъ
Укрѣпленъ двадцати-фунтовой.

Черезъ три дни домой возвратился баронъ,
Отуманенъ и блѣденъ лицомъ;
Черезъ силу и конь, опѣненъ, запыленъ,
Подъ тяжелымъ ступалъ сѣдокомъ.

Анкраморскія битвы баронъ не видалъ,
Гдѣ потоками кровь ихъ лилась,
Гдѣ на Эверса грозно Боклю напиралъ,
Гдѣ за родину бился Дугласъ:

Но желѣзный шоломъ былъ иссѣченъ на немъ,
Былъ изрубленъ и панцырь и щитъ,
Былъ недавно кровью топоръ за сѣдломъ,
Но не англійской кровью покрытъ.

Соскочивъ у часовни съ коня за стѣной,
Притаясь въ кустахъ, онъ стоялъ;
И три раза онъ свиснулъ—и пажъ молодой
На условленный свистъ прибѣжалъ.

Подойди, мой малютка, мой пажъ молодой,
И присядь на колѣна мои;
Ты младенецъ, но ты откровененъ душой
И слова непритворны твои.

Я въ отлучкѣ былъ три дни, мой пажъ молодой;
Мнѣ теперь ты всю правду скажи;
Что замѣтилъ? Что было съ твоей госпожей?
И кто былъ у твоей госпожи?

«Госпожа по ночамъ къ отдаленнымъ скаламъ,
Гдѣ маякъ, приходила тайкомъ;
(Вѣдь огни по горамъ зажжены, чтобъ врагамъ
Не укрыться во мракѣ ночномъ).

«И на первую ночь непогода была
И безъ умолку филинъ кричалъ,
И она въ непогоду ночную пошла
На вершину пустынную скалъ.

«Тихомолкомъ прокрался я къ ней въ темнотѣ;
И сидѣла одна—я узрѣлъ;
Не стоялъ часовой на пустой высотѣ;
Одиноко маякъ пламенѣлъ.

«На другую же ночь—я за ней по слѣдамъ
На вершину опять побѣжалъ—
О Творецъ, у огня одинокаго тамъ
Мнѣ невѣдомый рыцарь стоялъ.

«Подпершися мечемъ, онъ стоялъ предъ огнемъ,
И бесѣдовалъ долго онъ съ ней;
Но подъ шумнымъ дождемъ, но при вѣтрѣ ночномъ,
Я разслушать не могъ ихъ рѣчей.

«И послѣдняя ночь безненастна была
И порывистый вѣтеръ молчалъ,
И къ маяку она на свиданье пошла;
У маяка ужъ рыцарь стоялъ.

«И сказала (я слышалъ): «въ полуночный часъ,
Передъ свѣтлымъ Ивановымъ днемъ,
Приходи ты; мой мужъ не опасенъ для насъ,
Онъ теперь на свиданьи иномъ;

«Онъ съ могучимъ Боклю ополчился теперь;
Онъ въ сраженьи забылъ про меня—
И тайкомъ отопру я для милаго дверь
Наканунѣ Иванова дня».

— Я не властенъ придти, я не долженъ придти,
Я не смѣю придти (былъ отвѣтъ);
Предъ Ивановымъ днемъ одинокимъ путемъ
Я пойду... мнѣ товарища нѣтъ.—

«О, сомнѣніе прочь! безмятежная ночь
Предъ великимъ Ивановымъ днемъ
И тиха, и темна и свиданьямъ она
Благосклонна во мракѣ своемъ.

«Я собакъ привяжу, часовыхъ уложу,
Я крыльцо пересыплю травой,
И въ пріютѣ моемъ предъ Ивановымъ днемъ,
Безопасенъ ты будешь со мной».

— Пусть собака молчитъ, часовой не трубитъ,
И трава не слышна подъ ногой:
Но священникъ есть тамъ; онъ не спитъ по ночамъ,
Онъ приходъ мой узнаетъ ночной.—

«Онъ уйдетъ къ той порѣ: въ монастырь на горѣ
Панихиду онъ позванъ служить
Кто-то былъ умерщвленъ; по душѣ его онъ
Будеть три дни поминки творить».

Онъ нахмурился глядѣлъ, онъ какъ мертвый блѣднѣлъ,
Онъ ужасенъ стоялъ при огнѣ.

— Пусть о томъ, кто убитъ, онъ поминки творить:
То, быть можетъ, поминки по мнѣ.

— Но полуночный часъ благосклоненъ для насъ:
Я приду подъ защитою мглы. —

Онъ сказалъ... и она... я смотрю... ужъ одна
У маяка пустынной скалы.

И Смальгольмскій баронъ, пораженъ, раздраженъ,
И кипѣлъ, и горѣлъ и сверкалъ.

— Но скажи, наконецъ, кто ночной сей пришлецъ?
Онъ, клянусь небесами, пропалъ! —

«Показалось мнѣ, при блестящемъ огнѣ:
Былъ шелома съ соколинымъ перомъ,
И палашъ боевой на цѣпи золотой,
Три звѣзды на щитѣ голубомъ».

— Нѣтъ, мой пажъ молодой, ты обмануть мечтой:
Сей полуночный, мрачный пришлецъ
Былъ не властенъ придти: онъ убитъ на пути;
Онъ въ могилу зарытъ, онъ мертвецъ.

«Нѣтъ, не чудилось мнѣ; я стоялъ при огнѣ,
И увидѣлъ, слышалъ я самъ,
Какъ его обняла, какъ его назвала:
То былъ рыцарь Ричардъ Кольдингамъ».

И Смальгольмскій баронъ, изумленъ, пораженъ,
И хладѣлъ, и кипѣлъ и дрожалъ.

— Нѣтъ! въ могилѣ покой; онъ лежитъ подъ землей,
Ты неправду мнѣ пажъ мой сказалъ.

— Гдѣ бѣжитъ и шумитъ межъ утесами Твидъ,
Гдѣ подьедется мрачный Эльдонъ,
Ужъ три ночи, какъ тамъ твой Ричардъ Кольдингомъ
Потаеннымъ врагомъ умерщвленъ.

— Нѣтъ! сверканье огня ослѣпило твой взглядъ;
Оглушенъ былъ ты бурей ночной;
Ужъ три ночи, три дня, какъ поминки творятъ
Чернецы за его упокой.

Жуковский. (Замокъ Смальгольмъ).

(Драматическій, 3 голоса).

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѕздохъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ его, держитъ и грѣбеть старикъ.

— Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?
Родимый, Лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой...
— О нѣтъ, то бѣлѣбеть туманъ надъ водой.

«Дитя, оглянися; младенецъ, ко мнѣ;
Веселаго много въ моей сторонѣ:
Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи;
Изъ золота слиты чертоги мои».

«Родимый, Лѣсной царь со мной говорить:
Онъ золото, перлы и радость сулитъ».
— О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы.

«Ко мнѣ, мой младенецъ, въ дубравѣ моей
Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».

«Родимый, Лѣсной царь созвалъ дочерей:
Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей».
— О нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ;
То ветлы съдыя стоятъ въ сторонѣ.

«Дитя! я плѣнился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
«Родимый, Лѣсной царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжело дышать»...

Ѕздохъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѕздохъ погоняетъ, Ѕздохъ доскакалъ —
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

Жуковский. (Лѣсной царь).

ТОНЪ ЭПИЧЕСКІИ.

(Разсказъ).

Архіепископъ. Откройся-жъ намъ, всезнающая, кто ты?
Въ какомъ краю родилась? Кто и гдѣ
Счастливые родители твои?

Иоанна. Святыи отецъ, меня зовутъ Иоанна;
 Я дочь простаго пастуха; родилась
 Въ мѣстечкѣ Домъ-Реми, въ приходѣ Тула;
 Тамъ стадо моего отца пасла
 Я съ дѣтскихъ лѣтъ; и я слыхала часто,
 Какъ набѣжалъ на насъ островитянинъ
 Неистовый, чтобъ сдѣлать насъ рабами,
 Чтобъ посадить на тронъ нашъ иноземца,
 Немилаго народу, какъ столицей
 И Франціей властительствовалъ онъ...
 И я въ слезахъ молила Богоматерь:
 Насъ отъ цѣпей пришельца защитить,
 Намъ короля законнаго сберечь.
 И близъ села, въ которомъ я родилась,
 Есть чудотворный ликъ Пречистой Дѣвы—
 Къ нему толпой приходятъ богомольцы—
 И близъ него стоитъ священный дубъ,
 Прославленный издревле чудесами;
 И я въ тѣни его сидѣть любила,
 Пася овецъ—меня стремилло сердце—
 И всякій разъ, когда въ горахъ пустынныхъ
 Случалось ягненку затеряться,
 Пропадаша являлъ мнѣ дивный сонъ,
 Когда подъ тѣмъ я дубомъ засыпала.
 И разъ—всю ночь съ усердною молитвой,
 Забывъ о снѣ, сидѣла я подъ дровомъ—
 Пречистая предстала мнѣ; въ рукахъ
 Ея былъ мечъ и знамя, но одѣта
 Она была, какъ я пастушкой, и сказала:
 «Узнай меня, возстань; иди отъ стада;
 Господь тебя къ иному призываетъ.
 Возьми мое святое знамя, мечъ
 Мой опояшь и имъ неустрашимо
 Рази враговъ народа моего,
 И проведи Помазаннаго въ Реймсъ,
 И увѣнчай его вѣнцомъ наслѣднымъ».
 Но я сказала: мнѣ-ль, смиренной дѣвѣ,
 Неопытной въ ужасномъ дѣлѣ брани,
 На подвигъ гибельный такой дерзать?
 «Дерзай—она рекла мнѣ—чистой дѣвѣ
 Доступно все великое земли,
 Когда земной любви она не знаетъ».
 Тогда моихъ очей Она коснулась...
 Подъемлю взоръ: исполнено все небо
 Сіяющихъ, крылатыхъ Серафимовъ;

И въ ихъ рукахъ прекрасныя лилеи;
 И въ воздухѣ провѣялъ сладкій голосъ...
 И такъ Пречистая три ночи съ рядомъ
 Являлась мнѣ и говорила: «встань,
 Господь тебя къ иному призываетъ».
 Но въ третью ночь, Она, явясъ во гнѣвѣ,
 Мнѣ строгое сіе вѣщала слово:
 «Удѣль жены—тяжелое терпѣнье,
 Возьми твой крестъ, покорствуй небесамъ;
 Въ страданіи земное очищенье;
 Смиранный здѣсь—возвышенъ будетъ тамъ».
 И съ словомъ симъ Она съ себя одежду
 Пастушки сбросила, и въ дивномъ блескѣ
 Явилась мнѣ Царицею небесъ,
 И на меня съ утѣхой поглядѣла
 И медленно на свѣтлыхъ облакахъ
 Къ обители блаженства полетѣла. (*Всѣ тронуты*).

Шиллеръ. (Орлеанская дѣва, д. I, явл. 10).

Архіепископъ (*Раулю*). Говори.
 Рауль (*королю*). Шестнадцать было насъ знаменъ; мы шли
 Примкнуть къ тебѣ; нашъ храбрый предводитель
 Былъ рыцарь Водрикуръ изъ Вокулера.
 Но только мы достигли Фермантанскихъ
 Высотъ и въ доль, Юнной орошенный,
 Спустились... вдругъ явился намъ вдали
 Равнину всю занявшій непріятель.
 Хотимъ назадъ... возвратный путь захваченъ;
 Спасенья нѣтъ; побѣда невозможна;
 Храбрѣйшіе упали духомъ, ратникъ
 Оружіе готовъ былъ кинуть; тщетно,
 Совѣтуясь, вожди некали средства
 Къ отпору—средства нѣтъ... Но въ этотъ мигъ
 Свершается неслыханное чудо:
 Изъ глубины густой, дубовой рощи
 Выходитъ къ намъ дѣвица, яркій шлемъ
 На головѣ; идетъ какъ божество,
 Прекрасная и страшная на взглядъ,
 И темными кудрями по плечамъ
 Летаютъ волосы... и вдругъ чело
 Сіяніемъ небеснымъ облилося,
 Когда она, приблизившись, сказала:
 «Что медлите, французы? На врага!
 Будь онъ морскихъ песковъ неисчислима...
 За васъ Господь и Дѣва Пресвятая!»

И вмигъ она изъ рукъ знаменосца
Исторгла зная; съ нимъ впередъ, и въ страшномъ
Величїи пошла передъ рядами.
Мы, изумясь, безмолвные, невольно
За дивною воительницею вслѣдъ...
И на врага ударили, какъ буря.
Оторопѣвъ, ударомъ оглушенный,
Недвижимый, испуганными смотреть
Очами онъ на гибельное чудо...
И вдругъ—какъ будто сталъ Господній ужасъ
Ему въ лицо—онъ дрогнулъ и бѣжить,
Бросая щитъ и мечъ; и по равнинѣ
Въ единый мигъ все войско разметалось;
Забыто все; невнятенъ кликъ вождей;
Преслѣдуемъ, разимый безъ отпора,
Бѣжить онъ глазъ не смѣя обратить;
Въ рѣку стремглавъ и конь и всадникъ мчится...
И то была не битва, но убійство;
На мѣстѣ ихъ двѣ тысячи легло,
Но болѣе въ волнахъ рѣки погибло...
А наши всѣ остались невредимы.
Неслыхано! чудесно!

Король.
Агнеса.
Рауль.

Кто она?
Одинъ король сію узнаеть тайну.
Пророчицей, посланницею Бога
Она себя зоветъ и общаетъ
До совершенія луны прогнать
Врага и снять осаду Орлеана.
Ей вѣруя, народъ сраженъ жаждетъ;
И скоро здѣсь она сама явится.

(Звонъ колоколовъ и шумъ за сценою).

Вы слышите... шумить народъ... Она!

Король (къ *Дю-Шателю*). Введи ее сюда.

Шиллеръ. (Орлеанская дѣва; д. I, явл. 9).

(Чтеніе письма).

Дарья. Барыня, а барыня! Отъ Платона Маркыча мальчикъ пришелъ.

Анна Петровна. Позови его сюда. (*Дарья уходитъ. Входитъ мальчикъ*).

Мальчикъ. Платонъ Маркычъ кланяться приказали; при-

слали газеты вчерашнія и записочку—съ, да приказали о здоровьи спросить.

Анна Петр. Господи! куда это я очки дѣла? Поищи, Маша, сдѣлай милость (*Марья Андреевна ищетъ очки*).

Марья Андреевна. Да позвольте, маменька, я прочитаю. Я думаю, у васъ съ Платономъ Маркычемъ секретовъ нѣтъ.

Анна Петр. Прочитай, Маша! Какіе секреты! Я его объ дѣлѣ просила. Вотъ женское-то дѣло: вѣдь и жалъ беспокоить Платона-то Маркыча—старый человекъ, а дѣлать нечего.

Марья Андр. (*читаетъ*). «Ваше Высокоблагородіе, милостивая государыня, Анна Петровна! Честь имѣю васъ увѣдомить, что всѣ порученія ваши я исполнилъ въ точности и съ удовольствіемъ, я впредь прошу васъ таковыя возлагать на меня. При семъ посылаю вамъ вѣдомости вчерашняго числа. На счетъ того пункта, о которомъ вы меня просили, я въ названномъ вами присутственномъ мѣстѣ былъ: холостыхъ чиновниковъ для Марьи Андреевны достойныхъ нѣтъ; есть одинъ; но я сомнѣваюсь, чтобъ оный вамъ понравился, ибо очень великъ ростомъ,—весьма много больше обыкновеннаго, и рябой... (*Смотритъ съ умоляющимъ видомъ*). Маменька!

Анна Петр. Читай, читай.

Марья Андр. «Но, по справкамъ моимъ отъ секретаря и прочихъ его сослуживцевъ, оказался нравственности хорошей и нешьющій, что, какъ мнѣ извѣстно, вамъ весьма желательно. Не прикажете ли посмотрѣть въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ, что и будетъ мною исполнено съ величайшимъ удовольствіемъ. Дѣло ваше по случаю упущеній съ вашей стороны, приняло дурной оборотъ; но вы, сударыня, не извольте беспокоиться: ибо я нашелъ весьма знающаго человекъ, который можетъ онымъ дѣломъ руководствовать. О прочемъ буду имѣть честь объяснить вамъ при личномъ свиданіи. Остаюсь, всегда готовый къ услугамъ, Платонъ Добротворскій». Что это вы, маменька, дѣлаете? Посылаете Платона Маркыча по присутственнымъ мѣстамъ жениховъ искать! И ни слова объ этомъ не скажете; это ужъ обидно даже. (*Садится къ пяльцамъ*).

Анна ПЕТР. Никакой тут обиды нѣтъ! Я вѣдь тебя не при-
нуждаю; за кого хочешь, за того и пойдешь. А это мой долгъ
тебѣ жениха найти. (*Мальчику*). Кланяйся, милый, Платону
Маркычу; скажи, что приказали благодарить; слава Богу, моля
здоровы.

Мальч. Слушаю-съ.

Анна ПЕТР. Поди сюда, я тебѣ дамъ записочку Платону
Маркычу. (*Уходятъ*).

Островскій. (Бѣдная невѣста; д. I, явл. 3).

Городничій. Я какъ будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ
всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенныя крысы. Право,
этакихъ я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины!
пришли, понюхали—и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо,
которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго
вы, Артемій Филиповичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: «Лю-
безный другъ, кумъ и благодѣтель» (*бормочетъ въ помолоса,
пробывая скоро глазами*)... и увѣдомить тебя.» А, вотъ: «спѣшу,
между прочимъ, увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ пред-
писаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ (*зна-
чительно поднимаетъ палецъ вверхъ*). Я узналъ это отъ самыхъ
достоверныхъ людей, хотя онъ представляетъ себя частнымъ ли-
цомъ. Такъ-какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся
грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать
того, что плыветъ въ руки...» (*Остановясь*), ну, здѣсь свои...»
то совѣтую тебѣ взять предосторожность: ибо онъ можетъ прі-
ѣхать во всякій часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ
гдѣ нибудь инкогнито... Вчерашняго дня... «Ну тутъ ужъ по-
шли дѣла семейныя:» сестра Анна Кириловна пріѣхала къ намъ
со своимъ мужемъ; Иванъ Кириловичъ очень потолстѣлъ и все
играетъ на скрипкѣ... «и прочее и прочее. Такъ вотъ какое об-
стоятельство!»

Гоголь. Ревизоръ; д. I, явл. 1).

ТОНЪ ЛИРИЧЕСКІЙ.

(Удовольствіе, умиленіе).

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой,
Куда ни оглянусь—повсюду рожь густая!
Иду—съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной,
И колютъ мнѣ лицо... Иду я, наклоняясь,
Какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ черезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.
О Божья благодать!... о, какъ прилечь отрадно
Мнѣ въ тѣнь высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полныя, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я—на всемъ полей просторѣ
И жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
Ужь вяжутъ весело тяжелые снопы;
Вонъ—на зарѣ стучать проворныя цѣпы;
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана и меда;
Вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа
На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки
Гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая,
И длинной бичевой по влагѣ ударяя—
О Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай—дары святые неба;
Но, хлѣбомъ золотыя просторы ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насажены, повѣяла весна,
И, непогодами несгубленные, зерна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно:
О, дай намъ солнышка! пошли Ты ведра намъ,
Чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ!
Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, стариками
Придти на пышныя ихъ нивы подышать,
И, позабывъ, что ихъ мы полили слезами,
Промолвить: «Господи! какая благодать!»

А. Майковъ. (Нива).

(Умиление, восторгъ любви).

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ гений чистой красоты.

Въ томлени грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты,
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжный,
И снились милыя мечты.

Шли годы. Бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты,
И я забылъ твой голосъ нѣжный,
Твои небесныя черты.

Въ глуши, во мракѣ заточенья,
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Душѣ настало пробужденье:
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ гений чистой красоты.

И сердце бьется въ упоеньѣ,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь!

Пушкинъ.

(Скорбь любви).

Для береговъ отчизны дальней
Ты покидала край чужой
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакалъ предъ тобой.

Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.

Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала,
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.

Ты говорила: въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ,

Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.

Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой,
Исчезъ и поцѣлуй свиданья...
Но жду его: онъ за тобой!...

Пушкинъ.

(Молитва).

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
Не о спасеніи, не передъ битвою,
Не съ благодарностью, иль покаяніемъ.

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника въ свѣтѣ безроднаго, —
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой заступницѣ міра холоднаго.

Окружи счастіемъ душу достойную,
Дай ей сопутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу не-злобному міръ упованія.

Срокъ-ли приблизится часу прощальному
Въ утро-ли шумное, въ ночь ли безгласную,
Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела душу прекрасную.

Лермонтовъ.

(Печаль, горе, тоска, уныніе, отчаяніе).

Бонниваръ. О Боже! Боже! Страшно зрѣть,
Какъ силится преодолѣть
Смерть человѣка. Я видалъ,
Какъ ратникъ въ полѣ погибалъ;
Я видѣлъ, какъ пловецъ тонулъ
Съ доской, къ которой онъ прильнулъ,
Съ надеждой гибнущей своей.

Я зрѣлъ, какъ издыхалъ злодѣй
 Съ свирѣпой дикостью въ чертахъ,
 Съ богохуленьемъ на устахъ
 Пока ихъ смерть не заперла;
 Но тамъ былъ страхъ, здѣсь скорбь была
 Волѣзнь глубокая души.

Смираннымъ ангеломъ въ тиши
 Онъ гасъ столь кротко молчаливъ,
 Столь безнадежно терпѣливъ,
 Столь грустно-томень, нѣжно-тихъ;
 Безъ слезъ, лишь помня о своихъ
 И обо мнѣ... увы, онъ гасъ,
 Какъ радуга, плѣняя насъ,
 Прекрасно гаснетъ въ небесахъ.
 Ни вздоха скорби на устахъ,
 Ни ропота на жребій свой;
 Лишь слово изрѣдка со мной
 О нашихъ прошлыхъ временахъ,
 О лучшихъ будущаго дняхъ,
 Объ упованьи... Но объять
 Сей тратой, горшею изъ тратъ,
 Я былъ въ свирѣпомъ забытьи.
 Вотще, кончаясь, онъ свои
 Страданья смертныя скрывалъ...
 Вдругъ тише, трепетнѣе сталъ дышать
 И вдругъ умолкнулъ онъ...
 Молчаньемъ страшнымъ пробужденъ,
 Я вслушиваюсь... тишина!
 Кричу, какъ бѣшенный... стѣна
 Откликнулась... и умеръ гулъ!
 Я цѣпь отчаянно рванулъ
 И вырвалъ... къ брату... брата нѣтъ!
 Онъ, на столбѣ, какъ вѣшній цвѣтъ,
 Убитый хладомъ, предо мной
 Висѣлъ съ поникшей головой.
 Я руку тихую поднималъ;
 Я чувствовалъ, какъ исчезалъ
 Въ ней слѣдъ послѣдней теплоты;
 И мнилось, были отняты
 Всѣ силы у души моей,
 Все страшно вдругъ сперлося въ ней.
 Я дико по тюрьмѣ бродилъ,
 Но въ ней покой ужасный былъ;
 Лишь вѣялъ отъ стѣны сырой
 Какой-то холодъ гробовой.

И взоръ на мертваго вперивъ,
 Я зналъ лишь смутно, что я живъ.
 О, сколько муки въ знаньи томъ,
 Когда мы тутъ же узнаемъ,
 Что милому уже не жить.
 И могъ сей мигъ я пережить!
 Не знаю: вѣра-ль то была,
 Иль хладность къ жизни жизнь спасла?
 Но что потомъ сбилось со мной,
 Не помню... свѣтъ казался тьмой,
 Тьма свѣтомъ; воздухъ исчезалъ
 Въ оцепенѣннн стоялъ
 Безъ памяти, безъ бытія,
 Межъ камней хладнымъ камнемъ я;
 И видѣлось, какъ въ тяжкомъ снѣ,
 Все блѣднымъ, темнымъ, тусклымъ мнѣ;
 Все въ мутную слилося тѣнь;
 То не было: ни ночь, ни день,
 Ни тяжкій свѣтъ тюрьмы моей
 Столь ненавистный для очей;
 То была тьма безъ темноты;
 То была бездна пустоты
 Безъ протяженья и границъ;
 То были образы безъ лицъ;
 То страшный міръ какой-то былъ
 Безъ неба, свѣта и свѣтиль,
 Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
 Безъ промысла, безъ благъ и бѣдъ,
 Ни жизнь, ни смерть—какъ сонъ гробовъ,
 Какъ океанъ безъ береговъ,
 Задавленный тяжелой мглой,
 Недвижный, темный и нѣмой...

Байронъ. (Шильонскій узникъ).

(Горе, отчаяніе).

Вырыта заступомъ яма глубокая.
 Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
 Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
 Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая,
 Горько она, моя бѣдная, шла
 И, какъ степной огонекъ, замерла.

Что-же! Усни моя доля суровая!
 Крѣпко закроется крышка сосновая,
 Плотно сырою землею придавится,
 Только однимъ человѣкомъ убавится...
 Убыль его никому не больна,
 Память о немъ никому не нужна!...

Вотъ она слышится, пѣснь беззаботная:
 Гостя погоста, пѣвунья залетная,
 Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается;
 Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
 Тише... о жизни поконченъ вопросъ;
 Больше не нужно ни пѣсень, ни слезъ!

Никитинъ.

(Неудовольствіе, сожалѣніе).

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
 Его грядущее—иль пусто, иль темно;
 Межъ тѣмъ подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
 Въ бездѣйствіи состарится оно.

Богаты мы, едва изъ колыбели,
 Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
 И жизнь ужъ насъ томить, какъ ровный путь безъ цѣли,
 Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.

Къ добру и злу постыдно равнодушны,
 Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы;
 Передъ опасностью позорно малодушны,
 И передъ властію презрѣнны рабы...

Такъ тощій плодъ до времени созрѣлый,
 Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
 Виситъ между цвѣтовъ прищелецъ осиротѣлый,
 И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!

Мы засушили умъ наукою безплодной,
 Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
 Надежды лучшія и голосъ благородный,
 Невѣриемъ подавленныхъ страстей.

Едва касались мы до чаши наслажденья,
 Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
 Изъ каждой радости, бояся пресыщенья,
 Мы лучшей сокъ на вѣки извлекли.

Мечты поэзіи, созданія искусства
 Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
 Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства—
 Зарытый скупостью и бесполезный кладъ.

И ненавидимъ мы и любимъ мы случайно,
 Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
 И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
 Когда огонь кипитъ въ крови.

И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
 Ихъ легкомысленный, ребяческій развратъ,
 И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
 Глядя насмѣшливо назадъ.

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
 Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
 Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодovitой,
 Ни гениемъ начатаго труда.

И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
 Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
 Насмѣшкой горькою обманутаго сына
 Надъ промотавшимся отцомъ.

Лермонтовъ. (Дума).

(Негодование).

Межъ тѣмъ, какъ Франція, среди рукоплесканій
 И кликовъ радостныхъ, встрѣчаетъ хладный прахъ
 Погибшаго давно среди нѣмыхъ страданій

Въ изгнаньи мрачномъ и въ цѣпяхъ.

Межъ тѣмъ, какъ міръ услужливой хвалою
 Встрѣчаетъ поздняго раскаянья порывъ
 И вздорная толпа, довольная собою,
 Гордится, прошлое забывъ.

Негодованію и чувству давъ свободу,
 Понявъ тщеславіе сихъ суетныхъ заботъ,
 Мнѣ хочется сказать великому народу:

Ты жалкій и пустой народъ!

Ты жалокъ, потому что вѣра, слава, гений,
 Все, все великое, священное земли
 Съ насмѣшкою глупою ребяческихъ сомнѣній;
 Тобой растоптано, въ пыли.

Изъ славы сдѣлалъ ты игрушку лицемѣрья,
 Изъ вольности—орудье палача,
 И всѣ завѣтныя отцовскія повѣрья

Ты имъ рубилъ, рубилъ съ плеча.—

Ты погибалъ... и онъ явился съ строгимъ взоромъ,
 Отмѣченный Божественнымъ перстомъ,
 И признанъ за вождя всеобщимъ приговоромъ,
 И ваша жизнь слилася въ немъ,—

И вы окрѣпли вновь въ тѣни его державы,
И мѣръ трепещущій въ безмолвіи взирали
На ризу чудную могущества и славы,
Которой васъ онъ одѣвалъ.

Одинъ, — онъ былъ вездѣ, холодный, неизмѣнный,
Отецъ сѣдыхъ дружинъ, любимый сынъ молвы,
Въ степяхъ Египетскихъ, у стѣнъ покорной Вѣны,
Въ снѣгахъ плакающей Москвы.

А вы что дѣлали, скажите, въ это время,
Когда въ поляхъ чужихъ онъ гордо погибалъ?
Вы потрясали власть, избранную, какъ бремя,
Точили въ темнотѣ кинжалъ!

Среди послѣднихъ битвъ, отчаянныхъ усилій,
Въ испугѣ не понявъ позора своего,
Какъ женщина, ему вы измѣнили

И, какъ рабы, вы предали его!

Лишенный правъ и мѣста гражданина,
Разбитый свой вѣнецъ онъ снялъ и бросилъ самъ,
И вамъ оставилъ онъ въ залогъ роднаго сына —
Вы сына выдали врагамъ.

Тогда, отяготивъ позорными цѣпями,
Героя увезли отъ плачущихъ дружинъ —
И на чужой скалѣ, за синими морями,
Забытый, онъ угасъ одинъ.

Одинъ, замученъ мщеніемъ бесплоднымъ,
Безмолвною и гордою тоской,
И, какъ простой солдатъ, въ плащѣ своемъ походномъ
Зарытъ наемною рукой...

Но годы протекли, и вѣтренное племя
Кричитъ: «Подайте намъ священный этотъ прахъ!
Онъ нашъ; его теперь, великой жатвы сѣмя,
Зароемъ мы въ спасенныхъ имъ стѣнахъ!»

И возвратился онъ на родину. Безумно,
Какъ прежде, вокругъ него тѣснятся и бѣгутъ,
И въ пышный гробъ, среди столицы шумной,
Остатки тлѣнные кладутъ.

Желанье позднее увѣнчано успѣхомъ!
И краткій свой восторгъ смѣнивъ уже другимъ,
Гуляя, топчетъ ихъ съ самодовольнымъ смѣхомъ
Толпа, дрожавшая предъ нимъ!

И грустно мнѣ, когда подумаю, что нынѣ
Нарушена святая тишина
Вокругъ того, кто ждалъ въ своей пустынѣ
Такъ жадно, столько лѣтъ — спокойствія и сна!

И если духъ вождя примчится на свиданье
Съ гробницей новою, гдѣ прахъ его лежитъ,
Какое въ немъ негодованье

При этомъ видѣ закипитъ!
Какъ будетъ онъ жалѣть, печалію томимый,
О знойномъ островѣ подъ небомъ дальнихъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ непобѣдимый,
Какъ онъ великій, океанъ!

Лермонтовъ. (Послѣднее новоселье).

(Скорбь и озлобленіе).

Бду-ли ночью по улицѣ темной,
Бури заслушаюсь въ сумрачный день —
Другъ беззащитный, больной и бездомный,
Вдругъ предо мной промелькнетъ твоя тѣнь!
Сердце сожмется мучительной думой.
Съ дѣтства судьба не влюбила тебя:
Бѣденъ и золь былъ отецъ твой угрюмый,
За мужъ пошла ты — другаго любя.
Мужъ тебѣ выпалъ не добрый на долю:
Съ бѣшенымъ нравомъ, съ тяжелой рукой;
Не покорила — ушла ты на волю,
Да не на радость сошла и со мной...

Помнишь-ли день, какъ больной и голодный
Я унывалъ, выбивался изъ силъ?
Въ комнатѣ нашей пустой и холодной
Паръ отъ дыханья волнами ходилъ.
Помнишь-ли трубъ заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвѣтъ, полутьму?
Плакалъ твой сынъ, и холодныя руки
Ты согрѣвала дыханьемъ ему.
Онъ не смолкалъ — и пронзительно звонокъ
Былъ его крикъ... Становилось темнѣй;
Вдоволь поплакалъ и умеръ ребенокъ...
Бѣдная! слезъ безразсудныхъ не лей.
Съ горя да съ голоду завтра мы оба
Также глубоко и сладко заснемъ;
Купить хозяинъ съ проклятьемъ три гроба —
Вмѣстѣ свезутъ и положить рядкомъ...

Въ разныхъ углахъ мы сидѣли угрюмо.
Помню, была ты блѣдна и слаба,
Зрѣла въ тебѣ сокровенная дума,
Въ сердцѣ твоёмъ совершалась борьба.

Я задремалъ. Ты ушла молчаливо,
 Принарядившись, какъ будто къ вѣнцу,
 И черезъ часъ принесла торопливо
 Гробикъ ребенку и ужинъ отцу.
 Голодъ мучительный мы утолили,
 Въ комнатѣ темной зажгли огонекъ,
 Сына одѣли и въ гробъ положили...
 Случай насъ выручилъ? Богъ-ли помогъ?
 Ты не спѣшила печальнымъ признаньемъ,
 Я ничего не спросилъ,
 Только мы оба глядѣли съ рыданьемъ,
 Только угрюмъ и озлобленъ я былъ...
 Гдѣ ты теперь? Съ нищетою горемычной
 Злая тебя сокрушила борьба?
 Или пошла ты дорогой обычной,
 И роковая свершится судьба?
 Кто-жъ защититъ тебя! Всѣ безъ изъятя
 Именемъ страшнымъ тебя назовутъ,
 Только во мнѣ шевельнутся проклятья—
 И бесполезно замрутъ!...

Некрасовъ.

ФИЗИЧЕСКІЯ ОЩУЩЕНІЯ.

(Вниманіе, всѣ виды).

Дѣйств. лица: ПЕТРЪ ПАВЛОВИЧЪ, пожилой человекъ.
 МАРЬЯ ИВАНОВНА, жена его, пожилая дама.
 НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧЪ, сынъ его, лѣтъ 18-ти.
 ЛЮДМИЛА ПЕТРОВНА } дочери его, лѣтъ 16-ти.
 АННА " } " 19-ти.
 АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ, женихъ Анны, лѣтъ 27-ми.

(*Всѣ входятъ*).

НИК. ПЕТР. Подите сюда, господа! Матап, вы такъ любите красивое мѣстоположеніе, взгляните.

МАРЬЯ ИВ. Прелестно.

ЛЮДМ. и АННА (*разсматривая*). Ахъ, очень хорошо, прелесть.

АЛЕКС. ИВ. Жаль, что со мной нѣтъ бумаги: срисовать бы этотъ пейзажъ вамъ въ альбомъ, Анна Петровна.

АННА ПЕТР. Да, это было бы хорошо. Посмотрите, какъ хороша эта лощинка, просто декорація!

МАРЬЯ ИВ. Особенно при этомъ освѣщеніи. Я помню, разъ въ Ниццѣ...

ПЕТРЪ ПАВ. (*перебивая ее*). Мнѣ памятно это мѣсто, я здѣсь бывалъ прежде. Въ этомъ лѣсу еще грибы собиралъ...

ЛЮДМ. ПЕТР. (*выглядываясь*). А это что такое? Домъ какой-то?

НИК. ПЕТР. Да, только тамъ вѣрно никто не живетъ; посмотри-ка: окна заколочены досками.

ЛЮДМ. ПЕТР. Да, да, это странно.

МАРЬЯ ИВ. А что это такое? (*Подходятъ къ строенію*).

НИК. ПЕТР. Это сѣнной сарай.

ЛЮДМ. ПЕТР. Тамъ никого нѣтъ?

НИК. ПЕТР. (*смѣясь*). Нѣтъ есть... сѣно...

ЛЮДМ. ПЕТР. Какъ это глупо, братъ, я спросила такъ... а ты...

АЛЕКС. ИВ. А вотъ мы посмотримъ. (*Подходитъ къ сараю, осматриваетъ, отворяетъ дверь, заглядываетъ*). Никого нѣтъ.

ПЕТР. ПАВ. (*смѣясь*). Что, нѣтъ разбойниковъ? (*Людмила*). Ахъ ты трусиха: (*всѣмъ*). А знаете ли: въ этомъ домѣ, который теперь стоитъ пустой, произошло нѣсколько лѣтъ назадъ большое несчастіе...

ЛЮДМ. и АННА. Несчастіе! какое? расскажите, папа.

ПЕТРЪ ПАВ. (*высматривая*). Хорошо, только бы намъ сѣсть надо. Жарко.

НИК. ПЕТР. Да вотъ здѣсь отлично; тѣнь, все видно.

МАРЬЯ ПЕТР. Ріегге, только не сыро ли здѣсь?

АННА ПЕТР. Нѣтъ, матап, здѣсь такъ хорошо. (*Садятся*).

ПЕТРЪ ПАВ. Ну слушайте же. Лѣтъ пять тому назадъ этотъ домъ былъ далеко не въ такомъ видѣ. Теперь все запущено, онъ продается, да охотниковъ-то мало. Принадлежалъ этотъ домъ одному чиновнику, молодому, который и жилъ въ немъ лѣтомъ постоянно. У него была молодая жена (дѣвушкой я знавалъ ее), славная, живая такая была. Двое дѣтей у нихъ было: въ ту пору

мальчику было лѣтъ семь, а дѣвочки еще года не было. Вышли у этого чиновника кое-какія непріятности по службѣ, начальникъ-то былъ крутенежъ, а чиновникъ молодежь. Подумалъ, подумалъ этотъ чиновникъ, да и рѣшилъ выйти въ отставку. Вышелъ. Живетъ себѣ; другаго мѣста нѣтъ, поиздержался, скучать сталъ. Къ этому подоспѣло другое. Изъ Саратова пришло письмо о смерти матери. Осталось ему небольшое наслѣдство — имѣніе; только чтобъ получить его надобно было самому ѣхать; были кое-какія претензіи долговыя. Подумалъ онъ: что здѣсь проживать? Мѣста нѣтъ, все дорого, продамъ домъ, да и уѣду къ себѣ на родину. Началъ искать покупщика. Счастье, повидимому, повезло...

Людм. ПЕТР. Пойдите-ка, папа.

МАРЬЯ ИВ. Что такое?

Людм. ПЕТР. Вы ничего не слышите? Какъ будто кто стонетъ?

Всѣ (*прислушиваются*).

НИК. ПЕТР. Ничего не слышно.

АЛЕКС. ИВ. Рѣшительно ничего.

ПЕТРЪ ПАВ. Это тебѣ такъ слышалось. Вѣтеръ качаетъ деревья, а тебѣ кажется, что стонутъ.

АННА ПЕТР. Рассказывайте дальше, папа, что случилось.

ПЕТРЪ ПАВ. Вотъ задумалъ онъ продать домъ. И покупщика нашелъ, стараго пріятеля, богатаго человѣка. Сторговались, устроили дѣло. За хорошую цѣну продалъ, получилъ чекъ на всю сумму (это все равно, что деньги), и пригласилъ пріятеля закусить къ себѣ на дачу. Тотъ пріѣхалъ. Жена не ожидала мужа въ это время и мыла въ дѣтской въ корытѣ маленькую дочку. Мужъ засуетился; вынимая изъ кармана бумаги, выронилъ какъ-то чекъ и не замѣтилъ. А пріятель остался на дворѣ строеніе по-смотрѣть. Пошелъ этотъ чиновникъ въ кухню распорядиться (прислуги была одна кухарка), да зашелъ въ дѣтскую поторопить жену. Возвращается онъ въ кабинетъ...

Людм. ПЕТР. (*нѣсколько разъ оглядывавшаяся на сарай*). Опять, слышите?

Всѣ (*вздрагивая*). Что, что?

Людм. ПЕТР. Да стукнулъ кто-то?

МАРЬЯ ИВ. (*Прислушиваясь*). Ничего не слышно. Не перебивай, Людмила.

ПЕТРЪ ПАВ. Въ самомъ дѣлѣ, Людмила, какъ тебѣ не стыдно — ты всего на свѣтѣ боишься, тебѣ на каждомъ шагу мерещится что нибудь.

Людм. ПЕТР. Извините, папа, мнѣ показалось...

НИК. ПЕТР. Ну такъ что же? Чиновникъ возвращается въ кабинетъ...

ПЕТРЪ ПАВ. Да, я забылъ вамъ сказать, что въ кабинетѣ кухарка только что затопила печку. Время было подь осень. Вотъ входитъ онъ, да вдругъ и вспомнилъ про чекъ. Дай спрячу его отдѣльно въ бумажникъ. Отперъ бюро: бумаги тутъ, чека нѣтъ. Онъ искать туда, сюда; нѣтъ... А въ комнатѣ вертѣлся все это время его сынишка, бойкій, славный мальчикъ. — Не видалъ ли ты бумажки, Коля? спрашиваетъ отецъ. — Бумажка... это ты уронилъ, папа? — Ну да, гдѣ же она, ты взялъ ее?.. — Я ее въ печку бросилъ, а она и сгорѣла, отвѣчаетъ мальчишка. Можете себѣ представить положеніе отца!..

МАРЬЯ ИВ. и АННА ПЕТР. Ужасно!..

ПЕТРЪ ПАВ. Несчастный, не помня себя, толкнулъ сына; тотъ ударился вискомъ объ уголь стола и духъ вонь...

МАРЬЯ ИВ. и Людм. ПЕТР. Ахъ, Боже мой!

ПЕТРЪ ПАВ. Это еще не все... Мальчикъ, падая, пронзительно закричалъ. Мать въ дѣтской услышала; инстинктивно чувствуя, что сынъ ея въ опасности, бросилась она въ кабинетъ; видитъ, что сынъ ея на полу, — страшно испугалась, упала въ обморокъ. Отецъ былъ, какъ одурѣлый, съ мѣста не могъ встать. Тутъ пришелъ пріятель. Ничего не понимая, началъ онъ приводить мать въ чувство, звать на помощь... Покамѣстъ возились, прошло минутъ десять. Спохватилась наконецъ кухарка, что ребенокъ одинъ оставленъ въ дѣтской въ корытѣ. Бросились съ матерью туда: ребенокъ захлебнулся...

Овщій крикъ ужаса. Ахъ!..

Людм. ПЕТР. (*вскрикивая*). Нѣтъ, теперь ужъ вѣрно; тамъ кто-то есть!.. (*Показываетъ на сарай*).

Всѣ (невольнo устремляютъ глаза по указанному направлению).

НИК. ПЕТР. Дѣйствительно, кто-то тамъ возится, я пойду, посмотрю, (встаетъ).

(Въ это время дверь сарая отворяется, на порогъ показывается человекъ въ оборванномъ костюмѣ съ дикимъ выраженіемъ лица и медленно приближается къ разговаривающимъ. Движенія вскрикиваютъ; всѣ неподвижно смотрятъ на него).

ПЕТРЪ ПАВ. Боже мой! Это, онъ самый и есть! Онъ убѣжалъ...

ЧЕЛОВѢКЪ (останавливаясь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ сидящихъ и дико смотря на нихъ, бормочетъ). Бумажка!.. Бумажка!.. Вы не видали бумажки?.. (наклоняется ищетъ на землѣ и удаляется. Всѣ смотрятъ внимательно ему вслѣдъ).

ЛЮДМ. ПЕТР. Вотъ видите, папа, я не даромъ боялась.

МАРЬЯ ИВ. Несчастный! Какъ же его пускаютъ одного?..

ПЕТРЪ ПАВ. Онъ содержался въ больницѣ, да убѣжалъ вѣрно.

АЛЕКС. ИВ. А что случилось съ женой; тоже помѣшалась?..

ПЕТРЪ ПАВ. Нѣтъ, она черезъ недѣлю умерла. Да... Вотъ какія несчастія бывають на свѣтѣ!..

(Вниманіе, слушаніе, любопытство).

НИКИТА. Народу много идетъ къ празднику-то?

РОМАНЪ. Много! А ты, старецъ, тоже къ угоднику?

СТРАННИКЪ. Къ угоднику.

РОМАНЪ. Издалеча?

СТРАННИКЪ. Дальній. Въ первѣй отъ роду въ вашихъ мѣстахъ. Въ Кіевѣ былъ, у Соловецкихъ чудотворцевъ два раза сподобился, по окіянь-рѣкѣ плавать.

ПАШКА. А людоѣдовъ ты видалъ ли? говорятъ, въ той сторонѣ людоѣды живутъ.

СТРАННИЦА. Какъ ихъ не видать!—я видѣла.

ПАШКА. Что же, они, тетушка, одноглазые!

СТРАННИКЪ. Одноглазые.

ПАШКА. За что же они людей то жрутъ? Али ты, можетъ, врешь?

СТРАННИЦА. Что жъ намъ врать, мірской человекъ, врать намъ нечего. И въ книжкахъ есть этому описаніе; коли ты грамотный—въ книжкахъ прочитай. Потому какъ они одноглазые, и по ихнему закону все можно.

НИКИТА. Привелъ бы Богъ пораньше уѣхать: балуютъ у насъ по дорогѣ-то.

РОМАНЪ. Шалать. Дорога у насъ бойкая, баловства много. А ежели въ сумерки, мимо Жукова оврага и не ѣзди—обчистятъ, потому мѣсто очень глухое. Намедни туда все село ворошили смотрѣть; одного за убивство наказывали; въ семи душахъ повинился... Начальству сталъ въ ноги кланяться—не помиловали, наказанье великое было.

НИКИТА. За что миловать!

РОМАНЪ. Потому кровь христіанскую проливалъ, а вѣдь она, извѣстно, кровь-то христіанская, вопіеть.

НИКИТА. Вопіеть! Ежели душу загубилъ, — конечно!

КУХАРКА (ставитъ на столъ ужинъ). Ну, господа честные, пожалуйста. Садись, матушка... Садись, старичекъ почтенный... Приятнаго вамъ аппетита. (Всѣ садятся за столъ).

НИКИТА. Я вотъ буду сказывать, а ты слушай, каковы эти люди есть.

КУХАРКА (сидя въ рядомъ съ Никитой). Сказывай, батюшка, сказывай. Люблю я старинныхъ-то людей слушать.

НИКИТА. Въ Озеркахъ у насъ, у покойника дѣдушки, станція была. Мнѣ тогда годовъ двадцать было. Ночью, какъ теперь помню, подъ самое подъ воскресенье, пришолъ къ намъ на дворъ тарантасъ съ купцомъ на сдаточныхъ. Моя чередка была. Смерть ѣхать не хотца. Я купцу-то и говорю: переночуйте, говорю, ваша милость: очень темно, овраги у насъ тутъ, въ тарантасѣ ѣхать неспособно. Нѣтъ, говорить, я и такъ на ярманкѣ за-

мѣшкался... Трогай! Господи благослови! Съѣхали мы со двора-то—зги Божьей не видать!—Ваше степенство, говорю: воля милости вашей, а ѣхать намъ страшно, обождемъ до свѣту. Ступай, ступай, говорить. Версть пять проѣхали—ничего. Какъ въѣхали въ Легковской лѣсъ, и купецъ мой испужался. Не заплутайся, говорить: темно.—Богъ милостивъ, говорю: коли поѣхали, надо ѣхать. Ёдемъ мы лѣсомъ-то, смотрю, ровно бы огонекъ показался, такъ махонькой...

Бувенъ. Волкъ, должно.

Никита. Погоди! Ваше степенство, говорю: вы ничего не видите? Нѣтъ, говорить, а что?—Огонекъ, говорю, въ лѣсу показался... сумнительно мнѣ оченно. Чтожъ ты, говорить, сумлѣваешься?—Да такъ, говорю: не лихой ли человекъ насъ съ тобою дожидается? Сотвори, говорить, молитву. Творю это я молитву, а огонекъ этотъ опять. Видѣлъ, говорить, братецъ, и я.

Кухарка. Это купецъ-то?

Никита. Купецъ-то. Душу свою, говорю, намъ-бы здѣсь не оставить. Что ты, говорить, дуракъ, меня пужаешь? Кому наша душа нужна!.. Садись, говорю, сударь, со мной на козлы—не такъ жутко будетъ. Сѣлъ онъ со мной рядомъ, а самъ ровно-бы вотъ листъ трясется. Чего же вы такъ, ваша милость, говорю: робѣть намъ нечего! Коли ежели что—насъ двое. А у самого, братецъ мой, духъ захватило, руки отымаются.

Пашка. Тетушка Алена, плесни еще щецъ-то. Щи-то понѣ у тебя жирныя, облопаешься. *(Кухарка поспѣшно налиываетъ щей и садится).*

Никита. Ёхали мы, ѣхали, — слышу: съ правой стороны ровно-бы окрикнулъ кто. Такъ у меня подъ сердце и подкатило! Я къ купцу: ваше степенство, говорю, мы попали! Что ты, говорить, милый человекъ!—Вѣрно, говорю... Подобралъ возжи, да и думаю: всю тройку зарѣжу, а въ руки не дамъ. Только хотѣлъ кнотомъ-то... Стой!... Двое повисли на пристяжныхъ, да такъ всю тройку и осадили, а одинъ подошелъ къ тарантасу: аль больно скоро нужно? говорить.—Скоро, говорю. Съ ярманки, что-ли? — Какіе вы такіе люди есть, говорю, коли вамъ знать

требуется? А далеча-ли вамъ ѣхать-то?—Далеча. Мы, говорить, къ вамъ на устрѣтъ вышли... мѣсто здѣсь больно глухое... А купецъ мой и языкомъ владѣть пересталъ.

Бувенъ. Оробѣлъ!

Романъ. Какъ, батюшка, не оробѣть: оробѣешь. Ну!..

Никита. Только, братецъ мой, смотрю: лѣвую пристяжную ужъ отпрягли. Выскочилъ я изъ тарантаса-то, да хотѣлъ за лошадь-то уцѣпиться, какъ онъ меня хлясь?...

Кухарка *(взвизгиваетъ, какъ будто ее самое ударили)*.

Никита. Такъ я и покатился!.. Въ глазахъ огни пошли... Слышу: и купецъ мой застоналъ, и такъ этотъ купецъ застоналъ—нутреная моя вся поворотилась... а опосля ужъ ничего и не помню...

Пашка. Чѣмъ же онъ тебя съѣздилъ-то — инструментомъ какимъ, аль такъ?

Никита. Надо полагать, закладкой.

Бувенъ. Закладкой—бѣда! Меня разъ въ Москвѣ на стѣнкѣ закладкой тоже приложилъ, такъ я годъ въ больницѣ вылежалъ, кажинный день помирать изговлялся, насилу отдыхалъ.

Кухарка. Какъ же ты, батюшка, очнулся то?

Никита. Очнулся-то ужъ я въ лѣсу: съ дороги-то они насъ въ лѣсъ сволокли. Утренничкомъ меня прохватило, ровно бы маленько я и почувствовался. Хочу голóвушку поднять—моченьки моей нѣту. Сталъ купца обзывать: господинъ купецъ, господинъ купецъ! А купецъ мой ничуть. Доползъ я къ нему, а ужъ онъ Богу душу отдалъ и лица на немъ распознать нельзя. *(Кухарка утираетъ слезы)*. Ну, думаю, и мнѣ, должно, въ дремучемъ лѣсу помирать надо; въ остальной разъ хошь Богу помолюсь за родителейъ. Уцѣпился за дерево, всталъ, да опять, ровно спопъ, ударился. Въ полдни кое-какъ выползъ на дорогу-то; гляжу: тарантасъ мой въ канаву спихнули и кожу съ его всю ободрали...

Романъ. А домой какъ ты попалъ, батюшка?

Никита. Проѣзжій одинъ баринъ доставилъ.

Горбуновъ. (Постоялый дворъ).

(Вниманіе, изумленіе, недоумѣніе, догадка, колебаніе, рѣшимость).

Максъ (*садится*). Займусь ея контрактомъ... Что это за бумаги? (*Открываетъ портфель и пробываетъ разные бумаги*). Ничего нѣтъ новаго... крѣпостные акты... описанія помѣстій, дачь и пустошей... планы... (*Останавливается*). «Моимъ дѣтямъ»... (*вдругъ пораженный*). Моя фамилія! Что это значить? Фамилія моего отца!... (*Быстро схватываетъ одну бумагу и скоро читаетъ*). «Адмиралъ Жакъ де Шансе»... мой дѣдъ... да... на Антильскихъ островахъ... въ Сенъ Луи... у насъ въ то время были тамъ огромныя помѣстья, и я помню... да... управляющій у насъ былъ тамъ нѣкто Ларокъ!—но онъ погибъ со своимъ сыномъ въ ту самую ночь, когда адмиралъ, дѣдъ мой, взорвалъ себя на воздухъ вмѣстѣ съ кораблемъ... Посмотримъ... (*Читаетъ*). «При началѣ военныхъ дѣйствій, всѣ господскія плантаціи были проданы отцомъ моимъ»... Его отцомъ!... Этотъ старикъ, стало быть... (*Читаетъ*). «Ночью мы получили приказъ догнать купеческую флотилію, которую долженъ былъ сопровождать до Франціи фрегатъ подъ начальствомъ адмирала де Шансе!!! На пути мы попались Англійскому крейсеру... отецъ мой былъ—убить, защищаясь... а мнѣ дали на выборъ или быть разстрѣляннымъ, или открыть то мѣсто, куда укрылся фрегатъ и флотилія. Въ награду за измѣну мнѣ предоставляли деньги, вырученныя отъ проданныхъ имѣній... деньги, которыя я везъ маркизу!... «Боже мой!» «Я былъ такъ молодъ, почти ребенокъ... проклятое золото искусило меня... и черезъ часъ маркизь де Шансе былъ окруженъ непріателемъ... и чтобы не отдался въ плѣнъ, взлетѣлъ на воздухъ! «Презрѣнный»!!! А потомъ угрызения совѣсти... да... Господу извѣстно, что потомъ я омылъ вражьей кровью мое преступленіе и безчестіе, мною же нанесенное французскому флагу... Онъ утаилъ деньги, цѣну крови... и чтобы не краснѣть предъ своими дѣтьми, онъ скрылъ отъ нихъ... Провидѣніе! Такъ, стало быть, я здѣсь хозяинъ! (*встаетъ. Горячо*). Такъ все это—мое достояніе!... Довольно я страдалъ... довольно

принесъ оскорбленій!... Вѣдь наконецъ я тоже человѣкъ! Вѣдь въ этомъ сердцѣ, которое они хотятъ раздавить, течетъ не вода, а кровь... Онѣ это узнаютъ!... И этотъ самолюбивый ребенокъ... онъ въ свою очередь испытаетъ униженіе! Ея гордая головка погнется подъ тяжестью стыда!... Она женщина, такъ; но теперь у нея есть защитникъ... Ну что жъ! тѣмъ лучше! Пусть онъ ее и защищаетъ! (*Дверь налѣво отворяется; слышенъ голосъ Маргариты, которая говоритъ: «я иду, тата»*)! Ахъ, Боже! (*Маргарита является и мертвенно проходитъ по сценѣ, смотря съ упрекомъ на Макса. Рѣшимость Макса падаетъ при этомъ взглядѣ; Маргарита уходитъ въ глубину направо. Нѣсколько секундъ молчанія*). Нѣтъ, никогда! Я не хочу, чтобы она краснѣла передо мною! Эта тайна, эта ужасная тайна принадлежитъ мнѣ одному... старикъ почти ужъ въ могилѣ... и не можетъ открыть ее... такъ пусть же она и умретъ съ нимъ! (*Бросаетъ бумагу въ пламя бразера*). Матушка! если моя вина противъ тебя не вполнѣ искуплена, прими и эту послѣднюю жертву! Я приношу ее тебѣ... (*Тяжело вздыхаетъ, отираетъ платкомъ лобъ*). Ну! теперь все кончено... уйдемъ отсюда!...

О. Фелье. (Управитель, д. IV, явл. 10).

(Любопытство, вниманіе).

Бовчинскій и Добчинскій, (*оба входятъ, запыхавшись*).

Бовч. Чрезвычайное происшествіе!

Довч. Неожиданное извѣстіе!

Всѣ. Что, что такое?

Бовч. Непредвидѣнное дѣло: приходимъ въ гостинницу...

Бовч. (*перебивая*). Приходимъ съ Петромъ Ивановичемъ въ гостинницу...

Довч. (*перебивая*). Э, позвольте, Петръ Ивановичъ, я расскажу.

Бовч. Э, нѣтъ, позвольте ужъ я... позвольте, позвольте... вы ужъ и слога такого не имѣете...

Довч. А вы собьетесь и не припомните всего.

Бовч. Припомню, ей Богу, припомню. Ужь не мѣшайте, пусть я расскажу, не мѣшайте! Скажите, господа, сдѣлайте милость, чтобъ Петръ Ивановичъ не мѣшалъ.

Городничій. Да говорите, ради Бога, что такое? У меня сердце не на мѣстѣ. Садитесь, господа! возьмите стулья! Петръ Ивановичъ, вотъ вамъ стуль. (*Всѣ усаживаются вокругъ обоехъ Петровъ Ивановичей*), Ну что, что такое?

Бовч. Позвольте, позвольте: я все по порядку. Какъ только имѣлъ я удовольствіе выйти отъ васъ послѣ того, какъ вы изволили смутиться полученнымъ письмомъ, да-съ, такъ я тогда же забѣжалъ... ужь пожалуйста не перебивайте, Петръ Ивановичъ! Я ужь все, все, все знаю-съ. Такъ я, вотъ извольте видѣть, забѣжалъ къ Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотилъ къ Растаковскому, а не заставши Растаковского, зашелъ вотъ къ Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да идучи оттуда, встрѣтился съ Петромъ Ивановичемъ...

Довч. (*перебивая*). Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги.

Бовч. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги. Да, встрѣтившись съ Петромъ Ивановичемъ и говорю ему: слышали ли вы о новости, которую получилъ Антонъ Антоновичъ изъ достовѣрнаго письма? А Петръ Ивановичъ ужь слышалъ объ этомъ отъ ключницы вашей Авдоты, которая, не знаю зачѣмъ то, была послана къ Филиппу Антоновичу Почечуеву.

Довч. (*перебивая*). За боченкомъ для французской водки.

Бовч. (*отводя его руки*). За боченкомъ для французской водки. Вотъ мы пришли съ Петромъ Ивановичемъ къ Почечуеву... Ужь вы, Петръ Ивановичъ... энтото... не перебивайте, пожалуйста не перебивайте! Пошли къ Почечуеву, да на дорогѣ Петръ Ивановичъ говоритъ: «Зайдемъ», говоритъ, «въ трактиръ». Въ желудкѣ то у меня... съ утра я ничего не ѣлъ, такъ желудочное трясеніе... «Да-съ, въ желудкѣ то у Петра Ивановича... «А въ трактиръ», говоритъ, «привезли теперь свѣжей семги, такъ мы закусимъ». Только что мы въ гостинницу, какъ вдругъ молодой человѣкъ...

Довч. (*перебивая*). Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ...

Бовч. Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ, ходитъ этакъ по комнатѣ, и въ лицѣ этакое сужденіе... физиономія... поступки и здѣсь (*вертитъ рукою около лба*) много, много всего. Я будто предчувствовалъ и говорю Петру Ивановичу: «Здѣсь что нибудь не проста-съ». Да. А Петръ-то Ивановичъ ужь мигнулъ пальцемъ и подозвали трактирщика-съ, трактирщика Власа—у него жена три недѣли назадъ тому родила и такой пребойкій мальчикъ, будетъ также, какъ и отецъ, содержать трактиръ. Подозвавши Власа, Петръ Ивановичъ и спроси его потихоньку: «Кто», говоритъ, «этотъ молодой человѣкъ?» а Власъ и отвѣчаетъ на это: «Это», говоритъ... Э, не перебивайте Петръ Ивановичъ, пожалуйста, не перебивайте, вы не расскажете, ей Богу, не расскажете: вы прищепываете, у васъ, я знаю, одинъ зубъ во рту со свистомъ... «Это», говоритъ, «молодой человѣкъ, чиновникъ», да-съ, «ѣдущій изъ Петербурга, а по фамиліи», говоритъ, «Иванъ Александровичъ Хлестаковъ-съ, а ѣдетъ», говоритъ «въ Саратовскую губернію», говоритъ, «престранно себя аттестуетъ: другую ужь недѣлю живетъ, изъ трактира не ѣдетъ, забираетъ всё на счетъ и ни копѣйки не хочетъ платить». Какъ сказалъ онъ мнѣ это, а меня такъ вотъ свыше и вразумило. «Э!» говорю я Петру Ивановичу...

Довч. Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это я сказалъ «э»!

Бовч. Сначала вы сказали, а потомъ и я сказалъ. «Э!» сказали мы съ Петромъ Ивановичемъ. «А съ какой стати сидѣтъ ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ въ Саратовскую губернію?» — Да-съ. А вотъ онъ-то и есть этотъ чиновникъ.

Гор. Кто, какой чиновникъ?

Бовч. Чиновникъ-то, о которомъ изволили получить нотацію—ревизоръ.

Гор. (*въ страхъ*). Что вы, Господь съ вами! это не онъ.

Довч. Онъ! и денегъ не платитъ, и не ѣдетъ. Кому же быть, какъ не ему? И подорожная прописана въ Саратовъ.

Бовч. Онъ, онъ, ей Богу онъ... Такой наблюдательный: все

осмотрѣлъ. Увидѣлъ, что мы съ Петромъ Ивановичемъ ѣли семгу — больше потому, что Петръ Ивановичъ на счетъ своего желудка... да, — такъ онъ и въ тарелки къ намъ заглянулъ. Меня такъ и проняло страхомъ.

Гор. Господи, помилуй насъ грѣшныхъ. Гдѣ же онъ тамъ живетъ?

Довч. Въ пятомъ номерѣ, подъ лѣстницей.

Бовч. Въ томъ самомъ номерѣ, гдѣ прошлаго года подрались проѣзжіе офицеры.

Гор. И давно онъ здѣсь?

Довч. А недѣли двѣ ужъ. Приѣхалъ на Василья Египтянина.

Гор. Двѣ недѣли! (*въ сторону*). Батюшки, сватушки, выносите, святые угодники. Въ эти двѣ недѣли высѣчена унтеръ-офицерская жена! арестантамъ не выдавали провизіи. На улицахъ кабакъ, нечистота! Позоръ! поношенье (*хватается за голову*).

Гоголь. (Ревизоръ, д. I, явл. 3).

(Разсѣянность).

Рожковъ, Рожкова и Лиза (*выходятъ съ разныхъ сторонъ*).

Рожковъ (*безъ фрака*). А гдѣ это? (*Показываетъ Лизѣ, что онъ въ одномъ жилетѣ*).

Лиза. Что-съ?

Рожковъ (*подходя къ женѣ*). Что? (*Цѣлуя руку у жены*). Здравствуй, мамочка.

Рожкова (*садится разливать чай*). Вон юнг. Ты вчера поздно воротился?

Рожковъ. Да; и вотъ по милости этой дуры, не знаю, когда выѣду изъ дому! Гдѣ мое платье?

Лиза. Какое платье?

Рожковъ. Она не знаетъ, какое платье! А это... что сверху то надѣвается... не знаешь? Изволь, я тебѣ растолкую: съ двумя рукавами, здѣсь пуговицы, и воротникъ, съ фалдами — понятно?

Лиза. Вы видно, баринъ, все еще принимаете меня за деревенскую дуру? Я знаю, что вамъ нужно фракъ...

Рожковъ. Да гдѣ-жъ онъ?

Лиза. А куда вы его вчера дѣвали?

Рожковъ. Дура. Я вчера изъ гостей приѣхалъ въ скюртукѣ... Гдѣ же фракъ?

Лиза. Вспомнила! Онъ долженъ быть въ саду.

Рожковъ. Въ саду, фракъ?

Лиза. Да-съ; я вчера вынесла его туда, чтобъ выколотить пыль, да и забыла.

Рожковъ. Да всю ночь шелъ дождикъ...

Лиза (*спокойно*). Что-жъ сударь, дождикъ. Это полезно въ нынѣшнее время... у насъ, въ деревнѣ, чай, какая радость!

Рожковъ. Эта дѣвчонка полуумная какая-то!

Рожкова (*хохочетъ при послѣднихъ словахъ*). Да полно, оставь ее; я тебѣ налила чаю.

Рожковъ (*подходя къ столу, говоритъ Лизѣ*). Пошла, принеси скорѣй! (*хочетъ сѣсть и видитъ опрокинутый стулъ*). Пстой! Какъ я сяду? Научи меня, какъ сѣсть?...

Лиза (*не видя упавшаго стула*). Что это, сударь, будто вы не знаете, какъ люди садятся? это и маленькіе сами умѣютъ!

Рожкова. Пошла вонъ! Ты забываешься...

Рожковъ. Нѣтъ, мамочка, я хочу ей втолковать, вбить ей въ башку... Ну, смотри, какъ же я сяду, когда стулъ вверхъ ногами лежитъ?...

Лиза (*поднимая стулъ*). Такъ бы и сказали! Кто это его уронилъ? Я приготовила чай, поставила стулья на мѣсто...

Рожковъ (*садясь*). Пошла-же за фракомъ!

Лиза (*идя къ средней двери*). Ахъ, да... я было и забыла...

Рожкова. Пстой; а гдѣ мой шарло?

Лиза (*подходя*). Какой шарло-съ?

Рожковъ. Она и этого не понимаетъ! Барынина собака! Мишшка?

Лиза. Собака?

Рожковъ. Поди сюда! Знаешь-ли ты наконецъ, что значить

собака? (*Крича*). Собака—маленькое животное, сверху и снизу и со всѣхъ сторонъ покрытое шерстью... съ длинными ушами и съ маленькимъ хвостикомъ...

Лиза (*смѣясь*). Ха, ха, ха! Еще бы этого не знать! У насъ и пѣсня есть: «она ростомъ невеличка, хвостикъ закорючкой»...

Рожкова (*мужу*). Перестаньте вы съ ней болтать глупости. (*Лизѣ*). Я тебя спрашиваю, гдѣ она? я все утро ее не видѣла...

Рожковъ. И я тоже...

Лиза. Да и я тоже... ахъ, нѣтъ, позвольте, я видѣла, какъ она утромъ валялась по травѣ, а потомъ бросилась къ садовой кадкѣ; но какъ у нея голова больше остальной части тѣла, то она съ головой и остальной частью бултыхъ...

Рожкова (*вскочивъ въ испугъ*). Упала въ воду! утонула...

Рожковъ (*тоже вскочивъ*). То есть потонула?

Лиза (*спокойно*). Ничего-съ, вѣдь очень жарко... нынче всѣ купаются...

Рожковъ (*бѣжитъ къ Лизѣ*). Я утоплю эту дѣвку.

Лиза (*бѣжитъ отъ него и, остановясь въ среднихъ дверяхъ, говоритъ*). Да не беспокойтесь, не сердитесь и не бойтесь, глядите, вонъ она въ саду сушится на солнышкѣ... (*щелкая губами и маня рукой*). Мимишка! Мимишечка! Посмотрите, какъ она развалилась на нашемъ платкѣ... (*Снова приманиваетъ*).

Рожковъ. На моемъ фракѣ? (*дразня ее*), а ты губами чмокаешь.

Рожковъ. Принеси Мими.

Рожковъ. Да кстати и фракъ захвати. (*Крича ей вслѣдъ*).

Турну, турну! (*Лиза уходитъ*).

Н. Крестовскій. (Средство выгонять волокитъ, явл. 2).

(Скука, съ оттѣнкомъ печали).

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?...

Цѣли нѣтъ передо мною
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томить меня тоскою
Однозвучной жизни шумъ.

Пушкинъ. (26 мая 1828).

(Скука, съ оттѣнкомъ озлобленія).

И скучно и грустно и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды;
Желанья!... Что пользы напрасно и вѣчно желать?..
А годы проходятъ—все лучшіе годы!

Любить... но кого же? на время—не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно;
Въ себя ли заглянешь?—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...

Что страсти?—вѣдь рано или поздно ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь—какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка.

Лермонтовъ.

(Изумленіе).

Юсовъ (*одинъ*). Что это за время такое! Что теперь на свѣтѣ дѣлается, глазамъ своимъ не повѣришь! Какъ жить на свѣтѣ! Мальчишки стали разговаривать! Кто разговариваетъ-то? Кто спорить-то? Такъ, ничтожество! Дунуль на него, фу! (*дуетъ*) вотъ и нѣтъ человѣка. Да еще съ кѣмъ спорить-то!—Съ гениемъ! Аристархъ Владимірычъ—геній... геній, Наполеонъ. Ума необъятнаго, быстрота, смѣлость въ дѣлахъ. Одного недостаетъ: въ законѣ не совсѣмъ твердъ, изъ другаго вѣдомства. Кабы Аристархъ Владиміровичъ, при его умѣ, да зналъ законы и всѣ порядки такъ, какъ его предшественникъ, ну и конецъ... конецъ... и разговаривать нечего. Поѣзжай за нимъ, какъ по желѣзной дорогѣ.

Такъ ухватись за него, да и ступай. И чины, и ордена, и всякія угоды, и дома, и деревни съ пустошами. Духъ захватываетъ!...
Островскій. (Доходное мѣсто, д. 1 явл. 13).

Расплюевъ. Вотъ видишь... (*Поправляетъ фракъ и дѣлаетъ жестъ пальцами*). Какъ взялъ онъ это дѣло себѣ въ голову, какъ взялъ онъ это дѣльцо, кинулъ такъ и этакъ... Ну, говоритъ, Расплюевъ, выручай. Я говорю, готовъ, Михайло Васильичъ, на все готовъ. Вотъ, говоритъ, что: прозакладывай ты, говоритъ, свою душу и достань мнѣ отъ Муромскихъ ихъ соли-теръ, что я нынѣ, по осени, отдавалъ оправлять въ булавку; помнишь, говоритъ, вотъ по той модели, что у меня въ бюро валяется. Я такъ и задумался.

Федоръ. Вы-то?

Расплюевъ. Да. Трудновато, говорю, трудновато. Однако, отправился и, какъ ястребъ какой, черезъ четверть часа тащу его на дворъ; вотъ, моль, онъ, голубчикъ! Онъ, напимѣрь, беретъ его, и модель-то беретъ... слышишь, модель-то, по которой удѣльвали... да въ бумажникъ обѣ и запустилъ.

Федоръ. Въ бумажникъ!...

Расплюевъ. Въ бумажникъ! Вѣдь воръ—человѣкъ; побрякушки не бросилъ... а?... а вотъ она и дѣло сдѣлала. Взялъ онъ ихъ, да прямо въ Киселевъ переулокъ, къ Никанору Савичу бацъ!... Денегъ, говоритъ, давай, жидъ, денегъ. Денегъ? какія у меня деньги? Денегъ нема. А подъ залогъ—ма? Подъ залогъ, говоритъ, ма. А сколько ты мнѣ, напимѣрь, говоритъ, дашь денегъ подъ это дѣтище?... Того такъ и шелохнуло, и ротъ розинулъ: загорѣлись глаза, лихорадка такъ и треплетъ. Туда, сюда, на стекло, на вѣски, вертеть, пробуетъ... Ну, видитъ, вещь первая... Четыре... «Четыре!... Собачій ты, говоритъ, вѣдь она десять стоитъ... а?... Что ты дурака, что-ли, нашелъ? Подай назадъ, не хочу!... Тотъ разгорѣлся, изъ рукъ-то выпустить не можетъ; вырвалъ, да опять въ бумажникъ. Семь дашь? (*Пискливымъ голосомъ*). Нѣтъ, не могу—не могу; пять... Хочу семь!—Ни!—Ну! шесть!—Ни!—Ну, прощай да смотри, не поминай лихомъ. Мнѣ

Шпренгель восемь дастъ. Дрожитъ Хамъ, трепещетъ, взалкалъ волчьимъ-то горломъ; вѣдь хищникъ! Ухъ!... бери, говоритъ. По рукамъ, что-ли? По рукамъ!... Давай, говоритъ, сургучъ да коробку. «Какъ коробку? Да видимое дѣло, что коробку; мы туда его, голубчика, уложимъ собственноручно; а я, вотъ, печати наложу, такъ и сохранно будетъ, а тебѣ, говоритъ, Гуда, этакое сокровище, не дамъ... слышишь?... Ого!...

Федоръ. Такъ, такъ, такъ! (*Киваетъ головой*).

Расплюевъ (*продолжаетъ*). Побѣждалъ перепелкою за коробкою; тащи, говоритъ, и деньги... Тащить и деньги. Вотъ, говоритъ, смотри! Вытянулъ изъ бумажника, да ужъ нету, а модель-то, модель... Вѣдь это что?... вертеть ему въ глазахъ то... Вѣдь это Бразилія цѣлая... а...? Голконда... а?...

Федоръ. О, Господи!

Расплюевъ (*съ жаромъ*). А у него глаза-то кровью, кровью-таки и налились! Разъ, два... бултыхнули въ коробку, наложили печати... Тотъ ему деньги; э тотъ ему коробку... Приѣхалъ, да какъ хлыснетъ мнѣ на столъ вотъ какую пачку!... На, говоритъ, получи, да Михайла Васильича помни!...

Федоръ (*складывая руки*). Ахъ, ты, Господи!

(*Оба стоятъ въ благоговѣннѣи. Молчаніе*).

Расплюевъ (*въ необыкновенномъ духѣ*). Наполеонъ, говорю, Наполеонъ! великій богатырь, магъ и волшебникъ! Вотъ объѣхалъ, оболванилъ человѣка, на вѣки вѣчныя... человѣка? нѣтъ, ростовщика оболванилъ—и великую по себѣ память оставилъ.

Федоръ (*разставивъ руки*). Ну, точно, обдѣлано дѣло. Господи! вотъ дѣло обдѣлано!

Сухово-Кобылинъ. (Свадьба Кречинскаго, д. III, явл. 1).

Гонерилья. Не только, сэръ, распущенный вашъ шутъ,
 Но чуть не всѣ изъ вашей наглой свиты
 Знай ссорятся, ругаются, шумятъ,
 И буйству ихъ нѣтъ мѣры, ни предѣла.
 Базалось мнѣ, довольно тутъ намека,
 Чтобы дѣла по старому пошли,
 Но, глядя какъ за дѣло вы взялися,

Серьезно я боюсь,—не сами-ль вы
Благословили их на всѣ четыре...
Но если такъ,—нельзя же не помочь
Бѣдѣ и не встряхнуть сонливость вашу.
Будь все у насъ въ порядкѣ—рѣчь моя
Васъ оскорбить могла-бъ, но тутъ кругомъ
Позоръ—и кто-жъ въ ней не признаетъ смысла?

Шутъ. Вѣдь и тебѣ извѣстно, дядя,
Что зябликъ до тѣхъ поръ кукушку балуетъ
Пока ему дочка головку прокляуетъ...
Да, свѣчка потухла, и мы остались въ потьмахъ.

Лиръ. Дочь ли ты моя?
Гонерилья. Полноте, сэръ! Какъ бы я хотѣла, чтобы вы взялись за умъ,
котораго было у васъ таки довольно!... Бросьте эти причуды:
съ нѣкоторыхъ поръ онѣ изъ васъ сдѣлали совѣтъ не то, что
вы на самомъ дѣлѣ.

Шутъ. Смекаетъ ли осель, когда телѣга везетъ коня?
Браво, дядя, люблю тебя за удалъ!

Лиръ. Есть ктонибудь здѣсь, который зналъ меня?
Нѣтъ, я не Лиръ!—Такъ развѣ ходитъ Лиръ?
Такъ говоритъ онъ? Гдѣ глаза его?
Потухъ въ немъ смыслъ? Окоченѣло чувство?
Что это сонъ?... не сонъ? О, вѣрно нѣтъ!...
Кто-жъ можетъ мнѣ сказать, кто я таковъ?

Шутъ. Тѣнь Лира.

Лиръ. Желалъ бы я дознать это,—иначе и знаки власти, и память,
и смыслъ заставятъ меня по неволѣ вѣрить, что у меня есть
дочери...

Шекспиръ. (Король Лиръ, д. I, сц. 4).

(Недоумѣніе).

Маниловъ. Но позвольте спросить васъ, какъ желаете вы
купить крестьянъ: съ землею, или просто на выводъ, то есть, безъ
земли?

Чичиковъ. Нѣтъ, я не то, чтобы совершенно крестьянъ, я
желаю имѣть мертвыхъ...

Маниловъ. Какъ-съ? извините, я нѣсколько туго на ухо,
мнѣ слышалось престранное слово...

Чичиковъ. Я полагаю приобрѣсть мертвыхъ, которые впро-
чемъ значились бы по ревизіи, какъ живые.

(Маниловъ съ разинутымъ ротомъ, роняетъ чубукъ и молча
смотритъ во всѣ глаза на Чичикова).

Чичиковъ. Мнѣ кажется, вы затрудняетесь?...

Маниловъ. Я?... нѣтъ, я не то... но я не могу постичь...
извините... я, конечно, не могъ получить такого блестящаго об-
разованія, какое, такъ сказать, видно во всякомъ вашемъ движе-
ніи; не имѣю высокаго искусства выражаться... Можетъ быть,
здѣсь... въ этомъ, вами сейчасъ выраженномъ изъясненіи... скрыто
другое... Можетъ вы изволили выразиться такъ для красоты слога?

Чичиковъ. Нѣтъ, нѣтъ, я разумѣю предметъ таковъ, какъ
есть, то есть, тѣ души, которыя точно уже умерли.

(Маниловъ растерялся и молчитъ).

Чичиковъ. И такъ, если нѣтъ препятствій, то съ Богомъ
можно бы приступить къ совершенію купчей крѣпости.

Маниловъ. Какъ, на мертвыя души купчую?

Чичиковъ. А, нѣтъ! Мы напишемъ, что они живы, такъ
какъ стоитъ дѣйствительно въ ревизской сказкѣ. Я привыкъ ни
въ чемъ не отступать отъ гражданскихъ законовъ; хотя за это я
потерпѣлъ на службѣ, но ужъ извините: обязанность для меня
дѣло священное, законъ—я нѣмѣю передъ закономъ.

(Маниловъ молчитъ и насасываетъ чубукъ).

Чичиковъ. Можетъ быть, вы имѣете какіянибудь сомнѣнія?

Маниловъ. О, помилуйте, ничуть! Я не на счетъ того го-
ворю, чтобы имѣлъ какоенибудь, то есть критическое предосуж-
деніе о васъ. Но позвольте доложить, не будетъ ли это предпрія-
тіе, или, чтобъ еще болѣе, такъ сказать, выразиться, негоція,—
такъ не будетъ ли эта негоція несоотвѣтствующею гражданскимъ
постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи... Такъ вы по-
лагаете?...

Чичиковъ. Я полагаю, что это будетъ хорошо.

Маниловъ. А, если хорошо, это другое дѣло: я противъ
этого ничего.

Гоголь. (Мертвыя души, ч. I, гл. 1).

(Ощущение жара).

(Ничкина въ широкой блузѣ, Капочка, тоже, и Маланья входятъ).

Ничкина. Какъ жарко! А пообѣдаешь, такъ еще пуще разморить... такъ разморить... разморинь такой нападетъ, не глядѣла бь ни на что! (Садится на диванъ).

Капочка. Давай, Милаша, споемъ.

Ничк. Ну васъ, и такъ жарко.

Кап. Мы, мамемька, потихоньку. (Садится за рояль и запѣваетъ съ Маланьей: „Вотъ на пути село большое“. Немного погода, Ничкина пристаетъ къ нимъ).

Ничк. (переставъ пѣть). Бросьте, а то и меня взманили. Устала.

Кап. Что это, маменька, какъ вы капризны! Вдругъ на меня нашла фантазія пѣть, а вы не даете.

Ничк. Да, жарко, Капочка.

Кап. Въ другой разъ сами будете просить, а у меня фантазія не будетъ... Кто жь виноватъ, что вамъ жарко. Это даже довольно странно съ вашей стороны.

Ничк. Ну ужь ты!

Кап. Чѣмъ же мнѣ развлекаться прикажете? Кавалеровъ у насъ не бываетъ. Только и дѣлаемъ, что по цѣлымъ днямъ съ Малашей въ окно глядимъ. Вы, пожалуй, и этого не позволите.

Ничк. Дѣлай, что хочешь, только не тревожь ты меня. (Устинька входитъ въ шляпкѣ).

Уст. (немного картавитъ). Здравствуйте, Клеопатра Ивановна.

Ничк. Здравствуй, Устинька! Что жарко на дворѣ.

Уст. Жарко.

Ничк. Что это за наказанье!

Уст. Здравствуй, Капочка. (Снимаетъ шляпку). Сейчасъ видѣла твой предметъ, ходитъ по набережной въ забвеніи чувствъ.

Кап. Ахъ! одно сердце страдаетъ, а другое не знаетъ.

Уст. Что же, Клеопатра Ивановна, вы посылали къ нему Гавриловну?

Ничк. Да... вотъ... баловница я. И не надо-бь мнѣ васъ слушать-то, а я послала нынче. Кто меня похвалить за это? Всякій умный человѣкъ заругаетъ. Да вотъ пристала, ну я, по слабости, и послушалась. Кто его знаетъ, какой онъ тамъ! Придетъ въ домъ... какъ женихъ... страмъ.

Уст. Надъ сердцемъ нельзя шутить.

Маланья. Въ сердцѣ-то замираніе бываетъ, сударыня.

Ничк. Какое сердце! Такъ, съ жиру... знаемъ мы это сердце-то... сама была въ дѣвкахъ... Другая бы строгая мать-то пришла-бь хвостъ то тебѣ, да сама бь нашла жениха-то хорошаго, а не сволочь какуюнибудь.

Уст. Нынче ужь тиранство-то не въ модѣ.

Ничк. Какое тиранство! Не то что тиранство, у меня и расудку-то не хватаетъ... да и жарко-то... Батюшки!.. говорить-то, и то тяжело... такъ ужь и махнула рукой, — что хочеть, то и дѣлаеть.

Кап. Ужь я не знаю, что вы говорите, маменька. Неужели я, при всей моей кротости въ жизни, не могла угодить вамъ?

Ничк. Ахъ, отстаньте отъ меня, и безъ васъ тошно! Куда дѣться-то отъ жару? Батюшки!

Мал. Шли бы, сударыня, на погребницу.

Ничк. И то на погребницу. (входитъ Красавина).

Красавина. Здравствуйте! Все справила и отвѣтъ принесла. Что, Калюпатра Ивановна, аль неможется?

Ничк. Ничего... Садись... только подальше, а то жарко...

Кап. Какой же отвѣтъ?

Крас. Загорѣлось! И подождешь, не велика важность. (Ничкиной). Коли жарко, ты бы пивца велѣла подать съ леднику: говорятъ, прохлаждаетъ.

Ничк. Все, говорятъ, прохлаждаетъ... ничего не прохлаждаетъ.

Крас. А то чайку...

Ничк. Ничего не прохладаетъ... Поди, Маланья, поставь самоваръ. (*Маланья уходитъ*).

Островскій. (Праздничный сонъ до объѣда, к. II, явл. 1, 2, 3).

(Голодъ).

Хлестаковъ. А что?

Осипъ. Несутъ объѣдъ.

Хлест. (*прихлонывая въ ладоши и слегка подпрыгивая на стуль*). Несутъ! несутъ! несутъ!

Слуга (*съ тарелками и салфеткой*). Хозяинъ въ послѣдній разъ ужъ даетъ.

Хлест. Ну, хозяинъ... Я плевать на твоего хозяина! Что тамъ такое?

Сл. Супъ и жаркое.

Хлест. Какъ, только два блюда?

Сл. Только-съ.

Хлест. Вотъ вздоръ какой! Я этого не принимаю. Ты скажи ему, что это въ самомъ дѣлѣ такое!... этого мало!

Сл. Нѣтъ, хозяинъ говоритъ, что еще много.

Хлест. А соусу почему нѣтъ?

Сл. Соусу нѣтъ.

Хлест. Отчего же нѣтъ? Я видѣлъ самъ, проходя мимо кухни, тамъ много готовилось. И въ столовой сегодня поутру двое какихъ то коротенькихъ человѣка ѣли семгу и еще много кое-чего.

Сл. Да оно-то есть, пожалуй, да нѣтъ.

Хлест. Какъ нѣтъ?

Сл. Да ужъ нѣтъ.

Хлест. А семга, а рыба, а котлеты?

Сл. Да это для тѣхъ, которые почище-съ.

Хлест. Ахъ, ты, дуракъ!

Сл. Да-съ.

Хлест. Поросенокъ ты скверный... Какъ же, они ѣдятъ, а я не ѣмъ? отчего же я, чортъ возьми, не могу также? развѣ они не такіе же проѣзжающіе, какъ и я?

Сл. Да ужъ извѣстно, что не такіе.

Хлест. Какіе же?

Сл. Обнаковенно какіе! они ужъ, извѣстно: они деньги платятъ.

Хлест. Я съ тобою, дуракъ, не хочу разсуждать. (*Наливаетъ супъ и пстъ*). Что это за супъ? Ты просто воды налилъ въ чашку: никакого вкуса нѣтъ, только воняетъ. Я не хочу этого супу, дай мнѣ другаго.

Сл. Мы примемъ-съ. Хозяинъ сказалъ, коли не хотите, то и не надо.

Хлест. (*защипывая руками кушанье*). Ну, ну, ну... оставь, дуракъ! ты привыкъ тамъ обращаться съ другими: я, братъ, не такого рода! со мной не совѣтую... (*Ѣстъ*). Боже мой, какой супъ! (*Продолжаетъ пстъ*). Я думаю, еще ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не ѣдалъ какого супу; такія то перья плаваютъ вмѣсто масла. (*Ръжетъ курицу*). Ай, ай, ай, какая курица! Дай жаркое. Тамъ супу немного осталось, Осипъ, возьми себѣ. (*Ръжетъ жаркое*). Что это за жаркое? Это не жаркое.

Сл. Да что-же такое?

Хлест. Чортъ его знаетъ, что такое, только не жаркое. Это топоръ, закаренный вмѣсто говядины. (*Ѣстъ*). Мошенники, каналы, чѣмъ они кормятъ? И челюсти заболятъ, если съѣсть одинъ такой кусокъ. (*Ковыряетъ пальцемъ въ зубакъ*). Подлецы! совершенно, какъ деревянная кора—ничѣмъ вытащить нельзя, и зубы почернѣютъ послѣ этихъ блюдъ, мошенники! (*Вытираетъ ротъ салфеткой*). Больше ничего нѣтъ?

Сл. Нѣтъ.

Хлест. Канальи! подлецы! и даже хотя бы какойнибудь соусъ, или пирожное. Бездѣльники! дерутъ только съ проѣзжающихъ. (*Слуга убираетъ и уноситъ тарелки вмѣстѣ съ Осипомъ*).

Гоголь. (Ревизоръ, д. II, явл. 6).

Орѣхинъ (*въ сертукъ съ разорванными локтями и въ измятой шляпѣ*). Здравствуй, любезный, здравствуй. Ну, что, какъ поживаешь?

Половой. Живемъ помаленьку, покуда Господь носить.

Орѣх. Ну, кажется, не помаленьку: ишь у тебя просторъ то какой. (*Оглядываетъ комнату*). Славно, братецъ, славно. Какъ все это хорошо убрано. Чудо, братецъ! Да вашъ трактиръ, право, лучший въ городѣ.

Полов. Нѣтъ-съ, вотъ на Спасской Зябликова отель-съ, тотъ гораздо получше будетъ.

Орѣх. (*стараясь спрятать разорванные локти*). Что ты, братецъ. Да въ тебѣ самолюбія нѣтъ нисколько, Зябликова? Да это не трактиръ, а сарай просто. Кормятъ-то чѣмъ, ты бы посмотрѣлъ? Я было дался въ обманъ. Приѣзжаю къ вамъ въ городъ вчера изъ Петербурга. Первое дѣло, говорю ямщику: вези меня въ лучшую, смотри, въ самую лучшую гостинницу. Люблю, знаешь, чтобы все этакъ хорошо было... особенно поѣсть. И привозить. Гадко, сыро! Ну, думаю, за неимѣніемъ лучшей и эта годится. Заказалъ обѣдъ. Ха, ха, ха!—И смѣшно и досадно; то есть все, что ни есть наисквернѣйшаго, это онъ ввалилъ мнѣ въ щи и подалъ. Въ Петербургъ приѣду, нарочно выпишу Зябликова, чтобъ онъ мнѣ эти щи сварилъ, для смѣху, именно для смѣху. Ну, думаю, чортъ съ тобой, съ обѣдомъ, даромъ деньги пропадаютъ; дай хоть вина порядочнаго. Клико спросилъ. Ну ужъ и подалъ мнѣ клико... То есть, я тебѣ говорю, если бы не приличіе—не люблю себя ронять предъ вашимъ братомъ,—все бы въ рожу влѣпилъ. Шестнадцать цѣлковыхъ за все... я удивляюсь, какъ сорока не спросилъ.

Полов. (*въ сторону*). Прячь, прячь локти-то; эка шаромыга. Нѣтъ, братъ, стараго воробья на мякинѣ не надуешь. Не съ твоими локтями клико-то пить.

Орѣх. Что, смѣшно? Какъ не смѣшно. Ужъ и я, братъ, вчера просто животики надорвалъ. Какъ вспомню, что я изъ щей-то вытащилъ. Ну-у-у! Сегодня всталъ, да и думаю: нѣтъ, Зябликовъ, спасибо, калачемъ больше къ себѣ не заманишь. Ужъ лучше къ Архишовой пойду; тамъ, говорятъ, посовѣстливѣе. Вхожу и удивляюсь. Да не въ Петербургѣ ли я? (*Оглядываетъ*).

Полов. (*въ сторону*). Ишь его разсыпаетъ, ишь его разсы-

паетъ! Вымаклячить, вѣрно, что нибудь хочеть. Да нѣтъ, братъ, не умашишь. (*Вслухъ*). Куда намъ до Питера. Къ намъ и господь-то такихъ не наѣзжаетъ.

Орѣх. Ну, ей Богу, какъ въ Петербургѣ: и экраны, и зеркала; все это... чудо, чудо, братъ. (*Наклоняется къ буфету, какъ будто для того, чтобы лучше рассмотреть*). А что это, скажи, у васъ буттербродъ съ телячьимъ бульономъ?

Полов. Точно такъ-съ. Съ жалѣемъ-съ.

Орѣх. Превкусно должно быть?

Полов. Да-съ, деньги стоить-съ.

Орѣх. (*протягивая руку*). Постой-ка я попробую.

Полов. (*отстраняя руку*). Пятачекъ-съ пожалуйста.

Орѣх. Да вотъ съѣмъ, такъ и отдамъ.

Полов. Впередъ-съ; оно вѣрнѣе будетъ.

Орѣх. (*показывая на графинъ съ водкой*). А это какая у васъ?

Полов. Рябиновая.

Орѣх. Что-то на цвѣтъ, какъ будто блѣдна немножко. (*Прищуривается и наклоняется къ графину*).

Полов. Нѣтъ-съ, настоящая, какъ быть должно.

Орѣх. Какъ будто травникъ?

Полов. Нѣтъ-съ травникъ, тотъ потемнѣе будетъ-съ.

Орѣх. (*подноситъ графинъ къ носу*). Странно, на рябиновую что-то не похоже. Дай-ка попробовать немножко.

Полов. Денежки пожалуйста.

Орѣх. Опять ты, братецъ... Да ужъ не пропадетъ за мной. Мнѣ вѣдь только узнать. Немножко, на языкъ, чуточку, на доньшкѣ...

Полов. Нельзя-съ; вѣдь мы также съ мѣрой принимаемъ. Всякому будемъ давать пробовать, такъ ничего и не останется.

Орѣх. Да я развѣ всякой! Ты знаешь, кто я?

Полов. Тамъ мнѣ дѣла нѣтъ, кто ты такой; — принеси денегъ, такъ хошь весь графинъ выпей, на здоровье.

Орѣх. Гмь! (*Отходитъ въ сторону*). Рябиновая... (*Облизывается и чмокаетъ*). Превкусная вѣдь вещь, каналья! Скверно,

денегъ-то нѣтъ. Это старый воробей; его не проведешь. Сразу раскупись, въ чемъ дѣло. Гмъ, канальство; а выпить надо. Сюртукъ развѣ по боку. Оно бы ничего. Вѣдь нынѣ лѣто; не слишкомъ холодно. Вѣдь мужики же, вонъ, въ однѣхъ рубашкахъ ходятъ. Да приличія проклятыя, да и изношенъ-то онъ немножко. Впрочемъ попробую. (*Половому*). Послушай, любезный, такъ ты мнѣ не хочешь повѣрить въ долгъ?

Полов. Нѣтъ, братъ, не проклажайся по пустому, не ума-слишь.

Орѣх. Да я бы тебѣ что нибудь въ залогъ оставилъ.

Полов. Ужъ не сюртукъ-ли?

Орѣх. (*про себя*). Нѣтъ, дока на доку нашель. (*Вслухъ*). А что?

Полов. Да то, что ступай, братъ, пока не протурили. У насъ не кабакъ, чтобы вещи-то закладывать.

Орѣх. Ну, братецъ, будешь каяться. На зло-же тебѣ, пойду къ Зябликову и все у него возьму на чистыя деньги.

Полов. Ступай, ступай, не равно тамъ по шеѣ протурять.

Орѣх. (*про себя*). Однако положеніе! (*Половой дѣлаетъ движеніе, чтобъ его вывести*). Ты, пожалуйста, оставь; я такъ самъ съ собою разговариваю. (*Про себя*). Да я говорю: положеніе-то какое! Съ утра во рту ничего не было, да и не будетъ, кажется, ничего. Да гдѣ жъ, сами посудите. Вѣдь эти каналы трактирщици... (*Указывая на полового*). Ишь, смотритъ, какъ будто чувствуетъ, что про него говорятъ... насквозь видятъ человѣка. Еще вотъ этотъ немножко поделикатнѣе: въ разговоръ вступилъ; нѣтъ, вотъ у Зябликова, — вѣдь вралъ все, — тамъ сразу въ шею. Еще говорятъ, въ провинціи бараны какіе-то. Хороши бараны! Да въ Петербургѣ мнѣ, честный человѣкъ, слова бы не сказали, на десять рублей повѣрили, ей Богу, на десять рублей повѣрили бы. Однако, гдѣ-бы, этакъ денегъ достать? Скверно безъ денегъ...

Королевъ. (Карьера, д. IV, явл. 2).

МЫШЛЕНІЕ.

(Разсужденіе).

Прежнева (*сидя въ креслахъ*). Это жестоко! это ужасно! я бы никогда такъ не поступила! Nous autres femmes... мы... о! мы вѣримъ, мы слѣпо вѣримъ, мы никогда не анализируемъ. Нѣтъ, я не стану дальше читать этотъ романъ. Молодой человекъ, хорошаго происхожденія, красивъ, уменъ, служить въ военной службѣ, выражаетъ ей свою любовь такимъ прекраснымъ языкомъ... и она... она имѣла силы отказать ему! Нѣтъ, она не женщина! — Женщина — твореніе слабое, увлекающееся! Мы живемъ только сердцемъ. И какъ легко насъ обмануть! Мы для любимаго человѣка готовы всею жертвовать. Если мужчины насъ и обманываютъ, что, къ несчастію, случается очень часто, то ужъ въ этомъ виноваты не мы, а они. Они по большей части хитры и коварны... мы, женщины, такъ добры и довѣрчивы, такъ готовы всему вѣрить, что только послѣ горькихъ (*задумывается*), да, горькихъ опытовъ убѣждаемся въ безнравственности обожаемыхъ лицъ. (*Молчаніе*). Но нѣтъ! мы и послѣ обмана, и даже нѣсколькихъ обмановъ, готовы опять увлечься, готовы повѣрить въ возможность чистой и безкорыстной любви. Да! такова наша судьба! Тѣмъ болѣе, если все это случится въ такой прекрасной обстановкѣ, какъ въ этомъ романѣ. Весна, цвѣты, прекрасный паркъ, журчанье водъ. Онъ пришелъ въ охотничьемъ костюмѣ, съ ружьемъ, собака легла у его ногъ. Ахъ! но мужчины... они часто злоупотребляютъ прекрасными качествами нашего нѣжнаго сердца, они не хотятъ знать, сколько страдаемъ отъ нихъ мы, бѣдныя женщины! (*Молчаніе*). Конечно есть между насъ такія, которыхъ весь интересъ въ жизни составляютъ низкіе матерьяльные расчеты, хозяйственные хлопоты. Но эта проза, проза! чтобы мнѣ ни говорили, а это проза. Есть даже такія, которыя разсуждаютъ о разныхъ ученыхъ предметахъ не хуже мужчинъ, но я не признаю ихъ женщинами. Онѣ могутъ быть умны, учены, но вмѣсто сердца у нихъ ледъ. (*Молчаніе*). Когда мнѣ приходятъ

такія мысли въ голову, я всегда вспоминаю о моемъ Полѣ.
Ахъ! сколько онъ долженъ имѣть успѣховъ между женщинами!
Я напередъ рада за него. Какъ пріятно это для матери! Ахъ,
дѣти! дѣти! (*Нюхаетъ спиртъ и потомъ звонитъ*).

Островскій. (Не сошлись характерами, карт. I, явл. 1).

Чацкій. Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?

Фамусовъ. Сказалъ бы я: во первыхъ, не блажи!
Имѣнемъ, братъ, не управляй оплошно,
А главное—поди-ка послужи.

Чацкій. Служить бы радъ, прислуживаться тошно.

Фамусовъ. Вотъ то-то, всё вы гордецы!
Спросили бы, какъ дѣлали отцы?
Учились бы, на старшихъ глядя;
Мы, на примѣръ... или покойникъ дядя,
Максимъ Петровичъ! Онъ не то на серебрѣ,
На золотѣ ѣдалъ; сто человѣкъ къ услугамъ;
Весь въ орденахъ; ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ...
Вѣкъ при дворѣ, да при какомъ дворѣ!

Тогда не то, что нынѣ:

При государынѣ служилъ Екатеринѣ!
А въ тѣ поры всё важны... въ сорокъ пудъ...
Раскланяйся—тупеемъ не кивнуть;
Вельможа въ случаѣ, тѣмъ паче,
Не какъ другой: и пилъ, и ѣлъ иначе!
А дядя—что твой князь! что графъ!
Серьезный взглядъ, надменный нравъ;
Когда же надо подслужиться
И онъ сгибался въ перегибъ.

На куртагѣ ему случилось оступиться:
Упалъ—да такъ, что чуть затылка не прошибъ.
Старикъ захохалъ... голось хрипкой...

Былъ благосклонною пожалованъ улыбкой:
Изволили смѣяться... какъ же онъ?

Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ;
Упалъ вдругорядъ—ужъ нарочно;

А хохотъ пуще—онъ и въ третій также точно!
А? Какъ по вашему? По нашему—смышлениъ:

Упалъ онъ больно—всталъ здорово.

За то, бывало, въ вистъ кто чаще приглашенъ?

Кто слышитъ при дворѣ пріветливое слово?

Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми зналъ почетъ?

Максимъ Петровичъ! Шутка?

Въ чины выводить кто и пенсіи даетъ?

Максимъ Петровичъ!..—Да! вы, нынѣшніе,—шутка!

Чацкій.

И точно, началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете, вздохнувши;
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій,—

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнула шея,
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ:
Стучали объ полъ, не жалѣя!

Кому нужда, тѣмъ спѣсь, лежи они въ пыли,—
А тѣмъ, кто выше,—лестъ, какъ кружево, плели.

Я не о дядюшкѣ о нашемъ говорю,
Его не возмутимъ мы праха;
Но, между тѣмъ, кого охота заберетъ,
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ!
А сверстничекъ, а старичекъ
Иной, глядя на тотъ скачекъ
И, разрушаясь въ ветхой кожѣ,

Чай приговаривалъ:—Ахъ, если бы мнѣ тоже!
Нѣтъ! нынче свѣтъ ужъ не таковъ.

Фамусовъ.

Опасный человѣкъ!

Чацкій.

Вольнѣ всякій дышетъ

И не торопится вписаться въ полкъ шутовъ.

Фамусовъ.

Что говорить? И говорить, какъ пишеть.

Чацкій.

У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться, помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ...

Фамусовъ.

Онъ вольность хочетъ проповѣдать!

Чацкій.

Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ...

Фамусовъ.

Онъ ничего не признаетъ...

Чацкій.

Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ...

Фамусовъ.

Строжайше-бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подѣзжать къ столицамъ!

Чацкій.

Я наконецъ вамъ отдыхъ дамъ...

Фамусовъ.

Терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно!

Чацкій.

Вашъ вѣкъ бранилъ я безопасно.

Предоставляю вамъ во власть:

Откиньте часть

Хоть нашимъ временамъ въ придачу;

Ужъ такъ и быть, я не заплачу.

Фамусовъ.

И знать васъ не хочу, разврата не терплю!

Чацкій.

Я досказалъ...

Фамусовъ. Добро, заткнулъ я уши!
 Чацкій. На что-жь? Я ихъ не оскорблю.
 Фамусовъ (*скороговоркой*). Вотъ рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши;
 Воротятся—отъ нихъ порядка жди!

Чацкій. Я пересталъ...

Фамусовъ. Пожалуй, пощади!

Чацкій. Длитель споры не мое желанье...

Фамусовъ. Хоть душу отпусти на покаянье!

Грибоедовъ. (Горе отъ ума, д. II, явл. 2).

(Резонерство).

Клеантъ. Ну, можно ли хвалить такъ наглаго ханжу?

Я послѣ этого рѣшительно скажу,
 Что похвала твоя похожа на безумство.

Оргонтъ. А вашъ отвѣтъ, сударь, похожъ на вольнодумство,
 Которымъ зараженъ ты былъ и будешь вѣкъ.
 Вотъ слѣдствія—и вотъ погибшій человѣкъ!
 Мнѣ жаль, а ужъ тебѣ не сдобровать конечно.

Клеантъ. Подобные тебѣ такъ разсуждаютъ вѣчно,
 Чтось имъ понравится и подслужиться имъ,
 Такъ просто надобно такимъ же быть слѣпымъ,
 А кто не вѣритъ вамъ и смотритъ въ оба глаза,
 Тотъ страшный изувѣръ и общества зараза!
 По моему, сударь, будь къ ближнимъ меньше строгъ,
 Да самъ-то исполняй свой христіанскій долгъ.
 Вотъ это главное.—Я видѣлъ тьму примѣровъ:
 И ложныхъ храбрецовъ, и хитрыхъ лицемѣровъ.
 Но храбрость узнаютъ у насъ не по усамъ;
 И въ томъ ли набожность, чтобъ бѣгать по церквамъ?
 Неужли различить такъ трудно лицемѣра
 Съ тѣмъ, у кого въ душѣ есть истинная вѣра?
 Неужли ты почтишь обоихъ ихъ равно?
 И ложь и истину ты примешь за одно?
 На счетъ связей своихъ не будешь осторожнымъ,
 Усердія души не различишь съ подложнымъ?
 И дашь обманщику собою завладѣть?
 Стыдись! и это все, пожалуйста, замѣть:
 Тутъ много есть вещей довольно справедливыхъ.

Оргонтъ. Блаженъ, кто на совѣтъ не идетъ нечестивыхъ!
 Изъ злобы, зависти,—невинность очернилъ
 И думаетъ, что онъ чудесно поступилъ.
 Ужъ разумѣтся, куда же намъ за вами,

За филосогами съ такими головами!
 Мы люди темные и оцупью бредемъ.
 Клеантъ. Я хвастаться своимъ не думаю умомъ;
 Но разсудительнымъ быть никогда не рано.
 Я правду различать умѣю отъ обмана,
 И признаюсь тебѣ, для сердца моего,
 Прямая набожность почтеннѣе всего;
 Но можно ли, скажи, оставить безъ упрека
 Личину святости такого человѣка,
 Котораго корысть влечетъ лишь къ алтарю?
 Ты догадаешься о комъ я говорю:
 Онъ сестрами своихъ поклонницъ называетъ,
 А между тѣмъ сестеръ безбожно обираетъ,
 Вредитъ ихъ совѣсти, и чести, и добру;
 Живетъ пустыннокомъ и мѣтитъ ко двору.
 Онъ, какъ торгашъ, своимъ пронырствуетъ моленьемъ,
 Гдѣ по просту, а гдѣ колѣнопреклоненемъ.
 Для выгоды своей все въ мірѣ предаетъ
 И съ дерзкой наглостью идетъ себѣ впередъ.
 Вотъ таковы, сударь, всѣ ваши лицемѣры.
 Но кто дѣйствительно прямой поборникъ вѣры,
 Того по дѣйствіямъ замѣтишь ты тотчасъ.
 Онъ бѣгать по церквамъ не станетъ на показъ,
 Не станетъ счастья искать—путемъ разврата;
 Не разоритъ сестры и не обидитъ брата,
 Онъ врагъ клеветниковъ, онъ ненавистникъ зла,
 И посвящаетъ жизнь на добрыя дѣла!
 Вотъ въ чемъ первѣйшія обязанности вѣры.
 Вотъ люди! вотъ съ кого намъ надо брать примѣры!
 Твой другъ за образецъ ихъ не взялъ для себя!
 Онъ сытъ, пристроился и счастливъ—что тебя
 Съ ума свело его поддѣльное смиренье.

Мольеръ. (Тартюфъ, д. I, явл. 5).

(Разговоръ).

Карпъ Карпычъ и Улита Никитишна (*сидятъ у стола на галлерей*).

Ул. Ник. (*заваривая чай*). Нынче все муаръ-антикъ въ моду пошелъ.

Кар. Кар. Какой это муаръ-антикъ?

Ул. Ник. Такая матерія.

КАР. КАР. Ну и пуцай ее.

УЛ. НИК. Да я такъ... Вотъ кабы Серафимочка за-мужъ вышла, такъ ужъ спила бы себѣ, кажется... Всѣ дамы носятъ.

КАР. КАР. А ты нешто дама?

УЛ. НИК. Обнаковенно дама.

КАР. КАР. Да вотъ можешь ты чувствовать, не могу я слышать этого слова... когда ты себя дамой называешь.

УЛ. НИК. Да, что же такое за слово: дама? Что въ немъ... (*ищетъ слова*) постыднаго?

КАР. КАР. Да коли не люблю! Вотъ тебѣ и сказъ!

УЛ. НИК. Ну, а Серафимочка дама?

КАР. КАР. Извѣстно дама, та ученая, да за бариномъ была. А ты что? Все была баба, а какъ мужъ разбогатѣлъ, дама стала. А ты своимъ умомъ дойди.

УЛ. НИК. Да, нѣтъ! Все-таки... какже!

КАР. КАР. Сказано молчи, ну и баста! (*Молчаніе*).

УЛ. НИК. Когда было это сраженіе?

КАР. КАР. Какое сраженіе?

УЛ. НИК. Ну, вотъ недавно-то. Развѣ не помнишь, что ли?

КАР. КАР. Такъ что же?

УЛ. НИК. Такъ много изъ простаго званія въ офицеры произошли.

КАР. КАР. Вѣдь не бабы же. За свою службу каждый получаетъ, что соотвѣтственно.

УЛ. НИК. А какже вотъ, къ намъ мѣщанка ходитъ, такъ говорила, что когда племянникъ курсъ выдержитъ, такъ и она будетъ благородная.

КАР. КАР. Да, дожидайся.

УЛ. НИК. А говорятъ, въ какихъ то земляхъ изъ женщинъ полки есть.

КАР. КАР. (*смѣется*). Гвардія! (*Молчаніе*).

УЛ. НИК. Говорятъ, грѣшно чай пить.

КАР. КАР. Это еще отчего?

УЛ. НИК. Потому, изъ некрещеной земли идетъ.

КАР. КАР. Мало ли что изъ некрещеной земли идетъ.

УЛ. НИК. Вотъ тебѣ примѣръ: хлѣбъ изъ крещеной земли, мы его и ѣдимъ во время; а чай—когда пьемъ? Люди къ обѣднѣ, а мы за чай; вотъ теперь вечерни, а мы за чай. Вотъ и значить грѣхъ.

КАР. КАР. А ты пей во время.

УЛ. НИК. Нѣтъ, все таки...

КАР. КАР. Все таки молчи. Ума у тебя нѣтъ, а разговаривать любишь. Ну, и молчи! (*Молчаніе*).

УЛ. НИК. Какая Серафимочка у насъ счастливая! Была за бариномъ—барыня стала; и овдовѣла—все-таки барыня. А какъ теперь, если за князя выдетъ, такъ, пожалуй, княгиня будетъ.

КАР. КАР. Все-таки по мужѣ.

УЛ. НИК. Ну, а какъ за князя выдетъ, неужто я такъ-таки ничего? Вѣдь она мое рожденіе.

КАР. КАР. Съ тобой говорить, только мысли въ головѣ разбивать. Я, было, объ дѣлѣ задумалъ, а ты тутъ съ разговоромъ да съ глупостями. Вѣдь вашего бабьяго разговору всю жизнь не переслушаешь. А сказать тебѣ: молчи! такъ вотъ дѣло то короче будетъ. (*Задумывается*).

Островскій. (Не сошлись характерами, к. II, явл. 2).

МАТРЕНА (*идетъ съ двумя тарелками. Подходитъ къ двери стѣнника и толкаетъ ее ногой*). Эй вы, гужебды! (*Кучера выходятъ*). Подавай лошадей! Барыня ѣхать хотятъ.

2-й Кучеръ. Меня въ тѣ поры, за одну провинность, баринъ хотѣлъ въ солдаты отдать.

1-й Кучеръ. Ишь ты!

2-й Кучеръ. Такъ я въ тѣ поры, братецъ ты мой, все только объ войнѣ и думалъ, и со всякимъ, то есть, человѣкомъ все про войну разговаривалъ. Итакъ у меня раскипѣлось сердце, что хоть сейчасъ подъ черкеса.

1-й Кучеръ. У меня тутъ по сосѣдству одинъ денщикъ есть пріятель, они съ бариномъ въ венгерской канпаніи были, такъ онъ про австріака сказывалъ.

2-й Кучеръ. А что такое?

1-й Кучеръ. А вотъ что, другъ любезный, будто ему еще допрежь сказано, при французѣ, когда французъ былъ: что ты можешь мнѣ препятствовать? Хочешь, я тебя раззорю.

2-й Кучеръ. И раззорить!

1-й Кучеръ. Раззорить!

2-й Кучеръ. Потому, сила.

1-й Кучеръ. Ничего не подѣлаешь! Все равно, какъ миллюція была... одинацать вершковъ росту, пятнадцать пудовъ подымаешь. Прутъ себѣ! Тамъ ту-ту-ту-ту-ту-ту, значить, въ барабанъ отбой. А они говорятъ: ребята, впередъ! Измѣна! Ну и прутъ себѣ, что ты хочешь!

2-й Кучеръ. Извѣстно, ужъ тутъ кто кого.

1-й Кучеръ. Кто, значить, ужъ одолѣеть, чья сила возьметъ.

МАТРЕНА. Скучно слушать-то! Охъ, войны, сидя на печкѣ, воюете. Видно, не страшна война, только утиши Господи!

1-й Кучеръ (*скосивъ глаза въ сторону Матрены, съ совершеннымъ презрѣніемъ*) Сволочь!

МАТРЕНА. Говорятъ вамъ, барыня дожидается.

2-й Кучеръ (*надвывая на правую руку петлю кнута, лъвую подаетъ Иванычу*). Прощай!

1-й Кучеръ. Прощай, другъ любезный! (*Уходитъ*).

Островскій. (Не сошлись характерами, к. II, явл. 3).

(Серьезная дума).

Король (*одинъ*). Теперь дай человѣка мнѣ, Создатель!

Ты много далъ мнѣ—только человѣка

Ты дай теперь мнѣ! Ты, о, Ты единъ!

Ты сокровенное все видишь окомъ.

Молю тебя о другѣ: я не такъ,

Какъ Ты, всевѣдущъ. Слуги мнѣ тобой

Посланные, самъ вѣдаешь, какіе

Они мнѣ слуги. Изъ-за денегъ только

Они мнѣ служатъ. Жалкія ихъ страсти,

Уздой смиренныя моимъ полезны цѣлямъ,

Какъ міру грозы страшныя Твои.

Мнѣ правды надо: мирный токъ ея

Средь щегля заблужденій отрывать

Не намъ, царямъ, досталось. О пошли
Мнѣ мужа рѣдкаго съ открытымъ сердцемъ,
Съ прямымъ умомъ и неподкупнымъ глазомъ,
Чтобъ мнѣ помочь сыскать ее. Я жребьи
Мѣшаю всѣ: изъ многихъ, многихъ тысячь,
Что къ сферѣ солнечной престола жмутся,
Лишь одного найти мнѣ помоги!

(Отворяетъ шкатулку и беретъ изъ нея записную книжку. Поелъ
долгаго перелистыванія).

Имена,

Лишь имена стоятъ здѣсь; ни одной
Замѣтки о заслугахъ, по которымъ
Они сюда попали; а что такъ
Забывчиво, какъ благодарность? Тогда какъ
На оборотъ каждый изъ проступковъ
Отмѣчепъ акуратно. Это дурно.
Иль память мести въ помощи подобной
Нуждается? (*читаетъ дальше*).
Графъ Эгмонтъ? Онъ зачѣмъ
Сюда попалъ? Побѣда подъ Кентеномъ
Давно забыта. Въ мертвые его.

(Вычеркиваетъ имя и пишетъ на оборотѣ. Читаетъ про себя дальше).

Маркизъ де-Поза? Поза? Поза?

Едва могу о немъ я вспомнить. Поза?

И два раза подчеркнуть: стало быть

Его для высшихъ цѣлей прочилъ я.

Возможно ли? онъ отъ меня до сихъ поръ

Все уклонялся, взоромъ убѣгалъ

Отъ своего монарха—должника.

Ей Богу, въ цѣломъ кругѣ царствъ моихъ

Вотъ человѣкъ единственный, который

Не ищетъ милостей у трона. Еслибъ

Онъ одержимъ былъ жаднымъ честолюбьемъ,

То ужъ давно-бъ явился предо мною.

Не попытаться-ль съ этимъ чудакомъ?

Кто безъ меня умѣетъ обходиться,

Тотъ съ правдой на устахъ придетъ ко мнѣ. (*Уходитъ*).

Шиллеръ. (Донъ Карлосъ, д. III, явл. 5).

(Раздумье).

ЕЛЕНА. О, Боже, зачѣмъ смерть, зачѣмъ разлука, болѣзнь
и слезы? Зачѣмъ эта красота, это сладостное чувство надежды,

зачѣмъ успокоительное сознание прочнаго убѣжища, неизмѣнной защиты безсмертнаго покровительства? Что же значить это улыбающееся, благословляющее небо, эта счастливая, отдыхающая земля? Ужели это все только въ насъ, а внѣ насъ вѣчный холодъ и безмолвіе? Ужели мы одни... одни... а тамъ, повсюду, во всѣхъ этихъ не досягаемыхъ безднахъ и глубинахъ—все, все намъ чуждо? Къ чему же тогда эта жажда и радость молитвы? «Morir si giovane»... Неужели же нельзя умолить, отворотить, спасти... О Боже! неужели же нельзя вѣрить чуду? Довольно? Неужели уже довольно! Я была счастлива, не однѣ только минуты, не часы, не цѣлые дни—нѣтъ, цѣлыя недѣли сряду. А съ какого права? А если этого нельзя? Если это не дается даромъ? Вѣдь это было небо... а мы люди, бѣдные, грѣшные люди... «Morir si giovane»... О темный призракъ, удались! Не для меня одной нужна его жизнь... Но если это наказаніе, если мы должны теперь внести полную уплату за нашу вину? Моя совѣсть молчала, она теперь молчитъ, но развѣ это доказательство невинности? О Боже, неужели мы такъ преступны! Неужели Ты, создавшій эту ночь, это небо, захочешь наказать насъ за то, что мы любили? А если такъ; если онъ виноватъ, если я виновата, такъ дай ему, о Боже, дай намъ обоимъ умереть по крайней мѣрѣ честной, славной смертью—тамъ на родныхъ его поляхъ, а не здѣсь, не въ этой глухой комнатѣ...

Тургеневъ. (Наканунѣ, гл. 33).

Гамлетъ. Быть или не быть? Таковъ вопросъ; что лучше, что благороднѣй для души: сносить ли удары стрѣлъ враждующаго счастья, Или возстать противу сонма бѣдствій И тѣмъ ихъ кончить? Умереть—уснуть, И только сномъ всегдашнимъ прекратить Всѣ скорби, всѣ наслѣдственныя праху Невзгоды жизни;—кто конца такого Не пожелалъ бы! Умереть—уснуть! Уснуть, а, можетъ быть, и видѣть сны? Вотъ это и пугаетъ насъ! Не зная, Что намъ во снѣ посмертномъ можетъ сниться,

Мы размышляемъ, медлимъ. Вотъ причина, Что бѣдствія такъ долговѣчны. Кто бы Переносилъ здѣсь столько истязаній— Обиды гордыхъ, знатныхъ своевольство, Законовъ слабость, притѣсненія сильныхъ, Отринутой любви страданья, злое Презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ— Когда одинъ ударъ кинжала можетъ Насъ отъ всего избавить! Кто стоналъ бы Въ поту лица подъ жизненнымъ ярмомъ, Когда бы страхъ чего то послѣ смерти— Страны безвѣстной, изъ которой нѣтъ Сюда возврата—не безсилія воли, Не заставляя скорѣй сносить зло жизни, Чѣмъ золь искать невѣдомо какихъ! Такъ въ насъ разсудокъ поселяетъ робость, Такъ подъ его дыханіемъ холоднымъ Румяный блескъ рѣшимости тускнѣетъ, И замыслы отважныя, смиряясь Въ своихъ порывахъ, не дерзаютъ стать Изъ мыслей дѣломъ.

Шекспиръ. (Гамлетъ, д. III, сц. 1).

Макбетъ. Да, еслибъ все этимъ и кончилось, — что тогда долго думать; еслибъ убійство могло уловить всѣ послѣдствія и воспользоваться только удачей уничтоженія; еслибъ этотъ ударъ рѣшалъ и заключалъ все хоть только здѣсь, на этой школьной лавкѣ времени, мысль о будущей жизни не остановила бы. Но дѣламъ такого рода есть судъ еще и здѣсь; дай только кровавый урокъ, и онъ тотчасъ же обратится бѣдой на главу учителя; такъ къ нашимъ же уставамъ подносить безпристрастное правосудіе чашу, нами отравленную... Здѣсь онъ долженъ бы быть вдвойнѣ безопасенъ; во первыхъ я его родственникъ и подданный,—и то и другое должно остановить меня; потомъ, какъ хозяину, мнѣ слѣдуетъ замкнуть убійцамъ двери, а не идти самому съ ножомъ въ рукѣ. Къ тому жъ, онъ царствовалъ такъ кротко, исполнялъ свои великія обязанности такъ праведно, что его добродѣтели возопіютъ противъ этого дьявольскаго убійства, какъ ангелы, гласомъ трубнымъ и состраданіе, какъ нагое, новорожденное

дита, или, какъ херувимъ небесный, осѣдлаетъ незримыхъ коней воздуха, дунетъ страшнымъ этимъ дѣломъ въ глаза каждому и слезы залиють дуновение его. Мнѣ нечѣмъ прищипывать реберъ моего замысла, кромѣ честолюбія, которое, вскакивая на сѣдло, переваливается на другую сторону...

Шекспиръ. (Макбетъ, д. I, сц. 7).

МАКБЕТЪ. Кто тамъ?

СВѢТОНЪ. Королева скончалась.

МАКБЕТЪ. Какъ будто не могла она умереть немного по позже; было бы еще время и для этой вѣсти. — Завтра и завтра, и опять завтра тащится едва замѣтнымъ шагомъ ото дня ко дню до послѣдняго слога въ книгѣ судебъ и всѣ наши вчера освѣщали глушамъ дорогу къ пыльной смерти. Догорай же, догорай крошечный огарокъ! Жизнь—это тѣнь мимолетная, это жалкій комедіантъ, который пробѣснуется, провеличается свой часъ на помостѣ, и затѣмъ не слышенъ; это сказка рассказываемая глупцомъ, полная шума и неистовства, ничего не значущихъ...

Шекспиръ. (Макбетъ, д. V, сц. 6).

(Мечтательность).

— Ну, вотъ, всталъ бы утромъ: погода прекрасная, небо синее-пресинее, ни одного облачка, одна сторона дома, въ планѣ, обращена у меня балкономъ на востокъ, къ саду, къ полямъ, другая къ деревнѣ. Въ ожиданіи, пока проснется жена, я надѣлъ бы шлафрокъ и походилъ по саду подышать утренними испареніями; тамъ ужъ нашель бы я садовника; поливали бы вмѣстѣ цвѣты, подстригали кусты, деревья. Я составляю букетъ для жены. Потомъ иду въ ванну или въ рѣку купаться, возвращаюсь,—балконъ уже отворенъ; жена въ блузѣ, въ легкомъ чепчикѣ, который чуть-чуть держится, того-и-гляди, слетитъ съ головы... Она ждетъ меня. «Чай готовъ», говоритъ она. Какой поцалуй! какой чай! какое покойное кресло! Сажусь около стола; на немъ сухари, сливки, свѣжее масло... Потомъ? Потомъ, на-

дѣвъ просторный сюртукъ, или куртку какую-нибудь, обнявъ жену за талью, углубиться съ нею въ безконечную, темную аллею; идти тихо, задумчиво, молча, или думать вслухъ, мечтать, считать минуты счастья, какъ бѣненіе пульса; слушать, какъ сердце бьется и замираетъ; искать въ природѣ сочувствія... и незамѣтно выйдти къ рѣчкѣ, къ полю... Рѣка чуть плещетъ, колосья волнуются отъ вѣтерка, жара... сѣсть въ лодку, жена править, едва поднимая весла...

— Да ты поэтъ, Илья!

— Да, поэтъ въ жизни, потому-что жизнь есть поэзія. Вольно людямъ исказить ее! Потомъ можно зайти въ оранжерею,—посмотрѣть персики, виноградъ, сказать, что подать къ столу, потомъ воротиться, слегка позавтракать и ждать гостей... А тутъ, то записка къ женѣ отъ какой-нибудь Марьи Петровны, съ книгой, съ нотами, то прислали ананасъ въ подарокъ, или у самага въ парникѣ созрѣлъ чудный арбузъ—пошлешь къ доброму пріятелю, къ завтрашнему обѣду, и самъ туда отправишься... А на кухнѣ въ это время такъ и кипитъ; поваръ въ бѣломъ, какъ снѣгъ, фартукъ и колпакъ суетится; поставитъ одну кастрюлю, сниметъ другую, тамъ помѣшаешь, тутъ начнетъ валять тѣсто, тамъ выплеснетъ воду... ножи такъ и стучать... крошатъ зелень... тамъ вертятъ мороженое... До обѣда пріятно заглянуть въ кухню, открыть кастрюлю, понюхать, посмотреть, какъ свертываютъ пирожки, сбиваютъ сливки. Потомъ лечь на кушетку; жена вслухъ читаетъ что-нибудь новое, мы останавливаемся, споримъ... Но гости ѣдутъ, напимѣръ, ты съ женой.

— Ба, ты и меня женишь!

— Непремѣнно! еще два, три пріятеля, все одни и тѣ же лица. Начнемъ вчерашній, неоконченный разговоръ; пойдутъ шутки, или наступитъ краснорѣчивое молчаніе, задумчивость—не отъ потери мѣста, не отъ сенатскаго дѣла, а отъ полноты удовлетворенныхъ желаній, раздумье наслажденія... Не услышишь филиппики, съ пѣной на губахъ, отсутствующему, не подмѣтишь брошеннаго на тебя взгляда съ общаніемъ и тебѣ того же, чуть выйдешь за дверь. Кого не любишь, кто не хорошъ,

съ тѣмъ не обмакнешь хлѣба въ солонку. Въ глазахъ собесѣдниковъ увидишь симпатію, въ шуткѣ искренній, не злобный смѣхъ... Все по-душѣ! Что въ глазахъ, въ словахъ, то и на сердцѣ! Послѣ обѣда мокка, гаванна на террасѣ...

Гончаровъ. (Обломовъ, ч. II, гл. 4).

Альнаскаръ. И такъ все случай довершилъ;
Каковъ же я? пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!
Вотъ, господа, кружить какъ головы имъ должно.
Но этимъ вздоромъ мнѣ прельщаться невозможно:
Судя по всѣмъ вещамъ, я твердо убѣжденъ,
Что я къ чему нибудь чудесному рожденъ!
Не помню гдѣ... читалъ я анекдотъ прекрасный:
Что кто-то изъ морскихъ, въ часъ бури преужасной,
Присталъ къ землѣ, дошелъ незнаемый никѣмъ...
Онъ поселился тамъ—и кончилось тѣмъ,
Что вскорѣ жители рѣшили межъ собою
Республики своей избрать его главою.
(Викторъ входитъ и подслушиваетъ, Альнаскаръ продолжаетъ).
Онъ мудро управлялъ и, въ честь ему, потомъ
Народа общій гласъ избралъ его царемъ!
Что если-бъ?... почему-жъ! на счастье нѣтъ закона:
Да чѣмъ же, Боже мой, я хуже Робинзона?
И я могу открыть прелестный островокъ.
Тамъ, сдѣлавшись царемъ... построю городокъ,
Займусь проектами, народными дѣлами,
Устрою гавани, наполню ихъ судами—
И тутъ-то я до васъ, Алжирцы, доберусь!
Смиритесь!—не то... пойду, вооружусь—
И вы узнаете воителя десницу!
Рѣшивши бой, лечу съ трофеями въ столицу:
Я встрѣченъ въ гавани народною толпой,
Иду... прохода нѣтъ! все ницъ передо мной!
Какой восторгъ! вездѣ одни лишь слышны клики:
Да здравствуетъ нашъ царь! да здравствуетъ великій!..

Викторъ. *Монархъ!*

Альнаск. *(въ жару мечтаетъ).* Что хочешь ты!.. надѣйся и вѣщай!

Викторъ. Великій государь! васъ просить—кушать чай.

Альнаск. Ахъ, Викторъ, это ты! я въ прелестяхъ мечтанья
Блаженствовалъ! мои свершались желанья—
И ты, злодѣй, и ты всего меня лишилъ!

Викторъ. И царство и вашъ флотъ я на мель посадилъ.

Альнаск. Вѣдь надобно-жъ, когда мы якоръ лишь спускаемъ...

Викторъ. Мечтанія никакъ не напоятъ васъ чаемъ
И, право, лучше вамъ, чтобъ время не терять,
Пойти къ хозяйшкѣ, заняться, погулять
И, распростившись, пуститься въ путь счастливо.

Альнаск. Ты судишь иногда довольно справедливо.
Пойду. *(Уходитъ).*

Викторъ *(одинъ)*. Ну,—баринъ мой проказитъ не путемъ:
Онъ хочетъ сдѣлаться, бездѣлица—царемъ!
Вотъ мѣсто славное для мичмана въ отставкѣ!
Тогда-бъ не грѣхъ—царя просить мнѣ о прибавкѣ
Сотняги лишней въ годъ?—Но, что ни говори,
А вѣрно не прыгнешь изъ мичмановъ въ царя.
Какъ въ голову войдетъ дурачество такое?
Вотъ я такъ, напримѣръ, оно совсѣмъ другое:
Я лотерейный взялъ дорогою билетъ;
И какъ не взять, когда увидѣлъ изъ газетъ,
Что скоро разыграть хотятъ съ лихими
Курантами, ну такъ, что не разстался-бъ съ ними!
Риснулъ—и за билетъ внесъ кровныхъ пять рублей.
Въ сто тысячъ выигрышь! да кто-жъ себѣ злодѣй?
Сто тысячъ! Боже мой! въ Твоей все это воля!
Пусть баринъ мой себѣ храбрится на престолѣ,
Да сто-то тысячъ Ты пошли его слугѣ!
А подлинно-бъ, онъ пришлился мнѣ по рукъ.
Что если-бъ мнѣ... хоть часть досталася на долю...
Что сдѣлаю... тотчасъ я выкуплюсь на волю,
Тутъ въ службу, выслужусь, и черезъ годъ какъ разъ
Вдругъ Викторъ нашъ махнетъ въ четырнадцатый классъ!
О, честолюбие! оставь меня въ покоѣ.
Нѣтъ, Викторъ, нѣтъ, мой другъ, затѣялъ ты пустое:
Изъ службы не всегда вѣдь выйдешь съ барышомъ.
Такъ лучше... рѣшено: я дѣлаюсь купцомъ,
Хоть третьей гильдіи, чтобы по-меньше сумму
Съ имѣнія платить мнѣ въ городскую думу.
Тутъ я, благословясь, пушусь тотчасъ въ торги;
По лавочкамъ мои всѣ заплачу долги;
Потомъ куплю себѣ я домикъ презатѣйный
Сперва въ полку, а тамъ, пожалуй, на Литейной;
Обзаведусь и—самъ женюся наконецъ...
И Саша мнѣ жена! и Викторъ ужъ отецъ!
И вотъ, вокругъ меня цыпляточки, малютки,
Я стану говорить имъ сказки, прибаутки,
И въ счастіѣ проживу конечно до ста лѣтъ!..
Однако-жъ посмотрѣть, здоровъ ли мой билетъ?

(Шаритъ въ карманѣхъ).

Гдѣ-жъ онъ? кой чортъ! не то все въ руки попадаетъ!
Билетъ! билетъ!—меня по кожѣ подираетъ!
Ахъ, Боже мой!

Хмельничикъ. (Воздушные замки, явл. 9, 10).

(Воспоминаніе).

Князь. Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила,...
Знакомыя, печальныя мѣста!
Я узнаю окрестные предметы:
Вотъ мельница... Она ужъ развалилась:
Веселый шумъ ея колесъ умолкнулъ;
Сталь жорновъ: видно умеръ и старикъ!
Дочь бѣдную оплакивалъ онъ долго!
Тропинка тутъ вилась—она заглохла...
Давно, давно сюда никто не ходитъ.
Тутъ садикъ былъ съ заборомъ—неужели
Разросся онъ кудрявой этой рощей?
Ахъ, вотъ и дубъ завѣтный! Здѣсь она,
Обнявъ меня, поникла и умолкла...

Пушкинъ. (Русалка).

...Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо—
И кажется вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.

Вотъ смиренный домигъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моею.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ. Вотъ
И холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ, и глядѣлъ
На озеро, вспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны...
Межъ нивъ золотыхъ и пажитей зеленыхъ

Оно, синѣя, стелется широко:
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбагъ и тянетъ за собою
Убогій неводъ. По берегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ...

На границѣ

Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоять, одна по-одалъ, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣже,
Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась,
Зеленою семьей кусты тѣснятся
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вокругъ него
По прежнему все пусто.

Здравствуй племя

Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспоманетъ...

Пушкинъ. (Опять на родинѣ).

АФФЕКТЫ.

(Радость, всѣ виды).

Дѣйств. лица: Барвара Павловна, помѣщица 50-ти лѣтъ.
Лиза 22-хъ и Оля 17-ти лѣтъ—ея дочери.

Оля (одна, стоитъ у окна). Какой чудесный день сегодня. Солнце такъ ярко свѣтитъ, въ воздухѣ тепло. (Вдыхаетъ воздухъ). Запахъ какой!... И розы мои распустились... прелесть!... Однако жарко... сяду я у окна, здѣсь отлично... (Садится къ окну и глядитъ нѣкоторое время молча). Хорошо жить на свѣтѣ!... Когда я взгляну на нашъ садъ, въ которомъ такъ много цвѣтовъ, на эту смолистую сосновую рощу, на рѣчку, на небо, такое свѣтлое, глубокое, безъ облачка, — мнѣ становится такъ тепло, такъ хорошо, что я просто сказать не могу, что я чувствую... (Задумчиво, съ выраженіемъ). Да это правда, это счастье!... А наша липовая аллея, бесѣдка надъ обрывомъ, дерновая скамейка и подлѣ меня... Господи! какъ хорошо!... (Задумывается).

Лиза (входя). Что ты задумалась, Оля?

Оля (встрепенувшись). Такъ, ничего, я замечталась. Славный день сегодня.

Лиза. Да тепло... А знаешь, что я тебѣ скажу, хочешь?

Оля (живо). Скажи, скажи... хорошее что нибудь?...

Лиза (съ доброй улыбкой). А чтобы ты хотѣла?

Оля. Что?... Я не знаю... Ну, скажи, скажи скорѣе пожалуйста!

Лиза (вынимаетъ изъ кармана письмо и вертитъ предъ глазами Оли). Это что?...

Оля (вскакиваетъ). Ахъ, дай, Лиза, дай поскорѣе!...

Лиза (не даетъ письма и, держа его въ рукѣ, начинаетъ вальсировать передъ Олей, напѣвая веселый мотивъ).

Оля (ловитъ ее). Лиза, сестрица, душка, дай пожалуйста, милая, я прошу тебя.

Лиза. (останавливается и прячетъ письмо за спину). А что дашь?

Оля. А что ты хочешь? Ну я тебя поцѣлую, не мучь меня!— Вѣдь я знаю отъ кого письмо; я узнала по почерку...

Лиза. Знаешь?... Ну такъ и быть! Будь счастлива. (Подаетъ письмо).

(Оля схватываетъ письмо, цѣлуетъ Лизу и бѣжитъ къ окну, разрывая конвертъ. Лиза смотритъ на нее съ удовольствіемъ).

Оля (прочитавъ письмо). Онъ пріѣдетъ... скоро пріѣдетъ!.. Какъ я рада! Лиза, знаешь, что онъ пишетъ? Онъ пишетъ, что всѣ дѣла покончены; онъ сейчасъ выѣзжаетъ, не сегодня, такъ завтра здѣсь... И онъ все такой же милый; онъ пишетъ, что онъ привезетъ мнѣ что-то... Боже мой! Какъ весело, какъ хорошо! Лиза, Лизочка! Какая ты добрая! Хочешь я тебѣ дамъ прочитать письмо. (Цѣлуетъ ее). Ахъ, да, скажи, кто тебѣ далъ письмо?

Лиза. (ласково улыбаясь). Кто? Очень просто. Василий пріѣхалъ съ почты, я была на кухнѣ, онъ мнѣ и отдалъ.

Оля. А, отлично! Василья я люблю, онъ такой хорошій... Прекрасно!.. Прекрасно!.. (Прыгаетъ по комнатѣ, потомъ снова развертываетъ письмо и начинаетъ читать вполголоса). «Милая... дорогая Оля... я счастливъ... спѣшу... лошадей... навѣрно... Александръ... (Слышенъ звонокъ).

Лиза (идя къ двери). Это вѣрно мамаша.

Оля. (какъ бы не слыша, стоитъ, на лицѣ наслажденіе, шепчетъ). Александръ... какъ я люблю тебя. (Цѣлуетъ письмо). (Дверь отворяется, входитъ мать).

Лиза (снимая съ матери платокъ). Вы устали, маменька, жарко сегодня.

Барв. Павл. Ничего, Лиза, немножко, теперь отдохну. (Садится. Оля подбѣгаетъ къ ней и цѣлуетъ ее).

Оля. Мамап, памап, знаете ли... онъ пріѣдетъ, я письмо получила, можетъ быть даже сегодня пріѣдетъ.

Барв. Павл. Вотъ какъ! Ну, слава Богу. Очень рада и за

себя и за тебя, вертушка. Поди-ка сюда, что? рада, я думаю... что? дашь прочесть, что онъ тамъ пишетъ?...

Оля. Извольте, маман, только знаете, вы не все читайте... (Подавая письмо). Вотъ до сихъ поръ. Тамъ подъ конецъ... онъ пишетъ...

Варв. Павл. Что пишетъ? Что нельзя читать матери! Ахъ вы молодежь... Ну хорошо, не буду все читать. (Читаетъ)... Ну хорошо!... Завтра же отслужимъ молебень... А я другую радость скажу вамъ, дѣти. Сейчасъ я видѣла Петра Ивановича; онъ говоритъ, что наше дѣло выиграно. Судъ рѣшилъ въ нашу пользу...

Лиза. Ахъ, маменька, такъ Ѳедотино останется за нами... Вотъ радость-то! Какъ я люблю это имѣніе. Вѣдь я тамъ родилась... Жива ли моя старая няня? Маман, какъ рѣшится дѣло, поѣдемте туда...

Варв. Павл. Непремѣнно, Лиза, мнѣ самой хочется туда. Я хотѣла бы чтобъ и свадьба Олина была тамъ. Тамъ вѣдь и я вѣнчалась. (Задумывается). Да много лѣтъ прошло... Вотъ ужъ и она невѣста... Ахъ да, забыла... Оля, поди-ка примѣрь новое платье; оно готово, я думаю. Надѣнь, да приди сюда показать...

Оля. Въ самомъ дѣлѣ, сейчасъ, сейчасъ... (Взъ припрыжку убѣгаетъ).

С—ъ.

(Удовольствіе, веселость).

Софи (сидя). Какъ ты думаешь, есть ли въ свѣтѣ женщина счастливѣе меня?

Маріонъ. Не думаю, сударыня.

Софи. О, какъ хорошо, какъ чудесно быть артисткой, если есть умъ и красота, молодость и талантъ! Ты подумай только... Она наслаждается всѣми торжествами, всѣмъ упоеніемъ славы и успѣха; у ногъ ея герцоги и князья—все что есть знаменитаго и сильнаго во Франціи, и весь этотъ цвѣтъ высшаго общества она заставляетъ ждать себя въ своимъ прихожихъ, неуступающихъ

салонамъ ихъ дворцовъ. Одинъ взглядъ, одна моя улыбка приносятъ имъ радость и горе, мои остроты разносятся по всему свѣту... А когда надоѣстъ этотъ еиміамъ, всегда старый, часто лживый, и я захочу одобреній искреннихъ, одобреній, въ которыхъ нѣтъ лести (вставая съ мѣста), я бросаюсь на сцену, я остановлюсь лицомъ къ лицу съ публикой, которая заплатила при входѣ за право говорить мнѣ правду. Тогда сердце мое бьется сильно отъ страха и надежды потому что публика — это не придворные и, если она мнѣ аплодируетъ, если она меня хвалитъ... о какъ велика тогда эта побѣда! какъ велико тогда это торжество!... Это, значить, я увлекла ее, очаровала, это значить, я заставила ее смѣяться моимъ смѣхомъ, плакать моими слезами. А она мнѣ аплодируетъ часто.

Маріонъ. Она аплодируетъ вамъ всегда, сударыня.

Софи. И такъ, чего жъ мнѣ не достаетъ—не знаю!.. Я ищу, чего бы желать еще, но не могу найти. (Переходя на другую сторону). Брильянтовъ—у меня ихъ какъ у царицы, золота—я богата имъ, какъ фаворитка, въ салонахъ моихъ тѣсно отъ знати, въ конюшняхъ нѣтъ мѣста лошадямъ... Чѣмъ же богаче, чѣмъ счастливѣе меня всѣ эти знатныя дамы, которымъ, кромѣ того, не достаетъ моего таланта?

Маріонъ. Онѣ бываютъ во дворцѣ у короля?

Софи. Если бъ я захотѣла, король бы самъ былъ у меня... Да, Маріонъ, ты видишь, что нѣтъ въ мірѣ женщины счастливѣе Софи Арну... (Она идетъ къ окну). Какая славная погода!... холодно, сухо. Воздухъ такъ свѣжъ; въ немъ есть что-то живительное... И сколько идетъ по улицѣ народу!

Маріонъ (переходя на сторону Софи). Еще бы! вѣдь сегодня новый годъ...

Софи. Какая это славная выдумка — новый годъ! Весело право глядѣть на улицу!... Добрые буржуа спѣшать во всѣ стороны, толкаются, цѣлуются!... У нихъ такіе красные носы, что, смотря только, начинаешь зябнуть!... Вонъ тащатъ дѣтей, тѣ тащатъ своихъ куколъ, барабаны и трубы... Это цѣлая вакханалія съ трубами и барабанами, цѣлая оргія съ сахаромъ и пряни-

ками... Какой веселый день!... Марионъ, ты можешь сказать всѣмъ моимъ людямъ, что я удвоиваю имъ жалованье...

МАРИОНЪ. И мое тоже?

СОФИ. И твое, конечно.

МАРИОНЪ. Побѣгу скорѣе рассказать это въ кухню...

Декурселль и Тибу. (Я обѣдаю у маменьки, явл. 3).

(Веселость).

ЧИЧИКОВЪ. Изволили, ваше превосходительство, слышать когданибудь о томъ, что такое: «полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ».

БЕТРИЩЕВЪ. Нѣтъ, не слышалъ.

ЧИЧ. А это преказусный анекдотъ. Въ имѣніи, ваше превосходительство, у князя Гукзовскаго, котораго, безъ сомнѣнія, ваше превосходительство, изволите знать...

БЕТР. Не знаю.

ЧИЧ. Былъ управитель, ваше превосходительство, изъ нѣмецъ, молодой человекъ. По случаю поставки рекрутъ и прочаго имѣлъ онъ надобность пріѣзжать въ городъ и, разумѣется, подмазывать судейскихъ. Впрочемъ и они тоже полюбили, угощали его, такъ что одинъ разъ у нихъ на обѣдѣ говоритъ онъ: «Чтожь, господа? когданибудь и ко мнѣ, въ имѣніе къ князю». Говорятъ: «пріѣдемъ!» Скоро послѣ этого случилось выѣхать суду на слѣдствіе по дѣлу, случившемуся во владѣніяхъ графа Трехметьева, котораго, ваше превосходительство, безъ сомнѣнія тоже изволите знать.

БЕТР. Не знаю.

ЧИЧ. Самаго-то слѣдствія они не дѣлали, а всѣмъ судомъ заворотили на экономической дворъ, къ старому графскому эконому, да три дня и три ночи безъ просыпу въ карты. Самоваръ, пуншъ разумѣется, со стола не сходятъ. Старику-то они ужъ и надоѣли. Чтобъ какънибудь отъ нихъ отдѣлаться, онъ и говорить: «Вы бы, господа, заѣхали къ княжескому управителю, нѣмцу; онъ недалеко отсюда». — «А и въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, и

съ полушьяна, небритые и заспанные, какъ были, на тѣлеги да и къ нѣмцу... А нѣмецъ, ваше превосходительство, надобно знать, въ это время только что женился. Женился на институткѣ, молоденькой, сублильной. Сидятъ они за чаемъ, ни о чемъ не думая, вдругъ отворяются двери—и ввалилось сонмище.

БЕТР. (*смѣясь*). Воображаю—хороши.

ЧИЧ. Управитель такъ и оторопѣлъ. Не нашелся, потерялся и говоритъ: «Что угодно?» — «А!» говорятъ, «такъ вотъ какъ!» и вдругъ за этимъ словомъ переменяетъ лицъ и фizioномію... «за дѣломъ. Сколько вина выкуривается по имѣнію? Покажите книги!» Тотъ сюды-туды. «Эй, понятыхъ!» Взяли, связали, да въ городъ, да полтора года и просидѣлъ нѣмецъ въ тюрьмѣ.

БЕТР. Вотъ—на!

ЧИЧ. Жена хлопотать! Ну что можетъ какаянибудь неопытная молодая женщина? Спасибо, что случились добрые люди, которые посовѣтовали пойти на мировую. Отдѣлался онъ двумя тысячами, да угостительнымъ обѣдомъ. И на обѣдѣ, когда всѣ ужъ развеселились и онъ также, вотъ и говорятъ они ему: «Не стыдно ли тебѣ такъ поступать съ нами? ты все бы хотѣлъ насъ видѣть прибранными, да выбритыми, да во фракахъ. Нѣтъ, ты полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ».

БЕТР. Ха, ха, ха!

УЛИНЬКА. Я не понимаю, папа, какъ ты можешь смѣяться! Безчестнѣйшій поступокъ, за который, я не знаю, куда бы ихъ слѣдовало всѣхъ услать...

БЕТР. Другъ мой, я ихъ ничуть не оправдываю, но что же дѣлать, если смѣшно? Какъ бишь? Полюби насъ бѣленькими?...

ЧИЧ. Черненькими, ваше превосходительство.

БЕТР. «Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ». Ха, ха, ха!

ЧИЧ. Хе, хе, хе!

БЕТР. Воображаю—хорошъ былъ небритый судъ! ха, ха, ха!

ЧИЧ. Да, ваше превосходительство, какъ бы то ни было, трехдневное бдѣніе безъ просыпу, тотъ же постъ: поизнурились, поизнурились! Хе, хе, хе!

Улинька. Я не знаю, меня только досада беретъ.

БЕТР. Только, пожалуйста, не гнѣвайся на насъ. Мы тутъ ни въ чемъ не виноваты. Поцѣлуй меня и уходи къ себѣ, потому что я сейчасъ буду одѣваться къ обѣду. (*Улинька уходитъ*). Какъ бишь, полюби насъ бѣленькими?...

ЧИЧ. Черненькими, ваше превосходительство.

БЕТР. Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ. Очень, очень хорошо! Ха, ха, ха!

ЧИЧ. Хе, хе, хе!...

Гоголь. (Мертвыя души, ч. 2).

СОФЬЯ. ...Кого люблю я, не таковъ:
Молчаливъ за другихъ забыть себя готовъ.
Врагъ дерзости, всегда застѣнчиво, не смѣло...
Ночь цѣлую съ кѣмъ можно такъ провести?
Сидишь, а на дворѣ ужъ побѣлѣло.
Какъ думаешь, чѣмъ заняты?

ЛИЗА. Богъ вѣсть,
Сударыня, мое ли это дѣло?

СОФЬЯ. Возьметъ онъ руку, къ сердцу жметъ,
Изъ глубины души вздохнетъ,
Ни слова вольнаго, — и такъ вся ночь проходитъ, —
Рука съ рукой, и глазъ съ меня не сводитъ.
(*Лиза смѣется*).

Смѣешься? Можно ли? Чѣмъ поводъ подала
Тебѣ я къ хохоту такому?

ЛИЗА. Мнѣ-съ?.. Ваша тетушка теперь на умъ пришла,
Какъ молодой французъ сбѣжалъ у ней изъ дома;
Голубушка, хотѣла схоронить
Свою досаду — не сумѣла:
Забыла волосы чернить,
И черезъ три дня посѣдѣла. (*Продолжаетъ хохотать*).

СОФЬЯ (*огорченная*). Вотъ такъ же обо мнѣ потомъ заговорятъ!

ЛИЗА. Простите: право, какъ Богъ святъ,
Хотѣла я, чтобъ этотъ смѣхъ дурацкій
Васъ нѣсколько развеселить помогъ.

Грибоедовъ. (Горе отъ ума, д. I, явл. 5).

(Удовольствие, наслаждение).

Липочка (*сидитъ у окна съ книгой*). Какое пріятное занятіе эти танцы! Вѣдь ужъ какъ хорошо! Что можетъ быть восхитительнѣе? Приѣдешь въ собраніе, али къ кому на свадьбу, сидишь, натурально, вся въ цвѣтахъ, разодѣта какъ игрушка, али картинка журнальная; — вдругъ подлетаетъ кавалеръ: «удостоите счастья, сударыня!» Ну, видишь: если человекъ съ понятіемъ, али армейскій какой — возьмешь, да и прицуришься, отвѣчаешь: «извольте, съ удовольствіемъ!» Ахъ! (*съ жаромъ*) оча-ро-ва-тельно! это просто, уму непостижимо! (*Вздыхаетъ*). Больше всего я не люблю танцовать со студентами, да съ приказными. То ли дѣло отличатся съ военными! Ахъ, прелесть, восхищеніе! И усы, и эполеты, и мундиръ, а у иныхъ даже шпоры съ колокольчиками. Одно убійственно, что сабли нѣтъ! И для чего они ее отвязываютъ? Странно, ей Богу! Сами не понимаютъ, какъ блеснуть очаровательнѣе! Вѣдь посмотрѣли бы на шпоры, какъ онѣ звенятъ, особливо, если уланы али полковникъ какой разрисовываетъ — чудо! Любоваться мило-дорого! Ну, а прицѣпи-ко онѣ еще саблю; просто ничего не увидишь любопытнѣе; одного грома лучше музыки слушаешься. Ужъ какое же есть сравненіе, военный или штатскій? Военный — ужъ это сейчасъ видно: и ловкость и все, а штатскій что? Такъ, какой то недушевленный! (*Молчаніе*). Удивляюсь, отчего это многія дамы, поджавши ножки, сидятъ? Формально нѣтъ никакой трудности выучиться! Вотъ, ужъ я на что совѣстилась учителя, а въ двадцать уроковъ все рѣшительно поняла. Отчего это не учиться танцовать! Это одно только суевѣріе! Вотъ, маменька, бывало, сердится, что учитель все за колѣнки хватаетъ. Все это отъ необразованія. Что за важность! Онъ танцмейстеръ, а не ктонибудь другой. (*Задумывается*). Воображаю я себѣ, вдругъ за меня посватается военный, вдругъ у насъ парадный сговоръ: горятъ вездѣ свѣчки, ходятъ официанты въ бѣлыхъ перчаткахъ; я, натурально, въ тюлевомъ, либо въ газовомъ платьѣ, тутъ вдругъ заиграютъ вальсъ.

А ну какъ я передъ нимъ сконфужусь! Ахъ страмъ какой! Куда тогда дѣваться-то? Что онъ подумаетъ? Вотъ, скажетъ, дура не-образованная! Да нѣтъ, какъ это можно! Однако, я вотъ пол-тора года не танцевала! Попробую-ко теперь на досугѣ. (*Дурно вальсируя*). Разъ... два... три... разъ... два... три... (*Аграфена Кондратьевна входитъ*).

Островскій. (Свои люди—сочтемся, д. I, явл. 1).

(Увлеченіе, воодушевленіе).

Дорси (*читаетъ газету*). «Франція должна дать движеніе дѣлу Европы». C'est ça! La France absolument!

Перепетуя Егоровна (*раскладывая карты*). Да ты не кричи, — мѣшаешь.

Дор. Madame.

Переп. Ег. Дѣвица.

Дор. C'est possible.

Переп. Е. Да ты у меня по французскому то не очень разговаривай, — пожалуй обругаешь.

Дор. Laissez moi tranquille! (*Читаетъ*). «Франція никогда не отступала»...

Переп. Ег. Вотъ и врешь! А изъ Москвы то какъ улепетывали? Видѣла я картинку: кто безъ сапогъ, кто въ салоу, кто въ женской юбкѣ!

Дор. Jamais! jamais! Неправда! Это les Russes на картинка такъ рисуетъ. La grande armée пошелъ домой avec музыкъ и барамбанъ!

Переп. Ег. Русскія бабы кочергами, да метлами прогнали.

Дор. Jamais! Jamais! avec музыкъ и барамбанъ! Французъ билъ...

Переп. Ег. Своими боками?

Дор. Зашѣмъ боками? У насъ билъ лошадь... у! какой лошадь!.. я тогда еще не родилъ... mais мой напенька самъ билъ на Смоленски, на Красни...

Переп. Ег. А въ Москвѣ былъ?

Дор. Я знай, какъ сражаить французи, madame?

Переп. Ег. Дѣвица, тебѣ говорятъ.

Дор. Cela m'est égal; ты Перепетуя Егоръ, баба, не понимай баталь; mais мой билъ на Крымъ и самъ сражалъ въ большой баталь... c'était un beau jour!—Nous arrivons... je vous montrai ceci... (*съ жестами*), a droite, направо море, a gauche, налѣво лѣсъ, la forêt, прямо, les ennemis, неприятель... (*Показывая на Перепетую Егоровну*). Это батарей!

Переп. Ег. Чего пальцемъ въ живаго человекъ тычешь?

Дор. Les ennemis сто тысячи et триста canons, notre кавалери немного, pas beaucoup, notre infanterie семь тысячи—mais quelle infanterie!

Переп. Е. (*сидясь на другой стулѣ*). Врешь, мусье! все врешь!

Дор. Утро рано солнце взошелъ et tout-à-coup труби les fanfares те-те! те-те! те-те! (*Трубитъ ртомъ*). Les canons пушка начиналъ: бау! бау! бау! бау! (*Представляетъ пушечные выстрѣлы*) et les Français: па, па, па! па, па, па!.. (*Представляетъ бѣлый ружейный огонь*). C'est la fusillade! перестрѣлка, штуцеръ... les français танцовалъ... сюда... туда... en haut... en bas... направо... налѣво... et les ядра мимо, мимо! (*Дѣлаетъ движенія, сообразно словамъ, какъ бы увертываясь отъ ядра*). Oh! Que c'était un beau jour! Барамбанъ тр... тр... тр... трахъ, трахъ, трахъ! les fanfares те-те! те-те! те-те! les canons пушка бау, бау, бау, бау! les fusils па, па, па, па! лошадь скачить, сабля стучить, les généraux кричить, ранени плачить... барамбанъ билъ, кровь лилъ, дымъ дымилъ et tout-à-coup les Français на батарей атакъ. (*Хватаетъ стулъ въ видѣ ружейнаго приѣма на итьки и наступаетъ на Перепетую Егоровну*). Mourons pour la patrie! Vive l'empereur!

Переп. Ег. (*отступая*). Ну тебя въ болото! отвяжись ока-анный!

Дор. (*наступая*) En avant! Tutto per l'amore!

Переп. Ег. Карауль! Карауль!

Дьяченко. (Гувернеръ, д. III, явл. 7).

(Ироническій смѣхъ).

Юсовъ (смотря Жадову въ глаза). Ха, ха, ха, ха...

Жадовъ. Чему вы смѣетесь?

Юс. Ха, ха, ха... Да какъ же не смѣяться-то? Съ кѣмъ вы спорите? Ха, ха, ха! Да на что же это похоже?

Жад. Что же тутъ смѣшнаго?

Юс. Чтожъ, дядушка-то глупѣе васъ? А, глупѣе? Меньше васъ понимаетъ въ жизни? Да вѣдь это курамъ на смѣхъ. Вѣдь этакъ вы когданибудь уморите со смѣху. Помилуйте, пощадите, у меня семейство.

Жад. Вы этого, Акимъ Акимычъ, не понимаете.

Юс. Понимать-то тутъ нечего. Хотя тысячу человѣкъ приведите, всѣ бы померли со смѣху, глядя на васъ. Этого человѣка вамъ бы слушать надобно было разиня ротъ, чтобы словечка не проронить, да слова-то его на носу зарубить, а вы спорите! Вѣдь это комедія, ей Богу, комедія, ха, ха, ха... Вотъ васъ дядушка-то и отдѣлали, хе, хе, хе, да еще мало. То ли-бы слѣдовало. Будь я на его мѣстѣ... (Дѣлаетъ строгую гримасу и уходитъ).

Островскій. (Доходное мѣсто, д. I, явл. 10).

(Восторгъ).

Коринкинъ (вбѣгаетъ, запыхавшись, съ сіяющимъ лицомъ). Ухъ, стулъ! скорѣе стулъ! я упаду! (Садится на стулъ).

Олинька. Боже мой! Ваничка! что съ вами?

Кор. Олинька, скорѣе, ради Бога, ущипните меня за носъ... вырвите мнѣ клочекъ волосъ... ударьте меня сильнѣе въ шею!.. удостовѣрьте меня, что я не сплю!..

Ол. Боже мой! онъ съума сошелъ.

Кор. Дѣйствительно, можно помѣшаться!.. Уфъ!

Ол. Господи! какое еще новое несчастье?

Кор. Кто вамъ говоритъ о несчастіи? Я счастливъ, такъ счастливъ, какъ никогда не бывалъ... Я богачъ!.. я дантистъ!.. я

живу на Невскомъ!.. Я миллионеръ!.. Я Ротшильдъ!.. Тра, ла, ла, ла!.. (Всклывается со стула и начинаетъ кружиться).

Ол. Вы выиграли?

Кор. Ура! да здравствуетъ № 470!.. У меня теперь есть домъ! у меня три тысячи серебромъ! о счастье! о восторгъ!.. о наслажденіе!.. Тра, ла, ла, ла! (Схватываетъ Олиньку и кружится съ ней).

Ол. (кружась). Домъ!.. домъ.. неужели домъ? Ахъ, наше счастье!.. домъ!.. три тысячи!.. да перестаньте, Ваничка!.. вы меня замучите!..

Кор. (кружась). Не перестану! хочу радоваться! уфъ! уфъ! (Падаетъ на стулъ).

Ол. (также падая на стулъ). Уфъ!.. но какъ же это случилось?.. Ахъ... расскажите... расскажите!..

Кор. Постойте... все скажу по порядку... Только что я вышелъ изъ дома и хотѣлъ идти въ погребъ, вдругъ мимо меня летитъ Лучкинъ... Стой, закричалъ я, что таблица?.. Вотъ она! Дай же посмотрѣть! — Некогда, бѣгу, къ женѣ провѣрить свои нумера. — Постой!.. да скажи, по крайней мѣрѣ, кто выигралъ домъ?—№ 470! — Какъ онъ сказалъ, меня просто обдало кипяткомъ!.. Покажи... закричалъ я, ради Бога, покажи!.. Онъ развернулъ таблицу... указалъ мнѣ № 470... я взглянулъ... точно, выигрышъ № 1!.. Тутъ ужъ я не помню, что со мной сдѣлалось! едва удержался на ногахъ... точно, какъ будто кто нибудь меня обухомъ по головѣ!.. да не то что больно... а пріятно, очень пріятно!..

Ол. Я воображаю...

Кор. Ну можете представить... не было, какъ говорится, алтына... и вдругъ... я владѣлецъ дома!.. у меня три тысячи капитала.

Ол. Ваничка... послушайте, не обманулись ли вы?

Кор. Какъ же обмануться, когда я видѣлъ своими глазами!..

Ол. Ахъ Ваничка, ахъ какое счастье!.. видите, какъ я вамъ напророчила!

Кор. Странная, право, чувства рождаетъ это счастье! По-

вѣрите ли, Олинька, я стала совершенно другой; я ужъ не тотъ вашъ Коринкинъ, подлекаръ, какимъ былъ четверть часа назадъ...

Ол. Немудрено... я сама точно отуманена вашимъ выигрышемъ!

Кор. Нѣтъ! что у меня въ головѣ, такъ я не могу и объяснить.. просто ходуномъ ходить!.. Ералашъ, совершенный ералашъ!

Ол. Это оттого, я думаю, что вы голодны! Сядьте за столъ, да покушайте... подкрѣпите себя... выпейте вина. Гдѣ жъ ветчина и вино? развѣ вы не купили?

Кор. Стану я ѣсть теперь какую нибудь ветчину или пить пятидесятикопѣечную мадеру! Я хочу устриц!.. шампанскаго!.. Олинька, дайте мнѣ въ займы десять цѣлковыхъ, я сейчасъ поѣду къ Елисеѣву или Смурову!

Ол. (*смѣясь*). Полноте, что за роскошь такая!.. три тысячи вѣдь не миллионъ!

Кор. Для меня миллионъ, потому, что я ихъ въ годъ удесятерю!.. Олинька, дайте мнѣ въ займы десять цѣлковыхъ, да пошлите дворника взять коляску.

Ол. У меня нѣтъ столько... (*вынимаетъ изъ кармана два полтинника*) вотъ мои всѣ деньги... возьмите если хотите...

Кор. Этого мало! Но я вамъ не вѣрю... Не вы ли сами мнѣ говорили, что у васъ накоплено двѣсти рублей серебромъ?

Ол. Да это правда... у меня есть двѣсти рублей серебромъ, оставленные моимъ крестнымъ отцомъ... но они въ ломбардѣ... я берегла ихъ на приданое...

Кор. На приданое!.. очень нужно!..

Ол. Да какъ же не нужно? надо будетъ сдѣлать платье, салошъ, шляпку?.. А по моему, знаете ли что... не лучше ли бы намъ отобѣдать вмѣстѣ дома?.. Я сбѣгаю, куплю винца, кандитерскихъ пирожковъ...

П. Федоровъ. (Вод. № 470, явл. 6).

(Храбрость).

Кальфурнія. Ты, кажется, куда то собираешься, Цезарь? Нынче ты не выйдешь изъ дому.

Цезарь. Выйду. Опасности, грозящія мнѣ, видѣли только тыль мой; увидятъ лицо Цезаря—исчезнутъ.

Кальф. Цезарь, я никогда не обращала большого вниманія на чудеса, но теперь они ужасаютъ меня. Кромѣ того, что мы сами видѣли и слышали, сейчасъ рассказывали мнѣ о явленіяхъ еще ужаснѣйшихъ, видѣнныхъ стражами. Львица окотилась на улицѣ; могилы разверзались и выпускали мертвыхъ своихъ; огненные воины, построясь въ ряды и легіоны по правиламъ военного искусства, яростно сшибались въ облакахъ, и кровь ихъ дождила на Капитолій; шумъ битвы гремѣлъ въ воздухѣ, кони ржали, умирающіе стонали; съ крикомъ и воемъ сновали по улицамъ привидѣнія. Все это рѣшительно не слыхано, и я не могу не страшиться.

Цез. Предопредѣленнаго всемогущими богами не избѣгнешь. Цезарь пойдетъ, потому что всѣ эти предзнаменованія грозятъ и всему міру столько же, сколько и Цезарю.

Кальф. Но, когда умираютъ нищіе, не бываетъ даже и кометъ; само пламенѣющее небо возвѣщаетъ смерть государей.

Цез. Трусые умираютъ много разъ и до смерти; мужественный извѣдываетъ смерть только разъ. Изъ всѣхъ доселѣ слышанныхъ чудесъ самое странное, по моему мнѣнію, то, что люди могутъ бояться смерти, зная, что неизбѣжный конецъ этотъ всегда придетъ, когда придти долженъ. (*Входитъ служитель*). Что говорятъ авгуры?

Служитель. Что нынче ты не долженъ выходить изъ дому. Вынувъ внутренности изъ жертвы, они не нашли сердца.

Цез. Боги хотятъ пристыдить этимъ трусовъ, и Цезарь былъ бы именно животнымъ безъ сердца, еслибъ, изъ боязни, остался сегодня дома. Нѣтъ, Цезарь не останется; опасность знаетъ очень хорошо, что Цезарь опаснѣе ея самой. Мы два льва, рожденные

въ одинъ день: я старшій и страшнѣйшій. Цезарь выйдетъ изъ дому.

Шекспиръ. (Юлій Цезарь, д. II, сц. 2).

(Смѣлость).

Михайло Иванычъ. Ты, что жъ это, бунтовать крестьянъ что ли прѣхаль?

Николай (*спокойно*). Изъ за чего вы горячитесь, батюшка?

Мих. Ив. Я тебя спрашиваю: ты возмущать крестьянъ моихъ что ли прѣхаль ко мнѣ?.. Я тебя не звалъ сюда, кажется...

Ник. Во первыхъ, батюшка, эти крестьяне уже не наши и ничьи; во вторыхъ, я прѣхаль не къ вамъ, если вамъ этого угодно, а къ матушкѣ и сестрѣ...

Каролина Ивановна. О mein Gott...

Мих. Ив. Я тебя велю выгнать, лакеямъ велю тебя вытолкать!..

Ник. Не забудьте, что теперь уже не прежнее время и ни одинъ изъ вашихъ слугъ не осмѣлится, или не захочетъ исполнить вашего приказанія... Но, батюшка, успокойтесь, если можете; я хотѣлъ бы говорить съ вами спокойно...

Мих. Ив. Какъ ты смѣешь со мной такъ говорить!.. Ты забываешь, что я твой отецъ!.. Я требую, чтобы ты говорилъ со мной почтительно... я приказываю тебѣ!..

Кар. Ив. О, да... сынъ—и такъ—отцу... Это ужасно... Это не можно... Фу!

Ник. А вотъ этой госпожѣ позволяется вмѣшиваться въ нашъ разговоръ, въ разговоръ отца съ сыномъ?..

Мих. Ив. Этой госпожѣ? Эту госпожу я люблю и уважаю, и требую, чтобы и другіе ее также уважали... Слышишь ты это?..

Ник. Ну, требовать этого отъ другихъ довольно мудро... А по моему мнѣнію, было бы гораздо справедливѣе, если бы вы ее, а не сына выгнали изъ дому...

Мих. Ив. (*дрожа отъ гнѣва*). Николай...

Кар. Ив. Охъ, онъ меня хочетъ гонить... это я знаю, это Марья Васильевна, это онъ противъ меня...

Ник. (*вспыхнувъ*). Не смѣйте при мнѣ произносить этого имени, а то я не ручаюсь за себя!..

Кар. Ив. Охъ, охъ, онъ меня хочетъ убивать... Охъ, охъ. (*Истерически рыдаетъ*).

Мих. Ив. (*бросается на сына со сжатыми кулаками*). Николай, чего ты ждешь отъ меня?.. Чего ты хочешь?..

Ник. Успокойтесь, батюшка... Поймите: я не ребенокъ... Вы старикъ, вамъ стыдно; подумайте, кому на жертву отдали вы страдалицу, вашу жену... Выгоните эту тварь...

Кар. Ив. (*истерически вскрикиваетъ*).

Мих. Ив. (*въ бѣшенствѣ кидаясь на кресло*). Никогда, ни за что... На зло тебѣ!.. Я не позволю себя учить... мальчишкѣ, щенку...

А. Потъхинъ. (Отрѣзанный ломоть, д. III, явл. 3).

(Придирчивость).

(*Гордый Карпычъ входитъ; Митя, Размоляевъ, Гуслинъ встаютъ и перестаютъ пѣть*).

Гордѣй Карпычъ. Что распѣлись! Горланять, точно мужичьё! (*Митя*). И ты туда жъ! Кажется, не въ такомъ домѣ живешь, не у мужиковъ. Что за полпивная. Чтѣ бъ у меня этого не было впередъ. (*Подходитъ къ столу и разсматриваетъ бумаги*). Что бумаги-то разбросалъ!..

Митя. Это я счета провѣрялъ-съ.

Гор. Кар. (*беретъ книгу Кольцова и тетрадь со стихами*). А это еще что за глупости?

Митя. Это я отъ скуки, по праздникамъ-съ, стихотворенія господина Кольцова переписываю.

Гор. Кар. Какія нѣжности при нашей бѣдности.

Митя. Собственно для образованія своего занимаюсь, чтобъ имѣть понятіе.

ГОР. КАР. Образованіе! Знаешь ли ты, что такое образованіе!.. А еще туда же разговариваетъ! Ты бы вотъ сертучишко новенькій спилъ! Вѣдь къ намъ на верхъ ходишь, гости бывають... срамъ!.. Куда деньги то дѣваешь?

МИТЯ. Маменькѣ посылаю, потому она въ старости, ей негдѣ взять.

ГОР. КАР. Матери посылаешь! Ты себя-то бы образилъ прежде; матери-то не Богъ знаетъ что нужно, не въ роскоши воспитана, чай сама хлѣвы затворяла.

МИТЯ. Ужъ пушай же лучше я буду терпѣть, да маменька по крайности ни въ чемъ не нуждается.

ГОР. КАР. Да вѣдь безобразно! Ужъ коли не умѣешь надъ собою приличія наблюдать, такъ и сиди въ своей конурѣ; коли голъ кругомъ, такъ нечего о себѣ мечтать! Стихи писать, образованіе себя хочеть, а самъ, какъ фабричный, ходитъ! Развѣ въ этомъ образованіе-то состоитъ, что дурацкія пѣсни пѣть. То-то глупо-то! (*Сквозь зубы и косясь на Митю*). Дуракъ! (*Помолчавъ*). Ты и не смѣй показываться въ этомъ сертучишкѣ на верхъ. Слышишь, я тебѣ говорю. (*Къ Разлюляеву*). А ты тоже! Отець-то чай деньги лопатой загребаеть, а тебя въ этакомъ зипунишкѣ водить.

РАЗЛЮЛЯЕВЪ. Что же такое! онъ новый... сукно-то французское, изъ Москвы выписывали по знакомству... двадцать рублей аршинъ. Что жъ, нешто мнѣ этакую штуку надѣть, какъ у Франца Федорыча, у аптекаря... кургузую; такъ его вонъ и дразнить всѣ: срамъ пальто. Такъ что жъ хорошаго людей смѣшить!

ГОР. КАР. Много ты знаешь! Да что, съ тебя взискать-то нечего! Самъ то ты глушь, да и отецъ-то твой не больно умень. Цѣлый вѣкъ съ засаленнымъ брюхомъ ходитъ, дураками непросвѣщенными живете, дураками и умрете.

РАЗГ. Ужъ ладно.

ГОР. КАР. (*строго*). Что?

РАЗГ. Ладно, молъ.

ГОР. КАР. Неучъ, и сказать-то путно не умѣешь. Говорить-

то съ вами—только слова тратить; все равно, что стѣнѣ горохъ, такъ и вамъ дуракамъ. (*Уходитъ*).

Островскій. (Бѣдность не порокъ, д. I, явл. 7).

КУКУШКИНА (*входитъ*). Какъ себя не похвалить? У меня порядокъ, у меня все въ струнѣ! (*Садится*). А это что? (*Указываетъ горничной на диванъ*).

СТЕША. Да помилуйте, силъ моихъ не хватаетъ, всю поясницу разломил.

КУКУШ. Какъ ты смѣешь, мерзкая, такъ разговаривать! Ты за то жалованье получаешь. У меня чистота, у меня порядокъ, у меня по ниточкѣ ходи. (*Горничная подметаетъ и уходитъ*). Юлинька! (*Юлинька встаетъ*). Я съ вами хочу говорить.

ЮЛИНЬКА. Что вамъ угодно, маменька?

КУКУШ. Вы знаете, что у меня ни за мной, ни передъ мной ничего нѣтъ.

ЮЛИН. Знаю, маменька.

КУКУШ. Пора знать, сударыня! доходовъ у меня нѣтъ ни откуда, одна пенсія. Своди концы съ концами, какъ знаешь. Я себѣ во всемъ отказываю. Поворачиваюсь, какъ воръ на ярмаркѣ, а я еще не старая женщина, могу партію найти. Понимаете вы это?

ЮЛИН. Понимаю-съ.

КУКУШ. Я вамъ дѣлаю модныя платья и разныя бездѣлушки, а для себя перекрашиваю, да перекраиваю изъ стараго. Не думаете ли вы, что я наряжаю васъ для вашего удовольствія, для франтовства? Такъ ошибаетесь. Все это дѣлается для того, чтобы выдать васъ замужъ, съ рукъ сбыть. По моему состоянію я васъ могла бы только въ ситцевыхъ да затрапезныхъ платьяхъ водить. Если не хотите, или не умѣете себѣ найти жениха, такъ и будетъ. Я для васъ обрывать, да обрѣзывать себя понапрасну не намѣрена.

ПОЛИНА. Мы, маменька, давно это слышали. Вы скажите, въ чемъ дѣло?

КУКУШ. Ты молчи! не съ тобой говорить. Тебѣ за глупость Богъ счастье далъ, такъ ты и молчи. Какъ бы не дуракъ этотъ

Жадовъ, такъ бы тебѣ вѣкъ горе мыкать, въ дѣвкахъ сидѣть за твое легкомысліе. Кто изъ умныхъ-то тебя возьметъ? Кому надо? Хвастаться тебѣ нечѣмъ, тутъ твоего ума ни на волосъ не было: ужъ нельзя сказать, что ты его приворожила, — самъ набѣжалъ; самъ въ петлю лѣзетъ, никто его не тянулъ. А Юлинька дѣвушка умная, должна своимъ умомъ себѣ счастье составить. Позвольте узнать, будетъ отъ вашего Бѣлогубаго толкъ или нѣтъ?

Юлин. Я, маменька, не знаю.

Кукуш. Кто же знаетъ? Вамъ извѣстно, сударыня, что я постороннихъ молодыхъ людей въ домъ не принимаю. Я принимаю только жениховъ или тѣхъ, которые могутъ быть женихами. У меня, коли мало-мальски похожъ на жениха, милости просимъ, домъ открыть, а какъ завилалъ хвостомъ, такъ и поворотъ отъ воротъ. Намъ такихъ не надобно. Я свою репутацію берегу, да и вашу также.

Юлин. Что же, маменька, мнѣ дѣлать?

Кукуш. Дѣлать то, что приказано. Вы помните одно, что вамъ въ дѣвкахъ оставаться нельзя. Вы должны будете въ кухнѣ жить.

Юлин. Я, маменька, дѣлала все, что вы приказали.

Кукуш. Что же вы дѣлали? Извольте говорить, я буду слушать васъ.

Полин. Когда онъ пришелъ къ намъ во второй разъ, помните, еще вы его насильно привели, я ему сдѣлала глазки.

Кукуш. Ну, а онъ что?

Юлин. А онъ какъ-то странно сжималъ губы, облизывался. Мнѣ кажется, онъ такъ глупъ, что ничего не понималъ. Нынче всякій гимназистъ ловчѣе его.

Кукуш. Ужъ я тамъ вашихъ наукъ не знаю, а вижу, что онъ почтителенъ, и есть въ немъ какое-то пріятное искательство къ начальству. Значитъ, онъ пойдетъ далеко. Я это съ разу поняла.

Юлин. Когда онъ былъ у насъ въ третій разъ, помните, въ пятницу, я ему стихи читала любовные; онъ тоже, кажется, ничего не понималъ. А ужъ въ четвертый разъ я ему записку написала.

Кукуш. Что же онъ?

Юлин. Онъ пришелъ и говорить: «мое сердце никогда отъ васъ не отвращалось, а всегда было, есть и будетъ». (*Полина хохочетъ*).

Кукуш. (*указывая ей пальцемъ*). Что же дальше?

Юлин. Говорить: «какъ только получу мѣсто столначальника, такъ буду у вашей маменьки слезно просить руки вашей».

Кукуш. А скоро онъ получитъ?

Юлин. Говорить, что скоро.

Кукуш. Поди, Юлинька, поцѣлуй меня. (*Целуетъ ее*). Выйти замужъ, мой другъ, для дѣвушки великое дѣло. Вы это послѣ поймете. Я вѣдь мать, и мать строгая; съ женихомъ, что хочешь дѣлай, я сквозь пальцы буду смотрѣть, я молчу, мой другъ, молчу; а ужъ съ постороннимъ, нѣтъ, шалишь, не позволю. Поди, Юлинька, сядь на свое мѣсто. (*Юлинька садится*). А выдете, дѣти, замужъ, вотъ вамъ мой совѣтъ: мужьямъ потачки не давайте, такъ ихъ поминутно и точите, чтобы деньги добывали, а то облѣнятся, потомъ сами плакать будете. Много бы надо было наставленій сдѣлать, но вамъ теперь, дѣвушкамъ, еще всего сказать нельзя; коли случится что, пріѣзжайте прямо ко мнѣ, у меня всегда для васъ пріемъ, никогда запрету нѣтъ. Всѣ средства я знаю и всякій совѣтъ могу дать, даже и по докторской части.

Полин. Маменька, кто-то пріѣхалъ.

Юлин. (*взглянувъ въ окно*). Бѣлогубовъ съ какимъ то старикомъ.

Кукуш. Садитесь по мѣстамъ. Юлинька, спусти немного мантилью съ праваго плеча.

Островскій. (Доходное мѣсто, д. II, явл. 2).

(Наглость, нахальство).

Ноздревъ (*Чичикову, на балу у губернатора*). — А, херсонскій помѣщикъ, херсонскій помѣщикъ! Что? много наторговалъ мертвыхъ! Вѣдь вы не знаете, ваше превосходительство, онъ торгуетъ мертвыми душами! Ей Богу! Послушай, Чичиковъ! Вѣдь

ты, я тебѣ говорю по дружбѣ, вотъ мы всѣ здѣсь твои друзья, вотъ и его превосходительство здѣсь, — я бы тебя повѣсилъ, ей Богу, повѣсилъ! Повѣрите ли, ваше превосходительство, какъ сказалъ онъ мнѣ: «продай мертвыхъ душъ», я такъ и лопнулъ со смѣха. Приѣзжаю сюда, мнѣ говорятъ, что онъ накупилъ на три милліона крестьянъ на выводъ! Да онъ торговалъ у меня мертвыхъ. Послушай, Чичиковъ: да ты скотина, ей Богу, скотина! вотъ и его превосходительство здѣсь... не правда ли прокуроръ?.. Ужъ ты, братъ, ты, ты... я не отойду отъ тебя, пока не узнаю, зачѣмъ ты покупалъ мертвыя души. Послушай, Чичиковъ, вѣдь тебѣ, право, стыдно; у тебя, ты знаешь, нѣтъ лучшаго друга, какъ я. Вотъ и его превосходительство здѣсь; не правда ли прокуроръ? Вы не повѣрите, ваше превосходительство, какъ мы другъ къ другу привязаны, то есть, просто, если бы вы сказали, вотъ, я тутъ стою, а вы бы сказали: «Ноздревъ, скажи по совѣсти кто тебѣ дороже, отецъ родной, или Чичиковъ»? скажу — Чичиковъ, ей Богу... Позволь, душа, я тебѣ влѣплю одинъ безе. Ужъ вы позвольте, ваше превосходительство, поцѣловать мнѣ его. Да, Чичиковъ, ужъ ты не противься, одну безешку позволь напечатлѣть тебѣ въ бѣлоснѣжную щеку твою.

Гоголь. (Мертвыя души, часть I, гл. 8).

(Дерзость).

Хлестаковъ. Послушай, эй, Осипъ!

Осипъ. Чего изволите?

Хлест. (*громко, но не столь рѣшительно*). Ты ступай туда.

Осипъ. Куда?

Хлест. (*голосомъ вовсе нерѣшительнымъ и негромкимъ, очень близкимъ къ просьбѣ*). Внизъ, въ буфетъ... Такъ скажи... чтобъ мнѣ дали пообѣдать.

Осипъ. Да нѣтъ, я и ходить не хочу.

Хлест. Какъ ты смѣешь, дуракъ?

Осипъ. Да такъ, все равно, хоть и пойду, ничего изъ этого не будетъ. Хозяинъ сказалъ, что больше не дастъ обѣдать.

Хлест. Какъ онъ смѣетъ не дать? Вотъ еще вздоръ!

Осипъ. Еще говорить, и къ городничему пойду; третью недѣлю баринъ денегъ не платитъ. Вы-де съ бариномъ, говорить, мошенники, и баринъ твой плутъ. Мы-де, говорить, этакихъ широмыжниковъ и подлецовъ видали.

Хлест. А ты ужъ и радъ, скотина, сейчасъ пересказывать мнѣ все это.

Осипъ. Говорить: «Этакъ всякій приѣдетъ, обживется, задолжаетъ, послѣ и выгнать нельзя. Я», говорить, «шутить не буду, я прямо съ жалобой, чтобъ на съѣзжую, да въ тюрьму».

Хлест. Ну, ну, дуракъ, полно! Ступай, ступай, скажи ему! Такое грубое животное!

Осипъ. Да лучше я самого хозяина позову къ вамъ.

Хлест. На что жъ хозяина? Ты поди самъ, скажи.

Осипъ. Да право, сударь.

Хлест. Ну, ступай, чортъ съ тобой! позови хозяина.

Гоголь. (Ревизоръ, д. II, явл. 2).

(Печаль, всѣ виды).

Дѣйств. лица: Барвара Павловна—около 50-ти лѣтъ.

Оля и Лиза—ея дочери, 17-ти и 22-хъ лѣтъ.

Федосья—портниха, дѣвушка лѣтъ 25-ти.

Власъ—крестьянинъ, старикъ.

Иванъ—лакей.

Барвара Павловна. Такъ-то вотъ, Лизокъ... Вотъ и тебѣ радость будетъ, какъ поѣдемъ въ Федотино. Тебѣ скучно здѣсь, милая.

Лиза. Нѣтъ, мамаша, мнѣ съ вами не скучно...

Бар. Павл. Ну, полно, вижу я, Лиза, все вижу. Ольга молода еще, ей все весело... А ты ужъ понимаешь... Что дѣлать, Лизочка, ты знаешь, какъ я желаю твоего счастья. Кто знаетъ?.. Тамъ проживемъ, посмотримъ, а на зиму опять сюда приѣдемъ. Свѣтъ не клиномъ сошелся.

Лиза (*покраснѣвъ*). Полноте, мамаша, я объ этомъ совсѣмъ не думаю. Мнѣ и съ вами весело, я съ вами никогда не разстанусь... (*Цѣлуетъ со слезами на глазахъ*).

Вар. Пав. (*обнимая ее*). Полно, полно, добрая моя. Знаю я, что не весело у тебя на душѣ, ты не говоришь только. Божья воля, Лизочка, все къ лучшему... И человекъ съ виду былъ хорошій, да, слава Богу, во время узнали... Вѣдь онъ не тебя любилъ, милая. Приданое ему нравилось... Негодяй... замучилъ бы онъ тебя...

Лиза. Полноте, мамаша, зачѣмъ вспоминать объ этомъ? Онъ мнѣ нравился... а теперь... теперь я забыла...

Вар. Пав. Не могу я, Лиза. Сердце болитъ у меня, какъ только вспомню... Такъ смѣть мою дочь оскорбить!..

Оля (*за дверью*). Мамап, тамап! (*Вбѣгаетъ въ новомъ платьѣ*). Что это такое? Платье никуда не годится. Посмотрите, какъ Ѳедосья сдѣлала? на кого я похожа? И развѣ теперь носятъ такіе рукава. (*Дергаетъ платье и мнетъ рукава*).

Вар. Павл. Постой, постой, не горячись такъ, повернись-ка сюда.

Оля. Ну посмотрите, тамап. Видите, какъ скверно сидитъ. Это что, это что? (*Приподымаетъ складки*). Виситъ точно мѣшокъ... И Ѳедосья такая грубая: я ей сказала, что она шить не умѣетъ, вѣдь это правда, а она мнѣ на это такъ серьезно, серьезно: «вы еще молоды, сударыня, чтобы меня учить, вы ничего еще не понимаете»; слышите, тамап, ничего не понимаю, каково это?... Противная!.. Я бы ее... такъ...

Вар. Павл. Что ты, Оля, съ ума сошла! Развѣ можно дѣвухкѣ такъ сердиться! Прилично ли это? Ты подумай-ка. Если платье дурно сдѣлано, его передѣлать можно. А кричать, сердиться, какъ это можно?.. Не хорошо!..

Оля. Да досадно, мамаша. Какъ же это? Сегодня прѣдетъ Александръ Петровичъ, я думала встрѣтить его въ новомъ платьѣ, а теперь, что я надѣну? И потомъ, какъ она смѣетъ говорить, что я маленькая. Я невѣста, а она говорить, что я ничего не понимаю.

Вар. Павл. (*улыбаясь*). А развѣ это не правда! Много ты понимаешь... совсѣмъ старуха выросла... А лифъ, Лиза, дѣйствительно, скверно сидитъ. Посмотри-ка сюда...

Лиза (*подходитъ*). Да, нехорошо.

Вар. Павл. Вѣдь я говорила Ѳедосѣ припустить съ этаго бока, а она что сдѣлала? Эхъ какой народъ, право!.. Да и рукава совсѣмъ не такъ...

Оля. Вотъ видите, что я говорила? Не правда развѣ? А она...

Вар. Павл. Не таранти такъ пожалуйста. Дай-ка лучше еще посмотрѣть, что нужно сдѣлать. Лиза, позови сюда Ѳедосью. (*Лиза уходитъ*)... Тутъ запасъ есть, можно исправить... да не вертись такъ, Ольга? (*Входятъ Лиза и Ѳедосья*). Что это, Ѳедосья, ты совсѣмъ не такъ сдѣлала. Я говорила тебѣ, что съ этого бока надобно припустить по выкройкѣ, а ты, какъ нарочно, укоротила. И опять рукава, видишь, какъ нехорошо.

Ѳедосья. Какъ вы приказали, сударыня, я такъ и сдѣлала. А что матеріи больше не хватило, такъ въ этомъ я не виновата.

Вар. Павл. Какъ матеріи не достало. Вѣдь я видѣла: послѣ кройки остался кусокъ. Гдѣ же онъ? Ты не забыла ли?

Ѳедос. Нечего было забывать, сударыня, вся матерья вышла. А что вы подозрѣвать меня изволите, такъ это напрасно-съ... Я въ магазинѣ на Невскомъ жила и потомъ цѣлый годъ въ Царскомъ селѣ у генеральши Солоницыной работала и всегда ея превосходительство довольны оставались, а теперь?.. Что ни сдѣлаешь, все не такъ. Не знаю-съ, какъ вамъ угодить можно? И при всемъ томъ вы меня обижать изволите...

Вар. Павл. Что ты тамъ за пустяки говоришь! Какая тутъ обида, никакой обиды нѣтъ. Вѣдь я знаю, что кусокъ большой оставался... И платье скверно сдѣлано. Тутъ ни обижаться, ни разговаривать нечего. Оля, поди, сними платье; я сейчасъ приду, покажу что дѣлать...

Оля (*надувшись уходитъ. Въ дверяхъ вполголоса*). Противная... Гадкая...

Ѳедосья (*обиженнымъ тономъ*). Какъ вамъ угодно, сударыня,

обидѣть человѣка всегда можно. А я, бѣдная дѣвушка, тружусь, а тутъ... (*Плачетъ и медленно уходитъ*).

Вар. Павл. Господи! Что это за наказаніе съ нынѣшними людьми! Сказать ничего нельзя... Сейчасъ обидится... А сама кругомъ виновата... Уйдетъ еще пожалуй... (*Вставая*). Пойду... а то еще моя Ольга разбранится съ ней... Ахъ, какой народъ...

Лиза (*у окна*). Мамап, посмотрите, какой несчастный идетъ. Надобно дать ему что нибудь.

Вар. Павл. (*подходитъ къ окну*). Ахъ, Боже мой? Да это Власъ изъ Ѳедотино; что это съ нимъ? Власъ, что это съ тобой?

Голосъ за окномъ. Божье наказанье, матушка, по грѣхамъ нашимъ!...

Вар. Павл. (*въ испугъ*). Что случилось?... Иди скорѣе сюда... (*Къ Лизѣ*). Что это еще... Я просто начинаю бояться, не случилось ли у насъ чего? (*Власъ входитъ и становится у двери*). Ну, что случилось?...

Власъ. Несчастіе, матушка. Погорѣли всѣ, какъ есть. Шубенки не спасли...

Вар. Павл. и Лиза. Какъ!.. Когда?...

Власъ. Третій день пошолъ матушка. Прогнѣвался Господь, значить. Все Ѳедотино, какъ есть, словно помеломъ вымело. Утромъ Господь градомъ ржицу побилъ, а ночью огнемъ постилъ. Всего живота лишились. Я еще двѣ коровенки со двора уволокъ, а другіе такъ, почитай, ничего не спасли. У Терентія, изволите знать, матушка, двое робятъ сгорѣло... Вотъ бѣда-то! О Господи, Господи!..

Вар. Павл. И нашъ домъ сгорѣлъ?

Власъ. Все, какъ есть, матушка, сгорѣло. Сарай, что за рѣчкой-то, остался, а то все пустырь пустыремъ теперь! Не можешь ли чѣмъ, матушка, съ голоду помираемъ...

Вар. Павл. (*не слушая его, Лизѣ*)... Ѳедотино сгорѣло... Сколько я лѣтъ ждала, терпѣла, деньги тратила, чтобы сберечь его себѣ подъ старость!.. Вотъ добрымъ людямъ отнять не удалось, такъ Богъ взялъ... Несчастливы мы съ тобой, Лизочка. (*Задумывается*).

Лиза (*плачетъ*) Ѳедотино... домъ нашъ...

Власъ. Помоги, Христа ради, родная.

Оля (*входя*) Мамаша... (*Увидя сцену*). Что это значить?... Мамаша, Лиза, что это? вы плачете? (*Въ испугъ*). Да говорите же, что такое, Лиза?

Лиза. Ѳедотино наше сгорѣло, Оля!..

Оля. Ахъ, Боже мой! (*Нѣсколько секундъ молчаніе, сцена, слышны шаги. Иванъ входитъ печальный*).

Оля (*съ волненіемъ*). Здравствуй Иванъ! Откуда ты?..

Иванъ (*кланяется*). Здравствуйте, барышня. Здравствуйте сударыня, Варвара Павловна.

Вар. Павл. Здравствуй, Иванъ, что ты? Здоровъ ли Александръ Петровичъ?

Иванъ. Такъ, сударыня, я пріѣхалъ къ вашей милости... объ Александрѣ Петровичѣ доложить... да не знаю-съ...

Вар. Павл. и Оля. (*съ испугомъ*). Что такое?..

Иванъ (*мнется*). Да ужъ не знаю... какъ доложить-то... Огорченіе намъ всѣмъ большое... Вы, сударыня, не пугайтесь очень-то... Такъ, знать, Господу Богу угодно...

Оля. Что такое, говори скорѣй, Иванъ, говори. Александръ Петровичъ болѣнъ? Случилось что нибудь?

Иванъ. Да-съ... больны-съ... барышня... Оченно больны-съ.

Оля. Господи! Да какъ же это? Я сегодня получила отъ него письмо, онъ пишетъ, что, можетъ, сегодня пріѣдетъ.

Иванъ. Точно такъ-съ, барышня. Мы вчера-съ и выѣхали въ 9 часовъ-съ... Да на дорогѣ... на пути-съ... Изволите знать-съ поворотъ въ Ѳедюкино.

Вар. Павл. Ну... знаю, что жъ такое?

Иванъ. Такъ вотъ-съ, тутъ-то... на косогорѣ... (*Ръши-тельно*). Несчастье приключилось, Варвара Павловна. Лошади разбились-съ.

Оля (*вскрикиваетъ, падаетъ на стулъ и закрываетъ лицо руками. Лиза подбѣгаетъ къ ней*).

Вар. Павл. Ахъ, Боже мой! Опасно! Гдѣ же онъ теперь? Есть ли докторъ? Надо послать сейчасъ-же.

Иванъ (*тихимъ голосомъ*). Не извольте напрасно беспокоиться, Варвара Петровна... Александръ Петровичъ-съ... скончались...

(*Страшный крикъ Оли, она падаетъ въ обморокъ*).

Варв. Павл. Какъ умеръ! (*Въ отъменіи взглянувъ на Ольгу, подбѣгаетъ къ ней*). Оля, Оля! Иванъ, воды скорѣй... Оля, другъ мой! (*Всѣ суетятся. Ольгу уносятъ*).

Власъ (*крестится*). Царство небесное... (*Со вздохомъ*). Вотъ такъ прогнѣвался Господь на насъ грѣшныхъ. (*Уходитъ*). (*Сцена остается некоторое время пуста, входитъ Вар. Павл.*).

Варв. Павл. Очнулась, слава Богу. Что же дѣлать теперь? (*Садится*). Господи! за что ты такъ наказываешь... Давно ли? за часъ мы всѣ были веселы, довольны, счастливы!.. Что мы теперь? Нищіе... И надежды больше нѣтъ! Оля, моя бѣдная Оля!.. И Лиза! Какъ она радовалась... Все было—теперь ничего. Что жъ и жизнь то вся наша... Охъ тяжело, тяжело... хоть бы ктонибудь былъ здѣсь, успокоилъ бы... Никого... дѣлай какъ знаешь... (*Съ усиленіемъ*). Да будетъ твоя святая воля, Господи! (*Глаза со слезами обращаются къ образу*). С—въ.

(Горе).

— Здравствуй, родная.— «Какъ можется, кумушка?

Все еще плачешь никакъ?

Ходить, знать, по сердцу горькая думушка,

Словно хозяинъ—большакъ»?

— Какъ же не плакать? Пропала я грѣшная?

Душенька поетъ, болитъ...

Умеръ, Касьяновна, умеръ, сердешная,

Умеръ и въ землю зарыть!

— Вѣдь наскочилъ же на экую гадину!

Сынъ ли мой не былъ удалъ?

Сорокъ медвѣдей поддѣлъ на рогатину—

На сорокъ-первомъ сплосалъ!

Росту большаго, рука, что желѣзная,

Плечи—косая сажень;

Умеръ, Касьяновна, умеръ, болѣзная—

Вотъ ужъ тринадцатый день!

— Шкуру съ медвѣдя-то содрали, продали;
Деньги—семнадцать рублей—

За душу бѣднаго Савушки подали,
Царство небесное ей!

Добрая барыня Марья Романовна

На панихиду дала...

Умеръ, голубушка, умеръ, Касьяновна—
Чуть я домой добрела.

— Вѣтеръ шатаетъ избенку убогую,
Весь развалился овинъ...

Словно шальная, пошла я дорогою:
Не попадется-ли сынъ?

Взялъ бы топорикъ—бѣда поправимая—
Мать бы утѣшилъ свою...

Умеръ, Касьяновна, умеръ, родимая—
Надо-ль? топоръ продаю.

— Кто приголубить старуху безродную?
Вся обнищала въ конецъ!

Въ осень ненастную, въ зиму холодную
Кто запасетъ мнѣ дровецъ?

Кто, какъ доносится теплая шубушка,
Зайчиговъ новыхъ набьетъ?

Умеръ, Касьяновна, умеръ, голубушка—
Даромъ ружье пропадетъ!

— Вѣришь, родная: съ тоской, да съ заботами
Такъ опостыдѣлъ мнѣ свѣтъ!...

Лягу въ коморку, покроюсь тенетами,
Словно какъ саваномъ... Нѣтъ!

Смерть не приходитъ... Брожу нелюдимая,
По-пусту жалоблю всѣхъ...

Умеръ, Касьяновна, умеръ, родимая—
Эхъ! кабы только не грѣхъ...

— Ну да и такъ... дай Богъ зиму промаяться,
Свѣжей травы мнѣ не мять!

Скоро избенка совсѣмъ разшатается,
Некому поле вспахать.

Въ городъ собирается Марья Романовна,
По-міру силъ нѣтъ ходить...

Умеръ, голубушка, умеръ, Касьяновна,
И не велѣлъ долго жить!

Некрасовъ. (Въ деревнѣ).

(Печаль).

И безъ рѣчей—по нашимъ блѣднымъ лицамъ,
 По платьямъ нашимъ—можешь угадать,
 Какъ жили мы съ тѣхъ поръ, какъ ты въ изгнанье
 Пошелъ отъ насъ. Подумай самъ, найдешь ли
 На свѣтѣ женщинъ ты несчастнѣй насъ,
 Насъ, для которыхъ этотъ часъ свиданья
 На мѣсто радостей и слезъ восторга
 И ужасъ, и печаль съ собой несетъ!
 Супруга, мать, твой сынъ—должны мы видѣть
 Какъ ты, отецъ-супругъ и сынъ, терзаешь
 Родной своей край. И бѣднымъ намъ то горе
 Еще больнѣй; черезъ тебя лишились
 Последней мы и общей всѣмъ отрады:
 Ты насъ лишилъ молитвы! Долгъ велить
 Молить боговъ за родину—но какъ же
 Мы за тебя богамъ молиться можемъ,
 Какъ долгъ велить? Отторгнуться должны мы
 Отъ родины, кормилицы безцѣнной,
 Иль отъ тебя, одной утѣхи нашей!
 Ты побѣдишь иль нѣтъ—намъ все равно,
 Намъ всюду гибель. Иль увидимъ мы,
 Какъ повлекутъ тебя въ цѣпяхъ по Риму
 На казнь измѣнникомъ, иль въ торжествѣ
 Ты вступишь на развалины родныя
 И примешь побѣдителя вѣнокъ,
 Пролити кровь родной жены и сына!
 Что до меня, мой сынъ, я не дождусь,
 Чѣмъ кончится война; коль я не въ силахъ
 Склонить тебя на миръ великодушный,
 То, вѣрь мнѣ, прежде чѣмъ идти на Римъ,
 Черезъ мой трупъ перешагнуть ты долженъ.
 Ступи-жь на грудь, которая вскормила
 Коріолана. (*Падаеть ницъ передъ Коріоланомъ*).

Шекспиръ. (Коріоланъ, д. V, сц. 3).

(Грусть).

Дездемона (поетъ). Склонивши головку и сердце сдавивши рукой,
 Сидѣла, бѣдняжка, вздыхая подъ ивой густой.

Зеленая ива! Зеленая ива!
 И грустно ей вторилъ гремучею струйкой ручей
 И камни смягчались слезами голубки моей.

Ахъ, поспѣши, Эмилія!

Зеленая ива! Зеленая ива!

Скорѣ же—вѣдь онъ сейчасъ придетъ.

Изъ ивы совью я послѣдній свой бѣдный вѣнокъ...

Зачѣмъ же, о люди, укоръ вашъ, зачѣмъ вашъ упрекъ
 Любезному другу—вѣдь я не корила его...

Нѣтъ здѣсь не такъ!—Послушай! кажется

Какъ будто кто стучится...

Эмилія.

Это вѣтеръ.

Дездемона. Ахъ, нѣжно такъ друга я звала—и что-жь онъ сказалъ?..

Зеленая ива! Зеленая ива!

Ну, если и въ правду такъ часто ужъ я измѣнилъ—

Зачѣмъ же, дѣвица, ты любишь меня одного?..

Иди-жь себѣ, Эмиля, добрый сонъ!

Такъ странно, что-то у меня въ очахъ

Горитъ... не слезы ль это предвѣщаетъ?

Шекспиръ. (Отелло, д. IV, сц. 3).

(Сожалѣніе).

Офелія.

Какой высокій погубленъ въ немъ духъ!

Мечъ война, языкъ витіи, взоръ

Придворнаго, надежды цвѣтъ для царства,

Зерцало нравовъ, образецъ всему,

Цѣль наблюденій общихъ—все погибло!

И мнѣ, изъ дѣвъ несчастнѣйшей, испившей

Чарующихъ его обѣтовъ сладость,

Мнѣ должно видѣть умъ его высокій

Въ разстройствѣ звуковъ, какъ органъ разбитый,

Въ безуміи увядшимъ видѣть юный,

Прелестный цвѣтъ! И мнѣ злой рокъ судилъ

Знать, что теперь онъ, зная, что онъ былъ?

Шекспиръ. (Гамлетъ, д. III, сц. 1).

(Прискорбіе, сердечная боль).

Гораціо. Вы проиграете, принцъ.

Гамлетъ. Не думаю; вѣдь я тоже упражнялся за это время,
 и выиграю закладъ. Но ты не можешь себѣ представить, какъ
 вдругъ мнѣ стало грустно и тяжело. Впрочемъ, это вздоръ.

Гор. Нѣтъ, принцъ.

Гамл. Ребячество, глупое предчувствіе и больше ничего, предчувствіе, которое въ состояніи смутить развѣ только женщину.

Гор. Но если вы чувствуете малѣйшее отвращеніе отъ этого поединка, послушайте его, принцъ. Я скажу сейчасъ, что вы нездоровы.

Гамл. Полно, не нужно! Я смѣюсь надъ предчувствіями. Безъ воли Бога и птица не умретъ! Если мой часъ наступилъ, его не минуешь. Теперь или позже, не все ли равно? Главное нужно быть готовымъ. Вѣдь послѣ смерти мы не будемъ жалѣть оставленнаго, такъ что же хлопотать о томъ, когда настанетъ нашъ часъ!

Шекспиръ. (Гамлетъ, д. V, явл. 2).

(Любовная тоска—уныніе).

Катерина (*одна*). Нѣтъ, нигдѣ нѣтъ. Что то онъ теперь, бѣдный, дѣлаетъ? Мнѣ только проститься съ нимъ, а тамъ... а тамъ хоть умирать. За что я его въ бѣду ввела? Вѣдь мнѣ не легче отъ того! Погибать бы мнѣ одной! А то себя погубила, его погубила, себѣ безчестье, — ему вѣчный покорь! Да, себѣ безчестье — ему вѣчный покорь. (*Моланіе*). Вспомнить бы мнѣ, что онъ говорилъ-то? Какъ онъ жалѣлъ-то меня? Какія слова-то говорилъ? (*Беретъ себя за голову*). Не помню, все забыла. Ночи, ночи мнѣ тяжелы! Всѣ пойдутъ спать, и я пойду, всѣмъ ничего, а мнѣ, какъ въ могилу. Такъ страшно въ потемкахъ! Шумъ какой то сдѣлается и поютъ, точно кого хоронятъ; только такъ тихо, чуть слышно, далеко, далеко отъ меня... Свѣту-то такъ рада сдѣлаешься! А вставать не хочется, опять тѣже люди, тѣже разговоры, таже мука. Зачѣмъ они такъ смотрятъ на меня? Отъ чего это нынче не убиваютъ? Зачѣмъ такъ сдѣлали? Прежде, говорятъ, убивали. Взяли бы, да и бросили меня въ Волгу; я бы рада была. «Казнить то тебя, говорятъ, такъ съ тебя грѣхъ снимется, а ты живи, да мучайся своимъ грѣхомъ». Да ужъ измучилась я! Долго ль еще мнѣ мучиться!.. Для чего мнѣ жить, для

чего? Ничего мнѣ не надо, ничего мнѣ не мило и свѣтъ Божій не милъ, — а смерть не приходитъ. Что ни увижу, что ни услышу, только тутъ (*показывая на сердце*) больно. Еще кабы съ нимъ жить, можетъ быть, радость бы какую нибудь я и видѣла... — Чтожъ: ужъ все равно, ужъ душу свою я погубила. Какъ мнѣ по немъ скучно! Ахъ какъ мнѣ по немъ скучно! Ужъ коли не увижу я тебя, такъ хоть услышь ты меня издали. Вѣтры буйные, перенесите вы ему мою печаль, тоску! Батюшки, скучно мнѣ, скучно! (*Подходитъ къ берегу и громко во весь голосъ*). Радость моя, жизнь моя, душа моя, люблю тебя! Откликнись. (*Плачетъ*).

Островскій. (Гроза, д. V, явл. 2).

(Оскорбленіе, огорченіе).

Марья Андреевна (*одна*). И я повѣрила этому человѣку! Какъ мнѣ стыдно за себя... Онъ ушелъ, и ему ничего! Онъ даже радъ, я думаю, что развязался... А я, я? За что же я страдаю, чѣмъ я виновата? О Господи! Зачѣмъ въ людяхъ такъ мало правды! Могла ли я знать, что онъ меня обманываетъ! Какъ мнѣ было знать! Почему мнѣ было знать!.. За что онъ меня обманулъ! (*Плачетъ. Входитъ Милашинъ*).

Милашинъ. Вотъ доказательства, Марья Андреевна.

Мар. Андр. Теперь ужъ не нужно.

Мил. Значитъ, правду я говорилъ. Помилуйте, я его знаю очень хорошо. (*Читаетъ*). «Простите моей дерзости, но я не могу болѣе скрывать страсти, которая меня сожигаетъ». — Скажите, какія нѣжности!

Мар. Андр. Что вы тамъ еще читаете?

Мил. Вотъ, извольте посмотрѣть. (*Подаетъ ей записки. Марья Андреевна читаетъ про себя*). Вы давеча говорили, что я лгу; я это помню, Марья Андреевна.

Мар. Андр. (*рветъ записки и бросаетъ ихъ за окно*). Только этого не доставало! Это ужасно!

Мил. Вотъ у меня еще есть. Не хотите ли?

МАР. Андр. Ахъ Боже мой! Да на что мнѣ онѣ? Оставьте меня, ради Бога. Вы видите, въ какомъ я положеніи. (*Послѣ непродолжительнаго молчанія*). Я сейчасъ видѣла Владиміра Васильича.

Мил. Что-же онѣ?

МАР. Андр. (*плачетъ*). Ему нѣтъ никакого дѣла до меня. Онѣ говорятъ, что нужно покориться своей участи.

Мил. Мерзавецъ! Марья Андреевна, перестаньте, не плачьте. Я готовъ жизнию пожертвовать для васъ. Скажите, Марья Андреевна, чѣмъ я могу быть для васъ полезенъ—я на все готовъ.

МАР. Андр. Вы ничего не можете для меня сдѣлать. Дайте мнѣ немного успокоиться. Мое самолюбіе оскорблено, мнѣ стыдно за себя. Я не о томъ плачу, что мнѣ нужно пожертвовать собой,—я ужъ примирилась съ этою мыслью; а объ томъ, что я была игрушкою пустаго человѣка. Чѣмъ вы мнѣ можете помочь?

Мил. Хотите, я его вызову на дуэль? Вы думаете, не вызову? Непремѣнно вызову.

МАР. Андр. Что вы выдумываете! Зачѣмъ вы это сдѣлаете, какъ, по какому праву?

Мил. Да, въ самомъ дѣлѣ, неловко! Я такъ только спросилъ у васъ, а то, какъ вамъ угодно. Мнѣ жизнь не дорога... Я не могу видѣть, какъ вы страдаете! Неужели я рѣшительно ничѣмъ не могу вамъ помочь?

МАР. Андр. Однимъ только: оставьте меня въ покоѣ.

Островскій. (Бѣдная невѣста, д. IV, явл. 9 и 10).

(Горе).

Красовъ. Только этого еще не доставало, чтобы выбросили, какъ собаку на улицу. Что жъ? Картина выйдетъ поучительная! Впрочемъ никто не виноватъ! Зачѣмъ было торопиться жить и чувствовать! Зачѣмъ было дѣлать изъ любви цѣль жизни, когда она вѣнецъ ея!

Красова (*входя*). Владиміръ, Коля очень не хорошъ! Ты бы съѣздилъ за докторомъ.

Красовъ. Ничего не будетъ. Локтевъ сказалъ, что если мы будемъ держать ребенка въ сырой, холодной квартирѣ, то онѣ жить не можетъ. Я, говорить, къ вамъ и ѣздить не стану — что время-то тратить по напрасну!

Красова. И ты можешь говорить это такъ равнодушно?

Красовъ (*равнодушно*). Жаль, что я не имѣю способности бабьимъ рыданьемъ облегчить наболѣвшую грудь. Да и есть о чемъ рыдать, плакать. Пропадайте всѣ! Пропадай ты! Я и самъ пропаду! И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! (*Рыдая, опускаетъ голову на столъ*).

Красова. Плачь, плачь, Владиміръ! легче будетъ. (*Припадая къ нему, плачетъ сама. Молчаніе*).

Красовъ. Вѣрочка! милая моя! прости меня, я опять обидѣлъ тебя сегодня. Я — слабый человѣкъ. Я не умѣю стоически переносить горя и лишеній. Я сталъ нервень, раздражителень и на тебѣ, ни въ чемъ не повинной, срываю накипѣвшую желчь. Это безчестно, подло! я знаю...

Красова. Что ты, что ты, родной мой! Будто я сама не вижу, какъ тяжело тебѣ. Вѣдь я знаю, что забота о насъ же надрываетъ твои силы. О! нужда ломаетъ и не такіе характеры, какъ у насъ съ тобой! Вспомни, такіе ли мы были прежде. Прости и ты меня, Владиміръ, если, убитая и ошеломленная безысходнымъ горемъ, я не умѣю уважать твоихъ страданій и съ губъ моихъ срывается невольное оскорбительное слово.

Красовъ (*обнимая ее*). О! я знаю, ты святая женщина! (*молчаніе*).

Красова. Владиміръ, намъ сегодня послѣдній срокъ платить за квартиру—дай я пойду просить княгиню. Я объясню ей наше положеніе. Я скажу ей, что нашъ ребенокъ боленъ. Она женщина. Она уважить просьбу матери и не рѣшится выгнать насъ на улицу (*Робко*). Я даже думаю попросить, не прикажетъ ли княгиня дать намъ дровъ взаймы. Вытопимъ комнаты и нашъ Коля поправится. Да, милый мой?

Красовъ (*въ сторону*). Бѣдное дитя! Нѣтъ, Вѣрочка, нѣтъ! ступай къ Колѣ, я самъ пойду.

Красова. Владиміръ, я знаю тебя, ты просить не умѣешь. Пусти меня, другъ мой!

Красовъ. Нѣтъ, нѣтъ, пусть ужь я одинъ подличаю, унижаюсь (*уходитъ*).

Красова (*одна*). Не пустил онъ меня, а право лучше бы было! Женщина скорѣе понимаетъ женщину! (*Слышенъ крикъ ребенка*). Ай! что это? Коля кричитъ! (*Убѣгаетъ въ другую комнату и тамъ издаетъ отчаянный крикъ. Сцена нѣсколько времени пуста. Красова выходитъ съ ребенкомъ*). Нѣтъ, я не дамъ тебѣ умереть, я согрѣю тебя у груди моей! Ты не долженъ умирать. Ты еще сегодня улыбался мнѣ. (*Опускаетъ ребенка на диванъ и становится передъ нимъ на колѣни*). Нѣтъ, холоденъ, холоденъ, совѣмъ холоденъ! Коля! ангелъ мой! убили мы тебя! О!.. вѣчное проклятіе на наши головы!.. (*Рыдаетъ. Входитъ Красовъ*).

Красовъ (*не замѣчая жены*). Права была Вѣра, просить я не умѣю. (*Увидя жену*). Вѣрочка, Вѣрочка, что съ тобой?

Красова (*вставая и бросаясь къ нему*). Неужели мы на то сошлись съ тобой, Владиміръ, чтобъ самимъ рыть могилу нашимъ дѣтямъ, чтобъ оставлять ихъ умирать безъ помощи, какъ собакъ на морозѣ!

Красовъ. Какъ! Умеръ! (*бросается къ ребенку и говоритъ съ глухимъ отчаяніемъ*). Еще одна жертва! (*Падая передъ женой на колѣни*). Вѣрочка! проклинай меня! я разбилъ твою жизнь! Я мужчина, я долженъ былъ знать, что на мнѣ лежатъ священныя обязанности мужа и отца. Я долженъ былъ отказаться отъ обладанія такой женщины, какъ ты, если не могъ полагаться на свои собственные силы. (*Вставая*). Оглянись кругомъ себя! Посмотри на другихъ мужей. Они не уважаютъ своихъ женъ, они видятъ въ нихъ роскошь, игрушку. Но они умѣютъ беречь эти игрушки. Они любятъ ихъ по своему, только физической любовью, но за то окружаютъ попеченіями и дѣти ихъ не мрутъ отъ сырости и холода. А посмотри, что сдѣлалъ съ тобою твой развитой мужъ. (*Указываетъ на трупъ ребенка и бросается къ нему*). Дитя мое! бѣдное мое дитя! (*Рыдаетъ истерически*).

Красова (*подбѣгая къ мужу*). Владиміръ! Владиміръ! Боже мой! что мнѣ съ нимъ дѣлать? Успокойся, другъ мой!

Красовъ. Я его убійца, Вѣрочка! я! одинъ я!

Красова. Полно, полно, другъ мой! Не ты одинъ виноватъ. Да и къ чему это все теперь? Лучше, если мы честные съ тобой люди, то дадимъ слово, надъ этимъ дорогимъ трупомъ, не любить съ этихъ поръ другъ друга иначе, какъ братъ и сестра. Ну, какіе мы съ тобою отецъ и мать? Ты понимаешь меня, не правда ли? Довольно вѣдь жертвъ на нашей совѣсти!

Красовъ. О! слишкомъ довольно, Вѣра!

Красова. Еще сегодня, глядя, какъ угасала на рукахъ моихъ жизнь нашего Коли, я дала себѣ слово, что онъ будетъ послѣднимъ. И я сдержу это слово! Повѣрь, довольно будетъ одного воспоминанія объ этомъ мертвенно-блѣдномъ личикѣ, чтобы спасти меня отъ новаго преступленія! Пойдемъ, дитя мое! (*Уходитъ, унося трупъ*).

Красовъ (*одинъ*). Бѣдная Вѣрочка! И я осмѣлился прикасаться къ ней, осмѣлился сорвать этотъ лучшій цвѣтокъ, согрѣтый вѣяніемъ новой жизни. Да, ты права, Вѣра! Твоя любовь, твои ласки должны быть наградою бойцу-герою, а не такому жалкому, ничтожному пигмею, какъ я! (*Садится и опускаетъ голову на столъ*).

Штеллеръ. (Ошибки молодости, д. II, явл. 4, 5, 6, 7).

(Угрызеніе совѣсти).

Лейчестеръ. Я живъ еще и жить еще могу!

И на меня не рухнетъ эта кровля?
И бездны нѣтъ, чтобъ поглотить меня—
Презрѣннѣйшее существо въ природѣ?
Какаго я сокровища лишился,
Какое счастье райское отвергъ!
Она паритъ, духъ чистый, къ небесамъ,
Я-жь остаюсь, какъ грѣшникъ осужденный
На вѣчный адъ, съ отчаяньемъ въ душѣ!
Куда же дѣлась твердая рѣшимость,
Съ которой шелъ я, заглушить въ себѣ

Раскаянье и голосъ сердца; видѣть,
 Какъ съ плечъ ея покатится глава
 И не вздохнуть? Уже-ль ея слова,
 Уже-ль одно воззрѣнье возвращаютъ
 Стыду его забытые права?
 Или ногой коснувшись могилы,
 Меня любовью окуетъ опять?
 Нѣтъ, извергъ, нѣтъ! Теперь не время знать
 Женоподобной жалости порывы!
 Тебѣ во вѣкъ не знать любви счастливой!
 На грудь ты панцырь наложи стальной,
 Чело да будетъ твердою скалой!
 И, если ты не хочешь вдругъ лишиться
 Постыдныхъ дѣлъ желаннаго плода,
 Начатое тобой должно свершиться.
 Умолкни въ сердцѣ жалость навсегда!
 Вы, очи, въ камень твердый превратитесь!
 И въ казнь ея, безслезныя, всмотритесь!

(Съ рѣшимостью идетъ къ двери, въ которую вышла Марія, но не дошедши, останавливается).

Вотще! Меня объемятъ адскій трепеть!
 Не въ силахъ я снести ужасный видъ,
 Не въ силахъ видѣть смерть ея! Чу! вотъ
 Сошли они... Готово подо мною
 Орудье казни... Слышу голоса...
 Прочь! удались! бѣги жилища смерти!

(Хочетъ выйти другою дверью, но, найдя ее запертою, отступаетъ).

Иль нѣкій Богъ здѣсь приговалъ меня?
 Или я слышать осужденъ, на что
 Взглянуть страшуся? Чу! декана голосъ!
 Онъ говорить... Она его прервала—
 И молится... Все тихо, тихо стало...
 Рыданія и женскій вопль... Одежду
 Съ нея снимаютъ... Чу! стучить топорь...
 И вотъ она склоняется къ подушкамъ,
 На плаху голову владеть...

(Произнося послѣднія слова съ усугубляющимся отчаяньемъ, и помолчавъ нѣсколько, вдругъ начинаетъ трепетать и падаетъ безъ чувствъ).

Шиллеръ. (Марія Стюартъ, д. V, сц. 10).

Царь.

Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
 Среди мірскихъ печалей успокоить;
 Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть.
 Такъ, здравая, она восторжествуетъ
 Надъ злобою, надъ темной клеветой;
 Но если въ ней единое пятно,
 Единое случайно завелось,
 Тогда бѣда: какъ язвой моровою
 Душа сторитъ, нальется сердце ядомъ,
 Какъ молоткомъ стучить въ ухахъ упрекомъ,
 И все тошнить, и голова кружится,
 И мальчики кровавые въ глазахъ...
 И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!...
 Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!

Пушкинъ. (Борисъ Годуновъ).

Клавдій.

Смрадъ моего грѣха доходитъ къ небу;
 На мнѣ лежитъ древнѣйшее проклятье...
 Убійство брата.— Не могу молиться,
 Хотя влечетъ меня къ молитвѣ воля;
 Сильнѣйшій грѣхъ сражаетъ силу слова,
 И я, какъ человѣкъ съ двоякимъ долгомъ,
 Стою въ сомнѣніи—съ чего начать?
 А дѣло позабылъ. Будь кровью брата
 Насквозь проникнута моя рука;
 Что-жь развѣ нѣтъ дождя на небесахъ.
 Чтобъ убѣлить ее, какъ снѣгъ весенній?
 Зачѣмъ же есть святое милосердзе,
 Какъ не затѣмъ, чтобы прощать грѣхи?
 И развѣ нѣтъ двойной въ молитвѣ силы—
 Паденье грѣшника остановить
 И падшимъ милость испросить? Взгляну горѣ;
 Мой грѣхъ свершенъ. Но какъ молиться мнѣ?
 Прости мнѣ гнусное убійство? Нѣтъ,
 Тому не быть! Я все еще владѣю
 Всѣмъ, что меня къ убійству повлекло:
 Короной, честолюбіемъ, женой.
 Простятъ ли тамъ, гдѣ грѣхъ еще живетъ?
 Въ испорченномъ житѣ на этомъ свѣтѣ
 Гореть золота въ преступника рукъ
 Искупить казнь: постыдною цѣною
 Закона власть нерѣдко подкупали.
 Но тамъ не такъ! Обманъ тамъ не поможетъ:
 Дѣянья тамъ въ ихъ настоящемъ видѣ,

И сами мы должны разоблачать
Своихъ грѣховъ преступную природу.
И такъ, что остается мнѣ? Подумать,
Раскаянье что можетъ совершить,
Что невозможно для него?—Но если
Нѣтъ силъ къ раскаянью,—оно безсильно.
О горе мнѣ! О грудь, чернѣе смерти!
Душа, въ борьбѣ са свѣтлую свободу,
Еще тѣснѣй закована въ цѣпяхъ!
Спасите, ангелы! Колѣни, гнитесь!
Стальная грудь, смягчись, какъ грудь ребенка!
Быть можетъ, вновь все будетъ хорошо...
(*Становится на колѣни.*)

Слова летятъ, но мысль моя лежитъ;
Безъ мысли слово къ небу не взлетитъ.

Шекспиръ. (Гамлетъ; д. III, явл. 3).

(Отчаяніе).

ФАУСТЪ.

...Да, ежели тогда
Мнѣ сладкій гласъ младенчество напомнилъ,
Давно знакомый звукъ отрадно прозвучалъ,
Меня забытыми восторгами исполнилъ
И памятью о дняхъ былыхъ очаровалъ;
Такъ днесъ клянусь я обольщенья свѣта
И все, чѣмъ жизнь намъ съ молодю мила,
Чѣмъ нищета ея обманчиво одѣта
И день, когда она мнѣ послана была!
Будь проклято и чувства упоенье
И чары благодатныхъ думъ.
Будь проклято къ высокому стремленье
И все, чѣмъ льститъ себя самолюбивый умъ!
Проклятіе тебѣ, минута увлеченья,
Когда твой призракъ намъ безсмертіе сулитъ,
Когда онъ намъ въ мечтахъ, иль въ сновидѣньи
О нашемъ имени и славѣ говоритъ!
Все, чѣмъ Мамона насъ на подвигъ вызываетъ,
Чѣмъ дружба и любовь прельщаетъ
Чтобы вѣрнѣй сосудъ былъ отравленъ,
Клянусь и то, какъ лживый сонъ!
Денницы лучъ и грозды винограда,
Восторгъ любви и доблести отрада,
Пора надеждъ, я вамъ проклятье шлю!
И, проклиная все, что дышетъ наслажденьемъ,

Я прежде всѣхъ тебя, о, глупое терпѣнье,
Проклятию тебя трикраты предаю!

Гете. (Фаустъ, ч. 1).

КАТЕРИНА (*одна*). Куда теперь? Домой идти? Нѣтъ, мнѣ
что домой, что въ могилу—все равно. Да, что домой, что въ мо-
гилу!... что въ могилу! Въ могилѣ лучше... Подъ деревцемъ мо-
гилушка... какъ хорошо!... Солнышко ее грѣетъ, дождичкомъ
ее мочить... весной на ней травка выростетъ, мягкая такая...
птицы прилетятъ на дерево, будутъ пѣть, дѣтей выведутъ, цвѣ-
точки разцвѣтутъ: желтенькіе, красненькіе, голубенькіе... всякіе,
(*задумывается*) всякіе... Такъ тихо, такъ хорошо! Мнѣ какъ
будто легче! А объ жизни и думать не хочется. Опять жить?
Нѣтъ, нѣтъ, не надо... не хорошо! И люди мнѣ противны, и
домъ мнѣ противенъ, и стѣны противны! Не пойду туда! Нѣтъ,
нѣтъ, не пойду! Придешь къ нимъ, они ходятъ, говорятъ, а на
что мнѣ это! Ахъ, темно стало! И опять покотъ гдѣ-то! Что
поютъ? Не разберешь... Умереть бы теперь... Что покотъ? Все
равно, что смерть придетъ, что сама... а жить нельзя! Грѣхъ.
Молиться не будутъ! Кто любить, тотъ будетъ молиться... Руки
крестъ на крестъ складываютъ... въ гробу! Да такъ... я вспо-
нила. А поймаютъ меня, да воротятъ домой насильно... Ахъ,
скорѣй, скорѣй! (*Подходитъ къ берегу. Громко*). Другъ мой!
Радость моя! Прощай! (*уходитъ*).

Островскій. (Гроза, д. V, явл. 4).

(Неудовольствіе).

ТАТЬЯНА. «Довольно, встаньте. Я должна
Вамъ объясниться откровенно.
Онѣгинъ, помните-ль тотъ часъ,
Когда въ саду, въ аллеѣ насъ
Судьба свела, и такъ смиренно
Урокъ вашъ выслушала я!
Сегодня очередь моя.

«Онѣгинъ, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была
И я любила васъ; и что же?»

Что въ сердцѣ вашемъ я нашла,
 Какой отвѣтъ? Одну суровость.
 Не правда-ль? Вамъ была не новость
 Смиренной дѣвочки любовь?
 И нынче—Боже! стынеть кровь,
 Какъ только вспомню взгляды холодный
 И эту проповѣдь... Но васъ
 Я не виню: въ тотъ страшный часъ
 Вы поступили благородно,
 Вы были правы предо мной;
 Я благодарна всей душой..

«Тогда—не правда ли?—въ пустынь.
 Вдали отъ суетной молвы
 Я вамъ не правилась... Что-жъ нынѣ
 Меня преслѣдуете вы?
 Зачѣмъ у васъ я на примѣтъ?
 Не потому-ль, что въ высшемъ свѣтѣ
 Теперь являться я должна;
 Что я богата и знатна;
 Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ;
 Что насъ за то ласкаетъ дворъ?
 Не потому-ль, что мой позоръ
 Теперь бы всѣми былъ замѣченъ,
 И могъ бы въ обществѣ принести
 Вамъ соблазнительную честь?»

«Я плачу... если вашей Тани
 Вы не забыли до сихъ поръ,
 То знайте: колкость вашей брани,
 Холодный, строгій разговоръ,
 Когда-бъ въ моей лишь было власти,
 Я предпочла-бъ обидной страсти
 И этимъ письмамъ и слезамъ.
 Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
 Тогда имѣли вы хоть жалость,
 Хоть уваженіе къ лѣтамъ...
 А нынче!... Что къ моимъ ногамъ
 Васъ привело? Какая малость!
 Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ
 Быть чувства мелкаго рабомъ?»

«А мнѣ, Онѣгинъ, пышность эта—
 Постылой жизни мишура,
 Мои успѣхи въ вихрь свѣта,
 Мой модный домъ и вечера;
 — Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я радъ
 Всю эту ветошь маскарада,

Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
 За полку книгъ, за дикій садъ,
 За наше бѣдное жилище,
 За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
 Онѣгинъ, видѣла я васъ,
 Да за смиренное кладбище,
 Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
 Надъ бѣдной нянею моею...

«А счастье было такъ возможно,
 Такъ близко!... Но судьба моя
 Ужъ рѣшена. Неосторожно,
 Быть можетъ, поступила я:
 Меня съ слезами заклинаній
 Молила мать; для бѣдной Тани
 Всѣ были жребіи равны...
 Я вышла замужъ. Вы должны,
 Я васъ прошу, меня оставить;
 Я знаю, въ вашемъ сердцѣ есть
 И гордость и прямая честь.
 Я васъ люблю (къ чему лукавить?)
 Но я другому отдана
 И буду вѣкъ ему вѣрна».

Пушкинъ. (Евгеній Онѣгинъ, гл. 8).

(Раздраженіе, сварливость).

Г-жа Пернель. Мнѣ послѣ этого осталось замолчать!
 Но что же этимъ вы хотите доказать?
 Не то ли, что теперь остепенились нравы.
 Перекричали всѣхъ и думаютъ, что правы!
 Но я, сударыня, еще вамъ повторю,
 Что именно за то, судьбу благодарю,
 Что мужъ вашъ, а мой сынъ не моднаго фасона,
 Что господинъ Тартюфъ чудесная персона!
 Что по дѣламъ его нельзя не уважать,
 Что этакихъ людей со свѣчкой не сыскать,
 Что онъ исправить насъ старается духовно,
 Что слушаться его должны всѣ безусловно.
 А ваши праздники и ваши вечера,
 Въ которыхъ куча зла, ни на волосъ добра,
 Суть силы дьявольской прямое навожденье!
 Тутъ нѣтъ раскаянья, одно грѣхопаденье!
 Нѣтъ пищи никакой для сердца и ума
 И это истинно холера и чума!

Тутъ все потеряно, на всёхъ пошлюся въ этомъ,
И стыдъ, и набожность, и уваженъ къ лѣтамъ;
Въ глаза и за глаза нѣтъ спуска никому,
Всѣ философствуютъ, не вѣрятъ ни чему
И словомъ... Господи! прости мое сравненъе—
Здѣсь Вавилонское идетъ столпотворенъе!
И кстаги-ли, чтобъ кто рѣшился замолчать!
Нѣтъ, всё шумять, кричать, чтобъ всёхъ перекричать!
Все выскажу—и вамъ ни чѣмъ не отыграться.

(Примѣтя, что Клеантъ смѣется).

Ахъ, батюшка! ужъ вы изволите смѣяться?

Ищите дурь, а я быть дурой не хочу!

(Эльмиръ). А вы, сударыня... но лучше замолчу;

Что не досказано—останется за мною.

И я рѣшительно впередъ къ вамъ ни ногою!

(Флипотъ). Чтожъ ты стоишь! Что ты задумалася, тварь!...

(Даетъ ей пощечину).

И вотъ—суди меня и Богъ и государь!

Будь это не при нихъ, ужъ я тебѣ дала бы.

Мольеръ. (Гартюфъ, д. I, явл. 1).

(Досада и раздраженіе).

Софи *(садится къ столу)*. Ахъ, это ты Маріонъ?

Маріонъ. Да-съ, я.

Софи. Какъ ты нарядилася сегодня!

Мар. Да, сударыня, я надѣла новое платье, потому-что я...

Софи. Маріонъ, ты добрая дѣвушка, я не могу не хвалить твоего усердія и хочу доказать мою къ тебѣ привязанность. Садись, Маріонъ. Сегодня ты будешь обѣдать со мною.

Мар. Ахъ, сударыня...

Софи. Что такое?

Мар. Вы вѣрно позабыли...

Софи. О чемъ?

Мар. Сегодня утромъ вы позволили мнѣ уйти послѣ четырехъ часовъ со двора.

Софи. А куда ты хочешь идти?

Мар. Вы знаете, сударыня.

Софи. Нѣтъ, не знаю.

Мар. Я просилась пойти обѣдать къ нашимъ.

Софи. А, у-васъ тоже обѣдъ?.. Ну все равно, ты пойдешь въ другой разъ.

Мар. Но какъ же, сударыня...

Софи. Что это значить? Когда я тебѣ дѣлаю честь и сажаю съ собой за столъ...

Мар. Мнѣ это очень лестно. Но если бъ, сударыня, вы изволили отложить это до завтрашняго...

Софи *(вспыльчиво)*. Что такое?

Мар. Я не знаю, сударыня, чѣмъ вы недовольны, но я не хотѣла васъ разсердить...

Софи. Хорошо, я не сержусь на тебя. Садись за столъ.

Мар. Ахъ, Господи, я очень благодарна; но меня вѣдъ ждуть. Въ нашемъ семействѣ ужъ такой старинный обычай; если я не пойду, мнѣ кажется, это принесетъ несчастье на весь годъ.

Софи. А если я хочу, что бъ вы не ходили?

Мар. Тогда... какъ мнѣ ни жаль! но...

Софи. Кончайте!

Мар. Но я буду принуждена просить...

Софи. Просить?

Мар. Чтобъ вы меня отпустили совсѣмъ.

Софи *(вставая)*. Хорошо, ступайте!

Мар. Вы отсылаете меня, сударыня?

Софи. Я васъ выгоняю—слишите ли? Я васъ выгоняю. Дѣвушка, которую я приняла къ себѣ изъ милости, изъ сожалѣнія, и которая... Что жъ вы еще нейдете?

Мар. *(умоляя)*. Сударыня, повѣрьте...

Софи. Или нужно, чтобъ я позвала людей. *(Идетъ къ туалету и звонитъ)*. Боже, какъ у меня болитъ голова! это все отъ цвѣтовъ. Это ужасные цвѣты! Развѣ ихъ нельзя было поставить куданибудь въ другое мѣсто, въ большую залу, въ погребъ, на чердакъ?

Мар. Да, да, сударыня...

Софи *(держая въ звонки)*. Каковы люди! у меня двадцать человѣкъ прислуги и никто нейдетъ, когда зовутъ... Они просто

согласились меня погубить. *(Она идетъ направо, появляется нѣсколько слугъ съ испуганными лицами).*

ЖЕРМЕНЬ. Изволили звонить, сударыня?

Софи. Молчать! Выбросить всё эти цвѣты въ окно. *(Отворяютъ окно и кидаютъ цвѣты).* Какъ это хорошо! они отворяютъ окно нарочно, чтобъ я простудилась!..

Мар. Но, сударыня, вѣдь нужно...

Софи *(переходя направо)*. Ваше дѣло молчать! О, у меня прекрасная прислуга! Лакеи спятъ въ передней! Я имъ всёмъ отказываю. *(Кучеру)*. Ты, любезный, ты совсѣмъ не умѣешь править, ѣздишь въ коляскѣ, точно въ тѣлегѣ, за все безпрестанно задѣваешь, того-и-гляди, что разобьешь меня...

Кучерь. Я, сударыня.

Софи. Да, ты! И ты можешь искать себѣ другаго мѣста. Ахъ, и вы здѣсь, господинъ метр-д'отель? Что это за трактирный обѣдъ вы приготовляете мнѣ сегодня?

МЕТР.-д'отель. Я приготовилъ то, что вы изволили приказывать: бекасы...

Софи. Бекасы! Но вы меня только и кормите, что бекасами; вотъ цѣлые шесть мѣсяцевъ за обѣдомъ мнѣ ничего не подаютъ кромѣ бекасовъ!

МЕТР.-отель *(смущенный)*. Молодые фрукты...

Софи. Прекрасно, молодые фрукты въ январѣ. Отчего бы ужъ вамъ не подавать рубиновъ и мелкаго жемчуга? тогда было бы еще лучше, я бы разорилась еще скорѣй! Нѣтъ, я вамъ отказываю всёмъ — убирайтесь! убирайтесь всё! чтобъ я васъ болѣе не видѣла... чтобъ я васъ не видѣла болѣе никогда! *(Слуги въ безпорядкѣ уходятъ направо. Она въ волненіи, нѣсколько мгновеній прохаживается по комнатѣ, потомъ въ слезахъ бросается на диванъ)*. Боже мой! Боже мой! какъ я несчастна!..

Декурсель и Тибу. *(Я обѣдаю у маменьки, явл. 6).*

(Раздраженіе, вспыльчивость).

Сераф. Мих. *(запыхавшись)*. Я тебѣ дамъ, мерзавецъ... я тебѣ дамъ, негодяй...

Кат. Ив. Ахъ, мамаша...

Кутузкинъ. Сударыня...

Сераф. Мих. Такъ это вы не велѣли меня принимать?.. вы?..

Кутузк. Да, я... и опять...

Сераф. Мих. Какъ, это меня не принимать? меня?.. мать?.. Мать къ дочери не пускать?.. Да вы это съ чего взяли, да какъ вы это смѣли подумать?.. Да, гдѣ этакой законъ есть, чтобы мать не пускать къ дочери?..

Кутузк. Какая вы мать?.. развѣ вы стоите этого названія?.. Я не велѣлъ пускать къ себѣ въ домъ буйной, развращенной женщины, которая можетъ служить дурнымъ примѣромъ для моей жены...

Сераф. Мих. Что? что? Скажите... благодари, дочка, благодари... ахъ ты дрянъ этакая, ахъ ты купчишка, мѣщанишка... Да кому ты говоришь?.. *(Наступая на Кутузкина)*. Ты забылъ что-ли, что у меня мужъ генераль... А ты кто?..

Кат. Ив. Мамаша... мамаша...

Кутузк. Уйдите вонъ, или я велю васъ вытолкать...

Сераф. Мих. Меня вытолкать, меня? Мать твоей жены... Меня? генеральшу?.. Нѣтъ, скорѣй парикъ твой полетитъ, чѣмъ ты до меня дотронешься... Ты забылъ что-ли, что у меня сынъ есть; мужъ старъ, такъ сынъ вступится... Да я и сама тебѣ глаза выпарапаю... Скажите: откупщишка, наворовалъ денегъ... и важначается... Не думаешь ли ты, что я чего-нибудь пожалѣю; да я тебя такъ оскандалю, что тебѣ носу нельзя будетъ показать... Скажите, скажите... Ахъ Боже мой, меня вытолкать...

Кутуз. *(къ Кат. Ив.)*. Вы видите вашу матушку... Я только жалѣю васъ. Объясните ей, что я больше не желаю ее видѣть въ своемъ домѣ... а то хоть сами съ ней уѣзжайте. Я не могу больше сносить такихъ сценъ... *(Уходитъ)*.

А. Потъхинъ. *(Виноватая, д. II, явл. 6).*

(Досада, раздраженіе, злость).

Городничій (*бьетъ себя по плечу*). Какъ я—нѣтъ, какъ я, старый дуракъ, выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!.. Тридцать лѣтъ живу на службѣ; ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманываль, проидохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обокрасть, поддѣваль на уду; трехъ губернаторовъ обманулъ!.. что губернаторовъ!.. (*махнувъ рукой*) нечего и говорить про губернаторовъ...

Анна Андр. Но это не можетъ быть, Антоша; онъ обручился съ Машенькой!..

Гор. (*въ сердцахъ*). Обручился! купишь съ масломъ — вотъ тебѣ обручился! Лѣзетъ мнѣ въ глаза съ обрученьемъ! (*Въ изумленіи*). Вотъ смотрите, смотрите, весь міръ, все христіанство, всѣ смотрите, какъ одураченъ городничій! Дурака ему, дурака, старому подлецу! (*Грозитъ самому себя кулакомъ*). Эхъ ты толстоносый! Сосульку, тряпку принялъ за важнаго человѣка! Вонъ онъ теперь по всей дорогѣ заливаешь колокольчикомъ! Разнесетъ по всему міру исторію! мало того, что пойдешь въ посмѣшище—найдется щелкоперъ, бумагомарака, въ комедію тебя вставить. Вотъ что обидно! чина, званія не пощадить, и будутъ всѣ скалить зубы и бить въ ладоши. Чему смѣетесь? Надъ собою смѣетесь!.. Эхъ вы! (*Стучитъ со злости объ полъ*). Я бы всѣхъ этихъ бумагомаракъ! У! щелкоперы, либералы проклятые! чортово сѣмя! Узломъ бы васъ всѣхъ завязаль, въ муку бы стеръ васъ всѣхъ, да къ чорту въ подкладку! въ шапку, туда ему!.. (*Суетъ кулакомъ и бьетъ каблукомъ въ полъ. (Послѣ нѣкотораго молчанія)*). До сихъ поръ не могу придти въ себя. Вотъ подлинно, если Богъ хочетъ наказать, такъ отниметъ прежде всего разумъ. Ну что было въ этомъ вертопрахѣ похожаго на ревизора? Ничего не было! Вотъ просто ни на полмизинца не было похожаго — и вдругъ всѣ: ревизоръ, ревизоръ! Ну кто первый выпустилъ, что онъ ревизоръ? отвѣчайте!

Артемій Фил. (*разставивъ руки*). Ужъ какъ это случилось,

хоть убей, не могу объяснить. Точно туманъ какой то ошеломилъ, чортъ попуталъ.

Аммось Фед. Да кто выпустилъ — вонъ кто выпустилъ: эти молодцы (*Показываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго*).

Бовч. Ей, ей, не я! и не думаль.

Довч. Я ничего, совсѣмъ ничего...

Арт. Фил. Конечно вы!

Лука Лук. Разумѣется. Прибѣжали, какъ сумашедшіе изъ трактира: «пріѣхаль, пріѣхаль, и денегъ не платить».. Нашли важную птицу!

Гор. Натурально, вы! сплетники городскіе, луны проклятые!

Арт. Фил. Чтобы васъ чортъ побралъ съ вашимъ ревизоромъ и разказами.

Гор. Только рыскаете по городу, да смущаете всѣхъ, трещотки проклятыя, сплетни сѣте, сороки короткохвостыя!

Ам. Фед. Пачкуны проклятые!

Лука Лук. Колпаки.

Арт. Фил. Сморчки короткобрюхіе. (*Всѣ обступаютъ ихъ*).

Бовч. Ей Богу, это не я, это Петръ Ивановичъ.

Довч. Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, вы вѣдь первые того...

Бовч. А вотъ и нѣтъ, первые то были вы.

Гоголь. (Ревизоръ, д. V, явл. 8).

(Досада).

Кочкаревъ. Ну, былъ ли когда видѣнъ на свѣтѣ подобный человѣкъ! Этакой дуракъ! Да если ужъ пошло на правду, то и я хорошъ. Ну, скажите пожалуйста, вотъ я на васъ всѣхъ сошлюсь: ну не олухъ ли я, не глушь ли я? Изъ чего бьюсь, кричу, инда горло пересохло? Скажите, что онъ мнѣ? родня что ли? И что я ему такое — нянька, тетка, свекруха, кума что ли? Изъ какаго же дьявола, изъ чего, изъ чего я хлопочу о немъ, не знаю себѣ покоя; нелегкая прибрала бы его совсѣмъ? А просто, чортъ знаетъ, изъ за чего! Поди ты, спроси иной разъ человѣка, изъ чего онъ чтонибудь дѣлаетъ? Этакой мерзавецъ! Какаля противная, под-

лая рожа! Взялъ бы тебя, глупую животину, да щелчками бы тебя въ носъ, въ уши, въ ротъ, въ зубы—во всякое мѣсто! (*Въ сердцахъ даетъ нѣсколько щелчковъ на воздухъ*). Вѣдь вотъ что досадно: вышель себѣ — ему и горя мало, съ него все это такъ, какъ съ гуся вода — вотъ что нестерпимо! Пойдетъ къ себѣ на квартиру и будетъ лежать, да покуривать трубку. Экое противное созданье! Бываютъ противныя рожи, но вѣдь этакой, просто, не выдумаешь; не сочинишь хуже этой рожи, ей Богу, не сочинишь! Такъ вотъ нѣтъ-же, пойду нарочно ворочу его, бездѣльника! Не дамъ улизнуть, пойду приведу, подлеца! (*Убѣгаетъ*).

Гоголь. (Женитьба, д. II, явл. 7).

Гнѣвъ (досада, неудовольствіе) см. Женитьбу Гоголя (д. I, явл. 11, д. II, явл. 6, явл. 16 см. Игроки, явл. 25).

(Раздраженіе, гнѣвъ).

МАРИАННА... Нѣтъ, скажи мнѣ,—что она,—лучше, умиѣе, образованнѣе меня? Я хочу знать, чѣмъ она выше меня стоитъ въ глазахъ твоихъ? Я требую этого, ты долженъ сказать мнѣ...

СКАВРОНСКІЙ.—Она нравственнѣе...

(*Маріанна медленно подходитъ къ Скавронскому, глаза ея горятъ*).

МАРИАННА.—А!.. такъ она нравственнѣе меня, эта дѣвушка?.. Я не знала этого. Нравственнѣе, потому что, живя въ глуши, не имѣя понятія о жизни и людяхъ, она не имѣла пока случая споткнуться и упасть!.. Нравственнѣе потому, можетъ быть, что у ней въ жилахъ вмѣсто крови вода течетъ, и она не такъ ревнива, какъ я; ее легко обмануть можно. Нравственнѣе потому, что я сразу открыла тебѣ мою душу, а она дожидается дня свадьбы, чтобы показать тебѣ, что она такое на самомъ дѣлѣ!.. И потому, что я успѣла надоѣсть тебѣ, а она нѣтъ, ты мою слѣпую, безрасчетную любовь называешь безнравственною!.. А самъ ты, только что вырвавшись изъ объятій униженной тобой женщины, поведешь къ алтарю дѣвушку, обманутую тобою и будешь

говорить ей: я люблю васъ!.. Это по твоему нравственно... И ты осмѣлился... у тебя достало духу сказать мнѣ это!..

...Слушай... мы, женщины, прощаемъ многое тѣмъ, кого любимъ, очень многое. Мы уживаемся съ тѣми, кто каждый день бранить и бьеть насъ; мы не отталкиваемъ отъ себя того, кто въ глазахъ всѣхъ людей преступникъ, или ничтожество; мы прощаемъ и тѣхъ, кто обманываетъ, измѣняетъ намъ... Тирановъ, подлецовъ, негодяевъ мы можемъ любить и прощать. Одного мы не можемъ простить; это того оскорбленія, которое ты мнѣ сдѣлалъ. И ни одна женщина въ мірѣ не простить этого, не можетъ, не должна простить. Это выше силъ нашихъ... Поигравши мною, какъ игрушкой, ты на прощанье затопталъ въ грязь то, что было моей святыней, моей добродѣтелью. То чувство, которымъ я дышала, которымъ я дорожила, какъ послѣднимъ обломкомъ моей несчастной жизни, ты нашелъ безнравственнымъ!.. Но довольно... я не люблю тебя больше... Поѣзжай къ своей нравственной невѣстѣ, люби ее, если можешь любить когонибудь... Но помни, что есть вещи на свѣтѣ, которыя никогда не забываются.

*C**** (Потерянный рай, ром.).

(Раздраженіе, вспыльчивость).

ГОРОДНИЧІЙ. А! здорово, соколики!

КУПЦЫ (*кланяясь*). Здравія желаемъ, батюшка!

ГОР. Что, голубчики, какъ поживаете? Какъ товаръ идетъ вашъ? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестіи, надувалы морскіе, жаловаться? Что, много взяли? «Вотъ» думаютъ, «такъ въ тюрьму его и засадятъ»!.. Знаете ли вы, семь чертей и одна вѣдьма вамъ въ зубы, что...

АННА АНДР. Ахъ, Боже мой! какія ты, Антоша, слова проносишь!

ГОР. (*съ неудовольствіемъ*). А, не до словъ теперь! знаете ли, что тотъ самый чиновникъ, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? а? что теперь скажете? Теперь я васъ... Обманываете народъ!.. Сдѣлаешь подрядъ съ казною, на

сто тысячъ надуешь ее, поставивши гнилаго сукна, да потомъ пожертвуешь двадцать аршинъ, да и давай тебѣ еще награду за это! Да если бъ знали, такъ бы тебѣ... И брюхо суетъ впередъ: онъ купецъ, его не тронь, «мы», говорить, «и дворянамъ не уступимъ». Да дворянинъ... ахъ ты рожа! дворянинъ учится наукамъ; его хоть и сбьютъ въ школѣ, да за дѣло, чтобъ онъ зналъ полезное. А ты что? начинаешь плутнями; тебя хозяинъ бьетъ за то, что не умѣешь обманывать. Еще мальчишка, «Отче Нашъ» не знаешь, а ужъ обмѣриваешь; а какъ разопреть тебѣ брюхо, да набьешь себѣ карманъ, такъ и заважничаль! Фу, ты какая невидаль! Оттого что ты шестнадцать самоваровъ выдуешь въ день, такъ оттого и важничаешь. Да я плевать на твою голову и на твою важность!

Купцы (*кланяясь*). Виноваты, Антонъ Антоновичъ!

Гор. Жаловаться? а кто тебѣ помогъ сплутовать, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда какъ его и на сто рублей не было? Я помогъ тебѣ, козлиная борода! Ты позабылъ это? Я, показавши это на тебя, могъ бы тебя также спровадить въ Сибирь. Что скажешь? а?

Одинъ изъ купцовъ. Богу виноваты, Антонъ Антоновичъ, лукавый попуталъ! И закаемся впередъ жаловаться. Ужъ какое хочешь, удовлетвореніе, не гнѣвись только!

Гор. Не гнѣвись! Вотъ ты теперь валяешься у ногъ моихъ. Отчего? оттого, что мое взяло; а будь хоть немножко на твоей сторонѣ, такъ ты бы меня, каналья, втопталъ въ самую грязь, еще бы и бревномъ сверху навалилъ.

Купцы (*кланяются въ ноги*). Не погуби, Антонъ Антоновичъ!

Гор. «Не погуби!» теперь: «не погуби!» а прежде что? Я бы васъ... (*Махнувъ рукою*). Ну, да Богъ проститъ, полно! Я не памятозлобенъ; только теперь смотри, держи ухо востро! Я выдаю дочку не за какаго нибудь простаго дворянина, чтобъ поздравленіе было... понимаешь; не то, чтобъ отбояриться какимъ нибудь балычкомъ, или головою сахару... ну, ступай съ Богомъ!

Гоголь. (Ревизоръ, д. V, явл. 2).

(Негодование).

Чацкій.

А судьи кто?... За древностию лѣтъ,
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима:
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Время очаковскихъ и покоренья Крыма.

Всегда готовые къ журбѣ,
Поютъ все пѣснь одну и ту же,
Не замѣчая о себѣ,
Что старѣе, то хуже.

Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительствомъ богаты,
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ;
Великолѣпныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ,
И гдѣ не истребятъ кліенты—иностранцы
Прощеднаго житія подлѣйшія черты?
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?

Не тотъ ли, вы къ кому меня, еще съ пеленъ,
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ.

Детей возили на поклонъ;
Тотъ Несторъ негодиевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ?

Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И жизнь, и честь его не разъ спасали; вдругъ
На нихъ онъ вымѣнялъ борзья три собаки!
Или—вонъ тотъ еще, который, для затѣй,
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?
Самъ, погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
Заставилъ и Москву дивиться ихъ красъ;
Но должниковъ не согласилъ къ отстрочкѣ:

Амуры и зефиры всѣ
Распроданы по-одиночкѣ!

Вотъ тѣ, которые достигли до сѣдинъ!
Вотъ уважать кого должны мы на безлюдья!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!

Теперь, пускай, изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдется врагъ исканій;
Не требуя не мѣсть, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперить умъ, алчущій познаний,
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ

Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ,
Они тотчасъ: «разбой! пожаръ!»

И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ!
Мундиръ! одинъ мундиръ! Онъ, въ прежнемъ ихъ быту,
Когда-то укрывалъ—расшитый и красивый—

Ихъ слабодушіе, разсудка нищету;
И намъ за ними въ путь счастливый?

И въ женахъ, въ дочеряхъ къ мундиру та же страсть,
Я самъ къ нему давно-ль отъ нѣжности отрекся?

Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть,

Но кто-бы тогда за всѣми не увлекся,

Когда изъ гвардіи, иные отъ двора,

Сюда на время пріѣзжали:

Кричали женщины— ура!

И въ воздухъ чепчики бросали!

Грибондовъ. (Горе отъ ума, д. II, явл. 5).

Коріоланъ. Будеть! будеть!

О добрые и слабые отцы,
Сенатъ почтенный, но недальновидный!
Затѣмъ ли вы народной гидрѣ дали
Трубу и голосъ въ этихъ болтунахъ,
Чтобы они съ своимъ строптивымъ «будеть»

Открыто собиралися направить
Въ болото вашъ властительный потокъ!

Когда у нихъ на то хватаетъ силы,
Склоняйтесь же, безумцы, передъ ними!

А если нѣтъ—опомнитесь и сбросьте

Вы гибельную слабость. Мудры вы,

Такъ не сходитесь съ глупыми; но если

Вы сами глупы, то сажайте ихъ

Съ собою рядомъ! Если вы плебеи,

Они сенаторы—слышнѣй ихъ голосъ,

Чѣмъ ваши голоса. Избрала чернь

Себѣ сановника, и онъ теперь
Кидаетъ слово дерзостное «будеть»

Въ глаза собранью доблестныхъ мужей,

Какого и у грековъ не бывало!

Клянусь Зевесомъ! консульская власть

Унижена и сердцу больно видѣть,

Какъ между двухъ разрозненныхъ властей

Тѣсняется смуты, и одну изъ нихъ

Другую ломаютъ!

Роминій. Полно, всѣ на площадь!

Коріол. Тотъ, кто совѣтъ вамъ далъ—запасы хлѣба
Безъ платы раздавать, какъ иногда
Оно у грековъ дѣлалось...

Мененій. Довольно!

Коріол. Хоть тамъ народъ имѣлъ и больше власти,
Совѣтомъ тѣмъ—я говорю открыто—
Вскормилъ онъ своевольство и бѣду

Для родины.

Брутъ. Какъ? и народъ отдастъ
Отдастъ тому, кто это говоритъ?

Коріол. Дослушай дѣло—поважнѣй оно,
Чѣмъ голосъ черни! Знаютъ всѣ плебеи,
Что не въ награду данъ имъ этотъ хлѣбъ.
Чѣмъ былъ заслуженъ даръ? Когда стояли
Враги на сердцѣ родины—народъ
За ворота отказывался выйти!

За подвиги такіе не даютъ
Безплатно хлѣба. А подъ знаменами
Чѣмъ удалство свое онъ показалъ?

Одними бунтами! Противъ сената
Кто обвиненія вздорныя придумалъ?

Вѣдь не за нихъ же щедро раздаютъ
Награды хлѣбомъ. Я спрошу теперь,

Какъ понята угодливость сената

Желудкомъ черни? Всѣ дѣла плебеевъ

Намъ говорятъ яснѣ словъ: «насъ больше!

Мы захотѣли хлѣба и отъ страху

Они намъ дали хлѣбъ». И святость власти

Унижена, и снисхожденъ наше

Зовется трусостью—и близко время,

Когда спадутъ замки съ воротъ сената,

И галки налетятъ клевать орловъ!

Шекспиръ. (Коріоланъ, д. III, сд. 1).

(Г н ѣ в ъ).

Фаустъ. Страждущая! въ отчаяніи! Послѣ долгаго, бѣдственнаго странствія по землѣ—въ заключеніи! Какъ преступница, лютымъ мукамъ предана,—милое, несчастное созданіе! Вотъ до чего дошло? И ты это скрывалъ отъ меня, негодный демонъ—предатель! Стой себѣ, стой! Вращай свои сатанинскіе глаза! Ругайся надо мною своимъ сатанинскимъ присутствіемъ!—Въ тем-

ницѣ! Въ невыразимыхъ страданіяхъ! Демонамъ оболстителямъ предана и безчеловѣчному суду человѣческому!—А меня ты межъ тѣмъ, ублаживаешь ничтожными, пошлыми развлеченіями? Умалчиваешь о ея возрастающемъ бѣдствіи, оставляешь безпомощную на краю гибели?...

Мефистофель. Она не первая.

Фаустъ. Песнь! Чудовище! О, духъ безконечный, обрати его въ прежній образъ пса, какимъ нѣкогда онъ являлся мнѣ, ползая у ногъ моихъ и лапая ко мнѣ! возврати ему любимый его образъ! Да ползаетъ онъ по песку, глотая пыль, да попру ногами его, отверженнаго! Она не первая! О горе! О бѣдствіе, непостижимое ни единой душѣ человѣческой! Страшная мысль,—мысль о многихъ злополучныхъ, подобныхъ ей! Такъ мало было одной, для искупленія остальныхъ, для примиренія ихъ передъ очами Всепрощающаго? Такъ недостало мученій одной для покрытія виновности другихъ? Или изъ глубины страшнаго бѣдствія не долетали до Него вопли ея отчаянія,—вопли жертвы, терзавшейся въ невыразимыхъ мученіяхъ! До мозга костей моихъ, до глубочайшихъ нѣдръ души тронуть я при мысли объ одной! а ты, чудовище, ты спокойный свидѣтель тысячей подобныхъ жребіевъ.

Мефистофель. Вотъ мы опять на границѣ нашего остроумія; тамъ, гдѣ у тебѣ подобныхъ умъ за разумъ заходитъ. Зачѣмъ же братаешься съ нами, когда это братство тебѣ не по плечу? Хочешь летѣть, а боишься головокруженія? Ты къ намъ навязался, или мы къ тебѣ?

Фаустъ. Не скаль, свои кровожадные зубы! Меня тошнить! Великій, дивный духъ, удостоившій меня явленіемъ своимъ—о, Ты, знающій мое сердце, мою душу, зачѣмъ было приковывать меня къ постыдному товарищу, къ нечестивцу, которому въ радость погибель, бѣдствіе другихъ.

Мефистофель. Кончишь ли ты?

Фаустъ. Спаси ее, или горе тебѣ! Или злѣйшее проклятіе тебѣ на времена неисчислимыя!..

Гете. (Фаустъ, ч. I).

(Возмущеніе).

Гамлетъ (*однимъ*). О, еслибъ плоть моя, столь крѣпкая, могла Растаять и росой распуститься!...
 О, если бы Предвѣчный запрещенія
 Не положилъ противъ самоубійства!
 О, Боже, Боже! Какъ безцвѣтны и ничтожны,
 Какъ пусты кажутся мнѣ жизни наслажденія!
 Какъ жалокъ этотъ свѣтъ! Заглохшій, старый садъ,
 Въ которомъ сорныя одиѣ растутъ лишь травы!
 Возможно ли чтобъ до того дошло?...
 Два мѣсяца всего, какъ умеръ онъ,—да что я!
 И двухъ то нѣтъ еще! Такой монархъ великій,
 Который былъ въ сравненіи съ настоящимъ,
 Гиперіонъ передъ сатиромъ козлоногимъ...
 Такъ полонъ нѣжности къ своей супругѣ!...
 Онъ вѣтру запрещалъ въ лице ей дуть нескромно...
 Земля и небо! Ахъ зачѣмъ я помню?
 Она ему была такъ предана,
 Ея любовь, казалось намъ, росла
 Со счастьемъ любви.
 И чтожъ? Едва прошелъ лишь мѣсяць... Полно!
 Не будемъ вспоминать! Непрочность—
 Твое названье: женщина! Лишь мѣсяць,
 Еще не износились башмаки,
 Въ которыхъ шла она вслѣдъ за отцовскимъ гробомъ
 Въ слезахъ, какъ будто бы какая Ніобея...
 И эта женщина... О небо! звѣрь, безъ смысла,
 Не такъ бы скоро горе позабылъ!
 Она же—за мужемъ! за дядей, братомъ
 Умершаго, но на него похожимъ
 На столько же, какъ я на Геркулеса!
 Чрезъ мѣсяць! вѣдь еще засохнуть не успѣли
 Въ ея глазахъ наплаканныхъ слѣды
 Слезъ заказныхъ, а ужъ она—вѣнчалась!
 Преступная поспѣшность!...
 Не хорошо! не будетъ тутъ пути...
 Разбейся, сердце! Должно мнѣ умолкнуть!

Шекспиръ. (Гамлетъ, д. I, сц. 2).

(Озлобленіе).

Царь (*входитъ*). Достигъ я высшей власти;
 Шестой ужъ годъ я царствую спокойно;

Но счастья нѣтъ моей душѣ...
 Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
 Дни долгіе, дни власти безмятежной:
 Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ:
 Предчувствую небесный громъ и горе.
 Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
 Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
 Щедротами любовь его снискать,
 Но отложилъ пустое попеченье:
 Живая власть для черни ненавистна;
 Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
 Безумны мы, когда народный плескъ
 Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше!
 Богъ насылалъ на землю нашу гладь;
 Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
 Я отворилъ имъ житницы; я злато
 Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
 Они-жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
 Пожарный огонь ихъ дома истребилъ;
 Я выстроилъ имъ новыя жилища:
 Они-жъ меня пожаромъ упрекали!
 Вотъ черни судъ: ищи-жъ ея любви!
 Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
 Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ!
 Какъ буря, смерть уноситъ жениха...
 И тутъ молва лукаво нарекаетъ
 Виновникомъ дочерняго вдовства
 Меня, меня, несчастнаго отца!...
 Кто ни умретъ, я всѣхъ убійца тайный:
 Я ускорилъ Теодора кончину,
 Я отравилъ свою сестру царицу,
 Монахиню смиренную... все я!

Пушкинъ. (Борисъ Годуновъ).

Марцій.

Будетъ тотъ подлець
 Изъ всѣхъ льстецовъ презрѣннѣйшій, кто скажетъ
 Вамъ ласковое слово! Что вамъ нужно,
 Псы, недовольные войной и миромъ?
 Войны вы трусите;—въ спокойной долѣ
 Вы носъ дерете вверхъ. Кто вѣритъ вамъ,
 Въ бою найдетъ васъ зайцами, не львами,
 Гусей увидитъ, гдѣ нужны лисицы!
 Надежнѣй васъ на льду горячій уголь
 И градъ подъ солнцемъ. Вы на то годитесь,
 Чтобъ поклоняться извергамъ преступнымъ

И правду проклинать. Кто смѣлъ и славенъ,
 Тотъ гадокъ вамъ; а сердце ваше рвется,
 Какъ у больнаго прихоть, лишь туда,
 Гдѣ гибель скрыта. Тотъ, кто вѣритъ вамъ
 И дружбѣ вашей—плаваетъ въ водѣ
 Съ свинцомъ на шеѣ. Твари! Вѣритъ вамъ?
 Когда вашъ нравъ мѣняется съ минутой,
 Когда во прахѣ предъ врагомъ вчерашнимъ
 Вы роетесь, а прежняго кумира
 Врагомъ зовете! По какому праву
 Вы бродите по городу и съ крикомъ
 Позорите вы славный нашъ сенатъ,
 Сенатъ, который, вмѣстѣ съ Божьей властью,
 Васъ держитъ въ страхѣ и мѣшаетъ вамъ
 Другъ друга жрать?

(*Менению*). Чего хотятъ они?

Мененій. Другой цѣны на хлѣбъ. По ихъ словамъ,
 Запасовъ много въ городѣ.

Марцій.

Мерзавцы!

По ихъ словамъ! Они, за печью сидя,
 Хотятъ знать все, что дѣлается въ Римѣ,
 По прихоти судьбы рѣшая края!
 Они все знаютъ: кто силенъ, кто слабъ,
 Кто женится, кто въ ходъ пошелъ, въ разсказахъ
 Превознося друзей своихъ, и съ прахомъ
 Противниковъ мѣшая. Хлѣба много
 По ихъ словамъ? Когда-бъ сенатъ построже
 Себя держалъ и мнѣ съ мечемъ позволилъ
 На нихъ напасть; изъ этихъ мертвыхъ гадовъ
 Я навалилъ бы гору—вышиною
 Съ мое копьѣ!

Шекспиръ. (Коріоланъ, д. I, сц. 1).

(Гнѣвъ—иронія).

Антонио.

Ну, что-жъ, Шейлокъ, скажите,
 Хотите вы насъ одолжить?

Шейлокъ.

Синьоръ

Антонио, припомните, какъ часто
 Въ Ріальто вы ругались надо мной
 Изъ-за моихъ же денегъ и процентовъ;
 Я все это всегда переносилъ,
 Съ терпѣніемъ плечами пожимая.
 Терпѣніе—наслѣдственный удѣлъ

Всей націи еврейской! Вы меня
 Ругали псомъ, отступникомъ, злодѣемъ,
 Плевали вы на мой кафтанъ жидовскій
 И это все за то лишь, что своимъ
 Я пользуюсь. Теперь, какъ видно, помощь
 Моя нужна—ну что-жъ! впередъ! и вы
 Приходите ко мнѣ и говорите:
 «Шейлокъ, намъ нужны деньги». Это вы
 Такъ просите—вы, часто такъ плевавшій
 Мнѣ въ бороду, дававшій мнѣ пинки,
 Какъ будто псу чужому, что забрался
 На вашъ порогъ. Вамъ нужны деньги. Что-жъ
 Мнѣ слѣдуетъ отвѣтить? Не сказать-ли:
 «Да развѣ же имѣеть деньги песь?
 Да развѣ же возможно, чтобъ собака
 Три тысячи червонцевъ вамъ дала?»
 Иль, можетъ быть, я долженъ низко шляпу
 Передъ вами снять и тономъ должника,
 Едва дыша, вамъ прошептать смиренно:
 «Почтеннѣйшій синьоръ мой, на меня
 Вы въ среду прошедшую плевали,
 Въ такой-то день вы дали мнѣ пинка,
 Въ другой—меня собакой обругали;
 И вотъ теперь, за ласки эти всѣ,
 Я приношу вамъ столько-то и столько».

Шекспиръ. (Венеціанскій купецъ, д. I, сц. 3).

(Гнѣвъ, ярость, изступленіе).

Горацій. Не заставляй меня краснѣть отъ твоихъ вздоховъ,
 погаси навсегда, изгони изъ сердца твою любовь и пусть моя
 слава будетъ твоей единственной пищей.

Камилла. Такъ дай же мнѣ, варваръ, сердце подобное тво-
 ему и, если хочешь знать, возврати мнѣ моего Куріація, или
 пусть живетъ моя любовь къ нему. Съ его судьбой были связаны
 мои скорби и радости; я обожала его живаго, теперь плачу надъ
 мертвымъ. Не ищи твоей сестры на прежнемъ мѣстѣ твоего сердца;
 во мнѣ ты увидишь только оскорбленную любовницу, которая,
 подобно фуриі, преслѣдующей по пятамъ, будетъ вѣчно упре-
 кать тебя смертью ея любимца. Тигръ, жаждущій крови, ты за-

прещаешь мнѣ плакать, ты хочешь, чтобы я наслаждалась этимъ
 убійствомъ, чтобы, восхваляя до небесъ твои подвиги, я убивала
 бы себя вторично! Пусть же обрушится на тебя столько бѣдствій,
 чтобъ ты могъ мнѣ позавидовать, пусть какъ можно скорѣе зат-
 мится какою нибудь низостью столь драгоценная для твоего звѣр-
 ства слава!

Гор. О небо! кто видѣлъ когда нибудь подобную ярость! Или
 ты думаешь, что я равнодушенъ къ обидамъ, что моя кровь стер-
 пить этотъ смертельный позоръ? Люби, люби этого мертвеца—
 виновника нашего благополучія; но предпочти по крайней мѣрѣ
 воспоминанію о человѣкѣ то, что ты должна Риму, какъ твоей
 родинѣ!

Кам. Римъ, единственный предметъ моей злобы, Римъ, кото-
 рому на жертву ты принесъ моего любимца, Римъ, твоя обо-
 жаемая родина, которую я ненавижу, потому что она тебя про-
 славляетъ!... Пусть сосѣди въ общемъ возстаніи подроютъ твои
 неокрѣпшія основы и, если для этого мало Италиі, да соеди-
 нятся вмѣстѣ Востокъ и Западъ, пусть сотни народовъ, со всѣхъ
 концовъ свѣта, перейдутъ чрезъ моря и горы и разрушатъ этотъ
 Римъ. Пусть падутъ твои стѣны, пусть Римъ разорветъ собствен-
 ными руками свои нѣдра, пусть зальетъ его огненнымъ дождемъ
 небесный гнѣвъ, зажженный моими мольбами! О, если бы я могла
 сама моими собственными глазами увидѣть эту молнію, увидѣть
 пепель твоихъ домовъ и прахъ твоихъ лавровъ, увидѣть послѣд-
 няго Римлянина при его послѣднемъ издыханіи; сознавать себя
 единственною виновницею всего этого и, наслаждаясь всѣмъ
 этимъ, умереть!...

Корнель. (Горацій, д. IV, сц. 5).

(Злость).

Г-жа Простакова (*Тихонъ*). А ты, скоть, подойди поближе.
 Не говорила-ль я тебѣ, воровская харя, чтобы ты кафтанъ пустилъ
 шире? Дитя, первое, растеть; другое, дитя и безъ узкаго кафтана
 деликатнаго сложенія. Скажи, болванъ, чѣмъ ты оправдаешься?

Тришка. Да вѣдь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вамъ докладывалъ: ну да извольте отдавать портному.

Г-жа Прост. Такъ развѣ необходимо надобно быть портнымъ, чтобъ умѣть сшить кафтанъ хорошенько? Экое скотское разсужденіе!

Тришка. Да вѣдь портной то учился, сударыня, а я нѣтъ.

Г-жа Прост. Еще онъ же и спорить. Портной учился у другаго, другой у третьяго, да первый то портной у кого учился, говори, скоть.

Тришка. Да первый то портной, можетъ быть, шилъ хуже и моего.

Митрофанъ (*вбѣгаетъ*). Звалъ батюшку. Изволилъ сказать: тотчасъ.

Г-жа Прост. Такъ поди-жъ вытащи его, коли добромъ не дозовешься.

Митр. Да вотъ и батюшка. (*Простаковъ входитъ*).

Г-жа Прост. Что, что ты отъ меня прятаться изволишь? Вотъ, сударь, до чего ядожила съ твоимъ потворствомъ. Какова сыну обновка къ дядину сговору! Каковъ кафтанецъ Тришка сшить изволилъ?

Прост. (*отъ робости запинаясь*). Мѣ... мѣшковать немного.

Г-жа Прост. Самъ ты мѣшковать, умная голова.

Прост. Да я думалъ, матушка, что тебѣ такъ кажется.

Г-жа Прост. А ты самъ развѣ ослѣпъ?

Прост. При твоихъ глазахъ мои ничего не видятъ.

Г-жа Прост. Вотъ какимъ муженькомъ наградила меня Господь: не смыслить самъ разобратъ, что широко, что узко.

Прост. Въ этомъ я тебѣ, матушка, и вѣрилъ и вѣрю.

Г-жа Прост. Такъ вѣрь же и тому, что я холопямъ потакать не намѣрена. Поди, сударь, и теперь же накажи.

Фонъ-Визинъ. (Недоросль, д. I, явл. 2 и 3).

(Озлобленіе).

Еремьевна. Все дядюшка напугалъ. Чуть было въ волосы ему не вцѣпился. А ни за што... ни про што...

Г-жа Прост. (*въ злость*). Ну...

Ерем. Присталъ къ нему, хочешь ли жениться?

Г-жа Прост. Ну...

Ерем. Дитя не потаилъ: ужъ давно де, дядюшка, охота беретъ. Какъ онъ остервенится, моя матушка, какъ вскинется!...

Г-жа Прост. (*дрожа*). Ну... а ты, бестія, остолбенѣла, а ты не впилась братцу въ харю, а ты не раздернула ему рыла по уши...

Ерем. Приняла было! Охъ, приняла, да...

Г-жа Прост. Да... да что—не твое дитя, бестія! По тебѣ ребенка хоть убей до смерти.

Ерем. Ахъ, Создатель, спаси и помилуй! Да кабы братецъ въ ту минуту отойти не изволилъ, то я-бъ съ нимъ поломалась. Притупились бы эти (*показывая на ногти*), я-бъ и клыковъ беречь не стала.

Г-жа Прост. Всѣ вы, бестіи, усердны на однихъ словахъ, а на дѣлѣ...

Фонъ-Визинъ. (Недоросль, д. II, явл. 6).

(С т ы д ъ).

Леди (*одна, стоитъ въ оцѣпенѣннѣи и внѣ себя, обративъ неподвижный взглядъ на дверь, въ которую въшла Луиза; наконецъ приходитъ въ себя*). Что это? Что было со мной? Что говорила эта несчастная? Боже! они еще раздражаютъ мнѣ слухъ, эти страшныя, осуждающія меня слова: «возмите его себѣ!»—Кого, несчастная? Подарокъ твоего предсмертнаго хрипа—ужасное наслѣдство твоего отчаянія? Боже! Боже! какъ низко я упала! какъ внезапно свержена я со всѣхъ троновъ своей гордости! Мнѣ приходится въ томительномъ голодѣ ждать подавнїя отъ велико-

душной нищей въ ея послѣдней смертной агоніи!—«Возмите его себѣ!» Какимъ тономъ сказала она это! съ какимъ взглядомъ! О! Эмили! затѣмъ ли преступила ты границы твоего пола? затѣмъ ли старалась приобрести пышное имя высокой британской женщины, чтобы все хвастливое зданіе твоей чести рухнуло передъ высшею добродѣтелью безпомощной мѣщанской дѣвушки? Нѣтъ, несчастная! нѣтъ! погоди гордиться!... Эмилию Мильфордъ можно устыдить; но она никогда не опозоритъ себя! И я найду въ себѣ силу отказаться! (*Ходитъ величественно назадъ и впередъ*). Прочь отъ меня теперь, женская слабость, женскія сѣтованія! Прощайте, отрадныя, золотыя картины любви!—Пусть одно великодушіе руководитъ мной!.. Или эта любящая чета погибнетъ, или Мильфордъ оставитъ свои притязанія и исчезнетъ изъ сердца герцога! (*Помолва, съ живостью*). Дѣло сдѣлано!... Страшное препятствіе уничтожено—разорваны всякіе узы между мною и герцогомъ. Я исторгла изъ своего сердца эту безумную любовь! Въ твои руки предаю я себя, добродѣтель! Прими кающуюся дочь твою, Эмилию! О! какъ мнѣ хорошо!... какъ легко стало мнѣ вдругъ, какъ отраднo! Величаво, какъ западающее солнце, сойду я сегодня съ высоты своего величія; пусть все пышное могущество мое умретъ вмѣстѣ съ моей любовью; въ гордое изгнаніе свое не возьму я ничего, кромѣ сердца! (*Идетъ съ рѣшимостью къ письменному столу*). Сейчасъ же должна я все покончить—сейчасъ же! Прелести любимаго юноши, пожалуй, возобновятъ кровавую борьбу въ моемъ сердцѣ! (*Садится и начинаетъ писать*).

Шиллеръ. (Коварство и любовь, д. IV, сц. 8).

(Замѣшательство).

Лубянской (не видя мужа). А, вы здѣсь! А я напрасно проискалъ васъ въ саду? Какъ кончилась ваша ссора? а? Вы прекрасно сдѣлали, что вошли наконецъ въ свои права... что-съ? (*Видя, что Рожкова работаетъ съ усердіемъ, оглядывается*). А, и онъ тутъ! Я его и не замѣтилъ... впрочемъ, я съ нимъ не це-

ремонюсь... (*Рожковъ при этихъ словахъ грозитъ кулакомъ*). Такъ вы рѣшились его оставить — чудесно! Я слышалъ конецъ вашей ссоры... (*Она занимается еще усерднѣй работой*). Что вы говорите? Вы, кажется, что-то сказали?... (*Молчаніе*). А? (*Съ безпокойствомъ начинаетъ откашливаться*). Гм! гм! (*Подходя къ Рожковой*). Послушайте... если вы поѣдете къ роднымъ, я охотно буду вашимъ провожатымъ, хоть на край свѣта... вы позволите? да? (*Она еще усильнѣе занимается шитьемъ*). А если бы вздумали прокатиться по Европѣ, смѣло могу сказать, вы не нашли бы лучше кавалера. Я обѣдаю сегодня у васъ? (*Таже игра Рожковой. Въ сторону*). Да что они, онѣмѣли?... (*Переходитъ къ Рожкову*). Александра Михайловна приглашаетъ меня отобѣдать съ вами... да брось этотъ вздоръ! (*вынимая часы*). Смотри, ужъ время! (*Мертвое молчаніе*). Да что же ты надулся? Сердишься, что ли на меня? (*Таже игра Рожкова*). Тутъ что нибудь да не такъ... (*Переходя къ Рожковой*). Вамъ вѣрно угодно, чтобы я уѣхалъ? (*Молчаніе*). Я забылъ мой хлыстикъ... и воротился... я не зналъ... (*Въ сторону*). Да это просто мистификація... я долженъ быть очень смѣшонъ! Но... надо же какъ нибудь поддержать себя. (*Садится, развалиясь*). Антонъ Антонычъ, вели подать закуску! (*Напѣвая не смѣло что нибудь: тра, ла, ла... вдругъ останавливается*). Я, признаться, ужасно проголодался... не мудрено: проскакать верхомъ такую даль! (*Оборачиваясь къ Рожкову*). А? (*Къ ней*). Что-съ? (*Общее молчаніе. Лубянской встаетъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, беретъ свой хлытъ, роняетъ его, поднимаетъ, снова кладетъ на прежнее мѣсто и беретъ свою шляпу, все поглядывая то на мужа, то на жену, которые не обращаютъ никакого вниманія на его дѣйствія и совершенно погружены въ свои занятія. Топая ногами*). Чортъ возьми! Я не знаю, какъ теперь уйдти отсюда... а надо бы дать тягу... преглуное положеніе! (*Снова разваливается на диванъ*). Гм! Вмѣсто этого дивана, я бы желалъ провалиться сквозь землю...

Лиза (*входитъ*). Пожалуйте кушать! (*Всѣ поднимаются съ своихъ мѣстъ*).

Луб. (*съ радостью*). Обѣдать! Наконецъ! (*Быстро подхо-*

дитъ къ Рожковой, ловко расшаркивается и предлагаетъ руку; она, увернувшись, подходитъ къ мужу и, взявъ его подъ руку; идетъ черезъ всю сцену, мимо Лубянского, въ ту дверь, откуда вышла Лиза).

Луб. (стоя, какъ окаменѣлый, послѣ ихъ ухода, Лизъ). Скажи отъ меня этому болвану и своей барынь... (Лиза, оглядѣвъ его съ заносчивостью и не давъ ему кончить фразы, поворачивается къ нему спиной и убѣгаетъ).

Луб. (надѣвъ шляпу). И эта туда же! (Подходя къ аванс-сценѣ). Каково положеніе? Бываль ли ктонибудь, господа, въ такомъ положеніи? А? Что-съ? Вы что-то сказали? (Молчаніе). И здѣсь молчатъ! О, теперь мнѣ становится страшно!..

Крестовскій. (Средство выгонять волокитъ, явл. 12 и 13).

(Замѣшательство, стыдъ).

Агафья Тихоновна (одна, потомъ Кочкаревъ). Право, такое затрудненіе — выборъ. Если бы еще одинъ, два человѣка, а то четверо—какъ хочешь, такъ и выбирай. Никаноръ Ивановичъ недурень, хотя конечно худощавъ. Иванъ Кузьмичъ тоже недурень. Да если сказать правду, Иванъ Павловичъ тоже хоть и толстъ, а вѣдь очень видный мужчина. Прошу покорно, какъ тутъ быть? Балтазаръ Балтазаровичъ опять мужчина съ достоинствами. Ужъ какъ трудно рѣшиться, такъ просто рассказать нельзя, какъ трудно! Если бы губы Никанора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича, да взять скольконибудь развязности, какая у Балтазара Балтазаровича, да пожалуй, прибавить къ этому еще «дородности» Ивана Павловича — я бы тогда тотчасъ же рѣшилась. А теперь, поди, подумай! просто, голова даже стала болѣть. Я думаю, лучше всего кинуть жребій. Положиться во всемъ на волю Божию, кто выкинется, тотъ и мужъ.. Напишу ихъ всѣмъ на бумажкахъ, сверну въ трубочки, да и пусть будетъ, кто будетъ. (Подходитъ къ столу, вынимаетъ оттуда ножницы и бумагу, нарѣзываетъ билетки и скатываетъ, продолжая говорить). Такое несчастное положеніе дѣ-

вицы, особливо еще влюбленной. Изъ мужчинъ никто не войдетъ въ это, и даже просто, не хотѣтъ понять этого. Вотъ они всѣ ужъ готовы! Остается только положить ихъ въ ридикюль, зажмурить глаза, да и пусть будетъ, что будетъ (Кладетъ билетки въ ридикюль и мѣшаетъ ихъ рукою). Страшно... Ахъ, если бы Богъ далъ, чтобы вынулся Никаноръ Ивановичъ! нѣтъ! отчего же онъ? лучше Иванъ Кузьмичъ. Отчего же Иванъ Кузьмичъ? чѣмъ же худы тѣ, другіе... Нѣтъ, нѣтъ, не хочу... какой выберется, такой пусть и будетъ. (Шаритъ рукою въ ридикюль и вынимаетъ вмѣсто одного всѣ). Ухъ всѣ! всѣ вынулись! А сердце такъ и колотится! Нѣтъ, одного, одного, непременно одного! (Кладетъ билетки въ ридикюль и мѣшаетъ; въ это время входитъ потихоньку Кочкаревъ и становится позади). Ахъ, если бы вынуть Балтазара... что я! хотѣла сказать Никанора Ивановича... Нѣтъ, не хочу, не хочу, какъ прикажетъ судьба!

Кочкаревъ. Да возьмите Ивана Кузьмича, всѣхъ лучше.

Аг. Тих. Ахъ! (Вскрикиваетъ и закрываетъ лицо обѣими руками, страшась взглянуть назадъ).

Кочк. Да чего жъ вы испугались? Не пугайтесь, это я. Право, возьмите Ивана Кузьмича.

Аг. Тих. Ахъ, мнѣ стыдно: вы подслушали.

Кочк. Ничего, ничего! вѣдь я свой, родня, передо мною нечего стыдиться, откройте же ваше личико.

Аг. Тих. (въ половину открывая лицо). Мнѣ право стыдно.

Кочк. Ну, возьмите же Ивана Кузьмича.

Аг. Тих. (вскрикиваетъ и вновь закрывается руками).

Кочк. Право, чудо человѣкъ, усовершенствовалъ часть свою... просто удивительный человѣкъ!

Аг. Тих. (понемногу открываетъ лицо). Какъ же, а другой? а Никаноръ Ивановичъ,—вѣдь онъ тоже хорошій человѣкъ.

Гоголь. (Женитьба, д. II, явл. 1).

(Замѣшательство).

Старикъ (*сидя на диванъ и оцупывая себя*). Чего бы я такого вреднаго съѣлъ?... (*Вскрикиваетъ*). А! грибы... точно: въ соусѣ были грибы... Ахъ, проклятый поваришка! прошу покорно: наклалъ въ соусъ грибовъ... Мальчикъ! (*мальчикъ входитъ*). Позови Максима! (*Максимъ входитъ*). Ты что такое?

Максимъ (*молчитъ*).

Стар. У тебя есть языкъ?

Макс. (*молчитъ*).

Стар. Да говори же: есть у тебя языкъ?

Макс. (*постынно*). Какже, судырь, какже!

Стар. Покажи!

Макс. (*плотно сжимая губы*).

Стар. Ну!

Макс. (*переминается*).

Стар. Мальчикъ! (*Мальчикъ входитъ*). Скажи ему, чтобъ онъ показалъ языкъ.

Мальч. Ну, покажи языкъ!

(*Максимъ нерышительно и застычиво высовываетъ языкъ*).

Стар. Отчего же ты молчишь?

Макс. (*молчитъ*).

Стар. Что, ты глухъ?

Макс. Нѣтъ-съ.

Стар. Чтожъ, у тебя пенька въ ушахъ что-ли? Мальчикъ! вынь ему пеньку изъ ушей.

Мальч. Ну, говори!

Макс. (*молчитъ*).

Стар. Ты что такое?

Макс. (*недоумывая, молчитъ*).

Стар. Ты будешь мнѣ сегодня отвѣчать?

Макс. Ммъ... ммъ...

Стар. Я тебя спрашиваю, ты что такое: кузнецъ, плотникъ, слесарь...

Макс. (*съ радостною поспышностью*). Поваръ, судырь, поваръ.

Стар. Ты изготовилъ сегодня все, какъ я тебѣ приказывалъ?

Макс. (*безпокоясь, шопотомъ*). Все.

Стар. Ты что сегодня готовилъ?

Макс. Супъ, холодное... (*Запинается*).

Стар. Ну?..

Макс. (*глухо*) соусъ, (*постынно*) жаркое, пирожное...

Стар. Стой, стой... зачистилъ!.. соусъ?

Макс. (*робко*). Соусъ.

Стар. Съ чѣмъ?

Макс. (*молчитъ*).

Стар. Говори!

Макс. Съ красной подливкой... жаркое-съ...

Стар. Да нѣтъ! ты постой! съ чѣмъ соусъ?

Макс. Съ красной подливкой.

Стар. А еще съ чѣмъ... ни съ чѣмъ больше... а?..

Макс. Ни съ чѣмъ, судырь, ни съ чѣмъ!

Стар. А грибовъ въ соусѣ не было?

Макс. (*блѣднѣя, молчитъ*).

Стар. Не было грибовъ?

Макс. Ммъ... мм...

Стар. Ну?..!

Макс. Немножко, судырь... такъ... только для духу.

Стар. Немножко?.. Ты что такое?

Макс. Поваръ, судырь.

Стар. Чей?

Макс. Вашей милости.

Стар. Ты долженъ меня слушаться?

Макс. Какже, судырь, какже.

Стар. Я тебѣ что приказывалъ?

Макс. (*молчитъ*).

Стар. Говори: приказывалъ я тебѣ класть въ кушанье грибы?

Макс. Нѣтъ, судырь.

Стар. Зачѣмъ же ты положилъ ихъ?

МАКС. (*молчитъ*).

СТАР. Ну, говори: зачѣмъ? А?..

МАКС. Да я такъ... немножко... я думалъ... только...

СТАР. Стой, что ты думалъ?

МАКС. Да я думалъ, судьба, что оно вкуснѣе будетъ.

СТАР. Вкуснѣе! прошу покорно, вкуснѣе будетъ!.. Ему и дѣла нѣтъ, что баринъ нездоровъ... Онъ радъ мухоморами накормить... валить грибы, очертя голову, а тутъ хоть умирай... знаешь ли, что ты со мной надѣлалъ?

МАКС. Не могу знать-съ.

СТАР. Мальчикъ, подведи его сюда. (*Мальчикъ подводитъ повара къ столу. Старикъ показываетъ повару языкъ*). Видишь?

МАКС. Вижу-съ.

СТАР. Бѣлый?

МАКС. Бѣлый-съ.

СТАР. Какъ снѣгъ?

МАКС. Какъ снѣгъ.

СТАР. Что мнѣ съ тобой сдѣлать?

МАКС. (*молчитъ*).

СТАР. А?

МАКС. Не знаю, судьба.

СТАР. Какъ думаешь?

МАКС. (*долго молчитъ*).

СТАР. Ступай! да положи у меня еще разъ грибовъ!!.. (*Максимъ поспѣшно уходитъ*).

Некрасовъ и Станинскій (ром. Три страны свѣта, ч. III, гл. 2).

Подколесинъ и Агафья Тихоновна.

Аг. Тих. Прошу покорнѣйше садиться! (*Садятся и молчатъ*).

Подк. Вы, сударыня, любите кататься?

Аг. Тих. Какъ-съ кататься?

Подк. На дачѣ очень пріятно лѣтомъ кататься на лодкѣ.

Аг. Тих. Да-съ, иногда съ знакомыми прогуливаемся.

Подк. Какое-то лѣто будетъ—неизвѣстно.

Аг. Тих. А желательно, чтобы было хорошо. (*Оба молчатъ*).

Подк. Вы, сударыня, какой цвѣтокъ больше любите?

Аг. Тих. Который покрѣпче пахнетъ-съ—гвоздику-съ.

Подк. Дамамъ очень идутъ цвѣты.

Аг. Тих. Да, пріятное занятіе. (*Молчаніе*). Въ которой церкви вы были въ прошлое воскресенье.

Подк. Въ Вознесенской, а недѣлю назадъ тому, былъ въ Казанскомъ соборѣ. Впрочемъ, молиться все равно, въ какой бы ни было церкви. (*Молчатъ. Подколесинъ барабанитъ пальцами по стулу*). Вотъ скоро будетъ екатерингофское гулянье.

Аг. Тих. Да, чрезъ мѣсяць, кажется.

Подк. Даже и мѣсяца не будетъ.

Аг. Тих. Должно быть, веселое будетъ гулянье.

Подк. Сегодня восьмое число (*считаетъ по пальцамъ*) девятое, десятое, одиннадцатое... черезъ двадцать два дня.

Аг. Тих. Представьте, какъ скоро!

Подк. Я сегодняшняго дня не считаю. (*Молчаніе*). Какой это смѣлый русскій народъ!

Аг. Тих. Какъ?

Подк. А работники. Стоять на самой верхушкѣ... Я проходилъ мимо дома, такъ штукатуричекъ штукатуричь и не боится ничего.

Аг. Тих. Да-съ. Такъ это въ какомъ мѣстѣ?

Подк. А вотъ по дорогѣ, по которой я хожу всякій день въ департаментъ. Я вѣдь каждое утро хожу въ должность. (*Молчаніе. Подколесинъ опять начинаетъ барабанить пальцами, наконецъ беретъ за шляпу и раскланивается*).

Аг. Тих. А вы уже хотите...

Подк. Да-съ. Извините, что, можетъ быть, наскучилъ вамъ.

Аг. Тих. Какъ-съ можно! Напротивъ, я должна благодарить за подобное препровожденіе времени.

Подк. (*улыбаясь*). А мнѣ право такъ кажется, что я наскучилъ.

Аг. Тих. Ахъ, право нѣтъ.

Подк. Ну, такъ если нѣтъ, такъ позвольте мнѣ и въ другое время, вечеркомъ когда нибудь.

Аг. Тих. Очень пріятно-сь. (*Раскланиваются. Подколесинъ уходитъ*).

Гоголь. (Женитьба, д. II, явл. 14).

(Страхъ, опасеніе).

Жидъ. Да, на бароновыхъ похоронахъ
Прольется больше денегъ, нежели слезъ.
Пошли вамъ Богъ скорѣй наслѣдство.

Альберъ. Амен!

Жидъ. А можно бѣ...

Альберъ. Что?

Жидъ. Такъ, думалъ я, что средство
Такое есть...

Альберъ. Какое средство?

Жидъ. Такъ—
Есть у меня знакомый старичекъ,
Еврей, аптекарь бѣдный...

Альберъ. Ростовщикъ

Жидъ. Такой же, какъ и ты, иль почестнѣе?
Нѣтъ, рыцарь, Товій торгъ ведетъ иной:
Онъ составляетъ капли... право, чудно,
Какъ дѣйствуютъ онѣ.

Альберъ. А что мнѣ въ нихъ?

Жидъ. Въ стаганъ воды подлить... трехъ капель будетъ,
Ни вкуса въ нихъ, ни цвѣта незамѣтно;
А человекъ безъ рѣзи въ животѣ,
Безъ тошноты, безъ боли умираетъ.

Альберъ. Твой старичекъ торгуетъ ядомъ?

Жидъ. Да—
И ядомъ.

Альберъ. Что жъ, въ займы, на мѣсто денегъ
Ты мнѣ предложишь стьяногъ двѣсти яду—
За стьянку по червонцу. Такъ, что ли?

Жидъ. Смѣяться вамъ угодно надо мною.
Нѣтъ, я хотѣлъ... быть можетъ, вы... я думалъ,
Что ужъ барону время умереть.

Альберъ. Какъ! отравить отца! И смѣлъ ты сыну!...
Иванъ! держи его. И смѣлъ ты мнѣ!..
Да знаешь ли, жидовская душа,
Собака, змѣй, что я тебя сейчасъ же,
На воротахъ повѣшу!

Жидъ. Виновать!
Простите, я шутилъ.

Альберъ. Иванъ, веревку!
Жидъ. Я... я шутилъ. Я деньги вамъ принесъ.
Альберъ. Вонъ, песь! (*Жидъ уходитъ*).

Пушкинъ. (Скупой рыцарь, сц. 1).

(Опасеніе, испугъ).

Городничій (*вошедъ, останавливается, оба, Хлестаковъ и Гор. въ испугъ смотрятъ нѣсколько минутъ одинъ на другаго, выпучивъ глаза. Городничій, нѣсколько оправившись и протянувъ руки по швамъ*). Желая здравствовать!

Хлестаковъ (*кланяется*). Мое почтеніе!

Гор. Извините!

Хлест. Ничего...

Гор. Обязанность моя, какъ градоначальника здѣшняго города, заботиться о томъ, чтобы проѣзжающимъ и всѣмъ благороднымъ людямъ никакихъ притѣсненій...

Хлест. (*сначала немного заикается, но къ концу рѣчи говоритъ громко*). Да что-жъ дѣлать?... Я не виноватъ... я, право, заплачу... Мнѣ пришлютъ изъ деревни. (*Бобчинскій выглядываетъ изъ за дверей*). Онъ больше виноватъ: говядину мнѣ подаютъ такую твердую, какъ бревно; а супъ—онъ, чортъ знаетъ, что плеснулъ туда, я долженъ былъ выбросить его за окно. Онъ меня моритъ голодомъ по цѣлымъ днямъ... чай такой странный: воняетъ рыбой, а не чаемъ. За что-жъ я... Вотъ новость!

Гор. (*робня*). Извините, я, право, не виноватъ. На рынокѣ у меня говядина всегда хорошая. Привозятъ холмогорскіе купцы, люди трезвые и поведенія хорошаго. Я ужъ не знаю, откуда онъ беретъ такую. А если что не такъ, то... Позвольте мнѣ предложить вамъ переѣхать со мною на другую квартиру.

Хл. Нѣтъ, не хочу? Я знаю, что значить на другую квартиру; то есть—въ тюрьму. Да какое вы имѣете право, да какъ вы смѣете?... Да вотъ я... я служу въ Петербургѣ... (*вордо*) я... я... я...

Гор. (*въ сторону*). О Господи ты Боже, какой сердитый! Все узналъ, все рассказали проклятые купцы!

Хл. (*храбрысь*). Да вотъ вы хотъ тутъ со всейсвоей командой— не пойду! Я прямо къ министру! (*Стучитъ кулакомъ по столу*). Что вы? что вы?

Гор. (*вытянувшись и дрожжа вѣсьмъ тѣломъ*). Помилуйте, не погубите! Жена, дѣти маленькія... не сдѣлайте несчастнымъ чело- вѣка...

Хл. Нѣтъ, я не хочу! Вотъ еще! Мнѣ какое дѣло? Оттого, что у васъ жена и дѣти, я долженъ идти въ тюрьму, вотъ пре- красно. (*Бобчинскій вылядываетъ въ дверь и въ испуль пря- чется*). Нѣтъ благодарю покорно, не хочу.

Гор. (*дрожжа*). По неопытности, ей Богу, по неопытности. Недостаточность состоянія. Сами изволите посудить, казеннаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ. Если же и были какія взятки, то самая малость: къ столу что нибудь, да на пару платья...

Гоголь. (Ревизоръ, д. II, явл. 8).

(Испугъ, см. Ревизоръ, конецъ явл. 6, д. IV).

(Безпокойство, опасеніе).

Юсовъ (*кланяется*). Еще не пріѣзжали-съ?

Вышневецкая. Нѣтъ еще. Садитесь. (*Юсовъ садится*). Вы чѣмъ-то встревожены?

Юсовъ. Нѣтъ словъ-съ... уста нѣмѣютъ.

Вышневецкая. Да что такое?

Юсовъ (*качаетъ головой*). Человѣкъ все равно... корабль по морю... вдругъ кораблекрушеніе, и нѣсть спасающаго!...

Вышневецкая. Я васъ не понимаю.

Юсовъ. Я на счетъ бренности... что прочно въ жизни сей? Съ чѣмъ придемъ? съ чѣмъ предстанемъ?... Однѣ дѣла... можно сказать, какъ ноша за спиной... въ обличеніе... и помышленія даже... (*махнувъ рукой*) всѣ записаны.

Вышневецкая. Что, умеръ что-ли кто нибудь?

Юсовъ. Нѣтъ-съ, переворотъ въ жизни. (*Нюхаетъ табакъ*).

Въ богатствѣ и въ знатности затмѣніе бываетъ... чувствъ на- шихъ... забываемъ нищую братію... гордость, плотоугодіе... За то и наказаніе бываетъ по дѣламъ нашимъ.

Вышневецкая. Я это давно знаю; не понимаю только, къ чему вы передо мной теряете даромъ свое краснорѣчіе.

Юсовъ. Близко сердцу моему... Положимъ, хотъ я тутъ не подлежу большой отвѣтственности... но все-таки надъ такой осо- бой! Что прочно... когда и санъ не защищаетъ.

Вышневецкая. Надъ какой особой?

Юсовъ. Опала на насъ-съ.

Вышневецкая. Да говорите!

Юсовъ. Открылись, якобы, опущенія, недочеты суммъ и раз- ныя злоупотребленія.

Вышневецкая. Что-же?

Юсовъ. Такъ насъ подъ судъ-съ... То есть я-то собственно не подлежу большой отвѣтственности, а Аристархъ Владимірычъ должны будутъ...

Вышневецкая. Что должны?

Юсовъ. Отвѣтствовать всѣмъ своимъ имуществомъ и под- вергнуться суду за противозаконные, якобы, поступки.

Вышневецкая. (*поднявъ глаза*). Начинается расплата!

Юсовъ. Конечно, смертный... стануть придираяться, такъ, пожалуй, найдутъ, что нибудь; я такъ полагаю, что, по нынѣш- нимъ строгостямъ, отставятъ... Долженъ буду бѣдствовать безъ куса хлѣба.

Вышневецкая. Вамъ, кажется, далеко до этого.

Юсовъ. Да вѣдь дѣти-съ. (*Молчаніе*). Я все думалъ дорогой, съ прискорбіемъ думалъ: за что такое поущеніе на насъ? За гордость... Гордость ослѣпляетъ человѣка, застилаетъ глаза.

Вышневецкая. Полноте, какая тутъ гордость! просто за взятки.

Юсовъ. Взятки? Взятки что-съ, маловажная вещь... многіе подвержены. Смиренія нѣтъ, вотъ главное... Судьба все равно, что фортуна... какъ изображается на картинѣ... колесо, и на немъ люди... поднимается къ верху и оячь опускается внизъ, возвышается и потомъ смиряется, превозносится собой и оячь

ничто... такъ все кругообразно. Устраивай свое благосостояніе, трудись, приобретай имущество... возносись въ мечтахъ... и вдругъ нагъ!... Надпись подписана подъ этой фортуной... (*Съ чувствомъ*).

Чуденъ въ свѣтѣ человѣкъ!
Суетится цѣлый вѣкъ,
Счастія сыскать желаетъ,
А того не воображаетъ,
Что судьба имъ управляетъ.

Вотъ раскусить надо! Вотъ что долженъ человѣкъ помнить! Мы родимся, ничего не имѣемъ, такъ и въ могилу. Для чего же трудимся? Вотъ философія! Что нашъ умъ? Что онъ можетъ постигнуть?

Островскій. (Доходное мѣсто, д. V, явл. 2).

(Испугъ мнимаго отравленія).

Дынинъ (*смотритъ вслѣдъ Нилову въ совершенномъ недоумѣніи*). Что жъ все это значить?.. Сплю я, что ли?.. Подумаешь, что въ самомъ дѣлѣ ужалила его змѣя ревности!.. Между тѣмъ... (*принужденно смѣясь*) вѣдь это все вздоръ?..

ВѢРА (*въ слезахъ*). Нѣтъ, дядя! Къ несчастію, это правда!

Дынинъ (*озабоченно*). Нечего сказать, славная была бы исторія, если бъ онъ точно съ ума сошелъ!.. Эхъ, что я говорю?.. Чепуху какую!.. Это притворство!..

ВѢРА. Нѣтъ, нѣтъ! Не притворство!

Дынинъ. Такъ поздравляю тебя съ успѣхомъ пробы!.. А еще увѣряла, что онъ не ревнивъ!.. Да онъ сумашедшій! Ревнивецъ самаго Отелло!..

ВѢРА. Могла-ли я это предвидѣть!

Дынинъ. По крайней мѣрѣ, вы убѣдились въ чемъ слѣдуетъ. (*Садится къ столу направо*). Вотъ тебѣ и (*подражая Вѣрѣ*) «кто любить страстно, тотъ ревнуетъ»!.. Вотъ она, ваша поэзія—на повѣрку выходитъ—не слишкомъ вкусна...

ВѢРА. Что мнѣ теперь дѣлать?.. (*Закрываетъ лицо руками*).

Дынинъ. Перестанешь ли ты рюмить?.. Къ чему эти вопли?.. (*Беретъ стаканъ, въ который Ниловъ всыпалъ порошокъ и пьетъ*). Вотъ ужо, какъ онъ поуходится, мы ему зададимъ трезвонъ!.. (*Смотритъ на дно стакана и нюхаетъ*). Да кой чортъ? Что это въ водѣ то было?..

ВѢРА (*взглянувъ на Дынина, въ ужасъ*). Оставь! Дядя! Оставь!..

Дынинъ. Что оставь?

ВѢРА. Не пей.

Дынинъ (*улыбаясь*). Я ужъ выпилъ. Что такое тамъ было?

ВѢРА (*въ отчаяніи*). Ядъ!..

Дынинъ. Никакъ и ты рехнулась?

ВѢРА. Ядъ, Ядъ, настоящій ядъ!

Дынинъ (*хочетъ встать, но опять падаетъ, схватывая себя за животъ*). Ядъ?.. ядъ?.. Это ужасъ!.. Люди!.. Молока!.. Молока! Дайте молока!..

ВѢРА (*бросается въ дверь прихожей*). Люди!.. Капитонъ!.. Молока!..

Дынинъ (*смотритъ безмысленно*). Возможно ли это?.. Неужели я... Отъ чего жъ невозможно?.. Очень можетъ быть!.. (*Хватается за животъ*). Въ самомъ дѣлѣ!.. Прислушивается. Да, да!.. Нужно же мнѣ было приѣзжать сюда, въ этотъ сумашедшій домъ!.. И зачѣмъ?.. Чтобъ умереть позорной смертью!.. Только нѣтъ!.. Не можетъ быть!.. это не ядъ!.. (*Опять хватается за животъ*). Ухъ! Ухъ!.. Колетъ!.. Рветъ!.. Люди!.. Батюшки!.. Помогите!.. Умираю!..

Ниловъ (*входитъ осторожно, осматриваясь*). Что съ вами, дядюшка? Въ чемъ вамъ помочь?

Дынинъ (*вскочивъ, яростно*). Сумашедшій! Извергъ! Чудовище! Убийца!.. (*Падаетъ на стулъ*). Нѣтъ... докторъ!.. Вѣдь ты докторъ?.. Ты долженъ все знать... Что жъ ты стоишь, какъ вкопанный?.. Помогите мнѣ!.. Ой, ой!..

Ниловъ. Что съ вами?

Дынинъ. Ядъ! ядъ! Русскимъ языкомъ говорятъ тебѣ: ядъ!.. Я отравленъ!

Ниловъ. Откуда онъ къ вамъ попалъ?

Дынинъ (*указывая на стаканъ*) Вотъ въ этомъ проклятомъ стаканѣ... Я... Что жъ ты разинулъ пасть-то?... Слышишь ли?... Умираю!.. Помогай же!..

Ниловъ (*смѣясь*). Успокойтесь, тутъ не было яду.

Дынинъ. Что?

Ниловъ. Вы приняли ложку кремортартару—вотъ и все.

Дынинъ (*вскакиваетъ и смотритъ на него недоверчиво*). Въ самомъ дѣлѣ?.. Ты не врешь?

Ниловъ. Честное слово! Я всыпалъ его для большаго эффекта.

Дынинъ (*бѣгаетъ, ишьво*). Экая глупая шутка!.. Экая дурацкая игра!..

Ниловъ. Вы сами желали, чтобъ хорошенько...

Дынинъ. Да, да!.. Только... (*Хватается за животъ*). Ой, ой!.. Что это бурлить?.. Неужь-то яду не было?

Ниловъ. Ахъ, дядюшка!.. Неужели я былъ бы такъ равнодушенъ, если бъ дѣйствительно вы приняли ядъ. Признаюсь, я зашелъ нѣсколько далеко, и прошу простить меня за жесткія слова.

Дынинъ. Провались ты съ своимъ прощеньемъ!..

Пеньковъ. (Несчастье особаго рода, явл. 16 и 17).

(И с п у г ъ).

ВѢРА (*встаетъ*). Да что тутъ! вырвалъ сердце мнѣ изъ груди.

Какъ изъ гнѣзда безкрылую касатку,
Ударилъ оземь, ди и прочь пошелъ.

(*Ходитъ по свѣтлицѣ*). Жену завелъ—Настасьєю зовутъ,
Романовой по батькѣ прозываютъ;
Ужъ я-бъ ее, лебедку, угостила,
Да не достанешь: руки коротки!

(*Труба раздается у самыхъ воротъ*).

НАДЕЖДА (*отскакиваетъ отъ окна*).

Ахъ, Господи помилуй! ВѢРА, ВѢРА!

Они, они!.. Иванъ Семенычъ съ княземъ!

ВѢРА (*вскрикиваетъ*). Мужъ!..

НАДЕЖДА. Убѣги, голубушка-сестрица!..

Я не пушу ихъ! (*Бросается къ стѣнной двери*).

ВѢРА (*ломаетъ себѣ руки*). Матушка, не выдай!

Дай унести мнѣ Олиньку;—убьетъ!

(*Бѣжитъ въ дверь на льво*).

НАДЕЖДА (*прислушивается къ стѣнной двери*).

Скорѣй, скорѣй!.. ворота отворили!..

Скорѣй!.. идутъ по лѣстницѣ!..

ВѢРА (*вбѣгаетъ съ Олинькой на рукахъ*). Пусти!

(*Дверь растворяется, входятъ бояринъ Шелога и князь Токмаковъ; оба въ кольчугахъ и шлемахъ*).

ШЕЛОГА. Здорово! Дорогихъ гостей не ждали?

(*Снимаетъ шлемъ и молится*).

ВѢРА (*бросается въ безпамятство между нимъ и Токмаковымъ*).

Пусти, пусти!

ШЕЛОГА (*заступаетъ ей дорогу, смѣясь*). Аль мужа не признала?

Знать съ нѣмцами и самъ я нѣмцемъ сталъ.

Здорово, ВѢРА! дай поцѣловаться:

Кажися, годъ промаялись... (*Хочетъ ее обнять*).

ВѢРА (*отскакиваетъ отъ него*). Не тронь,

Не тронь, ребенка!

ШЕЛОГА (*крестится*). Наше мѣсто свято!

Ребенка?... Какъ ребенка?...

ВѢРА (*отбѣгаетъ къ окну*). Отойди!

Въ окошко кинусь!..

ШЕЛОГА. Господи, помилуй!..

Не ужъ-то я на смертный грѣхъ вернулся!..

(*Возвышаетъ голосъ*).

Жена!... а чей пащеночъ этотъ?...

НАДЕЖДА (*падаетъ на колѣни*). Мой!

Мей. (Псковитянка, д. I, явл. 2 и 3).

ДОНЪ-ЖУАНЪ. Лепорелло!

ЛЕПОРЕЛЛО. Что вамъ угодно?

Д.-ЖУАНЪ. Милый Лепорелло!

Я счастливъ!—«Завтра—вечеромъ позднѣе»...

Мой Лепорелло, завтра!... приготовь!..

Я счастливъ какъ ребенокъ!

ЛЕПОР. Съ Донной-Анной

Вы говорили? можетъ быть, она

Сказала вамъ два ласковыя слова,

Или ее благословили вы.

Д.-ЖУАНЪ. Нѣтъ, Лепорелло, нѣтъ! Она свиданье,

Свиданье мнѣ назначила!

ЛЕПОР. Неужто?
О, вдовы! всё вы таковы.

Д.-ЖУАНЪ. Я счастливъ!
Я пѣть готовъ, я радъ весь мѣръ обнять!

ЛЕПОР. А командоръ? Что скажетъ онъ объ этомъ?

Д.-ЖУАНЪ. Ты думаешь, онъ станетъ ревновать!
Ужъ вѣрно нѣтъ; онъ человѣкъ разумный,
И вѣрно присмирѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ умеръ.

ЛЕПОР. Нѣтъ, посмотрите на его статую.

Д.-ЖУАНЪ. Что-жь?

ЛЕПОР. Кажется на васъ она глядитъ
И сердится.

Д.-ЖУАНЪ. Ступай-же, Лепорелло,
Проси ее пожаловать ко мнѣ—
Нѣтъ, не ко мнѣ—а къ Доннѣ-Аннѣ, завтра.

ЛЕПОР. Статую въ гости звать! Зачѣмъ?

Д.-ЖУАНЪ. Ужъ вѣрно
Не для того, чтобъ съ нею говорить.
Проси статую завтра къ Доннѣ-Аннѣ
Прійди по позже вечеромъ и стать
У двери на часахъ.

ЛЕПОР. Охота вамъ
Шутить, и съ кѣмъ!

Д.-ЖУАНЪ. Ступай-же!

ЛЕПОР. Но...

Д.-ЖУАНЪ. Ступай!

ЛЕПОР. Преславная, прекрасная статуя!
Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, покорно проситъ
Пожаловать... Ей Богу не могу:
Мнѣ страшно!

Д.-ЖУАНЪ. Трусъ! вотъ я тебя!

ЛЕПОР. Позвольте.
Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, васъ проситъ завтра
Прійти по позже въ домъ супруги вашей
И стать у двери... (*Статуя киваетъ головой*). Ай!

Д.-ЖУАНЪ. Что тамъ?

ЛЕПОР. Ай, ай!...
Ай, ай!... умру!

Д.-ЖУАНЪ. Что сдѣлалось съ тобою?

ЛЕПОР. (*кивая головой*). Статуя... ай!

Д.-ЖУАНЪ. Ты кланяешься!

ЛЕПОР. Нѣтъ,
Не я—она!

Д.-ЖУАНЪ. Какой ты вздоръ несешь?

ЛЕПОР. Подите сами.

Д.-ЖУАНЪ. Ну, смотри-жь, бездѣльникъ!
(*Статую*). Я, Командоръ, прошу тебя прійти
Къ твоей вдовѣ, гдѣ завтра буду я,
И стать у двери на часахъ. Что, будешь?
(*Статуя киваетъ опять*). О Боже!

ЛЕПОР. Что? я говорилъ...

Д.-ЖУАНЪ. Уйдемъ.
Пушкинъ. (Каменный гость, сц. 3).

(Страхъ, испугъ, ужасъ).

МАРІЯ. Мазепа, ты?...

МАТЬ. Молчи, молчи;
Не погуби насъ: я въ ночи
Сюда прокралась осторожно
Съ единой, слезною мольбой.
Сегодня казнь. Тебѣ одной
Свирѣпство ихъ смягчить возможно.
Спаси отца.

ДОЧЬ (*въ ужасѣ*). Какой отецъ?
Какая казнь?

МАТЬ. Иль ты до нынѣ
Не знаешь?... нѣтъ! ты не въ пустынѣ,
Ты во дворцѣ; ты знать должна,
Какъ сила Гетмана грозна,
Какъ онъ враговъ своихъ караетъ,
Какъ Государь ему внимаетъ—
Но вижу: скорбную семью
Ты отвергаешь для Мазены;
Тебя я сонну застаю,
Когда свершаютъ судъ свирѣпный,
Когда читаютъ приговоръ;
Когда готовъ отцу топоръ—
Другъ другу, вижу, мы чужіе...
Опомнись: дочь моя! Марія!
Бѣги, пади къ его ногамъ,
Спаси отца, будь ангелъ нашъ:
Твой взглядъ злодѣямъ руки свяжетъ,
Ты можешь ихъ топоръ отвести.
Рвись, требуй—Гетманъ не откажетъ:
Ты для него забыла честь,
Родныхъ и Бога.
Что со мною?

ДОЧЬ. Отецъ... Мазепа... казнь—съ мольбою

Здѣсь въ этомъ замкѣ мать моя—
Нѣтъ, иль ума лишилась я,
Иль это грезы!

МАТЬ.

Богъ съ тобою,
Нѣтъ, нѣтъ—не грезы, не мечты.
Уже-ль еще не знаешь ты,
Что твой отецъ ожесточенный
Безчестья дочери не снесъ
И, жаждой мести увлеченный,
Царю на Гетмана донесъ—
Что въ истязаніяхъ кровавыхъ
Сознался въ умыслахъ лукавыхъ,
Въ стыдѣ безумной клеветы;
Что жертва смѣлой правоты,
Врагу онъ выданъ головою,
Что предъ громадой войсковою,
Когда его не осѣнитъ
Десница вышняя Господня,
Онъ долженъ быть казненъ сегодня;
Что здѣсь покамѣстъ онъ сидитъ
Въ тюремной башнѣ.

Дочь.

Боже, Боже!
Сегодня!—бѣдный мой отецъ! (*Падаютъ безъ чувствъ*).
Пушкинъ. (Полтава).

(Ужасъ видѣнія).

(Макбетъ съ ужасомъ смотритъ на духъ Банко).

Леди Макбетъ. ...И ты мужчина?

МАКБЕТЪ. Да, и смѣлый; я могу смотрѣть на то,
Предъ чѣмъ самъ дьяволъ поблѣднѣлъ бы.

Л. МАКБ. Такъ! Вотъ признаки ребяческаго страха,
Тотъ тѣнь-кинжалъ, что велъ тебя къ Дункану!
Признаться надо, эта дрожь и взгляды,
Пародія на истинный испугъ,
Прекрасны были бы у камелька,
Подъ говоръ сказки, на лицѣ старухъ.
Стыдись! какъ искажаешь ты лицо!
И изъ чего! Что испугало?—стулъ!

МАКБ.

Но посмотри! туда! туда! Что скажешь?—
Что мнѣ до этого? Когда ты можешь
Кивать мнѣ головой, такъ говори!
Земля отвергла мертвецовъ; могилы
Ихъ шлютъ назадъ,—такъ пусть орловъ утробы
Гробами будутъ для людей!

Л. МАКБ. Возможно-ль
Такъ робѣть?
(*Духъ исчезаетъ*).

МАКБ. Онъ былъ передо мной!
Клянусь тебѣ.

Л. МАКБ. Стыдись!

МАКБ. Кровь проливали
Уже давно, когда еще законъ
Не охранялъ общественнаго мира.
Да и потомъ убійства совершались,—
О нихъ и слышать тяжело. Но встарь,
Когда изъ черепа былъ выбитъ мозгъ,
Со смертью смертнаго кончалось все.
Теперь встаютъ они, хотъ двадцать ранъ
Разсѣкли голову, и занимаютъ
Мѣста живыхъ. Вотъ непостижимо!
Непостижимѣ царевубійства!

Л. МАКБ. Васъ гости ждуть

МАКБ. Ахъ, виновать, забылся.
Не удивляйтесь мнѣ, друзья: я болѣнъ;
Припадки странные, но это вздоръ—
Домашніе давно къ тому привыкли.
Что-жъ, выпьемъ за всеобщее здоровье,
Потомъ я сяду. Эй! вина!
(*Служъ, который наливаетъ вино*).

Полнѣ!

Я пью за здравіе всего стола.

(Духъ является).

И Банко, друга моего! Какъ жаль,
Что съ нами нѣтъ его! Его здоровье
И всѣхъ любезныхъ намъ гостей!

Вамъ тоже!

Лорды.

МАКБ. Исчезни! Прочь! Пусть гробъ тебя укроетъ!
Твой черепъ пусть и кровь охолодѣла!
Въ твоихъ сверкающихъ глазахъ нѣтъ зрѣнія!

Л. МАКБ. Не удивляйтесь; это съ нимъ не рѣдко
Мнѣ только жаль, что вечеръ нашъ разстроенъ.

МАКБ.

На все, что можетъ человекъ, готовъ я.
Явись мнѣ грознымъ, разъяреннымъ львомъ,
Гирканскимъ тигромъ, сѣвернымъ медвѣдемъ,
Явись, чѣмъ хочешь ты—и я не дрогну.
Воскресни вновь и вызови въ пустыню
На смертный бой меня—не откажусь
И, если въ страхѣ отступлю на шагъ,
Зови меня игрушкою дѣвчонки!

Прочь, тѣнь ужасная! прочь, ложный призракъ!
(*Духъ исчезаетъ*).

Исчезь. Я снова мужь... Не беспокойтесь.

Шекспиръ. (Макбетъ, д. III, сц. 4).

(Ужасъ сновидѣнія).

Францъ. Видишь ли, мнѣ снилось, будто я только что всталъ изъ за царскаго обѣда, и сердце билось у меня отъ наслажденія, и я, упоенный, лежалъ въ саду на травѣ, какъ вдругъ—это было какъ-будто въ полдень—вдругъ... Да смѣйся же надо мною, говорю тебѣ...

Даніель. Вдругъ?

Францъ. Вдругъ страшный ударъ грома поражаетъ слухъ мой: въ трепетѣ встаю я, и что же? — вижу: яркимъ пламенемъ горить весь горизонтъ; и горы, и лѣса, и города расплавляются, какъ воскъ въ печи; воющій вѣтеръ мететь и море, и землю и небо... Вдругъ раздалось съ вышины, какъ-будто изъ мѣдныхъ трубъ: «Земля, отдай мертвецовъ своихъ, отдай мертвецовъ своихъ, море!» И вотъ—голая степь стала коробиться и выбрасывать черепа и ребра и челюсти и ноги, и они сrostались, становились тѣлами и видимо — невидимо понесли живую бурей. Я взглянулъ вверхъ, и что же? — я очутился у подошвы громоноснаго Синая, и надо мною толпы народа и подо мною толпы, а на самой вершинѣ горы, на трехъ дымящихся престолахъ, три старца, отъ взгляда которыхъ бѣжала всякая тварь...

Даніель. Да это чистое подобіе страшнаго суда.

Францъ. Неправда-ли, какая бессмыслица? Вотъ всталъ первый изъ нихъ, мрачный, какъ звѣздная ночь, и держалъ онъ въ десницѣ желѣзный перстень, и держалъ между восходомъ и закатомъ и такъ говорилъ: «Вѣчно, свято, праведно, не ложно! Есть только одна истина, есть одна добродѣтель. Горе, горе, горе сомнѣвающемуся червю!» Потомъ всталъ второй; у него въ рукѣ было блестящее зеркало, и держалъ онъ его между восходомъ и закатомъ и такъ говорилъ: «Зеркало это—истина; лице-

мѣрие и притворство не выдержатъ его отраженій!» И я утрапился, и весь народъ со мною, потому-что въ ужасномъ зеркалѣ отражались одни головы змѣй, тигровъ и леонардовъ. Потомъ всталъ третій; у того были въ рукѣ желѣзные вѣсы, и держалъ онъ ихъ между восходомъ и закатомъ и такъ говорилъ: «Подойдите ближе, дѣти Адамовы! — я взвѣшиваю помышленія въ чашѣ моего гнѣва и дѣла—гирями моей мести!

Даніель. Господи помилуй!

Францъ. Блѣдные, какъ снѣгъ, стояли мы всѣ. Ожиданіе боязливо билось въ каждой груди. Вдругъ мнѣ показалось, будто мое имя первое раздалось посреди горней бури и мозгъ застылъ въ костяхъ моихъ, и зубы громко застучали. Вѣсы зазвенѣли, загрохоталъ утесъ и часы потекли одинъ за другимъ мимо ошую висящей чаши, и одинъ за другимъ бросалъ въ нее по смертному грѣху.

Даніель. Да проститъ васъ Богъ!

Францъ. Этого онъ не сдѣлалъ. Чаша росла и становилась горою; но другая, полная крови искупленія, еще удерживала ее высоко на воздухѣ. Наконецъ, подошелъ старикъ, согбенный страданіями, глодавшій руку отъ нестерпимаго голода; глаза всѣхъ со страха отворотились отъ старика. Я зналъ старика. Онъ вырвалъ клокъ серебряныхъ волосъ, бросилъ его въ чашу грѣховъ, и она пала, во мгновеніе ока пала она до самой преисподней, и чаша искупленія качалась высоко, высоко. И я услышалъ гремящій голосъ среди шума и дыма. «Милосердіе, милосердіе каждому грѣшнику земли и преисподней! — ты одинъ отринуть!» (*Глубокое молчаніе*). Ну, что жъ ты не смѣешься?

Даніель. До смѣха ли тутъ, когда у меня морозъ по кожѣ подираетъ? Сны нисходятъ отъ Бога.

Шиллеръ. (Разбойники, д. V, сц. 1).

(Страхъ и ужасъ смерти).

Теперь часъ съ четвертью. Вотъ что я чувствую въ эту минуту: страшная головная боль, холодъ въ поясницѣ, лобъ въ огнѣ. Каждый разъ, что встаю, или наклоняюсь, мнѣ кажется

что какая то жидкость переливается у меня въ головѣ и заставляетъ мозгъ биться о стѣнки черепа. По мнѣ пробѣгаетъ судорожная дрожь, а по временамъ перо падаетъ изъ рукъ, какъ отъ гальваническаго сотрясенія. Въ глазахъ рѣзь, какъ будто я былъ въ дыму. Локти ноютъ. Еще два часа и сорокъ пять минутъ и я вылечусь... Они говорятъ, что это ничего, что страданій никакихъ нѣтъ, что это конецъ тихій, что такая смерть упрощена. А что же такое эта шестинедѣльная агонія, это ежедневное хрипѣніе! Что же такое муки этого невознаграждаемаго дня, который идетъ такъ медленно и такъ скоро? Что же такое эта лѣстница пытокъ, кончающаяся эшафотомъ? Развѣ это не значитъ страдать? Развѣ это не тѣже содроганія, когда кровь точится капля по каплѣ, или когда умъ гаснетъ мысль за мыслью? А потомъ увѣрены ли они, что въ самомъ дѣлѣ не страдаешь? Кто сказалъ имъ это? Видано ли, чтобъ отрубленная голова стала вдругъ, вся въ крови, на краю короба и закричала народу: «это не больно»! Или есть покойники ихъ издѣлія, которые приходили потомъ къ нимъ и благодарили ихъ, что, дескать, это славно придумано. Продолжайте поступать такъ. Механизмъ превосходный! Ничего! Пустяки! Меньше минуты, меньше секунды, и всему конецъ.— Да поставили ли они себя хоть разъ въ жизни въ положеніе того, кто тамъ лежитъ въ то время, какъ падаетъ тяжелое остріе, впивается въ мясо, рветъ нервы, ломаетъ позвонки! Что за важность? Пол-секунды! и боль исчезла!.. Ужась!..

Гюго. (Послѣдній день осужденнаго).

(Ужась сновидѣнія).

Мнѣ снилось, что была ночь и что я былъ у себя въ кабинетѣ съ двумя или тремя пріятелями, какими, не помню. Жена моя лежала подлѣ въ спальнѣ и спала съ нашимъ ребенкомъ. Мы говорили въ полголоса и то, что мы говорили, пугало насъ. Вдругъ мнѣ послышался гдѣ то, въ другихъ комнатахъ, шумъ: шумъ слабый, странный, неопредѣленный. Друзья мои слышали его также, какъ и я. Мы стали прислушиваться: какъ будто кто

глухо отпиралъ замокъ, или потихоньку пилилъ засовы. Было что-то ужасавшее насъ: мы испугались. Подумали было, что это воры забрались ко мнѣ въ такой поздній часъ ночи. Рѣшено было идти посмотрѣть. Я всталъ, взявъ свѣчку: друзья мои пошли за мною. Мы прошли спальню: жена моя спала съ ребенкомъ. Вошли въ гостиную. Ничего. Портреты неподвижно висѣли въ золотыхъ рамахъ на красныхъ обояхъ. Мнѣ показалось, что дверь изъ гостиной въ столовую была не на своемъ мѣстѣ. Мы вошли въ столовую, обошли ее кругомъ, я шелъ впереди. Дверь въ сѣни была крѣпко заперта, окна тоже. У печки я увидѣлъ, что шкапъ съ бѣльемъ былъ отворенъ, и что дверца была откинута на уголь стѣны, какъ будто для того, чтобы скрыть что-то. Это меня удивило. Мы подумали, что за дверью кто-то спрятался. Я хотѣлъ притворить ее; она не давалась. Удивленный, я рванулъ сильнѣе: она подалась внезапно и открыла маленькую старушонку, съ висящими руками, съ закрытыми вѣками, неподвижно-стоявшую и будто приклеенную къ углу стѣны. Все это было до того отвратительно, что отъ одного воспоминанія волосы у меня становятся дыбомъ. Я спросилъ у старухи: что вы здѣсь дѣлаете? Она не отвѣчала. Я спросилъ ее: кто вы такая? Она не отвѣчала, не тронулась съ мѣста и не раскрыла глазъ. Друзья сказали:—это вѣроятно сообщница тѣхъ, что вошли сюда со злымъ умысломъ; они убѣждали, услышавъ шаги наши; она, вѣроятно, не могла бѣжать и спряталась здѣсь. Я снова спросилъ ее: она оставалась безъ голоса, безъ движенія, безъ взгляда. Одинъ изъ насъ толкнулъ ее: она упала. Она упала, какъ кусокъ дерева, какъ мертвое тѣло. Мы шевелили ее ногами, потомъ двое изъ насъ подняли ее и снова прислонили къ стѣнѣ. Она не подавала признака жизни. Ей кричали въ ухо: она оставалась нѣма, какъ глухая. Однакожъ мы теряли терпѣніе и раздраженіе стало проглядывать изъ нашего страха. Одинъ изъ насъ сказалъ: свѣчку ей подъ подбородокъ. Я поднесъ ей зажженную свѣчку подъ самый подбородокъ. Тогда она открыла на половину одинъ глазъ, глазъ пустой, мутный, ужасный и который не смотрѣлъ. Я принялъ свѣчку и сказалъ:—А! наконецъ то! Загово-

ришь ли ты старая вѣдьма, кто ты? Глазъ закрылся, какъ будто самъ собою.—Ну, ужъ это черезъ чуръ, сказали другіе. Опять свѣчку, опять. Она заговорить у насъ! Я снова подставилъ подъ свѣчникъ подъ бороду старухи. Тогда она медленно открыла два глаза, посмотрѣла на насъ всѣхъ поодиночкѣ, потомъ вдругъ нагнувшись, задула свѣчку своимъ ледянымъ дыханіемъ. Въ ту же минуту я почувствовалъ, какъ три острые зуба впились во мракѣ въ мою руку. Я проснулся, дрожа всѣмъ тѣломъ и облитый холоднымъ потомъ.

Гюго. (Послѣдній день осужденнаго).

СТРАСТИ.

(Сластолюбіе, гастрономія).

Пѣтухъ (повару). Да кулебяку сдѣлай на четыре угла. Въ одинъ уголь положи ты мнѣ щеки осетра, да вязиги; въ другой запусти гречневой кашицы, да грибочковъ съ лучкомъ, да молоко сладкихъ, да мозговъ, да еще чего знаешь тамъ этакаго... какого нибудь тамъ того...

Поваръ. Слушаю-сь. Можно будетъ и такъ.

Пѣтухъ. Да чтобы она съ одного боку—понимаешь? подрумянилась бы, а съ другого боку пусти ее полегче. Да исподку-то, исподку—понимаешь? пропеки такъ, чтобы разсыпалась, чтобы всю ее проняло, знаешь, сокомъ, чтобы и не услышалъ ее во рту, какъ снѣгъ бы растаяла. Да сдѣлай ты мнѣ свиной сычекъ. Положи кусочекъ льду, чтобы онъ выхулулъ хорошенько. Да чтобы къ осетру обкладка, гарниръ-то, гарниръ чтобы былъ по богаче. Обложи его раками, да поджареной маленькой рыбкой, да положи фаршицомъ изъ снѣточковъ, да подбавь мелкой сѣчки, хрѣнку, да груздиковъ, да рѣпушки, да морковки, да бобковъ, да нѣтъ-ли тамъ еще какаго коренья?

Гоголь. (Мертвыя души, ч. II).

(Пьянство, на-веселѣ).

Анна Андр. Я думаю, съ какимъ тамъ вкусомъ и великолѣпіемъ даютъ балы!

Хлестаковъ. Просто, не говорите. На столѣ, напимѣрь, арбузъ—въ семьсотъ рублей арбузъ. Супъ въ кастрюлькѣ прямо на пароходѣ пріѣхалъ изъ Парижа; откроютъ крышку—паръ, которому подобнаго нельзя отыскать въ природѣ. Я всякій день на балахъ. Тамъ у насъ и вистъ свой составился: министръ иностранныхъ дѣлъ, французскій посланникъ, нѣмецкій посланникъ и я. И ужъ такъ уморишься играя, что, просто ни на что не похоже. Какъ взбѣжишь по лѣстницѣ къ себѣ въ четвертый этажъ—скажешь только кухаркѣ: «На, Маврушка, шинель... «Что-жъ я вру—я и позабылъ, что живу въ бель-этажѣ. У меня одна лѣстница... А любопытно взглянуть ко мнѣ въ переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкуются и жужжать такъ, какъ шмели, только и слышно: ж... ж... ж... Иной разъ и министр... (*Городничій и прочіе съ робостію встаютъ съ своихъ стульевъ*). Мнѣ даже на пакетахъ пишутъ ваше превосходительство. Одинъ разъ я даже управлялъ департаментомъ. И странно: директоръ уѣхалъ—куда уѣхалъ, неизвѣстно. Ну, натурально, пошли толки: какъ, что, кому занять мѣсто? Многіе изъ генераловъ находились охотники и брались, но пойдутъ, бывало—нѣтъ, мудрено! Кажется и легко на видъ, а разсмотрѣть—просто, чортъ возьми! Видятъ, нечего дѣлать—ко мнѣ. И въ ту же минуту по улицамъ курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себѣ, тридцать пять тысячъ однихъ курьеровъ! Каково положеніе, я спрашиваю? «Иванъ Александровичъ, ступайте департаментомъ управлять!» Я, признаюсь, не много смутился, вышелъ въ халатѣ, хотѣлъ отказаться, но думаю, дойдетъ до государя, ну, да и послужной списокъ тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю», говорю, «такъ и быть», говорю, «я принимаю, только ужъ у меня: ни, ни, ни! ужъ у меня ухо остро! ужъ я»... И точно бывало: прохожу черезъ департаментъ—

просто землетрясенье, все дрожить, трясется, какъ листъ. (*Городничій и прочіе трясутся отъ страха; Хлестаковъ горячится сильнѣе*). О, я шутить не люблю; я имъ всѣмъ задалъ отрастку! Меня самъ государственный совѣтъ боится. Да что въ самомъ дѣлѣ? Я такой! я не посмотрю ни на кого... я говорю всѣмъ: «Я самъ себя знаю, самъ!» Я вездѣ, вездѣ. Во дворецъ всякій день ѣзжу. Меня завтра же произведутъ сейчасъ въ фельдмарш... (*Поскальзывается и чуть чуть не падаетъ на полъ, но съ почтеніемъ поддерживается чиновниками*).

Городничій (*подходя, и трясясь всѣмъ тѣломъ, силится выговорить*). А ва... ва... ва... ва...

Хлест. (*быстрымъ отрывистымъ голосомъ*). Что такое?

Городн. А ва ва ва... ва...

Хлест. (*такимъ же голосомъ*). Не разберу ничего, все вздоръ.

Городн. Ва ва ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть... вотъ и комната и все, что нужно.

Хлест. Вздоръ—отдохнуть! Извольте, я готовъ отдохнуть. Завтракъ у васъ, господа, хорошъ... я доволенъ, я доволенъ. (*Съ декламацией*). Лабарданъ! лабарданъ! (*Входитъ въ боковую комнату, за нимъ городничій*).

Гоголь. (Ревизоръ, д. III, явл. 6).

(Охмѣленіе слезливое).

Хорьковъ. Марья Андревна! Моя мать васъ обидѣла; я пришелъ просить прощенія за нее.

Анна Петровна. Да, батюшка, нечего сказать, хорошая женщина ваша маменька.

Марья Андреевна (*тихо*). Маменька, онъ, кажется, пьянъ.

Милашинъ (*Марья Андр.*). Онъ ужъ четвертый день пьетъ; какъ ушелъ тогда отъ васъ, и запилъ. Ходитъ по комнатѣ, плачетъ и пьетъ.

Марья Андр. Неужели? Ахъ бѣдный!

Хорьк. Что такое? Слезы! О чемъ вы плачете? Я не хотѣлъ васъ обидѣть... я бы умеръ для васъ, Марья Андревна.

Это мать... она простая женщина. Я не зналъ, что она была у васъ, не зналъ... Я-бъ ее не пустилъ къ вамъ... Она простая женщина, не понимаетъ ничего... Гдѣ же ей васъ понять? Что жъ дѣлать! Мать... любить... воспитала... Марья Андревна, простите. (*Становится на колѣни*).

Анна Петр. Ахъ молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!

Хорьк. Что вы, Анна Петровна!.. Ахъ, вы не знаете!.. Ужъ молчите лучше! (*Къ Марью Андреевну*). Васъ, вѣроятно, маменька обидѣла? Не сердитесь на нее... Богъ съ ними... они не знаютъ... не сердитесь на нее... вѣдь любятъ... воспитывали... учили...

Мар. Андр. Ахъ, какъ мнѣ его жаль, какъ мнѣ его жаль!

Хорьк. Марья Андревна, не презирайте меня! Я люблю васъ... Я не могъ перенести вашего отказа. Конечно, это гадко... подло... недостойно... Но что жъ дѣлать, я жалкій человѣкъ! Я вѣдь люблю васъ, очень люблю!..

Марья Андр. Я сама васъ люблю, Михайло Ивановичъ. Я очень жалѣю, что поздно васъ узнала. Я выхожу за мужъ... за Беневоленскаго. (*Плачетъ*).

Хорьк. За Беневоленскаго!.. Это жертва... да, жертва. Что жъ, благородно... благородно... слезы...

Мар. Андр. (*садится на стулъ*). Ахъ, Михайло Ивановичъ, мнѣ тяжело, очень тяжело.

Анна Петр. Она это для матери дѣлаетъ. Максимъ Дорофейчикъ—человѣкъ хорошій и съ состояніемъ.

Хорьк. Да, съ состояніемъ. Слезы, слезы... вѣчные слезы... чахотка... не живши... не видавши радостей жизни. Прощайте. (*Становится на колѣни, беретъ руку Марью Андреевну и целуетъ*). Я самъ не переживу! (*Марья Андреевна въ обморокъ, всѣ суетятся около нея, Хорьковъ плачетъ, прислонившись къ стѣнѣ*).

Островскій. (Бѣдная невѣста, д. IV, явл. 12).

(Охмѣленіе-жалоба).

ДАША. Вася, ты винца не хочешь ли? Выпей вотъ вишне-вочки.

ВАСЯ. Нѣтъ, боюсь!.. Тятенька—ухъ!.. и... и не живи на свѣтѣ!.. Я и то вотъ хмѣленекъ немножко... такъ зашелъ къ вамъ, авось пройдетъ... а то боюсь... тятеньку до смерти... и... бѣда!..

ДАША. Да ты уснешь у насъ, вотъ и пройдетъ... Ничего, выпей.

ВАСЯ. Нешто одинъ стаканчикъ.

ДАША (*наливаетъ*). Выпей, Вася, ничего. (*Вася пьетъ*). Такъ ты не скажешь, куда вы ѣздите-то?

ВАСЯ. Никакъ невозможно этого сдѣлать; не велѣлъ.

ДАША (*съ испугомъ*). Какъ не велѣлъ? Да отчего жъ не велѣлъ.

ВАСЯ. Такъ, не велѣлъ, да и все тутъ. Убью, говоритъ, на мѣстѣ! Да не спрашивай, Дарья Агафоновна, я ничего говорить не стану.

ДАША. Ну, хорошо... ну, хорошо, я не буду спрашивать. Выпей еще, Вася.

ВАСЯ. Нѣтъ, покорно благодарствуйте, будетъ... и то мутить... а я тятиньки боюсь.

ДАША. Вотъ, тятенька! Что такое? Нынче масляница. (*Наливаетъ*).

ВАСЯ. Вѣдь этакъ, пожалуй, напѣшья! (*Пьетъ*).

ДАША. Ничего. Какой ты, Вася, хорошій... тебя чай дѣвушки любятъ... Ишь ты какой кудрявый! (*Гладитъ по головѣ*). А? Любятъ дѣвушки? (*Наливаетъ вина*).

ВАСЯ. Меня дѣвушки оченно любятъ. Да только вотъ одна, что самая раскрасавица, надо мной надсмѣялася... Конечно, онъ старшой... и по торговлѣ, да зачѣмъ обижать!..

ДАША. За что тебя обижать?

ВАСЯ. А онъ обидѣлъ, онъ шутку шутить... Да еще какую шутку! а еще благо... бла... благопріятель называется.

ДАША. Скажи, пожалуй!.. Ну, ну...

ВАСЯ. Я все ходилъ къ ней украдкой, потихоньку, потому я боюсь, тятенька узнаетъ... Куда, говоритъ, ты ходишь?.. Да нѣтъ, онъ не велѣлъ сказывать... ты, говоритъ, и подумать не смѣй! А то, говоритъ, ты, пожалуй, съ дуру-то, женѣ...

ДАША. Васинька, миленькой, а какую я тебѣ невѣсту сосватаю. Выпей, Вася.

ВАСЯ. Не пой ты меня, сдѣлай милость, не пой... а то я пьяный все скажу, а я не долженъ по пріятельски... и онъ не велѣлъ... Тогда лучше и не живи на свѣтѣ!

ДАША. А какую невѣсту, Вася! Какая красавица-то, писаная!

ВАСЯ (*плетъ*). Ну, хорошо, ну, я все скажу... все, за то, что онъ меня обидѣлъ... кровно обидѣлъ... надсмѣшку надо мной сдѣлалъ!.. Только ты ему не сказывай.

ДАША. Не скажу, не скажу.

ВАСЯ. Вотъ, говоритъ, куда ты ходишь? Я говорю: есть дѣвушка, красавица, живетъ съ матерью, туда, говорю, и хожу... Грушенькой зовутъ. Возьми, говоритъ, меня съ собой. Взялъ я его. Вотъ мы и ходимъ къ ней много разъ... много разъ... сидимъ это, растобарываемъ, пряничковъ носимъ... все, какъ слѣдуетъ. Вотъ я вижу, начинаетъ онъ къ ней поддѣлываться, холостымъ казался...

ДАША (*отодвигается съ ужасомъ*). Ахъ, батюшки!

ВАСЯ. Ты, говоритъ, не смѣй сказывать, что я женатый!.. А старуха-то его руку тянетъ, потому богатый. Потомъ какъ то говоритъ, ты, говоритъ, проваливай, и не смѣй сюда ходить, а то, говоритъ, убью! И, говоритъ, отцу скажу. Чтожъ, извѣстно, я тятеньки боюсь! Ты, говорю, пи... пи... пить меня хочешь... Что же, пійай! Отольются тебѣ мои слезы... Цѣлую недѣлю, Дарья Агафоновна, я плакалъ на взрыдъ, а вотъ нынче съ горя выпилъ... не могъ я этого прео... переломить въ себѣ!

ДАША. Охъ, горюшко!

ВАСЯ (*плачетъ*). Я человекъ, у меня сердце, душа есть... чай она чувствуетъ... Я, вѣдь, не каменный!.. У него жена есть, а я сирота... у меня нѣтъ никого...

ДАША (*встает*). Тетушка, матушка!

ВАСЯ (*наклоняется надъ столомъ и засыпаетъ*).

Островскій. (Не такъ живи, какъ хочется, д. I, явл. 9).

(Охмѣленіе постоянное).

МАРМЕЛАДОВЪ. Милостивый государь, (*почти съ торжественностью*)—бѣдность не порокъ, это истина. Знаю, что пьянство не добродѣтель, и это тѣмъ паче. Но нищета, милостивый государь, нищета — порокъ-съ. Въ бѣдности вы еще сохраняете свое благородство врожденныхъ чувствъ, въ нищетѣ же никогда и никто. За нищету даже и не палкой выгоняютъ, а метлой выметають изъ компаніи человѣческой, чтобы тѣмъ оскорбительнѣе было; и справедливо, ибо въ нищетѣ я первый самъ готовъ оскорблять себя. И отсюда питейное! Милостивый государь, мѣсяцъ назадъ тому, супругу, мою избилъ г. Лебезятниковъ, а супруга моя не то, что я! Понимаете-съ? Позвольте еще васъ спросить, такъ, хотя бы въ видѣ простаго любопытства: изволили вы почевать на Невѣ, на сѣнныхъ баркахъ?

РАСКОЛЬНИКОВЪ. Для чего вы не служите?

МАРМЕЛАДОВЪ. Для чего я не служу, милостивый государь? Для чего я не служу? А развѣ сердце у меня не болитъ о томъ, что я пресмыкаюсь втунѣ? Когда г. Лебезятниковъ, тому мѣсяцъ назадъ, супругу мою собственноручно избилъ, а я лежалъ пьяненькой, развѣ я не страдалъ? Позвольте, молодой человѣкъ, случилось вамъ... гм... ну хоть спрашивать денегъ взаймы безнадежно?..

РАСКОЛЬНИКОВЪ. Какъ безнадежно?

МАРМЕЛАДОВЪ. То-есть безнадежно вполне-съ, заранѣе зная, что изъ сего ничего не выйдетъ. Вотъ вы знаете, напримеръ, заранѣе и досконально, что сей человѣкъ, сей благонамѣреннѣйшій и наиполезнѣйшій гражданинъ, ни за что вамъ денегъ не дастъ, ибо зачѣмъ, спрошу я, онъ дастъ? Вѣдь онъ знаетъ же, что я не отдамъ. Изъ состраданія? Но г. Лебезятниковъ, слѣдящій за новыми мыслями, объяснялъ напередъ, что сострада-

ніе въ наше время даже наукой воспрещено, и такъ уже дѣлается въ Англии, гдѣ политическая экономія. Зачѣмъ же, спрошу я, онъ дастъ? И вотъ, зная впередъ, что не дастъ, вы все-таки отправляетесь въ путь и...

РАСКОЛЬНИКОВЪ. Зачѣмъ же?

МАРМЕЛАДОВЪ. А коли не къ кому, коли идти больше не куда! Вѣдь надобно же, чтобы всякому человѣку хоть куда нибудь можно было пойти. Ибо бываетъ такое время, когда непременно надо хоть куда нибудь да пойти! Позвольте, молодой человѣкъ: можете ли вы... Но нѣтъ, изъяснить сильнѣе и изобразительнѣе: не можете ли вы, а осмѣлитесь ли вы, взирая въ сей часъ на меня, сказать утвердительно, что я не свинья?

(Охмѣленіе смиренное).

МАРМЕЛАДОВЪ (*вставая съ протянутою впередъ рукою*). Жалѣть! зачѣмъ меня жалѣть!—Зачѣмъ жалѣть, говоришь ты? Да! меня жалѣть не за что! Меня распяты надо, распяты на крестѣ, а не жалѣть! Но распни, судія, распни и, распявъ, пожалѣй его! И тогда я самъ къ тебѣ пойду на пропятіе, ибо не веселья жажду, а скорби и слезъ!.. Думаешь ли ты, продавецъ, что этотъ полуштофъ твой мнѣ въ сласть пошелъ? Скорби, скорби искалъ я на днѣ его, скорби и слезъ, и вкусилъ, и обрѣлъ; а пожалѣетъ насъ Тотъ, Кто всѣхъ пожалѣлъ, и Кто всѣхъ и вся понималъ. Онъ Единый, Онъ Судія. Придетъ въ тотъ день и спросить: «А гдѣ дщерь, что мачихѣ злой и чахоточной, что дѣтямъ чужимъ малолѣтнимъ себя предала? Гдѣ дщерь, что отца своего земнаго, пьяницу непотребнаго, не ужасаясь звѣрства его, пожалѣла? И скажетъ: Прииди! Я уже простилъ тебя разъ... Прощаются же и теперь грѣхи твои мнози, за то, что возлюбила много»... И простить мою Соню, простить, я ужъ знаю, что простить... Я это давеча, какъ у ней былъ, въ моемъ сердцѣ почувствовалъ!.. И всѣхъ разсудить и простить, и добрыхъ и злыхъ, и премудрыхъ, и смиренныхъ... И когда уже кончитъ надъ всѣми, тогда возглаголетъ и намъ: «Выходите, скажетъ, и вы! Выхо-

дите пьяненькіе, выходите слабенькіе, выходите соромники!»! И мы выйдемъ всѣ, не стыдясь, и станемъ. И скажетъ: «Свиньи вы! образа звѣринаго и печати его, но прійдите и вы!»! И возглаголятъ премудрые, возглаголятъ разумные: Господи! почто сихъ приемиши?» И скажетъ: «Потому ихъ приемию, премудрые, потому приемию, разумные, что ни единый изъ сихъ самъ не считалъ себя достойнымъ сего»... И простретъ къ намъ рудъ свои, и мы припадемъ... и заплачемъ... и все поймемъ! Тогда все поймемъ!.. и всѣ поймутъ... и Катерина Ивановна... и она пойметъ... Господи, да прійдетъ Царствіе Твое!..

Достоевскій. (Преступленіе и наказаніе, часть 1).

(Охмѣленіе горделивое).

Любимъ Карп. Послушайте, люди добрые! Обижаютъ Любима Торцова, гонятъ вонъ. А чѣмъ я не гость? За что меня гонятъ? Я не чисто одѣтъ, такъ у меня на совѣсти чисто. Я не Коршуновъ. Я бѣдныхъ не грабилъ, чужаго вѣку не заѣдалъ, жены ревностію не замучилъ... Меня гонятъ, а онъ первый гость, его въ передній уголъ сажаютъ. Что жъ, ничего, ему другую жену дадутъ; братъ за него дочь отдастъ. Ха, ха, ха. (*Хочетъ трагически*).

Корш. (*вскакиваетъ*). Не вѣрьте ему, онъ вретъ, онъ это по злобѣ на меня говоритъ, съ пьяну.

Люб. Карп. Что за злоба! Я тебѣ давно простилъ. Я человекъ маленькій, червякъ ползущій, ничтожество изъ ничтожествъ. Ты другимъ-то зла не дѣлай.

Гордѣй Карп. (*прислунъ*). Уведите его!

Люб. Карп. (*поднимая одинъ палецъ къверху*). Тсс. Не трогать! Хорошо тому на свѣтѣ жить, у кого нѣтъ стыда въ глазахъ... О люди, люди! Любимъ Торцовъ пьяница, а лучше васъ. Вотъ теперь я самъ пойду. (*Обращаясь къ толпѣ*). Шире дорогу — Любимъ Торцовъ идетъ. (*Уходитъ и тотчасъ возвращается*). Извергъ естества. (*Уходитъ*).

Островскій. (Бѣдность не порокъ, д. III, явл. 12).

(Похмѣлье скрываемое).

Уланьбекова. Ты гдѣ былъ?

Гриша (*то открываетъ, то закрываетъ глаза, не твердя въ языкъ и на ногахъ*). На гулянкѣ-сь.

Улань. До сихъ поръ? (*Гриша молчитъ*). Что же ты молчишь? (*Молчаніе*). Дождусь ли я отъ тебя слова, или нѣтъ?

Василиса Перигриновна. Отвѣчай барынѣ.

Гр. Вамъ что еще!

Улань. Отвѣчай мнѣ, гдѣ ты былъ до сихъ поръ?

Гр. Виновать-сь!

Улань. Я не объ этомъ тебя спрашиваю, виновать ты, или нѣтъ; я у тебя спрашиваю, гдѣ ты былъ?

Гр. (*смотритъ въ потолокъ и хлопаетъ глазами*). Гдѣ жъ мнѣ быть-то! Что жъ такое; обыкновенно гдѣ.

Улань. Ну гдѣ же?

Гр. Да я вамъ докладывалъ, что все тамъ же-сь.

Улань. Ты меня выводилъ изъ терпѣнія! Гдѣ, тамъ?

Гр. Да что же такое-сь! На все ваша воля-сь. Я что же-сь... я виновать-сь.

Улань. Боже мой! Да ты и пьянъ еще, кажется.

Гр. Никакъ нѣтъ-сь.

Улань. Какъ нѣтъ? Я вижу.

Гр. Что же такое-сь! Про человека все можно сказать.

Улань. Ахъ ты, мерзкій мальчишка! Онъ еще запирается! Это ужасно! Ну, говори сейчасъ, гдѣ былъ?

Гр. Что же-сь! Я вамъ докладывалъ-сь.

Улань. Цѣлую-то ночь ты былъ на гулянкѣ?

Гр. Я вамъ докладывалъ-сь.

Улань. Какъ ты смѣлъ, когда я тебя отпустила не надолго?

Гр. Чтоже-сь! Я и хотѣлъ идти домой, да не пустили-сь.

Улань. Кто-же тебя не пустилъ?

Гр. Знакомые не пустили-сь.

Улань. Кто же у тебя знакомые?

Гр. Чтоже-съ, приказные знакомые.

Улань. Боже мой! Приказные, понимаешь ли ты, что это за народъ?

Гр. Кто-съ? приказные-то. Что-жь ихъ понимать-то-съ?

Улань. Съ ними-то ты всю ночь и шлялся! Лучше бь ужь ты мнѣ и не говорилъ, мерзавецъ ты этакой. Знаю я ихъ поведение-то! Они всему научатъ. Что же значить это такое! Поди вонь! И не смѣй мнѣ показываться на глаза!

Островскій. (Воспитанница, д. III, явл. 6).

(Охмѣленіе резонерствующее).

Семень Иванычъ. Что тебѣ, Евтихій?

Евтихій. Я къ вамъ, Семень Иванычъ, къ вашей милости...

Сем. Ив. Ну, что же тебѣ?

Евт. Вы теперь, Семень Иванычъ, увольняетесь отъ насъ, значить, отъ управительской этой самой должности, отходите...

Сем. Ив. Ну, да. Что же?

Евт. Это самое такъ... то-есть мы слышали это... Всѣ про это ужь... то-есть извѣстны...

Сем. Ив. Да, братецъ, да, что дѣлать? ухожу... Я и не скрываю этого...

Евт. Потому самому, какъ вамъ господа отказываютъ и на ваше мѣсто другаго, то-есть, предназначаютъ... этого самаго нѣмца, то-есть привознаго... что изъ Питера навезли...

Сем. Ив. Ну, да, да... Что же тебѣ? Ты говори, что тебѣ нужно? Я тебя знаю, ты всегда изъ далека начинаешь... А мнѣ некогда, такъ ты говори поскорѣй...

Евт. Я насчетъ своей Глашки, Семень Иванычъ... Такъ-какъ есть я ей теперича отецъ, и проживаетъ она у васъ...

Сем. Ив. Ну...

Евт. Такъ согласенъ я ее теперича взять отъ васъ къ себѣ...

Сем. Ив. Зачѣмъ же?.. Я ей не отказываю: она мнѣ нужна... дѣти ее всѣ любятъ... Живетъ у насъ съ малолѣтства, и мы къ ней привыкли, и она къ намъ. Не бойся, прокормлю и одѣну...

Евт. Никакъ нѣтъ, Семень Иванычъ, я согласенъ ее теперича принять отъ васъ... Какъ она есть мнѣ дочь и должна при мнѣ... и старость мою пропитывать...

Сем. Ив. Послушай, Евтихій, она молоденькая дѣвочка: будетъ съ нея, что и сама себя прокормитъ и одѣнетъ... А ты еще самъ не старъ, можешь работать и прокормить себя.

Евт. Никакъ нѣтъ... Я отецъ, я ей баловаться не дамъ... У меня живи смирно и степенно...

Сем. Ив. Да что ты, Евтихій, выпивши что-ли?.. Что ты развѣ слышалъ про нее что дурное?..

Евт. Ничего я этого не знаю и пьяности во мнѣ никакой нѣтъ. А какъ есть я отецъ и желаю я получить себѣ дочь свою... для пропитанія моего...

Сем. Ив. Да глупый ты человекъ, вѣдь возьмешь ты ее отъ меня, долженъ же будешь куда-нибудь въ горничныя отдать за какія-нибудь полтора, два рубля въ мѣсяць. Мало ли ихъ теперь обьгаеть, мѣсть ищетъ, какъ вольными стали... Много ли же она тутъ можетъ тебѣ удѣлить изъ своего жалованья?

Петръ. Батюшка, да Глаша, можетъ быть, сама не захочетъ уйти отъ насъ; вы бы ее спросили, чѣмъ съ нимъ толковать...

Евт. Нѣтъ, это никакъ не можетъ быть, чтобы дочь могла противъ меня, какъ есть я теперича ей отецъ... Такого закона нѣтъ... Я черезъ судъ могу вытребовать...

Сем. Ив. Ну, коли такъ... Коли желаешь погубить дочь, бери ее... Бери, бери!

Евт. Какъ теперича господа наши желаютъ ее къ себѣ взять въ слуги, въ горничныя.

Сем. Ив. А—а, вотъ что! Мало у нихъ другихъ, непременно эту нужно...

Евт. И самъ этотъ самый Иванъ Павлычъ, дворецкій, сказалъ мнѣ: Евтихій, слушай! теперича господа берутъ твою дочку къ себѣ въ услуженіе... чувствууй это... черезъ это и ты самъ счастливъ будешь, и старость свою пропитаешь...

Сем. Ив. Ну, я тебѣ сказалъ: бери ее, губи! Бери же, бери... Говорить больше нечего.

ПЕТРЪ. Батюшка, да это что же такое? Развѣ вы не понимаете?

СЕМ. ИВ. Что же мнѣ дѣлать? Развѣ ты не видишь, что это рѣшено. Я не имѣю отцовскихъ правъ...

ЕВТ. Если же, говорить, что наипаче ты напротивъ будешь дѣлать, сейчасъ со двора долой... А я со двора не желаю, потому мы привычны...

ПЕТРЪ. Батюшка, да вы вслушайтесь въ его слова!

СЕМ. ИВ. Все, другъ, слышу и понимаю. (*Разгорячаясь постепенно*). Это на нихъ похоже: ужь коли начали бить человека, такъ бьютъ до конца... Все топчуть въ грязь: и сго самага, и его близкихъ, и все, что его окружаетъ. (*Къ Евтихию*). Дуракъ, еще отцомъ себя показывается! Бери, губи свою дочь! Я не могу тебѣ помѣшать... Я видѣть тебя не могу. (*Машетъ рукой и поспѣшно уходитъ*).

ЕВТ. Что жъ, это какъ угодно, а я не дуракъ. И Иванъ Павлычъ говорить: будешь, говорить, служить хорошо, и тебѣ будетъ хорошо... Жалованье говорить, положить хорошее и ты, говорить, будешь при мѣстѣ. (*Медленно уходя*)... Что жъ, глупости тутъ нѣтъ никакой... А какъ есть я отецъ, завсегда могу... потому самому дочь должна при отцѣ, и пропитывать. Это какъ угодно... Вотъ что... (*Уходитъ*).

А. Потъхинъ. (Рыцари нашего времени, д. III, явл. 2).

(Охмѣленіе наивное).

Ягодкинъ (*высовывая голову изъ среднихъ дверей шопотомъ*). Анна Сергѣевна!.. Анна Сергѣевна!

АННА СЕРГѢВНА (*оборачиваясь въ испугъ*). Ахъ, Ягодкинъ! Какъ вы подкрались! Я никакъ не ожидала въ такую пору... и отчего вы не позвонили?

ЯГОД. Безпокоить не хотѣлъ, матушка, Анна Сергѣевна. Да для чего же собственно и звонить? Я попробовалъ дверь; она не заперта. Я и вошелъ потихоньку.

АН. СЕРГ. Что-жъ вамъ нужно? Что-нибудь по дѣламъ, къ мужу?

ЯГОД. Нѣтъ, матушка, Анна Сергѣевна, нѣтъ. Дайте благодѣтельница, ради Бога, хоть кусочекъ чернаго хлѣба съ солью. Смерть ѣсть хочется. Съ утра маковой росинки во рту не было. Совсѣмъ писать не могу.

АН. СЕРГ. Что вы говорите! Бѣдный Ягодкинъ! Да какъ же это могло случиться?

ЯГОД. Да такъ, цѣлый день то у Рогачева, то въ канцеляріи, то у Зои Львовны писалъ, а вотъ теперь опять на всю ночь въ канцеляріи за работу засадили. Да писать не могу, совсѣмъ не могу: очень тошнить, а слюна такъ и бьетъ. Ужъ я пробовалъ и бумагу жевать, да не помогаетъ. Дѣлать нечего, сбѣжалъ сюда къ вамъ хоть хлѣбца попросить.

АН. СЕРГ. Такъ закусите чего-нибудь. Вотъ кстати и ужинъ остался... вотъ пирожекъ.

ЯГОД. Благодарю, матушка, Анна Сергѣевна, благодарю. (*Подходитъ къ столу и закусываетъ съ жадностью*). Позвольте ужъ и водочки выпить. (*Наливаетъ рюмку водки и пьетъ*).

АН. СЕРГ. Сдѣлайте милость. (*Въ сторону*). Убирался бы только поскорѣе. Какая досада! Вотъ пришелъ не кстати. Что если теперь вдругъ Бѣловъ!

ЯГОД. Позвольте ужъ и еще одну рюмочку?

АН. СЕРГ. Извольте, извольте. Только пожалуйста не больше. Я знаю вашу слабость. Вы совсѣмъ не бережете себя.

ЯГОД. Нѣтъ-съ, берегу, очень берегу, потому что хоша—нечего грѣха таить—я и пью, но всегда это дѣло правильно дѣлаю. Вотъ я, съ вашего позволенія, послѣднюю рюмку выпью, да объясню вамъ. (*Пьетъ и закусываетъ*).

АН. СЕРГ. (*въ сторону*). Ахъ, какой несносный! Чего добраго, онъ тутъ пожалуй напьется, да и совсѣмъ останется. (*Громко*). Довольно, Ягодкинъ, не пейте больше. Я, право, боюсь за васъ.

ЯГОД. (*продолжая пить*). Не бойтесь, матушка, я себя помню, помню, что тамъ меня работа дожидается. Вотъ я хотѣлъ доложить вамъ, какое у меня на этотъ счетъ правило. (*Пьетъ еще рюмку*).

Ан. Серг. Ягодкинъ, прошу васъ, ступайте поскорѣе. Я, право, боюсь за васъ. Потомъ мужъ скажетъ, зачѣмъ я вамъ водки дала. Вы закусили, ну и ступайте пожалуйста. Я вовсе не желаю слушать вашихъ разсказовъ.

Ягод. (*нѣсколько на-веселъ*). Уйду, Анна Сергѣевна, сію минуту уйду. Только вы позвольте мнѣ оправдаться передъ вами, потому что вы говорите, будто я человѣкъ неправильный, что я не берегу себя. Нѣтъ-съ, сударыня, въ разсужденіи напитковъ у меня то правило: пей, а дѣло разумѣй; и, благодареніе Господу, чувствую себя хорошо. Вотъ только въ послѣднее время у меня какая-то странная болѣзнь появилась...

Ан. Серг. (*съ сторону*). Что за неотвязчивый. (*Громко*). Ступайте, Ягодкинъ вамъ пора!

Ягод. Сію минуту, сію минуточку. Извольте видѣть, какая болѣзнь. Выпилъ, я напримѣръ, рюмку, двѣ, три, четыре, ничего! какъ есть ничего! а только что выпилъ пятую, и пошло въ глазахъ двоиться: вмѣсто одного предмета вижу два, — двѣ чернильницы, два пера въ рукѣ держу, двѣ бумаги за разъ переписываю, — вмѣсто одного начальника вдругъ два тебя за разъ распекать примутся. Вѣдь вотъ какое непріятное положеніе! А то такъ совсѣмъ небывалые предметы начинаютъ казаться. Вдругъ покажется, что какая-то рожа на тебя уставилась, или какой человѣкъ въ комнату вошелъ, а онъ совсѣмъ и не входилъ; а если вздремнуть вздумаю, такъ по письменному столу чертенята такъ и закишатъ, и все такіе маленькіе. (*Показываетъ на палецъ*). Точь въ точь съ крупнаго таракана величины, только все зеленые, зеленые. Объясните, матушка Анна Сергѣевна, чтобъ это такое было, что за болѣзнь странная?

Ан. Серг. Боже мой, почему же я знаю? Спросите доктора.

Ягод. Спрашивалъ, матушка, спрашивалъ. Да что, развѣ доктора что нибудь смыслятъ? Ничего не смыслятъ. Да гдѣ же имъ понять такую, можно сказать, тонкую болѣзнь. Я спрашивалъ нашего Карла Карлыча. Такъ почти и говорить не хочетъ. «Не пейте водки, говорить, не пейте. Много пьете». Какой много, говорю, Карлъ Карлычъ, развѣ это можно сказать, что

много? Навѣрно, это совсѣмъ не отъ питья. Посовѣтуйте, ради Царя Небеснаго, что мнѣ дѣлать, чтобъ у меня въ глазахъ не двоилось? «Ну, говорить, выколите себѣ одинъ глазъ, вотъ вамъ и будутъ всѣ предметы казаться въ одиночку. Значить, одинъ глазъ у васъ лишній». Вотъ они, матушка, какіе доктора, только насмѣхаются. Нѣтъ, если это отъ водки, да онъ понимаетъ свое дѣло, — такъ онъ докажи мнѣ, почему же эта болѣзнь именно съ пятой рюмки начинается. И какъ странно это бываетъ: напримѣръ, стою я вотъ такъ и смотрю хоть на эту дверь (*указываетъ на боковую дверь*), и вдругъ... (*Въ это время дверь быстро отворяется изъ за нея наполовину показывается Бьловъ, но, замѣтивъ Ягодкина, поспѣшно снова скрывается*).

Ан. Серг. Ахъ! (*Убѣгаетъ въ боковую дверь*).

Мамъз. (*Паутина, д. III, явл. 8*).

(Одуреніе).

Курослѣповъ. И съ чего это небо валилось? Такъ вотъ и валится, такъ вотъ и валится... Или это мнѣ во снѣ, что-ль? Вотъ угадай поди, что такое теперь на свѣтѣ, утро или вечеръ? И никого, прахъ ихъ... Матрена! Ни дома, ни на дворѣ, чтобъ имъ!.. Матрена! Вотъ какъ оно страшно, когда не знаешь, что на свѣтѣ... Жутко какъ-то. И сонъ это я видѣлъ, али что? Дрова будто много наготовлено и лучины. Для чего, говорю, дрова? Говорятъ: грѣшниковъ поджаривать. Неужто жъ это я въ адѣ? Да куда жъ это всѣ провалились? И какой это на меня страхъ сегодня! А вѣдь небо то никакъ опять валится? И то валится... Батюшки! А теперь вотъ искры. И что, ежели вдругъ свѣтопреставленіе! Ничего мудренаго нѣтъ! Оченно это все можетъ случиться, потому... вотъ смолой откуда-то запахло и пѣль кто-то дикимъ голосомъ и звукъ струнный или трубный, что ли... Не поймешь. (*Бьютъ часы городскіе*). Разъ, два, три, четыре, пять (*считаетъ, не слушая*), шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двѣнадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать. Только? Пятнадцать!.. Боже мой, Боже мой! Дожили! пятнадц-

пать! До чего дожили! Пятнадцать. Да еще мало по грѣхамъ нашимъ! Еще то ли будетъ! Ежели пойти выпить для всякаго случая? Да, говорятъ въ такомъ разѣ хуже... (*Силанъ входитъ*). Гдѣ ты пропадаешь? Этакое дѣло начинается...

Силанъ. Нигдѣ не пропадаю, тутъ стою, тутъ, тебя берегу.

Курос. Слышалъ часы?

Сил. Ну, такъ что жъ?

Курос. То-то, молъ! Живы еще всѣ покудова?

Сил. Кто?

Курос. Домочадцы и всѣ православные христіане?

Сил. Ты очувствуйся! Умойся поди!

Курос. Источники водные еще не изсяклись?

Сил. Нѣтъ. Съ чего имъ?

Курос. А гдѣ же теперь жена?

Сил. Въ гости ушла.

Курос. Вотъ этакой теперь случай; она должна при мужѣ.

Сил. Ну, ужъ это ея дѣло.

Курос. Какіе гости! Нашла время! Страхъ какой!

Сил. Какой?

Курос. Всѣмъ въ услышаніе пятнадцать-то часовъ било.

Сил. Ну, пятнадцать, не пятнадцать, а девятый часъ это точно... ужинать теперь бы самое время, да опять спать.

Курос. Ты говоришь, ужинать?

Сил. Да ужъ это безпремѣнно. Ужъ ежели что положено, безъ того нельзя.

Курос. Такъ это, значить, мы вечеромъ?

Сил. Вечеромъ.

Курос. И все, какъ бываетъ всегда? Ничего такого?

Сил. Да чему же?

Курос. А я было какъ испугался! Мало ли я тутъ, сидя, передумалъ. Представилось мнѣ, что послѣдній конецъ начинается. Да вѣдь, и то сказать, долго-ли?

Сил. Что толковать.

Курос. Въ соборѣ отошли?

Сил. Сейчасъ только.

Курос. (*затѣваетъ*). Но, яко... Ты ворота заперъ?

Сил. Заперъ.

Курос. Пойти посмотрѣть за тобой.

Островскій. (Горячее сердце, д. I, явл. 2).

(Одуреніе буйное).

Петръ (*сидясь*). Ужинать!

Афимья. Сейчасъ, батюшка, сейчасъ. (*Ставитъ на столъ ужинъ*).

Петръ. Зажигай огня!

Афимья. Да гдѣ жъ теперь? Ужъ спать всѣ.

Петръ. Дѣлай, что я приказываю! Разобью все въ прахъ!.. щепки цѣлой не оставлю.

Афимья. Ну ужъ не сердись, погоди принесу.

Петръ (*пѣетъ*). Смѣяться надо мной! Нѣтъ, шалишь!.. Не позволю! Будетъ съ меня, посмѣялись, выгнали, а я здѣсь дома... Нѣтъ, погоди! Я имъ не дуракъ достался!.. Весь домъ на ноги подниму! Ты мнѣ тетка, а ты меня не трожь, а то... ухъ!.. Не дыши передо мной, не огорчай меня! (*Пѣетъ*). Говори правду—ходила жена со двора? (*Молчаніе*). Говори! Я тебя спрашиваю—говори!

Афимья. Да вотъ что, Петръ Ильичъ, по правдѣ тебѣ сказать, не то что она съ двора ходила, а вовсе было къ своимъ собралась, да уѣхала.

Петръ. Ну и пропадай она пропадомъ! Провались она!.. И на духъ мнѣ ея ненужно.

Афимья. Да со стариками на дорогѣ встрѣтилась и воротилась.

Петръ. И не кажись она мнѣ на глаза! Убью! Своими руками задушю! Она мнѣ врагъ, а не жена! Мнѣ нынче человѣкъ сказывалъ про нее, все сказывалъ, онъ все знаетъ, онъ колдунъ...

Афимья. Что ты!.. Богъ съ тобой! Съ кѣмъ ты водишься!.. Что съ тобой?

Петръ. Молчать! Онъ говоритъ, не жена она тебѣ, а змѣя

лютая! Вотъ и кореньевъ мнѣ далъ. Горючь камень алатырь... Привороты всѣ знаетъ, пускаетъ по вѣтру... Тетенька...

Афимья. Что ты? голубчикъ!

Петръ. Страшно мнѣ! Страшно! Поди, сядь со мной. (*Плачетъ*). Обижаютъ меня! Никто меня не любитъ, извести меня хотятъ!.. Всѣ на меня, и жена, и всѣ.

Афимья. Самъ всему причиной, не на кого пенять.

Петръ. Я пьяница, я безпутный, ну, убейте меня!.. Ну убейте, мнѣ легче будетъ. Кто меня пожалѣетъ, а вѣдь я человекъ тоже! (*Плачетъ*).

Афимья. Ну, полно, полно.

Петръ. Не то мнѣ обидно, что меня молодца Груша не любить, а то мнѣ обидно, не доставайся она никому!

Афимья. Про какую тамъ Грушу ты говоришь, безпутный?.. Какая тамъ еще Груша?

Петръ. Какая Груша? Вотъ такая Груша: нѣтъ такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ. Я душу свою погубилъ за нее! Ну, какъ мнѣ съ ней разстаться? Насъ разлучить хотятъ... вотъ онъ!

Афимья. Кто онъ? Никого тутъ нѣтъ.

Петръ. Васька!

Афимья. Поди, усни. Ишь тебѣ ужъ мерещится.

Петръ. Я его убью!.. А жена... она не смѣй противъ мужа. Гдѣ жена? Подай сюда жену! Она моя жена, она моя раба!

Афимья. Ея нѣтъ; она ушла со своими, съ отцомъ, да съ матерью.

Петръ (*встаетъ и беретъ въ руки ножъ*). Куда она ушла? Я ее найду! Изъ земли вытащу, со дна моря достану.

Афимья. Куда ты пойдешь ночью? Что за страхъ. Ступай спать.

Петръ. Не говори ты мнѣ! Жену подай!.. Жену подай, говорю я тебѣ!

Афимья. Ну, да нѣтъ ея, такъ и негдѣ взять!

Петръ. Я ее найду, я ее найду.

Афимья. Что ты ножомъ то махаешь, ну тебя! Съ тобой страсть одна, да и только.

Петръ. Я ее по слѣду найду!.. Я ее по слѣду найду!.. Теперь зима, снѣгъ, по слѣду все видно, мѣсяць свѣтитъ, все равно, что днемъ. (*Садится*). Страшно мнѣ, страшно! Вонъ мятель поднялась... Ухъ! Такъ и гудеть! Вонъ завыли... вонъ, вонъ собаки завыли. Это они на мою голову воютъ, моей погибели ждуть... Ну чтожь, войте! Я проклятый человекъ! Я окаянный человекъ. (*Встаетъ*).

Афимья. Ишь ты, ишь ты! Ахъ батюшки, какъ страшно!

Петръ. Нѣтъ, не то, тетушка, все не то! Все я не то говорю. Вотъ что, кабы я не былъ женатъ, развѣ бъ меня Груша не любила? Я бы женился на ней. Стало быть, жена мнѣ помѣха, и во всемъ мнѣ она поперекъ... Вотъ за это я ее и убью... за это за самое.

Афимья. Что мнѣ дѣлать то съ нимъ, ума не приложу. (*Въ комнатѣ появляется Еремка, котораго видитъ только Петръ*).

Петръ. А благопріятель! Что жъ ты смотришь-то на меня? Чтожь ты такъ смотришь? Вѣдь самъ научилъ, какъ жену извести!

Афимья. Съ кѣмъ онъ это говорить-то, —никого нѣту. Наше мѣсто свято! Чуръ меня! Чуръ меня! Пойти разбудить всѣхъ. (*Уходитъ*).

Петръ. (*Еремкѣ*). Что ты говоришь, а? Ну, да! И я тоже говорю, чудакъ человекъ! вмѣстѣ пойдемъ! Поскорѣй, поскорѣй! (*Останабливается*). Ха, ха, ха! Смѣшной ты человекъ! Вотъ онъ ножикъ-то! (*Уходитъ*).

Островскій. (Не такъ живи, какъ хочется, д. III, явл. 2).

(Страсть къ игрѣ, восторгъ игрока-шулера).

Ихарева (*одинъ, отпираетъ шкатулку всю наполненную карточными колодами*). Каковъ видъ, а! Каждая дюжина золотая! Потомъ, трудомъ досталась всякая. Легко сказать, до сихъ поръ рябить въ глазахъ проклятый крапъ. Но вѣдь за то, вѣдь это тотъ же капиталъ. Дѣтямъ можно оставить въ наслѣдство! Вотъ она заповѣдная колодушка—просто перлъ.—За то жъ ей

и имя дано, да: Аделаида Ивановна. Послужи-ка ты мнѣ, душенька, такъ какъ послужила сестрица твоя: выиграй мнѣ тоже восемьдесятъ тысячъ, такъ я тебѣ, прїѣхавши въ деревню, марморный памятникъ поставлю; въ Москвѣ закажу. (*Услыша шумъ, поспѣшно закрываетъ шкатулку*).

Гоголь. (Игроки, явл. 1).

(Процессъ игры).

Утѣшительный, Швохневъ, Кругель, Ихаревъ, Гловъ.

Утѣш. Господа! рекомендую: Александръ Михайловичъ Гловъ, отличный товарищъ, прошу полюбить, какъ меня.

Шв. Очень радъ (*Пожимаетъ ему руку*).

Их. Знакомство ваше намъ...

Кр. Позвольте васъ прямо въ наши объятія.

Гловъ. Господа! я...

Утѣш. Безъ церемонїи, безъ церемонїи, равенство — первая вещь, господа! Гловъ, здѣсь видишь, всѣ товарищи, потому къ чорту всѣ этикетки! Сведемъ прямо на «ты»!

Шв. Именно на «ты»!

Гловъ. На «ты»! (*Подаетъ имъ всѣмъ руку*).

Утѣш. Такъ! bravo! Человѣкъ, шампанскаго! Замѣчаете, господа, какъ у него даже теперь уже видно что-то гусарское? Нѣтъ, твой отецъ, не говоря дурнаго слова, большая скотина, извини—вѣдь мы на «ты»,—ну какъ этакаго молодца вздумалъ было въ чернильную службу! Ну, что, братъ, скоро свадьба сестры твоей?

Гловъ. Чортъ побори съ ея свадьбой! Мнѣ досадно, что изъ за нея отецъ меня продержалъ три мѣсяца въ деревнѣ.

Утѣш. Ну, послушай, хороша твоя сестра?

Гловъ. А такъ хороша... Будь она не сестра: ну ужъ я бы ей не спустилъ.

Утѣш. Bravo, bravo, гусаръ! Сейчасъ видно гусара! Ну послушай, а помогъ бы ты мнѣ, если бы я захотѣлъ ее увезти?

Гловъ. Почему жъ? Помогъ бы!

Утѣш. Bravo, гусаръ! Вотъ оно, что называется, настоящій гусаръ, чортъ побори! Человѣкъ, шампанскаго! Вотъ это мой рѣшительно вкусъ: этакихъ открытыхъ людей я люблю... Постою, душа, дай обниму тебя!

Шв. Дай же мнѣ обнять его. (*Обнимаетъ его*).

Их. Пусть же и я обниму его. (*Обнимаетъ*).

Кр. Ну такъ и я обниму его, если такъ. (*Обнимаетъ*).

(*Алексѣй несетъ бутылку, придерживая пальцемъ пробку, которая хлопаетъ и летитъ въ потолокъ, наливаетъ бокалы*).

Утѣш. Господа! за здравіе будущаго гусарскаго юнкера! Пусть онъ будетъ первый рубака, первый волокита, первый пьяница, первый... словомъ, пусть его будетъ, что хочеть!

Всѣ. Пусть его будетъ, что хочеть! (*Пьютъ*).

Гловъ. За здравіе всего гусарства! (*Подымая бокалъ*).

Всѣ. За здравіе всего гусарства! (*Пьютъ*).

Утѣш. Господа! надо его теперь же посвятить во всѣ гусарскіе обычаи. Пьеть онъ, какъ видно, уже сносно, но вѣдь это вздоръ: надо, чтобъ онъ былъ картежникъ во всей силѣ. Играешь въ банкѣ?

Гловъ. Игралъ бы, смерть бы хотѣлось, да денегъ нѣтъ.

Утѣш. Экой вздоръ: нѣтъ денегъ! Было бы только съ чѣмъ сѣсть, а тамъ деньги будутъ, выиграешь.

Гловъ. Да вѣдь и сѣсть то не съ чѣмъ.

Утѣш. Да мы тебѣ повѣримъ въ долгъ. Вѣдь у тебя есть довѣренность на полученіе денегъ изъ приказа. Мы подождемъ, а какъ тебѣ выдадутъ, ты намъ тотчасъ и заплатишь, а до того времени ты можешь намъ дать вексель. Да впрочемъ, что я говорю? Какъ будто ты ужъ непремѣнно проиграешь. Ты можешь тутъ же выиграть нѣсколько тысячъ чистоганомъ.

Гловъ. А какъ проиграю?

Утѣш. Стыдись, чтожъ ты за гусаръ послѣ этого? Натурально, одно изъ двухъ: либо выиграешь, либо проиграешь. Да въ этомъ то и дѣло, въ рискѣ то и есть главная добродѣтель, а не

рискнуть, пожалуй, всякій можетъ; на вѣрняка и приказная строка отважится, и жидъ полѣзетъ на крѣпость.

Гловъ (*махнувъ рукой*). Чортъ побори, если такъ, играю! Что мнѣ спотрѣть на отца!

Утѣш. Bravo, юнкеръ! Человѣкъ, карты. (*Наливаетъ ему стаканъ*). Главное, что нужно? нужна отвага, ударъ, сила... Такъ и быть, господа, я вамъ сдѣлаю банчикъ въ двадцать пять тысячъ. (*Мечетъ на право и на лѣво*). Ну, гусарь... Ты, Швохневъ, что ставишь? (*Мечетъ*). Какое странное теченіе картъ, вотъ любопытно для вычисленій? Валеть убить, десятка взяла. Что тамъ у тебя? и четверка взяла. А гусарь, гусарь-то, каковъ гусарь? Замѣчаешь, Ихаревъ, какъ ужъ онъ мастерски возвышаетъ ставки! А тузъ все еще не выходитъ. Чтожъ ты, Швохневъ, не наливаешь ему! вона, вона, вонъ тузъ! вонъ ужъ Кругель потащилъ себѣ. Нѣмцу всегда везетъ! Четверка взяла. А, bravo, bravo, гусарь! слышишь, Швохневъ, гусарь уже около пяти тысячъ въ выигрышѣ.

Гловъ (*перелибаешь карту*). Чортъ побори! Пароле пе! да вонъ еще десятка на столѣ, идетъ и она и пятьсотъ рублей мазу!

Утѣш. (*продолжая метать*). У, молодець гусарь! Семерка уби... ахъ нѣтъ, чортъ побори, пліе, опять пліе! а, проигралъ гусарь. Ну чтожъ, братъ, дѣлать? не у всякаго жена Марья, кому Богъ далъ. Кругель, да полно тебѣ разчитывать! ну, ставъ эту, которую выдернулъ. Bravo, выигралъ гусарь! Чтожъ вы не поздравляете его! (*Всѣ пьютъ и поздравляютъ его, чокаясь стаканами*). Говорятъ, пиковая дама всегда продаетъ, а я не скажу этого. Помнишь, Швохневъ, свою брюнетку, что ты называлъ пиковою дамою? Гдѣ то она теперь, сердечная? Чай пустилась во всѣ тяжкія? Кругель, твоя убита; (*Ихареву*) и твоя убита! Швохневъ, твоя также убита; гусарь также лопнулъ.

Гловъ. Чортъ побори, ва—банкъ!

Утѣш. У, bravo, гусарь! на всѣ пятьдесятъ тысячъ! Вотъ оно, что называется, великодушіе! Ну поди-ка, поищи, гдѣ отыщешь этакую черту... это именно подвигъ! Лопнулъ гусарь.

Гловъ. Ва—банкъ, чортъ побори, ва—банкъ!

Утѣш. Ого, го! гусарь, на сто тысячъ! каковъ, а? а глазки-то, глазки? замѣчаешь, Швохневъ, какъ у него глазки горять? Барклай-де-Тольевское что-то видно. Вотъ онъ героизмъ! А короля все нѣтъ. Вотъ тебѣ, Швохневъ, бубновая дама. На, нѣмецъ, возьми, съѣшь семерку! Руте, рѣшительно руте! просто карта фоска! а короля, видно, въ колодѣ нѣтъ, право даже странно. А вотъ онъ, вотъ онъ... лопнулъ гусарь.

Гловъ (*горячася*). Ва-банкъ, чортъ побори, ва-банкъ!

Утѣш. Нѣтъ, братъ, стой! Ты ужъ просадилъ двѣсти тысячъ. Прежде заплати, безъ этого нельзя начинать новой игры — мы такъ много не можемъ тебѣ вѣрить.

Гловъ. Да гдѣ-жъ? у меня теперь нѣтъ.

Утѣш. Дай намъ вексель, подпишись.

Гловъ. Извольте, я готовъ. (*Беретъ перо*).

Утѣш. Да и довѣренность на полученіе денегъ тоже отдай намъ.

Гловъ. Вотъ вамъ и довѣренность.

Утѣш. Теперь подпиши вотъ это, да вотъ это. (*Даетъ подписаться*).

Гловъ. Извольте, я готовъ все сдѣлать. Ну, вотъ я и написалъ. Ну, давайте-жъ играть.

Утѣш. Нѣтъ, братъ, постой; покажи-ка прежде деньги!

Гловъ. Да я вамъ заплачу, ужъ будьте увѣрены.

Утѣш. Нѣтъ, братъ, деньги на столъ!

Гловъ. Да что-жъ это?.. Вѣдь это просто подлость.

Кр. Нѣтъ, это не подлость.

Их. Нѣтъ, это совсѣмъ другое дѣло; шансы, братъ, не равны.

Шв. Этакъ ты, пожалуй, сядешь съ тѣмъ, чтобы обыграть насъ. Дѣло извѣстное: кто садится безъ денегъ, тотъ садится съ тѣмъ, чтобы обыграть навѣрное.

Гловъ. Ну, что-жъ? чего вы хотите? назначьте какіе угодно проценты, я на все готовъ. Я вдвое заплачу вамъ.

Утѣш. Что, братъ, намъ въ твоихъ процентахъ? Мы сами

готовы заплатить тебѣ какіе угодно проценты, дай только намъ взаймы.

Гловъ (*отчаянно и рѣшительно*). Ну, такъ скажите послѣднее слово: не хотите играть?

Шв. Принеси деньги, сейчасъ станемъ играть.

Гловъ (*вынимая изъ кармана пистолетъ*). Ну, такъ прощайте, господа! Больше вы меня не встрѣтите на этомъ свѣтѣ. (*Убѣгаетъ*).

Утѣш. Ты! ты! что ты! съ ума сошелъ! Побѣждать за нимъ, въ самомъ дѣлѣ, чтобы еще какъ нибудь не застрѣлился. (*Убѣгаетъ*).

Гоголь. (Игроки, явл. 16).

(Отчаяніе игрока-шулера).

Ихарева (*въ отчаяніи бьетъ себя рукою по лбу*). Чортъ побери, въ самомъ дѣлѣ! (*Въ изнеможеніи упадаетъ на стулъ*). Но только какой дьявольскій обманъ!

Гловъ. Утѣшься! Вѣдь тебѣ еще съ полугоря. У тебя есть еще Аделаида Ивановна. (*Исчезаетъ*).

Их. (*въ ярости*). Чортъ побери Аделаиду Ивановну! (*Схватываетъ колоду и швыряетъ ея въ дверь*). Вѣдь существуютъ же, къ стыду и поношенію человѣковъ, этакіе мошенники! Но только я, просто, готовъ сойти съ ума, — какъ это все было чертовски разыграно, какъ тонко! И отецъ, и сынъ, и чиновникъ Замухрышкинъ! И концы всѣ спрятаны! и жаловаться даже не могу! (*Вскрикиваетъ со стула и въ волненіи ходитъ по комнатѣ*). Хитри послѣ этого! Употребляй тонкость ума, изошряй, отыскивай средства... Чортъ побери, не стойтъ просто ни благороднаго рвенія, ни трудовъ! Тутъ же, подъ бокомъ, отыщется плуть, который тебя переплутуетъ! мошенникъ, который за одинъ разъ подорветъ строеніе, надъ которымъ работалъ нѣсколько лѣтъ! (*Съ досадой махнувъ рукою*). Чортъ возьми! Такая ужъ надувательная земля! Только и лѣзетъ тому счастье, кто глупъ, какъ бревно, ничего не смыслить, ни о чемъ не думать, ни

чего не дѣлаетъ, а играетъ только въ бостонъ подержанными картами!

Гоголь. (Игроки, явл. 25).

(Гордость).

Прометей (*Океанидамъ*). Не думайте, что я молчу въ упорной Надменности; но мысль мнѣ гложетъ сердце
О томъ, какъ я жестоко оскорбленъ.
А кто-жъ межъ тѣмъ и почестью и властью
Боговъ тѣхъ новыхъ надѣлилъ—не я ли?
Но я молчу объ этомъ; вамъ извѣстно,
Чтобъ могъ сказать я...

...И Зевсъ—какъ гордо ни упорствуй—будетъ

Въ урочный часъ униженъ глубоко.

Онъ сътъ себѣ сплететь, вступивши въ бракъ;

Тотъ бракъ и власть отниметъ у него,

И тронъ отниметъ. Въ очью совершится

Проклятіе, которымъ Кронъ-отецъ

Клялъ сына, въ прахъ летя со своего

Предвѣчнаго престола... И никто

Изъ всѣхъ боговъ, oprичъ меня, не можетъ

Ему сказать, какъ отвратить погибель.

Лишь я единый слова тайны знаю.—

Пусть царствуетъ покуда, тѣшась властью,

Своимъ воздушнымъ громомъ величась!

Пусть ярко прыщутъ изъ его руки

Губящихъ молній огненные стрѣлы!

Ничто ужъ не спасетъ его; ничто

Отъ страшнаго позора не удержитъ

И горькаго паденья. Онъ снарядитъ

И самъ вооружитъ себѣ врага,—

И явится противникъ съ дивной мощью:

Найдетъ онъ пламя жгучей молній Зевса,

И голосомъ заставитъ онѣмѣтъ

Могучій громъ, и сокрушитъ державный

Трезубецъ Посейдона, всѣ моря

И земли потрясающій. Тогда то—

Постигнутъ грознымъ рокомъ—Зевсъ узнаетъ

Различіе межъ властью и паденьемъ!...

Гермесъ. ...Тебѣ, вреднѣйшій, нетерпимый бутовщикъ,

Возставшій мятежемъ противъ боговъ

Изъ за людскаго блага, дерзкій хищникъ

Священнаго огня, тебѣ сказать

Я прилетѣлъ по повелѣнью Зевса:
Сойчасъ же объясни свои намеки
На бракъ какой то, хвастовство свое,
Что кто то Зевса свергнетъ съ трона. Все,
Безъ всякихъ изворотовъ и загадокъ,
Опредѣленно сказывай! Смотри,
Чтобъ плохо не было, какъ мнѣ придется
Въ другой разъ прилетѣть къ тебѣ. Ты знаешь,
Пощады не бывать тогда отъ Зевса.

ПРОМЕТЕЙ. Надменно, важно, съ горделивымъ видомъ,
Словами сыплешь ты, какъ подобаешь
Холопу Зевса. И давно-ль попали
Вы, новички, на царство? А туда же—
Увѣрены, что можно безпечно
Вамъ въ золотомъ чертогѣ пировать!
Я видѣлъ самъ, какъ съ этой вышки двое
Владыкъ свалилось,—и еще увижу,
Какъ третій—господинъ твой, полетитъ
Быстрѣе всѣхъ, позорнѣе всѣхъ.—Иль ты
Вообразилъ, что я затрепещу
И преклонюсь предъ новыми богами?
Нѣтъ, многого до этого не хватить—
Всего! Такъ знай: ты можешь отпираться
Обратно той же самою дорогой,
Какой сюда явился! Ничего
На всѣ свои допросы отъ меня
Ты не узнаешь.

ГЕРМЕСЬ. Не такое-ль точно
Упорство привело тебя сюда
И горькой мукѣ предало?

ПРОМЕТЕЙ. Своей плачевной доли—знай ты это—я
Отнюдь не промѣняю на твое
Служенье Зевсу. Нѣтъ! милѣе мнѣ этой
Скалъ служить, чѣмъ быть, какъ ты, усерднымъ
И преданнымъ разсылнымъ Зевса. Такъ то
Должны мы вамъ, противникамъ всего,
Противиться!... И не думай,
Чтобы предъ Зевсомъ въ страхѣ я, какъ баба,
Метаться сталъ и вздохи возсылать
Къ нему, всененавистному съ мольбою
Чтобъ онъ меня отъ этихъ узъ избавилъ!
Нѣтъ, этому во вѣки не бывать!

Эсхилъ. (Прикованный Прометей).

(Фамильная честь).

ДОНЪ-ДЬЕГЪ. Сынъ, храбръ ты или трусъ?
ДОНЪ-РОДРИГЪ. Ты мой отецъ; другого
Я въ мигъ увѣрилъ бы.

Д.-ДЬЕГЪ. Я оживаю снова!
Съ какою радостью горячность зрю твою!
Кровь Дьегову въ пылу похвальномъ познаю:
Вотъ молодость моя, вотъ жаръ ея и рвенья!
Мой сынъ, ты кровь моя: подай же мнѣ спасенье,
Отмети!

Д.-РОДРИГЪ. За что?
Д.-ДЬЕГЪ. За верхъ несслыханныхъ обидъ,
За злѣйшій всѣхъ ударъ, за нестерпимый стыдъ.
За... за пощечину. Отмстилъ бы я злодѣю,
Но не достало силъ, мечемъ ужъ не владѣю;
И мечъ сей, коего не въ силахъ я сдержать,
Возьми его, чтобы отмстить и наказать;
Съ обидѣвшимъ меня свою измѣряй силу,
И нѣтъ середины; онъ, иль ты чтобъ слегъ въ могилу,
Умри или убей. Но, Родригъ, знай и то,
Съ противникомъ твоимъ не равенъ здѣсь никто.
Я часто зрѣлъ его въ сраженіи съ врагами,
И вокругъ него враги ложилися рядами.

Д.-РОДРИГЪ. Скажи: кто онъ? что намъ слова здѣсь расточать?
Д.-ДЬЕГЪ. Чтобъ болѣе еще, мой сынъ, тебѣ сказать,
Безстрашный сей боецъ, прославленный воитель,
Онъ...

Д.-РОДРИГЪ. Ради Бога, кто?

Д.-ДЬЕГЪ. Химены онъ родитель.

Д.-РОДРИГЪ. Онъ!...

Д.-ДЬЕГЪ. Сынъ! не отвѣчай: я знаю страсть твою;
Но недостойнъ жить, кто прежилъ честь свою:
Чѣмъ ближе къ сердцу врагъ, тѣмъ больше оскорбленье.
Обиду знаешь ты, въ рукахъ твоихъ отмщенье.
Что мнѣ сказать еще? кто ты—не забудь;
Достойнаго отца достойнымъ сыномъ будь.
Я—старецъ; кромѣ слезъ защиты не имѣю;
Ты юноша; иди, и отомсти злодѣю.

Корнель. (Сидъ, д. I, сц. 6).

(Сознаніе собственнаго достоинства).

(Ночь. Луна. Развалины башни. Дверь заперта).

МАРГАРИТА (осматривается). И никакого другаго выхода?... Что дѣлать? Дома умрутъ отъ безпокойства. Наконецъ это невозможно!.. Ищите!.. ну?! я должна-жъ отсюда выйти!

МАКСЪ. Боже мой! какъ я ни стараюсь... но эта дверь не подается... что дѣлать?... я въ совершенномъ отчаяніи...

МАРГАР. (въ сторону, въ то время, когда Максъ подходитъ къ окну). Боже!.. какая мысль!.. (Максу со сдержаннымъ гнѣвомъ). Маркизь де-Шансе!..

МАКСЪ (вдругъ оборотившись). А! мое имя!

МАРГАР. (медленно). Скажите мнѣ, много ли до васъ было безчестныхъ людей въ вашемъ семействѣ?

МАКСЪ (отступая). Маргарита?

МАРГАР. (сильно). Вы... вы заплатили этому мальчику, чтобъ онъ заперъ насъ здѣсь!

МАКСЪ. Я! великій Боже!

МАРГАР. Вы... да! Теперь я все угадала!.. Я понимаю ваши расчеты! завтра... я буду обезславлена... моя репутація погибла... и я по неволѣ должна буду принадлежать вамъ!.. Но вы ошиблись!.. Я разрушу ваши постыдныя намѣренія... да! Вы еще мало меня знаете!.. Я предпочту все... безчестіе... монастырь, самую смерть — одной мысли быть теперь вашей женой.

МАКСЪ (спокойно). Образумьтесь, умоляю васъ! Я понимаю ваше безпокойство... да! но вы меня оскорбляете!.. я клянусь вамъ честью, я не могъ подготовить ничего того, что случилось (съ жаромъ) и еслибъ я даже могъ, какое право далъ я вамъ считать меня способнымъ на такую низость?

МАРГАР. (проходя на лѣво). Все, что я знаю о васъ, даетъ мнѣ на то право. Зачѣмъ вы пришли въ нашъ домъ подъ чужимъ именемъ, съ чужимъ званіемъ? Мы жили счастливо... вы внесли къ намъ раздоры, печали, которыхъ мы до васъ не знали... Чтобъ

достичь вашей цѣли, чтобы поправить ваши дѣла, вы вкрались въ наше довѣріе, вы играли нашими чувствами, самыми чистыми, самыми священными чувствами... Такъ знайте жъ, что я не въ силахъ и не хочу болѣе переносить этого. И когда вы меня увѣряете... и въ такую минуту... вашей честью... той честью, которая ужъ позволила вамъ столько низостей... то конечно, я имѣю право не вѣрить ей... и я ей не вѣрю!

МАКСЪ (быстро подходитъ къ окну и сейчасъ же возвращается). Маргарита... дитя мое! послушайте меня: я васъ люблю, да! это правда! и никогда любовь не была святѣй, безкорыстнѣй и непредѣльнѣй любви моей; Маргарита!.. Но и вы... вы также меня любите, несчастная!.. Да! И вы же меня убиваете!.. Вы хотите разбить мое сердце!.. но это сердце ваше, оно принадлежитъ вамъ!.. вы можете дѣлать съ нимъ что хотите!.. Но честь, Маргарита, моя честь... (съ большей энергіей) она принадлежитъ мнѣ одному, и я никому не отдамъ ее. И этой-то честью клянусь вамъ, въ послѣдній разъ, что если я умру, вы будете меня оплакивать, да!.. Если жъ я останусь живъ, то никогда... какъ бы я васъ ни обожалъ... если бъ даже вы стали передо мной на колѣни... то и тогда я не приму отъ васъ ничего... никогда!.. А теперь, молитесь Богу! пора! (Бѣжитъ къ окну).

МАРГАР. (Подбѣжавъ прежде него, простираетъ руки и останавливаетъ его). Боже! я не хочу, нѣтъ! я не хочу!

МАКСЪ. О, успокойтесь... эти сучья... они поддержать меня; впрочемъ, что мнѣ за дѣло!

МАРГАР. (внѣ себя). Я не хочу! Именемъ Бога умоляю васъ, забудьте то, что я сказала... сжальтесь!.. я не хочу! (хочетъ удержать его).

МАКСЪ (защищаясь). Нѣтъ! оставьте меня! (Отталкиваетъ ее и всходитъ на балконъ).

МАРГАР. (падая на колѣни на ступеняхъ окна). Несчастнѣй! это смерть!

МАКСЪ (на балконѣ). Это честь, Маргарита! (бросается въ пропасть).

МАРГАР. (*испуская ужасный крикъ*). А!.. (*Падаетъ безъ чувствъ*).

О. Фелье. (Управитель, д. III, явл. 5).

(Надменность и сознание собственнаго достоинства).

МАРІА. Владѣйте съ миромъ! Отрекаюсь
Отъ правъ моихъ на государство ваше.
Увы! во мнѣ упалъ высокій духъ:
Великое меня ужъ не прельщаетъ.
Въ темницѣ я изнемогла душой
И вы достигли до желанной цѣли:
Я—тѣнь Маріи. Вы во цвѣтѣхъ лѣтъ
Меня убили! Кончите-жъ теперь!
Желанное произнесите слово...
Вы для него пришли ко мнѣ—не вѣрю,
Чтобы вы шли съ намѣреньемъ жестокимъ
Потѣшиться надъ жертвою своей.
Произнесите слово: «ты свободна,
Маріа! Моць мою узнала ты,
Узнай теперь, какъ я великодушна»!
Произнесите это слово! Жизнь,
Свободу я, какъ даръ, приму отъ васъ.
Оно лишь слово—и забыто все.
Я жду его. О, не терзайте сердца
Мучительнымъ и долгимъ ожиданьемъ!
Но—горе вамъ, когда не имъ свиданье
Окончите! И если вы теперь
Не божествомъ спасительнымъ со мной
Разстанетесь, сестра; за всѣ владѣнья,
Что это море шумно окружаетъ,
За цѣлый вашъ сокровищъ полный островъ
Предъ вами я не соглашусь стоять,
Какъ вы теперь передо мной стоите!

ЕЛИСАВЕТА. Вы признаетесь побѣжденной, леди?
Конецъ ли вашимъ замысламъ? Убійцъ
Не шлете больше? Для защиты вашей
Нѣтъ витязя, который бы хотѣлъ
Отважиться на дерзкій, жалкій подвигъ?
Да, леди, да, всему конецъ! Отнынѣ
Ни одного изъ подданныхъ моихъ
Вамъ не удастся соблазнить. Иныя
Заботы у людей; и никому

Не лестно быть четвертымъ вамъ супругомъ,
За тѣмъ, что вы и жениховъ и ихъ
Привыкли смерти предавать.

МАРІА. Сестра!
Сестра! О Боже! дай терпѣнья!

ЕЛИСАВЕТА (*долго смотритъ на нее съ гордымъ презрѣніемъ*).

Такъ это-то тѣ прелести, лордъ Лестеръ,
Которыя безъ наказанья видѣтъ
Никто не могъ? которымъ нѣтъ подобныхъ?
По истинѣ, не дорогой цѣной
Приобрѣсти такую славу можно:
Чтобы прослыть всеобщей красотой,
Лишь стоитъ общей быть—для всѣхъ.

МАРІА. Нѣтъ этого ужъ слишкомъ много!

ЕЛИСАВЕТА (*язвительно смѣясь*). Вы
До сей поры личиною прикрывались;
Теперь явились въ настоящемъ видѣ.

МАРІА (*исполненная гнѣва, но съ благороднымъ достоинствомъ*).

Какъ женщина, въ проступки я впадала
Въ младыхъ лѣтахъ; могуществомъ была
Ослѣплена, но не таила ихъ
И съ гордостью монархини свободной
Я ложную наружность презирала.
Все худшее о мнѣ извѣстно міру.
И смѣло то могу сказать, я лучше
Молвы, повсюду обо мнѣ гремящей.
Но, горе, горе! коль она сорветъ
Съ твоихъ дѣяній чести покровъ,
Подъ коимъ страсти, дикіе порывы
И наслажденья тайныя скрываешь!
Въ наслѣдіе отъ матери твоей
Не честь тебѣ досталась; всѣмъ извѣстна
Та добродѣтель, для которой Анна
На плахѣ жизнь окончила.

ШРЮСБЮРИ (*становится между корвлезами*). О Боже!
Что слышу? такъ ли вы покорны, леди?

МАРІА. Покорна? Все переносила я,
Что только смертный можетъ перенести.
Прочь отъ меня смиренье, кротость агнца!
Терпѣніе, лети на небеса!
Расторгни узы, выступи изъ мрака
Злость, съ давнихъ поръ таимая въ душѣ!
Ты-жъ, раздраженнымъ василискамъ давший
Мертвящій взоръ, вооружи теперь
Языкъ мой ядовитою стрѣлою!..

ШРЮСБЮРИ. О! внѣ себя она! Прости безумной!
 Прости ей, оскорбленной!
 (Елисавета, нѣмая отъ гнѣва, бросаетъ яростные взоры на Марію).
 ЛЕЙЧЕЙСТЕРЪ (сильно встревоженный, старается
 увести Елисавету). Не внимай

Ея словамъ! Оставь ты мѣсто это!
 МАРІА. Прикосновеніе незаконной дщери
 Тронъ Англїи безславить и мрачить!
 Обманщицей обмануты британцы!
 Когда-бъ права торжествовали здѣсь,
 Вы предо мной лежали бы во прахѣ—
 Затѣмъ, что я законный вашъ король!

Шиллеръ. (Марія Стюартъ, д. III, сц. 4).

(Самодовольство, высокомеріе).

Городничій. Что Анна Андреевна? а? думала ли ты что ни-
 будь объ этомъ? Экой богатый призъ, канальство! Ну, признайся
 откровенно: тебѣ и во снѣ не видѣлось—просто изъ какой нибудь
 городничихи и вдругъ, фу ты канальство, съ какимъ дьяволомъ
 породнилась!

Анна Андр. Совсѣмъ нѣтъ; я давно это знала. Это тебѣ въ
 диковинку, потому что ты простой человѣкъ, никогда не видалъ
 порядочныхъ людей.

Гор. Я самъ, матушка, порядочный человѣкъ. Однако-жъ,
 право, какъ подумаешь, Анна Андреевна, какія мы съ тобою
 теперь птицы сдѣлались! а, Анна Андреевна! высокога полета,
 чортъ побери! Постой же, теперь же я задамъ перцу всѣмъ этимъ
 охотникамъ подавать просьбы и доносы! Эй, кто тамъ? (*входитъ
 квартальный*). А, это ты, Иванъ Карповичъ! призови-ка сюда,
 братъ, купцовъ. Вотъ я ихъ, канальевъ!.. Да объяви всѣмъ, что-
 бы знали, что вотъ, дескать, какую честь Богъ послалъ городни-
 чему, что выдаетъ дочь свою не то чтобы за какаго нибудь про-
 стаго человѣка, а за такаго, что и на свѣтѣ еще не было, что
 можетъ все сдѣлать, все, все, все! Всѣмъ объяви, чтобы всѣ знали.
 Кричи во весь народъ, валяй въ колокола, чортъ возьми! Ужъ
 когда торжество, такъ торжество! (*квартальный уходитъ*). Такъ

вотъ какъ, Анна Андреевна, а? Какъ же мы теперь, гдѣ будемъ
 жить! Здѣсь, или въ Питерѣ?

Ан. Анд. Естественно въ Петербургѣ. Какъ можно здѣсь
 оставаться.

Гор. Ну въ Питерѣ, такъ въ Питерѣ; а оно хорошо бы и
 здѣсь. Что, вѣдь я думаю, ужъ городничество тогда къ чорту, а,
 Анна Андреевна?

Ан. Анд. Естественно, что за городничество!

Гор. Вѣдь оно, какъ ты думаешь, Анна Андреевна, теперь
 можно большой чинъ зашибить, потому что онъ за панибрата со
 всѣми министрами, и во дворецъ ѣздитъ; такъ по этому можетъ
 такое производство сдѣлать, что со временемъ и въ генералы влѣ-
 зешь. Какъ ты думаешь, Анна Андреевна, можно влѣзть въ ге-
 нералы?

Ан. Анд. Еще бы! конечно можно.

Гор. А, чортъ возьми, словно быть генераломъ. Кавалерію
 повѣсятъ тебѣ черезъ плечо. А какую кавалерію лучше, Анна
 Андреевна, красную, или голубую?

Ан. Анд. Ужъ конечно голубую лучше.

Гор. Э, вишь чего захотѣла! хорошо и красную. Вѣдь почему
 хочется быть генераломъ? потому что, случится, поѣдешь куда
 нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ ло-
 шадей! И тамъ, на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается:
 всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ
 не дуешь! Обѣдаешь гдѣ нибудь у губернатора, а тамъ — стой
 городничій! Хе, хе, хе (*заливается и помираетъ со смѣху*).
 Вотъ что, канальство, заманчиво!

Ан. Анд. Тебѣ все такое грубое нравится. Ты долженъ пом-
 нить, что жизнь надобно будетъ совсѣмъ перемѣнить, что твои
 знакомые будутъ не то, что какой нибудь судья—собачникъ, съ
 которымъ ты ѣздишь травить зайцевъ, или Земляника; напро-
 тивъ, знакомые твои будутъ съ самымъ тонкимъ обращеніемъ:
 графы и всѣ свѣтскіе... Только я, право, боюсь за тебя: ты
 иногда вымолвишь такое слово, какаго въ хорошемъ обществѣ
 никогда не услышишь.

Гор. Что жъ, вѣдь слово не вредить!

Ан. Анд. Да хорошо, когда ты былъ городничимъ; а тамъ, вѣдь, жизнь совершенно другая.

Гор. Да! тамъ, говорятъ, есть двѣ рыбицы: ряпушка и корюшка, такія, что только слюнка потечетъ, какъ начнешь ѣсть.

Ан. Анд. Ему бы все только рыбки. Я не иначе хочу, чтобъ нашъ домъ былъ первый въ столицѣ, и чтобъ у меня въ комнатѣ такое было амбре, чтобъ нельзя было войти, и надо бы только такъ зажмурить глаза. (*Зажмуриваетъ глаза и нюхаетъ*). Ахъ какъ хорошо!

Гоголь. (Ревизоръ, д. V, явл. 1).

(Самодовольство см. Островскаго «Доходное мѣсто», д. III, явл. 3. и «Бѣдная невѣста», д. V, явл. 9).

(Чванство).

Анна Анд. Мы теперь въ Петербургѣ намѣрены жить. А здѣсь, признаюсь, такой воздухъ... деревенскій ужъ слишкомъ!.. признаюсь, большая неприятность... Вотъ и мужъ мой... онъ тамъ получить генеральскій чинъ.

Город. Да, признаюсь, господа, я чортъ возьми, очень хочу быть генераломъ.

Коровкинъ. Въ слѣдующемъ году повезу сына въ столицу на пользу государства, такъ сдѣлайте милость, окажите ему вашу протекцію, мѣсто отца заступите сироткѣ.

Гор. Я готовъ съ своей стороны, готовъ стараться.

Ан. Анд. Ты, Антоша, всегда готовъ обѣщать. Во первыхъ тебѣ не будетъ времени думать объ этомъ. И какъ можно и съ какой стати себя обременять такими обѣщаніями?

Гор. Почему жъ, душа моя, иногда можно!

Ан. Анд. Можно, конечно, да вѣдь не всякой же мелюзгѣ оказывать покровительство...

Гоголь. (Ревизоръ, д. V, явл. 7).

(Честолюбіе).

Тюрлоё... Пусть только Милордъ дозволить и сегодня же васъ будутъ униженно просить отъ имени Парламента принять корону.

Кромв. А! наконецъ то я держу его, этотъ недостижимый скипетръ; мои ноги вступаютъ наконецъ на вершину этой песчаной горы.

Тюрл. Но вы царствуете уже давно, Милордъ!

Кромв. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я власть имѣю, но не имя! Ты улыбаешься, Тюрлоё. Ты не знаешь, какую пустую бездну выкапываетъ въ глубинѣ сердецъ нашихъ алчное честолюбіе, какъ оно заставляетъ насъ презирать болѣзни, труды, опасности, все наконецъ, для цѣли кажущейся ничтожною! О, какъ тяжело пользоваться неполнымъ счастьемъ! Затѣмъ я не знаю: какой блескъ отражающій въ себѣ небо, окружаетъ монарховъ съ давнихъ временъ! Волшебныя имена: Король, Величество!.. Притомъ, что значить быть представителемъ міра, не будучи монархомъ? Вещь безъ имени, власть безъ титула! Ничтожество! Монархія и санъ—едино суть. О, ты не знаешь, другъ, какъ невыносимо, когда, выбравшись изъ толпы, касаешься уже вершины и вдругъ чувствуешь, что у тебя есть еще нѣчто надъ головой!—будь это нѣчто—слово,—въ этомъ словѣ тогда все...

Гюго. (Кромвель, д. II, сц. 5).

Кромвель (*въ мрачномъ раздумьѣ*). Чего хочешь ты, Кромвель? Скажи. Трона! Зачѣмъ? Зовешься-ли ты Стюартомъ, Платанетомъ или Бурбономъ? Принадлежишь ли ты къ тѣмъ смертнымъ, которые, еще дѣтми, благодаря ихъ предкамъ, глядятъ властителями надъ землей? А какой скипетръ не сломается въ твоей тяжелой рукѣ, счастливый солдатъ? какая корона будетъ по мѣркѣ твоему широкому челу? Ты, сынъ случая—король? Въ будущихъ поколѣніяхъ твое царствованіе считалось бы однимъ изъ приключеній!—Твой домъ—династія!

Лордъ Рочестеръ (*про себя*). Онъ положительно стоитъ за права Стюартовъ!

Кромв. (*продолжая*). Король Парламента, стоящій на ступеняхъ изъ труповъ своихъ жертвъ! О, такъ ли всходятъ на законный тронъ? И что же? Не уже-ли ты не утомился, прошедши столько, Кромвель? Или у скиптра есть какое нибудь скрытое очарованіе? Взгляни. — Весь міръ спокоенъ подъ твоею властью; ты имъ владѣешь и это кажется тебѣ ничтожной вещью! Колесница счастья, на которомъ основаны твои права, катится, обрызгивая королей королевскою же кровью! Какъ! Могущество въ мирѣ, побѣды на войнѣ, все это ничто безъ трона! — Пошлое честолюбіе!

Лор. Рочес. Какъ онъ казнить Кромвеля!

Кромв. Ну, хорошо, пусть этотъ Англійскій престоль, другихъ десятокъ—твой! — Потомъ? — Что будешь дѣлать! Чему начнешь завидовать? Вѣдь нужно же, чтобъ цѣль была у человѣка!.. Глупецъ—преступникъ!

Лор. Рочес. Кромвель, о если бы его ты слышалъ!

Кромв. И что такое тронъ? Помость подъ балдахиномъ и нѣсколько досокъ, куда всегда устремлены глаза толпы; онѣ мѣняютъ имя, сообразно покрывалу; у трона оно изъ бархата; изъ чернаго сукна у эшафота!

Лор. Рочес. Онъ ученый.

Кромв. Того ли нужно тебѣ, Кромвель? Эшафотъ! О, отъ одного этого имени меня объемлетъ ужасъ и голова моя горитъ. Открою окно. (*Подходитъ къ окну Карла I*). Свободный воздухъ, солнце, можетъ быть, прогонять мою скуку.

Лор. Рочес. Онъ не церемонится, какъ будто у себя дома.

Кромв. (*старается открыть окно, оно не отпирается*). Его рѣдко отворяютъ. Задвижки заржавѣли... (*Отступая съ ужасомъ*). Это окно обрызгано кровью Стюарта! Да, отсюда духъ его взлетѣлъ на небеса! (*Возвращаясь задумчиво на авансцену*). Если бы я былъ король, окно, быть можетъ, открывалось бы свободно!..

Гюго. (Кромвель, д. II, сд. 15).

Фіеско (*у окна*). Что бы это значило? Луна потухла; утро встаетъ все въ огнѣ изъ моря. Дикія мечты прогнали мой сонъ. Все существо мое судорожно ухватилось за одно ощущение. Мнѣ надо воздуха. (*Отворяетъ стеклянную дверь. Городъ и море окрашены утреннею зарею. Фіеско ходитъ большими шагами по комнатѣ*). Я величайшій человѣкъ въ Генуѣ! — и не должны ли ниспія души собраться около высшей? Но я отдаляюсь отъ добродѣтели. (*Останавливается*). Добродѣтель? Человѣкъ избранный имѣетъ инья искушенія, чѣмъ обыкновенный; неужели-же ему раздѣлять его добродѣтели? Развѣ панцырь, облакающій тощее тѣло пигмея, можетъ быть впору великану? (*Солнце восходитъ надъ Генуею*). Этотъ величавый городъ (*кидается къ дверямъ съ отверстыми объятіями*) — мой!.. И сіять надъ нимъ подобно царственному дню, заботиться о немъ съ мощью монарха, всѣ кинучія страсти, всѣ насытыя желанія потопить въ этомъ бездонномъ океанѣ? Да, если остроуміе обманщика и не можетъ облагородить обмана — по крайней мѣрѣ, цѣна облагораживаетъ обманщика. Подло — вытаскать кошелекъ изъ кармана, дерзко — надуть на миллионъ, но невыразимо велико — украсть корону. Стыдъ уменьшается съ возрастаніемъ преступленія. (*Молчаніе. Потомъ значительно*). Повиноваться? — повелѣвать? — ужасная бездонная пропасть! Бросьте въ нее все, что только человѣкъ имѣетъ драгоцѣннаго: ваши побѣды, завоеватели! художники, ваши бессмертныя созданья! ваше сластолюбіе, эпикурейцы! ваши моря и острова, вы, мореходы! Повиноваться и повелѣвать — быть и не быть! Развѣ тотъ, кто перенесетъ черезъ страшную пропасть между послѣднимъ серафимомъ и Безконечнымъ, измѣритъ этотъ полетъ? (*Торжественно*). Стоять на той ужасной, неизмѣримой высотѣ! смотрѣть на кружащійся внизу водоворотъ человѣчества, гдѣ колесо слѣпой обманщицы коварно вертитъ судьбами! первому припадать устами къ кубку радости! водить на привязи законъ, этого исполина во всеоружіи! видѣть, какъ наносятся ему неизлечимыя раны, когда его короткорукій гнѣвъ напрасно стучится въ прихожую власти! управлять неукро-

тимыми страстями народа, какъ бѣшенными конями, мягкою игрою поведенья! — однимъ дуновеніемъ превращать въ прахъ зазнавшуюся гордость вассала! вызывать къ жизни творческимъ скипетромъ грезы монаршей горячки! О, эта картина возноситъ духъ выше его предѣловъ! Одна минута владычества поглотила мозгъ всего существованія. Не шумъ жизни, а ея содержаніе опредѣляетъ ей цѣну. Раздѣли громъ на простые звуки и ты станешь убаюкивать ими дѣтей; но соедини ихъ въ одинъ внезапный ударъ—и царственный звукъ потрясетъ вѣчное небо. Я рѣшился. (*Ходитъ величественно назадъ и впередъ*).

Шиллеръ. (Заговоръ Фіеско въ Генуѣ, д. III, сц. 2).

Василиса Мелентьева (*одна*).

Задумала я думушку, запала
На сердце мнѣ завѣтная мечта—
Царицей быть. Дурное-ль это мѣсто,
Да занято, другая не пускаетъ,
Сидитъ на немъ. Ошиблись мы съ Григорьемъ
Лукьянычемъ; гнѣвился царь не очень,
И пожалѣлъ онъ пятую жену,
Плаксивую царицу Анну; не далъ
Своимъ рукамъ онъ воли, костылемъ
Не уходилъ,—не растопталъ ногами,—
Не захотѣлъ мнѣ мѣсто опростать.
А мы, было, признаться, такъ и ждали!
Старѣетъ царь и пылкость въ немъ проходить.
Отходчивъ сталъ, не такъ бывало прежде;
Не проходилъ гнѣвъ царскій безъ убійства.
А что теперь! Потоналъ, покричалъ,
Деньковъ пятокъ посердится на Анну
И на другихъ, кто подвернется; съ мѣсяцъ
Коситься будетъ на нее, а все же
Она останется моей помѣхой,
Хоть брошенной, постылой, но женою,
Царицею, а я ее рабою...
Я не слѣпа, я вижу, что царю
По нраву я; старикъ на Василису,
Какъ котъ на мышъ, глядитъ; но Василисѣ
Наложницей быть мало. Пробралась,
Ползла ползкомъ я ко двору царицы,
За сиротство и бѣдность натерпѣлась
Позору я и брани отъ боярынь,

Отъ толстыхъ дуръ, униженныхъ серьгами
И кольцами. Какъ козы въ сарафанахъ,
Кичатся тѣмъ, что аксамитъ тяжелый
Коробится лубкомъ на ихъ плечахъ!
Умнѣй меня онъ, иль краше, что ли?
Одна краса у нихъ, что растолтѣютъ
Копна копной—отъ вѣчнаго лежанья,
Да отъ питья хмѣльнаго втихомолку,
Подъ страхомъ мужней плети. Злая бабы!
Имъ ѣсть, да спать, да хохотать весь день
Рѣчамъ безстыднымъ сказочницъ дворовыхъ!
Лишь по мужьямъ и честь имъ;—я обиды
Стумѣла бы имъ вымѣстить сторицей.
Я краше ихъ и въ смирномъ вдовьемъ платьѣ.
Надѣнь-ко я наряды дорогіе,
Ну пусть тогда покажутъ, кто въ Москвѣ
Съ Мелентьевою сравниться можетъ. (*Идетъ къ поставцу*).
Хоть полюбуюсь на себя не много,
Вѣнчальный свой нарядъ надѣну.

Вотъ онъ! (*Вынимаетъ кокошникъ и ферьязъ*).

Поставлю здѣсь я зеркальце стальное.
Ахъ, какъ давно себя я не видала
Красавицей такой! И оставаться
Рабою мнѣ. Такъ нѣтъ-же! Нѣтъ!

Цареву

Я видѣла любовь и ласку—быть
Хочу царицей я, и буду!

Островскій. (Василиса Мелентьева, д. VI, явл. 1).

(Честолюбіе, комическое самодурство).

Круглова. Чаемъ просить прикажете?

Аховъ. Не хочу, обидѣли. Я къ вамъ было всей душой, а вы меня уважать не хотѣли.

Кругл. Трудно угодить-то на тебя.

Аховъ. Нѣтъ, ты постой! Уважать насъ очень надобно. Особенное намъ должно идти уваженіе супротивъ другихъ людей. А почему такъ? я тебѣ скажу, если не знаешь.

Кругл. Скажи, послушаемъ.

Аховъ. Ты богатаго человѣка, коли онъ до тебя милостивъ, блюда пуще ока своего. Потому, ты своего достатка не имѣешь;

нужда, али что, къ кому тебѣ кинуться? А второе: развѣ ты знаешь, развѣ тебѣ чужая душа открыта, за что богатый человекъ къ тебѣ милостивъ? Можетъ, онъ такъ только себѣ отвагу даетъ, а можетъ, сурьезъ! Потому что для нашего брата, ежели что захотѣлось, дорогаго нѣтъ; а у васъ, нищей братіи, ничего завѣтнаго нѣтъ; все продажное. И вдругъ изъ гроша рубль. Поняла?

Кругл. Ну, не вдругъ-то.

Аховъ. А вотъ сейчасъ тебѣ... (*Аминь*). Можешь ты меня поцѣловать теперь, при матери?

Агнія. Могу, коли захочу.

Аховъ. Ну, такъ захоти, въ накладѣ не будешь.

Агнія. Да и барыша мнѣ не надо, а чтобъ только изъ пустяковъ лишняго разговору не заводитъ, извольте. (*Цѣлуетъ его*).

Аховъ (*Кругловой*). Видѣла?

Кругл. Что видѣть-то? Я и не то видѣла. Чмокнуть-то губами не велико дѣло! Хошь бы тебя она теперь! Это что! Все равно что горшокъ объ горшокъ; сколько ни бей, а масла не будетъ. А то есть дѣло, которое совсѣмъ другаго рода; тогда ужъ мать смотри только.

Аховъ. Нѣтъ, ты слушай! Вѣдь богатство-то чѣмъ лестно? Вотъ чѣмъ: что захотѣлось, что задумалъ только — все твое.

Агнія. Ну, ежелибъ я узнала, что вы такъ будете мое снисхожденіе понимать, ни за чтобъ васъ не поцѣловала.

Аховъ. Ты молчи, ты молчи! Худаго ты не сдѣлала. Нѣтъ, я говорю, коли вся жизнь — то... можетъ, не одной даже сотни людей въ нашихъ рукахъ, такъ какъ намъ собой не возноситься? Всякому тоже пирожка сладенькаго хочется... А что ужъ про тѣхъ, кому и вовсе-то ѣсть нечего! Ой, за дешево людей покупали, ой за дешево! Повѣришь-ли, иногда даже жалко самому станеть.

Кругл. Что капиталомъ-то гордиться!

Аховъ. А то чѣмъ-же? (*Со вздохомъ*). Сила, Ѳедосеевна, сила!

Кругл. Что-жъ такое за дѣло у тебя? что за ворожба будетъ?

Аховъ. Съ ними я говорить не хочу. Я ихъ презривъ. Ниже

каблука своего считаю, вотъ гдѣ. А съ тобой разговоръ заведемъ. Вѣдь, чай, тебѣ нужно и приданое? Не такъ отдашь, въ чемъ она есть? Нужно приданое?

Кругл. Какъ не нужно, конечно нужно.

Аховъ. Такъ вотъ слушай! Чтобы этотъ разговоръ нарушить, что мнѣ вы, ничтожные люди, носъ утерли, мы будемъ ладить такую статью, что я Иполитку женю.

Кругл. Что-жъ, это пожалуй.

Аховъ. Обѣдъ у меня послѣ свадьбы, какой не слыхано. И Ѳомина и всѣхъ цвѣтами ограблю, по всѣмъ комнатамъ постановка будетъ. Двѣ музыки, одна въ комнатахъ, другая на балконѣ для зрителей. Офиціанты въ штиблетахъ. Эффектъ?

Кругл. Эффектъ.

Аховъ. Опосля всего Иполиткѣ награжденіе свыше мѣры. Не вѣришь, такъ за руки отдамъ... И впередъ тебѣ на приданое...

Кругл. Да что дальше-то?

Аховъ. А вотъ какой уговоръ! Женихъ съ невѣстой, какъ изъ церкви, вся шестерня сѣрыхъ, какъ къ воротамъ, — стой! А въ ворота чтобы не вѣзжать! И сейчасъ имъ дворникъ по метлѣ, и чтобы вывели они до крыльца... Ты не бойся, чисто будетъ, еще до нихъ все выметутъ. А они чтобы только примѣръ показали. А я съ гостями буду на балконѣ стоять. Вотъ тогда я васъ прощу и въ честь васъ произведу. И будете вы у меня промежду всѣми гостями все равно, что равные.

Кругл. Да осыпъ ты меня золотомъ съ ногъ до головы, такъ я все-таки дочь свою на позорище не отдамъ.

Аховъ. Не отдашь?

Кругл. Не отдамъ.

Аховъ. Ну такъ грязь грязью и останется; и будьте вы прокляты отнынѣ и до вѣка!... Какъ жить? Какъ жить? Родства народъ не уважаетъ, богатству грубить смѣетъ! Дядя говорить: поклонись по родственному! Не хочу. Ну, поклонись ты, нищій, хоть за деньги! Не хочу. Умереть ужъ лучше поскорѣй, загодя. Все равно вѣдь; развѣ свѣтъ-то на такихъ порядкахъ долго простоятъ. А какъ отцы-то жили! Куда они дѣлись тѣ порядки, ста-

рые, крѣпкіе? Развратъ, что ли, въ мірѣ пошелъ? Такъ его и прежде, пожалуй, еще больше было. Бѣсъ, что ли, какой промежду людьми ходить, да смущаетъ ихъ? Отчего вы не лежите теперь въ ногахъ у меня по старому; а я же стою передъ вами весь обруганный, безъ всякой моей вины?

Кругл. Оттого, Ермилъ Зотычъ, говоритъ русская пословица, что не все коту масляница, бываетъ и великій постъ.

(Обнимаетъ Ипполита и Аннію).

Островскій. (Не все коту масляница. Сц. I, явл. 7 и сц. IV, явл. 3).

(Властолюбіе, тираннія).

Кабанова. Ну, ты помнишь все, что я тебѣ сказала? Смотри-жь, помни! На носу себѣ заруби!

Тихонъ. Помню, маменька.

Каб. Ну, теперь все готово. Лошади пріѣхали, проститесь тебѣ только, да и съ Богомъ.

Тих. Да-съ, маменька, пора.

Каб. Ну!

Тих. Чего изволите-съ?

Каб. Что-жь ты стоишь, развѣ порядку не знаешь? Приказывай женѣ-то, какъ жить безъ тебя. *(Катерина потупила глаза въ землю).*

Тих. Да она, чай, сама знаетъ.

Каб. Разговаривай еще! Ну, ну, приказывай! Чтобъ и я слышала, что ты ей приказываешь! А потомъ пріѣдешь, спросишь, такъ ли все исполнила?

Тих. *(Становясь противъ Катерины).* Слушайся маменьки, Катя!

Каб. Скажи, чтобъ не грубила свекрови.

Тих. Не груби!

Каб. Чтобъ почитала свекровь, какъ родную мать!

Тих. Почитай, Катя, маменьку, какъ родную мать.

Каб. Чтобы, сложа ручки, не сидѣла, какъ барыня!

Тих. Работай что нибудь безъ меня!

Каб. Чтобъ въ окна глазъ не пялила!

Тих. Да, маменька, когда-жь она...

Каб. Ну, ну!

Тих. Въ окна не гляди!

Каб. Чтобъ на молодыхъ парней не заглядывалась безъ тебя!

Тих. Да что-жь это, маменька, ей Богу!

Каб. *(строю).* Ломаться-то нечего! Долженъ исполнять, что мать говорить. *(Съ улыбкой).* Оно все лучше, какъ приказано-то.

Тих. *(сконфузившись).* Не заглядывайся на парней. *(Катерина строго взглядываетъ на него).*

Каб. Ну, теперь поговорите промежду себя, коли что нужно... *(Уходитъ Катерина и Тихонъ разговариваютъ межъ собой).*

Каб. *(входитъ).* Ну, Тихонъ, пора. Поѣзжай съ Богомъ! *(садится).* Садитесь всѣ. *(Всѣ садятся. Молчаніе).* Ну прощай. *(Встаетъ и всѣ встаютъ).*

Тих. *(подходя къ матери).* Прощайте, маменька!

Каб. *(жестомъ показываетъ въ землю).* Въ ноги, въ ноги. *(Кабановъ кланяется въ ноги, потомъ цѣлуетъ съ матерью).* Прощайся съ женой!

Тих. Прощай, Катя. *(Катерина бросается ему на шею).*

Каб. Что на шею-то виснешь, безстыдница! Не съ любовникомъ прощаешься! Онъ тебѣ мужъ-глава! Аль порядку не знаешь. Въ ноги кланяйся! *(Катерина кланяется въ поясъ).*

Тих. Прощай, сестрица. *(Цѣлуетъ съ Варварой).* Прощай Глаша. *(Цѣлуетъ съ Глашей).* Прощайте, маменька. *(Кланяется).*

Каб. Прощай! Дальніе проводы—лишнія слезы. *(Всѣ уходятъ, кромъ Кабановой).*

Каб. *(одна).* Молодость-то что значить! Смѣшно смотрѣть-то даже на нихъ! кабы не свои, насмѣялась бы до сыта. Ничего-то не знаютъ, никакого порядка. Проститесь-то путемъ не умѣютъ. Хорошо еще у кого въ домѣ старшіе есть, ими домъ то и держится, пока живы. А вѣдь тоже глушые на свою волю хотятъ; а выдутъ на волю-то, такъ и путаются на покорь, на смѣхъ добрымъ людямъ. Конечно, кто и пожалѣветъ, а больше все смѣются.

Да не смѣяться-то нельзя: гостей позовутъ, посадить не умѣютъ, да еще гляди, позабудутъ кого изъ родныхъ. Смѣхъ, да и только! Такъ-то вотъ старина-то и выводится. Въ другой домъ и взойти то не хочется. А и взойдешь, такъ плюнешь, да вонь скорѣе. Что будетъ, какъ старики перемрутъ; какъ будетъ свѣтъ стоять, ужь и не знаю. Ну, да ужь хоть то хорошо, что не увижу ничего. (*Входятъ Катерина и Варвара. Катеринѣ*). Ты вотъ похвально, что мужа очень любишь: вижу я теперь твою любовь-то. Другая хорошая жена-то часа полтора воесть, лежитъ на крыльцѣ, а тебѣ, видно, ничего.

Кат. Не къ чему! Да и не умѣю. Что народъ-то смѣшить?

Кав. Хитрость-то не великая. Кабы любила, такъ бы выучилась. Коли порядкомъ не умѣешь, ты хоть бы примѣръ-то этотъ сдѣлала; все таки пристойнѣе, а то, видно, на словахъ только. Ну я Богу молиться пойду; не мѣшайте мнѣ.

Вар. Я со двора пойду.

Кав. (*ласково*). А мнѣ что! Поди! Гуляй, пока твоя пора придетъ. Еще насидишься! (*Уходитъ*).

Островскій. (Гроза, д. II, сц. 3, 5, 6, 7).

(Властолюбіе, деспотизмъ).

Уланбекова (*помолчавъ*). А Надю все-таки нужно замужъ отдать.

Надя (*почти плача*). Сударыня, я вами такъ была облакана, что и выразить не могу. Извините меня, что я смѣю теперь говорить: но, по вашему ко мнѣ расположенію, я отъ васъ совсѣмъ не такой милости ждала. Чѣмъ же я вамъ теперь, сударыня, не угодила, что вы меня хотите за пьяницу отдать?

Улань. Ты, милая, объ этомъ разсуждать не можешь: ты дѣвушка. Ты должна во всемъ положиться на меня, на свою благодѣтельницу. Я тебя воспитала, я тебя и пристроить обязана. Опять же ты и того не должна забывать, что онъ мой крестникъ. Ты бы за честь должна была благодарить. Да и вотъ еще я тебѣ

скажу одинъ разъ на всегда. Я не люблю, когда разсуждаютъ, просто не люблю, да и все тутъ. Этого позволить я не могу никому. Я съ молодости привыкла, чтобъ каждаго моего слова слушались; тебѣ пора это знать! И мнѣ очень странно, моя милая, что ты осмѣливаешься возражать мнѣ. Я вижу, что избаловала тебя; а вы вѣдь сейчасъ зазнаетесь. (*Надя плачетъ*).

Василиса Перегриновна. Благодѣтельница, чувство нужно человѣку имѣть, чувство. А какое-жъ въ нихъ можетъ быть чувство, окромя неблагодарности?

Улань. Не съ тобой говорятъ! Что ты вмѣшиваешься во всякое дѣло! (*Надь строго*). Это что за новости, ты плакать еще! Чтобы этихъ слезъ не было! (*Надя плачетъ*). Я тебѣ говорю. (*Привстаетъ*). Для меня ваши слезы ровно ничего не значатъ! Когда я захочу что нибудь сдѣлать по своему, ужь я поставлю на своемъ, никого въ мѣрѣ не послушаюсь! (*Садится*). И впередъ знай, что упрямство твое ни къ чему не поведетъ; только ты разсердишь меня.

Надя (*плача*). Сирота я, сударыня! Ваша воля во всемъ.

Улань. Еще бы! разумѣется, моя воля; потому что я тебя воспитала, это все равно, что жизнь дала.

Островскій. (Воспитанница, карт. II, явл. 2).

(Властолюбіе, самодурство).

Голосъ изъ передней: Жена! а, жена! Матрена Савишна! Матр. Сав. Что тамъ?

Антипъ Антипычъ (*входитъ*). Здравствуй! А ты думала, Богъ знаетъ, что! (*Цѣлуются*). Поцѣлуй еще. (*Заигрываетъ*).

Матр. Сав. (*жметъ*). Полно дурачиться-то, Антипъ Антипычъ, перестань! Э! какъ тебѣ не стыдно!

Ант. Ант. Да поцѣлуй!

Матр. Сав. Ахъ, отстань, ради Бога!

Ант. Ант. Уважь. (*Цѣлуются*). Ай да жена! Вотъ люблю! Ай да Матрена Савишна! (*Садится на диванъ*). А знаешь ли что, Матрена Савишна?

МАТР. САВ. Что еще?

АНТ. АНТ. Хорошо бы теперь чайку выпить-съ. (*Смотритъ въ потолокъ и отдувается*).

МАТР. САВ. Дарья! (*Входитъ Дарья*). Давай самоваръ, да спроси ключи у Степаниды Трофимовны. (*Дарья уходитъ. Молчаніе. Марья Антиповна сидитъ за пальцами; Матрена Савишна подлѣ нея. Антипъ Антипычъ смотритъ по угламъ и вздыхаетъ*).

АНТ. АНТ. (*Грозно*). Жена! поди сюда!

МАТР. САВ. Что еще?

АНТ. АНТ. Поди сюда, говорятъ тебѣ. (*Ударяетъ по столу кулакомъ*).

МАТР. САВ. Да что ты, очумѣль, что ли?

АНТ. АНТ. Что я съ тобой и сдѣлаю! (*Стучитъ по столу*).

МАТР. САВ. Да что съ тобой? (*Робко*). Антипъ Антипычъ!

АНТ. АНТ. А! испугалась! (*Смѣется*). Нѣтъ, Матрена Савишна, это я такъ—шутки шучу. (*Вздыхаетъ*). Что же чайку-то-съ.

МАТР. САВ. Сейчасъ! Ахъ, батюшки, авось не умрешь!

АНТ. АНТ. Да что же такъ-то сидѣтъ! Скука возьметъ.

Островскій. (Семейная картина).

(Деспотизмъ).

РАСПОЛОЖЕНСКІЙ. Здравствуйте, батюшка, Самсонъ Силычъ! Здравствуйте матушка, Аграфена Кондратьевна! Олимпиада Самсоновна, здравствуйте.

БОЛЬШОВЪ. Здравствуй, братецъ, здравствуй! Садитесь милости просимъ. Садись и ты, Лазарь!

АГР. КОНДР. Закусить не угодно ли? а у меня и закусочка приготовлена.

РАСПОЛ. Отчего-жъ, матушка, не закусить; я бы теперь рюмочку выпилъ.

БОЛЬШ. А вотъ сейчасъ пойдемъ всѣ вмѣстѣ, а теперь пока побесѣдуемъ маненько.

УСТИНЬЯ НАУМОВНА. Отчего-жъ и не побесѣдовать. Вотъ,

золотыя мои, слышала я, будто въ газетѣ напечатано, правда ли, нѣтъ ли, что другой Бонапартъ народился, и будто бы, золотыя мои...

БОЛЬШ. Бонапартъ Бонапартомъ, а мы пуще всего надѣмся на милосердіе Божіе; да не объ томъ теперь рѣчь.

УСТИН. НАУМ. Такъ объ чемъ же, яхонтовый?

БОЛЬШ. А о томъ, что лѣта наши подвигаются преклонныя, здоровье тоже ежеминутно прерывается, и одинъ Создатель только вѣдаетъ, что будетъ впередъ: то и положили мы, еще при жизни своей, отдать въ замужество единственную дочь нашу, и въ разсужденіи приданого тоже можемъ надѣяться, что она не остратитъ нашего капитала и происхожденія, а равномѣрно и передъ другими прочими.

УСТ. НАУМ. Ишь вѣдь, какъ сладко рассказываетъ брилянтовый.

БОЛЬШ. А такъ, какъ дочь наша здѣсь на лицо, и при всемъ томъ, будучи увѣрены въ честномъ поведеніи и достаточности будущаго зятя, что для насъ очень чувствительно, то и назначаемъ ее теперича въ общемъ лицезрѣніи. Липа, поди сюда.

ЛИПОЧКА. Что вамъ, тятенька, угодно?

БОЛЬШ. Поди ко мнѣ, не укушу,—не бось. Ну, теперь ты, Лазарь, ползи.

ПОДХАЛЮЗИНЪ. Давно готовъ-съ!

БОЛЬШ. Ну, Липа, давай руку!

ЛИП. Какъ, что это за вздоръ? Съ чего вы это выдумали?

БОЛЬШ. Хуже, какъ силой возьму!

УСТ. НАУМ. Вотъ тебѣ, бабушка, и юрьевъ день!

АГР. КОНД. Господи, да что-жъ это такое?

ЛИП. Не хочу, не хочу! Не пойду я за такого противнаго!

ӨОМИНИШНА. Съ нами крестная сила!

ПОДХАЛ. Видно, тятенька, не видать мнѣ счастья на этомъ свѣтѣ. Видно, не бываетъ по ващему желанію?

БОЛЬШ. (*беретъ Липочку насильно за руку и Лазаря*). Какъ же не бываетъ, коли я того хочу? На что-жъ я и отецъ, коли не приказывать? Даромъ что ли я ее кормилъ?

Агр. Кондр. Что ты! что ты! опомнись!

Больш. Знай сверчокъ свой шестокъ! Не твое дѣло! Ну, Лица! Вотъ тебѣ женихъ! Прошу любить, да жаловать! Садитесь рядкомъ, да потолкуйте ладкомъ—а тамъ честнымъ пиркомъ да за свадебку.

Лип. Какъ же, нужно мнѣ очень съ неучемъ сидѣть! Вотъ оказія!

Больш. А не сядешь, такъ насильно посажу, да заставлю жеманиться.

Лип. Гдѣ это видано, чтобы воспитанныя барышни выходили за своихъ работниковъ?

Больш. Молчи, лучше. Велю, такъ и за дворника выдешь.
(Молчаніе).

Уст. Наум. Вразуми, Аграфена Кондратьевна, что это за бѣда такая!

Агр. Кондр. Сама, родная, затмилась, ровно чуланъ какой. И понять не могу, откуда это такое взялось?

Өом. Господи! Седьмой десятокъ живу, сколько свадебъ праздновала, а такой скверности не видывала.

Агр. Кондр. За что-жъ это вы, душегубцы, дѣвку-то опозорили?

Больш. Да, очень мнѣ нужно слушать вашу фанаберію. Захотѣлъ выдать дочь за прикащика, и поставлю на своемъ, и разговаривать не смѣй; я и знать никого не хочу. Вотъ теперь закусь пойдете, а они пусть побалаясничаютъ, можетъ быть, и поладятъ какъ нибудь.

Распол. Пойдемте, Самсонъ Силычъ, и я съ вами, для компаніи, рюмочку выпью. А ужъ это, Аграфена Кондратьевна, первый долгъ, чтобъ дѣти слушались родителей. Это не нами заведено, не нами и кончится. (*Встаютъ и уходятъ, кромѣ Липочки, Подхалюзина и Аграфены Кондратьевны*).

Островскій. (Свои люди сочтемся, д. III, явл. 4).

(Самодурство).

Дикой. Ишь ты, замочило всего (*Кулигину*). Отстань ты отъ меня! Отстань! (*Съ сердцемъ*). Глухой ты человѣкъ!

Кулигинъ. Савель Прокофьичъ, вѣдь отъ этого, ваше степенство, для всѣхъ вообще обывателей польза.

Дик. Поди ты прочь! Какая польза! Кому нужна эта польза?

Кул. Да хоть бы для васъ, ваше степенство, Савель Прокофьичъ. Вотъ-бы, сударь, на бульварѣ, на чистомъ мѣстѣ и поставить. А какой расходъ? Расходъ пустой: столбикъ каменный (*показываетъ жестама размѣръ каждой вещи*), дощечку мѣдную, такую круглую, да шпильку, вотъ шпильку прямую. (*Показываетъ жестомъ*). Простую самую. Ужъ я все это прилажу, и цифры вырѣжу, уже все самъ. Теперь вы, ваше степенство, когда изволите гулять, или прочіе, которые гуляющіе, сейчасъ пойдете и видите, который часъ. А то этакое мѣсто прекрасное, и видъ, и все, а какъ будто пусто. У насъ тоже, ваше степенство, и проѣзжіе бываютъ, ходятъ туда наши виды смотрѣть, все-таки украшеніе,—для глазъ оно пріятнѣй.

Дик. Да что ты ко мнѣ лѣзешь со всякимъ вздоромъ! Можетъ, я съ тобой и говорить-то не хочу. Ты долженъ былъ прежде узнать, въ расположеніи ли я тебя слушать, дурака, или нѣтъ. Что я тебѣ ровный что ли? Ишь ты—какое дѣло нашель важное! Такъ прямо съ рыломъ-то и лѣзетъ разговаривать.

Кул. Кабы я со своимъ дѣломъ лѣзъ, ну, тогда былъ бы я виноватъ. А то я для общей пользы, ваше степенство. Ну, что значить для общества какихъ нибудь рублей десять! Больше, сударь, не понадобится.

Дик. А можетъ, ты украсть хочешь; кто тебя знаетъ!

Кул. Коли я свои труды хочу даромъ положить, что же я могу украсть, ваше степенство! Да меня здѣсь всѣ знаютъ; про меня никто дурно не скажетъ.

Дик. Ну, и пушай знаютъ, а я тебя знать не хочу.

Кул. За что, сударь, Савель Прокофьичъ, честнаго человѣка обижать изволите?

Дик. Отчетъ, что-ли, я стану тебѣ отдавать! Я и по важнѣй тебя никому отчета не даю. Хочу такъ думать о тебѣ, такъ и думаю. Для другихъ ты честный человѣкъ, а я думаю, что ты разбойникъ, вотъ и все. Хотѣлось тебѣ это слышать отъ меня? Такъ вотъ слушай! Говорю, что разбойникъ, и конецъ! Что-жъ ты, судиться, что ли, со мной будешь! Такъ ты знай, что ты червякъ. Захочу—помилую, захочу—раздавлю.

Кул. Богъ съ вами, Савель Прокофѣичъ! Я, сударь, маленькій человѣкъ, меня обидѣть не долго. А я вамъ вотъ что доложу, ваше степенство,—«и въ рублицѣ почтенна добродѣтель»!

Дик. Ты у меня грубить не смѣй! Слышишь ты!

Кул. Никакой я грубости вамъ, сударь, не дѣлаю; а говорю вамъ потому, что, можетъ быть, вы и вздумаете когда что-нибудь для города сдѣлать. Силы у васъ, ваше степенство, много; была-бъ только воля на доброе дѣло. Вотъ, хотъ бы теперъ то возьмемъ: у насъ грозы частыя, а не заведемъ мы громовыхъ отводовъ.

Дик. (*гордо*). Все суета!

Кул. Да какая же суета, когда опыты были.

Дик. Какіе такіе тамъ у тебя громовые отводы?

Кул. Стальные.

Дик. (*съ нѣвомъ*). Ну, еще что?

Кул. Шесты стальные.

Дик. (*сердясь болѣе и болѣе*). Слышалъ, что шесты, аспидъ ты этакой; да еще-то что? Наладилъ: шесты! ну, а еще что?

Кул. Ничего больше.

Дик. Да гроза-то что такое по твоему, а? Ну, говори!

Кул. Электричество.

Дик. (*топнувъ ногой*). Какое еще тамъ элестричество! Ну, какъ же ты не разбойникъ! Гроза-то намъ въ наказаніе посылается, чтобы мы чувствовали, а ты хочешь шестами, да рожнами какими-то, прости Господи, обороняться. Что ты, татаринъ, что ли? Татаринъ ты? А, говори! Татаринъ?

Кул. Савель Прокофѣичъ, ваше степенство, — Державинъ сказалъ:

Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю.

Дикой. А за эти вотъ слова тебя къ городничему отправить, такъ онъ тебѣ задастъ! Эй, почтенные! прислушайте-ко, что онъ говоритъ!

Кулигинъ. Нечего дѣлать, надо покориться! А вотъ когда будетъ у меня миллионъ, тогда я поговорю. (*Махнувъ рукой, уходитъ*).

Дикой. Что-жъ ты, украдешь, что ли, у кого? Держите его! Этакой фальшивый мужиченко! Съ этимъ народомъ какому надо быть человѣку? Я уже не знаю. (*Обращаясь къ народу*). Да вы, проклятые, хотъ кого въ грѣхъ введете! Вотъ не хотѣлъ нынче сердиться, а онъ, какъ нарочно, разсердилъ таки. Чтобъ ему провалиться! (*Сердито*). Пересталь, что-ль дождикъ-то?

Одинъ изъ народа. Кажется, пересталь.

Дикой. Кажется! А ты, дуракъ, сходи да посмотри. А то: кажется.

Одинъ изъ народа. Пересталь!

Островскій. (Гроза, д. IV, явл. 2).

(Хвастовство, фатство).

Репетилловъ. Тьфу! оплошалъ! Ахъ мой! Создатель!
Дай протереть глаза... Откудова, пріятель,
Сердечный другъ, любезный другъ, топ cher?
Вотъ фарсы мнѣ какъ часто были пѣты,
Что пустомеля я, что глупъ, что суетвѣръ,
Что у меня на все предчувствія, примѣты!
Сейчасъ... растолковать прошу—
Какъ будто зналъ, сюда спѣшу...
Хвать объ порогъ, задѣлъ ногою
И растянулся во весь ростъ...
Пожалуй, смѣйся надо мною,
Что Репетилловъ вретъ, что Репетилловъ простъ,
А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,
Любовь какая-то и страсть—
Готовъ я душу прозакласть,
Что въ мірѣ не найдешь себѣ такого друга,

Такого вѣрнаго, ей, ей!...
 Пускай лишусь жены, дѣтей,
 Оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,
 Пускай умру на мѣстѣ этомъ
 И разразитъ меня Господь...

Чацкій. Да, полно вздоръ молоть!

Репетилловъ. Не любишь ты меня! Естественное дѣло!
 Съ другими—я и такъ и сякъ:
 Съ тобою—говорю не смѣло,

Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ!...

Чацкій. Вотъ странное уничиженье!

Репетилловъ. Брани меня: я самъ клянусь свое рожденье,
 Когда подумаю, какъ время убивалъ!...
 Скажи, который часъ?

Чацкій. Часъ ѣхать спать ложиться;
 Коли явился ты на балъ,
 Такъ можешь воротиться.

Репетилловъ. Что балъ, братецъ, гдѣ мы всю ночь до бѣла дня
 Въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ ига!...
 Читалъ ли ты, есть книга...

Чацкій. А ты читалъ? задача для меня!

Ты Репетилловъ ли?

Репетилловъ. Зови меня Вандаломъ

Я это имя заслужилъ:

Людьми пустыми дорожилъ,
 Самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ, или баломъ,
 О дѣтяхъ забывалъ, обманывалъ жену,
 Игралъ, проигрывалъ, въ опеку взята указомъ,
 Танцовщицу держалъ, да не одну —
 Трехъ разомъ!

Пилъ мертвую! Не спалъ ночей по десяти,
 Все отвергалъ: законы, совѣсть, вѣру...

Чацкій. Послушай: ври, да знай-же мѣру,
 Есть отъ чего въ отчаянье придти!

Репетилловъ. Поздравь меня: теперь съ людьми я знаюсь
 Съ умнѣйшими! Всю ночь не рыщу на пролетъ...

Чацкій. Вотъ нынче, напимѣръ?

Репетилловъ. Что ночь одна, — не въ счетъ!

За то спроси: гдѣ былъ?

Чацкій. И самъ я догадаюсь,

Чай въ клубѣ?

Репетилловъ. Въ Англійскомъ, чтобъ исповѣдь начать!

Изъ шумнаго я засѣданья.

У насъ всегда по четвергамъ собранья.

О томъ, о семъ потолковать.

Я самъ, какъ схватятся о камерахъ, присяжныхъ,
 О Байронѣ, ну, о матеряхъ важныхъ—
 Частенько слушаю, не разжимая губъ;
 Миѣ не подь силу, братъ, и чувствую, что глупъ!...
 Ахъ! Александръ!—у насъ тебя не доставало!
 Послушай, миленькій, потѣши меня хоть мало,
 Поѣдемъ-ка сей часъ — мы благо на ходу —
 Съ какими я тебя сведу.

Людьми!—Ужъ на меня нѣсколько не похожи!
 Что за люди, mon cher: сокъ умной молодежи!

Чацкій. Богъ съ ними и съ тобой! Куда я поскочу?

Зачѣмъ? Въ глухую ночь? — Домой — я спать хочу.

Репетилловъ. Э! брось! Кто нынче спитъ! Ну, полно, безъ прелюдій,
 Рѣшись, а мы... у насъ... рѣшительные люди,
 Горячихъ дюжина головъ!

Кричимъ — подумаешь, что сотня головъ.

Чацкій. Да, изъ чего, скажи, бѣснуетесь вы столько?

Репетилловъ. Шумимъ, братецъ, шумимъ.

Чацкій. Шумите вы — и только?

Репетилловъ. Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ,
 Но государственное дѣло;
 Оно, вотъ видишь, не созрѣло —
 Нельзя-же вдругъ!...

Что за люди, mon cher! Безъ дальнихъ я исторій
 Скажу тебѣ: во-первыхъ, князь Григорій,
 Чудака единственный! Насъ со смѣху морить;
 Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка,
 И также онъ сквозь зубы говоритъ
 И также коротко обстриженъ для порядка.
 Ты не знакомъ? О! познакомься съ нимъ!
 Другой, Воркуловъ Евдокимъ.

Ты не слыхалъ, какъ онъ поетъ? О, диво!
 Послушай, милый! Особливо
 Есть у него любимое одно:
 А «нонъ ла-шьяръ ми но-но-но!»
 Еще у насъ два брата,

Левонъ и Боринька, чудесные ребята!

О нихъ не знаешь, что сказать!

Но если генія прикажите назвать:

Удушьева Ипполита Маркелыча!

Ты сочиненія его

Читалъ-ли чтонибудь? хоть мелочь?

Прочти, братецъ! Да онъ не пишетъ ничего.

Вотъ этакихъ людей-бы съчъ-то,

И приговаривать: писать, писать, писать!
Въ журналахъ можешь ты однако отыскать

Его отрывокъ: «взглядъ и нѣчто».

О чемъ бишь «нѣчто?» Обо всемъ,

Все знаетъ.

Но голова у насъ, какой нигдѣ ужъ нѣту,
Не надо называть, узнаешь по портрету.

Ночной разбойникъ, дуэлистъ,

Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся Алеутомъ,
И крѣпко на руку нечистъ!

Да, умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ.

Когда жъ объ честности высокой говорить,

Какимъ-то демономъ внушаемъ,

Глаза въ крови, лицо горитъ,

Самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ!

Вотъ люди! Есть ли имъ подобныя? Наврядъ!

Ну, между ними я, конечно, за-урядъ—

Немножко поотсталъ, лѣнивъ—подумать, ужасъ!

Однакожъ я, когда умишкомъ понатужасъ,

Засяду; часу не сижу

И какъ то невзначай вдругъ каламбуръ рожу:

Другіе у меня мысль эту же подцѣплятъ,

И шестеромъ, глядя, водевильчикъ слѣпляютъ;

Другіе шестеро на музыку кладутъ;

Другіе хлопаютъ, когда его даютъ...

Братъ! смѣйся, а что любо-любо!

Способностями Богъ меня не наградилъ,

Даль сердце доброе—вотъ чѣмъ я людямъ милъ!

Совру — простятъ....

ЛАКЕЙ. (у подъезда).

Карета Скалозуба!

РЕНЕТИЛОВЪ. Чья?

Грибодовъ. (Горе отъ ума, д, IV, явл. 4).

ФАТСТВО (см. Гоголя «Ревизоръ» (Хлестаковъ), «Женитьба» (Анучкинъ), Княжнина «Чудаки» (Вѣтромахъ).

(Хвастовство).

НОЗДРЕВЪ. Ну, братъ, если бы ты зналъ, какъ я продулся!
Повѣришь ли, что не только убухалъ четырехъ рысаковъ — все

спустилъ! Вѣдь на мнѣ нѣтъ ни цѣпочки, ни часовъ. А вѣдь будь только двадцать рублей въ карманѣ, именно не больше, какъ двадцать, я отыгралъ бы все, то есть, кромѣ того, что отыгралъ бы, вотъ, какъ честный человѣкъ, тридцать тысячъ сейчасъ положилъ бы въ бумажникъ.

МИЖУЕВЪ. Ты однако и тогда такъ говорилъ, а когда я тебѣ далъ пятьдесятъ рублей, тутъ-же просадилъ ихъ.

НОЗДР. И не просадилъ бы! ей-богу, не просадилъ бы! Не сдѣлай я самъ глупость, право, не просадилъ бы. Не загни я послѣ короля на проклятой семеркѣ утку, я могъ бы сорвать весь банкъ.

МИЖ. Однако-жъ не сорвалъ.

НОЗДР. Не сорвалъ потому, что загнулъ утку не во время. А ты думаешь, майоръ твой хорошо играетъ?

МИЖ. Хорошо, или нехорошо, однакожъ онъ тебя обыгралъ.

НОЗДР. Эка важность! этакъ и я его обыграю. Нѣтъ, вотъ попробуй онъ играть дублетомъ, такъ вотъ я тогда посмотрю, я посмотрю тогда, какой онъ игрокъ! За то братъ, Чичиковъ, какъ покутили мы въ первые дни!... Ужъ такъ покутили!... Послѣ насъ пріѣхалъ какой-то князь, послалъ въ лавку за шампанскимъ: нѣтъ ни одной бутылки во всемъ городѣ, все офицеры выпили. Вѣришь ли, что я одинъ въ продолженіи обѣда выпилъ семнадцать бутылокъ шампанскаго!

МИЖ. Ну, семнадцать бутылокъ ты не выпилъ.

НОЗДР. Какъ честный человѣкъ говорю, что выпилъ.

МИЖ. Ты можешь говорить себѣ, что хочешь, а я тебѣ говорю, что и десяти не выпьешь.

НОЗДР. Ну, хочешь объ закладъ, что выпью.

МИЖ. Къ чему же объ закладъ?

НОЗДР. Ну, поставь свое ружье, которое купилъ въ городѣ.

МИЖ. Не хочу.

НОЗДР. Ну, да поставь, попробуй.

МИЖ. И пробовать не хочу.

НОЗДР. Да, былъ бы безъ ружья, какъ безъ шапки.

НОЗДР. Вотъ на этомъ полѣ русаковъ такая гибель, что

земли не видно; я самъ своими руками поймалъ одного за заднія ноги.

Миж. Ну, русака ты не поймаешь рукою!

Ноздр. А вотъ же поймалъ, нарочно поймалъ! (*Чичикову*)
Теперь я поведу тебя посмотрѣть границу, гдѣ оканчивается моя земля.... Вотъ граница! Все, что ни видишь по эту сторону, все это мое и даже по ту сторону, весь лѣсъ, который вонъ синѣть, и все, что за лѣсомъ, все мое.

Миж. Да когда же лѣсъ сдѣлался твоимъ? Развѣ ты недавно купилъ его? Вѣдь онъ не былъ твой.

Ноздр. Да, я купилъ его недавно.

Миж. Когда же ты успѣлъ его такъ скоро купить.

Ноздр. Какъ же? Я еще третьяго дня купилъ и дорого, чортъ возьми, даль.

Миж. Да вѣдь ты былъ въ то время на ярмаркѣ.

Ноздр. Эхъ ты Софронъ! Развѣ нельзя быть въ одно время и на ярмаркѣ, и купить землю? Ну, я былъ на ярмаркѣ, а прикащикъ мой тутъ безъ меня и купилъ.

Миж. Да, ну развѣ прикащикъ!

Гоголь. (Мертвыя души, ч. I).

(Смирение, самоунижение).

Чацкій. Ахъ, Софья? Неужли Молчалинъ избранъ ей!
А чѣмъ не мужъ? Ума въ немъ только мало,
Но чтобъ имѣть имѣть дѣтей
Кому ума не доставало!
Услужливъ, скромненькій, въ лицѣ румянецъ есть.

(*Молчалинъ входитъ*).

Вотъ онъ, на цыпочкахъ и не богатъ словами.
Какою ворожкой умѣлъ къ ней въ сердце влѣзть?

(*Обращается къ нему*).

Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ вами
Неудалось сказать двухъ словъ.
Ну, образъ жизни вашъ каковъ?
Безъ горя нынче, безъ печали?

Молчалинъ. По прежнему-съ.

Чацкій. А прежде какъ живали?

Молчалинъ. День за день нынче, какъ вчера.

Чацкій. Бѣ перу отъ картъ, а къ картамъ отъ пера?
И положенный часъ приливамъ и отливамъ?

Молчалинъ. По мѣрѣ я трудовъ и силъ
Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по архивамъ,
Три награжденья получилъ.

Чацкій. Взманили почести и знатность?

Молчалинъ. Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ...

Чацкій. У васъ?

Молчалинъ. Два-съ,
Умѣренность и аккуратность.

Чацкій. Чудеснѣйшіе два и стоятъ нашихъ всѣхъ!

Молчалинъ. Вамъ не дались чины?

По службѣ не успѣхъ?

Чацкій. Чины людьми даются,

А люди могутъ обмануться...

Молчалинъ. Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,

Изъ Петербурга возвратясь,

Съ министрами про вашу связь,

Потомъ разрывъ...

Чацкій. Ей почему забота?

Молчалинъ. Татьянѣ Юрьевнѣ?

Чацкій. Я съ нею не знакомъ.

Молчалинъ. Съ Татьяной Юрьевной?

Чацкій. Съ ней вѣкъ мы не встрѣчались,

Слыхалъ, что вздорная...

Молчалинъ. Да, это, полно, та ли-съ?

Татьяна Юрьевна!... извѣстная, притомъ

Чиновные и должностные

Всѣ ей друзья и всѣ родные!

Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ бы съѣздить вамъ...

Чацкій. На что-же?

Молчалинъ. Такъ. Частенько тамъ

Мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ.

Чацкій. Я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ.

Молчалинъ. Какъ обходительна, добра, мила, проста

Балы даетъ, нельзя богаче,

Отъ Рождества и до поста,

И лѣтомъ праздники на дачѣ.

Ну, право, чтобы вамъ въ Москвѣ у насъ служить,

И награжденья брать и весело пожить!

Чацкій. Когда въ дѣлахъ—я отъ веселій прячусь,

Когда дурачиться—дурачусь,

А смѣшивать два эти ремесла

Есть тѣма искусниковъ—я не изъ ихъ числа.

Молчалинъ. Простите. Впрочемъ тутъ не вижу преступленья.

Вотъ самъ Ома Омичъ; знакомъ онъ вамъ?

Чацкйй. Ну что-жь?

Молчалинъ. Отличнаго ума и поведенья.

Изъ Петербурга къ намъ переведень.

Чацкйй. Хорошъ!

Пустѣйшйй человѣкъ изъ самыхъ безтолковыхъ.

Молчалинъ. Какъ можно! Слогъ его здѣсь ставятъ въ образецъ.

Читали вы?

Чацкйй. Я глупостей не чтець,

А пуще образцовыхъ.

Молчалинъ. Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть,

Не сочинитель я...

Чацкйй. И по всему замѣтно.

Молчалинъ. Не смѣю моего сужденья произнести...

Чацкйй. Зачѣмъ же такъ секретно?

Молчалинъ. Въ мои лѣта не должно смѣть

Свое сужденіе имѣть.

Чацкйй. Помилуйте! Мы съ вами не ребята!

За чѣмъ же мнѣнія чужія только святы?

Молчалинъ. Вѣдь надобно жъ зависѣть отъ другихъ.

Чацкйй. Зачѣмъ же надобно?

Молчалинъ. Въ чинахъ мы небольшихъ.

Чацкйй (почти громко). Съ такими чувствами, съ такой душой

Любимъ!... Обманщица! смѣялась надо мной!

Грибодовъ. (Горе отъ ума, д. III, явл. 3).

(Низость).

*Чацкйй за колонною, Лиза, Молчалинъ потягивается и зѣваетъ,
Софья крадется съ верху.*

Лиза. Вы, сударь, камень, сударь, ледь!

Молчалинъ. Ахъ! Лизанька, ты отъ себя ли?

Лиза. Отъ барышни-съ.

Молчалинъ. Кто-бъ отгадалъ,

Что въ этихъ щечкахъ, въ этихъ жилкахъ,

Любви еще румянецъ не игралъ!

Охота быть тебѣ лишь только на посылкахъ!

Лиза. А вамъ, искателямъ невѣсть

Не нѣжиться и не зѣвать бы:

Пригожъ и милъ—кто не доѣсть

И не доспять до свадьбы.

Молчалинъ. Какая свадьба? съ кѣмъ?

Лиза. А съ барышней?

Молчалинъ. Поди!

Надежды много впереди—

Безъ свадьбы время проволочимъ!

Лиза. Что вы, сударь, да мы кого-жь

Себѣ въ мужа другаго прочимъ?

Молчалинъ. Не знаю, а меня такъ разбираетъ дрожь,

И при одной я мысли трушу,

Что Павелъ Аванасьичъ разъ

Когда нибудь поймаетъ насъ,

Разгонитъ, проклянетъ!... Да что?... Открыть ли душу?

Я въ Софѣ Павловнѣ не вижу ничего

Завиднаго. Дай Богъ ей вѣкъ прожить богато!

Любила Чацкаго когда-то,

Меня разлюбитъ, какъ его!.

Мой ангельчикъ, желалъ бы въ половину

Къ ней тоже чувствовать, что чувствую къ тебѣ...

Да нѣтъ, какъ ни твержу себѣ,

Готовлюсь нѣжнымъ быть, а свижусь—и простыну!

Софья (въ сторону). Какія низости!

Чацкйй (за колонной). Подлецъ?

Лиза. И вамъ не совѣстно?

Молчалинъ. Мнѣ завѣщалъ отецъ,

Во первыхъ — угождать всѣмъ людямъ безъ изъятья:

Хозяину, гдѣ доведется жить;

Начальнику, съ кѣмъ буду я служить;

Слугѣ его, который чиститъ платье;

Швейцару, дворнику—для избѣжанья зла,

Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была!

Лиза. Сказать, сударь, у васъ огромная опека!

Молчалинъ. И вотъ любовника я принимаю видъ,

Въ угоду дочери такого человѣка...

Лиза. Который кормитъ и поитъ,

А иногда и чиномъ наградитъ?

Пойдемте-же—довольно толковали!

Молчалинъ. Пойдемъ любовь дѣлить печальной нашей крали!

Дай, обниму тебя отъ сердца полноты!.. (Лиза не дается).

За чѣмъ она не ты? (Хочетъ идти, Софья не пускаетъ его).

Софья (почти шопотомъ). Нейдите даѣе... Наслушалась я много!

Ужасный человѣкъ! Себя я, стѣнь стыжусь!

Молчалинъ. Какъ!.. Софья Павловна!

Софья. Ни слова, ради Бога!

Молчите! я на все рѣшусь!...

Молчалинъ (бросается на колѣна. Софья его отталкиваетъ).

Ахъ! Вспомните... Не гибвайте! Взгляните...

Софья. Не помню ничего, не докучайте мнѣ!

Воспоминанія!.. Какъ острый ножъ онѣ...

(Молчалинъ ползаетъ въ ногахъ ея).

Софья. Не подличайте, встаньте!
Отвѣта не хочу— я знаю вашу отвѣтъ:
Солжете...

Молчалинъ. Сдѣлайте мнѣ милость!...

Софья. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Молчалинъ. Шутишь, и не сказала я ничего, окромѣ...

Софья. Отстаньте, говорю. Сейчасъ
Я крикомъ разбужу всѣхъ въ домѣ,
И погублю себя и васъ! (*Молчалинъ встаетъ*).
Я съ этихъ поръ васъ будто не знавала!..
Упрековъ, жалобъ, слезъ моихъ
Не смѣйте ожидать—не стойте вы ихъ!
Но чтобы въ домѣ здѣсь заря васъ не застала,
Чтобъ никогда о васъ я больше не слыхала!...

Молчалинъ. Какъ вы прикажете.

Тамъ-же. (Д. IV, явл. 12).

(Раболѣпство).

Юсовъ. А, ты здѣсь?

Бѣлогубовъ. Здѣсь-съ.

Юс. (*просматривая бумагу*) Бѣлогубовъ.

Бѣл. Чего изволите-съ?

Юс. Вотъ, братецъ ты мой, возьми домой, перепиши это почище. Приказали.

Бѣл. Мнѣ приказали переписать-съ?

Юс. (*сидясь*). Тебѣ. У него, сказали, почеркъ хорошъ.

Бѣл. Мнѣ очень пріятно слышать-съ.

Юс. Такъ ты слушай, братецъ: — ты не торопись. Главное, чтобы было почище. Видишь, куда посылать...

Бѣл. Я вѣдь, Акимъ Акимычъ, понимаю-съ. Калиграфически напишу-съ, всю ночь просижу.

Юс. (*вздыхаетъ*). Охо-хо-хо! — охо-хо-хо!

Бѣл. Мнѣ, Акимъ Акимычъ, только бы обратили вниманіе.

Юс. (*строга*). Что ты шутишь этимъ, что-ли?

Бѣл. Какъ можно-съ.

Юс. Обратили вниманіе.... Легко сказать! Чего еще нужно чиновнику? Чего онъ еще желать можетъ?

Бѣл. Да-съ.

Юс. Обратили на тебя вниманіе, ну, ты и человекъ, дышешь; а не обратили,—что ты?

Бѣл. Ну, что ужъ-съ.

Юс. Червь!

Бѣл. Я, кажется, Акимъ Акимычъ, стараюсь-съ.

Юс. Ты? (*смотритъ на него*). Ты у меня на хорошемъ замѣчаніи.

Бѣл. Я, Акимъ Акимычъ, даже въ пищѣ себѣ отказываю, чтобы быть чисто одѣтымъ. Чисто одѣтый чиновникъ вѣдь всегда на виду у начальства-съ. Вотъ извольте посмотрѣть, какая талія... (*Поворачивается*).

Юс. Постой. (*Оглядываетъ его и нюхаетъ табакъ*). Талія хорошо... Да еще, Бѣлогубовъ, смотри, пограмотнѣй.

Бѣл. Вотъ правописаніе-то я, Акимъ Акимычъ, плохо-съ... Такъ что, повѣрите-ли, самому обидно.

Юс. Эка важность, правописаніе! Не все вдругъ, привыкнешь. Напиши сначала черновую, да и попроси поправить, а потомъ ужъ съ этого и пиши. Слышишь, что я говорю?

Бѣл. Ужъ попрошу когонибудь-съ поправить, а то все Жадовъ смѣется-съ.

Юс. Кто?

Бѣл. Жадовъ-съ.

Юс. (*строга*). Да самъ-то онъ что такое? Что за птица? Еще смѣется!

Бѣл. Какъ же-съ, вѣдь надо показать, что ученый-съ.

Юс. Тьфу! Вотъ что онъ.

Бѣл. Я даже никакъ не могу опредѣлить его, Акимъ Акимычъ, что онъ за человекъ-съ.

Юс. Ничтожество!... (*Молчаніе*). Сейчасъ я тамъ былъ (*показывая на кабинетъ*), такъ говорили: (*тихо*) незнаю, что съ племянникомъ дѣлать! Пойми изъ этого.

Бѣл. А вѣдь какъ о себѣ-то много мечтаетъ.

Юс. Высоко летаетъ, да гдѣ-то сядетъ! Ужъ чего лучше: жить здѣсь на всемъ на готовомъ. Что жъ ты думаешь, благодарность

онъ чувствовалъ какую-нибудь! Уваженіе отъ него видѣли? Какъ же не такъ!.. Грубость, вольнодумство.... Вѣдь хоть и родственникъ ему, а все таки особа.... Кто станетъ переносить? Ну, вотъ ему и сказали другу милому: поди-ка поживи своимъ разумомъ, на десять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, авось поуменьше будешь.

Бѣл. Вотъ глупость-то до чего доводитъ-сь, Акимъ Акимычъ, Кажется, то есть.... Господи.... этакое счастье! Поминутно долженъ Бога благодарить. Вѣдь такъ я говорю, Акимъ Акимычъ, долженъ онъ Бога благодарить-сь?

Юс. Еще бы!

Бѣл. Самъ отъ своего счастья бѣгаетъ. Чего ему еще нужно-сь? Чинъ имѣеть, въ родствѣ съ такимъ человѣкомъ, содержаніе имѣлъ готовое; кабы захотѣлъ, могъ бы мѣсто имѣть хорошее, съ большимъ доходомъ-сь. Вѣдь Аристархъ Владимірычъ ему не отказали бы!

Юс. Ну, вотъ поди же!

Бѣл. Мое мнѣніе такое, Акимъ Акимычъ, что другой человѣкъ съ чувствомъ, на его мѣстѣ, сталъ бы сапоги чистить Аристарху Владиміровичу, а онъ еще огорчаетъ такого человѣка.

Юс. Все гордость, да разсужденіе.

Бѣл. Какое же разсужденіе! О чемъ мы можемъ разсуждать? Я, Акимъ Акимычъ, никогда....

Юс. Еще бы ты-то.

Бѣл. Я никогда-сь... потому это ни къ чему не ведетъ къ хорошему, окромя неприятности.

Юс. Какъ же ему не разговаривать! Надобно же ему показать-то, что въ университетѣ былъ.

Бѣл. Какая же польза отъ ученья, когда въ человѣкѣ нѣтъ страху... никакого трепету передъ начальствомъ?

Юс. Чего?

Бѣл. Трепету-сь.

Юс. Ну, да.

Бѣл. Меня бы, Акимъ Акимычъ, столоначальникомъ-сь.

Юс. У тебя губа-то не дура.

Бѣл. Я вѣдь больше потому-сь, что у меня теперь невѣста есть-сь. Только безъ мѣста нельзя-сь, кто жъ отдасть.

Юс. Что жъ не покажешь?

Бѣл. Первымъ долгомъ-сь.... хоть нынче же... какъ вмѣсто родственника-сь.

Юс. А объ мѣстѣ я доложу. Мы подумаемъ.

Бѣл. Мнѣ бы ужъ это мѣсто на всю жизнь-сь. Я хоть подписку дамъ, потому выше я не могу-сь. Мнѣ не по способностямъ.

Островскій. (Доходное мѣсто, д. I, яв. 5).

(Скупость, сребролюбіе).

Баронъ. Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья
Съ какойнибудь развратницей лукавой,
Иль дурой имъ обманутой, такъ я
Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный, къ вѣрнымъ сундукамъ.
Счастливыи день! могу сегодня я
Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще неполный)
Горсть золота накопленнаго выпать.
Не много кажется, но по немногу
Сокровища растутъ. Читалъ я гдѣ-то,
Что царь однажды воинамъ своимъ
Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу,
И гордый холмъ возвысился, и царь
Могъ съ вышины, съ весельемъ озираться
И долъ, покрытый бѣлыми шатрами,
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Такъ я, по горсти бѣдной принося
Привычну дань мою сюда въ подвалъ,
Вознесъ мой холмъ и съ высоты его
Могу взирать на все, что мнѣ подвластно.
Что не подвластно мнѣ?... Какъ нѣкій демонъ,
Отселъ править міромъ я могу;
Лишь захочу—воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою;
И музы дань свою мнѣ принесутъ,
И вольный геній мнѣ поработится,
И добродѣтель, и безсонный трудъ

Смирренно будутъ ждать моей награды.
Я свисну, — и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.
Мнѣ все послушно, я же ничему;
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья.... (*Смотритъ на свое золото*).

Кажется, немного,

А сколькохъ человѣческихъ заботъ,
Обмановъ, слезъ, моленій и проклятій
Оно тяжеловѣсный представитель!
Тутъ есть дублонъ старинный.... вотъ онъ. Нынче
Вдова мнѣ отдала его, но прежде
Съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ
Она стояла на колѣняхъ, воя.
Шелъ дождь, и пересталъ, и вновь пошелъ,
Притворщица не трогалась; я могъ бы
Ее прогнать, но что-то мнѣ шептало,
Что мужнинъ долгъ она мнѣ принесла,
И не захочетъ завтра быть въ тюрьмѣ.
А этотъ? этотъ мнѣ принеси Тибо.
Гдѣ было взять ему лѣнивцу, плуту?
Украсть, конечно, или, можетъ быть,
Тамъ, на большой дорогѣ, ночью, въ рошѣ....
Да! Если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитыя за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ; я захлебнулся бъ
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ. Но пора.

(*Хочетъ отпереть сундукъ*).

Я каждый разъ, когда хочу сундукъ
Мой отпереть, впадаю въ жаръ и трепетъ
Не страхъ (о нѣтъ! кого бояться мнѣ?
При мнѣ мой мечъ: за золото отвѣчаетъ
Честной булатъ), но сердце мнѣ тѣснитъ
Какое-то невѣдомое чувство....
Насъ увѣряютъ медики: есть люди,
Въ убійствѣ находящіе пріятность.
Когда я ключъ въ замокъ влагаю, тоже
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно
И страшно вмѣстѣ. (*Оттираетъ сундукъ*):
Вотъ мое блаженство! (*Всыпаетъ деньги*).

Ступайте; полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ человѣка.
Усните здѣсь сномъ силы и покоя,
Какъ Боги спятъ въ глубокихъ небесахъ!...
Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,
И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
Средь нихъ глядѣть на блещущія груди. (*Зажигаетъ свѣчи
и оттираетъ сундуки одинъ за другимъ*).

Я царствую!... Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастье, въ ней честь моя и слава.
Я царствую!... Но кто вослѣдъ за мной
Приметъ власть надъ нею? Мой наслѣдникъ!
Безумецъ, расточитель молодой!
Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!
Едва умру, онъ, онъ сойдетъ сюда,
Подъ эти мирные, нѣмые своды
Съ толпой ласкателей придворныхъ, жадныхъ.
Украсть ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отпереть —
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, дырявые карманы.
Онъ разобьетъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоитъ,
Онъ расточитъ.... А по какому праву?
Мнѣ развѣ даромъ это все досталось,
Или шутя, какъ игроку, который
Гремитъ костями, да груди загребаешь?
Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузанныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ
Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,
Что сердце у меня обросло мохомъ,
Что я не зналъ желаній, что меня
И совѣсть никогда не грызла, — совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце, — совѣсть,
Незванный гость, догучный собесѣдникъ,
Займодавецъ грубый; эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ!...
Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
А тамъ, посмотримъ, станеть ли несчастный
То расточать, что кровью приобрѣлъ.
О, если бъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ

Я скрыть подвалъ?... О, если бъ изъ могилы
 Прийти я могъ, сторожевою тѣнью
 Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
 Сокровища мои хранить, какъ нынѣ!...

Пушкинъ. (Скупой рыцарь, сц. 2).

(Скряжничество).

Клеантъ. Боже мой! да вамъ, батюшка, нечего жаловаться, всѣ знаютъ, что у васъ есть достатокъ.

Гарпагонъ. Какъ? у меня достатокъ? Тѣ, которые говорятъ это, лгутъ. Нѣтъ ничего болѣе ложнаго; одни мошенники распространяютъ эти слухи... Даже дѣти мои, и тѣ предають меня и становятся моими недругами.

Клеантъ. Развѣ говорить, что у васъ есть достатокъ, значить быть вашимъ недругомъ?

Гарп. Да, подобныя рѣчи и ваше мотовство будутъ причиною, что на дняхъ меня зарѣжутъ, думая, что я набить деньгами.

Клеантъ. Какое же мотовство примѣтили вы во мнѣ?

Гарп. Какое? Что можетъ быть неблагопристойнѣе образа жизни, который вы выставяете на показъ всему городу? Вчера я журилъ вашу сестру, но вы поступаете еще хуже. Это взываетъ къ небу о наказаніи. Я вамъ говорилъ двадцать разъ, сынъ мой, что ваши манеры мнѣ сильно не нравятся; вы корчите маркиза и, чтобы наряжаться такимъ образомъ, должны навѣрно обкрадывать меня.

Клеантъ. Э, да какъ же можно васъ обкрадывать?

Гарп. Почему я знаю? На какія же средства вы такъ щеголяете?

Клеантъ. Я, батюшка? Дѣло въ томъ, что я играю и такъ какъ я очень счастливъ въ игрѣ, то трачу на себя всѣ выигрываемыя мною деньги.

Гарп. Очень дурно дѣлаете. Если вы счастливы въ игрѣ, то должны извлекать изъ этого пользу и отдавать выигранныя деньги за умѣренные проценты затѣмъ, чтобы со временемъ собрать кое-что. Я хотѣлъ бы знать, не говоря уже объ остальномъ,

къ чему служить всѣ ленты, которыми вы унижены съ ногъ до головы и недостаточно ли для вашего платья полдюжины застѣжекъ? Ужасно нужно тратить деньги на парики, когда можно носить волосы своего произрашенія, которые ничего не стоятъ. Бьюсь о закладъ, что на одни парики, да ленты пошло, по меньшей мѣрѣ, двадцать пистолей; а двадцать пистолей приносятъ въ годъ осьмнадцать ливровъ шесть су, восемь денье, считая хоть только двѣнадцатый процентъ.

Клеантъ. Вы правы...

Мольеръ. (Скупой, д. I, явл. 5).

(Сребролюбіе).

Гарпагонъ (*вбѣгаетъ на сцену, крича въ изступленіи*). Воръ, воръ!... разбойникъ, убійца! Праведное небо! Я пропаль, я убитъ; меня зарѣзали: у меня украли мои денежки. Кто бы это былъ? Куда онъ дѣлся? Гдѣ онъ? Гдѣ прячется? Какъ мнѣ быть, чтобы найти его? Куда надо бѣжать? Не тамъ ли онъ? Не здѣсь ли? Кто это? Стой... (*Самъ себя, схвативши себя за руку*). Отдавай мнѣ мои деньги, бездѣльникъ!.. Ахъ! это я! Мой духъ въ смущеніи; я не знаю, гдѣ я, кто я, и что я дѣлаю! О мои бѣдныя денежки! мои бѣдныя денежки! Друзья мои любезные! Меня разлучили съ вами; а когда вы у меня отняты, то я потерялъ мою подпору, утѣху, мою радость. Все кончено для меня, мнѣ не зачѣмъ больше жить. Безъ васъ мнѣ жизнь не въ жизнь. Кончено, не могу больше; я умираю, я умеръ, меня похоронили. Нѣтъ ли когонибудь, кто воскресилъ бы меня, отдалъ бы мнѣ мои милыя деньги, или сказалъ, у кого онъ? А, что вы говорите?.. Никого нѣтъ! Кто бы ни былъ, сдѣлавшій эту штуку, но онъ тщательно подкараулилъ время и выбралъ какъ разъ тотъ часъ, когда я говорилъ съ моимъ бездѣльникомъ-сыномъ. Иду. Я позову сейчасъ полицію и заставлю пытать весь домъ, служанокъ, лакеевъ, сына, дочь и себя самага. Сколько народу здѣсь набралось! На кого ни посмотрю, всякаго подозреваю, всякій кажется мнѣ воромъ. Эй! о чемъ

тамъ говорить? О томъ, кто меня обокралъ? Что за шумъ наверху? Не воръ ли мой тамъ? Пожалуйста, если есть извѣстiе о моемъ ворѣ, умоляю, скажите мнѣ. Не спрятанъ ли онъ тамъ между вами? Они всѣ глядятъ на меня и хохочутъ. Вотъ увидите, что навѣрное и они принимали участiе въ воровствѣ. Ну, скорѣе комиссаровъ, десятскихъ, надзирателей, судей, колодокъ, висѣлицъ, палачей! Я хочу повѣсить весь мiръ и, если найду мои денежки, то потомъ самъ повѣшусь.

Мольеръ. (Скупой, д. IV).

(Жадность и скряжничество).

Плюшкинъ. Да вѣдь какъ же? Вѣдь это вамъ самимъ то въ убытокъ?

Чичиковъ. Для удовольствiя вашего готовъ и на убытокъ.

Плюшк. Ахъ, батюшка! ахъ, благодѣтель мой! Вотъ утѣшили старика! Ахъ, Господи ты мой мой! Ахъ, Святители вы мои!... Какъ же, съ позволенiя вашего, чтобы не разсердить васъ, вы за всякiй годъ беретесь платить за нихъ подать? и деньги будете выдавать мнѣ, или въ казну?

Чичик. Да мы вотъ какъ сдѣлаемъ: мы совершимъ на нихъ купчую крѣпость, какъ бы они были живые и какъ бы вы ихъ мнѣ продали.

Плюшк. Да, купчую крѣпость... (*шевелитъ губами*). Вѣдь вотъ купчую крѣпость—все издержки. Приказные такiе безсовѣстные! Прежде бывало полтиной мѣди отдѣлаешься, да мѣшкомъ муки, а теперь пошли цѣлую подводу крупъ, да и красную бумажку прибавь—такое сребролюбiе! Я не знаю, какъ никто другой не обратитъ на это вниманiе. Ну, сказалъ бы ему какънибудь душеспасительное слово! Вѣдь словомъ хоть кого проймешь. Кто, что ни говори, а противъ душеспасительнаго слова не устоишь... Эй, Прощка. (*Прощка входитъ*).

...Вотъ, посмотрите, батюшка, какая рожа! Глупъ вѣдь, какъ дерево, а попробуй чтонибудь положить—мигомъ украдетъ! Ну, чего ты пришелъ, дуракъ, скажи, чего?... Поставь само-

варъ,—слышишь? да вотъ возьми ключъ, да отдай Маврѣ, чтобы пошла въ кладовую: тамъ на полкѣ есть сухарь изъ кулича, который привезла Александра Степановна,—чтобы подали его къ чаю! Постою, куда же ты? дурачина! эхва, дурачина!... Бѣсъ у тебя въ ногахъ, что ли, чешется?... Ты выслушай прѣжде. Сухарь-то сверху, чай, испортился, такъ пусть соскоблить его ножомъ, да крохъ не бросаетъ, а снесетъ въ курятникъ. Да смотри, ты не входи, братъ, въ кладовую; не то—я тебя, знаешь? березовымъ-то вѣникомъ, чтобы для вкуса-то! вотъ у тебя теперь славный аппетитъ, такъ чтобы еще былъ лучше! Вотъ попробуй-ка пойти въ кладовую, а я тѣмъ временемъ изъ окна стану глядѣть...

...Лежала на столѣ четвертка чистой бумаги, да не знаю, куда запропастилась: люди у меня такiе негодные! Мавра! а Мавра! (*Мавра входитъ*). Куда ты дѣла, разбойница, бумагу?

МАВРА. Ей Богу, баринъ, не видывала, опричь небольшого лоскутка, которымъ изволили прикрыть рюмку.

Плюшк. А вотъ я по глазамъ вижу, что подтибрила.

МАВРА. Да на что-жъ бы я подтибрила? Вѣдь мнѣ проку съ ней никакого: я грамотѣ не знаю.

Плюшк. Врешь, ты снесла пономаренку: онъ мараетъ, такъ ты ему и снесла.

МАВРА. Да пономаренокъ, если захочетъ, такъ достанетъ себѣ бумагу. Не видалъ онъ нашего лоскутка!

Плюшк. Вотъ погоди-ка: на страшномъ судѣ черти припекутъ тебя за это желѣзными рогатками! вотъ посмотришь, какъ припекутъ!

МАВРА. Да за что же припекутъ, коли я не брала и въ руки четвертки. Ужъ скорѣе другой какой бабьей слабостью, а воровствомъ меня еще никто не попрекалъ.

Плюшк. А вотъ черти то тебя и припекутъ! скажутъ: «А вотъ тебѣ, мошенница, за то, что барина-то обманывала!» да горячими-то тебя и припекутъ!

МАВРА. А я скажу: Не за что! Ей Богу не за что: не брала я... Да вонъ она лежитъ на столѣ. Всегда напраслиной попрекаете!

Плюшк. Ну что-жъ ты расходилась такъ, экая занозистая! Ей скажи только одно слово, а она ужъ въ отвѣтъ десятокъ! Поди-ка, принеси огоньку запечатать письмо. Да стой! Ты схватишь сальную свѣчку; сало дѣло топкое; сторить да и нѣтъ, только убытокъ: а ты принеси-ка мнѣ лучину.

Гоголь. (Мертвыя Души, ч. I).

(Жадность).

Шейлокъ. Ну, Тубаль, какія новости изъ Генуи? отыскаль ты мою дочь?

Тубаль. Я бываль во многихъ мѣстахъ, гдѣ о ней говорили, но отыскать ее не могъ.

Шейл. Такъ, такъ, такъ, такъ! Пропаль брильянтъ, за который я заплатилъ во Франкфуртѣ двѣ тысячи червонцевъ! До этихъ поръ проклятіе не обрушивалось на нашу націю; я не чувствовалъ его до этихъ поръ... Двѣ тысячи червонцевъ пропали — а сколько еще драгоценныхъ, драгоценныхъ камней! — Я хотѣлъ бы, чтобъ моя дочь лежала мертвая у моихъ ногъ, съ драгоценными камнями въ ушахъ; хотѣлъ бы, чтобъ она была похоронена у моихъ ногъ, и чтобъ червонцы лежали въ ея гробѣ. Такъ ничего о нихъ не слышно? Да, ничего... И я еще не знаю, сколько истрачено на поиски. Убытокъ за убыткомъ! Воръ унесъ столько-то, и столько-то стоитъ найти вора. И никакого удовольвенія, никакого мщенія! Нѣтъ на землѣ несчастія, кромѣ того, которое обрушилось на мои плечи, нѣтъ вздоховъ, кромѣ тѣхъ, которые вылетаютъ изъ моей груди, нѣтъ слезъ, кромѣ тѣхъ, которыя проливаю я!

Шекспиръ. (Венеціанскій купецъ, д. III, сц. 1).

(Скупость, испугъ и отчаяніе).

Крутицкій (*одинъ*). Вотъ онъ какой! Вотъ онъ какой! Насилу духъ перевелъ. Отъ него бѣгать надо. Онъ злой человѣкъ.

(*Задумывается. Вдругъ въ лавкѣ громкій хоръ: «хороша наша деревня».* Крутицкій въ испугъ со всѣхъ ногъ бросается къ своему крыльцу. На ходу, подлѣ лавки, у него изъ шинели выпадаетъ свертокъ. Онъ этого не замѣчаетъ). Разбойники! Оглашенные! Измучили они меня. (*Садится на крыльцо*). Охъ, силъ моихъ нѣтъ. Сердце упало. Всѣхъ бы васъ кнутикомъ, кнутикомъ: не воруй, не воруй! Да и этого стряпчаго вашего тоже: «не пиши фальшивыхъ пашпортовъ». Что онъ тутъ про шинель болталъ! Нѣтъ, шинель (*встаетъ и гладитъ рукой по ворсу*) хороша. По-вытерлась кое-гдѣ, ну, носишь, носишь, такъ по шву, разумѣется, разорвется. А на то есть иголочка, да ниточка. Нѣтъ, шинель хороша; а ежели издали поглядѣть, такъ она почти новая. Глупый ты стряпуга! «Худа она, по швамъ ползетъ». Ахъ ты глупый! А кабы ты зналъ, что эта шинель стоитъ! Хорошо мнѣ въ ней, радостно. Шубы собольей не возьму за нее, десяти, ста шубъ. Смѣйтесь надо мною, бейте меня, я стерплю. Я завернусь въ мою шинель, мнѣ и хорошо, мнѣ и тепло, мнѣ и весело, да еще самъ надъ вами посмѣюсь, надъ всею Москвою посмѣюсь. Чиновникъ въ худой шинели! А не знаешь ты, глупый человѣкъ (*оглядываясь*), что я изъ одной половины пять домовъ каменныхъ выстрою; изъ другой половины пять деревень куплю. Тутъ и твои деньги цѣлы. Всѣ тутъ; всѣ со мной. (*Ощупываетъ подкладку шинели и радостно смѣется*). Вотъ онъ, вотъ онъ! Вотъ и здѣсь, вотъ и здѣсь, вотъ... Ахъ, ахъ, потерялъ! (*Обезумѣвъ отъ испуга, опускается на ступени*). Нѣтъ, нѣтъ, найдутся. Куда имъ пропасть? Я вдругъ духомъ упалъ; вотъ я посижу, вздохну немножко, да и найду. За подкладку завалились, за подкладку. Да, да. А зашивалъ, а зашивалъ! Эхъ, Михей! Вотъ я пошарю сейчасъ. (*Опускаетъ руку*). Страшно! А ну, какъ тамъ нѣтъ. Нѣтъ, я подожду искать. Ну, что же, ну, хотъ и потерялъ, вѣдь я здѣсь потерялъ, здѣсь и найду. Вотъ... гдѣ я ходилъ? Здѣсь я ходилъ, въ саду я прятался, вотъ и поищу, вотъ и найдутся. Здѣсь никто, кромѣ меня не ходилъ? Да нѣтъ, право, не ходилъ, ей Богу, не ходилъ... Ахъ! (*Ударяетъ себя рукой по лбу*). Елеся ходилъ... онъ ходилъ... онъ и въ саду былъ... Нѣтъ... кажется

не былъ. Да нѣтъ, нѣтъ, не былъ. Что я! Да тутъ онѣ, тутъ. Вотъ опушу руку и тутъ. А я было... хе-хе-хе!..

Вотъ я сперва за подкладкой пошарю, а послѣ и поищу. Вѣдь тутъ, тутъ; а какъ было я испугался. (*Шукаетъ за подкладкой*). Нѣтъ! Ну и поищу, и поищу... (*Потерявшись*). Теперь вотъ... черезъ двѣ минуты я либо опять съ деньгами, либо... Господи, не попусти! (*Плачетъ, какъ ребенокъ*). Двадцать лѣтъ я голодалъ, двадцать лѣтъ жену морилъ голодомъ. Господи! Я хуже мота, хуже пьяницы; тѣ хоть удовольствіе себѣ дѣлаютъ, а я копилъ, копилъ, да и потерялъ. Казнить меня на площади, жилы тянутъ. Какъ потерять! Деньги берегутъ, а не теряютъ. Вѣдь я знаю, что ихъ берегутъ, я лучше всѣхъ знаю, какъ берегутъ ихъ. А я то вотъ и потерялъ, какъ глупый ребенокъ. Михай, гдѣ денежки, гдѣ денежки? Ну, что я скажу? (*Плачетъ*). Потерялъ. Я оглушѣлъ, я дурачкомъ сталъ на старости лѣтъ. (*Плачетъ*). Ищи, Михай, ищи! (*Вслушивается*). Кто сказалъ—ищи! Это я самъ сказалъ—ищи! Да, да, ищи, а не найдешь, заплачешь, не такъ заплачешь, охъ, какъ заплачешь, горько заплачешь! Зачѣмъ копилъ, зачѣмъ? Бывало, жена больная дрожить отъ холода, стонетъ: «Михей, Михей, сжался, я умираю, чайку мнѣ, хоть чашечку, согрѣться бы мнѣ». А мнѣ было жаль гривенника для нея... Ищи, Михай, ищи! (*Оглядывается*). А? Кто тутъ? Да никого нѣтъ. Я самъ же сказалъ, а другихъ ищу. Гдѣ я былъ? Пстой, пстой! Я помню, да вотъ гдѣ, въ саду. (*Идетъ въ садъ*).

Островскій. (Не было нигроша, да вдругъ алтынъ, д. IV, явл. 5 и 7).

Крутицкій (*входитъ блѣдный, разстроенный*). Куда я пришелъ, куда? (*Осматривается*). Ахъ! Домой пришелъ. Зачѣмъ, зачѣмъ? (*Берется за голову*). Нечего мнѣ дома дѣлать, нечего. Тоска меня загрызетъ, лютая тоска загрызетъ. (*Сквозь слезы*). Пойду, лучше погуляю. Меня немножко вѣтромъ пообдуетъ. (*Печально*). Пойду. Далеко пойду, за заставу куданибудь отъ людей подальше. Тяжело на людей-то смотрѣть. Охъ, какъ го-

лова горить! (*Снимаетъ картузъ и кладетъ его на крыльцо*). Пойду погуляю. Въ Тюфелеву рощу пойти? Тамъ хорошо, глухо такъ, никто туда, никто не ходитъ. Кто туда пойдетъ? Пойдетъ бѣднякъ какойнибудь съ горя, да съ тоски погулять, да ужь... и удавится тутъ же. Вотъ, говорили, тамъ нынче весной одинъ закладчикъ повѣсился, обокрали его на двадцать тысячъ. Да и есть отъ чего. Какъ это пережить! Какъ пережить? Невозможно. У всякаго своя радость, своя утѣха; онъ копилъ, берегъ, въ томъ и вся жизнь его была; ничего ему не нужно, однѣ только деньги, однѣ свои деньги, а украли деньги, нѣтъ денегъ, зачѣмъ ему жить? Зачѣмъ жить-то? Что дѣлать-то на свѣтѣ? Плакать, тосковать, проклинать себя, биться объ уголъ головою, двадцать разъ въ день на гвоздь петлю повѣсить, да опять снять. Еще вотъ намъ Богъ сонъ далъ; ну, заснешь, забудешь, а проснешься-то? Опять таже тоска, и каждый день, каждый день. Такъ ужь лучше одинъ конецъ. Охъ, охъ! (*Съ отчаяніемъ*). Пойду, погуляю. Охъ какъ тяжело, душно какъ! Пойду, пойду. Далеко вѣдь! Что жъ, я извозчика найму. На что мнѣ деньги? На что онѣ теперь? Возьму вотъ; возьму, да и брошу. Столько ли Михай бросилъ. Убить его, убить! Ну, и кидай, ну все и кидай! (*Вынимаетъ нѣсколько мѣдныхъ денегъ и бросаетъ*). На-те, подбирайте, кто хочетъ; не надо мнѣ, не надо, я ихъ беречь не умѣю. Пойду, сейчасъ пойду. (*Идетъ, шатаясь, и видитъ на землѣ мѣдную монету*). Ай! вотъ онъ! (*Поднимаетъ пятакъ и съ радостью бѣжитъ на прежнее мѣсто*). Нашелъ, нашелъ! (*Судорожно прячетъ его въ карманъ жилета*). Сюда его, спрятать поскорѣй, благо, не видали. (*Помолчавъ, опускаетъ руки*). Мало. А моихъ много было. Какъ скучно! Ахъ, тоска смертная! Пойду погуляю. (*Идетъ нетвердыми шагами. Осматривается и махнувъ рукой, поворачиваетъ въ садъ*).

(Тамъ же, д. V, явл. 1).

(Любовь-любовный разговоръ).

Отелло. Почтенные синьоры,
Пока она придетъ сюда, я вамъ

Такъ искренно, какъ Богу, открываю
Свои грѣхи, - скажу, какъ я успѣлъ
Снискать любовь прекрасной этой дѣвы,
И какъ она мою приобрѣла.

Дожь. Мы слушаемъ, Отелло.

Отелло.

Ея отецъ любилъ меня и часто
Звалъ въ домъ къ себѣ; онъ заставлялъ меня
Рассказывать исторію всей жизни,
Годъ за годъ всѣ сраженія, осады
И случаи, пережитые мной.
Я пробѣгалъ все это, начиная
Отъ дѣтскихъ дней до самаго мгновенья,
Когда меня онъ слышать пожелалъ.
Я говорилъ о всѣхъ моихъ несчастіяхъ,
О бѣдствіяхъ на сушѣ и моряхъ:
Какъ ускользалъ въ проломѣ я отъ смерти,
На волосокъ висѣвшей отъ меня;
Какъ взять былъ въ плѣнъ врагомъ жестокосердымъ
И проданъ въ рабство; какъ, затѣмъ, опять
Я получилъ свободу... Говорилъ я
Ему о томъ, что мнѣ встрѣчать случалось
Во время странствій: о большихъ пещерахъ,
Безплоднѣйшихъ пустыняхъ, страшныхъ безднахъ,
Утесахъ неприступныхъ и горахъ,
Вершинами касающихся неба;
О канибалахъ, что ѣдятъ другъ друга,
О племени антропофаговъ злыхъ
И о людяхъ, которыхъ плечи выше,
Чѣмъ головы. - Расскажамъ этимъ всѣмъ
Съ участіемъ внимала Дездемона,
И каждый разъ, какъ только отзывали
Домашнія дѣла ее отъ насъ,
Она скорѣй старалась ихъ окончить
И снова шла, и жадно въ рѣчь мою
Впивалася. Все это я замѣтилъ
И, улучивъ удобный часъ, искусно
Съумѣлъ у ней изъ сердца вырвать просьбу
Ей рассказать всѣ странствія мои,
Которыя до этихъ поръ безъ связи,
Урывками ей слышать привелось.
И началъ я рассказъ мой, и не разъ
Въ ея глазахъ съ восторгомъ видѣлъ слезы,
Когда я ей рассказывалъ о страшныхъ
Несчастіяхъ изъ юности моей.
Окончилъ я — и цѣлымъ міромъ вздохомъ

Она меня за трудъ мой наградила,
И мнѣ клялась, что это странно, чудно,
И горестно, невыразимо горько;
Что лучше ужъ желала бы она
И не слышать про это, но желала бѣ,
Чтобъ Богъ ее такой, какъ я, создалъ.
Потомъ она меня благодарила,
Прибавивши, что если у меня
Есть другъ, въ нее влюбленный, пусть онъ только
Расскажетъ ей все то, что я сказалъ —
И влюбится она въ него. При этомъ
Намекъ я любовь мою открылъ.
Она меня за муки полюбила,
А я ее за состраданье къ нимъ.
Вотъ чары всѣ, къ которымъ прибѣгалъ я...
Она идетъ, — спросите у нея

Шекспиръ. (Отелло, д. I, сц. 3).

Въра.

Не страшень страхъ, Надежда
А страшень грѣхъ... Вотъ какъ любовь — змѣя
Подъ сердце ляжетъ, словно подъ колоду,
Да высосетъ всю кровь изъ ретиваго,
Да какъ не то, что о грѣхѣ молиться —
А, кажется, молилась бы грѣху, —
Такъ тутъ вотъ жутко... что твой лѣсъ потемный! (*Шомолчавъ*)
Ну... что со мною было — я не знаю...
Какъ сквозь просонковъ слышала: кричали,
Трубили въ рогъ... Очнулася я поздно,
Ужъ въ сумерки... Въ какомъ-то я шатрѣ...
Гляжу: коверъ подостланъ подо мною,
А въ головахъ камчатная подушка,
И парчевой попоной я накрыта...
Кругомъ собаки лаютъ, кони ржутъ,
Народъ гуторить...

Надежда.

Что жъ это такое?

Бояре, что ль, охотилися?

Въра.

Онъ...

Приподняла я голову — подходитъ...
Въ потьмахъ лица не видно, только очи,
Какъ уголья въ жаровнѣ... Говорить:
«Долгонько спалось, гостя дорогая?
А намъ бы вотъ довѣдаться, какъ гостя
Велить себя по имени называть,
Какъ величать по отчеству?» Самъ — въ поясъ.
Я ни гугу: языкъ не шевелится...

А вижу-то, что изъ бояръ-бояринъ:
По рѣчи слышно: голосъ такъ и льется,
Что за осанка, что за ростъ и плечи!..
Онъ мнѣ опять: «Мужевая жена,
Аль красная дѣвица—обзовися;
Мы до дому проводимъ.» Я молчу.
Сверкнулъ глазами, отвернулся, крикнулъ:
«Князь Вяземскій! послать сюда дѣвчонку!»
И вышелъ вонъ... Втокнули Степаниду
А тамъ, ужъ какъ свезли меня домой,
Какъ на постель раздѣли—положили—
Не помню.

НАДЕЖДА. Вѣра!.. Знаешь ли ты?

ВѢРА. Что?

НАДЕЖДА. И я бы также полюбила...

ВѢРА. Надя,

Да ты скажи мнѣ: какъ же не любить-то?
Душа изъ тѣла рвется... Ты послушай.

(Слышенъ отдаленный звукъ трубы).

НАДЕЖДА (въ смущеніи прислушивается). Что—это? трубы?

ВѢРА. Пусть себѣ ихъ трубятъ!

Дослушай лучше пѣсенку мою.

Проснулася я ночью на постели;

Щемить мнѣ сердце—сладко таково;

По тѣлу дрожь, какъ искры присѣкаетъ;

Коса трещить, вертится изголовье;

Въ глазахъ круги огневые пошли...

Вскочила я, окошко распахнула,

Дышу—дышу всей грудью... а въ саду

Роса дымится и укропомъ пахнетъ,

И подъ ухомъ въ травѣ куетъ кузничикъ...

Ну, что, Надежа, чтобы ты сказала,

Какъ если-бъ онъ да шастъ изъ за угла,

Да пошептомъ промолвилъ: «Эхъ, молодка,

Аль ласковымъ глазкомъ на насъ не взглянешь?

Аль бѣлою рукою не поманишь?

Пустила бы въ свѣтелку...»

Я шатнулася

И о косякъ ударилася плечомъ.

А самое трясеть, какъ въ лихоманкѣ...

Сказать хотѣла: «отойди, проклятый!»

А говорю: «влѣзай же, что ль скорѣе!»

Ужъ видно Богъ попуталъ за грѣхи!

Мей. (Псковитянка, д. I, явл. 2).

(Любовное признаніе).

Груша. Что ты такой сердитый? На меня что-ль сердить?

Петръ. Я нынче не въ себѣ, скучно, дѣла такія есть.

Груша. А ты не скучай! Что за скука!.. Такъ-то, голубчикъ
мой бѣленькой.

Петръ. Ужъ очень я тебя люблю! Надо-тъ такъ думать, ты
меня приворожила чѣмъ ни на есть!

Груша. Что ты! Господь съ тобой!

Петръ. Возьми ты вострый ножъ, зарѣжь меня, легче мнѣ
будеть.

Груша. Да что съ тобой сдѣлалось?

Петръ. Несчастный я человѣкъ? Ничего я не пойму, ничего
не соображу. Голова моя вся кругомъ пошла! Ровно туману кто
напустилъ на меня!

Груша. Да отчего такъ? Скажи.

Петръ. Говори ты мнѣ прямо, такъ, чтобъ ужъ я зналъ: лю-
бишь ли ты меня?

Груша. А то скажешь—нѣтъ? Извѣстно, люблю.

Петръ. Ой ли? Вѣрно твое слово?

Груша (обнимая его крѣпко). Вотъ какъ люблю!.. вотъ!

Петръ. Груша, такъ ты меня такъ любишь? Ну, пропадай
все на свѣтѣ! Скажи ты мнѣ теперь: загуби свою душу за меня!—
Загублю, глазомъ не сморгну.

Груша. Что ты, что ты? Нехорошо! Нешто такія слова го-
ворять? Въ какой часъ скажется. Вотъ у насъ кузнецъ Еремка,
все этакъ душой-то своей клялся, въ трисподнюю себя прокли-
налъ... Ну что-жъ, сударь ты мой... такая-то страсть!.. И завелъ
его на сѣноваль подъ крышу. Насилу стащили, всего скорчило.
Ужъ такой-то этотъ Еремка распостылый! Какихъ бѣдъ съ нимъ
не было! Два раза изъ проруби вытаскивали, а ему все какъ съ
гуся вода.

Петръ. Что мнѣ себя жалѣть-то? Ужъ и такъ пропащая моя
голова, за одно пропадать-то! Говори, мое солнышко, чего тебѣ

нужно: золота, серебра, каменье въ самоцвѣтныхъ—себя заложу, а тебѣ подарю.

Груша. Ничего мнѣ, голубчикъ ты мой бѣленькой, не надо, всего у меня довольно. А ты вотъ что, парень, люби ты меня, какъ я тебя люблю.

Петръ. Эхъ, дѣвка! Что балясы-то точить! Видишь я въ какомъ разѣ! Проси чего хочешь. Дорогаго проси!

Груша. Чего у тебя просить-то! А вотъ что: ходи почаще, носи пряничковъ послаще, да еще ленту поалѣе, да гляди на меня помилѣе, да цѣлуй покрѣпче... ха, ха, ха... Да вотъ еще, а у тебя давно хотѣла попросить, купи ты мнѣ перстенечикъ.

Петръ. Ужо два привезу.

Груша. У насъ у всѣхъ дѣвушекъ есть... ну, понимаешь... приятели. Посмотри въ праздникъ, сколь хорошо: на улицѣ сидятъ всѣ вмѣстѣ; а ты вотъ со мной никогда не погуляешь. По крайности я перстенежъ покажу, что есть у меня такой парень, который меня вѣрно любитъ. Ты приѣзжай ужо пораньше, заложимъ тройку, насажаемъ дѣвожъ, поѣдемъ кататься съ пѣснями.

Петръ. Давай руку. (*Беретъ руку*). Значить, конечно! (*Ударяетъ ее по руцѣ. Груша киваетъ головой*). Такъ на кой намъ шутъ дѣвожъ! Мы двое поѣдемъ.

Груша. Что жъ не поѣхать!

Петръ. Поѣдешь?

Груша. Известно, поѣду.

Петръ (*цѣлуетъ Грушу*). Вотъ это люблю! Это по нашему. Поди, посмотри, нѣтъ-ли кого въ избѣ, или на дворѣ.

Груша. Что такъ скоро? Посиди.

Петръ. Теперь нѣкогда. Еще вечеръ-то нашъ.

Груша. Ну, нельзя, такъ не надо. (*Уходитъ*).

Островскій. (Не такъ живи, какъ хочется, д. II, явл. 5).

(Начало любви).

Фаустъ. И такъ, когда вошелъ я въ этотъ садъ,
Меня узнала ты сейчасъ, мой ангелъ милый!

МАРГАРИТА. Вы не замѣтили: потупила я взглядъ...

ФАУСТЪ. И ты, неправда ль, мнѣ простила
Поступокъ своевольный мой,
Какъ, помнишь, шла изъ церкви ты домой?

МАРГАРИТА. Остолбенѣла я; вѣдь случая такого
Со мною не бывало никогда.
Не можетъ обо мнѣ никто сказать дурнаго—
За что жъ, я думала, такая вдругъ бѣда?
Богъ знаетъ, чѣмъ ему могла я показаться!
И что же вздумалось ему
Со мной такъ нагло обращаться?
Но не хочу скрывать: не знаю почему,
А въ тотъ же мигъ душой я къ вамъ расположилась,
И, правду коль сказать, я на себя сердилась
За то, что я на васъ сердиться не могла.

ФАУСТЪ. О, какъ, мой ангелъ, ты мила!

МАРГАРИТА (*срывая цвѣтокъ*). Позвольте на минутку.

ФАУСТЪ. Что такое?

Связать букетъ ты хочешь?

МАРГАРИТА. Такъ, пустое...

Игра...

ФАУСТЪ. Что?

МАРГАРИТА. Будете смѣяться надо мной!

Подите... (*обрываетъ листки и лепечетъ про себя*).

ФАУСТЪ. Что-жъ ты лепечешь, ангелъ мой?

МАРГАРИТА (*вполголоса*). Любить—не любить...

ФАУСТЪ. О милое, чистѣйшее созданье!

МАРГАРИТА (*продолжая*).

Любить—нѣтъ, любить—нѣтъ.

(*Вырываетъ послѣдній листокъ, съ радостью*). Любить!

ФАУСТЪ. О, ангелъ мой! пусть слово это слово будетъ

Тебѣ отвѣтомъ неба! да, онъ любитъ!

Ты понимаешь ли, что значить это: «любить»?

(*Онъ беретъ ее за обѣ руки*).

МАРГАРИТА. Мнѣ что-то страшно стало вдругъ?

ФАУСТЪ. Не бойся, ни бойся, мой другъ!

Дай выразить этому взору,

Пожатью горячему рукъ

Все то, что не выразишь словомъ!

Позволь мнѣ предаться блаженству вполне,

Блаженству, о другъ мой сердечный,

Которому быть должно вѣчно здѣсь, вѣчно!

(*Маргарита, вырываясь, убѣгаетъ. Онъ стоитъ нѣсколько времени въ размышленіи, потомъ уходитъ за нею*).

Гете. (Фаустъ, ч. I, сц. 12).

(Любовное признаніе).

Олинъка (*тихо поетъ*).

«Дай отвѣтъ на ихъ призванье
Ты въ душѣ своей,
И на тайное свиданье
Ты приди скорѣй!... приди скорѣй!...»

Скавронскій (*внезапно появляясь*). Вы звали, я пришелъ!
(*Олинъка вскрикиваетъ и молчитъ*).

Скавр. (*тихо садясь подлѣ нея*). Не бойтесь, Ольга Николаевна, не бойтесь... это я, тотъ самый, котораго вы любите, котораго вы сейчасъ призывали... Мы давно не чужіе другъ другу, и я давно знаю, что у васъ на душѣ... Но я боялся, самъ не знаю чего. Я ждалъ минуты—она пришла теперь. Вы спрашиваете, я отвѣчаю; я люблю васъ. (*Олинъка молчитъ*). Что же молчите вы. Зачѣмъ вы дрожите, отчего вы боитесь меня?.. Скажите мнѣ что нибудь... Скажите напримѣръ, почему мужчины, хвастая своею храбростью, лгутъ при этомъ? Почему они медлятъ, боятся сказать завѣтное слово? А вы... вы первыя сказали его? Сказали и не возьмете слова назадъ, не такъ ли?.. Вѣдь я не ошибся, Ольга Николаевна... Оля, ты любишь меня, не правда ли?..

Олинъка (*медленно полушопотомъ*). Правда... (*Поцѣлуй*).

Маріанна. Не утѣшай меня, Русскій; наше дѣло потеряно, я знаю это... Но я презрѣнная женщина! Нѣтъ во мнѣ ни совѣсти, ни религіи! Тамъ умираютъ мои братья, а я здѣсь съ тобою, съ Русскимъ, вино пью... Зачѣмъ тогда помѣшалъ ты убить меня? Я не была бы преступницей, мнѣ бы жить не хотѣлось больше!.. (*Помолчаѣтъ*). Впрочемъ еще не рѣшено навѣрно людьми, гдѣ наше отечество?.. Дѣло отчизны казалось мнѣ святымъ, когда я любила, когда мнѣ было что любить въ ней. Теперь у меня тамъ никого нѣтъ! Когда все родное, все, что было дорого къ жизни, потеряно,—не все ли равно, гдѣ жить и какъ жить?.. И къ чему

служать намъ мораль и религія, когда въ жизни все наоборотъ идетъ!.. Слушай, Русскій, слушай меня внимательно. Наши ксендзы говорятъ: что бы вы ни сдѣлали для насъ, поляковъ, вы враги наши! Это говорятъ тѣ, которые имѣютъ право прощать грѣхи наши, которыя могутъ отворять намъ двери рая! Я Полька, ты Русскій! Я должна была бы ненавидѣть тебя... я... я люблю тебя!..

Скавронскій. (*Медленно*). У меня невѣста есть...

Маріанна. (*Страстно*). Да развѣ я спрашивала тебя объ этомъ?.. Какое мнѣ дѣло до того, мужъ ли ты, или женихъ? Я люблю тебя... (*Поцѣлуй*).

С—ъ. (Ром. Потерянный рай).

(Любовныя письма).

Письмо Татьяны къ Олинъкину.

Я къ вамъ пишу—чего же болѣ?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣньемъ наказать,
Но вы, къ моей несчастной долѣ
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотѣла;
Повѣрьте: моего стыда
Вы не узнали бѣ никогда,
Когда бѣ надежду я имѣла,
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ,
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи,
Вамъ слово молвить, и потомъ
Все думать, думать объ одномъ
И день и ночь до новой встрѣчи.
Но, говорятъ, вы нелюдимъ;
Въ глуши, въ деревнѣ, все вамъ скучно;
А мы... ничѣмъ мы не блеснимъ,
Хоть вамъ и рады простодушно.
Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
Въ глуши забытаго селенья
Я никогда не знала бѣ васъ,

Не знала бь горькаго мученья.
 Души неопытной волненья
 Смиривь со временемъ, (какъ знать)?
 По сердцу я нашла бы друга,
 Была бы вѣрная супруга
 И добродѣтельная мать.
 «Другой!.. Нѣтъ, никому на свѣтъ
 Не отдала бы сердца я!
 То въ вышнемъ суждено совѣтъ...
 То воля Неба—я твоя;
 Вся жизнь моя была залогомъ
 Свиданья вѣрнаго съ тобой;
 Я знаю: ты мнѣ посланъ Богомъ,
 До гроба ты хранитель мой...
 Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся;
 Незримый, ты мнѣ былъ ужь милъ,
 Твой чудный взглядъ меня томилъ,
 Въ душѣ твой голосъ раздавался
 Давно... Нѣтъ, это былъ не сонъ!
 Ты чуть вошелъ, я въ мигъ узнала,
 Вся обомлѣла, запылала,
 И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ!
 Не правда ль? я тебя слышала:
 Ты говорилъ со мной въ тиши,
 Когда я бѣднымъ помогала,
 Или молитвой улаждала
 Тоску волнующей души?
 И въ это самое мгновенье
 Не ты ли, милое видѣнье,
 Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ,
 Приникнулъ тихо къ изголовью?
 Не ты ль съ отрадой и любовью
 Слова надежды мнѣ шепнулъ?
 Кто ты: мой Ангелъ ли хранитель,
 Или коварный искунитель?
 Мои сомнѣнья разрѣши.
 Быть можетъ, это все пустое,
 Обманъ неопытной души!
 И суждено совсѣмъ иное...
 Но такъ и быть! Судьбу мок
 Отнынѣ я тебѣ вручаю,
 Передъ тобою слезы лью,
 Твоей защиты умоляю...
 Вообрази: я здѣсь одна,
 Никто меня не понимаетъ.

Разсудокъ мой изнемогаетъ
 И молча гибнуть я должна.
 Я жду тебя: единымъ взоромъ
 Надежды сердца оживи;
 Иль сонъ тяжелый перерви,
 Увы, заслуженнымъ укоромъ!
 «Кончаю! страшно перечестъ...
 Стыдомъ и страхомъ замираю...
 Но мнѣ порукой ваша честь,
 И смѣло ей себя ввѣряю...»

Письмо Онгина къ Татьянѣ.

«Предвижу все: васъ оскорбитъ
 Печальной тайны объясненье.
 Какое горькое презрѣнье
 Вашъ гордый взглядъ изобразитъ!
 Чего хочу? Съ какою цѣлью
 Открою душу вамъ свою?
 Какому злобному веселью,
 Быть можетъ, поводъ подаю!
 «Случайно васъ когда-то встрѣтя,
 Въ васъ искру нѣжности замѣтя,
 Я ей повѣрить не посмѣлъ:
 Привычкѣ милой не далъ ходу;
 Свою посылаю свободу
 Я потерять не захотѣлъ.
 Еще одно насъ разлучило...
 Несчастной жертвой Ленскій палъ...
 Ото всего, что сердцу мило,
 Тогда я сердце оторвалъ;
 Чужой для всѣхъ, ничѣмъ не связанъ,
 Я думалъ: вольность и покой
 Замѣна счастью. Боже мой!
 Какъ я ошибся, какъ наказанъ!
 «Нѣтъ, поминутно видѣть васъ,
 Повсюду слѣдовать за вами,
 Улыбку устъ, движенье глазъ
 Ловить влюбленными глазами,
 Внимать вамъ долго, понимать
 Душой все ваше совершенство,
 Предъ вами въ мукахъ замирать,
 Блѣднѣть и гаснуть... вотъ блаженство!
 «И я лишень того: для васъ
 Тащусь повсюду на удачу;

Мнѣ дорогъ день, мнѣ дорогъ часъ,
 А я въ напрасной скукѣ трачу
 Судьбой отсчитанные дни;
 И такъ ужъ тягостны они.
 Я знаю: вѣкъ ужъ мой измѣренъ;
 Но чтобъ продлилась жизнь моя,
 Я утромъ долженъ быть увѣренъ,
 Что съ вами днемъ увижусь я...
 «Боюсь: въ мольбѣ моей смиренной
 Увидитъ вашъ суровый взоръ
 Затѣи хитрости презрѣнной—
 И слышу гнѣвный вашъ укоръ.
 Когда бъ вы знали, какъ ужасно
 Томиться жаждою любви,
 Пылать—и разумомъ всечасно
 Смирять волненіе въ крови;
 Желать обнять у васъ колѣни,
 И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ
 Излить мольбы, признанья, пѣни,
 Все, все, что выразить бы могъ;
 А между тѣмъ притворнымъ хладомъ
 Вооружить и рѣчь, и взоръ,
 Вести спокойный разговоръ,
 Глядѣть на васъ веселымъ взглядомъ!..
 «Но такъ и быть: я самъ себѣ
 Противиться не въ силахъ болѣ;
 Все рѣшено: я въ вашей волѣ,
 И предаюсь моей судьбѣ.»

Пушкинъ. (Евгеній Онѣгинъ).

Письмо Вѣры къ Печорину.

«Я пишу къ тебѣ въ полной увѣренности, что мы никогда
 «болѣе не увидимся. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разставаясь
 «съ тобою, я думала то же самое; но небу было угодно испытать
 «меня вторично; я не вынесла этого испытанія, мое слабое серд-
 «це покорилось снова знакомому голосу.... ты не будешь прези-
 «рать меня за это, не правда ли? Это письмо будетъ вмѣстѣ про-
 «щаньемъ и исповѣдью: я обязана сказать тебѣ все, что накопи-
 «лось на моемъ сердцѣ съ тѣхъ поръ, какъ оно тебя любить. Я
 «не стану обвинять тебя: ты поступилъ со мною, какъ поступилъ
 «бы всякій другой мужчина: ты любилъ меня, какъ собственность,

«какъ источникъ радостей, тревогъ и печалей, смѣнявшихся вза-
 «имно, безъ которыхъ жизнь скучна и однообразна. Я это поняла
 «сначала... Но ты былъ несчастливъ, и я пожертвовала собою,
 «надѣясь, что когда нибудь ты оцѣнишь мою жертву, что когда
 «нибудь ты поймешь мою глубокую нѣжность, независящую ни
 «отъ какихъ условій. Прошло съ тѣхъ поръ много времени: я
 «проникла во всѣ тайны души твоей... и убѣдилась, что то была
 «надежда напрасная. Горько мнѣ было! Но моя любовь срослась
 «съ душой моей: она потемнѣла, но не угасла. Мы расстаемся
 «на вѣки, однако ты можешь быть увѣренъ, что я никогда не буду
 «любить другаго: моя душа истощила на тебя всѣ свои сокрови-
 «ща, свои слезы и надежды. Любившая разъ тебя не можетъ смо-
 «треть безъ нѣкотораго презрѣнія на другихъ мужчинъ, не пото-
 «му чтобъ ты былъ лучше ихъ, о, нѣтъ! но въ твоей природѣ есть
 «что-то особенное, тебѣ одному свойственное, что-то гордое и
 «таинственное; въ твоемъ голосѣ, что бы ты ни говорилъ, есть
 «власть непобѣдимая; никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть
 «быть любимымъ; ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекатель-
 «но; ни чей взоръ не общааетъ столько блаженства; никто не
 «умѣетъ лучше пользоваться своими преимуществами и никто не
 «можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что ни-
 «кто столько не старается увѣрить себя въ противномъ.... Про-
 «щай, прощай.... Я погибла, — но что за нужда? Если бъ я
 «могла быть увѣрена, что ты всегда меня будешь помнить, — не
 «говорю ужъ любить, — нѣтъ, только помнить... Прощай; идуть...
 «я должна спрятать письмо...»

Лермонтовъ. (Герой нашего времени).

Письмо Делемики къ Волынскому.

«Не знаю: выше, ниже ли я другихъ женщинъ, но увѣрена,
 что ни одна не можетъ любить тебя, какъ я. Нѣсколько уже дней
 извѣстно мнѣ, что ты женатъ. О женщинѣ, которую называютъ
 твоей женой, говорили при государынѣ. Сначала поразило меня
 это извѣстіе, не скрою отъ тебя, но оно пришло поздно. Я не
 могу переменить себя, не могу покинуть любви своей; она силь-

нѣе меня, сильнѣе самой судьбы! И какъ, и откуда изгоню я тебя? Нѣтъ капли крови во мнѣ, которая не напитана была бы самою пламенною къ тебѣ любовью; нѣтъ біенія сердца, которое не отозвалось бы ею, — мѣста во всемъ существѣ моемъ, гдѣ бы ты не жилъ. Я вся твоя! Имѣй сто женъ, сто любовницъ — я твоя, ближе, чѣмъ кора при деревѣ, растеніе при землѣ. Дѣлай изъ меня, что хочешь, какъ изъ вещи, которая тебя утѣшаетъ и которую, измявши, можешь покинуть, какъ изъ плода, который ты воленъ высосать и — бросить!... Я создана на это; мнѣ это опредѣлено при рожденіи моемъ. Говори мнѣ, что хочешь, противъ себя; пускай цѣлый міръ видитъ въ тебѣ дурное: я ничего не слышу, ничего не вижу, кромѣ тебя — прекраснаго, возвышеннаго, обожаемаго мною! Ты виноватъ предо мною?... Никогда! Ты преступникъ изъ любви же ко мнѣ: могу ль тебя наказывать? Каждый ударъ на тебѣ повторился бы сторицею на моемъ сердцѣ. Видишь, я женщина слабая, самая слабая женщина!»

Лажечниковъ. (Ледяной домъ, ч. III, гл. 8).

(Любовь, ухаживаніе и обольщеніе).

Донъ-Жуанъ. Мнѣ, мнѣ молиться съ вами, Донна-Анна!

Я недостойнъ участи такой.

Я не дерзну порочными устами

Мольбу святую вашу повторять;

Я только издали съ благоговѣньемъ

Смотрю на васъ, когда, склонившись тихо,

Вы кудри черные на мраморъ блѣдный

Разсыплете — и мнится мнѣ, что тайно

Гробницу эту ангелъ посѣтилъ.

Въ смущенномъ сердцѣ я не обрѣтаю

Тогда моленій. Я дивлюсь безмолвно

И думаю: счастливъ, чей хладный мраморъ

Согрѣтъ ея дыханіемъ небеснымъ

И окрѣпленъ любви ея слезами...

Донна-Анна. Ну что? чего вы требуете?

Д.-Жуанъ. Смерти!

О, пусть умру сейчасъ у вашихъ ногъ,

Пусть бѣдный прахъ мой здѣсь же похоронять,

Не подлѣ праха, милого для васъ,
Не тутъ — не близко — далѣ гдѣ нибудь,
Тамъ — у дверей, у самаго порога,
Чтобъ камня моего могли коснуться
Вы легкою ногой или одеждой,
Когда сюда, на этотъ гордый гробъ,
Пройдете кудри наклонять и плакать.

Д. Анна. Вы не въ своемъ умѣ.

Д. Жуанъ. Или желать

Кончины, Донна-Анна, знакъ безумства?
Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ хотѣлъ
Въ живыхъ остаться, я бъ имѣлъ надежду
Любовью нѣжной тронуть ваше сердце;
Когда бъ я былъ безумецъ, я бы ночи
Сталъ провождать у вашего балкона,
Тревожа серенадами вашъ сонъ;
Не сталъ бы я скрываться, — я напротивъ,
Старался-бъ быть вездѣ замѣченъ вами;
Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ не сталъ
Страдать въ безмолвіи...

Д. Анна. Такъ это вы...

Молчите?

Д. Жуанъ. Случай, Донна-Анна, случай
Увлекъ меня! Не то вы бъ никогда
Моей печальной тайны не узнали...

Д. Анна. И любите давно ужъ вы меня?

Д. Жуанъ. Давно или недавно, самъ не знаю,
Но съ той поры лишь только знаю цѣну
Мгновенной жизни, только съ той поры
И понялъ, что значить слово счастье.

Д. Анна. Подите прочь — вы человекъ опасный.

Д. Жуанъ. Опасный! Чѣмъ?

Д. Анна. Я слушать васъ боюсь.

Д. Жуанъ. Я замолчу; лишь не гоните прочь

Того, кому вашъ видъ одна отрада.

Я не питаю дерзостныхъ надеждъ,

Я ничего не требую, но видѣть

Васъ долженъ, когда уже на жизнь

Я осужденъ...

Д. Жуанъ. Счастливецъ! Онъ сокровища пустыя

Принесъ къ ногамъ богинь: вотъ за что

Вкусилъ онъ райское блаженство. Если бъ

Я прежде васъ узналъ — съ какимъ восторгомъ

Мой санъ, мои богатства, все бы отдалъ,

Все за единый благосклонный взгляд!
 Я былъ бы рабъ священной вашей воли!
 Всѣ ваши прихоти я бѣ изучалъ,
 Чтобъ ихъ предупреждать, чтобъ ваша жизнь
 Была однимъ волшебствомъ непрерывнымъ!
 Увы, судьба судила мнѣ иное?

Пушкинъ. (Каменный гость, сц. 3 и 4).

(Любовное обольщеніе).

Элеонора (*держитъ карточку въ рукахъ, равнодушно, медленно и холодно.*) Вы, г. Росвейнъ? Вы просили передать мнѣ вашу карточку... (*Смотритъ на него, какъ будто ожидаетъ, чтобъ онъ объяснилъ ей причину своего посещения.*) Вы авторъ той оперы, которую играли сегодня?.. Вы питомецъ графа Карниоли?.. Вы родились въ Далмаціи... гдѣ-то въ тѣхъ краяхъ?... Объяснитесь, пожалуйста, въ чемъ могу я имѣть удовольствіе быть вамъ полезной.

Росвейнъ (*въ смущеніи*). Ваша свѣтлость, я не подумалъ...

Элеон. Вы не думали? Боже мой, что съ вами? Вамъ дурно? Вы страшно блѣдны...

Росв. (*сквозь зубы.*) Я ухожу, княгиня, я пришелъ загнѣть только, чтобъ возвратитъ вамъ платокъ... Мнѣ сказали, что онъ принадлежитъ вамъ.

Элеон. (*съ презрѣніемъ.*) Да вамъ дурно — я это вижу, я позвоню...

Росв. Не звоните, ради Бога! я ухожу...

Элеон. Но вы падаете... садитесь (*повелительно*), да садитесь же!

Росв. (*сидясь*). Простите, княгиня, я усталъ... страшно усталъ.

Элеон. Г. Росвейнъ, позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ. Въ другой разъ, когда вы будете вызывать привидѣнія, удостовѣрьтесь прежде въ своихъ силахъ... Ну, а теперь успокойтесь (*улыбаясь*). Такъ у васъ нашлась сегодня свободная минута и вы рѣшились сдѣлать мнѣ честь пожертвовать ее мнѣ. (*Сидится на*

льво.) Вамъ вздумалось придти ко мнѣ въ полночь, не соблюдая никакихъ приличій; — такъ и должно быть между старинными друзьями, какъ мы съ вами, не правда ли? Къ счастью у меня доброе сердце — я не сержусь на васъ.... Но довольно объ этомъ. Трудитесь г. Росвейнъ, и подарите намъ на будущій годъ еще такую оперу, какъ «Взятіе Гренады». Я отъ души буду вамъ аплодировать (*смѣясь*), но не выпущу изъ рукъ платка, (чтобы не помѣшать вашимъ занятіямъ. (*Росвейнъ встаетъ.*) А какъ зовутъ вашу невѣсту?

Росв. (*гордо.*) Ея имя—истина.

Элеон. (*спокойно.*) Я что-то не слыхала такого женскаго имени. Вы ее очень любите?

Росв. Болѣе всего въ мірѣ.

Элеон. И прекрасно! Вотъ вы и оправились! Стоило только упомянуть о ней — вы совсѣмъ ожили. Сознаться, что я умѣю ходить за больными?

Росв. Благодарю васъ.

Элеон. Докажите мнѣ свою благодарность: сыграйте что-нибудь и тогда вы совсѣмъ оправитесь.

Росв. (*въ неръшимости.*) Княгиня...

Элеон. Мнѣ кажется, что вы это можете для меня сдѣлать.

Росв. Повинуюсь. (*Садится за органъ и играетъ мелодію сначала съ большою силою и энергіею. Элеонора уходитъ въ глубину галлерей и слѣдитъ за Росвейномъ. Она оборачивается и, опершись о колонну, смотритъ въ садъ. Лунный свѣтъ падаетъ на нее. Росвейнъ начинаетъ въ нее вглядываться и музыка переходитъ въ тихіе и сладкіе напѣвы, потомъ въ страстную серенаду и мало по малу уможаетъ. Онъ встаетъ, пристально смотритъ на неподвижную Элеонору, подходитъ къ ней и низко кланяется.) Я кончилъ. Прощайте, княгиня.*

Элеон. (*какъ будто пробудясь изъ забытья.*) Прощайте.

Росв. (*уходитъ, но дойдя до галлерей, поспѣшно возвращается.*) Вы простили меня, княгиня?

Элеон. Нѣтъ, не простила.

Росв. Развѣ можно негодовать на безумнаго? а безуміе—ре-

месло мое. Не оно ли доставило вамъ нѣсколько минутъ блаженства, заставивъ васъ смѣяться, а, можетъ быть, и плакать?.. Поймите, княгиня, какой цѣной мы покупаемъ это могущество! Представьте себѣ, что этотъ очарованный міръ воображенія, который такъ невольно приковываетъ ваше вниманіе въ театрѣ, постоянно владѣетъ нами.... Эта жгучая химера постоянно у насъ передъ глазами; она вертится около насъ, манитъ къ себѣ, влечетъ.... и опутываетъ. Этотъ-то волшебный міръ, тѣнь, искру котораго я поймалъ въ глазахъ вашихъ.... я думалъ.... я надѣяся найти здѣсь... я бѣжалъ, летѣлъ сюда въ надеждѣ осуществить мечты свои... если бѣ даже мнѣ пришлось искупить все это цѣною упрековъ и вѣчныхъ угрызений совѣсти...

Элеон. (*сидя на право*). Ну, что жъ, вы нашли, чего искали?

Росв. Да, нашель. Въ то время, какъ вы стояли, освѣщенная луной, мнѣ чудилось, подъ обаяніемъ этой дивной ночи, что я живу въ томъ очарованномъ мірѣ, куда стремится каждая душа, которая жаждетъ прекраснаго.... Я видѣлъ... да, я видѣлъ собственными глазами балконъ Джульетты, освѣщенный мерцаніемъ полной луны... Около меня шелестило платье Десдемоны.... Въ эту минуту я утолялъ эту жажду прекраснаго — о которой сейчасъ вамъ говорилъ — изъ божественнаго кубка совершенства... и кубокъ этотъ подавала мнѣ чья-то рука и наполняла его до самыхъ краевъ. О!... благословляю эту руку, какъ ни жестока, какъ ни холодна одна!... (*Схватываетъ руку Элеоноры и немедленно опускаетъ ее, какъ будто испугавшись своего поступка*).

Элеон. Одно слово, г. Росвейнъ; вы меня любите?

Росв. Княгиня...

Элеон. Да отвѣчайте же! Мнѣ кажется, что подобный вопросъ.... особенно, когда я съ нимъ обращаюсь къ комунибудь, заслуживаетъ вниманія.

Росв. Княгиня, я только что говорилъ другой...

Элеон. (*поспѣшно вставая и прерывая*). Г. Росвейнъ, мнѣ очень хочется убавить у васъ немного спѣси. Вы поэтъ, слѣдовательно, любовь для васъ что-то въ родѣ официальной науки... Но я вамъ докажу, что слабая женщина.... слабая потому только,

что она женщина и у нея есть душа... я вамъ докажу, что она болѣе знакома съ этимъ чувствомъ, нежели вы. И такъ вы любите—кого? Право не знаю... да вы и сами не знаете... Но положимъ вы и въ самомъ дѣлѣ любите... Вы дрожите, боитесь... боитесь страданій, упрековъ совѣсти, словомъ, всего боитесь! Но мы, женщины, мы любимъ не такъ. Если бѣ я когданибудь полюбила.... если бѣ истинная страсть закралась ко мнѣ не въ голову, какъ поэту, а въ сердце, во всѣ жилы мои.... то, божусь, я бы ничего не боялась, можетъ быть, я сдѣлалась бы преступною.... но не испугалась бы любви.

Росв. Княгиня!...

Элеон. Да, я смѣло бы взглянула въ глаза этому призраку, и смѣло, безъ притворства, бросилась бы въ его пагубныя объятія! (*Подходитъ къ нему и продолжаетъ страстно*.) Да, Росвейнъ, для меня не было бы преградъ. Если бѣ мнѣ пришлось вмѣстѣ съ жизнью повергнуть къ стопамъ того, кого бы я полюбила, мое честное имя, всю мою будущность... я бы торжественно, публично кинула перчатку цѣлому свѣту, чтобы сбросить съ себя все... оторваться отъ всего и оставить себѣ только любовь... одну любовь!...

Росв. Какъ жестоко вы мной играете!... (*Падаетъ въ изнеможении на стулъ, нальво отъ Элеоноры*).

Элеон. (*Понизивъ голосъ, съ нѣжнымъ и грустнымъ выраженіемъ*.) И если бѣ любовь моя была отвергнута, въ чемъ я не сомнѣваюсь—не правда ли, Andrea? то мнѣ бы не было страшно испытать это униженіе... Я бы убѣжала одна, совершенно одна, куда глаза глядятъ... куданибудь далеко... въ неизвѣстный людямъ край.... счастливая, съ улыбкою на устахъ, "вотъ какъ теперь.... и увяла бы тамъ отъ любви... умерла бы отъ страсти.... Прощайте. Сочиняйте сонеты на любовь. Теперь вы знаете, что это за чувство? Прощайте. (*Наклоняется, жарко цѣлуетъ его въ голову и уходитъ. Росвейнъ въ совершенномъ изнеможении встаетъ и уходитъ за нею*).

О. Фелье. (Далила. Д. II, явл. 6).

(Борьба любви).

МАРІОНЪ. Въ васъ много страннаго, Дидье... инаго
Совсѣмъ не понимаю я,
Но все жъ я васъ люблю.

ДИДЬЕ. Вы любите меня:
„Люблю“ - великое, Мари, святое слово.
Произносить его нельзя всего,
Не взвѣсивъ, не сознавъ заранѣе всей силы,
Глубокаго значенія его.
Вы любите меня, мой ангелъ милый.
Какъ радъ тому повѣрить былъ бы я,
Но вы еще почти дитя;
Ни жизни, ни себя еще вполнѣ не зная,
Вы говорите, можетъ быть,
Что любите, совсѣмъ не понимая,
Что значить искренно и глубоко любить?
Такъ знайте же, Мари, любовь не шутка.
Не все въ ней радости; то роковая страсть...
Ея не слушаетъ ни воли, ни разсудка
Всесокрушающая власть.
Порой она, какъ уголь подъ золой,
Въ душѣ невидимо таятся;
Но часъ наступить роковой—
И въ свѣтъ она и въ пламя обратится.
Тогда преграды сокрушивъ,
И въ прахъ, и въ пепелъ обративъ
Всѣ наши помыслы и всѣ другія страсти,
Полна непобѣдимой власти,
Она царить всецѣло надъ душой,
То освѣжающей грозой
Всѣ наши чувства обновляя,
То радость, счастье и покой
Своимъ дыханьемъ отравляя.
Блаженство-ли, терновый-ли вѣнецъ
Несокрушимая ея даритъ намъ сила—
Намъ все равно! Для насъ одинъ конецъ
И лишь одинъ исходъ—могила.
Теперь скажите мнѣ, вы о любви такой
Мнѣ говорите?

МАРІОНЪ (*чуть не со слезами и едва слышно*).

Милый мой!...

ДИДЬЕ. Такой любовью пылкой и глубокой
Я васъ люблю! И какъ мнѣ не любить?

Лишь васъ узнавъ, я началъ жить!
До той поры скиталецъ одинокій
Безъ цѣли и надеждъ я посвѣту бродилъ,
И въ тѣ недолгія, но горькія скитанья
Извѣдалъ все: борьбу, страданья...
Но не жилъ я!... Тогда я не любилъ!

МАРІОНЪ (*горячо*). Я тоже васъ люблю, и можетъ быть, сильнѣе,
Чѣмъ вы меня! Сюда явилась я
Для васъ однихъ. На вѣкъ считать меня своею
Вы можете.

ДИДЬЕ (*падая къ ея ногамъ*). Мари, не обмани меня.
Жестокое было бы завѣсы рай
Предъ грѣшникомъ минутно распахнуть,
И вдругъ несчастнаго столкнуть
Въ кромѣшный адъ! О, умоляю,
Не обмани, не обмани меня.

Да, это было бы безбожно.

МАРІОНЪ. Что вамъ сказать еще, не знаю я,
Но сдѣлать все готова, что возможно,
Чтобъ любовь мою, Дидье, вамъ доказать.

ДИДЬЕ. Для этого достаточно сказать
Одно лишь слово.

МАРІОНЪ (*живо*). О, заранѣе спокойно
Даю вамъ слово....

ДИДЬЕ. Быть моей женой?

МАРІОНЪ (*про себя*). Зачѣмъ любви его я недостойна.
О, Боже! сжался надо мной!

ДИДЬЕ. Согласны вы, Мари?

МАРІОНЪ (*тихо*). Не знаю... (*Еще тише*). Нѣтъ, не могу...

ДИДЬЕ. А, понимаю!

Я предложеніемъ своимъ васъ оскорбилъ,
Быть можетъ? Да, бѣднякъ безродный
Не пара вамъ.—А я-то васъ любилъ
И смѣлъ надѣяться! О, сумасбродный,
Погибшій, жалкій человѣкъ!...
Забудьте обо мнѣ и о моей печали
И будьте счастливы!... Теперь на вѣкъ
Прощайте! (*Идетъ къ двери, Маріонъ бросается къ нему*).

МАРІОНЪ. О, Дидье! Что вы сказали!...

Давно-ль клялась я вамъ, что васъ люблю?...
Чего же болѣе? Ахъ! объ одномъ молю—
Дидье, Дидье, не уходите! (*горько плачетъ*).

ДИДЬЕ (*возвращаясь*). Я огорчаю васъ? Простите!
Простите же и сжальтесь надо мною...
Скажите «да» — и васъ своей женою

Я увезу въ цвѣтуцій уголокъ,
И тамъ мы будемъ жить. любовію согрѣты,
Вдали отъ всѣхъ, отъ шума свѣта
И отъ докучливой, ненужной суеты...
Надежды, мысли и мечты —
Все, все другъ другу повѣряя... (*Молчаніе*).
Ну что-жь? Я жду...

МАРІОНЪ (*задумчиво*). Да, жизнью рай
Была-бъ такая жизнь...

ДИДЬЕ. И это твой отвѣтъ (*обнимая ее*).
Согласна ты? согласна?

МАРІОНЪ (*вырываясь изъ его объятий и падая на кресло*).
Нѣтъ.

ДИДЬЕ (*холодно*). Что дѣлать! видно рѣшено судьбою
Мнѣ счастья не знать... Докучною мольбою
Я утруждать не стану больше васъ.

МАРІОНЪ (*въ сторону*). Пусть будетъ проклять страшный часъ,
Когда мы встрѣтились! (*ему*)
О, если бы вы знали...

Я объясню вамъ все...

ДИДЬЕ. Что вы читали? (*Беретъ со стола книгу и читаетъ*).
«Цвѣты любви въ стихахъ. Посвящено Маріонъ де Лормъ...»
(*съ горькимъ смѣхомъ*).

И горько и смѣшно.

Да, вдохновеніе поэты почерпаютъ
Теперь въ грязи! и книги посвящаютъ
Кому-жь? Маріонъ де Лормъ!... Ну господа,
И честь и слава вамъ! (*къ Маріонъ*). Сюда,
Скажите мнѣ, какъ эта дрянъ попала?

(*съ отвращеніемъ бросаетъ книгу на полъ*).

МАРІОНЪ (*опустивъ глаза, говоритъ тихо, запинаясь*).

Случайно... Право, я не знала,

А то не стала бы читать.

ДИДЬЕ. Я вѣрю, что не знали. О, конечно,
И непорочной, и безгрѣшной,
Вамъ никогда никто не могъ сказать
Кто эта женщина. Всѣ говорятъ, она
Очаровательна, какъ ангелъ воплощенный,

Съ душею-жь низкою, до нельзя развращенной,

И жизнь ея позорна и гнусна.

Мужчина каждый къ ней свободно

Подходитъ, требуя любви—и отдаетъ...

Нѣтъ, я ошибся—продаетъ

Она любовь свою кому угодно.

МАРІОНЪ (*закрываетъ лицо руками, говоритъ про себя*).

О, горе, горе! Надъ собой
Готова сдѣлать я не знаю что....

Гюго. (Маріонъ, д. I, яв. 3).

(Борьба любви).

СЮЛЛИВАНЪ (*нѣжно Леліи, которой дурно*). Успокойтесь...
придите въ себя, милая Лелія!..

ЛЕЛІЯ (*мало по малу приходя въ себя, слабымъ голосомъ*). О,
Боже мой! зачѣмъ я не умерла!..

СЮЛ. Полноте!.. къ чему эти ужасныя мысли?.. Я готовъ от-
дать мою жизнь, чтобы очистить васъ отъ малѣйшаго подозрѣнія!
Еще не зная вашего имени... я уже вѣрилъ въ чистоту и непо-
рочность вашего сердца!.. О, Лелія!.. если бъ вы могли загля-
нуть въ глубину моей души... если бы видѣли въ ней всѣ стра-
данія и мученія, какія я долженъ былъ перенести вчера въ ва-
шемъ домѣ... тогда бы удостовѣрились, что нѣтъ жертвы, кото-
рую бы, какъ дань моего счастья, не рѣшился я принести для ва-
шего спокойствія.

ЛЕЛ. Благодарю васъ, г. Сюлливанъ... благодарю, что вы
не отняли у меня единственного утѣшенія въ жизни!.. я знаю...
я ужъ потеряна въ глазахъ моихъ родныхъ и въ мнѣніи свѣта...
теперь, кромѣ васъ, у меня нѣтъ другой опоры... (*съ увлече-
ніемъ*). Теперь вы властелинъ моей судьбы!..

СЮЛ. Вашей судьбы!

ЛЕЛ. (*вставъ, рѣшительно*). Говорите... приказывайте... Я
готова слѣдовать за вами повсюду!!.. Я съ гордостью буду носить
ваше имя!..

СЮЛ. (*едва воздерживаясь отъ восторга*). Возможно-ли?..
Вы... (*Минута молчанія*). Нѣтъ, Лелія!.. нѣтъ!.. Я не дол-
женъ... не могу рѣшиться на поступокъ недостойный ни васъ, ни
меня!.. (*съ чувствомъ*). Я васъ люблю... люблю, какъ нельзя
больше любить, какъ никто не будетъ васъ любить! Въ первую
минуту, когда я увидѣлъ васъ здѣсь... мною овладѣлъ какой-то
безумный восторгъ... я не могъ обуздать своихъ чувствъ!.. го-

ворю вамъ чистосердечно... въ глазахъ вашихъ, я не хочу быть лучше того, чѣмъ наградила меня Богъ!.. Если бъ я повиновался только силѣ моей любви... повѣрьте, не медля ни минуты, посвятилъ бы вамъ всю мою жизнь... и какъ небесную милость принялъ бы то счастье, которымъ вы хотите надѣлать меня!.. (*Медленно съ глубокимъ чувствомъ*). Но надъ моей любовью, Лелія... преобладаютъ другія чувства... Это честь моя... честь ваша... и вся ваша будущность!.. Въ жизни нашей, Лелія, невозможно быть счастливымъ однимъ своимъ блаженствомъ!.. счастье наше заключается въ счастіи другихъ и въ безропотномъ исполненіи нашихъ обязанностей!.. (*съ волненіемъ*). Я испыталъ это, Лелія... У меня была мать... которая любила меня безпредѣльно... для которой я самъ отдалъ бы мою жизнь!... а между тѣмъ я избралъ, противъ ея воли, сценическое поприще... и этимъ невыразимо огорчилъ и опечалилъ ее!.. Бѣдная матушка! она предвидѣла и предсказала мою мучительную будущность!.. Она меня простила... но я никогда не могъ себя простить... и когда она скончалась... ея слезы тяжелымъ камнемъ пали на мою совѣсть!.. воспоминаніе это до сихъ поръ еще терзаетъ меня!.. (*Отвернувъ слезу*). Никакая слава, никакіе успѣхи не въ состояніи выкупить моихъ мученій!

Лел. (*съ волненіемъ*). Что я слышу!..

Сюл. Всякій день укоряю я себя за мой ужасный поступокъ, который, быть можетъ, ускорилъ ея кончину!

Лел. (*примѣняя его слова къ себѣ*). О, Боже!

Сюл. Подумайте же, Лелія... если и вашъ отецъ не перенесетъ вашего послушанія...

Лел. (*съ крикомъ*). Не договаривайте!..

Сюл. (*поспѣшно*). О! тогда вы сами будете презирать меня... и поступите справедливо!

Лел. (*пораженная*). Нѣтъ! нѣтъ! Это невозможно... а между тѣмъ, одна мысль... о Боже мой!... Боже мой!.. Что мнѣ дѣлать?..

Сюл. (*взявъ ее за руку*). Дѣлайте то, что говоритъ въ эту минуту ваше сердце!.. Но прежде, чѣмъ мы разстанемся навсегда.. (*Движеніе Леліи*) выслушайте, что скажетъ вамъ сердце честнаго

человѣка: оно желаетъ, чтобъ моя Лелія снова заняла свое почетное мѣсто въ свѣтѣ... чтобъ она могла показаться въ немъ безъ смущенія съ яснымъ челомъ... чтобъ она могла гордиться любовью своего отца... и безропотно покориться его волѣ... Наконецъ, чего желаю я больше всего... чтобы въ будущемъ дѣти ея гордились своей матерью, не увлекались пагубными примѣрами и никогда не терзали ея душу!

Лел. (*со страхомъ*). Г. Сюзливанъ!

Сюл. Не оставляйте своего отца, Лелія!.. Ваша покорность... ваша нѣжность успокоятъ и осчастливятъ закатъ его жизни!.. Въ этихъ попеченіяхъ заключается первая и отрадная обязанность дочери!.. Если мужъ, котораго вамъ назначить отецъ, не оправдаетъ вполнѣдствіи его надеждъ... если онъ увидитъ ваши страданія... повѣрьте, Лелія... онъ будетъ болѣе васъ несчастенъ, потому что вы покорились его волѣ!.. Не ропщите на него и въ то время, Лелія...

Лел. (*съ увлеченіемъ*). Я покоряюсь вамъ во всемъ... вы слышали... я уже вамъ сказала, что вы властелинъ моей судьбы!.. Приказывайте!.. даю вамъ клятву, я исполню все!

Сюл. (*скрывая волненіе и стараясь казаться спокойнымъ*). И такъ... слушайте же меня, Лелія... я отведу васъ къ г. Дженкинсу!.. Я скажу ему: вотъ ваша дочь... она все также чиста... и достойна васъ, какъ прежде! Возьмите ее... я вамъ ее возвращаю!..

Мелвилл. (Любовь и предразсудокъ, д. III, явл. 12).

(Любовь, періодъ соглашенія).

(*Садъ. Юлія у окна, Ромео передъ нимъ. Ночь*).

Ромео. ...О говори же, свѣтлый ангелъ. Блещешь Ты въ этой тьмѣ надъ головой моей, Какъ блещетъ неба посланецъ крылатый, Когда предъ изумленными очами Во прахъ повергшихся людей, опережаетъ Онъ облаковъ тяжелый ходъ И по воздушной выси рѣетъ.

- Юлія. О Ромео, Ромео! Отчего, зачѣмъ
Ты Ромео? Отрекись ты отъ отца,
Отъ имени ты откажись, иль если
Нельзя ужъ то, такъ поклянись въ любви ты
И я не буду больше Капулетъ.
- Ромео. Еще ли слушать мнѣ, иль говорить?
Юлія. Одно твое лишь имя—врагъ мнѣ... Но вѣдь ты
Самъ по себѣ, ты не Монтекки. Что такое
Монтекки? Не рука вѣдь это, не нога
И не лицо, не тѣла членъ какой;
Не человѣка часть... Зовись же ты иначе!
И что такое—имя? Что зовемъ мы розой,
Зовись она иначе, запахъ тотъ же!
И Ромео, не зовись онъ Ромео, все бы
Прекрасенъ и безъ имени остался.
О, сбрось ты имя, Ромео, и за имя,
Которое—не часть же самаго тебя,
Возьми ты всю меня!
- Ромео. Ловлю тебя на словѣ...
Ты милымъ назови меня своимъ—
И я переимену, и я ужъ больше
Не Ромео!
- Юлія. Кто ты, тьмой ночью скрытый
Подслушавшій признанія мои?
- Ромео. Ужъ я теперь не знаю, какъ и зваться!
Мнѣ прозвище мое, моя святая,
Отнынѣ гнусно... врагъ оно тебѣ...
И, будь оно лишь на бумагѣ, я бы
Его теперь на вѣки зачеркнулъ!
- Юлія. Еще ста словъ въ ухахъ не прозвучало,
Произнесенныхъ этимъ голосомъ, а мнѣ
Знакомы словно эти звуки!.. ты
Не Ромео ль увь! и не Монтекки ль?
- Ромео. Ни тотъ и ни другой, моя святая,
Когда тебѣ тотъ и другой противны!
- Юлія. Какъ ты пришелъ, скажи мнѣ, и зачѣмъ?...
Стѣна и высока и неприступна...
Ты вспомни только, кто ты?... Смерть тебѣ,
Коль здѣсь тебя мои родные встрѣтятъ!
- Ромео. На легкихъ крыльяхъ страсти черезъ эту
Я стѣну перенесся... Удержать ли
Любовь преградамъ каменнымъ?.. Она
Что можетъ сдѣлать, то и смѣетъ сдѣлать;
И нѣтъ мнѣ нужды до твоихъ родныхъ!
- Юлія. Тебя убьютъ они, коли увидятъ.

- Ромео. Увы! Опаснѣй мнѣ твои глаза
Чѣмъ двадцать ихъ мечей... Лишь ласково взгляни ты,
И закаленъ я противъ ихъ вражды.
- Юлія. Дай Богъ, чтобы тебя не увидали!
- Ромео. Отъ взоровъ ихъ я скрытъ покровомъ ночи.
А если ты меня не любишь,—мнѣ все
Равно тогда, хотя бъ и увидали!
Конца своей я жизни отъ вражды ихъ
Желаю лучше, чѣмъ отстрочки смерти
Холодностью твоею...
- Юлія. Кто сюда
Дорогу указалъ тебѣ?
- Ромео. Любовь,
Которая искать ее велѣла...
Она совѣтъ дала мнѣ, я—глаза ей...
Я не морякъ, но будь ты далеко,
Какъ твердая земля за дальнимъ моремъ,
Пустился бъ за такимъ товаромъ я.
- Юлія. Ты знаешь, маска тьмы теперь скрываетъ
Лицо мое; а то бы на щекахъ ты
Дѣвичьяго стыда увидѣлъ краску,
Стыда за всѣ мои за рѣчи къ ночи
Тобой подслушанныя. Рада я
Была бы соблюсти приличье; рада
Была бы отпереться отъ того,
Что я сказала... но прощай пристойность!
Меня ты любишь ли? ты, знаю, да, отвѣтишь,
А я повѣрю на слово... Но если
И поклянешься—можешь измѣнить
Ты клятвѣ. Только что смѣется, говорятъ
Юпитеръ надъ любовнымъ вѣроломствомъ!
О милый Ромео! Если вправду любишь—
Скажи ты честно; если жъ ты подумалъ
Что достаюся слишкомъ я легко,
Нахмурю брови я, сурова стану
И буду говорить все нѣтъ; чтобы ты
Ухаживалъ за мной, а то ни за что въ мирѣ...
О, мой Монтекки!.. Слишкомъ влюблена я;
Меня сочтешь ты вѣтренной, пожалуй;
Но вѣрь, синьоръ, вѣриже тѣхъ я буду,
Которыя держать себя умѣютъ.
Я тоже бы себя сдержала—надо
Признаться въ томъ—когда бы не подслушалъ,
Безъ моего ты вѣдома, моихъ
Любви признаній искреннихъ. Прости же

Ты мнѣ и въ легкомысліи меня ты
Не упрекай за то, что только ночь
Тебѣ открыла темная случайно.

Ромео. Синьора, я клянусь луной святою,
Сребрящею верхи деревъ, покрытыхъ
Плодами...

Юлія. Не клянися ты луною,
Измѣнчивой луною, каждый мѣсяць
Мѣняющею ликъ свой,—да не будетъ
Подобна ей твоя любовь!

Ромео. Такъ чѣмъ же
Велишь мнѣ клясться?

Юлія. Не клянись совсѣмъ ты,
Иль милымъ существомъ своимъ, кумиромъ
Единственнымъ моимъ ты поклонися—
И я повѣрю.

Ромео. Если сердца страсть...

Юлія. Нѣтъ не клянись!... Хоть ты моя и радость,
Но нашъ союзъ не радостенъ ночной мнѣ...
Онъ слишкомъ быстръ, нежданъ, внезапно слишкомъ,
Похожъ на молнію, которой нѣтъ ужъ,
Когда мы говоримъ: сверкаетъ!.. Милый,
Покойной ночи! Нашъ цвѣтокъ любви,
Быть можетъ, пышно расцвѣтетъ подъ жаркимъ
Дыханьемъ лѣта въ новое свиданье;
Покойной ночи, доброй ночи! Сладокъ
Да будетъ сонъ твой!.. Какъ дышать мнѣ сладко!

Ромео. И ты меня оставишь безъ отрады?

Юлія. Какая же возможна въ эту ночь?

Ромео. Любовью на любовь обмѣнъ ненарушимый.

Юлія. Я отдала свою еще до просьбы—

И жаль, что нечего мнѣ больше отдавать.

Ромео. Какъ? ты бы взять ее назадъ хотѣла?

Юлія. Чтобъ щедрой быть и вновь тебѣ отдать,
Но я—чего желаю, тѣмъ владѣю!

Во мнѣ, какъ море, безгранична щедрость

И глубока любовь: чѣмъ больше я

Даю тебѣ, тѣмъ больше я имѣю...

Любовь и щедрость—объ безъ конца,

Шекспиръ. (Ромео и Юлія, сц. 7).

(Любовь страсть).

Юлія. О, кони огненогіе! Спѣшите
Вы вскачь къ жилищу Фебову. Когда бы

Былъ Фаэтонъ возницею, давно
Угналъ бы васъ онъ къ западу, и ночь
Тѣнистая спустилась бы на землю.
Покровъ густой, о ночь, приютъ любви,
Раскинь скорѣй, чтобы людскіе взоры
Закрылися и Ромео трепеталъ
Въ объятіяхъ моихъ, никѣмъ незримый,
Не порицаемый. Свѣтло съ избыткомъ
Любовникамъ среди восторговъ ихъ,
Отъ блеска собственной красоты,—и если
Любовь слѣпа, тѣмъ лучше ладить съ ночью.

Приди же, о торжественная ночь,
Ты, величавая жена, вся въ черномъ,—

И проиграть, выигрывая, ты
Меня къ игрѣ таинственной, которой
Двѣ непорочности залогомъ служатъ,
Наставь, о ночь! Приливъ нескромной крови
Закрой ты на щекахъ моихъ, своей
Мантилейю черною, пока любовь,
Сначала робкая, смѣлѣй не станетъ,
Не обратится въ долга чистоту.

Придите, ночь и Ромео, ты — мой день въ ночи:

День потому, что прилетишь
На крыльяхъ ночи ты бѣлѣй, чѣмъ первый снѣгъ

На перьяхъ ворона... Голубка ночь,
Ночь ласковая съ черными очами!

Подай мнѣ Ромео моего, а если

Умретъ онъ, ты его тогда возьми,

На мелкія на звѣздочки разрѣжь

И сводъ небесъ такъ ярко озарится,

Что влюбится весь міръ въ тебя, о ночь,

И перестанетъ дню тщеславному молиться...

О! домъ любви себѣ купила я,

Но не владѣю имъ еще: сама

Я куплена, но не взята доселѣ...

Такъ скученъ этотъ день, какъ ночь подъ праздникъ

Скучна нетерпѣливому ребенку,

Которому обновку сшили, а надѣтъ

Обновки не даютъ...

Тамъ же. (Сц. 13).

МАРІЯ. Послушай, гетманъ, для тебя

Я позабыла все на свѣтѣ.

На вѣкъ однажды полюбя,

Одно имѣла я въ предметъ—

Твою любовь. Я для нея
Сгубила счастье мое,
Но ни о чемъ я не жалѣю.
Ты помнишь: въ страшной тишинѣ
Въ ту ночь, какъ стала я твоею,
Меня любить ты клялся мнѣ,
Зачѣмъ же ты меня не любишь?

МАЗЕПА. Мой другъ, несправедлива ты!
Оставь безумныя мечты,
Ты подозрѣньемъ сердце губишь.
Нѣтъ, душу пылкою твою
Волнуютъ, ослѣпляютъ страсти.
Марія, вѣрь, тебя люблю
Я больше славы, больше власти.

МАРІА. Неправда, ты со мной хитришь.
Давно ль мы были неразлучны!
Теперь ты ласкъ моихъ бѣжишь,
Теперь онѣ тебѣ докучны,
Ты цѣлый день въ кругу старшинъ,
Въ пирахъ, развѣздахъ—я забыта,
Ты долгой ночью иль одинъ,
Иль съ нищимъ, иль у Езуита.
Любовь смиренная моя
Встрѣчаетъ хладную суровость.
Ты пилъ недавно, знаю я,
Здоровье Дульской. Это новость:
Кто это Дульская?

МАЗЕПА. И ты
Ревнива? Мнѣ ль, въ мои лѣта
Искать надменнаго привѣта
Самолюбивой красоты?
И стану ль я, старикъ суровый,
Какъ праздный юноша, вздыхать,
Влачить позорныя оковы
И женъ притворствомъ искушать?

МАРІА. Нѣтъ, объяснись, безъ отговорокъ,
И просто, прямо отвѣчай.

МАЗЕПА. Покой души твоей мнѣ дорогъ,
Марія, такъ и быть, узнай:
Давно замыслили мы дѣло,
Теперь оно кипитъ у насъ,
Благое время намъ приспѣло—
Борьбы великой близокъ часъ.
Безъ милой вольности и славы
Склоняли долго мы главу

Подъ покровительствомъ Варшавы,
Подъ самовластіемъ Москвы.
Но независимой державой
Украинѣ быть уже пора,
И знамя вольности кровавой
Я поднимаю на Петра.
Готово все: въ переговорахъ
Со мною оба короля;
И скоро въ смутахъ, въ бранныхъ спорахъ
Быть можетъ, тронъ воздвигну я.

Вотъ важныя тебѣ признанья
Довольна ль ты? Твои мечтанья
Разсѣяны ль?

МАРІА. О милый мой,
Ты будешь царь земли родной!
Твоимъ сѣдинамъ какъ пристанеть
Корона царская!

МАЗЕПА. Постой,
Не все свершилось. Буря грянетъ;
Кто можетъ знать, что ждетъ меня?

МАРІА. Я близъ тебя не знаю страха—
Ты такъ могущъ! О, знаю я—
Тронъ ждетъ тебя!

МАЗЕПА. А если плаха?..
МАРІА. Съ тобой на плаху, если такъ.
Ахъ, пережить тебя могу ли?
Но нѣтъ, ты носишь власти знакъ.

МАЗЕПА. Меня ты любишь?
МАРІА. Я... люблю ли?

МАЗЕПА. Скажи, отецъ или супругъ
Тебѣ дороже?

МАРІА. Милый другъ,
Есть чему вопросъ такой. Тревожить
Меня напрасно онъ. Семью
Стараюсь я забыть мою;
Я стала ей въ позоръ; быть можетъ,
(Какая страшная мечта!)
Моимъ отцомъ я проклята,
А за кого?

МАЗЕПА. Такъ я дороже
Тебѣ отца? Молчишь?...

МАРІА. О, Боже!

МАЗЕПА. Что жъ, отвѣчай!

МАРІА. Рѣши ты самъ.

МАЗЕПА. Послушай: если было бь намъ,
Ему, иль мнѣ погибнуть надо,
А ты бы намъ судьей была:
Кого бь ты въ жертву принесла,
Кому бы ты была ограда?

МАРІА. Ахъ полно! Сердца не смущай!
Ты искуситель.

МАЗЕПА. Отвѣчай!
МАРІА. Ты блѣдень; рѣчь твоя сурова....

О, не сердись! Всѣмъ, всѣмъ готова
Тебѣ я жертвовать, повѣрь,
Но страшны мнѣ слова такія;
Довольно.

МАЗЕПА. Помни же, Марія,
Что ты сказала мнѣ теперь.....

Путкинъ. (Полтава, пѣснь 2-я).

(Любовь меланхолическая).

АРМИНІЙ. Какъ быстрыя воды
Потокъ свой лютъ,
Такъ быстрые годы
Веселье младое съ любовью несутъ.

МИНВАНА. Что жь сердце уныло?
Пусть воды люются, пусть годы бѣгутъ;
О вѣрный, о милый!
Съ любовію годы и жизнь унесутъ.—

АРМИНІЙ. Минвана, Минвана,
Я бѣдный пѣвецъ;
Ты жь царскаго сана,
И предками славенъ твой гордый отецъ.

МИНВАНА. Что въ славѣ и санѣ?
Любовь—мой высокій, мой царскій вѣнецъ.
О милый, Минванъ
Всѣхъ витязей краше смиренный пѣвецъ.
Зачѣмъ же уныло
На радость глядѣть:
Все близко, что мило;
Оставимъ годамъ за годами летѣть.—

АРМИНІЙ. Минутная сладость
Веселаго «вмѣстѣ» помедли, постой;
Бто скажетъ, что радость
На вѣкъ не умчится съ грядущей зарей!
Проглянетъ денница—

Блаженству конецъ:
Опять ты царица,
Опять я ничтожный и бѣдный пѣвецъ.

МИНВАНА. Пускай возвратится
Веселое утро, сіяніе дня;
Зарей озарится
Тотъ свѣтъ, гдѣ мой милый живетъ для меня.
Лишь царскимъ уборомъ
Я буду съ толпой,
А мыслію, взоромъ,
И сердцемъ, и жизнью, о милый, съ тобой.—

АРМИНІЙ. Прости, ужь блѣднѣетъ
Разсвѣтомъ далекій, Минвана, востокъ;
Ужь утренній вѣтъ
Съ вершины кудрявыхъ холмовъ вѣтерокъ.

МИНВАНА. О нѣтъ! то зарница
Блеститъ въ облакахъ;
Не скоро денница;
И тихъ вѣтерокъ на кудрявыхъ холмахъ.

АРМИНІЙ. Ужь въ замкѣ проснулись;
Мнѣ слышался шорохъ и звукъ голосовъ.

МИНВАНА. О нѣтъ! встрепенулись
Дремавшія пташки на вѣтвяхъ кустовъ.

АРМИНІЙ. Заря ужь багряна.

МИНВАНА. О милый, постой.

АРМИНІЙ. Минвана, Минвана,
Почто жь замираетъ такъ сердце тоской?

(Привѣтливаетъ арфу на вѣтви дуба).

Будь арфа для милой
Залогомъ прекрасныхъ минувшаго дней;
И сладкіе звуки
Любви не забудь;
Услада разлуки
И вѣстникъ души неизмѣнная будь.
Когда же мой юный,
Убитый печалію цвѣтъ опадетъ,
О вѣрныя струны,
Въ васъ съ прежней любовью душа перейдетъ.
Какъ прежде разыграетъ
Веселіе въ васъ
И другъ мой узнаетъ
Привычный, зовущій къ свиданію гласъ.
И думай, ихъ пѣнью
Внимая вечерней, Минвана, порой,
Что легкою тѣнью

Все вѣрный летаетъ твой другъ надъ тобой,
 Что прежнія муки,
 Превратности страхъ,
 Томленье разлуки,
 Все съ трепетной жизнью онъ бросилъ во прахъ.
 Что жизнь переживши,
 Любовь лишь одна не разсталась съ душой;
 Что робко любившій
 Безъ робости любить и болѣе твой.
 А ты, дубъ вѣтвистый,
 Ее осѣняй;
 И вѣтеръ душистый,
 На грудь молодую дышать прилетай.

Жуковский. (Эолова Арфа).

(Любовь нераздѣленная).

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ. Въ жизни главное дѣло—умъ и предусмотрительность. Что такое я былъ, и кто я теперь? Вотъ она исторія-то! Бывало, всякому встрѣчному кланяешься, чтобы тебя не прибилъ ктонибудь, а теперь насъ и рукой не достанешь. И капиталъ есть и жену красавицу нашель. Чортъ возьми! (*Пожимаетъ руки, потомъ деретъ себя за хохолъ*). Ахъ ты, Максимка Беневоленскій! А думалъ ли ты объ этомъ счастья, сидя въ школѣ въ затрапезномъ халатѣ? Ничего, братецъ. Вотъ, (*стучитъ себя пальцемъ по лбу*) вотъ чѣмъ пробьемъ себѣ дорогу. Нужда родить умъ, а умъ родить деньги, а съ умомъ, да съ деньгами все можно сдѣлать! (*Задумывается*). Не поучиться ли мнѣ танцевать?.. Поучусь. Или ненадо? Нѣтъ, что! Дѣловому человѣку неловко. А иногда такъ тебѣ и хочется плясать. (*Немного подпрыгиваетъ. Проходятъ разныя лица изъ залы, онъ становится въ приличную позу и закладываетъ руку за жилетъ. Изъ двери нальво выходятъ Паша и Дуня*).

Дуня. Ахъ, Максимъ Дорофеичъ, здравствуйте. Наше вамъ почтеніе! (*Беневоленскій отворачивается въ сторону*). Что-жъ, ты меня не узналъ, что-ли?

Бенев. Ахъ, это ты, Дуня! Зачѣмъ же ты...

Дуня. Невѣсту твою посмотрѣть.

Бенев. Да какъ же это! Вѣдь я не велѣлъ было...

Дуня. Что это не велѣлъ? Ты меня пускать не велѣлъ! Ахъ, безсовѣстный ты человѣкъ! Безстыжіе твои глаза!..

Бенев. Нѣтъ, я ничего... я такъ! Чтожъ, Дуня, посмотри, поди. Тамъ вонъ невѣста, тамъ приданое...

Дуня. То-то, посмотри! Не глядѣли-бъ мои глаза-то, кажется, на тебя. Вотъ, Паша, смотрѣть посылаетъ, видишь, какой добрый! Самъ все покажетъ. Что жъ, матушка, вѣдь не чужой. Ахъ ты, соколикъ!

Бенев. Ты, Дуня, поосторожнѣй—увидить ктонибудь, не хорошо! (*Становится въ позицію*).

Дуня. А хочешь, сейчасъ дебошъ сдѣлаю?

Бенев. Дура, дура! Что ты, что ты!

Дуня. Не бойся, не бойся! Что ты испугался? Я не въ тебя.

Бенев. Нѣтъ, Дуня, полно, въ самомъ дѣлѣ. Коли тебѣ что нужно, ты лучше ко мнѣ на домъ приди.

Дуня. Не пойду я къ тебѣ, не беспокойся.

Бенев. А здѣсь, Дуня, тебѣ что-жъ дѣлать. Посмотри невѣсту и ступай.

Дуня. Ужъ я видѣла! Хороша, вѣдь, Паша, ужъ можно сказать, что хороша. (*Къ Беневоленскому*). Только съумѣешь ли ты съ этакой женой жить? Ты смотри, не загуби чужаго вѣку даромъ. Грѣхъ тебѣ будетъ. Остепенись, да живи хорошенько. Это вѣдь не со мной: жили, жили, да и былъ таковъ. (*Утираетъ глаза*).

Паша. А ты говорила, что тебѣ его не жаль.

Дуня. Вѣдь я любила его когда-то. Чтожъ надо-же когданибудь разставаться; не вѣкъ такъ жить. Еще хорошо, что женится; авось будетъ жить порядочно. А все таки, Паша, ты то возьми, лѣтъ пять жили... вѣдь жалко. Конечно, не много я отъ него добраго видѣла... больше слезъ... одного сраму что перенесла. Такъ, ни за что прошла молодость и помянуть нечѣмъ.

Паша. Что дѣлать, Дуня.

Дуня. А вѣдь, бывало, и ему рада-радешенька, какъ пріѣдетъ. Смотри-жъ, живи хорошенько!

БЕНЕВ. Ну ужь конечно.

ДУНЯ. То-тоже. Эта вѣдь тебѣ на вѣкъ, не то, что я. Ну, прощай, не поминай лихомъ, добромъ печѣмъ. Что это я, какъ дура расплакалась, въ самомъ дѣлѣ! О! махнемъ рукой, Паша, завьемъ горе веревочкой!

БЕНЕВ. Прощай, Дуня!

ДУНЯ. Адье, мусье!—Пойдемъ, Паша. (*Уходятъ*).

БЕНЕВ. Сумашедшая женщина! Еще хорошо, что такъ обошлось. Однако, я было перетрухнулъ. (*Входитъ офиціантъ*). Дай-ка мнѣ, братецъ, рюмочку хересу. Фу! какъ гора съ плечъ. (*Офиціантъ подаетъ*). Благодарю, любезный. (*Уходитъ*).

Островскій. (Бѣдная невѣста, д. V, сц. 9).

(Кокетство наивное).

АРНОЛЬФЪ. Агнеса! Я хочу потолковать съ тобою: На свѣтѣ часто мы встрѣчаемся съ бѣдою, И ближній ближнему здѣсь всячески вредятъ. Представь же ты себѣ,—сосѣди говорятъ, Что будто безъ меня какой-то здѣсь повѣса Прихаживалъ къ тебѣ, любезная Агнеса, И именно тайкомъ, въ калитку черезъ садъ. Я вѣрить не хочу—и бьюся объ закладъ, Что злые языки тебя оклеветали.

АГНЕСА. Ахъ нѣтъ, не бейтеся; вамъ право не солгали!

АРНОЛЬФЪ. Такъ мнѣ не солгано?

АГНЕСА. Я увѣрю васъ,

Онъ эти дни почти не выходилъ отъ насъ.

АРНОЛЬФЪ (*всторону*).

Вотъ ангель-то: во всемъ въ минуту мнѣ призналась! И то сказать—когда невинность притворялась? (*Агнеса*). Но, кажется, мой другъ, когда я не забылъ, Я принимать чужихъ вамъ строго запретилъ?

АГНЕСА. Да, это такъ; но вы когда бъ его узнали, Вы вѣрно бы его и сами обласкали.

АРНОЛЬФЪ. Все можетъ быть, да какъ онъ видѣлся съ тобой?

АГНЕСА. Вотъ это и смѣшно, и чудно мнѣ самой.

Безъ васъ разъ, подъ вечеръ, накинувши платочикъ, Я съла на балконъ и штопала чулочикъ; Вдругъ вижу, что одинъ мужчина мимо насъ

Все ходитъ—и съ меня почти не сводитъ глазъ, Потомъ сталъ кланяться; мнѣ сдѣлалась страхъ стыдно; Но изъ учтивости, чтобъ не было обидно, Я также, поклонясь, привстала на балконъ. Онъ ближе подошелъ и снова мнѣ поклонъ, Я тоже,—онъ опять и, сдѣлавшись смѣлѣе, Мы стали кланяться другъ другу веселѣе. Онъ все высматривалъ, ходилъ и всякій разъ, Къ балкону подойдя, мнѣ кланялся тотчасъ. А я какъ глазъ съ него все время не спускала, Такъ онъ все кланялся, а я все присѣдала; И если бы меня не испугала ночь, Я вѣрно бъ не ушла никакъ съ балкона прочь, Чтобъ этотъ господинъ и милый и шутливый Увѣренъ былъ, что я умѣю быть учливой.

АРНОЛЬФЪ. Ну что жъ?

АГНЕСА. Лишь ночь прошла, откуда ни взялась, Старушка къ намъ одна, и обласкавши насъ, Здорово, молвила, дѣвица молодая, Но любо посмотреть, красавица какая! Но ты, сударыня, на то ли разцвѣла, Чтобъ прелестью своей надѣлать столько зла? Такъ знай же, что вчера, съ намѣреньемъ конечно, Ты сердце ранила одно безчеловѣчно!

АРНОЛЬФЪ, (*всторону*). О вѣдьма старая! Развратница дѣтей!

АГНЕСА. Я сердце ранила? я отвѣчала ей.

Да, да, сударыня, и вовсе безъ причины, Ты сердце ранила вчерашнего мужчины! Ахъ, Богъ мой! Невзначай за ласки всѣ его Неужто что нибудь я бросила въ него? О нѣтъ! сказала мнѣ старушка чуть не плача: Ужъ видно такова несчастнаго удача. А, впрочемъ, это зло и эти чудеса Надѣлали твои злодѣйскіе глаза.

Ахъ, Богъ мой! Неужли, спросила я съ слезами: Я точно родилась съ злодѣйскими глазами?

Да, да, сударыня, въ нихъ скрытъ какой-то ядъ: Кто всмотрится въ тебя, тотъ самъ тому не радъ; И такъ, болѣзнь его, ты видишь, не игрушка. Къ тому жъ, примолвила мнѣ добрая старушка: Когда онъ и въ тебѣ надежды не найдетъ, Такъ этотъ человекъ навѣрное умретъ.

О нѣтъ, сказала я; за это Богъ накажетъ!...

Но чтобъ помочь ему, что-жъ дѣлать онъ прикажетъ? Ахъ, отвѣчала мнѣ старушка: мой большой

Лишь хочеть вечеромъ увидѣться съ тобой
И средства попросить, которымъ, безъ сомнѣнья,
Избавишь ты его отъ этого мученья.

И такъ, сказала я; что-жь это за бѣда!

Пожалуй—приходить онъ можетъ къ намъ всегда.

Арнольдъ, (*второму.*) Ахъ! если бы съ тобой мнѣ, старой сатанюю,
Да встрѣтиться—ужъ ты бь раздѣлалась со мною!

Агнеса. Онъ началъ къ намъ ходить и сдѣлался здоровъ.
Я рада всякому помочь—мой нравъ таковъ,
Разжалобясь, божусь, добрѣе я ребенка.
Мнѣ даже жаль, когда зарѣжутъ и цыпленка.

Мольеръ. (Школа женщинъ, д. II, яв. 5).

(Кокетство натуральное).

Гольцовъ. Простите меня, Вѣра Павловна!

Вѣрочка. Я не могу васъ не простить.

Гольцъ. Отчего же-съ?

Вѣроч. Такъ папашѣ угодно.

Гольцъ. Только потому-съ?

Вѣроч. Разумѣется. Я бы не вышла къ вамъ ни за что на свѣтѣ.

Гольцъ. Въ этомъ радости для меня не много-съ. Я бы желалъ знать, что вы сами обо мнѣ думаете-съ?

Вѣроч. Что вы ко мнѣ пристааете!

Гольцъ. (*Хочетъ взять руку.*) Позвольте-съ!

Вѣроч. Это что еще?

Гольцъ. Ручку поцѣловать.

Вѣроч. Съ чего это вы выдумали!

Гольцъ. Вѣдь ужъ вы меня простили?

Вѣроч. Да, я васъ простила, а руки не дамъ.

Гольцъ. И вы долго будете сердиться-съ?

Вѣроч. Долго! Вотъ новости! Всю жизнь.

Гольцъ. Да, помилуйте, какъ же это можно-съ, когда вы...

Вѣроч. Что я?

Гольцъ. Да какъ же, вы изволили обѣщать-съ...

Вѣроч. Что такое?

Гольцъ. Да вчера изволили... быть столько добры-съ... за меня замужь...

Вѣроч. За васъ замужь? Кто же это вамъ сказалъ?

Гольцъ. Да и Павелъ Прохорычъ говоритъ-съ...

Вѣроч. Папаша можетъ мнѣ приказать помириться съ вами, а этого не можетъ.

Гольцъ. Значить, мнѣ нельзя никакой и надежды имѣть?

Вѣроч. Никакой.

Гольцъ. Извините, что я васъ побезпокоилъ. Дѣлать мнѣ здѣсь нечего-съ. Прощайте-съ! (*Молчаніе*). Честь имѣю кланяться (*хочетъ идти*).

Вѣроч. Слушайте, куда же вы?

Гольцъ. Домой-съ. Засвидѣтельствуйте мое почтеніе Павлу Прохоровичу (*идетъ къ двери*).

Вѣроч. Не ходите!

Гольцъ. (*въ дверяхъ*). Помилуйте, Вѣра Павловна! Что же мнѣ здѣсь оставаться! Только одно мученіе.

Вѣроч. Если вы уйдете, я такъ разсержусь, такъ разсержусь, что...

Гольцъ. Вѣдь ужъ какъ ни сердитесь, хуже этого для меня не будетъ-съ. Чего же еще! Вы даже и надежды не позволяете имѣть.

Вѣроч. Еще бы позволить! Нѣтъ, вы вотъ что скажите: если вы уйдете теперь, вы ужъ никогда больше не придете?

Гольцъ. Зачѣмъ же я пойду, разсудите сами-съ.

Вѣроч. Такъ никогда?

Гольцъ. Никогда-съ.

Вѣроч. Ну и прекрасно! И не надо васъ! Не приходите! Прощайте!

Гольцъ. Прощайте, Богъ съ вами!

Вѣроч. Прощайте! (*Вырываетъ у Гольцова шляпу*). Уходите! Что жъ вы нейдете?

Гольцъ. Что-жь это за насмѣшки-съ? Пожалуйте шляпу-съ?

Вѣроч. Нѣтъ ужъ, теперь не отдамъ (*прячетъ шляпу за себя*).

Гольцъ. Ахъ, позвольте! Изломаете, право, изломаете.

Въроч. Ни за что, ни за что не отдамъ. Ну, ужъ возьмите! (*Гольцовъ протягиваетъ руку, она прячетъ шляпу*).

Гольц. Вы ужъ лучше простите меня; помиримтесь, какъ слѣдуетъ, тогда я самъ останусь.

Въроч. Отымите отъ меня шляпу, помирюсь.

Гольц. Вѣдь захочу, такъ отниму-сь.

Въроч. Попробуйте!

Гольц. Извольте! (*Охватываетъ руками Върочку, она сопротивляется, онъ ее цѣлуетъ*).

Въроч. Это что еще! (*Топаетъ ногой*). Кто вамъ позволилъ! Вы хотите, чтобъ я васъ прогнала?

Гольц. Виновать-сь! Пожалуйте шляпу, я самъ уйду.

Въроч. Возьмите! (*Отдаетъ шляпу*).

Гольц. Прощайте! (*Идетъ къ дверямъ*).

Въроч. (*тихо*). Саша!

Гольц. Что вамъ угодно-сь?

Въроч. Что вы воротились! Я совсѣмъ васъ не звала. Это я про себя.

Гольц. Извините-сь! (*Уходитъ*).

Въроч. (*кричитъ все громче и громче*). Саша! Саша! Саша! Ахъ, какой противный! Онъ, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ уйдетъ. (*У окна*). Саша! Саша, воротись! Воротился, воротился! (*Прыгаетъ отъ радости, Гольцовъ входитъ*). Ты, Саша, такой... такой... нехорошій! Ты не стоишь, чтобъ тебя любили! Ты хотѣлъ уйти и никогда не приходите. И выходить, что ты злой, а я добрая.

Гольц. Значить, вы меня совсѣмъ прощаете?

Въроч. Совсѣмъ.

Гольц. И я опять смѣю называть васъ Върочкой?

Въроч. Нѣтъ, не смѣешь. Ну, да называй, пожалуй.

Гольц. И ручку поцѣловать можно?

Въроч. Можно. На! (*Протягиваетъ ему руку*).

Гольц. (*цѣлуя руку*). Мы ужъ, Върочка, объ этой ссорѣ и помнить не будемъ.

Въроч. Не будемъ.

Гольц. И замужъ, Върочка, пойдешь за меня?

Въроч. Пойду. Только ты не уходи. (*Гольцовъ цѣлуетъ руку. Входитъ Анна Павловна*).

Островскій. (Шутники, д. III, явл. 4).

(Кокетство свѣтское).

Альцестъ. Я правду вамъ скажу: угодно слушать вамъ? Такъ жить, какъ вы, нельзя; такъ поступать—жестко. Вся желчь во мнѣ кипитъ; я оскорбленъ глубоко, Я вижу по всему: разстаться должно намъ. Я не умѣю льстить и хитрыми словами Коварно увѣрять, что часъ не наступилъ... О! я бы клятву далъ, что не разстанусь съ вами, Но чтобъ ее сдержать—во мнѣ не хватитъ силъ!

Селимена. Такъ вотъ вы для чего хотѣли быть со мною, Чтобы бранить меня?...

Альц. Нѣтъ, вовсе не бранить. Но вы такъ ласковы со всѣми, кто желаетъ, Толпа поклонниковъ всегда васъ окружаетъ— А это трудно мнѣ отъ васъ переносить.

Селим. Толпа поклонниковъ! Вы, право, очень строги! Но если нравлюсь я, кто жъ въ этомъ виноватъ! Они мной заняты, со мною быть хотятъ— Неужли съ палкою встрѣчать ихъ на порогѣ?

Альц. Не палка—сердце васъ должно бы охранять Отъ пошлой болтовни и глупыхъ объясненій Присяжныхъ волокитъ, должно вамъ силу дать Встать выше женскихъ искушеній. Я знаю: красота неволью ихъ влечетъ, Но ласковый приемъ ихъ дальше увлекаетъ; Игра невинная глазами подаетъ Надежду лестную, надежда обольщаетъ, Игра невинная заходитъ далеко... Кто знаетъ, гдѣ конецъ?... А вамъ, вамъ только надо Кокетство уменьшить, умѣрить нѣжность взгляда— Безъ палки будетъ вамъ легко Прогнать докучливое стадо. Но объясните мнѣ, я не могу понять. Какими странными судьбами Вамъ нравится Клиандръ? Что въ немъ, скажите сами, Какою силою онъ можетъ увлекать И сердца вашего живыя струны трогать? Онъ длинной шпагою, должно быть, васъ прельстилъ?

Не знаю, чѣмъ еще? Что на мизинцѣ ноготь
Длиннѣе шпаги отпустилъ?
Нѣтъ? Изобиліемъ лентъ? Костюмомъ прихотливымъ
Онъ поражаетъ васъ? Васъ ослѣпилъ парикъ!
Нѣтъ? Но не можетъ быть, чтобъ голосомъ фальшивымъ
Онъ прямо въ душу къ вамъ проникъ.

Селим. Какъ вы взволнованы и какъ несправедливы.

Онъ при дворѣ имѣетъ вѣсь;

Въ моемъ процессѣ онъ...

Альц. Теряйте вашъ процессъ!

Селим. Ко всей вселенной вы ревнивы!

Альц. Ко всей вселенной—да! А вы, какъ вижу я,

Ко всей вселенной благосклонны...

Селим. И упрекаете за это вы меня?

Вы—мною предъ всѣми отличный?

А лучше, если бѣ одному

Я отдавала предпочтенье?

Альц. Я вами отличенъ. Но чѣмъ же?—Не пойму.

Разсѣйте, наконецъ, сомнѣнья.

Селим. Чѣмъ? Убѣжденіемъ, что вы любимы мною.

Альц. И радъ бы вѣрить всей душой,

Гдѣ жъ доказательства?

Селим. Но если я сказала:

Альцестъ, я васъ люблю—и этого вамъ мало?

Вы все не вѣрите?...

Альц. Повѣрить я готовъ,

Но кто поручится, что этихъ самыхъ словъ

Вы, можетъ быть, сейчасъ другимъ не говорили?

Селим. Вотъ мнѣніемъ какимъ меня вы наградили!

Вотъ ваша страстная, высокая любовь!

Довольно! я сейчасъ разсѣю всѣ сомнѣнья:

Что говорила я—беру назадъ вполнѣ;

Я говорила въ заблужденіи.

Нѣтъ, не приписывайте мнѣ

Обмана вашихъ чувствъ и вашего сознанья—

Теперь все кончено.

Альц. Зачѣмъ я васъ люблю!

О! если вырвусь я изъ вашего вліянья,

Я небеса благословлю!

Я не скрываю, нѣтъ, я пламенно желаю

Изъ сердца вырвать прочь вашъ образъ роковой,

Но... всѣ усилія напрасны—я не знаю,

За что наказанъ я любовію такой!

Селим. Да, странная любовь! Едва ли кто такъ любить.

Молверъ. (Мизантропъ, д. II явл. 1).

(Кокетство притворное).

Тартюфъ. Вы присылать сейчасъ изволили за мной?

Эльмира. Да, съ вами надобно остаться мнѣ одной;
Но чтобы кто нибудь не подсмотрѣлъ за нами,
Пожалуста, вы все кругомъ закройте сами.
(Тартюфъ запираетъ двери и возвращается).

Тотъ шумъ, который здѣсь случился безъ меня,

Совсѣмъ не то.... чего бѣ теперь желала я.

Дамисъ никакъ такихъ послѣдствій не предвидѣлъ:

Онъ, натурально, васъ ужасно разобидѣлъ;

И мнѣ немудрено вамъ было доказать,

Что всячески его старалась я унять;

И признаюсь, за васъ я такъ перепугалась,

Что, наконецъ, сама неволью потерялась!

Но такъ какъ говорятъ: нѣтъ худа безъ добра,

То, кажется, и намъ утѣшиться пора.

Мой мужъ безъ памяти влюбился въ васъ—и, стало,

Онъ васъ подозрѣвать не думаетъ нисколько,

А въ доказательство, приказываетъ мнѣ

Нарочно съ вами быть всегда наединѣ.

Мы оба, какъ жена и другъ, ему послушны,

И если точно вы ко мнѣ не равнодушны,

То, не смотря, что я послѣдствій трепещу...

Я, можетъ быть, за все охотно васъ прощу.

Тартюфъ. Позвольте мнѣ.... придти въ себя отъ удивленья!

Но вы за часъ совсѣмъ другаго были мнѣнья.

Эльмира. Ахъ! если разсердилъ васъ давшій отказъ,

Такъ, видно, женщины загадкою для васъ,

И вы не знаете, что этакъ защищаться,

Есть тоже самое, что въ слабости признаться.

Нельзя-жѣ, чтобъ женщина на все рѣшилась вдругъ,

Нельзя-же ей въ своей любви признаться вслухъ!

И страхъ, и мужъ.... во всемъ находятъ затрудненье....

Но часто нашъ отказъ похожъ на позволенье.

Вотъ до чего для васъ забыться я могла!

Вы сами видите, я всѣмъ пренебрегла,

И если безъ стыда на это я рѣшилась,

Скажите мнѣ: къ чему за васъ бы я вступилась?

Къ чему-бѣ упрашивать Дамиса стала я,

Когда бѣ взаимность чувствъ не увлекла меня?

И наконецъ, когда я свадьбѣ такъ мѣшала....

Не значитъ ли, что я васъ явно ревновала?

Не значитъ-ли: что вы мнѣ правились самой,

И что я не могла васъ уступить другой!

- ТАРТЮФЬ. Такая искренность изъ вашихъ устъ прелестныхъ
Прекраснѣ всѣхъ благъ и радостей небесныхъ;
Я чувствую, что я восторгомъ упоенъ,
И въ небо, кажется, седьмое вознесенъ!
Вамъ нравиться—я чту небеснымъ воздаяньемъ
И вся душа горитъ сладчайшимъ упованьемъ!
Но, между тѣмъ, могу ль я счастливъ быть вполне,
Когда вы, можетъ быть, польстили только мнѣ,
Чтобы завлечь меня взаимностью желанной....
И помѣшать моей женитьбѣ съ Маріанной?
И такъ, когда пошло на искренность у насъ,
То я подозрѣвать не перестану васъ,
Пока любовника въ сомнѣніяхъ печальныхъ
Вы не допустите до ласкъ первоначальныхъ,
И положивъ конецъ сомнѣніямъ моимъ,
Докажите, что я существенно любимъ!
- ЭЛЬМИРА (*кашляетъ, давая знать мужу*).
Ахъ, Боже мой! какъ вы безсовѣстно спѣшите:
Хоть нѣсколько мою вы скромность пощадите.
- ТАРТЮФЬ. Но если точно я и счастливъ, и любимъ,
Что жъ можетъ помѣшать желаніямъ моимъ?
- ЭЛЬМИРА. Но вспомните, чѣмъ вы насъ сами поучали.
Чтобъ мы ничѣмъ.... благихъ небесъ не оскорбляли.
- ТАРТЮФЬ. О! если небеса пугаютъ только васъ,
То я на этотъ счетъ васъ вразумлю тотчасъ
И поученіемъ разсѣю страхъ напрасный.
- ЭЛЬМИРА. Но мужу измѣнить.... вѣдь это грѣхъ ужасный.
- ТАРТЮФЬ. Что до грѣховъ, то я ихъ знаю лучше всѣхъ;
Но мелочи смѣшно считать за тяжкій грѣхъ.
Конечно, многое достойно осужденья....
Но знаете.... на все есть мѣра снисхожденья.
Смотря по случаю, намъ надо привыкать
Своею совѣстью свободно управлять.
И можно-ль упрекнуть того дурнымъ дѣяньемъ,
Кто очищается сердечнымъ покаяньемъ?
Я въ этихъ правилахъ васъ скоро укрѣплю,
И въ доказательство, какъ страстно васъ люблю,
Я на единого себя беру свободно
И зло, и грѣхъ, и все, что только вамъ угодно.
(*Эльмира кашляетъ еще сильнѣе*).
- Какъ вы раскашлялись!
- ЭЛЬМИРА. Да, это безъ конца.
- ТАРТЮФЬ. Вамъ не угодно-ли кусочикъ леденца?
- ЭЛЬМИРА. Нѣтъ, кашлю моему онъ вѣрно не поможетъ,
Онъ такъ упрямя и такъ давно меня тревожить...

- ТАРТЮФЬ. Какъ жаль!
- ЭЛЬМИРА. Да, у меня ужъ слезы на глазахъ!
- ТАРТЮФЬ. Я кончу тѣмъ, что вашъ смѣшнень, по чести, страхъ,
Что наша связь и мнѣ оказанныя ласки
Не могутъ никакой подвергнуться огласкѣ.
Не зло, но явность зла намъ въ обществѣ вредить;
И что за грѣхъ... когда тихонько кто грѣшитъ?
- ЭЛЬМИРА (*кашляя, стучитъ по столу*).
Я чувствую, что я не въ силахъ защищаться,
Что я принуждена безъ отговорокъ сдаться,
Что убѣжденіямъ здѣсь вѣрить не хотятъ
И, наконецъ, на все рѣшиться мнѣ велать.
Вы согласитесь, что это слишкомъ больно.
Но если женщина увлечена неволью,
И тотъ, кого она предпочитаетъ всѣмъ,
Не убѣждается, къ несчастію, ничѣмъ,
Рѣшительно ее склоняетъ къ послушанью,
То надобно жъ его покорствовать желанью:
Повиновеніе есть общій нашъ удѣлъ.
Не тотъ ли виноватъ, кто этого хотѣлъ?
Я за послѣдствія себя не обвиняю!
- ТАРТЮФЬ. Помилуйте, за все одинъ я отвѣчаю!
- ЭЛЬМИРА. Но я боюсь, чтобъ насъ подслушать кто не могъ
И какъ нибудь мой мужъ меня не подстеретьъ.
- ТАРТЮФЬ. Какъ эти мелочи вамъ въ голову приходятъ!
Вѣдь онъ изъ тѣхъ, кого свободно за носъ водятъ:
Простой, смѣшной, полуослѣпшій человекъ
И нашъ покорнѣйшій слуга на цѣлый вѣкъ.
- ЭЛЬМИРА. Чтобъ ни было, но мнѣ простиительно бояться,
Намъ надо всякаго теперь остерегаться.
Пожалуйста, на все взгляните поскорѣй.
Гдѣ кто... и нѣтъ ли здѣсь шпионовъ у дверей.
- Мольеръ. (Тартюфъ, д. IV, явл. 5).*

(Кокетливое заигрываніе).

ЭЛЛУЭНЬ. (*входитъ справа, съ цвѣтами въ рукахъ*). А! вы
здѣсь? Какимъ чудомъ?

МАКСЬ. Честъ имѣю...

ЭЛЛ. Что, вы рисуете? а я нарвала себѣ цвѣтовъ для сегод-
няшняго бала. Вы знаете, что мы сегодня ѣдемъ на балъ къ гра-
финѣ де Кастено?

МАКСЪ. НѢТЬ-СЬ, я не зналъ.

ЭЛЛ. (*весело*). Впрочемъ вы никогда ничего не знаете... (*Кладетъ цветы на скамью, нальво, оставляя у себя два или три цветка, которые ощипываетъ, разговаривая*).

МАКСЪ. Я такъ рѣдко бываю въ замкѣ... у меня столько дѣла...

ЭЛЛ. И притомъ вы такой дикарь...

МАКСЪ (*холодно*). Я вовсе не дикарь... но веду себя осторожно, зная свое мѣсто и хочу, чтобъ никто не могъ меня ни въ чемъ упрекнуть...

ЭЛЛ. (*послѣ паузы*). Но что жъ такое я сказала, или что я сдѣлала, что бѣ могло васъ обидѣть?

МАКСЪ. Ничего, увѣряю васъ.

ЭЛЛ. Отчего жъ вы такъ перемѣнили ваше со мной обращеніе? Мнѣ казалось прежде, что я могла рассчитывать на вашу дружбу?

МАКСЪ (*откровенно*). О, вы можете и теперь на нее рассчитывать!.. Это чувство такъ естественно, понятно: наши положенія здѣсь совершенно одинаковы... мы оба безъ состоянія, одиноки... безъ друзей, безъ поддержки. Для васъ, для дѣвушки, положеніе это даже тягостнѣе и гораздо опаснѣе чѣмъ для меня; потому рассчитывайте смѣло на мое расположеніе, доказательствъ котораго я не могу представить никакихъ, выключая одного добраго совѣта... но, можетъ быть, вы не захотите принять его...

ЭЛЛ. О, нѣтъ, напротивъ... говорите, пожалуйста.

МАКСЪ (*мягко*). Даже, если это горькая истина?

ЭЛЛ. Все равно, говорите.

МАКСЪ. И такъ, м-ше Эллиуэнъ, вы прелестны, но... и у васъ есть недостатокъ.

ЭЛЛ. Одинъ? только?

МАКСЪ (*улыбаясь и съ добротой*). Только.

ЭЛЛ. Какой-же?

МАКСЪ. Говорить ли?

ЭЛЛ. Я прошу васъ.

МАКСЪ. И такъ... вы...

ЭЛЛ. (*граціозно*). Что?—ну?

МАКСЪ. Кокетка;—правда?

ЭЛЛ. НѢТЬ?—вотъ никогда не замѣчала.

МАКСЪ. Ну такъ замѣйте хорошенько... и увидите. (*Эллиуэнъ тихо опускаетъ голову, смущенная его взглядомъ. Максъ продолжаетъ все съ большею добротой*). Не спорю... это бездѣлица, но что жъ дѣлать... Мы съ вами не должны имѣть недостатковъ; мы обязаны, обречены быть совершенствами въ своемъ родѣ и то, что было бы очень мило и граціозно у другихъ, намъ съ вами ставится въ вину: такова участь всѣхъ бѣдныхъ на свѣтѣ!

ЭЛЛ. (*поднимая голову*). Какъ вы добры, г. Максъ! Вы мой истинный другъ!

МАКСЪ. Желалъ бы быть...

ЭЛЛ. Чѣмъ? моимъ другомъ?

МАКСЪ (*серьезно*). Истиннымъ, какъ вы сейчасъ сказали.

ЭЛЛ. Право? Такъ вы меня любите?—да? (*ощипываетъ листки цветка*) посмотримъ: немножко?

МАКСЪ. Ну, безъ сомнѣнія.

ЭЛЛ. (*кокетливо*). Очень?

МАКСЪ (*помолчавъ*). Нѣтъ.

ЭЛЛ. (*бросая цветы съ досады*). А!..

О. Фелле. (Управитель, д. I, явл. 4).

(Кокетство мѣщанское).

МАМАЕВА (*садится въ кресло*). Цѣлуйте ручку, ваше дѣло улажено.

ГЛУМОВЪ. Я васъ не просилъ.

МАМ. Нужды нѣтъ, я сама догадалась.

ГЛУМ. (*цалуетъ руку*) Благодарю васъ. (*Беретъ шляпу*).

МАМ. Куда же вы?

ГЛУМ. Домой. Я слишкомъ счастливъ. Я побѣгу подѣлиться моею радостью съ матерью.

МАМ. Вы счастливы? Не вѣрю.

ГЛУМ. Счастливъ, на сколько можно.

Мам. Значить, не совсѣмъ; значить, вы еще не всего достигли.

Глум. Всего, на что только я смѣлъ надѣяться.

Мам. Нѣтъ, вы говорите прямо: всего вы достигли?

Глум. Чего же мнѣ еще! Я получилъ мѣсто.

Мам. Не вѣрю, не вѣрю. Вы хотите въ такихъ молодыхъ годахъ показать себя матеріалистомъ, хотите увѣрить меня, что думаете только о службѣ, о деньгахъ.

Глум. Клеопатра Львовна...

Мам. Хотите увѣрить, что у васъ никогда не бьется сердце, что вы не мечтаете, не плачете, что вы не любите никого.

Глум. Клеопатра Львовна, я не говорю этого.

Мам. А если любите, можете ли вы не желать, чтобы и васъ любили?

Глум. Я не говорю этого.

Мам. Вы говорите, что всего достигли.

Глум. Я достигъ всего возможнаго, всего, на что я могу позволить себѣ надѣяться.

Мам. Значить, вы не можете позволить себѣ надѣяться на взаимность. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ вы даромъ тратите ваши чувства. Вѣдь это перлы души. Говорите, кто эта жестокая?

Глум. Но вѣдь это пытка, Клеопатра Львовна.

Мам. Говорите, негодный, говорите сейчасъ! Я знаю, я вижу, по вашимъ глазамъ, что вы любите! Бѣдный! Вы очень, очень страдаете?

Глум. Вы не имѣете права прибѣгать къ такимъ средствамъ. Вы знаете, что я не посмѣю ничего скрыть отъ васъ.

Мам. Кого вы любите?

Глум. Сжальтесь!

Мам. Стоить ли она васъ?

Глум. Боже мой, что вы со мною дѣлаете!

Мам. Умѣетъ ли она оцѣнить вашу страсть, ваше прекрасное сердце?

Глум. Хоть убейте меня, я не смѣю.

Мам. (шопотомъ). Смѣлѣ, мой другъ, смѣлѣ!

Глум. Кого люблю я?

Мам. Да.

Глум. (падая на колѣно). Васъ.

Мам. (тихо вскрикивая). Ахъ.

Глум. Я вашъ рабъ на всю жизнь. Карайте меня за мою дерзость, но я люблю. Заставьте меня молчать, заставьте меня не глядѣть на васъ, запретите мнѣ любоваться вами; еще хуже: заставьте меня быть почтительнымъ, но не сердитесь на меня! Вы сами виноваты. Еслибъ вы не были такъ очаровательны, такъ снисходительны ко мнѣ, я, можетъ быть, удержалъ бы мою страсть въ предѣлахъ приличія, чего бы мнѣ это ни стоило. Но вы, ангель доброты, вы, красавица, изъ меня, благоразумнаго человѣка, вы сдѣлали бѣшенаго сумасброда! Да, я сумасшедшій! Мнѣ показалось, что меня манитъ блаженство и я не побоялся кинуться въ пропасть, въ которой могу погибнуть безвозвратно. Простите меня. (Склоняетъ голову).

Мам. (цѣлуя его въ голову). Я васъ прощаю.

Островскій. (Навсякаго мудреца довольно простоты, д. II, явл. 10).

(Жеманство).

Пупырина (проталкиваясь между крестьянами). Пустите, пустите... (Подходя къ столу). Петръ Алексѣичъ, я къ вамъ...

Демкинъ. Что прикажете? Прошу васъ. (Указываетъ на стулъ).

Пупыр. Защитите... Защитите... Я женщина; вы посредникъ... вы обязаны защищать слабыхъ...

Демк. Что такое случилось?

Пупыр. Вы видите: я сама пріѣхала къ вамъ... я дама — и пріѣхала, стало быть, я была вынуждена...

Демк. Да потрудитесь же мнѣ объяснить въ чемъ дѣло...

Пупыр. Вы — мужчина, вы — молодой человѣкъ, а я — дама... я не могу высказать всего... Ахъ, зачѣмъ это назначаютъ посредниками такихъ молодыхъ!.. Я не могу вамъ высказать... Хочу сказать, взгляну на васъ — и не могу, не могу... стыдно...

Демк. Такъ зачѣмъ же вы пожаловали ко мнѣ, если не можете объяснить, что вамъ угодно?..

Пупыр. Ахъ, какой вы, неужели вы не понимаете, что могутъ быть въ жизни такія обстоятельства, которыя... Вы видите: я дама и сама пріѣхала къ вамъ, стало быть, я была вынуждена...

Демк. Ну извините, пожалуйста: мнѣ некогда... видите сами, сколько народа дожидается...

Пупыр. (*хныкая*). Но вы посредникъ, вы обязаны принять во мнѣ участіе: я слабая женщина... и меня обижаютъ...

Демк. Да что же я могу наконецъ сдѣлать, когда вы ничего не хотите мнѣ сказать!..

Пупыр. Ахъ, какой вы... да поймите же, что я не могу... Я женщина.

Демк. (*молча пожимаетъ плечами*).

Пупыр. Ну, отвернитесь...

Демк. Какъ отвернитесь?

Пупыр. Такъ отвернитесь: не смотрите на меня... Я, можетъ быть, скажу...

Демк. (*смѣясь*). Ну извольте.

Пупыр. Ахъ, тутъ народъ... мужики... Выйдите отсюда, любезные.

Демк. Да полноте же, пожалуйста, право мнѣ некогда!

Пупыр. Ну, ну, не сердитесь... Не смотрите же на меня: я сейчасъ скажу... (*Демкинъ отворачивается*). У меня горничная дѣвка... Машка... охъ, Боже мой, не могу... Ну, не сердитесь... Сейчасъ... сейчасъ. Нѣтъ, я лучше на ухо... (*Шепчетъ на ухо Демкину*). Ну что вы меня вынуждаете говорить!.. Ну, вотъ сказала...

Демк. (*оборачиваясь со смѣхомъ*). Да мнѣ-то какое же дѣло до этого?..

Пупыр. Какъ какое? какъ какое?.. Вы посредникъ, вы обязаны наблюдать за нравственностью. Въ моемъ домѣ прежде этого никогда не бывало. Я прежде за это строго наказывала... Теперь я не имѣю права наказать... Теперь для этого посредники назначены: я васъ и прошу взыскать съ нея...

Демк. Ну ужъ, сударыня, извините, это не мое дѣло... обратитесь къ комунибудь другому...

Пупыр. Да какъ же къ другому?.. Къ кому же я могу обратиться кромѣ своего посредника?.. Вы войдите же въ мое положеніе: вѣдь я слабая женщина... Кромѣ того, что она оскорбила меня, какая же она мнѣ слуга, какая работница? постоянно больна, ничего дѣлать не можетъ... Я ее даромъ кормить не намѣрена...

Демк. Ну такъ отошлите ее...

Пупыр. Да какъ же я останусь безъ прислуги?

Демк. Найдите себѣ другую.

Пупыр. Что, что вы говорите? Нанять другую, платить деньги; а негодяйка, развратница будетъ гулять?.. Ну, Петръ Алексѣичъ, я отъ васъ этого не ожидала... Это значить поощрять развратъ, а не наказывать его... Если вы будете внушать имъ (*указываетъ на крестьянъ*) такія мысли, такъ признаюсь...

Демк. Ну, я вамъ больше никакого совѣта дать не могу... Извините меня...

Пупыр. Но вы обязаны принять во мнѣ участіе, какъ въ женщинѣ... Вы видите: я сама къ вамъ пріѣхала, стало быть, я была вынуждена...

Демк. Повторяю вамъ: я тутъ ничего не могу сдѣлать... Мнѣ право, некогда... (*Къ крестьянамъ*). Ну, вамъ что нужно? говорите...

Пупыр. Вы выгоняете меня изъ дома? Вы не хотите со мной говорить!.. Хорошъ посредникъ, хорошъ защитникъ дворянскихъ интересовъ!.. Конечно, еслибъ я была не женщина, а мужчина, я бы знала, какъ съ вами раздѣлаться... Я бы также точно поступила съ вами, какъ Михайло Иванычъ Хазиперовъ...

Демк. (*съ невольнымъ движеніемъ*). То есть какъ же?

Пупыр. А такъ-съ... Это очень хорошо всѣмъ извѣстно... (*Дѣлаетъ знаки руками по воздуху, какъ будто даетъ пощечины*). Да и по дѣломъ, и по дѣломъ!...

Демк. Ну, ужъ теперь я васъ дѣйствительно попрошу уйти... Не угодно ли вамъ. (*Указываетъ на дверь*).

Пупыр. О, я уйду!.. (Выразительно). Я уйду... Но вамъ это даромъ не пройдетъ... Я по всему околотку васъ ославлю... Такъ ославлю, такую мораль на васъ пушу, что не только Хази-перова дочь... послѣдняя гувернантка, горничная за васъ не пойдетъ... Хорошо!.. Хорошо!.. (Уходитъ).

А. Потъхинъ. (Отрѣзанный ломоть, д. IV, явл. 3).

(Материнская любовь, защита дочери).

ГЕКУБА. Лаэртговъ сынъ! уже ли ты забылъ
Тотъ день, когда ты былъ переодѣтый
Въ стѣнахъ могущественной Трои. Вспомни,
Какъ ты у ногъ моихъ, страшася смерти,
Молилъ о жалости, о состраданьи,
Какъ блѣдный и трепещущий, — колѣна
Ты обнималъ мои!... Я не отвергла
Твоихъ моленій... Я тебя спасла
И жизнь твою ты мнѣ обязанъ!
Уже ли же теперь, Улиссъ, ты будешь
Неблагодаренъ и жестокъ? Ужели
За жизнь свою ты смерть назначишь?
Безчеловѣчный! Для чего? За что
Вы Поликсену умертвить хотите?
Ахиллъ вашъ жертвы требуетъ себѣ?
Отдайте же ему свою Елену,
Виновицу всѣхъ обѣдъ Троянъ и Грековъ;
Пусть кровь ея на вѣки примиритъ
И побѣдителей и побѣжденныхъ!
Улиссъ! Ужель вотще я умоляю?
Я жизнь тебѣ дала, отдай мнѣ дочь!
Ты умолялъ меня, и я молю!
Ты руку мнѣ слезами орошалъ
Смотри, какъ предъ тобой я горько плачу!
Ты обнималъ тогда мои колѣна...
Вотъ я у ногъ твоихъ! Отдай мнѣ дочь!
Не спрашивай ея невинной крови...
Она одна осталась мнѣ теперь
Отечествомъ, семействомъ, утѣшенемъ...
Не отнимай ее: въ ней жизнь моя!
Вы побѣдители... Но развѣ должно
Убийствами вашъ подвигъ увѣнчать?
И въ постоянствѣ счастья и побѣды

Изъ смертныхъ кто увѣренъ можетъ быть?
Я—горестный тебѣ примѣръ!

Давно ль семействомъ
И радовалась и гордилась я?
И все прошло, исчезло! Я въ плѣну;
Нѣтъ царства, нѣтъ друзей и нѣтъ дѣтей!
О, сжался, мудрый сынъ Лаэрта; ты
Между царями силенъ краснорѣчьемъ...
Скажи имъ, убѣди ихъ, пристыди,
Что низко и безбожно поражать
Дѣтей и женъ! Что боги никогда
Не требуютъ невинной крови въ жертву!
Что, даровавъ побѣду Грекамъ, боги
Довольны будутъ милосердемъ ихъ!
Что плѣнныхъ умерщвлять постыдно, низко!..
Улиссъ, склонись, спаси! Тебя я буду
Любить какъ брата, какъ отца, какъ бога!

ПОЛИКСЕНА. Улиссъ! я за тобой иду... О, мать!

Не останавливай меня, и дай мнѣ
Безъ униженья умереть... Мы все
На свѣтъ потеряли; сохранимъ же
Наслѣдіе и брата и отца;
Пусть жизнь возьмутъ, намъ остается честь!

ГЕКУБА. Дочь! мужество твое теперь ужасно!..
Мы только умолять должны и плакать...
О Греки, вы въ жестокости своей
Несправедливы и ослѣплены...
Вы смерть Ахилла отомстить хотите?..
Его убилъ Парисъ, мой сынъ... Такъ я
Одна должна быть принесена быть въ жертву...
Ведите на гробницу вы меня,
И кровь мою пролейте...

УЛИССЪ. Не тебя, но Поликсену требуетъ Ахиллъ!

ГЕКУБА. Такъ умертвите насъ обѣихъ, только
Не разлучайте такъ жестоко насъ!

УЛИССЪ. Мы рады васъ обѣихъ пощадить,
Когда бы гласъ боговъ не называлъ жертвы.

ГЕКУБА. Но развѣ дочь могу я пережить?

УЛИССЪ. Мы то свершимъ, что повелѣли боги...

ПОЛИКСЕНА. О, мать моя! Что наши всѣ слова?

Противиться мы развѣ можемъ силѣ?
Ужель намъ ждать, чтобы людей толпа
И полъ нашъ оскорбила и лѣта?
Нѣтъ! волъ рока обѣ предадимся...

Прижми меня послѣдній разъ въ объятья!
 Позволь колѣна мнѣ твои обнять!
 Дай руку мнѣ свою поцѣловать!..
 Благослови меня въ часъ грозной смерти!
 Живи, страдай, я счастливѣй тебя!

ГЕКУБА. Отъ всѣхъ дѣтей мнѣ дочь одна осталась,
 И ту злодѣи умертвить хотять!
 Что станется со мной? Чего мнѣ ждать?

ПОЛИКСЕНА. Что жъ отъ тебя сказать отцу и брату?

ГЕКУБА. Скажи имъ, что моихъ страданій мѣру
 Рокъ переполнилъ!..

ПОЛИКСЕНА. Тамъ тебя мы встрѣтимъ!

Улиссъ, подай мнѣ жертвенный покровъ;

Онъ отъ меня скорбь матери сокроетъ..

Я умереть готова, но не въ силахъ

Перенести ея мученій, слезъ...

Еврипидъ (Гекуба).

(Материнская любовь, радость свиданія).

ГУДУЛА. Дочь моя, моя дочь! У меня есть дочь! Вотъ она...
 Богъ мнѣ возвратилъ ее. Вы... идите всѣ посмотрѣть на мою
 дочь... Боже мой! какъ она хороша! Господи! пятнадцать лѣтъ
 Ты заставилъ меня ждать и возвратилъ мнѣ ее красавицей. Цы-
 гане ее не испортили! Кто мнѣ говорилъ это? Дочка, милая
 дочка, поцѣлуй меня. О, добрые цыгане, какъ я люблю ихъ... Да,
 это ты!.. Такъ вотъ почему мое сердце билось всякій разъ, какъ
 ты проходила мимо. А я думала, что ненавижу тебя; о прости
 мнѣ, моя Агнеса, прости мнѣ. Ты думала, что я злая; я люблю
 тебя. Твой маленькій шейный значекъ, цѣль онъ? О, да, вотъ онъ.
 О, красавица! Вѣдь отъ меня ты получила свои большіе глаза,
 дочка. Поцѣлуй меня, я люблю тебя. Теперь мнѣ все равно, что
 у другихъ матерей есть дѣти; какое мнѣ дѣло до нихъ! Пусть
 придутъ, посмотрятъ: вотъ моя дочь. Вотъ ея шея, глаза, волосы,
 руки!.. Пусть найдутъ у когонибудь лучше. Ручаюсь, что многіе
 въ нее влюбятся... Я плакала пятнадцать лѣтъ; я подурнѣла, она
 стала красавицей. Поцѣлуй меня!..

Гюго. (Соборъ Богоматери, част. XI. гл. 1).

(Материнская любовь, борьба любви и эгоизма).

МЕДЕЯ. О, дѣти, дѣти! у васъ есть теперь и родина и домъ,
 гдѣ, покинувъ меня несчастную, вы будете жить, на вѣки раз-
 ставшись съ матерью; я же изгнанницей пойду въ другую страну;
 я не буду радоваться съ вами, не буду видѣть васъ счастливыми,
 не буду снаряжать вашихъ свадебъ, убирать вашихъ невѣсть и
 брачныхъ постелей; не буду зажигать свадебныхъ факеловъ. О, я
 несчастная своимъ неукротимымъ увлеченіемъ! Напрасно же я
 вскормила васъ, дѣти! напрасно я страдала, томилась мученіями
 и переносила тяжкія боли. Я-то надѣялась, возлагала когда-то
 на васъ великія надежды; я-то надѣялась, что вы будете кормить
 меня, старуху; что когда умру, вы погребете меня прилично,
 какъ слѣдуетъ. Теперь погибла эта сладкая надежда. Разлучен-
 ная съ вами, я проведу жизнь печальную и грустную; и вы ни-
 когда не увидите матери вашими милыми глазами; вы перейдете
 къ другой жизни! Горе мнѣ, горе! Зачѣмъ вы смотрите на меня
 вашими глазами, зачѣмъ вы улыбаетесь вашею послѣднею улыбкою.
 Горе мнѣ, горе! Что мнѣ дѣлать? Смѣлость моя пропадаетъ, когда
 смотрю на свѣтлыя очи дѣтей моихъ. Нѣтъ, не могу. Простите,
 прежніе замыслы! я уведу съ собою дѣтей изъ этой страны; тамъ,
 живучи со мною, они будутъ радовать мое сердце. Зачѣмъ, за-
 ставляя отца страдать ихъ страданіями, подвергаться мнѣ вдвое
 большимъ страданіямъ? Нѣтъ, никогда, никогда! Простите за-
 мыслы! Но что я дѣлаю? Неужели я захочу подвергнуться на-
 смѣшкамъ, оставивъ своихъ враговъ не отмщенными. Нѣтъ, нужно
 рѣшиться! Ахъ ты, робкое сердце, зачѣмъ ты поддаешься нѣж-
 нымъ увлеченіямъ! Удалитесь въ домъ дѣти, отвернись, кто хо-
 четъ, отъ этой кровавой жертвы. Рука моя не дрогнетъ...

Еврипидъ. (Медея).

(Материнская любовь, извѣстіе о сынѣ).

МАРФА. Сынъ—несомнѣнно! Дальніе края
 И дикія пустыни возмutilись—

И за него оружіе подняли;
 Полякъ-вельможа, гордый палатинъ,
 Рѣшается отдать ему въ супруги
 Не дочь свою, а золото литое...
 И я одна, я, мать, его отвергну?
 И буду очевидицей нѣмой
 Какъ вихорь общей радости и счастья
 Всю Русь охватить въ день вѣнчальный сына?
 Онъ сынъ мой!—знаю, чувствую и вѣрю!
 Хочу повѣрить и берусь за якорь
 Ниспущенный мнѣ съ неба для спасенья.
 Онъ! онъ идетъ вооруженно
 Спасти меня и отомстить врагу!
 Я слышу звуки громкихъ трубъ и бубновъ!
 Сбирайтесь отъ сѣвера и юга,
 Изъ всѣхъ степей, изъ вѣковыхъ лѣсовъ,
 Всѣ языки державному на встрѣчу
 По всѣмъ путямъ! Сѣдлайте и коня,
 Взнуздайте и оленя и верблюда!
 Какъ волны моря, слейтесь отовсюду
 Безчисленно подъ царскую хоругвь!
 О, для чего же здѣсь съ тоской—печалью,
 И имъ конца и мѣры нѣтъ—я гибну?
 Ты, солнце вѣковѣчное! Ты ходишь
 Кругомъ земли—неси мои желанья!
 Ты, воздухъ необъятный и легучій,
 Вѣй на него моимъ благословеньемъ.
 Опричь молитвъ и скорби ничего
 Нѣтъ у меня. Изъ глубины душевной
 Ихъ окрыленно шлю я въ выси неба,
 Чтобъ воинствомъ помощнымъ низошли
 Ко моему возлюбленному сыну.

Шиллеръ. (Димитрій Самозванецъ, д. II. сц. 4).

Материнская любовь, сожалѣніе).

Бальзамина. (*Одна сидитъ съ чулкомъ въ рукахъ.*) Миша! Миша! Что ты тамъ въ кухнѣ дѣлаешь? («Не мѣшайте, маменька! Матрена меня завиваетъ!») Все завивается! Все завивается! Красотой-то своей ужъ очень занятъ. Эхъ, молодо, зелено! Все счастье себѣ хочеть составить, прельстить кого-нибудь. А я такъ думаю, не прельститъ онъ никого; разумомъ-то онъ у

меня больно плохъ. Другой и собой-то, изъ лица-то не казистъ, такъ словами обойдетъ; а мой-то умныхъ словъ совсѣмъ не знаетъ. Да, да! Ужъ и жаль его. Знай-ка онъ умныя-то слова, по нашей бы сторонѣ много могъ выиграть: сторона глухая, народъ темный. А то словъ-то умныхъ не знаетъ. Да и набраться то негдѣ. Ужъ хоть бы изъ стиховъ что ли выписывалъ. (*Подумавъ.*) И диковина это, что случилось! Въ кого это онъ родился такъ бѣлокуръ? Опять бѣда: нынче бѣлокурые-то не въ модѣ. Ну и носъ.... не то, чтобы онъ курносый вовсе, а такъ мало какъ-то, чего-то нехватаетъ. А понравится хочеться, особенно, кабы богатой невѣстѣ. Ужъ такъ, бѣдный, право, старается,—изъ кожи лѣзетъ. Кто жъ себѣ врагъ! Сторона-то у насъ такая, богатыхъ невѣстѣ очень много, а глупы вѣдь. Можетъ, Мишѣ и почастливится по ихъ глупости. Умишкомъ-то его очень Богъ обидѣлъ. (*Бальзаминовъ кричитъ изъ кухни.* «Маменька, я хочу аля-полька завиться!») Глупенькій, глупенькій! Зачѣмъ ты завиваешься? Волосы только ерошишь, да жжешь, всѣ врозь смотрять. Такъ-то лучше къ тебѣ идетъ, натуральнѣе! Ахъ ты, Миша, Миша! Мнѣ-то ты милъ, я-то тебя ни на кого не промѣняю; какъ-то другимъ-то понравишься, особенно богатымъ-то? Что-то ужъ и не вѣрится! На мой-то бы глаза лучше и нѣтъ тебя, а другіе-то нынче разборчивы. Поговорять съ тобой, ну и увидятъ, что ты умомъ-то недостаточенъ. А кто жъ этому виноватъ? (*Вздыхаетъ.*) Глупенькій ты мой! А вѣдь, можетъ, и счастливъ будетъ. Говорять, такимъ-то Богъ счастье даетъ.

Островскій. (Праздничный сонъ до обѣда. д. I, яв. 1).

(Отцовская любовь, разлука).

Эдипъ.

Будь счастливъ и за этотъ шагъ одинъ:
 Пусть Богъ хранить тебя, не какъ меня!
 О, дѣти, гдѣ вы, гдѣ? Сюда, ко мнѣ,
 Къ рукамъ моимъ, какъ брата, подойдите!
 Родившаго отца взоръ прежде свѣтлый
 Вотъ какъ онъ вамъ нынѣ дали видѣть!
 Отца, который васъ родилъ, не зная,

Отъ той, которую былъ самъ рождень!
 Не вижу васъ, но плачу я объ васъ,
 Когда подумаю, какъ вамъ придется
 Прожить съ людьми остатокъ горькой жизни.
 Въ какое общество пойдете гражданъ?
 На праздники какіе вы пойдете,
 Чтобъ съ праздникомъ, не съ плачемъ въ домъ вернуться?
 Когда жъ достигнете вы лѣтъ замужства,
 Найдется ль, дѣти, человекъ такой,
 Который бы сталъ выше предразсудка
 И принялъ бы сей пагубный позоръ,
 Приросшіи къ тѣмъ, которые меня,
 И къ тѣмъ, которые родили васъ.
 Какого зла не достаетъ еще!
 Отца убилъ отецъ вашъ и потомъ
 Онъ съ матерью своей прижилъ дѣтей —
 Упреки въ томъ придется слушать вамъ.
 И кто жъ возьметъ васъ за себя? Никто.
 Безъ брака, безъ дѣтей умрете вы.
 О, Менекей сынъ! Когда мы оба,
 Которые родили ихъ, погибли,
 И ты одинъ отецъ имъ остаешься,
 Не брось ты ихъ — онѣ тебѣ родны —
 Безъ мужа, въ бѣдности, чтобъ не скитались
 И не сравняй съ моей и ихъ судьбу,
 Но пожалѣй, въ такихъ ихъ видя лѣтахъ,
 Всего лишенныхъ, лишь въ тебѣ одномъ
 Имѣющихъ надежду всю. О, дѣти!
 Когда бъ имѣли вы и смыслъ и разумъ,
 Я много бъ вамъ сказалъ. Теперь одно
 Миѣ остается пожелать, чтобъ вамъ
 Досталась лучше жизнь, чѣмъ жизнь отца.

Соболъ. (Эдипъ-Царь).

(Отцовская любовь, горе).

Пріамъ. Вспомни отца своего, Ахиллесъ, безсмертнымъ подобный,
 Старца такого жъ, какъ я, на порогѣ старости скорбной!
 Можетъ быть, въ самый сей мигъ и его, окруживши, сосѣды
 Ратью тѣнятъ и некому старца отъ горя избавить.
 Но, по крайней онъ мѣрѣ, что живъ ты и зная, и слыша,
 Сердце тобой веселитъ и вседневно льстится надеждой
 Милаго сына узрѣть, возвратившагося въ домъ изъ подъ Трои.
 Я же, несчастнѣйшій смертный, сыновъ возрастилъ браноносныхъ

Въ Тронѣ святой, и изъ нихъ ни единого миѣ не осталось!
 Я пятьдесятъ ихъ имѣлъ при нашествіи рати Ахейской:
 Ихъ девятнадцать братьевъ отъ матери было единой,
 Прочихъ родили другія любезныя жены въ чертогахъ;
 Многимъ Арей истребитель сломилъ имъ несчастнымъ колѣна.
 Сынъ оставался одинъ, защищалъ онъ и градъ нашъ и гражданъ;
 Ты умертвилъ и его, за отчизну сражавшагося храбро,
 Гектора. Я для него прихожу къ кораблямъ Мирмидонскимъ;
 Выкупить тѣло его приношу драгоцѣнный я выкупъ.
 Храбрый, почти ты боговъ! Надъ моимъ злополучіемъ сжался,
 Вспомнивъ Пелея родителя! Я еще болѣе жалокъ!
 Я испытую, чего на землѣ не испытывалъ смертный:
 Мужа, убійцы дѣтей моихъ, руки къ устамъ прижимаю.

Гомеръ (Иліада пѣснь XXIV).

Лиръ (входитъ съ трупомъ Корделии на рукахъ).

Рыдайте, люди, войте, войте, войте...
 О, каменный народъ! будь у меня
 Твои глаза да глотка, я бы такъ
 Рыдалъ, что вопль мой раскололъ бы небо! —
 Она ушла на вѣки... Да, я знаю,
 Кто мертвый, кто живой... Она мертва;
 Какъ мать сыра-земля!
 Дай зеркало... вотъ, если на губахъ
 Стекло у ней потускнетъ, запотѣетъ,
 Тогда жива... ..Перо
 Дрожить... Она жива... Будь ты жива —
 За разъ бы тутъ съ души снялось все горе,
 Что пережилъ за весь свой вѣкъ!

Чума на васъ,
 На всѣхъ на васъ, предатели, убійцы!
 Я бъ могъ спасти ее... Теперь она
 Ушла на вѣкъ! Корделия, Корделия,
 Постой на мигъ! Ты говоришь?... У ней
 Всегда былъ нѣжный, милый, тихій голосъ —
 У женщины прелестнѣйшая вещь. —
 А рабъ ее повѣсилъ...

Повѣшенъ мой голубчикъ бѣдный!.. Нѣтъ,
 Нѣтъ жизни! нѣтъ! Собака, лошадь, мышь
 Живутъ, а ты... Хотъ бы одно дыханье!
 И не придешь ты больше никогда!..
 О никогда! во вѣки никогда!..

Послушай, здѣсь вотъ разстегни... Спасибо.
Ты видишь? а?... Смотрите на нее...
Смотри... Ея уста... Смотри жъ, смотри! (*умираетъ*).

Шекспиръ (Король Лиръ, д. V, сц. 4).

(Отцовская любовь, нѣжная заботливость).

ЦАРЬ. Что, Ксенія? что милая моя?
Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ.
Дитя мое! судьба мнѣ не судила
Винникомъ быть вашего блаженства.
Я, можетъ быть, прогнѣвалъ небеса,
Я счастье твое не могъ устроить;
Безвиная! зачѣмъ же ты страдаешь!
А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?

ФЕОДОРЪ. Чертежъ земли Московской, наше царство
Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва,
Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море,
Вотъ Пермскіе дремучіе лѣса.
А вотъ Сибирь.

ЦАРЬ. А это что такое
Узоромъ здѣсь вѣется?

ФЕОДОРЪ. Это Волга.

ЦАРЬ. Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья!
Какъ съ облаковъ ты можешь обозрѣть
Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.
Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни.
Когда нибудь, и скоро, можетъ быть,
Всѣ области, которыя ты нынѣ
Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
Всѣ подъ руку достанутся твою.
Учись, мой сынъ, и легче, и яснѣе
Державный трудъ ты будешь постигать.

Пушкинъ (Борисъ Годуновъ).

ЦАРЬ. Подите всѣ—оставьте одного
Царевича со мною. Умираю;
Обнимемся. Прощай, мой сынъ: сейчасъ
Ты царствовать начнешь... о Боже, Боже!
Сейчасъ явлюсь передъ тобой—и душу
Мнѣ некогда очистить покаяньемъ!

Но чувствую, мой сынъ, ты мнѣ дороже
Душевнаго спасенья... такъ и быть!
Я подданнымъ рожденъ, и умереть
Мнѣ подданнымъ во мракѣ бѣ надлежало,
Но я достигъ верховной власти—чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
А я за все одинъ отвѣчу Богу.
О, милый сынъ, не обольщайся ложно,
Не ослѣпляй себя ты добровольно.
Въ дни бурные державу ты приемишь:
Опасенъ онъ, сей чудный самозванецъ,
Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленіи искушенный,
Могъ удержать смятеніе и мятежъ;
Передо мной они дрожали въ страхѣ;
Возвысить гласъ измѣна не дерзала;
Но ты молодой, неопытный властитель,
Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушишь мятежъ, опутывать измѣну!
Но Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу... Слушай:
Совѣтника во-первыхъ избери
Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
Любимаго народомъ, а въ боярахъ
Почтеннаго породой, или славой—
Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
Искусный вождь: Басманова пошли
И съ твердостью снеси боярскій ропотъ.
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ Думѣ,
Ты знаешь ходъ державнаго правленія;
Не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка—
Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
Возстановить опалы, казни—можешь
Ихъ отмѣнить: тебя благословятъ,
Какъ твоего благословляли дядю,
Когда престолъ онъ Грознаго пріялъ.
Со временемъ и по немногу снова
Затягивай державные бразды:
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпускай.
Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай.
Со строгостью храни Уставъ церковный.
Будь молчаливъ! не долженъ Царскій голосъ
На воздухъ теряться по пустому;

Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
 Велику скорбь, или великій праздникъ.
 О, милый сынъ! ты входишь въ тѣ лѣта,
 Когда намъ кровь волнуется женскій ликъ—
 Храни, храни святую чистоту
 Невинности и гордую стыдливость!
 Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
 Въ молодые дни привыкнулъ утопать,
 Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
 И умъ его безвременно темнѣетъ.
 Въ семьѣ своей будь всегда главой;
 Мать почитай, но властвуй самъ собою:
 Ты мужъ и Царь; люби свою сестру—
 Ты ей одинъ хранитель остаешься.

Пушкинъ. (Борисъ Годуновъ).

(Отцовская любовь, нѣжность).

О грезахъ юности, томимъ воспоминаньемъ,
 Съ отрадой тайною и тайнымъ содроганьемъ,
 Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
 О, если бъ знало ты, какъ я тебя люблю!
 Какъ милы мнѣ твои улыбки молодыя
 И быстрые глаза, и кудри золотыя,
 И звонкій голосокъ! Не правда ль, говорятъ,
 Ты на нее похожъ? Увы! года летятъ;
 Страданія ее до срока измѣнили,
 Но вѣрные мечты тотъ образъ сохранили
 Въ груди моей; тотъ взоръ, исполненный огня,
 Всегда со мной. А ты, ты любишь ли меня?
 Не скучны ли тебѣ мои непрошенные ласки?
 Не слишкомъ часто-ль я твои цѣлую глазки?
 Слеза моя твоихъ ланитъ не обожгла-ль?
 Смотри жъ, ни про мою печаль,
 Ни вовсе обо мнѣ. Къ чему? Ее, быть можетъ,
 Ребяческій рассказъ разсердить, или встревожить;
 Но мнѣ ты все повѣрь. Когда въ вечерній часъ,
 Предъ образомъ съ тобой заботливо склонясь,
 Молитву дѣтскую она тебѣ шептала
 И въ знаменье креста персты твои сжимала,
 И всѣ знакомыя, родныя имена
 Ты повторялъ за ней,—скажи, тебя она
 Ни за кого молиться не учила?
 Блѣднѣя, можетъ быть, она произносила

Названіе теперь забытое тобой...
 Не вспоминай его... Что имя?—Звукъ пустой!
 Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной.
 Но если, какъ нибудь, когда нибудь, случайно
 Узнаешь ты его,—ребяческіе дни
 Ты вспомни и его, дитя, не прокляни!..

Дермонтовъ.

(Религіозное чувство, благоговѣніе).

О, Ты пространствомъ безконечный,
 Живый въ движеніи вещества,
 Теченьемъ времени превѣчный,
 Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества!
 Духъ всюду сущій и единый,
 Кому нѣтъ мѣста и причины,
 Кого никто постичь не могъ,
 Кто все собою наполняетъ,
 Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ.
 Кого мы называемъ—Богъ!

Твое созданье я, Создатель!
 Твоей премудрости я тварь,
 Источникъ жизни, благъ податель,
 Душа души моей и царь!
 Твоей-то правдѣ нужно было,
 Чтобъ смертну бездну переходило
 Мое безмертно бытіе,
 Чтобъ духъ мой въ смертность облачился
 И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
 Отецъ; въ безсмертіе твое.
 Незыяснимый, Непостижный!
 Я знаю, что души моей
 Воображенія безсильны
 И тѣни начертать Твоей!
 Но если славословить должно,
 То слабымъ смертнымъ не возможно
 Тебя ничѣмъ инымъ почитать,
 Какъ имъ въ Тебѣ лишь возвышаться,
 Въ безмѣрной разности теряться
 И—благодарны слезы лить.

Державинъ. (Богъ).

(Религиозное чувство, суевѣріе).

Өеклуша. Послѣднія времена, матушка, Марѳа Игнатъевна, послѣднія, по всѣмъ примѣтамъ послѣднія. Еще у васъ въ городѣ рай и тишина, а по другимъ городамъ такъ просто содомъ, матушка: шумъ, бѣготня, ѣзда безпрестанная! Народъ-то такъ и снуеть, одинъ туда, другой сюда.

Кабанова. Некуда намъ торопиться-то милая, мы и живемъ, не спѣша.

Өекл. Нѣтъ, матушка, отъ того у насъ тишина въ городѣ, что многіе люди, вотъ хоть бы васъ взять, добродѣтелями, какъ цвѣтами, украшаются; отъ того-то все и дѣлается прохладно и благочинно. Вѣдь эта бѣготня-то, матушка, что значить? Вѣдь это суета! Вотъ хоть бы въ Москвѣ; бѣгаетъ народъ вездѣ да впередъ, неизвѣстно зачѣмъ. Вотъ она суета-то и есть. Суетный народъ, матушка, Марѳа Игнатъевна, вотъ онъ и бѣгаетъ. Ему представляется-то, что онъ за дѣломъ бѣжитъ; торопится, бѣдный, людей не узнаетъ, ему мерещится, что его манить нѣкто; а придетъ на мѣсто, анъ пусто, нѣтъ ничего, мечта одна. И пойдетъ въ тоскѣ. А другому мерещится, что будто онъ догоняетъ кого-то знакомаго. Со стороны-то свѣжій человѣкъ сейчасъ видить, что никого нѣтъ, а тому-то все кажется отъ суеты, что онъ догоняетъ. Суета-то, вѣдь, она въ родѣ туману бываетъ. Вотъ у васъ въ такой прекраснѣйшій вечеръ рѣдко кто и за ворота-то выдетъ посидѣть; а въ Москвѣ-то теперь гульбища, да игрища, а по улицамъ-то индо грохотъ идетъ; стонъ стоитъ. Да чего, матушка, Марѳа Игнатъевна, огненнаго змія стали запрягать, все видишь, для ради скорости.

Кабан. Слышала я, милая.

Өекл. А я, матушка, такъ своими глазами видѣла. Конечно, другіе отъ суеты не видятъ ничего, такъ онъ имъ машиной показывается; они машиной и называютъ, а я вѣдь видѣла, какъ онъ лапами-то вотъ такъ (*растопыриваетъ пальцы*) дѣлаетъ. Ну, и стонъ, которые люди хорошей жизни, такъ слышать.

Кабан. Назвать-то всячески можно, пожалуйъ хоть машиной

назови; народъ-то глупъ, будетъ всему вѣрить. А меня хоть ты золотомъ осыпь, такъ я не поѣду.

Өекл. Что за крайности, матушка! Сохрани Господи отъ такой напасти. А вотъ еще, матушка, Марѳа Игнатъевна, было мнѣ въ Москвѣ видѣніе нѣкоторое. Иду я рано поутру, еще чуть брезжится, и вижу на высококомъ, превысокомъ домѣ, на крышѣ, стоитъ кто-то, лицомъ черенъ. Ужъ сами понимаете, кто. И дѣлаетъ онъ руками, какъ будто сыплетъ что, а ничего не сыпится. Тутъ я догадалась, что это онъ плевелы сыплетъ, а народъ днемъ въ суетѣ-то своей невидимо и подберетъ. Отъ того-то они такъ и бѣгаютъ, отъ того-то у нихъ и женщины-то всѣ такія худыя, тѣла-то никакъ не нагуляютъ; да какъ будто онѣ что потеряли, либо чего ищутъ, въ лицѣ печаль, даже жалко.

Кабан. Все можетъ, моя милая! Въ наши времена чего дивиться!

Өекл. Тяжелыя времена, матушка, Марѳа Игнатъевна, тяжелыя. Ужъ и время-то стало въ умаленіе приходиться.

Кабан. Какъ такъ, милая, въ умаленіе?

Өекл. Конечно, не мы, гдѣ намъ замѣтить въ суетѣ-то? А вотъ умные люди замѣчаютъ, что у насъ и время-то короче становится. Бывало, лѣто и зима то тянутся, тянутся, не дождешься, когда кончатся; а нынче и не увидишь, какъ пролетятъ. Дни-то и часы все тѣже, какъ будто остались; а время-то, за наши грѣхи, все короче и короче дѣлается. Вотъ что умные-то люди говорятъ.

Кабан. И хуже этого, милая, будетъ.

Өекл. Намъ-то только не дожить до этого.

Кабан. Можетъ, и доживемъ.

Островскій. (Гроза, д. III, явл. 1).

(Религиозное чувство, фанатизмъ).

Великій Инквизиторъ. Стою ли я передъ монархомъ?

Король. Да.

Вел. Инквиз. Я этого не ожидалъ ужъ больше.

Кор. Я повторяю сцену лѣтъ прошедшихъ:

Филиппъ—инфантъ совѣта снова проситъ
У своего учителя.

Вел. Инквиз. Въ совѣтъ
Мой ученикъ, великій вашъ родитель
Ни разу не нуждался.

Кор. Онъ былъ счастливъ.
Я учинилъ убійство, кардиналъ,
И нѣтъ покоя.

Вел. Инквиз. Для чего жъ убійство
Вы учинили?

Кор. Я вдался въ обманъ
Ужасный, безпримѣрный...

Вел. Инквиз. Да, я знаю.

Кор. Какъ! что вы знаете?

Вел. Инквиз. Ужъ много лѣтъ
Я знаю то, что узнаете вы
Лишь съ захожденья солнца.

Кор. (съ отчаяніемъ). Такъ вы знали
Объ этомъ человѣкѣ?

Вел. Инквиз. Жизнь его
Давно съ начала до конца
Въ святыхъ регистрахъ Санта—Казы.

Кор. И онъ свободенъ былъ?

Вел. Инквиз. Нить, на которой
Онъ былъ привязанъ здѣсь, была длинна,
Но неразрывна.

Кор. Но онъ былъ за границей
Моихъ владѣній.

Вел. Инквиз. Гдѣ бы ни былъ онъ,
Я былъ при немъ.

Кор. (съ негодованіемъ ходитъ взадъ и впередъ). Вы знали въ чьихъ рукахъ
Я находился—и ни словомъ даже
Объ этомъ мнѣ не намекнули?

Вел. Инквиз. Этотъ
Вопросъ назадъ пріймите. Почему же
Вы не спросили насъ, когда въ объятья
Вы бросились къ такому человѣку?
Его вы знали. Взглядъ единый вамъ
Изобличалъ еретика. Что жъ васъ
Могло заставить скрыть такую жертву
Отъ наказанія

Кор. Онъ также въ жертву
Былъ принесенъ.

Вел. Инквиз. Нѣтъ, онъ убитъ... безславно,
Бошунственно. Та кровь, что намъ во славу

Должна бы течь обильными ручьями,
Убійцъ лишь подлыхъ руки обагрила.
Онъ нашимъ былъ. Что васъ могло заставить
Чужимъ добромъ, какъ тать, распоряжаться?
Онъ жилъ, чтобъ умереть чрезъ насъ. Его
На бѣдность вѣку нашему Господь
Самъ подарилъ, чтобъ мудрствующій умъ
Во всѣхъ его постыдныхъ заблужденьяхъ
Торжественно, открыто обличить.
То былъ обдуманый мой планъ. И вотъ,
Что сталося съ работой столькихъ лѣтъ!
Мы обокрадены, а вы остались
Лишь съ кровью на рукахъ.

Кор. Я страстью
Былъ увлеченъ. Прости мнѣ!

Вел. Инквиз. Страстью?
Филиппъ—инфантъ мнѣ развѣ отвѣчаетъ?
И развѣ постарѣлъ одинъ я?—Страстью! (*Качаетъ головой*).
Даруй же послѣ этого свободу
Своимъ народамъ, если самъ еще
Въ цѣпяхъ.

Кор. Въ такихъ дѣлахъ я новичекъ.
Еще. Имѣй со мной терпѣнье

Есть

Еще одна послѣдняя работа—
А тамъ отыди съ миромъ въ вѣчность.
Забудемъ прошлое, пусть миръ межъ нами,
Какъ прежде, водворится. Миръ иль нѣтъ?

Вел. Инквиз. Миръ, если вы раскаялись.

Кор. (Послѣ минутнаго молчанія).
Мой сынъ

Мнѣ измѣнилъ.

Вел. Инквиз. Чего же вы хотите?

Кор. Всего иль ничего.

Вел. Инквиз. Что значитъ все?
Кор. Я помогу уйти ему, коль смертью
Его нельзя мнѣ будетъ наказать.

Вел. Инквиз. И такъ?

Кор. Создашь ли ты такую вѣру,
Что защищала бы дѣтоубійство?

Вел. Инквиз. Чтобъ умирить святую справедливость
На древѣ Божій Сынъ былъ распятъ.

Кор. И эту мысль по всей Европѣ станешь
Ты проповѣдывать?

Вел. Инквиз. Доколѣ крестъ
Народы чтуть.
Кор. Я согрѣшаю противъ
Природы: этотъ мощный голосъ ты
Молчать заставишь ли во мнѣ?
Вел. Инквиз. Предъ вѣрой
Нѣтъ голоса природы.
Кор. Я даю
Тебѣ мои права судьи. Мнѣ можно ль
Совсѣмъ осторониться будетъ?
Вел. Инквиз. Дайте
Мнѣ ихъ.
Кор. Онъ мой единый сынъ. Кому же
Я все оставлю?
Вел. Инквиз. Лучше тлѣнью, чѣмъ
Свободѣ.
Кор. (встаетъ). Мы согласны. Въ путь теперь.
Вел. Инквиз. Куда?
Кор. Принять обѣщанную жертву. (уводитъ его).

Шиллеръ. (Донъ-Карлосъ д. V явл. 10).

Религиозная ревность (комич. форма) см. Шиллера «Лагеръ Валленштейна» вых. 8; умиленіе см. Майкова «Савонаролла»).

(Ханжество).

Оргонтъ. Неужли, Боже мой! слова ихъ справедливы?
Тартюфъ. Увы, мой братъ! погрязъ въ грѣхахъ я, нечестивый!
Изъ грѣшниковъ меня грѣшнѣе въ мѣрѣ нѣтъ...
Такимъ предателемъ гнущаться долженъ свѣтъ!
Вся жизнь моя есть плодъ душевнаго распутства
И скопище однихъ крамоль и душегубства!
И вотъ судьба мнѣ случай сберегла,
Чтобъ покаратъ меня за гнусныя дѣла!
Пусть извергу причтуть любя злѣдѣнья...
Какія я могу представить оправданья?
Нѣтъ, нѣтъ, предателя скорѣе обвини
И съ поруганіемъ изъ дома изгони!
Я всякій гнѣвъ почтѣ щедротою благою,
Въ сравненіи съ тѣмъ, чего я, безъ сомнѣнья, стою!
Оргонтъ. (Дамису). Злѣдѣй! Да какъ языкъ повертился твой,
Невинность обнести такою клеветой?

Дамисъ. Стыдитесь, батюшка! и этотъ злой притворщикъ
Увѣрить васъ...
Оргонтъ. Молчи, безсовѣстный доносчикъ!
Тартюфъ. Ахъ! пощади, твой сынъ ни въ чемъ не виноватъ;
Тебя единственно предостеречь хотѣть.
Нѣтъ, надобно узнать, какое я созданье...
Я, можетъ быть, на все рѣшиться въ состояннн!
Страшнсь, чтобъ наша связь не кончилась дурнымъ;
Не обольщай себя смиреніемъ моимъ.
Ты думаешь, что я полусвятой отшельникъ...
Но онъ поручится тебѣ, что я бездѣльникъ! (Дамису).
Такъ, сынъ возлюбленный, смѣлѣе продолжай!
И, не щадя меня, преслѣдуй и карай!
Ты видишь самъ, какимъ я извиваюсь змѣемъ!
Ругай меня ханжой, разбойникомъ, злодѣемъ,
Я все стерплю, во всемъ охотно признаюсь,
(Упадая на колѣна).
И даже пастъ къ твоимъ ногамъ не постыжусь!
Оргонтъ. О, Боже мой! и ты прощенія не просишь,
Злѣдѣй!
Дамисъ. Помилуйте!
Оргонтъ. Ты головы не сносишь,
Разбойникъ!
Дамисъ. Я клянусь!..
Оргонтъ. (Тартюфу). Молчи! Возстань, мой братъ!
Возстань! Ахъ, Боже мой!
Дамисъ. Но кто же виноватъ...
Оргонтъ. Молчи, злѣдѣй! или я выйду изъ терпѣнья!
Тартюфъ. Ахъ! христіанскаго не забывай смиренья.
И въ жизнь мою себѣ не позволяя
Чтобъ за меня другой невинно пострадалъ.
Оргонтъ. (Дамису). Безсовѣстный!
Тартюфъ. Твои упреки слишкомъ строги!..
(Упадая на колѣна)
Оргонтъ. (дѣлая то же). Я самъ скорѣе брошусь въ ноги.
Ахъ, Боже мой! (Обнимая Тартюфа). Мой братъ!
Дамисъ. И этотъ подлый льстецъ
Увѣрить васъ...
Оргонтъ. Молчи, безсовѣстный наглецъ!
А иначе сейчасъ, передъ его глазами,
Я задушю тебя отцовскими руками!
Я понялъ, я узналъ и вижу почему
Вы всячески вредить стараетесь ему;
И злобой вашею ничто не позабыто
Чтобъ святость клеветой запачкать ядовитой!

Такъ знайте же, что всё старанья ваши вздоръ;
Нѣтъ, варвары! я всёмъ пойду наперекоръ,
Я докажу, что онъ мнѣ будетъ зятемъ, сыномъ
И что я, наконецъ, здѣсь полнымъ господиномъ.

Дамисъ. Помилуйте! за что жъ вы губите сестру?

Оргонтъ. На зло тебѣ, злодѣй — сегодня-жъ ввечеру,
Я обвѣнчаю ихъ; а ты за оскорбленья,
Сейчасъ, при мнѣ, у ногъ его проси прощенья.

Дамисъ. Нѣтъ, подо мной земля разступится скорѣй!

Оргонтъ. Такъ я жъ по своему раздѣлаюсь, злодѣй,

(Тартюфу, который его удерживаетъ).

(Дамису). Гдѣ... что нибудь!.. позволь, святой отшельникъ,

Убить его, когда онъ живъ еще, бездѣльникъ!

Изчезни съ глазъ и въ домъ отцовскій ни ногой!

Дамисъ. Извольте, но клянусь!..

Оргонтъ. Ни слова! я съ тобой

Не знаюся; тебя наслѣдства я лишаю

И къ этому еще, разбойникъ, проклинаю!

(Дамисъ уходитъ).

Тартюфъ. Пускай его Господь по моему простить!

Одно, мой братъ, одно прискорбно мнѣ, конечно,

За что такъ оскорблять меня безчеловѣчно!

Оргонтъ. Мой другъ!

Тартюфъ. Я чувствую, что я не въ силахъ устоять,

Я самъ не свой!.. Убить и тѣломъ и душою,

И скоро къ вѣчному переселюсь покою!

Оргонтъ. *(въ слезахъ бѣжитъ къ дверямъ, въ которыя выгналъ сына).*

Ахъ, Боже мой! зачѣмъ эго я отпустилъ!

Зачѣмъ разбойника на мѣстѣ не убилъ!

(Тартюфу).

Ахъ, не грѣши! стыдись бѣздѣлкой сокрушаться.

Тартюфъ. Мой другъ! намъ надобно рѣшительно разстаться.

Оргонтъ. Въ умѣ ли ты?..

Тартюфъ. Повѣрь, возлюбленный мой братъ,

Что на меня не то еще наговорятъ.

Оргонтъ. Помилуй! я не дамъ имъ выговорить слова.

Тартюфъ. Нѣтъ, нѣтъ, клеветники вооружатся снова;

Ты слишкомъ добръ, чтобъ ихъ заставить замолчать

И посмотри — они поднимутся опять.

Оргонтъ. Нѣтъ, чортъ возьми!

Тартюфъ. Жена все сдѣлать въ состояннн!

Меня изгнать — ея первѣйшее желанье.

Оргонтъ. О женщины!

Тартюфъ. Къ чему себя намъ обольщать!..

Позволь, позволь тебя въ послѣдній разъ обнять!

Оргонтъ. Ахъ, пощади! за что жъ умру я сиротою?

Тартюфъ. Ахъ! сколько власти ты имѣешь надо мною.

Но я...

Оргонтъ. Ни слова, другъ!

Тартюфъ. Изволь, я остаюсь,

Но съ тѣмъ, что я тебѣ торжественно клянусь

Съ Эльмирой прекратить всё прежнія сношенья.

И чтобы не подать и тѣни подозрѣнья,

Я не увижуся съ ней больше никогда.

Оргонтъ.

А я хочу, чтобъ ты, наперекоръ, всегда

Съ ней видѣлся. Бѣсннть людей моя отрада!

И всёмъ на зло тебѣ за нею бѣгать надо.

Но мы не такъ еще злодѣямъ отомстимъ:

Я сдѣлаю тебя наслѣдникомъ моимъ,

Женю на дочери, и зятю въ награжденье

Сейчасъ бѣгу мое все укрѣпить имѣнье.

Не воспрепятствуй мнѣ въ намѣреннн благомъ!

Тартюфъ. Пусть воля Господа исполнится во всемъ!

Мольеръ. (Тартюфъ, д. III явл. 6 и 7).

(Любовь къ отечеству).

И какой же русскій не любить быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, не сказать иногда: «Чортъ побори все!» его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно — чудное? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ, и самъ летишь и все летишь; летятъ версты, летятъ на встрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ, съ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ; летитъ вся дорога ни вѣсть куда въ пропадающую даль; и что-то страшное заключено въ семь быстромъ мельканьн, гдѣ не успѣваетъ значиться пропадающій предметъ; только небо надъ головою, да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ — одни кажутся недвижны. Эхъ тройка, птица — тройка! кто тебя выдумалъ? знать, у бойкаго народа ты могла только родиться, — въ той землѣ, что не любить шутить, а ровнемъ — гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ

схваченъ винтомъ, а наскоро живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ, снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ, чортъ знаетъ, на чемъ; а привсталъ, да замахнулся, да затянулъ пѣсно—кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугъ остановившійся пѣшеходъ — и вонъ она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вонъ уже видно вдали, какъ что-то пылится и сверлитъ воздухъ.

Не такъ ли ты, Русь, что бойкая, необгонимая тройка, несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты; все отстаетъ и остается позади. Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель. Не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что значитъ это наводящее ужасъ движенье и что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони,—что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсно—дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ одинъ вытянутыя линіи, летяція по воздуху, и мчится, вся вдохновенная Богомъ!.. Русь, куда жъ несешься ты? дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливаются колокольчики; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и, косясь, сторониваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства.

Гоголь. (Мертвыя души, час. I.).

Русь! Русь! вижу я тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу. Бѣдна природа въ тебѣ, не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія ея дива, вѣчнанныя дерзкими дивами искусства, — города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя деревья и плющи, вросшіе въ дома, въ шумъ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящаясь безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменные глыбы; не блеснутъ сквозь набро-

шенныя одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какаѣ же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ухахъ твоихъ тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣсни? Что зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу, и выются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня! какаѣ непостижимая связь таятся между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?.. И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль предъ твоимъ пространствомъ. Что пророчить сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройти ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшную силою отразь во глубинѣ моей; естественной властью освѣтились мои очи... у! какаѣ сверкающая, чудная, незнакомаѣ землѣ даль, Русь!..

Гоголь. (Мертвыя души, ч. I.).

(Любовь къ искусству).

«Я ждалъ тебя, сынъ. Тебѣ предстоитъ путь, по которому стнынѣ потечетъ жизнь твоя. Путь твой чистъ, — не совратись съ него. У тебя есть талантъ; талантъ есть драгоценный даръ Бога,—не погуби его. Исслѣдуй, изучай все, что ни видишь, покори все кисти, но во всемъ умѣй находить внутреннюю мысль и пуще всего старайся постигнуть высокую тайну созданья. Бла-

женъ избранникъ, владѣющій ею! Нѣтъ ему низкаго предмета въ природѣ. Въ ничтожномъ художникъ-создатель такъ же великъ, какъ и въ великомъ; въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣннаго; ибо сквозитъ невидимо сквозь него прекрасная душа создаваемаго, и презрѣнное уже получило высокое выраженіе, ибо протекло сквозь чистилище его души. Намекъ о Божественномъ, небесномъ рабѣ заключенъ для человѣка въ искусствѣ, и потому одному оно уже выше всего. И во сколько разъ торжественный покой выше всякаго водненія мірскаго, — во столько разъ твореніе выше разрушенія; во сколько разъ ангель одной только чистой невинностью свѣтлой души своей выше всѣхъ немѣтныхъ силъ и гордыхъ страстей сатаны — во столько разъ выше всего, что ни есть на свѣтѣ, высокое созданье искусства. Все принеси ему въ жертву и возлюби его всей страстью, — не страстью, дышущей земнымъ вожделѣніемъ, но тихой, небесной страстью: безъ нея не властенъ человѣкъ вознестись отъ земли и не можетъ дать чудныхъ звуковъ успокоенія. Ибо для успокоенія и примиренія всѣхъ нисходитъ въ міръ высокое созданье искусства. Оно не можетъ поселить ропота въ душѣ, но звучащей молитвой стремится вѣчно къ Богу. Но есть минуты, темныя минуты...»

(Гоголь, Портретъ, ч. II).

(Любовь къ свободѣ).

Брутъ. Смерть его необходима, и не для меня — для себя мнѣ не къ чему искать его гибели, — а для общественнаго блага. Ему хочется короны; тутъ весь вопросъ въ томъ, какъ она измѣнитъ его? Вѣдь именно лучезарные дни и выводятъ ехидню, и это заставляетъ ходить осторожно. Коронуемъ его — тогда... тогда, конечно, снабдимъ жаломъ, дадимъ возможность вредить, когда вздумается. Но вѣдь величіе дѣлается злоупотребленіемъ тогда только, когда отдѣляется милосердіе отъ власти; Цезарь-же, если говорить правду, никогда не подчинялъ еще разсудка страстямъ своимъ. Но вѣдь извѣстно уже и то, что смиреніе — лѣстница юныхъ честолюбій, что на нее посматриваетъ только взбирающійся, что взобравшійся обращается къ ней спиною и смотритъ въ облака,

презирая нижними ступенями, по которымъ взбирался. Тоже можетъ и Цезарь; а чтобъ не могъ — необходимо предотвратить это. Если то, что онъ теперь и не оправдываетъ еще такой враждебности — она оправдывается тѣмъ, что всякое новое возвеличеніе его неминуемо приведетъ къ той, или другой крайности. А потому будемъ смотрѣть на него, какъ на змѣю въ яйцѣ, которая, когда вылупится, сдѣлается также зловредной, какъ и весь змѣиный родъ, и умертвимъ въ скорлупѣ еще.

Луцій. (входитъ). Свѣча зажжена. Но вотъ, отыскивая кремень, я нашель на окнѣ эту запечатанную бумагу; я знаю вѣрно, что ея не было на немъ, когда я пошелъ спать.

Брутъ. Ступай, спи: ночь не миновала еще. Вѣдь завтра, кажется, иды марта?

Луц. Не знаю.

Брутъ. Поди взгляни въ календарь и скажи мнѣ.

Луц. Сейчасъ (уходитъ).

Брутъ. Огненные испаренія вспыхиваютъ въ воздухѣ такъ часто, что можно прочесть и здѣсь. (Развертываетъ письмо и читаетъ). «Ты спишь, Брутъ! проснись и сознай себя. Неужели Римъ... Говори, рази, спасай! Ты спишь, Брутъ, проснись!» — Съ нѣкотораго времени часто подбрасываютъ мнѣ такія письма. «Неужели Римъ...» — я долженъ пополнить это такъ: неужели Римъ склонить выю подъ гнетъ одного человѣка? Какъ, Римъ? Мои предки выгнали Тарквинія изъ Рима, только что его провозгласили царемъ. — «Говори, рази, спасай!» — Меня просятъ говорить, разить. О Римъ! придется спасать тебя — клянусь: ты будешь вполне удовлетворенъ рукой Брута.

Брутъ. Будьте только до конца терпѣливы. — Римляне, сограждане, друзья, слушайте мое оправданіе и не нарушайте молчанія, чтобъ могли слышать; вѣрьте мнѣ ради чести моей и не откажите въ должномъ уваженіи моей чести, чтобы могли вѣрить; судите меня по вашему разумѣнію и напрягите все ваше вниманіе, чтобы могли судить справедливо. Если между вами есть хоть одинъ искренній другъ Цезаря — я скажу ему, что Брутъ любилъ

Цезаря не меньше его. Если затѣмъ этотъ другъ спросить: отчего жъ возсталъ Брутъ противъ Цезаря—я отвѣчу ему: не оттого чтобы я меньше любилъ Цезаря, а отъ того, что любилъ Римъ больше. Что было бы для васъ лучше: видѣть ли Цезаря живымъ, и умереть всѣмъ рабами, или видѣть его мертвымъ, чтобы всѣмъ жить людьми свободными? Цезарь любилъ меня—и я оплакиваю его; онъ былъ счастливъ — и я радовался этому; онъ былъ доблестенъ — и я уважалъ его; но онъ былъ властолюбивъ — и я убилъ его. Тутъ все—и слезы за любовь, и радость счастію, и уваженіе за доблести, и смерть за властолюбіе. Есть между вами хоть одинъ человѣкъ столь подлый, что желаетъ быть рабомъ? Есть — пусть говорить: только онъ и оскорбленъ мной. Есть между вами человѣкъ столь глупый, что не желаетъ быть Римляниномъ? Есть—пусть говорить: только онъ и оскорбленъ мной. Есть между вами человѣкъ столь гнусный, что не любитъ своего отечества? Есть—пусть говорить: только онъ и оскорбленъ мной. Я жду отвѣта.

Граждане. Нѣтъ, Брутъ, нѣтъ между нами такого?

Брутъ. А когда такъ, то никто и не оскорбленъ мной. Я поступилъ съ Цезаремъ, какъ вы поступили бы и съ Брутомъ. Причины смерти его вписаны въ Капитоліѣ безъ всякаго умаленія его достоинствъ, безъ всякаго преувеличенія вины, за которую умеръ.

(Входятъ Антоній и другіе съ трупомъ Цезаря).

Вотъ и трупъ его, провозжаемый Маркомъ Антоніемъ, который, хотя и не участвовалъ въ умерщвленіи его—воспользуется, однако же, плодами его смерти, займетъ мѣсто въ республикѣ, какъ и каждый изъ васъ. Вотъ мое послѣднее слово: для блага Рима я убилъ человѣка, котораго любилъ наиболѣе — сразу и себя тѣмъ же самымъ кинжаломъ, если смерть моя понадобится отечеству.

Граждане. Живи, Брутъ! живи! живи!

Шекспиръ (Юлій Цезарь Д. II сц. 1 и Д. III. Сц. 2).

(Любовь къ свободѣ см. Шиллера «Донъ Карлосъ», д. III, сц. 10).

(Ненависть. Презрѣніе гнѣвное).

Медея. О презрѣннѣйшій! Увы! не знаю другаго слова, чтобы выразить твою робкую низость; такъ это ты пришелъ ко мнѣ, ты, мой злѣйшій врагъ? Вѣдь это не мужество и не смѣлость, если кто, сдѣлавши людямъ зло, смотритъ прямо имъ въ глаза: вѣдь это безстыдство, величайшее зло изъ всѣхъ золъ между людьми! Но ты хорошо сдѣлалъ, что пришелъ. Высказавши тебѣ все, я облегчу мою душу, и ты, слушая меня, заболишь сердцемъ. Начну съ самаго начала. Я спасла тебя, какъ знаютъ то Греки, бывшіе съ тобою на кораблѣ Арго, когда тебѣ нужно было обуздать огнемъ пыпущихъ быковъ и взорать ими смертоносное поле. Я убила дракона, что, никогда не зная сна, стерегъ золотое руно, обвинивъ его своими кольцами и тѣмъ озарила тебя свѣтомъ спасенія. Покинувъ отца и родной домъ, я, безразсудная, отправилась съ тобою въ Іолкосъ, въ Пеліотиду; я умертвила Пеліаса самою плачевною смертію, руками его дочерей, и избавила тебя отъ страха. И ты, презрѣннѣйшій изъ людей, обязаный мнѣ столькими благодѣяніями, бросилъ меня и, имѣя дѣтей, затѣялъ новый бракъ. Еще бы можно простить тебѣ, если бы ты былъ бездѣтенъ. Твои клятвы въ вѣрности разсыпались: не знаю, не думаешь ли, что боги, правившіе тогда міромъ, теперь уже не правятъ имъ; что теперь между людьми иные законы, а не тѣ, которые были тогда, потому что ты, сознавая, нарушилъ данную клятву. Сколько разъ ты, презрѣннѣйшій, сжималъ эту руку! Сколько разъ обнималъ мои колѣна! И теперь ты обманулъ меня, лишилъ меня надеждъ. Куда же я теперь пойду. Не въ домъ ли отца, не на родину ли, которыми я пожертвовала для тебя? Не къ несчастнымъ ли дочерямъ Пеліаса? Безъ сомнѣнія, прекрасно и онѣ примутъ меня, убійцу ихъ отца! Вотъ каково мое положеніе: стариннымъ моимъ друзьямъ я стала ненавистна; тѣмъ, кому не слѣдовало мнѣ дѣлать зла, я, изъ любви къ тебѣ, сдѣлалась врагомъ! Да, за все это ты далъ мнѣ счастіе, которому позавидуетъ вся Греція. И я, несчастная, найду въ тебѣ чуднаго и вѣрнаго мужа, когда изгнанная изъ этой страны, пойду скитаться

одна безъ друзей, съ дѣтьми только. Прекрасная слава пойдетъ о тебѣ, молодомъ женихѣ, когда я, спасшая тебя, и твои дѣти будутъ скитаться нищими.

Еврипидъ. (Медея).

(Презрѣніе къ самому себѣ)

Гамлетъ. (*одинъ*) Богъ съ вами! Я одинъ теперь...

Какое я ничтожное созданье!

Комедіантъ, наемщикъ жалкій, и въ дурныхъ стихахъ

Мнѣ, выражая страсти, плачетъ и блѣднѣетъ,

Дрожить, трепещетъ... Отчего?

И что причина? Выдумка пустая:

Какая то Гекуба!

Чтожь ему Гекуба?

Зачѣмъ онъ дѣлитъ слезы, чувства съ нею?

Что, если бѣ страсти онъ имѣлъ причину,

Какую я имѣю? Залилъ бы слезами

Онъ весь театръ, и воплемъ растерзалъ бы слухъ,

И преступленье ужаснулъ, и въ жилахъ

У зрителей онъ заморозилъ кровь!

А я?

Ничтожный я, презрѣнный человекъ,

Безчувственный—молчу, молчу, когда я знаю,

Что преступленье погубило жизнь и царство

Великаго властителя... отца!.. Или я трусь?

Кто смѣетъ словомъ оскорбить меня,

Или нанести мнѣ оскорбленье безъ того,

Чтобъ за обиду не вступился я,

Не растерзалъ обидчика, не кинулъ

На растерзанье вранамъ трупъ его? И что же?

Чудовище разврата и убійцу вижу я,

И самый адъ зоветъ меня къ отмщенью,

А я безлодно изливаю гнѣвъ въ словахъ,

И онъ безвреденъ—онъ, когда я живъ,

Я, сынъ убитого отца, свидѣтель

Безславья матери!.. Гамлетъ, Гамлетъ!

Позоръ и стыдъ тебѣ!..

Шекспиръ. (Гамлетъ, д. II сц. II).

(Отвращеніе).

ГАМЛЕТЪ (*держитъ черепъ*). Увы, бѣдный Горикъ! Я зналъ его, Гораціо. Какую остроту ума имѣлъ онъ! Какія неподражаемыя выдумки! Сколько разъ носилъ онъ меня на плечахъ! А теперь—видъ отвратительный, ужасный! У меня поварачивается вся внутренность! Здѣсь были уста, которыя столь часто цѣловаль я! Гдѣ теперь шутки твои? Твои прыжки? Твои пѣсни? Твои остроты, возбуждавшіе за столомъ неумолкаемый хохотъ? Ни одной не осталось! Ни одной, посмѣяться надъ собственнымъ безобразіемъ! Иди теперь въ уборную красавицы, скажи, что пусть она хоть на палецъ толщиною наложитъ румянъ на щеки, ее ждетъ такое же превращеніе; заставь ее смѣяться при этомъ! Гораціо, скажи мнѣ одно, прошу тебя!

ГОРАЦІО. Что такое, принцъ?

ГАМЛЕТЪ. Думаешь ли ты, что великій Македонскій герой Александръ таковъ же сдѣлался въ могилѣ?

ГОРАЦІО. Точно таковъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ. И съ такою же вонью?—Фуй!... (*Бросаетъ черепъ*).

Шекспиръ. (Гамлетъ, д. V яв. 1).

(Подозрительность).

МОЗГЛЯКОВЪ (*одинъ*). Это ужасно! это ужасно! Онъ обманываетъ Фофочку, мою Фофочку, мою дочь... единственное существо въ моемъ... т. е. въ моемъ родѣ... негодяй! шелалай! тьфу! Я это зналъ... предчувствовалъ... не даромъ ни за что не хотѣлъ замужъ ее выдавать... вотъ оно и вышло по моему. Домато, со мною-то, она бы, голубушка моя, всегда была покойна, счастлива... я то бы ужъ ее не обманулъ, а онъ... я увѣренъ, что у него есть какая нибудь тамъ этакая, а можетъ и двѣ этакія... а можетъ и три этакія... а можетъ, какъ у Турки какаго нибудь... ай, ай, ай!.. И вѣдь полгода не прошло послѣ свадьбы,—просто изъ рукъ вонъ!.. Да нѣтъ, нѣтъ! ты, братъ, у меня

не отвертись! Я тебя выведу на свѣжую воду!.. Что онъ измѣняетъ ей; — теперь это не подлежитъ никакому сомнѣнію... это какъ $2 + 2 = 4!$.. И если Фофа это узнаетъ... вѣдь она его, изверга, любить до безумія... (*съ отчаяніемъ*) умереть, умереть непременно... жена моя, Прасковья Гавриловна тоже умереть... и я... я тоже умру, мы всѣ умремъ... ни за грошъ умремъ по той причинѣ, что этотъ разбойникъ, зять мой; — онъ гроша мѣднаго не стоитъ!.. дрянъ!.. мальчишка!.. (*приискивая выраженіе*) фармазонъ... (*пауза*). Сегодня всю ночь глазъ сомкнуть не могъ... этокое волненіе сдѣлалось... и у Прасковьи Гавриловны тоже... и у ней этокое волненіе сдѣлалось... у насъ у обоихъ этокое волненіе сдѣлалось!.. (*съ отчаяніемъ*) вотъ онъ до чего меня доводитъ!.. Наконецъ, я не вытерпѣлъ, — вѣдь это выше силъ Человѣческихъ, вскочилъ, одѣлся и сюда!..

Прокудинъ (*въ туфляхъ и халатъ, входя*). Извините, батюшка, я заставилъ васъ дожидаться... скажите, пожалуйста, что случилось?

Мозгл. (*таинственно*). Никто насъ не услышитъ?

Прокуд. Никто! — Вы меня пугаете... развѣ что матушка?

Мозгл. Нѣтъ, батюшка, дѣло не въ матушкѣ! присядьте.

Прокуд. Рѣшительно не понимаю.

Мозгл. (*торжественно*) присядьте! (*салятся*). Скажите мнѣ, Викторъ Александровичъ, вы вчера вечеромъ выѣзжали куда-нибудь?

Прокуд. (*просто*). Да — какъ и всегда!

Мозгл. Гм! И вернулись... поздно?

Прокуд. Нѣтъ... не очень, а что?

Мозгл. (*рѣзко*). Вы вернулись въ сорокъ-семь минутъ 12...

Прокуд. Можетъ быть, — что жъ изъ этого?

Мозгл. Съ 8-ми и до 22-хъ 9-го вы были въ галлерей?

Прокуд. Чтожъ тутъ дурнаго?

Мозгл. Гм!.. что дурнаго... вы не изволите вид... гм! въ галлерей... женатый человѣкъ... ничего, ничего, ваша рѣчь впереди, я продолжаю...

Прокуд. Позвольте однако, Иванъ Васильичъ... такъ вы

меня только для этого подняли съ постели въ 6 часовъ утра... (*хочетъ встать*).

Мозгл. (*удерживая его*). Позвольте... ваша рѣчь впереди... я продолжаю: изъ галлерей въ 22 минуты 9-го, вы поѣхали къ Оомину... ваша рѣчь впереди... у Оомина вы взяли букетъ въ 15 руб. сер... Съ васъ просили 17, но вы дали 15?

Прокуд. Да что же наконецъ, вы у меня въ карманѣ сидѣли, что ли? (*хочетъ встать*).

Мозгл. (*удерживая его*). Ваша рѣчь впереди, я продолжаю... съ этимъ букетомъ, въ 8 ч. 45 м., взявши извозчика, вы отправились въ Старую Конюшенную, въ домъ коллежскаго регистратора Перегуляева... пожалуйста, не запирайтесь!

Прокуд. И не думаю, помиуйте!

Мозгл. Подѣхавъ къ дому коллежскаго регистратора Перегуляева, вы позвонили, вамъ открыли... и вы вошли.

Прокуд. Естественно, коли отперли, такъ и вошелъ...

Мозгл. Съ букетомъ... замѣтите!

Прокуд. Ну да, съ бук...

Мозгл. Ваша рѣчь впереди!.. Въ 10 минутъ 12-го. вы вышли изъ дому коллежскаго регистратора Перегуляева и поѣхали домой.

Прокуд. Совершенно справедливо.

Мозгл. Штт! — вышли уже безъ букета... гдѣ букетъ? что вы сдѣлали съ букетомъ? а? — отвѣчайте мнѣ.

Прокуд. Но, наконецъ...

Мозгл. Штт! гдѣ букетъ? а — а? — Такъ-то, а? Такъ вы, милостивый государь, обманываете Фофочку... кому вы это возите букеты, — а? а? кому? (*встаютъ*).

Прокуд. Ну такъ! внапередъ зналъ! Да послушайте, Иванъ Семенычъ, наконецъ вѣдь это скучно становится. Придти въ 6 часовъ утра, стащить человѣка съ постели и битый часъ толковать о вздорѣ, о пустякахъ... и это каждый день, каждый Божій день. (*Съ досадою*). Иванъ Семенычъ, это ни на что не похоже, — изъ рукъ вонъ наконецъ...

Мозгл. Но... но... позвольте, — ваша рѣчь впереди...

Прокуд. Днем,—ну такъ ужъ и быть; а то и ночью... надо жъ и честь знать... Что жъ это такое?... покоя нѣтъ!

Мозгл. Не горячитесь... ваша рѣчь вл..

Прокуд. Я не горячусь, но хочу разъ навсегда поговорить съ вами серьезно! Вы, Иванъ Семенычъ, бесспорно, вы прекрасный, всѣми уважаемый человѣкъ...

Мозгл. Надѣюсь!..

Прокуд. Но у васъ есть одинъ странный недостатокъ, даже порокъ... манія,—шишка какая-то...

Мозгл. Что-о-о съ? какая тамъ шишка?..

Прокуд. Вы изъ вашей дочери сдѣлали себѣ кумира и обо-жаєте этотъ кумиръ до безумія..

Мозгл. Еще бы: Фофочка — это ангель... единственное су-щество въ своемъ и въ моемъ...

Прокуд. И мало этого, ревнуете ее на каждомъ шагу...

Мозгл. Довольно-съ!

Прокуд. Нѣтъ не довольно... отчего же?... (*смотритъ на часы*). Времени у насъ впереди много... вы по добротѣ душев-ной, разбудили меня въ 6 часовъ, (*садится*) такъ ужъ дѣлать не-чего, можно и побесѣдовать...

Мозгл. (*сидясь*). Можно.

Прокуд. (*подвигаясь къ нему со стуломъ*). Давайте разгова-ривать.

Мозгл. (*тоже*). Давайте.

Прокуд. Вы никогда не хотѣли выдавать вашей дочери за-мужъ, въ полной увѣренности, что никто, кромѣ васъ, не мо-жетъ составить ея счастья... До послѣдней минуты вы были про-тивъ нашей свадьбы и постоянно пугали Соню, пророча ей груст-ную жизнь.

Мозгл. И не ошибся.

Прокуд. Въ этомъ то и дѣло, что вы теперь изо всѣхъ силъ рветесь доказать, что не ошиблись, точно будто самолюбіе ваше тутъ замѣшано.

Мозгл. Что за вздоръ! Какаго тутъ чорта самолюбіе!..

Прокуд. Но я вамъ скажу одно. Подозрѣвая постоянно и,

откровенно говоря, постоянно надоѣдая вашими подозрѣніями, вы право будете сами виноваты, если Сонѣ придется дѣйстви-тельно испытать незавидное положеніе обманутой женщины.

Мозгл. Это какимъ образомъ? я-то что жъ тутъ?

Прокуд. Очень просто! Постоянная несправедливость и не-заслуженные упреки наводятъ иногда человѣка на поступки, ко-торые безъ того, быть можетъ, никогда бы ему въ голову не пришли.

Мозгл. Позвольте!—а букетъ?

Прокуд. Что букетъ?

Мозгл. Ну?

Прокуд. Букетъ былъ для Кати, моей двоюродной сестры.

Мозгл. (*принужденно смѣясь*). Скажите пожалуйста!.. Такъ это вы ей возите букеты?

Прокуд. Да-съ.

Мозгл. Въ 15-ть цѣлковыхъ?

Прокуд. Да-съ.

Мозгл. Въ 45 минутъ 9-го?..

Прокуд. Она вчера выѣзжала въ первый разъ въ свѣтъ—на первый балъ... нельзя же было...

Мозгл. Та, та, та!.. Что вы меня морочите! Другихъ мо-рочьте, а не меня! (*Горячо*). Знаю я, багюшка, эти штуки, знаю!.. букеты въ 15 цѣлковыхъ двоюроднымъ сестрамъ не возять, на это есть трехрублевенькіе...

Прокуд. Иванъ Семенычъ?

Мозгл. (*усиливая*). Трехрублевенькіе есть на это... Я, ба-гюшка, это дѣло знаю... самъ тоже букетцы-то эти важиваль...

Прокуд. Вотъ что!..

Мозгл. Да-съ! У меня у самага эти Кати двоюродныя бы-вали...

Прокуд. Бывали?

Мозгл. Бывали-съ!

Прокуд. Скажите!

Мозгл. Да-съ!

Прокуд. До женитьбы?

Мозгл. Да-съ!

Прокуд. И послѣ женитьбы?

Мозгл. Да-съ!

Прокуд. (*вставая*). Ахъ, стыдъ какой! Фи, Иванъ Семенычъ.

Мозгл. Э, э, э... нѣтъ, постоитъ!.. вру, — до женитьбы, все до жены... (*встаетъ*).

Прокуд. (*смѣясь*). Ничего, не бойтесь, будьте покойны! я не скажу Прасковѣ Гавриловнѣ.

Мозгл. (*съ досадою*). Полноте-съ, что тутъ за шутки! не во мнѣ тутъ дѣло и не въ Прасковѣ Гавриловнѣ!.. (*Нужно*). Викторъ Александровичъ, послушайте, вы знаете, я человѣкъ добрый, право добрый, я могу быть снисходительнымъ, скажите только мнѣ откровенно...

Прокуд. Что?

Мозгл. Вы обманываете Фофочку? да? Викторъ, душка, голубчикъ, признайся!

Прокуд. Опять! Ну, этому конца никогда не будетъ...

Мозгл. Вѣдь я знаю.

Прокуд. Что вы знаете?

Мозгл. (*вспыхнувъ*). Что я знаю-то? Надуваешь ты Фофочку, вотъ что я знаю...

Прокуд. Иванъ Семенычъ... здоровы ли вы?

Мозгл. Слава Богу.

Прокуд. (*смѣется*). Нѣтъ, вы нездоровы... тутъ у васъ органическое разстройство.

Мозгл. Шт! Не смѣть! Я навѣрное...

Прокуд. (*нетерпливо*). А доказательства? Ну-съ? Когда у васъ будутъ доказательства, извольте: тогда милости просимъ... но до тѣхъ поръ я васъ покорнѣйше прошу объ этомъ больше ни слова; а теперь, извините, мнѣ ужасно холодно и я спать хочу. Честь имѣю...

Мозгл. Но однако...

Прокуд. Когда у васъ будутъ доказательства... Доброй ночи, пріятнаго сна! (*Уходитъ*).

Тарновскій. (Фофочка, вод. явл. 2 и 3).

(Ревность).

Клодъ Фролло. О, дѣвушка, сжался надо мною. Ты считаешь себя несчастной: увы, ты не знаешь что такое несчастіе!.. О, любить женщину, и быть ненавидимымъ! Любить ее всѣми силами души своей; чувствовать въ себѣ готовность за малѣйшую ея улыбку отдать свою плоть и кровь, свою славу, спасеніе, безсмертіе и вѣчность, здѣшнюю и будущую жизнь; сожалѣть, что ты не король, не геній, не императоръ, не архангелъ чтобы сдѣлаться ея невольникомъ; обнимать ее денно и ночью своими грѣзами и мыслями—и видѣть ее влюбленною въ костюмъ солдата... Быть при своей ревности и ярости свидѣтелемъ того, какъ она расточаетъ презрѣнному глупцу, негодяю сокровища своей любви и красоты!.. Видѣть, какъ это тѣло съ его обольстительными формами, какъ эта грудь со всею ея нѣжностью, какъ эта плоть трепещетъ и краснѣетъ подъ поцѣлуями другаго. О небо! любить ея ноги, руки, плеча, мечтать о ея синихъ жилкахъ, о ея смуглой кожѣ; мучиться, думая о нихъ цѣлыя ночи на полу своей кельи и видѣть, что всѣ твои мечтательныя ласки для нея превращаются въ муку; достигнуть того только, чтобы положить ее на станокъ палача... О! вотъ настоящіе клещи, раскаленные на адскомъ огнѣ!.. Дѣвушка, сжался, подожди минуту... Посмотри, умоляю, на потъ, бѣгущій съ моего чела! Дитя, истязай меня одной рукой; приласкай другою. Сжался дѣвушка, сжался!..

Гюго. (Соборъ Богоматери ч. VIII гл. 4).

Старикъ. Проснулся я—подруги нѣтъ.
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакалъ...

Алеко. Да какъ же ты не поспѣшилъ
Тотчасъ во слѣдъ неблагодарной
И хищнику, и ей, коварной,
Винжала въ сердце не вонзилъ?

Старикъ. Въ чему? Вольнѣ птицы младость,
 Кто въ силахъ удержать любовь?
 Чредою всёмъ дается радость,
 Что было, то не будетъ вновь.

Алеко. Я не таковъ. Нѣтъ, я не споря,
 Отъ правъ моихъ не откажусь;
 Или хотъ мщеньемъ наслажусь.
 О нѣтъ! Когда бъ надъ бездной моря
 Нашелъ я спящаго врага,
 Клянусь, и тутъ моя нога
 Не пощадила бы злодѣя:
 Я въ волны моря, не блѣднѣя,
 Я беззащитнаго бъ столкнулъ;
 Внезапный ужасъ пробужденья
 Свирѣпнымъ смѣхомъ упрекнулъ,
 И долго мнѣ его паденья
 Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гулъ.

Пушкинъ. (Цыгане).

Федра. А! вотъ еще неиспытанное горе! Для какой новой пытки я предназначена! Все, что я перенесла: страхъ, восторги, пламень страсти, ужасъ моихъ душевныхъ терзаній, невыносимая обида жестокаго отказа; все это было только слабою пробою претерпѣваемыхъ мною нынѣ страданій! Они любятъ другъ друга! Какими чарами обманули они мои глаза? Какъ они свидѣлись? гдѣ? когда? (*къ Энонѣ*). Ты знала это? Зачѣмъ допустила ты обмануть меня? Ты могла сказать мнѣ о ихъ тайной любви? Часто ли видѣли ихъ говорящими, ищущими другъ друга; можетъ, они прятались въ лѣсной глуши?.. Увы! ихъ свиданія были свободны, небо одобряло невинность ихъ вздоховъ; безъ угрызеній совѣсти предавались они своей страсти; всѣ дни для нихъ были ясны и чисты: а я, жалкое отребіе всей природы, я пряталась дня, убѣгала свѣта; смерть была единственнымъ доступнымъ мнѣ божествомъ.

Энона. Что-жъ выйдетъ изъ ихъ бесплодной любви? Они разлучатся со временемъ.

Федра. Они будутъ вѣчно любить другъ друга! О ужасная мысль! Въ то самое время, когда я говорю, они насмѣхаются

надъ яростью безумно влюбленной женщины. Не смотря на изгнаніе, грозящее имъ разлукою, они клянутся не разставаться никогда... Нѣтъ, не могу я выносить счастья, меня оскорбляющаго; Энона, сжался надъ моею ревнивою злобой. Арисію нужно погубить! нужно возбудить гнѣвъ моего мужа противъ ненавистной мнѣ крови: пусть онъ не ограничится легкимъ наказаніемъ— вотъ о чемъ будетъ умолять его моя ревность.

Расинъ. (Федра д. IV сц. 6).

Отелло

...Этотъ человѣкъ
 Необычайно честенъ,—свѣтлый умъ
 Образованіемъ украсилъ онъ,
 И глубоко постигъ онъ человѣка...
 Но мой Создатель!—если это правда!..
 Да, если бъ звеня цѣпи насъ связавшей
 Вросли мнѣ въ сердце и свилися тамъ
 Съ нѣжнѣйшими его вѣтвями,—о!
 Я оторвалъ бы съ кровью ихъ отъ сердца!
 Лети потомъ по вѣтру птичкой вольной,
 Лови любовь и счастье...

Можетъ быть...

Да, можетъ!.. Я уродливъ, черенъ,
 Болтать я не умѣю милыхъ фразъ,
 Какъ эти вздорные любезники ..
 Бъ тому жъ спускаюся въ долину лѣтъ,
 Хоть по немногу, все жъ таки спускась...
 О, я обмануть... можетъ быть, осмѣянь...
 Что жъ остается?.. Ненависть... одна!
 Смѣшны и прокляты—вы, узы брака!..
 «Она моя!»—Твоя?.. Да развѣ ты
 Страстей ея владыка?.. Я рѣшусь
 Скорѣй быть гадиной, скорѣй рѣшусь
 Питаться смраднымъ воздухомъ темницъ,
 Чѣмъ перенести, чтобъ избранное мною
 Не мнѣ принадлежало безраздѣльно...
 И вотъ она, души могучей казнь!..
 Судьба ея труднѣе темной доли
 Душонокъ мелкихъ... Да, какъ смерть,
 Неотклонимъ отъ насъ суровый жребій!
 Онъ проникаетъ наше бытіе
 Чуть только къ бытію насъ призываютъ...
 А! Дездемона!.. (*Дездемона входитъ*).
 Если можетъ это

Созданье обмануть!.. О небеса!
Смѣетесь вы надъ бѣднымъ человѣкомъ!..
Не вѣрю! нѣтъ, не вѣрю!

Отелло. Обмануть меня!.. Меня!..
Яго. Что съ вами, генераль?— Вы все
Объ этомъ... Э, забудьте, право!

Отелло. Прочь, прочь отъ меня! Ты адскою машиной
Изъ сердца жилы поволокъ мои...
О легче, Яго, знать свое несчастье,
Чѣмъ сердце пепелить на медленномъ
Огнѣ ужасныхъ подозрѣній,—ждать
Томительно все новыхъ, темныхъ золь...

Яго. Ахъ вы, синьоръ, тревожите меня!..

Отелло. Да, не было во мнѣ и помышленья,
Чтобы у счастья моего она
Крала минуты для порока; я
Не видѣлъ этого, я этого
Не зналъ, мнѣ эта мысль души не жгла,
Я спалъ покойно, веселъ былъ, доволенъ;
Я на устахъ ея не находилъ
Лобзаній Кассіо... Да, окраденный,
Пока не спохватился, ничего
Не потерялъ еще!

Яго. Ахъ, тяжело мнѣ

Все это слышать, генераль!

Отелло. ...Я бъ могъ быть счастливымъ еще...

Теперь же! О теперь прости на вѣкъ
Счастливый миръ души, мое довольство!
И вы, о гордые полки мои,
Въ стали, въ цвѣтныхъ волнующихся перьяхъ,
И ты война, творящая героевъ! все
Прости!.. Прости мой ржущій конь, звукъ трубъ,
И барабабовъ перекатный громъ,
И ты святое, царственное знамя,
И все великолѣпіе войны,
И вы, пророки смерти, вы— глаголь
Тержественный Зевеса,— мѣдными
Гремящіе устами— о простите!
Призваніе Отелло совершилось!..

Яго. Что вы, синьоръ?— Возможно ли...

Отелло. А, тварь!

Гдѣ жъ доказательства, чтобы она...
Любовь моя... такъ опозорила
Себя?.. Гдѣ жъ доказательства... Дай мнѣ

На очи ихъ!.. (хватаетъ его за горло).
Или клянусь тебѣ,

Спасеніемъ души моей клянуся—
Собакой лучше бы тебѣ родиться,
Чѣмъ демона будить въ груди моей...

Яго. Ахъ, неужель до этого дошли вы?

Отелло. Ты долженъ показать мнѣ... понимаешь!
Или по крайней мѣрѣ доказать—
Но такъ, чтобы сомнѣваться больше я
Не могъ уже... иначе, Яго... да!
Я задушю тебя...

Яго. Мой генераль...

Отелло. Но если жъ, Яго, это клевета,
Но если жъ на потѣху мучилъ ты
Меня— забудь молиться, задуши
На сердцѣ все добро, все ужасы
Злодѣйствъ возьми на душу, пусть земля
Смутится, глядя на дѣла твои,
И небо плачетъ— нѣтъ, ничѣмъ уже
Своей души ты больше не погубишь...

Отелло. ...Ты долженъ честенъ быть...

Яго. Нѣтъ, я

Умнѣ долженъ быть; а честность— ложь
Безумная;— и тотъ, кто служить ей,—
Несчастный! гибнетъ онъ неотвратно...

Отелло. О Боже, Боже мой! Я думаю—
Жена моя чиста и непорочна,
И думаю, что не чиста;— я думаю...
Ты благороденъ, честенъ,— и потому
Я думаю— безчестенъ ты... О дай же,
Дай доказательства мнѣ... Хоть чѣмъ нибудь,
Ты докажи!.. О Десдемона! Имя
Твое недавно чистое, какъ ликъ
Дианы,— кажется теперь мнѣ чернымъ,
Уродливымъ, какъ гадкое лицо
Мое... О, если въ мѣрѣ есть еще
Веревка, ножъ, пучина, ядъ— терпѣть
Не буду долго я... Ну, доказательства!..

Яго. Страсть пожираетъ васъ, синьоръ, я вижу...

Мнѣ жаль, что разбудилъ я эту страсть...
Вамъ доказательства хочется?

Отелло. Хочу ль
Я доказательства?.. Да... хочу

Яго. И можете. —
 Но какъ? Какъ это доказать, синьоръ?
 Не захотите жъ вы стоять, конечно
 Какъ на часахъ у ложа своего, —
 Открывъ уста и очи, — въ ту минуту,
 Когда другой ухнетъ счастьемъ вашимъ!..

Отелло. Смерть и проклятье!.. О!..

Шекспиръ. (Отелло, д. III. Сц. 3).

Гутъере. Не дивлюсь, безцѣнный другъ, что вѣтеръ
 Такъ могучъ, что свѣчи въ этотъ вечеръ
 Загасилъ; вѣдь такъ зефиръ взбѣшенный
 Испускаетъ вздохъ свой напряженный.
 Значить, онъ не только пламень можетъ
 Загасить, но даже уничтожить
 Жизнь; и ты во снѣ безъ пробужденья
 Умереть могла отъ дуновенья.

Менсія. Понимать тебя пытаюсь и желаю,
 Но и тутъ еще не понимаю.

Гутъере. Развѣ не видала, какъ летаетъ
 Бурный вихрь и пламя задуваетъ? —
 Но отъ искръ другое въ мигъ родится:
 Гаснетъ то, другое разгорится.
 Такъ и здѣсь: неистовымъ порывомъ
 Вѣтеръ могъ въ своемъ полетѣ живомъ
 Свѣточъ твой задуть, и въ то жъ мгновенье
 Мой зажечь.

Менсія. Не вѣрится сомнѣнью:
 Кажется, ты, ревностью томимый,
 Говоришь темно.

Гутъере (*про себя*). Не умолима
 Скорбь обидѣ. Но въ ревности тревожной
 Никому быть мудрымъ невозможно. —
 (*Вслухъ*). Ревностью? Да что она такое?
 Я не знаю... небо всесвятое! —
 Еслибъ зналъ, что значить быть ревнивымъ,
 Я бы могъ...

Менсія. О, Боже!

Гутъере. ...Быть ревнивымъ?
 Что такое ревность? Грезъ созданье,
 Атомы, безсонное мечтанье —
 Въ случаѣ, когда, рабой ничтожной
 Созданный, возстанетъ призракъ ложный

Съ страшными злодѣйскими дѣлами,
 И моими будетъ брать руками
 Сердце, и потомъ, въ крови омытымъ,
 Въ пламени изсохшимъ и убитымъ —
 По кускамъ имъ будетъ наѣдаться,
 Кровию моею упиваться,
 Вынетъ духъ, — о, Боже! Провидѣнье! —
 Духъ мой въ раздирающемъ мученьи!...
 Еслибъ духъ способенъ былъ терзаться...
 Но къ чему мнѣ такъ распространяться!

Менсія. Ты въ душѣ вселяешь страхъ унылый.
 Гутъере. Господи! сто разъ спаси, помилуй!

Ахъ, мой другъ, восторгъ мой, утѣшенье,
 Менсія! супруга и душенья,
 Извини для глазъ твоихъ прекрасныхъ
 Мелочность тревогъ моихъ напрасныхъ,
 Ложный страхъ, который такъ лукаво
 Отнялъ у меня рассудокъ здравый.
 Вѣрь мнѣ: во всю жизнь съ благоговѣньемъ
 На тебя гляжу и съ уваженьемъ.
 Только лишь я съ вымысломъ разстался...
 Боже мой! Я виѣ себя, смѣшался!..

Менсія (*про себя*). Этотъ страхъ, и ужасъ, и печали
 Мукой для меня предсмертной стали.

Гутъере. (*про себя*) Чести врачъ, совѣтуюсь съ тобою,
 И мое безчестье въ землю скрою!

Кальдеронъ. (Врачъ своей чести. Хорнада II).

(*Входитъ Вѣстникъ*).

Клеопатра. Ахъ, изъ Итали! Наполни же мои уши, такъ
 долго томившіяся безплодіемъ, твоими плодоносными вѣстями.

Вѣстникъ. Царица.

Клео. Антоній умеръ? — Подлый рабъ, ты умертвишь свою
 владычицу, если скажешь это; скажешь: здоровъ и свободенъ,
 вотъ тебѣ золото, вотъ тебѣ для поцѣлуя рука, рука, которую
 лобызали цари и, лобызая, дрожали.

Вѣст. На здоровье онъ не жаловался.

Клео. Вотъ тебѣ еще золота. Но послушай, вѣдь мы часто
 говоримъ и про мертвыхъ, что они на здоровье не жалуются; если
 ты говоришь въ этомъ смыслѣ — я растоплю это золото и залью
 имъ зловѣщую пасть твою.

Вѣст. Добрая царица, выслушай меня.

Клео. Говори, говори—я слушаю, но твое лицо не предвѣщаетъ ничего добраго. Если Антоній здоровъ и свободенъ—за чѣмъ же это кислое выраженіе для объявленія такой радостной вѣсти? Если онъ боленъ, тебѣ слѣдовало явиться не въ видѣ чело-вѣка, а въ видѣ фурии, увѣнчанной змѣями.

Вѣст. Угодно тебѣ выслушать меня.

Клео. Мнѣ хотѣлось бы прибить тебя прежде, чѣмъ погово-ришь; но скажешь: Антоній живъ, здоровъ, не плѣнникъ, а другъ Цезаря—я осыплю тебя золотымъ дождемъ, градомъ драгоцен-ныхъ перловъ.

Вѣст. Онъ здоровъ.

Клео. Прекрасно.

Вѣст. Другъ Цезаря.

Клео. Ты славный человѣкъ.

Вѣст. Цезарь и онъ друзья болѣе, чѣмъ когда...

Клео. Я обогащу тебя.

Вѣст. Но.

Клео. Мнѣ не нравится это «но»—оно уничтожаетъ все хо-рошее предшествовавшего; это противное «но»—тюремщикъ, го-товый вывести какого-нибудь страшнаго преступника. Прошу, вытряхай же скорѣе въ мой слухъ всю котомку вѣстей твоихъ— все вмѣстѣ: и дурное и хорошее. Ты говоришь: онъ другъ Цезаря, здоровъ и свободенъ?

Вѣст. Свободенъ! нѣтъ я не говорилъ этого. Онъ связанъ Октавіей.

Клео. Какъ?

Вѣст. Какъ человѣкъ, обязанный раздѣлять ея ложе.

Клео. Я поблѣднѣла, Харміана?

Вѣст. Онъ женился на Октавіи.

Клео. (*Бьетъ его*). Жесточайшая изъ чумъ да овладѣетъ тобой!

Вѣст. Молю, успокойся, царица.

Клео. (*Продолжая бить его*). Что говоришь ты? Вонъ, гнус-ный рабъ, или я вышибу твои глаза, какъ мячи, не оставлю во-

лоса на головѣ: велю бичевать желѣзными прутьями, варить въ разсолѣ, въ ѣдкомъ щелокѣ.

Вѣст. Но вѣдь не я устроилъ этотъ бракъ; я принесъ только вѣсть о немъ.

Клео. Скажи, что ты солгалъ и я подарю тебѣ цѣлую область, заставлю тебя гордиться счастьемъ; ограничу этими побоями на-казанье за то, что вывелъ меня изъ себя; исполню, сверхъ того, все, что можетъ пожелать твоя скромность.

Вѣст. Онъ женился, царица.

Клео. (*Выхватывая кинжалъ*). Бѣздѣльникъ, твой часъ пробилъ!

Вѣст. Если такъ—я бѣгу. Я тутъ ни въ чемъ не виноватъ. (*Убѣгаетъ*).

Харміана. Добрая царица, приди въ себя; вѣдь онъ не-виненъ.

Клео. Громъ разить и невинныхъ. О, исчезни же Египеть въ водахъ Нила! все кроткое обратись въ змѣй ядовитыхъ! Вороти-те раба; какъ ни бѣснуюсь я—я не укушу его. Воротите его.

Харм. Онъ боится.

Клео. Я не сдѣлаю ему никакого зла. Руки мои достаточно обезчещены уже и тѣмъ, что били существо далеко низшее меня, тогда какъ я сама во всемъ виновата.

(*Вѣстникъ возвращается*).

Клео. Подойди. Честно, но всегда опасно приносить дурныя вѣсти; хорошія снабжай хоть тысячей языковъ, но дурныя— пусть высказываются сами, когда дадутъ почувствовать себя.

Вѣст. Я исполнилъ долгъ свой.

Клео. Женился онъ? Новымъ «да» ты ужъ не усилишь моей ненависти къ тебѣ.

Вѣст. Женился, царица.

Клео. Да покараютъ тебя боги! ты все еще стоишь на своемъ?

Вѣст. Прикажешь лгать?

Клео. Желала бы, хотя бы половина Египта уничтожилась волнами, обратилась въ садокъ твердо-чешуйныхъ гадинъ. Вонъ,

исчезни! Будь ты Нарцисъ—для меня ты былъ бы все-таки чудище. Такъ женился?

Вѣст. Прости, государыня.

Клео. Женился?

Вѣст. Не гнѣвайся на желаніе прогнѣвать тебя. Вѣдь наказывать за то, что сама заставляешь дѣлать—величайшая несправедливость. Да, женился на Октавіи.

Клео. О, еслибъ его вѣроломство сдѣлало и тебя бездѣльникомъ!—И это вѣрно, вѣрно?—Удались! товаръ, привезенный тобой изъ Рима, слишкомъ дорогъ для меня; пусть остается у тебя, разорить тебя въ конецъ. (*Вѣстникъ уходитъ*).

Харм. Успокойся, добрая государыня.

Клео. Превознося Антонія, я унижала Цезаря.

Харм. Сколько разъ.

Клео. И вотъ, я наказана за это. Выведите меня отсюда; я лишаюсь чувствъ—о, Ира! Харміана!—Теперь ничего, прошло.—Добрый Алексасъ, сходи къ вѣстнику, распроси, какое лицо у Октавіи, сколько ей лѣтъ, какой характеръ; не забудь спросить и о цвѣтѣ волосъ, и возвращайся ко мнѣ, какъ можно скорѣе. Я навсегда отрекаюсь отъ него—нѣтъ, нѣтъ, не отрекаюсь, милая Харміана! Хоть бы онъ и походилъ съ одной стороны на Горгону, но вѣдь съ другой—онъ все-таки Марсъ.—(*Мардіану*). Скажи Алексасу, чтобъ онъ спросилъ и о ростѣ.—Пожалѣй обо мнѣ, Харміана, но не говори ни слова.—Проводи меня въ мою комнату.

Вѣст. Добрая царица, и Иродъ іудейскій не посмѣетъ взглянуть на тебя, когда ты въ гнѣвѣ.

Клео. Я добуду голову этого Ирода; но какъ, когда уѣхалъ Антоній, отъ котораго я могла бы потребовать ее?—Подойди ближе.

Вѣст. Многомилостивая царица...

Клео. Ты видѣлъ Октавію?

Вѣст. Видѣлъ.

Клео. Гдѣ?

Вѣст. Въ Римѣ. Я разсмотрѣлъ лицо ея, какъ нельзя лучше; она шла, ведомая братомъ и Маркомъ Антоніемъ.

Клео. Она также высока, какъ я?

Вѣст. Нѣтъ.

Клео. Слышалъ, какъ она говоритъ? пискливо, или грубо?

Вѣст. Она какъ-то тянетъ.

Клео. И это не красить; долго онъ не можетъ любить ее.

Харм. Любить ее? о, Изида, да это невозможно!

Клео. Я тоже думаю, Харміана; тянетъ и ростъ карлицы!—Есть что нибудь величественное въ походкѣ? Припомни, если видаль величественную походку.

Вѣст. Она просто ползаетъ: что стоитъ, что движется—все равно; она болѣе тѣло, чѣмъ жизнь; болѣе изваяніе, чѣмъ существо одушевленное.

Клео. Такъ ли?

Вѣст. Такъ, или я совершенно лишенъ наблюдательности.

Харм. Въ цѣломъ Египтѣ не найдешь и трехъ, одаренныхъ ею въ такой степени.

Клео. Да, онъ смышленъ: я вижу это,—въ ней нѣтъ ничего такого.—И судить онъ весьма здраво.

Харм. Чрезвычайно.

Клео. Не можешь ли сказать, какихъ она лѣтъ?

Вѣст. Она была уже вдовой.

Клео. Вдовой?—Слышишь, Харміана?

Вѣст. Полагаю! лѣтъ тридцати.

Клео. А какое у нея лице: длинное, или круглое?

Вѣст. Страшно круглое.

Клео. Съ такимъ лицомъ по большей части бываютъ глупы. Ну, а какаго цвѣта волосы?

Вѣст. Черные, а лобъ такъ малъ, какъ только можешь пожелать.

Клео. Вотъ тебѣ золото. Не сердись, что я сначала обошлась съ тобой такъ сурово; я нахожу тебя очень способнымъ и потому дамъ новое порученіе. Теперь ступай, приготовься, письма наши написаны ужъ. (*Вѣстникъ уходитъ*).

Шекспиръ. (Антоній и Клеопатра, д. II, сц. 5 и д. III, сц. 3).

(Зависть).

САЛЬЕРИ.

Усиленнымъ, напряженнымъ постоянствомъ
 Я наконецъ въ искусствѣ безграничномъ
 Достигнулъ степени высокой. Слава
 Мнѣ улыбнулась; я въ сердцахъ людей
 Нашелъ созвучія своимъ созданьямъ.
 Я счастливъ былъ: я наслаждался мирно
 Своимъ трудомъ, успѣхомъ. славой, также
 Трудами и успѣхами друзей,
 Товарищей моихъ въ искусствѣ дивномъ.
 Нѣтъ, никогда я зависти не зналъ!
 О никогда—ниже, когда Пичини
 Плѣнить умѣлъ слухъ дикихъ Парижанъ,
 Ниже, когда услышалъ въ первый разъ
 Я Ифигеніи начальны звуки.
 Кто скажетъ, чтобъ Сальери гордый былъ
 Когда нибудь завистникомъ презрѣннымъ,
 Змѣей, людьми растоптанною, вживѣ
 Песокъ и пыль грызущею безильно?
 Никто!.. А нынѣ—самъ скажу—я нынѣ
 Завистникъ! Я завидую, глубоко,
 Мучительно завидую.—О небо!
 Гдѣ жъ правота, когда священный даръ,
 Когда безсмертный геній—не въ награду
 Любви горящей, самоотверженья,
 Трудовъ, усердія, моленій посланъ,
 А озаряетъ голову безумца,
 Гуляки празднаго?.. О Моцартъ, Моцартъ!

Нѣтъ! не могу противиться я долѣ
 Судьбѣ моей: я избранъ, чтобъ его
 Остановить—не то мы все погибли,
 Мы все, жрецы, служители музыки,
 Не я одинъ съ моей глухою славой...
 Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ
 И новой высоты еще достигнетъ?
 Подыметъ ли онъ тѣмъ искусство? Нѣтъ!
 Оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ;
 Наслѣдника намъ не оставитъ онъ.
 Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій херувимъ,
 Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсенъ райскихъ,
 Чтобъ возмутивъ безкрылое желанье
 Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть!

Такъ улетай же! Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!
 Вотъ ядъ, послѣдній даръ моей Изоры.
 Осьмнадцать лѣтъ ношу его съ собою—
 И часто жизнь казалась мнѣ съ тѣхъ поръ
 Несносной раной, и сидѣлъ я часто
 Съ врагомъ безпечнымъ за одной трапезой,
 И никогда на шопоть искушенья
 Не преклонился я, хоть я не трусь,
 Хотя обиду чувствую глубоко,
 Хоть мало жизнь люблю. Все медлил я.
 Какъ жажда смерти мучила меня,—
 Что умирать? я мнилъ: быть можетъ, жизнь
 Мнѣ принесетъ незапные дары;
 Быть можетъ, посѣтитъ меня восторгъ
 И творческая ночь, и вдохновенье;
 Быть можетъ, новый Гайдень сотворитъ
 Великое—и наслажуся имъ...
 Какъ пировалъ я съ гостемъ ненавистнымъ:
 Быть можетъ, мнилъ я, злѣйшаго врага
 Найду; быть можетъ, злѣйшая обида
 Въ меня съ надменной грянетъ высоты—
 Тогда не пропадешь ты, даръ Изоры.
 И я былъ правъ! и—наконецъ нашелъ
 Я моего врага, и новый Гайдень
 Меня восторгомъ дивно упоилъ!
 Теперь—пора! Завѣтный даръ любви
 Переходи сегодня въ чашу дружбы.

Пушкинъ. (Моцартъ и Сальери).

(Зависть, злорадство).

ВАСИЛИСА ПЕРЕГРИНОВНА. Ты, милушка, тутъ что дѣлаешь?

ЛИЗА. Развѣ не видите?—гуляю.

ВАС. ПЕРЕГР. Вижу! какъ не видать! А что это за гулянье у васъ по ночамъ.

ЛИЗА. А когда же намъ гулять-то? Днемъ работаемъ, да господамъ служимъ, а по ночамъ гуляемъ. Вотъ на васъ такъ я дивлюсь! Неужто вы днемъ-то не нагуляетесь, что вамъ еще хочется по ночамъ бродить, да людей пугать, словно какъ...

ВАС. ПЕРЕГР. Что словно какъ?.. Ну, говори, говори.

Лиза. Что? ничего.

Вас. Перегр. Нѣтъ, ты сказала: словно какъ... Ну, такъ говори жь теперь, словно какъ кто?

Лиза. Ну, сказала, такъ сказала.

Вас. Перегр. Нѣтъ, ты увертываться не смѣй! ты говори!

Лиза. Да что вы пристали! Я, пожалуй, и скажу. Какъ кикимора.

Вас. Перегр. Что, что! какъ кикимора!.. Какъ ты смѣешь, дрянная дѣвчонка, а! Да что-жъ это такое! Вы меня въ гробъ вогнать хотите! А вотъ я найду здѣсь твоего любовника, да къ барынѣ васъ и приведу. Вотъ посмотрю я тогда, что ты запоешь.

Лиза. Нѣтъ у меня любовника! Нечего вамъ и искать. Пожалуй, хоть весь садъ обыщите! А хоть бы и былъ, такъ не ваше дѣло. Вамъ стыдно про это говорить. Вы и знать-то про это не должны: вы барышня. Это къ стыду вашему относится!

Вас. Перегр. Пой, пой, милая, хорошо ты поешь, гдѣ-то сидешь! Даромъ ты по ночамъ шататься не станешь. Я ваши плутни-то знаю. Я васъ всѣхъ на свѣжую воду выведу. Ужъ теперь раскипѣлось мое сердце, такъ хоть ты мнѣ въ ноги кланяйся, а я тебѣ не прощу этого.

Лиза. Дожидайтесь! Стану я вамъ кланяться, какъ же! Держите карманъ-то!

Вас. Перегр. Нѣтъ, ужъ я теперь каждый кустикъ огляжу.

Лиза. Оглядывайте.

(Вас. Перегриновна смотритъ по сторонамъ, потомъ подходитъ къ пруду).

Вас. Перегр. А, вотъ оно что! Скажите пожалуйста, какую штуку придумали! Въ лодкѣ, обнявшись! Какъ это нѣжно! Точно на картинкѣ на какой! Ужъ вамъ бы догадаться гитару взять, да романцы пѣть!.. Цѣлуются! Вотъ это хорошо! Вотъ прекрасно! Опять! Отлично! Ужъ чего лучше? тѣфу ты мерзость! Смотрѣть противно! Ну, милые мои, будете вы меня помнить! Теперь разговаривать съ вами нечего. Завтра я съ вами поговорю. (Уходитъ).

Лиза. Вотъ нелегкая нанесла! Не расхлебаешь теперь бѣды-то!

Островскій. (Воспитанница, карт. III, явл. 5).

(Мстительность).

Лукреція. Нѣсколько дней назадъ, вы всѣ, здѣсь стояще, ругались надъ моимъ именемъ. Теперь вы его произносите съ трепетомъ. Да, вы можете теперь смотрѣть на меня съ ужасомъ. Это я, господа. Я явилась сюда, чтобы сообщить вамъ новость, что вы всѣ отравлены и что вамъ остается жить не болѣе часу... Не трогайтесь съ мѣста: въ сосѣдней залѣ много моихъ тѣлохранителей... Теперь моя очередь возвысить голосъ и раздавить васъ съ головы до пятокъ. Джеппо Ливерето, присоединись къ твоему дядѣ Вителли, котораго я заколола въ подземельи Ватикана! Асканію Петруччи, отправляйся къ братцу Пандольфо, котораго я убила, чтобы завладѣть его имуществомъ! Олоферно Вителоццо, тебя ожидаетъ Яго Аппіани, котораго я отравила на праздникѣ! Маффіо Орсини, отправляйся къ брату Гравинѣ и расскажи ему, какъ я умертвила его во время сна! Апостола Газелла, я обезглавила твоего отца Франциска, я задушила твоего брата, Альфонса, присоединись и ты къ нимъ! Господа, вы задали мнѣ пиръ въ Венеціи; я вамъ оплачиваю ужиномъ въ Феррарѣ. Праздникъ за праздникъ, господа!..

О, мои друзья, вы этого не ожидали! Мнѣ кажется, я вполне за себя отмстила!.. (Монахамъ). Отцы мои, проводите этихъ господъ въ сосѣдную залу, исповѣдуйте ихъ и воспользуйтесь минутами, чтобы спасти въ каждомъ изъ нихъ то, что можетъ быть спасено. — Тѣ изъ васъ, господа, у которыхъ сохранилась душа, пусть исповѣдуются безъ опасенія; она будетъ въ хорошихъ рукахъ; эти достойные служители — настояще монахи, назначенные мнѣ его святѣйшествомъ папою для содѣйствія мнѣ въ случаяхъ, подобныхъ нынѣшнему... Но заботясь о вашей душѣ, я не забыла подумать и о вашихъ тѣлахъ. Смотрите! (Монахамъ). Немного посторонитесь, отцы мои, чтобы этимъ молодымъ людямъ

было видно. (*Видно пять поставленных въ рядъ гробовъ, покрытыхъ чернымъ сукномъ*). Всего счетомъ пять... А, господа! Вы разрываете внутренность несчастной женщины и думаете, что она вамъ не отомститъ! Вотъ это твой гробъ, Джеппо; это твой, Маффио. Олоферно, Апостола, Асканіо, это ваши!..

Гюго. (Лукреція Борджія, д. III, сц. 2).

(*Клавдій на колѣнахъ, Гамлетъ входитъ*).

ГАМЛЕТЪ. Теперь я могъ бы совершить, — удобно; Онъ молится. Теперь я совершу...
О онъ пойдетъ на небеса
И такъ я отомщенъ? О это значитъ:
Злодѣй родителя убилъ, а я,
Я, сынъ его, злодѣя посылаю на небеса!
Нѣтъ, то была-бъ награда, а не месть.
Въ безопасномъ снѣ отца онъ умертвилъ,
Въ веснѣ грѣховъ цвѣтущаго, какъ май.
Что случилось съ нимъ, то вѣдаетъ Создатель,
Но думаю, судьба его тяжка.
Отмщу ли я, убивъ его въ молитвѣ,
Готоваго въ далекую дорогу? Нѣтъ!
Въ ножны мой мечъ! Ты будешь обнаженъ
Ужаснѣ! Когда онъ будетъ пьянъ,
Во снѣ, въ игрѣ, въ забавахъ,
Съ ругательствомъ въ устахъ, среди занятій,
Въ которыхъ нѣтъ святыхъ и слѣда,—
Тогда рази, чтобы пятами къ небу
Онъ въ тартаръ полетѣлъ, съ душою черной
И проклятой, какъ адъ. Мать ждетъ меня.
Живи еще, но ты уже мертвецъ.

Шекспиръ. (Гамлетъ, д. III, явл. 3),

Шейлокъ. Вотъ для меня еще другое скверное дѣло! Банкротъ, мотъ, который едва смѣетъ показывать свою голову на Ріальто; нищій, который обыкновенно такъ гордо расхаживалъ по площади... Ну, пусть онъ не забудетъ своего векселя! Онъ всегда называлъ меня ростовщикомъ — пусть не забудетъ своего векселя! Онъ всегда давалъ въ займы деньги изъ христіанскаго чловѣколюбія— пусть не забудетъ своего векселя!

Саларино. Ну, я увѣренъ, что, если онъ просрочить, ты не потребуешь его мяса. На что оно годно?

Шейлокъ. Прикармливать рыбу. Если оно не насытитъ никого, то насытитъ мое мщеніе. Онъ ругался надо мной и сдѣлалъ мнѣ убытку на полмиліона; онъ смѣялся надъ моими потерями, надъ моими заработками, ругалъ мой народъ, мѣшалъ моимъ торговымъ дѣламъ, охлаждалъ моихъ друзей, разгорячалъ моихъ враговъ — и все это — за что? Я жидъ. Да развѣ у жида нѣтъ глазъ? развѣ у жида нѣтъ рукъ, органовъ, членовъ, чувствъ, привязанностей, страстей? развѣ онъ не ѣстъ ту же пищу, что и христіанинъ? развѣ онъ ранитъ себя не тѣмъ же оружіемъ? подверженъ не тѣмъ же болѣзнямъ? лечится не тѣми же средствами? согрѣвается и знобится не тѣмъ же лѣтомъ и не тою же зимою? Когда вы насъ колете, развѣ изъ насъ не идетъ кровь? когда вы щекочете, развѣ мы не смѣемся? когда вы насъ отравляете, развѣ мы не умираемъ? и когда вы насъ оскорбляете, развѣ мы не отомстимъ? Если мы похожи на васъ во всемъ остальномъ, то хотимъ быть похожими и въ этомъ. Когда жидъ обидитъ христіанина, къ чему прибѣгаетъ христіанское смиреніе? Къ мщенію. Когда христіанинъ обидитъ жида, къ чему должно, по вашему примѣру, прибѣгнуть его терпѣніе?—Ну, тоже къ мщенію! Гнусности, которымъ вы меня учите, я примѣняю къ дѣлу — и коли не превзойду своихъ учителей, такъ значитъ, мнѣ сильно не повезетъ счастье.

Шекспиръ. (Венеціанскій купецъ, д. III, сц. 1).

Грязной.

...Веди меня, Малюта,

Веди меня на грозный судъ! но прежде
Последнюю мнѣ службу сослужи:
Дай мнѣ себя потѣшить, дай мнѣ съ нѣмцемъ
Развѣдаться!

Любаша. (*выбѣгаетъ изъ толпы и хватается Грязнаго за руку*).
Развѣдайся со мною!

Гряз.

Любаша!

Люб.

Да, опять-таки Любаша!..
Ты про меня и позабылъ, голубчикъ?..

Забывчивъ сталъ!.. Что, на тотъ свѣтъ собрался,
 Такъ—На тебѣ! Не хочешь и проститься
 Съ своею любовницею!.. А жалко,
 Куды тебя мнѣ жалко! Понапрасну
 Сгубилъ себя: красавицу твою
 И вылечать, да лекаръ-то могила!
 Что? Ты меня не разумѣешь?.. Стой-же,
 Я все тебѣ по пальцамъ расскажу:
 Ты помнишь, какъ просилъ у нѣмца зелья?
 Я слышала тогда весь разговоръ,
 Да на другой же день сама я къ нѣмцу
 Пошла и тоже выпросила зелья...
 Ты за свое отсыпалъ много денегъ,
 Я за свое дешевле заплатила...
 Извѣстно—что ужъ! Съ дѣвокъ взятки гладки;
 А только зелье будетъ по хитрѣ:
 Съ него какъ разъ зачахнетъ человѣкъ!
 Что ты сказала?

Гряз.

Люб.

Человѣкъ зачахнетъ,
 Потомъ умрѣтъ... Тутъ нечему дивиться!
 Вотъ подивись: я зелье подѣлила,
 А ты его, на мѣсто своего,
 Поднесъ моей разлучницѣ... (*Грязной отшатывается*).

Чай, то-то

Былъ радъ! А тутъ, какъ выбрали въ невѣсты,
 И начала прихварывать она,
 Трухнулъ было? Да скоро спохватился:
 Дай Лыкова оговорю, а, можетъ,
 Царь на больной не женится—тогда
 На нашей улицѣ и будетъ праздникъ.

Гряз. (*хватается за ножъ*). Проклятая!

Люб.

Постой, постой: успѣешь,
 Дай досказать... Тебѣ бы все браниться,
 А нѣтъ того, чтобъ похвалить Любашу!
 Ужъ, кажется, придумала я знатно,
 И ты еще мнѣ долженъ поклониться:
 Приворожилъ по милости моей! (*Смѣется*).
 Иванъ Сергѣичъ? Съ кѣмъ это Дуняша
 Разговорила?

Марш.

Люб.

Слышишь-ли! зоветь!
 Ступай, ступай скорѣе, — полюбуйся!
 И есть на что: что дальше—будетъ лучше!

Гряз. (*замахивается на нее ножомъ*)

Ну что-жъ, убей! Ты загубилъ мнѣ душу,
 Ни слезъ моихъ, ни просьбъ не пожалѣлъ...

Губи же въ досталь! (*бросается къ Грязному*).

Рѣжь меня, разбойникъ!

Гряз. (*ударяетъ ее ножомъ*). Такъ на-жъ тебѣ!Люб. (*падая*).

Спасибо: прямо въ сердце!

Мей. (Царская Невѣста, д. IV, явл. 7).

(Коварство, мстительность).

ЦАРЬ. Что жъ говорятъ? Кто этотъ самозванецъ?

Шуйскій. Не вѣдаю.

ЦАРЬ. Но... чѣмъ опасенъ онъ?

Шуйскій. Конечно, Царь, сильна твоя держава!

Ты милостью, радѣниемъ и щедротой

Усыновилъ сердца своихъ рабовъ;

Но знаешь самъ: бессмысленная чернь

Измѣнчива, мятежна, суетѣрна,

Легко пустой надеждѣ предана,

Мгновенному внушенію послушна,

Для истины глуха и равнодушна,

А баснями питается она.

Ей нравится безстыдная отвага;

Такъ, если сей невѣдомый бродяга

Литовскую границу перейдетъ,

Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ

Димитрія воскреснувшее имя.

ЦАРЬ. Димитрія!.. Какъ? этого младенца?

Димитрія!.. Царевичъ, удались!

Шуйскій. Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ!..

Θеодоръ. Государь,

Дозволишь-ли?..

ЦАРЬ. Нельзя, мой сынъ, поди.

(*Θеодоръ уходитъ*).

Димитрія!..

Шуйскій. Онъ ничего не зналъ.

ЦАРЬ. Послушай, Князь: взять мѣры сей же часъ;

Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась

Заставами; чтобъ ни одна душа

Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ

Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ

Не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай.

Шуйскій. Иду.

ЦАРЬ. Постой. Не правда ль, эта вѣсть

Затѣйлива? Слыхалъ ли ты когда,

Чтобъ мертвые изъ гроба выходили

Допрашивать Царей, Царей законныхъ,
Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
Увѣнчанныхъ великимъ Патриархомъ?
Смѣшно? а? что? что жъ не смѣешься ты?
Я, Государь?..

Шуйскій.
Царь.

Послушай, Князь Василій.

Какъ я узналъ, что отрока сего...
Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни,
Ты посланъ былъ на слѣдствіе: теперь
Тебя крестомъ и Богомъ заклинаю,
По совѣсти мнѣ правду объяви:
Узналъ ли ты убитаго младенца
И не было ль подмѣна! Отвѣчай.

Шуйскій
Царь.

Клянусь тебѣ...

Нѣтъ, Шуйскій, не клянись,
Но отвѣчай: то былъ Царевичъ!

Шуйскій.
Царь.

Онъ.

Подумай, Князь. Я милость обѣщаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь—тебя постигнетъ злая казнь,
Такая казнь, что Царь Иванъ Васильичъ
Отъ ужаса во гробъ содрогнется.

Шуйскій.

Не казнь страшна, страшна твоя немилость.
Передъ тобой дерзну ли я лукавить?
И могъ ли я такъ слѣпо обмануться,
Что не узналъ Димитрія? Три дня
Я трупъ его въ Соборъ посѣщалъ,
Всѣмъ Угличемъ туда сопровождаемый.
Вокругъ него тринадцать тѣлъ лежало,
Растерзанныхъ народомъ, и по нимъ
Ужъ тлѣніе примѣтно проступало;
Но дѣтскій ликъ Царевича былъ ясенъ,
И свѣжъ и тихъ, какъ будто усыпленный:
Глубокая не запекалась язва,
Черты жъ лица совсѣмъ не измѣнились.
Нѣтъ, Государь, сомнѣнья нѣтъ: Димитрій
Во гробъ спитъ.

Царь.

Довольно, удались!

Пушкинъ. (Борисъ Годуновъ).

(Мстительность).

ТАРБАЕВЪ. Ради чего же ты выходишь изъ себя? Ну успокойся. Можетъ быть, этого совсѣмъ и не будетъ.

АННА СЕРГѢВНА. Да, да, навѣрно не будетъ. Будьте увѣрены, что не будетъ, потому что ваша невѣста, Вѣра Андревна, въ эту минуту стоитъ подъ вѣнцомъ съ другимъ, а можетъ быть, уже и обвѣнчалась. Что вы на меня такъ смотрите? Вы не ожидали такого пріятнаго сюрприза? Какъ вамъ это нравится? (Смѣется). Навѣрно, это не входило въ ваши благородные планы и тонкія коммерческія соображенія? Вы, кажется, немного удивлены? Ха! ха! ха! (Сильно смѣется).

ТАРЪ. (въ недоумѣніи). Что за сказки?

АН. СЕРГ. Нѣтъ, не сказки, не сказки, а, увы! горькая дѣйствительность. Вы, кажется, вообразили, что Вѣрочка влюблена въ васъ. Теперь можете совершенно разочароваться въ этомъ, можете успокоить ваше черезъ чуръ пылкое воображеніе. Вѣрочка столько же интересовалась вами, какъ вотъ тѣмъ сторожемъ, который стоитъ у моста, а можетъ быть, даже и еще меньше. Она давно любитъ Бѣлова; а такъ какъ она не надѣялась, чтобъ отецъ согласился на ея бракъ съ Бѣловымъ, то и воспользовалась вашими тонкими коммерческими соображеніями и разными подготовленіями, которыя вы, вмѣстѣ съ моимъ мужемъ, устраивали къ ея побѣгу, и часть тому назадъ, скрылась изъ дому. Такимъ образомъ, Вѣрочка сдѣлалась М-ше Бѣловой, и, вѣроятно, Бѣловъ вамъ очень благодаренъ за ваши хлопоты, за то, что вы помогли ему.

ТАРЪ. (въ сторону). Тфу! Какая гадость! Какъ сръзался. (Аннѣ Сергѣвнѣ). Однако, если это правда... конечно, мнѣ все равно... но какъ же это? какъ же это? Что же послѣ этого значить?..

АН. СЕРГ. А это значитъ, что вы одурачены и одурачены жестоко, и что въ настоящую минуту вы очень смѣшны. А вы воображали, что вы безнаказанно можете смѣяться надъ чув-

ствомъ, безнаказанно оскорблять честь и достоинство женщины! Попробуйте же теперь, каково вамъ, когда надъ вами смѣются, когда оскорблено только ваше самолюбіе. И увѣряю васъ, вы очень, очень смѣшны въ эту минуту. Мнѣ даже жаль васъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько хлопотъ! Столько тонкихъ коммерческихъ соображеній! И вдругъ, какой-то Бѣловъ... ха! ха! ха! И вдругъ все это... ха! ха! ха! Ахъ, если бы вы знали, какъ вы смѣшны теперь... какая у васъ сконфуженная и вытянутая фізіономія! Несчастнѣйшій рыцарь!.. неудачнѣйшій похититель!.. ха! ха! ха! (*Продолжительно смѣется*).

ТАРЬ. (*въ сторону сердито*). Гм! взбалмошная баба! (*Анна Сергѣевна*). Что же тутъ смѣшнаго? Глупая исторія, и больше ничего. И что вы заладили одно и то же: «безнаказанно! безнаказанно!»! О какихъ это еще наказаніяхъ вы толкуете? Нѣтъ-съ! Много, сударыня, будетъ, какъ за всякій вздоръ будутъ наказывать. Что же такое ужасное я сдѣлалъ? Дѣло самое обыкновенное. Холостой человѣкъ вошелъ въ интригу съ замужнею женщиной... позволилъ себѣ эту, эту... забаву... это...

Ан. Серг. Забаву! А, вы договорились таки до чего слѣдуетъ, высказались наконецъ вполне! Такъ это для вашей забавы вы болѣе двухъ лѣтъ преслѣдовали меня вашими клятвами и увѣреніями въ любви, а потомъ втоптали въ грязь мою любовь къ вамъ! Такъ это только для вашей забавы вы заставили меня забыть мой долгъ къ мужу, поселили въ моемъ сердцѣ вѣчный упрекъ, отдали меня навсегда терзаніямъ совѣсти! Такъ знайте же, знайте, что и я тоже хотѣла позабавиться на вашъ счетъ. Побѣгъ Вѣрочки съ Бѣловымъ устроила я... да, я... Я воспользовалась вашими замыслами, о которыхъ узнала отъ своего мужа и отъ ея отца. Вѣрочка и до сихъ поръ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о вашихъ планахъ на ея счетъ. Я отъ ея имени вела переговоры и давала вамъ отвѣты, а въ тоже время убѣдила ее бѣжать съ Бѣловымъ, и всѣ ваши планы и приготовленія употребила для того, чтобъ облегчить Бѣлову возможность увести Вѣрочку. Вотъ видите, и я умѣю забавляться. Это вамъ урокъ, урокъ, конечно, не очень сильный, — вы заслуживали бы боль-

шаго,—но все равно, будете помнить долго и его. Не очень-то весело быть одуроченнымъ и потомъ всѣми осмѣяннымъ, сдѣлаться на всю жизнь героемъ анекдота...

ТАРЬ. Да что же это въ самомъ дѣлѣ? Дуракъ что ли я вамъ достался? Съ чего вы взяли давать мнѣ уроки? Вы, милостивая государыня, лучше подумали бы о себѣ. Что вы на меня все валите? Вѣдь я не насильно завладѣлъ вами. У васъ была своя воля и свой разумъ. Вы не ребенокъ и не неопытная дѣвица. Если замужняя женщина рѣшается на связь, такъ она знаетъ, чему подвергается. Само собою разумѣется, что ей нечего ожидать за это похвалы или уваженія. Она должна быть на все готова. Она сама идетъ на такую роль, сама себѣ назначаетъ мѣсто.

Ан. Серг. Что?... что?... что ты сказалъ? что выговорилъ твой гадкій языкъ? Какъ! какъ! этого еще не доставало! И ты... ты осмѣливаешься упрекать меня моимъ поведеніемъ, бросать мнѣ въ лицо моей любовью къ тебѣ, равнять меня къ какими-то презрѣнными существами! Слушай! слушай! да, я виновата! я преступница... но не тебѣ... не тебѣ судить меня... Пусть судить меня Богъ, пусть судятъ меня другіе люди. Можетъ быть, я еще найду въ чьемъ нибудь сердцѣ состраданіе. Да, я сама отдала бы себя на судъ людей, если бы видѣла въ томъ необходимость; но ты, ты не стоишь того, чтобъ изъ за тебя я увеличила свой позоръ и выносила бы еще болѣе прежняго оскорбленія отъ мужа. Я достаточно унижена тобой. Ты теперь вполне высказался на дѣлѣ и на словахъ. Какъ я любила тебя, такъ теперь презираю; нѣтъ мѣры моего презрѣнія къ тебѣ! И если ты изъ мести, изъ злобы противъ меня, осмѣлишься рассказать моему мужу или кому нибудь о моемъ участіи въ побѣгѣ Вѣрочки, то я сама все открою мужу, я передамъ ему всѣ твои письма. Раздѣльвайся съ нимъ, какъ знаешь. Я признаюсь тогда не только мужу, а всѣмъ, всѣмъ! Пусть казнятъ меня. Мнѣ все равно. Я покажу и то письмо, которое ты прислалъ съ Битюговымъ. Пусть ты на всю жизнь сдѣлаешься общимъ посмѣшищемъ. Прочь, прочь съ глазъ моихъ! Чтобъ я никогда болѣе не видала тебя, чтобъ я не встрѣчалась нигдѣ съ тобою, чтобы въ лицѣ твоёмъ не преслѣдовалъ

меня мой вѣчный позоръ. Я даю тебѣ мѣсяць сроку. Уѣзжай изъ этого города. А если ты рѣшишься остаться, я тебя предупреждаю: я не побоюсь никакихъ послѣдствій. Я уничтожу тебя, я сотру тебя съ лица земли, моего злодѣя, я... я... А! что со мной? я ничего не вижу... а!.. *(Падаетъ безъ чувствъ на полъ)*.

Маннъ. *(Паутина, д. V, явл. 3)*.

ФИЗИЧЕСКІЯ БОЛѢЗНИ.

(Дурнота).

(Княгиня и Сарматовъ сидятъ).

Княг. Послушайте, Сарматовъ, что за причина, что вы съ нѣкоторыхъ поръ отъ меня удаляетесь. Вспомните, какъ мы весело проводили съ вами время... читали, спорили... Сколько я замѣтила, вамъ не было скучно со мной. Отчего же вдругъ такая перемѣна?

Сарм. Княгиня, увѣряю васъ...

Княг. Правду, правду, Сарматовъ.

Сарм. Я думаю, правда вамъ извѣстна, княгиня. Вѣдь вы видѣли сегодня.

Княг. Кого?

Сарм. Мою невѣсту. Жениху извинительно иногда, на время, забывать своихъ друзей.

Княг. *(хочетъ приподняться, но удерживается и дѣлаетъ невозможныя усилія, чтобъ казаться спокойной)*. Да, конечно, конечно! Невѣста, да! Вы правы! вамъ надо быть съ нею. Я вѣдь эгоистка, — простите. *(Соображая)*. Да, какъ же, я видѣла, видѣла вашу невѣсту... сегодня... тамъ...

Сарм. У Вѣры Александровны?

Княг. Да, да, у Вѣры Александровны... Надежда Васильевна... такъ, кажется...

Сарм. Да-съ, Надежда Васильевна Моргунова.

Княг. Вотъ именно... Моргунова... и скоро свадьба?

Сарм. Въ нынѣшній мясоѣдъ.

Княг. Что жъ, я очень рада. Поздравляю васъ. Дай Богъ вамъ счастья. *(Съ трудомъ переводитъ дыханіе)*. Вы это что за бумаги принесли?

Сарм. Ваши все. Къ моимъ занятіямъ, какъ адвоката, прибавятся еще семейныя обязанности. Боюсь не справиться, у васъ теперь есть Красовъ.

Княг. Да, да, какже, Красовъ; онъ можетъ. А вы не стѣсняйтесь, идите, идите, васъ невѣста ждетъ. *(Встаетъ и хватается за ручку кресла)*.

Сарм. Прощайте, княгиня. *(Дрожащимъ голосомъ)*. Благодарю васъ за все! *(Быстро уходитъ)*.

Княг. *(подходитъ, шатаясь къ дивану)*. Такъ вотъ что! Такъ поступаютъ со мною! ха, ха, ха! *(падаетъ на диванъ въ истерикъ)*. *(Вбѣгаютъ двое слугъ)*.

Слуга 1. Батюшки мои! съ княгиней дурно! *(Кричитъ въ боковую дверь)*. Марья Ивановна! Аграфена Федоровна! сюда, скорѣй. *(Дергаетъ за сонетки)*.

Сл. 2. *(кричитъ въ большую дверь)*. Людмила Александровна! *(Бѣжитъ въ переднюю и кричитъ)*. Иванъ! за докторомъ! живо! съ княгиней дурно! *(Вбѣгаютъ три горничныхъ и старая няня, окружаютъ княгиню и даютъ ей нюхатъ спиртъ)*.

Няня. Матушка, ваше сіятельство! Что съ тобой, мое дитятко?

Княг. *(приходя въ себя, слабымъ голосомъ)*. А! что? Няня, это ты? Воды дайте... *(Пьетъ)*. Вы здѣсь? всѣ? Испугались?... Я ничего... это такъ... пройдетъ... ничего... *(Приподнимается и садится)*.

Нян. Чтой-го, дитятко! Въ жисть съ тобой этого не бывало... вотъ съ матушкой и бабушкой твоей, такъ зачастую.

Княг. Теперь все прошло, идите, спасибо вамъ. *(Всѣ, кромѣ няни, уходятъ)*.

Нян. Позволила бы отвести себя въ постельку.

Княг. Нѣтъ, зачѣмъ, я не больна совсѣмъ. У барынь, ты сама говоришь, это часто бываетъ. Это такъ... пустяки... Ахъ, тяжело мнѣ, очень тяжело! *(Обнимая няню, тихо плачетъ)*.

Нян. Голубушка ты моя! что за горе такое...

Княг. Нѣтъ, нѣтъ, няня, у меня никакого горя! Ступай, я хочу быть одна.

Нян. Евгенія Павловича не позвать ли?

Княг. Никого, никого не надо... уйди: *(Няня уходитъ)*.

Штеллеръ. (Ошибки молодости, д. V, явл. 3 и 4).

(Дурнота и обморокъ).

Иванъ. Я то-есть пьянъ, не пьянъ, а такъ для куражу выпимши... А драться все не смѣешь...

Волгинъ. Вонь! вонь! Дай только придти Владиміру Ивановичу, ужъ я тебѣ докажу дружбу.

Иванъ. Да то-то, что Владиміръ-то Ивановичъ для васъ фю... Але маширь...

Волг. Это еще что?

Иванъ. Такъ-съ, ничего-съ. Полно намъ съ вами-то амуричься, пора въ отставку. Вотъ и рацея отъ барина.

Волг. Что это!

Иванъ. Такъ-съ ничего-съ. Письмо къ вашей милости отъ Владиміра Ивановича.

Волг. Письмо!? Ну-ка Маша, прочти, что тутъ такое.

Иванъ. Прочтите-съ, прочтите-съ, матушка, тамъ и про васъ есть кое-что.

Машенька *(беретъ письмо и поспышно распечатываетъ)*, «Милостивый государь, Андрей Петровичъ. Непредвидѣнные обстоятельства разстроили всѣ мои надежды. Я выбралъ себѣ другую дорогу, составилъ новый планъ жизни и потому долженъ отказаться почти отъ всего, къ чему былъ привязанъ. Другими словами, я не могу болѣе жениться на... вашей... дочери»... Ахъ! Господи, подкрѣпи меня. *(Сквозь слезы)*. «Я вы... бралъ себѣ другую подругу жизни. *(Рыдаетъ. Волгинъ, жена его и Сидоровна въ большомъ изумленіи)*.

Волг. Далѣе, далѣе...

Машенька. Папенька, голубчикъ, не могу... не могу...

Господи, что со мной, я съ ума сойду... Сидоровна! перо, бумаги... я напишу къ нему... я сама побѣгу къ нему. Иванъ, пойдемъ, пойдемъ, пойдемъ, пойдемъ. Охъ, пойдемъ... Иванъ, да ты пошутить вѣрно, признайся, пошутить, вѣдь это не правда? нѣтъ?

Иванъ *(плача)*. Эхъ, сердечная. Правда, матушка барышня, сущая правда, видитъ Богъ, правда. Этотъ фертикъ окаянный сбиль его съ толку-то. Слышь, на начальницѣ на какой-то женить захотеть.

Машенька. Что, онъ любить ее?

Иванъ. Кто ихъ знаетъ; вѣрно слюбились, когда женится.

Машенька. Да нѣтъ, нѣтъ, не повѣрю; вѣдь это грѣшно!

Иванъ. Грѣшно, ей Богу, грѣшно...

Машенька. Охъ, не ожидала я этого. Господи, Господи, прогнѣвала я Тебя... Охъ голова, голова. *(Падаетъ безъ чувствъ. Волгинъ и жена его бросаются къ ней)*.

Волгина. Сидоровна, воды, воды скорѣй!.. *(Сидоровна идетъ за водой, Иванъ приноситъ со стола чашку съ кипяткомъ, но опомнившись, ставитъ назадъ)*.

Волгинъ. Обмерла совсѣмъ... Маша, Машенька, Машенька, да полно, голубочка ты моя... И дышать перестала. У-ухъ! *(Выпрямляясь)*. Иванъ, съ глазъ долой. Чтобы микогда нога ни твоя, ни твоего барина не была въ моемъ домѣ. Скажи ему, что онъ подлець, чтобы онъ не встрѣчался со мной, а то я ему покажу, какъ насмѣхаться надъ сѣдинами отца и простотой дочери... Вонь, вонь... съ глазъ долой... *(Иванъ хочетъ выйти. Сидоровна приноситъ воды и вмѣстѣ съ Волгиной приводятъ въ чувство Машеньку)*.

Машенька *(приходя въ себя)*. Иванъ, ты здѣсь еще. Папаша, не гоните его. Онъ не виноватъ. Поди сюда, Иванъ, поди... кланяйся твоему барину, пожелай ему счастья, и скажи, что онъ глубоко, глубоко огорчилъ меня, но Богъ ему судья. Иванъ, скажи ему еще, нѣтъ, не теперь... когданибудь, такъ, при случаѣ, что я все еще люблю его. Господи! прости его. *(Снова мшается чувствъ)*.

Иванъ. Слушаю, матушка, слушаю. Экъ ее раскачало, сердечную! (*Уходитъ, пошатываясь. Всп хлопочутъ около Машеньки*).

Королевъ. (Карьера, д. II, явл. 7).

(Истерика).

Анна Сергѣевна. Вы не въ состояніи были носить маску и въ теченіи какого нибудь мѣсяца; а я, вмѣсто любви, нашла только позоръ.

Тарбаевъ. Помилуй, что за выраженія.

Ан. Серг. Да, такія отношенія безъ любви только позоръ и больше ничего. Если посторонніе не подозрѣваютъ нашей связи и пока еще падятъ меня, за то мнѣ стыдно самой себя. Ваша любовь дала бы мнѣ силы на борьбу со всѣми послѣдствіями моего страшнаго поступка, и я смѣло выдерживала бы эту борьбу, потому что вознаграждена была бы за эти страданія инымъ счастіемъ, а теперь: что я такое? Преступная жена и отвергнутая, брошенная, осмѣянная любовница! Да, я жестоко, жестоко наказана за свою довѣрчивость. Я достойна общаго посмѣянія.

Тарв. (*въ сторону*) Такой сцены еще никогда не бывало! (*Аннѣ Сергѣевнѣ*) Анета, перестань ради Бога... твои нервы слишкомъ раздражены... успокойся... Ты нездорова; ты не помнишь, что говоришь.

Ан. Серг. Нѣтъ, помню. Очень хорошо помню. Ну, что-жъ, пусть всѣ смѣются надо мной! И подѣломъ! Подѣломъ глупой, безумной мечтательницѣ! Судьба осудила ее на вѣчную тюрьму, а она захотѣла вздохнуть свободно, захотѣла жить; вздумала насильно создать себѣ счастье. За это и посмѣялась надъ нею судьба, и какъ жестоко посмѣялась! И ей урокъ, и другимъ урокъ! Будутъ смиреннѣ нести свое ярмо! Пусть она казнится, пусть страдаетъ, пусть обливается слезами! Пусть смѣются надъ ней! Отдалась, по глупости, — да, да, по глупости, — человѣку, который никогда не любилъ ея, который видѣлъ въ ней только минутную потѣху для себя и потомъ бросилъ ее, какъ презрѣнное суще-

ство, не заслуживающее и сожалѣнія! Развѣ это, въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно? Ха, ха, ха! Развѣ не смѣшно? Ха, ха, ха! О, Боже мой, Боже мой! (*Падаетъ въ кресло, закрываетъ лицо руками и громко рыдаетъ.*)

Тарв. (*ухаживая за Ан. Сергѣевнѣ*). Анета, голубчикъ! Что съ тобой! Успокойся. Увѣряю тебя... клянусь тебѣ, что мнѣ и въ голову не приходило избѣгать тебя, или обманывать. Я не могъ быть у тебя чаще. Клянусь тебѣ, другъ мой... увѣряю тебя. (*Въ сторону*): Не знаешь, чѣмъ и унять. (*Смотря въ дверь*). А! мужъ! (*Аннѣ Сергѣевнѣ*). Иванъ Гаврилычъ, Иванъ Гаврилычъ идетъ сюда... Перестань, ради Бога.

Маннъ. (Паутина, д. II, явл. 6).

Милашинъ... Марья Андреевна! я предлагаю вамъ свою руку; мнѣ хочется доказать вамъ, что я благородный человѣкъ.

Марья Андреевна. Ахъ, Иванъ Ивановичъ, не хотѣлось бы мнѣ васъ обидѣть, да нечего дѣлать. Не нуждаюсь я ни въ вашей помощи, ни въ вашемъ благородствѣ; не пойду я за васъ ни за что на свѣтѣ.

Мил. Да, конечно, я не Беневоленскій; онъ завидный женихъ.

Марья Андр. Беневоленскій человѣкъ съ состояніемъ, да и маменька хочетъ, чтобы я за него вышла; вотъ почему я предпочту Беневоленскаго.

Мил. Не угодно? Какъ вамъ угодно! Мнѣ только одно обидно: за что вы меня унижаете, ставите хуже какаго нибудь Мерича. Я дѣлаю вамъ честное предложеніе, а вы на меня сердитесь; а Мерича не гнали прочь, когда онъ ухаживалъ за вами.

Мар. Андр. Послушайте, за кого вы меня принимаете? Вы даже не имѣете уваженія ко мнѣ. Нѣтъ, надобно это покончить однимъ разомъ. Будетъ плакать. (*Утираетъ глаза*). Если бъ теперь Меричъ сдѣлалъ предложеніе, я бъ не пошла за него. Я выхожу за Беневоленскаго—это рѣшено. Не замѣтно, что я плакала? Мнѣ хочется показать маменькѣ, что я безъ всякаго усилія

рѣшилась выдти за мужъ. Пусть она будетъ весела и покойна, я возьму все на себя. Полноте дуться и вы. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, не замѣтно слезъ?

Мил. Почти не замѣтно.

Мар. Андр. Ну и слава Богу! Станемте смѣяться, станемте разговаривать о чемъ нибудь постороннемъ. Не были ли вы въ театрахъ какъ нибудь на дняхъ?

Мил. Вы думаете меня обмануть и себя также. Для чего это? Вѣдь я знаю, что у васъ на душѣ.

Мар. Андр. *(топаетъ ногой)*. Я совсѣмъ васъ не обманываю; мнѣ, право, что-то вдругъ весело сдѣлалось. Давайте играть во что нибудь. Ахъ, вотъ карты! Давайте играть въ карты.

Мил. Давайте, пожалуй, если вамъ угодно. *(Садятся къ столу)*.

Мар. Андр. Во что же? Въ дураки давайте.

Мил. *(сдаетъ)*. Поиграемте, поиграемте. Послушайте, Марья Андреевна, — вы притворяетесь. Вы не хотите, чтобы я видѣлъ ваши слезы. Зачѣмъ же вы отъ меня-то скрываетесь: я вамъ не чужой. Это досадно!

Мар. Андр. Играйте, играйте, а то останетесь.

Мил. Вы такъ горды, что не хотите мнѣ позволить принимать въ васъ участіе. Вѣдь это замѣтно, что вы притворяетесь.

Мар. Андр. Что, остались! *(Смѣется)*.

Мил! Ну, что жъ, остался. *(Мѣшаетъ карты, сдаетъ)*. Вѣдь это ужасно досадно! Это гордость. Вы меня этимъ унижаете, считаете ни за что.

Мар. Андр. Вы принимаете, еще принимаете. Ну, такъ вы опять остались. *(Хохочетъ)*.

Мил. Вѣдь это невыносимо, просто.

Мар. Андр. Сдавайте, сдавайте, что же вы? *(Милашину сдаетъ. Марья Андреевна задумывается, закрываетъ глаза платкомъ и опирается руками на столъ; потомъ утираетъ глаза и беретъ карты)*. Кому ходить, мнѣ? *(Анна Петровна входитъ)*.

Анна Петровна. Что это у васъ за смѣхъ?

Мар. Андр. Да вотъ Иванъ Ивановичъ все остается. Вы совсѣмъ не умѣете играть. Когда же мы, маменька, напишемъ отвѣтъ Максиму Дорофеичу? *(Продолжаетъ играть)*. Поблагодарите его за предложеніе и напишите, что я согласна.

Анна Петр. Ты, Маша, согласна? Ну, спасибо тебѣ, утѣшила ты меня. Вотъ теперь я вижу, что ты меня любишь. Обрадовала ты меня... Ужъ такъ обрадовала, что и сказать нельзя... Вотъ, Иванъ Ивановичъ, у меня дочка... и красавица и умница... Гдѣ тутъ бумага была? Вотъ теперь вдругъ-то и не придумаешь, что написать. *(Беретъ бумагу и пишетъ. Марья Андр. и Мил. играютъ въ карты)*.

Мар. Андр. *(Милашину)*. Хотъ бы поскорѣе это кончилось, моихъ силъ больше не достаетъ. *(Встаетъ)*. Дайте, я вамъ помогу. Что вы пишете?

Анна Петр. А вотъ: «Милостивый государь, Максимъ Дорофеичъ! Благодарю васъ за лестное для насъ предложеніе; Машенька согласна и проситъ васъ сегодня на чашку чая». Хорошо ли такъ-то? Ужъ я не знаю. А? Аль другое написать?

Мар. Андр. Нѣтъ, прекрасно, прекрасно! Вотъ и отошлите скорѣй!

Анна Петр. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, хорошо? Иванъ Ивановичъ, хорошо?

Мил. Очень хорошо.

Анна Петр. А не надо ли чего прибавить?

Мар. Андр. Нѣтъ, не надо, ничего не надо... довольно и этого... Пошлите поскорѣй. Дарья, Дарья! *(Входитъ Дарья)*. Пошли поскорѣй кого нибудь съ этимъ письмомъ къ Максиму Дорофеичу. Ступай, Дарья, поскорѣй. Я не выдержу больше. Иванъ Ивановичъ, мнѣ дурно! *(Милашину подбываетъ, подаетъ ей стулъ; Марья Андреевна сидитъ нѣсколько времени въ изнеможеніи, потомъ заливается слезами)*.

Островскій. (Бѣдная невѣста, д. IV, явл. 10 и 11).

(Чахотка).

Мими (*блѣдная, истомленная, на порогъ мансарды, опирается на дверь*). Родольфъ!

Родольфъ. (*цѣлуя ее*). Мими, милая Мими!

Мими (*въ его объятіяхъ*). Родольфъ, другъ мой, дай мнѣ присѣсть, я не могу стоять. (*Марсель подвигаетъ кресло, она садится. Мюзеттъ подлѣ нея*). Ахъ, вотъ и ты; здравствуй, Мюзеттъ, ты вернулась, это хорошо! (*Протягивая руку Марселю*). Здравствуй, Марсель, все идетъ хорошо и мнѣ также. (*Въ сторону*). Нѣтъ, мнѣ дурно.

Род. Ты больна?

Мими. Нѣтъ, я только устала.

Род. Бѣдная Мими.

Мими. Да, твоя бѣдная Мими опять у тебя. Ты вѣдь не ждалъ меня, не такъ ли?

Род. Откуда ты такъ поздно и въ такую погоду?

Мими. Откуда? О, я не съ бала;—я изъ больницы.

Род. Боже мой!

Марсель (*тихо Родольфу, отводя его въ сторону*). Я не знаю почему, но я боюсь; Мими, кажется, сильно больна.

Род. (*тихо*). Я это самъ вижу.

Марс. Я схожу за нашимъ молодымъ докторомъ.

Род. Да, да, приведи его сейчасъ же. (*Возвращается къ Мими, Марсель уходитъ*).

Мими (*продолжая разговоръ съ Мюзеттъ*). Да, Боже мой, я изъ госпиталя; тамъ дурно умирать. Насилу я изъ него вышла, меня не хотѣли пустить. Къ счастью недостало кроватей, я была лишняя. И вотъ — я здѣсь (*Родольфу*). Ахъ, другъ мой, я боялась, что не увижу тебя больше...

Род. (*на колѣнахъ около ея кресла*). Но въ ту ночь, когда ты ушла съ бала...

Мими (*живо*). Да, знаю.

Род. Куда же ты пошла?

Мими. Я пошла прямо на мостъ, какъ гризетка въ романахъ.

Род. Ты хотѣла умереть?

Мими. Хмъ!.. Что жъ ты хотѣлъ, чтобъ я сдѣлала? Мнѣ сказали, что я помѣха твоему счастью; сначала я сомнѣвалась... но потомъ. (*Со вздохомъ*). Ахъ... наконецъ я рѣшилась... Я думала, что ты просто забылъ меня и побѣжала прямо къ рѣкѣ; куда же мнѣ было дѣться?..

Род. (*нѣжно*). Мими!

Мими. Я смотрѣла, какъ бѣжитъ вода; о, какая она была грязная, гадкая!.. Облокотилась я на перила и машинально стала глядѣть кругомъ себя. Вдругъ, не знаю сама почему, я взглянула въ улицу... и въ нашемъ маленькомъ окошечкѣ я замѣтила свѣтъ: я забыла задуть свѣчку... Мнѣ показалось, что все мое прошедшее счастье взглянуло на меня въ это окошко. Я забыла и знатную даму и рѣку и начала думать о тебѣ. Я вспомнила то время, когда мы жили вмѣстѣ въ этой комнаткѣ. Тогда, помнишь ли, у насъ также долго бывалъ свѣтъ; ты работалъ по ночамъ и время отъ времени подходилъ къ моей кровати и цѣловалъ меня. Всѣ эти воспоминанія совсѣмъ спутали мои мысли. Напрасно вздущаяся рѣка говорила мнѣ: «скорѣе... иди»... и волны ея убѣгали подъ мостъ; я не торопилась; я думала, что когда я буду на днѣ, ты вѣдь не придешь уже цѣловать меня... Однако надобно было чѣмъ нибудь кончить; не для забавы пришла я туда. Я снова наклонилась черезъ перила и снова мнѣ стало страшно... Тогда я опять посмотрѣла на свѣтящееся окошко и сказала себѣ: я брошусь, когда свѣтъ потухнетъ. Ахъ, видишь ли, мой другъ, когда страдаютъ, такъ сейчасъ говорятъ: «я умру»! Думаютъ, что это легко; но на дѣлѣ это вовсе не такъ. Пока я дожидалась сигнала, чтобы прыгнуть въ воду, меня схватила лихорадка, голова закружилась и я упала безъ чувствъ... А проснулась я уже въ госпиталѣ.

Мюз. (*въ сторону*). Бѣдная дѣвушка!

Род. (*Мими, которая хочетъ встать*). Ты устала, Мими, отдохни.

Мими. Все сдѣлаю, что ты хочешь... Послушай, если бы

однако я здѣсь встрѣтила другую... какъ славно выпрыгнула бы я въ окошко. (*Кашляетъ*).

Род. Не разговаривай больше.

Мими. Ты меня все еще любишь, не правда ли?

Род. Люблю ли?.. (*Стучатъ въ дверь. Входятъ докторъ и Марсель*).

Докторъ. Вы меня звали?

Род. (*подходя къ доктору*). Штъ!..

(*Мюзеттъ подходитъ къ Мими и тихо говоритъ съ ней*).

Докт. Понимаю...

Род. Мими... милая, это одинъ изъ нашихъ друзей мимоходомъ зашелъ къ намъ. Онъ докторъ... Что, если бы ты сказала ему, гдѣ у тебя болитъ; что ты чувствуешь?..

Докт. (*подходитъ къ Мими, беретъ ее за руку*). Вы позволите, сударыня. (*Молчаніе*)... О, успокойтесь... это ничего... вы отдохнете... и все пройдетъ... (*Подходя къ Родольфу*). Другъ мой, все кончено.

Род. Кончено, Мими, бѣдная Мими!

Докт. (*къ Мими*). Вы не безпокойтесь...

Мими. О, съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, мнѣ лучше. (*Вздраиваетъ и кашляетъ*). Надоно только поскорѣй меня вылечить. (*Показывая на Родольфа, у котораго она беретъ руку*). Видите, я единственная его радость, — печальная радость; не правда ли? Но все равно, онъ меня любитъ... (*Взянувъ на платье Мюзеттъ*). Какое красивое платье!.. Сейчасъ, возвращаясь изъ больницы, я смотрѣла на магазины. Какъ жаль, что все это стоитъ такъ дорого! (*Съ живостью*). Смѣшно право: когда больна, всего хочется. (*Родольфу*). Ты знаешь, вѣдь я не кокетка, а мнѣ хотѣлось бы... (*Печально*). Нѣтъ, лучше не думать. (*Докторъ садится къ столу и пишетъ, Марсель стоитъ около Мюзеттъ*).

Род. Отчего же, напротивъ, говори, что такое, скажи. Не шелковое ли платье, какъ у Мюзеттъ, съ блондовой отдѣлкой?

Мими (*смѣясь и кашляя*). Блондовой!.. О какой ты глупый... это кружева... Нѣтъ, я не хочу шелковаго платья. Я бы

хотѣла... муфту, очень бы хотѣла. (*Мюзеттъ знаками показываетъ Родольфу, чтобъ онъ сказалъ: да*).

Род. (*къ Мими*). Только-то, моя милая? муфта у тебя будетъ.

Мюз. (*тихо Марсело*). У меня есть одна... Сходи за ней.

Мими. Скоро?

Род. Сейчасъ же.

Мими. Вѣдь она дорого стоитъ. Ты развѣ богатъ теперь?

Род. (*живо*). Да, мы теперь богаты.

Мими. А если мы богаты, то надоно поощрять торговлю.

Сходи, купи мнѣ муфту.

Докт. У меня есть еще нѣсколько визитовъ. Я зайду еще вечеромъ. (*Уходитъ Родольфъ и Марсель его провожаютъ*).

Мюз. (*къ Мими*). Мими, не хочешь ли прилечь, отдохнуть.

Мими. Да, очень. (*Встаетъ, поддерживаемая Мюзеттъ и Родольфомъ. Оглядывается*). А... докторъ ушелъ?

Род. Да.

Мими. Что онъ сказалъ про меня?

Род. Онъ сказалъ, что если ты будешь осторожна, то черезъ недѣлю можешь на балъ ѣхать.

Мими. Съ моей муфтой?

Род. Ну, конечно.

Мими (*которой помогаютъ лечь на постель*). Ахъ, какъ это хорошо! И для начала, я постараюсь заснуть; тамъ вѣдь я почти совсѣмъ не спала... Эти большія залы... Ночью тамъ такъ печально. (*Обнимая Родольфа*). Другъ мой, не отсылай меня въ больницу, я умру тамъ... (*нѣжно*). Мнѣ такъ хорошо здѣсь. (*Понижая голосъ*). Въ моей маленькой комнаткѣ. (*Еще тише*). Подлѣ тебя... мой Родольфъ... (*Засыпаетъ*).

Мюрже. (*Цыганская жизнь, д. V, сц. 5 и 6*).

Афоня. Дѣдушко, отдохнемъ здѣсь немножко! Недужится мнѣ. Садись вотъ на скамеечку!

Архицъ. Сядемъ, Афоня, сядемъ. Плохи мы съ тобой; меня старость, а тебя хворость одолѣла.

Афоня. — Я не хвораю, а я такой уродился. Я, дѣдушка, не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ.

Арх. Не слушай ты бабьяго разговору! Никто не знаетъ, какой ему предѣлъ положенъ.

Афоня. Что мнѣ бабы! Я самъ знаю, что я не жилецъ. Меня на ѣду не тянетъ. Другой, поработавши, сколько съѣсть! Много, много съѣсть, и все ему хочется. Вонъ, братъ Левъ, когда устанетъ, — ему только подавай. А по мнѣ хоть и вовсе не ѣсть; ничего душа не принимаетъ. Корочку погложу и сытъ.

Арх. Это къ росту бываетъ.

Афоня. Нѣтъ, не къ росту. Куда мнѣ еще расти, съ чего! Я и такъ великъ по годамъ. А это значитъ: мнѣ не жить. Ты, дѣдушко, возьми то: живой человѣкъ о живомъ и думаетъ, а у меня ни къ чему охоты нѣтъ. Другой одежду любить хорошую, а мнѣ все равно, какой ни попадись зипунишко, было бы только тепло. Вотъ ребята теперь, такъ у всякаго своя охота есть; кто рыбу ловить, кто что; въ разныя игры играютъ, пѣсни поютъ, а меня ничто не манитъ. Въ тѣ-поры, когда людямъ весело, мнѣ тошнѣй бываетъ, меня тоска пуще за сердце сосетъ.

Арх. Такъ въ тебя Богъ вложилъ. Ты у насъ, Афоня, божій человѣкъ.

Афоня. Нѣтъ, дѣдушко, нѣтъ, не говори ты этого! Какой божій человѣкъ! Я видалъ божьихъ людей: они добрые, зла не помнятъ; ихъ бранятъ, дразнятъ, а они смѣются. А я, дѣдушко, сердцемъ крутъ: вотъ какъ братъ же; только братъ отходчивъ, а нѣтъ; я, дѣдушко, злой! (*Молчаніе*). Вотъ я, дѣдушко, никакъ уснуть не могу; что я днемъ-то вижу, все это мнѣ и лѣзетъ въ глаза, засосетъ у меня сердце и всю ночь я плачу. Какой я жилецъ! Мнѣ теперь съ здоровьемъ — то и поправиться нельзя. Ужъ очень у меня сердце горячо! Скорѣй бы меня Богъ прибралъ, чтобы мнѣ меньше мучиться.

Островскій. (Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ. д. II. Явл. 1).

(По дагра).

Карскій. Милая Машенька, хоть нынче мужчины и точно непостоянны, однако, не всѣ, не всѣ! а потому я, какъ другъ, совѣтую тебѣ полюбить, попробовать, испытать; это очень, очень занимательно! не стыдись же!... и скажи мнѣ откровенно: что бы ты подумала, если вдругъ — на тебѣ посватался человѣкъ извѣстный, гмъ! солидный, гмъ!.. гмъ!.. на примѣръ, такой человѣкъ, какъ я?..

Бецкая (*отступая*). Человѣкъ, какъ вы?... ха! ха! ха! вотъ мило!

Кар. (*хочетъ ее обнять*). Да, да, мой ангелъ, я давно ужъ имѣю намѣреніе...

Бец. Подите! вы смѣтаетесь надо мной!

Кар. Нѣтъ, чортъ возьми! нѣтъ! я не смѣюсь, я говорю тебѣ очень серьезно, что намѣренъ жениться, и непременно! ой! ой! ой! ангелъ мой! Машенька! ну, что же ты скажешь на это?... а?

Бец. Ахъ! да что жъ это съ вами, вы охаете?..

Кар. (*сконфузившись*). Гмъ! я! да... да... немножко. Ъхавши сюда очень скоро, я... я... зашибъ себѣ ногу...

Бец. Ахъ, какъ жаль!..

Кар. Ничего, ничего, — это до свадьбы заживетъ! Говори же, моя душенька! отвѣчай, согласна ли ты быть моею подружкой? моею нѣжною путеводительницею?... однимъ словомъ: моею, совсѣмъ моею?..

Бец. Ахъ! Боже мой! Я, право, такъ растерялась... Конечно, хоть я и сама давно желала съ вами познакомиться...

Кар. (*разныжась*). Какъ! ты желала?... возможно ли! Сама желала?... ангелъ мой! такъ клянусь, что я буду рабомъ всѣхъ твоихъ желаній!.. да, да, посмотри, я самъ не свой!!.. горю, горю, посмотри, пожалѣй меня!.. если ты мнѣ откажешь, я пропалъ! Гмъ!.. Ма-ма-ма-ма-Машенька! я весь истлѣю, превращусь въ пепель!.. ой! ой! ой! посади меня... посади... уфъ! (*въ изнеможеніи бросается въ кресло*).

Бец. (*помогая ему*). Ахъ! батюшки-свѣты! какъ вы страш-

но смотрите. Помилуйте, что жъ будетъ хорошаго, если вы на мнѣ женитесь? всякій будетъ надъ нами смѣяться, указывать пальцами...

П. Григорьевъ. (Вод. Жена Кавалериста, явл. 13).

(Страданія отъ голода и жажды).

(Тюрьма).

Гаддо (*тихонько поднимаясь*).

Онъ, кажется уснулъ?.. Анзельмо, братецъ—
Послушай, милый братъ...

Анзельмо (*поднимаясь*). Что? Кто тутъ говоритъ?

Гаддо. Я, Гаддо...

Анзельмо. Ты? Ахъ! право я не знаю...

Мнѣ что-то голосъ твой такъ страшенъ...

Гаддо. Можетъ быть, намъ будетъ веселѣй,
Когда мы станемъ говорить.. Здѣсь сыро,
Здѣсь холодно... Я весь дрожу...

Анзельмо. А мнѣ, ахъ! Гаддо — какъ же пить мнѣ захотѣлось...
И если бъ капельку мнѣ дать воды...

Гаддо. Молиться станемъ...

Анзельмо. Какъ? Я не умѣю...

Ахъ! пить!..

Гаддо (*складывая руки*). Помилуй, Господи, бѣдняжку Гаддо!

Анзельмо. Полно — ты отца разбудишь — онъ уснулъ!

Уголино (*тихо*). Нѣтъ! я не сплю, несчастные!

Анзельмо. Ты видѣлъ,

Какъ онъ сердился, цѣпи грызъ и рвалъ,

Когда нашъ Лотто плакалъ и кричалъ,

И у отца просилъ кусочикъ хлѣба...

Гаддо. Анзельмо! я боюсь — нашъ Лотто что-то

Давно замолкъ. Куда дѣвалъ его отецъ?

Ты ничего не отвѣчаешь мнѣ...

Анзельмо. Ахъ! какъ мнѣ захотѣлось пить... О Боже!

(*Падаетъ въ безсиліи. Лампадка потухаетъ*).

Уголино. Умолкли! Умерли?.. Лампадка тухнетъ...

Тѣмъ лучше... не увижу больше я

Ихъ лицъ, истерзанныхъ мученьемъ смерти!..

Да гдѣ же медлишь ты, уродливый скелетъ?

Ты, можетъ быть, терзаешь чье нибудь дитя;

Отца ты у сиротъ несчастныхъ похищаешь,

Или отъ алтаря невѣсту въ гробъ влечешь

А здѣсь, здѣсь... Двухъ я схоронилъ —
Темница мрачная могилой имъ была...
Остались двое — умирайте! — Легче
Смерть томленій смерти... (Слышны отдаленные голоса).

Уголино!

Что это? Мечта!

Уголино.

А, слава Богу! я безумѣть начинаю:
Мнѣ голоса слышались, когда и солнца лучъ
Сюда не достигаетъ...

Голоса (*ближе*).

Уголино!

Уголино.

Не мечта!

Нѣтъ! все тихо...

То голосъ человѣка!

Голоса (*ближе*).

Уголино!

Уголино. То голосъ человѣка!

Дай мнѣ пить, отецъ.

Анзельмо. (*съ воплемъ*).

Я умираю...

Гаддо.

Мнѣ кусочикъ хлѣба!

Голоса (*ближе*).

Уголино!

(Слышнъ стукъ шаговъ).

Уголино (*встаетъ и кричитъ*).

Здѣсь я!

Постойте, дѣти, на мгновение —

Насъ кличутъ!

Голоса. (*близко*).

Уголино!

(*Окна освѣщаются факелами проходящихъ*).

Гаддо.

Хлѣба!

Уголино.

Замолчи!..

Я здѣсь! (*свѣтъ факеловъ удаляется*).

Они проходятъ мимо!

Здѣсь я, здѣсь...

(*падаетъ на скамью*).

Анзельмо. (*въ бреду*) А, какой роскошный садъ... плоды, цвѣты...

Всѣ пляшутъ, всѣ поютъ, и сколько птичекъ,

И какъ здѣсь весело играть и бѣгать...

Голоса. (*опять близко*)

Уголино!

Гаддо. (*съ дикимъ воплемъ*). Ахъ!

Уголино. (*яростно*).

Замолчи, несчастный!..

Здѣсь мы, здѣсь!

Сюда, сюда! Но мой охрипый голосъ

Подъ сводами темницы умираетъ...

Когда бъ я могъ туда, къ окну, взобраться!..

Гаддо.

Господи!

Уголино.

Сюда, мы здѣсь, сюда!

(*Собравъ остатокъ силы, онъ бросается къ окнамъ, и въ отчаяніи отступаетъ*).

АНЗЕЛЬМО (*испугавшись*). Отецъ, отецъ! прости,
Мнѣ пить хотѣлось, я не буду...
(*Уголино кусаетъ руки въ бѣшенствѣ. Анзельмо обнимаетъ его колѣни*).

Ты родилъ насъ;
Когда ты голоденъ, зачѣмъ ты глосешь руки?
Въшь насъ!.. Боюсь...

Уголино. И этотъ?

Голоса. Уголино!

Уголино. Поспѣшите!

Последній умираетъ... Люди, люди...

(*Онъ падаетъ въ безсиліи и отчаяніи;
слышны удары, шумъ; камни валятся, ставятъ лѣстницы и кричатъ*).

Уголино! Уголино!

Нино (*прыгаетъ внизъ и бросается къ Уголино*).

Дядя мой! проснись, опомнись... Боже! благодарю тебя!

Уголино (*приходя въ себя*). Что? Живъ ли кто изъ нихъ!

(*Дѣтей выносятъ къ отцу, онъ ихъ обнимаетъ; группа*).

Нино. Сбери остатки силъ—пойдемъ!

Уголино. Куда?

Нино. Покаяться, простить враговъ, и примириться

съ людьми и съ Богомъ...

Уголино (*приподымаясь*). Силъ моихъ достанетъ

произнести... благословенье... слово мира...

(*Падаетъ, хочетъ стать на колѣна и сложить руки*).

Боже! (*Умираетъ*).

Нино. (*на колѣняхъ*). Судьбы твои свершились, Судія Всевышній!

Невинные страдалцы спасены!

Полевой. (Уголино, д. V, яв. посл.).

ДУШЕВНЫЯ БОЛѢЗНИ.

(Сумашествіе).

СТАРИКЪ (*входитъ въ лохмотьяхъ, полунагой*)

Здорово, здорово, зять!

Князь. Кто ты?

Стар. Я здѣшній воронъ.

Князь. Возможно ль? это мельникъ!

Стар. Что за мельникъ!

Я продалъ мельницу бѣсамъ запечнымъ;

А денежки отдалъ на сохраненье

Русалкѣ, вѣщей дочери моей;
Онъ въ песку Днѣпра-рѣки зарыты,
Ихъ рыбка-одноглазка сторожить.

Князь. Несчастный, онъ помѣшанъ! Мысли въ немъ

Разсѣяны, какъ тучи послѣ бури.

Стар. Зачѣмъ вѣчоръ ты не пріѣхалъ къ намъ?

У насъ былъ пиръ, тебя мы долго ждали.

Князь. Кто ждалъ меня?

Стар. Кто ждалъ? Вѣстимо, дочь.

Ты знаешь, я на все гляжу сквозъ пальцы

И волю вамъ даю! сиди она

съ тобою хоть всю ночь, до пѣтуховъ—

ни слова не скажу я.

Князь. Бѣдный мельникъ!

Стар. Какой я мельникъ! Говорятъ тебѣ,

я воронъ, а не мельникъ. Чудный случай:

Когда ты помнишь, бросилась она

въ рѣку, я побѣждалъ за нею слѣдомъ

и съ той скалы прыгнуть хотѣлъ, да вдругъ

почувствовалъ: два сильные крыла

мнѣ выросли внезапно изъ подъ мышекъ

и въ воздухъ сдержали. Съ той поры

то здѣсь, то тамъ летаю; то клюю

Корову мертвую, то на могилѣ

сижусь, да каркаю.

Князь. Какая жалость!

Кто жъ за тобою смотреть?

Стар. Да, за мною

присматривать не худо: старъ я сталъ

и шаловливъ. За мной, спасибо, смотреть

Русалочка.

Князь. Кто?

Стар.. Внучка.

Князь. Невозможно

понять его! Старикъ ты здѣсь въ лѣсу

иль съ голоду умрешь, иль звѣрь тебя

заѣстъ. Не хочешь ли пойти въ мой теремъ,

со мною жить?

Стар. Въ твой теремъ? Нѣтъ, спасибо!

Заманишь, а потомъ меня, пожалуй,

удавишь ожерельемъ. Здѣсь я живъ,

псыть, и воленъ. Не хочу въ твой теремъ (*уходитъ*).

Пушкинъ. (Русалка сд. 4).

(Сумасшествіе).

Лаэртъ. Что это? Что за шумъ?

(Офелія входитъ, странно убранныя травами и цвѣтами).

О пламень, иссуши мой мозгъ! Сожги
Слеза горячая очей моихъ кристаллы!
Клянусь Творцомъ! Мнѣ за твое безумство
Заплатятъ на вѣсахъ, такъ что на землю
Падетъ моя наполненная чаша.
О роза майская, Офелія! Сестра!
Дитя невинное!—О Боже мой!
Неужли умъ дѣвицы молодой
Не крѣпче жизни старика?
О, какъ въ любви природа утонченна!
Свой лучшій даръ, разумокъ драгоценный,
Она заставила ее отдать
На память милому!

Офелія. *(поетъ)*. Онъ лежалъ не покрытый въ гробу,
Его опустили въ могилу,

По немъ не одну проронили слезу—

Прощай мой голубчикъ!

Лаэртъ. Имѣй ты умъ и проповѣдуй мщенье,
Ты насъ не тронула бъ такъ глубоко.

Офелія. Вамъ надо пѣть: «въ могилу, въ могилу, зовите въ
могилу его!» А какъ идетъ этотъ напѣвъ къ шуму колеса на само-
прялкѣ! Вѣдь это управитель, что соблазнилъ дочь своего госпо-
дина.

Лаэртъ. Этотъ вздоръ значительнѣе смысла.

Офелія. Вотъ незабудки, это на память; не забывай меня,
милой другъ!—А вотъ павилика—она означаетъ вѣрность.Лаэртъ. Поученіе среди безумства; помянуты любовь и вѣр-
ность.

Офелія *(королю)*. Вотъ вамъ хмѣль и васильки; *(королеву)*
вамъ — полынь; она горька, какъ горько бываетъ раскаяніе. —
Вотъ не тронь-меня. Я хотѣла дать и фіялокъ, да всѣ онѣ завяли,
когда умеръ отецъ мой. — Говорятъ, онъ тихо скончался.

(Поетъ) Добрый молодець, Робертъ,
Радость свѣтлая моя...Лаэртъ. Тоску и грусть, страданья, самый адъ,
Все въ красоту она преобразила.

Офелія. *(поетъ)*. Такъ не придетъ онъ къ намъ опять,
Его намъ больше не видать?
Его ужъ нѣтъ, его ужъ нѣтъ!
Какъ опустѣлъ вдругъ бѣлый свѣтъ,
Онъ не придетъ ужъ къ намъ опять!
Его волосы, какъ мягкій лентъ,
Весеннимъ снѣгомъ убѣленъ.

Но что печаль? Моей слезѣ

Не возвратитъ его землѣ.

Будь въ небесахъ благословенъ!

Также, какъ и всѣ христіане! Вотъ моя молитва. Счастливо оставаться.

Шекспиръ. (Гамлетъ, д. IV сц. 5).

Поприцинь. Сегодня великій Инквизиторъ пришелъ въ мою
комнату, но я, услышавши еще издали шаги его, спрятался подъ
стулъ. Онъ, увидѣвши, что нѣтъ меня, началъ звать. Сначала за-
кричалъ: «Поприцинь!»—Я ни слова. Потомъ: «Аксентій Ива-
новъ! титулярный совѣтникъ! дворянинъ!»—Я все молчу.—Фер-
динандъ VIII, король Испанскій!»—Я хотѣлъ было высунуть го-
лову, но послѣ подумалъ: «Нѣтъ, братъ, не надуешь! знаемъ мы
тебя: опять будешь лить холодную воду мнѣ на голову.» Однако-
же онъ увидѣлъ меня и выгналъ палкою изъ подъ стула. Чрез-
вычайно сильно бьется проклятая палка! Впрочемъ, за все воз-
наградило меня нынѣшнее открытіе: я узналъ, что у всякаго пѣ-
туха есть Испанія, что она у него находится подъ перьями. Ве-
ликій Инквизиторъ однако же ушелъ отъ меня разгнѣванный и
грозя мнѣ какимъ-то наказаніемъ. Но я совершенно пренебрегъ
его безсильную злобу, зная, что онъ дѣйствуетъ, какъ машина,
какъ орудіе Англичанина. . . .

...Нѣтъ, я больше не имѣю силъ терпѣть. Боже! что они дѣ-
лаютъ со мною! Они льютъ мнѣ на голову холодную воду. Они
не внемлютъ, не видятъ, не слушаютъ меня. Что я сдѣлалъ имъ.
За что они мучатъ меня? Чего хотятъ они отъ меня, бѣднаго? Что
могу дать я имъ? Я ничего не имѣю. Я не въ силахъ, я не могу
вынести всѣхъ мукъ ихъ, голова горитъ моя и все кружится пре-
до мною. Спасите меня! возьмите меня! дайте мнѣ тройку быст-
рыхъ, какъ вихорь, коней! садись, мой ямщикъ, звени, мой коло-

кольчикъ, взвейтеса кони и несите меня съ этого свѣта! Далѣе, далѣе, чтобъ не видно было ничего, ничего. Вонъ небо клубится передо мною, звѣздочка сверкаетъ вдали: лѣсъ несется съ темными деревьями и мѣсяцемъ; сизый туманъ стелется подъ ногами, струна звенить въ туманѣ; съ одной стороны море, съ другой Италія; вонъ и русскія избы чернѣютъ. Домъ ли то мой синѣтъ вдали? Мать ли моя сидитъ передъ окномъ? Матушка, спаси твоего бѣднаго сына. Урони слезинку на его большую головушку! Посмотри, какъ мучать они его! Прижми ко груди своей бѣднаго сиротку! ему нѣтъ мѣста на свѣтѣ! его гонять! — Матушка, пожалѣй о своемъ больномъ дитяткѣ!.. А знаете ли, что у Алжирскаго Дея подъ самымъ носомъ шишка?

Гоголь. (Записки Сумашедшаго).

Придворная дама. Вотъ, смотрите: она идетъ, точно также какъ и прежде, и божусь, что сонная. Примѣчайте. (*Входитъ леди Макбетъ со свѣчою*).

Докторъ. Откуда она взяла свѣчу.

Пр. д. Въ спальнѣ, на столѣ. Свѣча должна тамъ горѣть всю ночь; такъ она приказываетъ.

Докт. Глаза ея открыты.

Пр. д. Да, но зрѣніе закрыто въ нихъ.

Докт. Что это она дѣлаетъ? Смотрите, какъ третъ руки!

Пр. д. Это ея обыкновенное занятіе—все, кажется, будто умываетъ руки; иногда такъ проходитъ четверть часа и болѣе.

Л. Макбетъ. Здѣсь опять пятно.

Докт. Она говоритъ. Я стану для памяти записывать, все что мы ни услышимъ.

Л. Макъ. Прочь, проклятое пятно! прочь, говорю я! одно, два! — Ну что же, теперь пора! — Адъ страшень? Право? Стыдись, другъ мой; боишься, а еще воинъ! — что нужды, если и узнаютъ: на судъ никто не позоветъ насъ. — Однако, кто жъ могъ думать, что въ старикѣ такъ много крови!

Докт. Слышите?

Л. Макъ. У фейфскаго Тана была жена; гдѣ она теперь? —

Уже ли никогда не будутъ чисты мои руки? Ну, полно, другъ мой, ты испортишь все подобными причудами.

Докт. Довольно, довольно! Вы слышали то, чего не должны слышать.

Пр. д. По крайней мѣрѣ она сказала то, чего говорить не должна была. Богу только извѣстно, что на душѣ у ней.

Л. Макъ. А здѣсь все пахнетъ кровью. Всѣ благовонія Аравіи не очистятъ рукъ моихъ! Ахъ, ахъ!

Докт. Какіе вздохи! Видно тяжело ея сердцу!

Пр. д. Я не хотѣла бы имѣть въ груди такое сердце за все царское величіе!

Докт. Да, да; хорошо.

Пр. д. Дай Богъ, чтобы все хорошо было!

Докт. Отъ такой болѣзни у меня нѣтъ лекарства. — Бывали однако люди, которые ходили во снѣ и потомъ умерли мирно Христіанскою смертію.

Л. Макъ. Вымой руки и надѣнь халатъ; но не будь такъ блѣденъ. Еще разъ говорю тебѣ, что Банко зарытъ въ землю и не можетъ выйти изъ могилы.

Докт. Да? такъ-то?

Л. Макъ. Пойдемъ, ляжемъ въ постель: кто-то стучится въ ворота. Пойдемъ, дай мнѣ руку. Что сдѣлано, того не перемѣнишь. Пойдемъ, пойдемъ (*Уходитъ*).

Шекспиръ. (Макбетъ д. V. явл. 1).

(Галлюцинація).

Макбетъ. Не кинжалъ ли предъ собой я вижу,
Къ моей рукѣ лежащій рукоятью?
Сюда! дай мнѣ схватить тебя скорѣй!
Я не держу тебя въ рукѣ, но вижу.
Ты здѣсь еще... Видѣнье роковое,
Доступно ль осязанью ты и зрѣнью,
Иль ты ничто иное, какъ кинжалъ
Воображенья, ложное созданье,
Рожденное разгоряченнымъ мозгомъ?
Тебя еще я вижу между тѣмъ,

Какъ будто осязаемую форму,
 Какъ будто самый тотъ кинжалъ, который
 Я вынимаю изъ ноженъ теперь.
 Ты мнѣ показываешь ту дорогу,
 Куда иду я, и орудье то,
 Которое употребить я долженъ.
 Иль у меня глаза—игрушка чувствъ
 Всѣхъ остальныхъ, иль ихъ они одни
 Всѣхъ стоятъ вмѣстѣ; но тебя я вижу;
 Все вижу, и на лезвѣ твоемъ,
 На рукояткѣ капли крови... Тамъ
 Ихъ прежде не было. Нѣтъ ничего!
 Одинъ лишь замыселъ кровавый мой
 Тѣ призраки въ глазахъ моихъ рождаетъ.

Шекспиръ. (Макбетъ, д. II, сц. 1).

(Галлюцинація).

ГАМЛЕТЪ. (*передъ портретомъ Клавдія.*)

Убійца и злодѣй! рабъ, недостойный
 И сотою части прежняго супруга!
 Король—паяцъ, укравшій діадему
 И тайно спрятавшій ее въ карманъ!

КОРОЛЕВА. Остановись!

(*входитъ Тѣнь.*)

ГАМЛЕТЪ. Король изъ тряпокъ и лоскутьевъ...

Спаси меня, закрой меня крылами,
 Сонъ небожителей святыхъ!
 Чего ты хочешь, образъ благородный?

КОРОЛЕВА. О, горе мнѣ! Онъ обезумѣлъ!

ГАМЛЕТЪ. Ты не съ укоромъ ли явился къ сыну
 За то, что онъ не внялъ минутѣ страсти,
 И грознаго велѣнья не свершилъ?
 Скажи!

ТѢНЬ. Не позабудь! мое явленье
 Угасшій замыселъ должно воспламенить.
 Взгляни: надъ матерью вѣщаетъ ужасъ;
 Стань между ней и тяжкою борьбою
 Ея души; воображенье въ слабыхъ
 Всего сильнѣй. Заговори съ ней, Гамлетъ!

ГАМЛЕТЪ. Что съ вами, матушка?

КОРОЛЕВА. О! что съ тобою,
 Что ты глаза вонзилъ въ пустое мѣсто
 И говоришь съ пространствомъ съ безтѣлеснымъ?

Въ твоихъ очахъ душа сверкаетъ дико,
 Какъ спящій станъ на звукъ тревоги бранной.
 Встаютъ власы на головѣ твоей!
 О милый сынъ! залей огонь недуга
 Росой терпѣнія. Куда глядишь ты?

ГАМЛЕТЪ. На него.

Смотри, какъ блѣдно взоръ его горитъ!
 И камни поняли бы горькій смыслъ
 Его лица, его обиды тяжкой.
 О, не гляди! Твой жалкій, грустный образъ
 Смягчитъ мое суровое рѣшенье
 И я его не совершу; быть можетъ,
 Слеза, не кровь, моею местию будетъ.

КОРОЛЕВА. Съ кѣмъ разговариваешь ты?

ГАМЛЕТЪ. Ты ничего не видишь тамъ?

КОРОЛЕВА. Нѣтъ, ничего; но все, что тамъ, я вижу.

ГАМЛЕТЪ. И ты не слышала?

КОРОЛЕВА. Ни слова, кромѣ насъ.

ГАМЛЕТЪ. Взгляни, смотри, какъ тихо онъ уходитъ!

Отецъ мой, точно какъ живой! Смотри!

Вонъ, вонъ идетъ онъ: вотъ выходитъ въ дверь.

(*Тѣнь уходитъ.*)

КОРОЛЕВА. То лишь мечта фантазіи твоей;

Душа сильна въ созданьяхъ безтѣлесныхъ,
 Когда разсудокъ омраченъ.

ГАМЛЕТЪ. Разсудокъ омраченъ?

Мой пульсъ, какъ твой, играетъ въ стройномъ тактѣ;
 Его мелодія здорова, какъ въ твоемъ;
 Мои слова не бредъ души безумной.
 Угодно ли? Я повторю ихъ снова;
 Безуміе отпрянуло бы прочь.

Шекспиръ. (Гамлетъ, д. III, сц. 4).

(Слабоуміе старческое).

(*Иванъ Ивановичъ сидитъ въ креслахъ.*)

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. Ну что, папочка, здѣсь, у меня вамъ
 хорошо, покойно...

ИВАНЪ ИВАНЫЧЪ. (*Глядя дочь по головѣ.*) Хорошо... хо-
 рошо, Катюша... Здѣсь тихо, никто не шумитъ... спокойно...
 Тамъ матушка, матушка твоя... (*махнетъ рукою*) ахъ... то бра-
 нится... недовольна... то народу назоветъ: шумъ, гамъ, хохотъ...

всю ночь... Я ужь нынче ничего не возражаю: молчу... какъ хочеть... Я нынче тихо... а она все недовольна...

Кат. Ив. Бѣдненькій папа... И какъ это я до сихъ поръ не догадалась позвать къ себѣ... Ты на меня не сердисься, папочка...

Ив. Ив. За что, Катя... за что?... нѣтъ...

Кат. Ив. А что я такая гадкая: долго тебя не брала къ себѣ, а тамъ тебя мучили...

Ив. Ив. Нѣтъ, милушка, нѣтъ... я на тебя не сержусь... Какъ же: ты не можешь безъ мужа... Какъ онъ позволилъ, вотъ ты и взяла... я, вѣдь, знаю...

Кат. Ив. Да нѣтъ, папочка, милый... нѣтъ, это не мужъ; я его и не спрашивала... Я думаю, онъ бы и не согласился... Мнѣ хотѣлось, да я не знала, какъ сдѣлать: это Петръ Акинфичъ мнѣ растолковалъ, что мнѣ нечего и спрашивать... что имѣю право и должна тебя взять... (*Вполголоса*). Папочка, ты его любишь?..

Ив. Ив. Кого, Катечка?... мужа-то твоего?

Кат. Ив. Нѣтъ, папа, нѣтъ... За что тебѣ его любить... Нѣтъ, я... я про Петра Акинфича тебя спрашиваю...

Ив. Ив. Что же?... онъ, ничего, онъ человекъ, кажется, скромный, почтительный такой... Съ Серафимчикомъ тамъ что-то у него... вышло... Она денегъ требовала... Ну, онъ не далъ... Ну, онъ не далъ... Ну, какъ же онъ можетъ хозяйскія деньги давать... Я понимаю... не можетъ... Да... я понимаю... А со мной онъ ничего... вѣжливъ... Ничего... я имъ доволенъ...

Кат. Ив. Ахъ, папочка, онъ отличный, превосходный человекъ... Онъ меня многому научилъ. Я на себя и на людсѣ стала иначе смотрѣть... Я поняла, что мнѣ надо дѣлать и для чего жить на свѣтѣ...

Ив. Ив. Ну что же... это прекрасно... что молодой человекъ такъ совѣтуетъ... почитать родителей и старшихъ... слушаться мужа... любить дѣтей своихъ... вотъ и прекрасно... (*Помолвивъ*). Катюшечка, а знаешь, что я тебѣ скажу...

Кат. Ив. Что, голубчикъ, папочка?..

Ив. Ив. Вотъ что, душенька, мнѣ бы... покушать чего-нибудь хотѣлось... такъ кусочекъ бы чего-нибудь...

Кат. Ив. Ахъ, папочка, родной... сейчасъ, сейчасъ... чего же вамъ угодно...

Ив. Ив. Такъ, чегонибудь... все равно... Я... сладкое очень люблю... сладенькаго чегонибудь... (*Кат. Ив. хочеть идти*). Катенька... знаешь: мнѣ бы вареньица бы на блюдечекъ... да сачки бы... хлѣбца бы бѣленькаго... да побольше бы вареньицато... Тамъ лекаря не велятъ много-то... да они врутъ... мнѣ это ничего... я люблю...

Кат. Ив. Сейчасъ, сейчасъ, милый папочка... сейчасъ... (*бѣжитъ къ дверямъ и говоритъ черезъ нихъ*). Сейчасъ, поскорѣе подайте варенья, бисквитъ, бѣлаго хлѣба, вина... поскорѣе, слышите...

Ив. Ив. Катюша... ты не разсердись, что я такъ... точно маленькій... теперь не время кушать... да я такъ...

Кат. Ив. Да полноте, папа... Какъ не грѣхъ... А вы ничего не думайте; и какъ вамъ чего захочется, такъ вы и приказывайте...

Ив. Ив. То-то... я, вѣдь, на тебя надѣюсь... Ты у меня добрая... всегда была добрая...

(*Папа приноситъ подносъ съ виномъ, тарелкою варенья и пр.*).

Кат. Ив. Ну вотъ, папочка, кушайте на здоровье... Вотъ я вамъ наложу...

Ив. Ив. А ты что же, не хочешь?..

Кат. Ив. Нѣтъ, и я съ вами полакомлюсь... Я тоже люблю...

Ив. Ив. Ну, вотъ и хорошо... вотъ спасибо... (*Бстъ съ жадностью*). Мнѣ, вѣдь, тамъ Серафимчикъ... ничего... смѣются только, какъ попрошу чего... А я вѣдь ужь старъ, глупъ сталъ: мнѣ обидно... а я люблю...

Кат. Ив. Бѣдный папаша мой, бѣдный... (*Цѣлуетъ его голову и гладитъ по голове рукою*).

Ив. Ив. Какое варенье у тебя славное... Какое славное...

Потѣхивъ. (Виноватая, д. III, яв. 1).

(Тупость).

Маланья (*говоритъ медленно*). Шла я тутъ по вулицѣ...

Круглова. Такъ что жъ?

Мал. Такъ онъ... какъ его?

Кругл. Кто, онъ-то?

Мал. Какъ, бишь, его?.. Въ сусѣдяхъ то...

Кругл. Что же?

Мал. Да нешто ихъ тутъ, всѣхъ... Много ихъ. Такой черно-ватый.

Кругл. Сѣдой, что ли?

Мал. Да, сѣдой. Что я!.. А я черноватый...

Кругл. Аховъ, что ли?

Мал. Надо, что онъ... Аховъ его... что ли. Большой такой...

Кругл. Средняго росту?

Мал. Да пожалуй, что и такъ.

Кругл. Ну, что же онъ? Проснись ты, сдѣлай милость!

Мал. Что проснись!.. Не походя я сплю, а когда время... такъ что кому! Кланяйся, говорить.

Кругл. Немного-жъ ты сказала.

Мал. Что жъ мнѣ еще говорить? (*Уходитъ и сейчасъ же возвращается*). Да, забыла... Зайду, говорить.

Кругл. Когда?

Мал. Кто жъ его... Мнѣ почему знать? (*Уходитъ и возвращается*). Да! изъ головы вонъ... Нынче, говорить, зайду, Аховъ онъ, что ли прозывается? Черноватый такой...

Кругл. Сѣдой весь?

Мал. Да и то сѣдой. Эка память, Господи! (*Уходитъ*).

Круглова и Θεона (*сидятъ и пьютъ чай. У двери стоитъ Маланья подперши рукой щеку*).

Кругл. Ты, Θεонушка, отъ обѣдни?

Θеон. Отъ обѣдни, матушка.

Кругл. Гдѣ стояла?

Θеон. Въ Хамовникахъ.

Кругл. А далеко вѣдь?

Θеон. Конечно, что не моимъ бы ногамъ, только что усердіе, такъ ужъ... (*Ставитъ чашку*).

Кругл. (*наливая*). Пей еще!

Θеон. Выпью, не обезсудьте.

Мал. А вотъ... въ лѣни живущимъ все тяжело, которые ежели себя опускаютъ. Другой разъ поутру-то... такъ тебя нѣжить-томить... ровно тебя опоили; плоть-то эта самая точно въ ростъ идетъ, по суставамъ-то ровно гудеть легоничко... Не токма, чтобы какое дѣло великое, что по христіанству тебѣ слѣдуетъ; а самоваръ, и тотъ лѣнь поставить, все бы лежала.

Θеон. А ты, дѣвушка, блажь-то съ себя стряхивай—старайся! Въ струнѣ себя нарови... а то долго ль, и совсѣмъ одубѣешь. У насъ такъ-то было съ одной — вся, какъ свинцомъ налитая, сдѣлалась. Ни понятія, говорить, ни жалости во мнѣ ни къ чему не стало.

Мал. Само собой, что грѣхи... наши; а то я... про что же?

Θеон. Пожила бы ты у нашего Ермила Зотыча. Онъ еще до заутрени чаю-то напился.

Мал. Ишь ты, какъ его...

Островскій. (Не все коту масляница, сц. I, явл. 2; сц. II, явл. 1).

Первая дама. Воля ваша, здѣсь не мертвыя души, здѣсь скрывается что-то другое.

Вторая дама. Я признаюсь, тоже... А чтожъ, вы полагаете, здѣсь скрывается?..

1-я дама. Ну, какъ вы думаете?

2-я дама. Какъ я думаю?.. Я признаюсь, совершенно потеряна.

1-я дама. Но, однакожъ, я бы все хотѣла знать, какія ваши на счетъ этого мысли?

2-я дама (*молчитъ въ недоумѣніи*).

1-я дама. Ну, слушайте же, что такое это мертвыя души...

Мертвыя души...

2-я дама (*въ волненіи*). Что, что?..

1-я дама. Мертвыя души...

2-я дама. Ахъ, говорите, ради Бога!

1-я дама. Это, просто, выдуманно только для прикрытія, а дѣло вотъ въ чемъ: онъ хочетъ увести губернаторскую дочку.

2-я дама (*всплеснувъ руками, вскрикиваетъ*). Ахъ, Боже мой! ужъ этого я бы никакъ не могла предполагать.

1-я дама. А я, признаюсь, какъ только вы открыли ротъ, я уже смекнула, въ чемъ дѣло.

2-я дама. Но каково же послѣ этого, Анна Григорьевна, институтское воспитаніе! вѣдь вотъ невинность!

1-я дама. Какая невинность! Я слышала, какъ она говорила такія рѣчи, что, признаюсь, у меня не станеть духа произнести ихъ.

2-я дама. Знаете, Анна Григорьевна, вѣдь это просто раздираетъ сердце, когда видишь, до чего достигла наконецъ безправственность!

1-я дама. А мужчины отъ нея безъ ума.

Гоголь. (Мертвыя души, ч. I).

(Тупоуміе, ограниченность).

Чичиковъ... Скажите, у васъ умирали крестьяне?

Коровочка. Охъ, батюшка, осьмнадцать человекъ! И умеръ все такой славный народъ, все работники. Послѣ того, правда, народились, да что въ нихъ? все такая мелюзга. А засѣдатель подбѣхалъ — подать, говорить, уплачивать съ души. Народъ мертвый, а плати, какъ за живаго. На прошлой недѣлѣ сгорѣлъ у меня кузнецъ, такой искусный кузнецъ и слесарное мастерство зналъ.

Чич. Развѣ у васъ былъ пожаръ?

Кор. Богъ приберегъ отъ такой бѣды; пожаръ бы еще хуже; самъ сгорѣлъ, отецъ мой. Внутри у него какъ-то загорѣлось, черезъ чуръ выпилъ; только синій огонекъ пошелъ отъ него; весь истлѣлъ, истлѣлъ и почернѣлъ, какъ уголь. А такой былъ преискусный кузнецъ! И теперь мнѣ выѣхать не на чемъ: некому лошадей подковать.

Чич. На все воля Божія, матушка, противъ мудрости Божьей ничего нельзя сказать... Уступите-ка ихъ мнѣ, Настасья Петровна?

Кор. Кого, батюшка?

Чич. Да вотъ этихъ-то всѣхъ, что умерли.

Кор. Да какъ же уступить ихъ?

Чич. Да такъ, просто. Или, пожалуй, продайте. Я вамъ за нихъ дамъ деньги.

Кор. Да какъ же, я право въ толкъ-то не возьму? Нешто хочешь ты ихъ откапывать изъ земли?... Да на что жъ онѣ тебѣ?

Чич. Это ужъ мое дѣло.

Кор. Да вѣдь онѣ жъ мертвыя.

Чич. Да кто жъ говорить, что онѣ живыя? Потому-то и въ убытокъ вамъ, что мертвыя: вы за нихъ платите, а теперь я васъ избавлю отъ хлопотъ и платежа. Понимаете? Да не только избавлю, да еще сверхъ того дамъ вамъ пятнадцать рублей. Ну, теперь ясно?

Кор. Право... не знаю... Вѣдь я мертвыхъ никогда еще не продавала...

Чич. Еще бы! Это бы скорѣе походило на диво, если бы вы ихъ комунибудь продали. Или вы думаете, что въ нихъ есть въ самомъ дѣлѣ какойнибудь прокъ?

Кор. Нѣтъ, этого-то я не думаю. Что же въ нихъ за прокъ? проку никакого нѣтъ. Меня только то и затрудняетъ, что онѣ уже мертвыя.

Чич. (*въ сторону*). Ну, баба, кажется, крѣпколюбая. (*Громко*). Послушайте, матушка! Да вы разсудите только хорошенько: вѣдь вы разоряетесь, платите за него подать, какъ за живаго...

Кор. Охъ, отецъ мой, и не говори объ этомъ! Еще третью недѣлю внесла болѣе полтора ста, да засѣдателя подмаслила...

Чич. Ну, видите, матушка? А теперь примите въ соображеніе только то, что засѣдателя вамъ подмасливать больше не нужно, потому что теперь я плачу за нихъ, — я, а не вы; я принимаю на себя всѣ повинности: я совершу даже крѣпость на свои

деньги, — понимаете ли вы это?.. (*Помолчавъ*). Такъ чтожь, матушка, по рукамъ что ли?

Кор. Право, отецъ мой, никогда еще не случилось мнѣ про-
давать покойниковъ. Живыхъ-то я уступила вотъ и третьяго года
Протопопову, — двухъ дѣвокъ, по сту рублей каждую; и очень
благодарилъ: такія вышли славныя работницы; сами салфетки
ткуть.

Чич. Ну, да не о живыхъ дѣло; Богъ съ ними. Я спрашиваю
мертвыхъ.

Кор. Право, я боюсь на первыхъ-то порахъ, чтобы какъ ни-
будь не понести убытку. Можетъ быть, ты, отецъ мой, меня об-
манываешь, а они того... они больше, какъ нибудь, стоятъ.

Чич. Послушайте, матушка... эхъ какія вы! что жъ они мо-
гутъ стоять? Разсмотрите: вѣдь это прахъ. Понимаете ли? это,
просто, прахъ. Вы возьмите всякую негодную, послѣднюю вещь,
напримѣръ, даже простую тряпку, — и тряпкѣ есть цѣна: ее хоть
по крайней мѣрѣ, купятъ на бумажную фабрику, а вѣдь это ни
на что не нужно. Ну, скажите сами, на что оно нужно?

Кор. Ужъ это точно правда. Ужъ совсѣмъ ни на что не нуж-
но; да вѣдь меня одно только и останавливаетъ, что вѣдь онѣ уже
мертвыя.

Чич. Вы, матушка, или не хотите понимать словъ моихъ или
такъ нарочно говорите, лишь бы что нибудь говорить... Я вамъ
даю деньги: пятнадцать рублей ассигнаціями, — понимаете ли?
Вѣдь это деньги. Вы ихъ не сыщете на улицѣ... Вы берете ни за
что, даромъ пятнадцать, да и не серебромъ, а все синими асси-
гнаціями.

Кор. Право, мое такое неопытное вдовье дѣло! лучше жъ я
маленько повременю, авось понаѣдутъ купцы, да примѣнюсь къ
цѣнамъ.

Чич. Страмъ, страмъ, матушка! просто, страмъ! Ну что вы
это говорите, подумайте сами. Кто жъ станетьпокупать ихъ. Ну
какое употребленіе онѣ можетъ изъ нихъ сдѣлать?

Кор. А можетъ, въ хозяйствѣ-то какъ нибудь подь случай
понадобятся...

Чич. Мертвые въ хозяйствѣ! Экъ куда хватили! Воробьевъ
развѣ пугать по ночамъ въ вашемъ огородѣ, что ли?

Кор. Съ нами крестная сила! Какія ты страсти говоришь!
(*Крестится*).

Чич. Куда жъ еще вы ихъ хотѣли пристроить. Да впрочемъ,
вѣдь кости и могилы—все вамъ остается: переводъ только на бу-
магѣ. Ну такъ что же? Какъ же? Отвѣчайте, по крайней мѣрѣ.
(*Помолчавъ*). О чемъ же вы думаете, Настасья Петровна?

Кор. Право, я все не приберу, какъ мнѣ быть; лучше я вамъ
пеньку продамъ.

Чич. Да на чтожь пенька? Помилуйте, я васъ прошу совсѣмъ
о другомъ, а вы мнѣ пеньку суете! Пенька пенькою, въ другой
разъ пріѣду, заберу и пеньку. Такъ какъ же, Настасья Петровна?

Кор. Ей Богу, товаръ такой странный... совсѣмъ небы-
валый...

Чич. (*вскочивъ*). Чортъ васъ возьми...

Кор. Охъ, не припоминай его, Богъ съ нимъ! Еще третьяго
дня всю ночь мнѣ снился окаянный. Вздумала было на ночь за-
гадать на картахъ послѣ молитвы, да, видно, въ наказаніе-то Богъ
и послалъ его. Такой гадкій привидѣлся; а рога то длиннѣе бы-
чачьихъ.

Чич. Я дивлюсь, какъ они вамъ десятками не снятся...

Гоголь. (Мертвыя души, ч. I, глав. 3).

(Глупость невѣжественная).

Настасья Панкратьевна. Милости просимъ, Немила Си-
доровна, садитесь покорнѣйше прошу. Луша, принеси-ка намъ
вареньица.

Луша. Сей часъ. (*Уходитъ*.)

Наст. Панкр. Какъ дѣла ваши?

Немила Сидоровна. Дѣла ничего, слава Богу. Одна печаль
у меня: дочерей больно много.

Наст. Панкр. Видно, матушка, Немила Сидоровна, всяко-
му своя ноша тяжела. Вотъ вы объ дочеряхъ, а я о сыновьяхъ.

Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говорить. А по моему, дочери все таки легче.

Нен. Сид. Глазь, да и глазь нужно, Настасья Панкратьевна. Вѣдь нынче время-то какое! Люди-то какіе! Вѣрите ли, боишься въ садъ выпустить.

Наст. Панкр. Что дочери! Дочерей и запереть можно, да и хлопотъ съ ними меньше, ни учить, ни что. Ну, конечно, за-мужъ выдавать хлопотно, возни много. А вамъ и то съ поль-горя, Немила Сидоровна, вѣдь вы денегъ много даете за дочерьми-то, такъ вамъ нечего бояться, что въ дѣвкахъ засидятся.

Нен. Сидор. Про это что толковать. Дочь не домашній товаръ; какъ не какъ, а надо съ рукъ сбывать. Ну тамъ ужъ не наша бѣда, живи, какъ хочешь. А покедова-то вотъ! Вѣдь у насъ приказчики, ну и другаго посторонняго народу много.

Наст. Панкр. Присмотръ нуженъ, я про это вамъ и докладываю, за то ужъ больше-то никакихъ хлопотъ. Мальчики вѣдь на волѣ, Немила Сидоровна, какъ за ними усмотрѣть; вездѣ ходятъ. У меня всего-то два сына: Андрюша, да Купидоша; да и то голова кругомъ идетъ. Андрюша мальчикъ шустрый, проворный, до всего понятливый; такъ, сударыня моя, отъ дому совсѣмъ отбивается; то не хорошо, другое не по немъ; учиться, говорить, хочу. Чтѣ-жь, мы развѣ его не учили! И рихметикъ и грамматикъ имнаистъ училъ. На что ему много-то знать. И такъ боекъ, а какъ обучать-то всему, тогда съ нимъ и не стоворишь; онъ мать-то и уважать не станетъ; хотъ изъ дому бѣги.

Нен. Сидор. Да, вотъ на счетъ ученья—то. У насъ сосѣдка отдала сына учиться, а онъ глазь и выкололъ.

Наст. Панкр. Это долго-ли. А вотъ теперь влюбился. Да въ кого, Немила Сидоровна, въ кого! Во что влюбиться-то? Такъ, одна непокорность къ родителямъ.

Нен. Сидор. Въ кого же, Настасья Панкратьевна? Скажите по секрету.

Наст. Панкр. Что за секретъ; весь околодокъ въ трубы трубить. Знаете учителя Иванова, такъ въ его дочь; ну и погибаетъ совсѣмъ.

Нен. Сидор. Знаю, знаю, видала. Скажите! Гдѣ же глаза-то у него были! Такъ твореніе какое-то... ни живности, ничего.

Наст. Панкр. Ну вотъ, сами разсудите.

Нен. Сидор. Что говорить!

Наст. Панкр. Каково матери-то?

Нен. Сидор. Подсыпали чего нибудь. Это бываетъ.

Наст. Панкр. Ужъ я и сама такъ думаю.

Нен. Сидор. А вы вотъ что... не хорошо только говорить то..

Наст. Панкр. Ничего.

Нен. Сидор. А съ разу снимаетъ (*Шепчетъ ей на ухо*).

Наст. Панкр. Помогаетъ?

Нен. Сидор. Помогаетъ. То-то хитры они, анъ хитрѣй ихъ есть. На всякій приворотъ средство есть; только знать нужно. Я много знаю: и отъ глазу, и отъ запою, и противъ бородавокъ у меня симпатія есть.

Наст. Панкр. Такъ надать попробовать, а то что хорошаго! Мы теперь его женить хотимъ; намъ надо невѣсту съ большими деньгами, потому сами богаты. Что за неволя бѣдную-то брать.

Нен. Сидор. Разумѣется.

Наст. Панкр. Ну вотъ, матушка моя, теперь есть такая на примѣтѣ, отецъ нашелъ; а онъ скрывается отъ отца-то. Всякая мать баловница; другой разъ расплачется, глядишь, и жалко, и сама его прикрываю по малости. А все таки не хорошо.

Нен. Сидор. Нельзя похвалить.

Наст. Панкр. А другой, Купидоша, такъ совсѣмъ какой-то ума рѣхнувшій по театру. Да табакъ курить, Немила Сидоровна, такой крѣпкій, просто дышать нельзя. Въ комнатахъ такого курить нельзя ни подъ какимъ видомъ, кого хочешь, стошнить. Такъ все больше въ кухнѣ пребываетъ. Вотъ иногда скучно, позовешь его, а онъ-то и давай кричать по театральному; ну и утѣшаешься на него. Съ пѣвчими поетъ басомъ, голосъ такой громкій, такъ какъ словно изъ ружья выпалить.

Нен. Сидор. Говорять, маленькихъ нехорошо по головѣ бить, глупѣютъ отъ этого.

НАСТ. ПАНКР. Кто ихъ знаетъ, можетъ и правда. (*Капитонъ Гитычъ выглядываетъ изъ за двери.*) Да вотъ и онъ.

НЕН. СИДОР. Кто? Дурачекъ-то? Позовите, Настасья Панкратьевна.

НАСТ. ПАНКР. Купидоша, Купидоша!

Островскій. (Въ чужомъ пиру похмѣлье, д. II явл. 2).

(Глупость наивная).

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Гдѣ мой крандашъ, гдѣ мой крандашъ?

БАЛЬЗАМИНОВА. На что тебѣ крандашъ?

БАЛЬЗ. Надо, маменька. Матрена! Матрена! (*Матрена входитъ*). Гдѣ мой крандашъ?

МАТРЕНА. А я почему знаю. Какой же ты писарь послѣ этого, когда крандашъ потерялъ.

БАЛЬЗ. Писарь! писарь!

МАТР. Вѣдь крандашъ у тебя все равно, что у солдата ружье. Такъ нешто солдаты ружья теряютъ?

БАЛЬЗ. Какой я писарь! Я скоро баринъ буду.

МАТР. Ты баринъ? Не похоже.

БАЛЬЗ. А вотъ увидишь, какъ триста тысячъ получу.

МАТР. Триста тысячъ! Не вѣрю. У кого жъ это такія деньги бѣшенныя, чтобъ за тебя триста тысячъ дали. Да ты ихъ счастье то не умѣешь.

БАЛЬЗ. Ну, да что съ тобой разговаривать! Ты ничего не понимаешь.

МАТР. Гдѣ понимать! А еще женихъ, жениться хочетъ, а самъ крандашъ потерялъ. Безстыдникъ!

БАЛЬЗ. (*шаритъ въ боковомъ карманѣ*). Вотъ онъ, нашель.

БАЛЬЗАМИНОВА. Ну, что жъ будетъ?

БАЛЬЗ. А вотъ сейчасъ. (*Беретъ съ комода бумажку и садится у стола*). Я теперь получаю жалованья сто двадцать руб. въ годъ, мы ихъ и проживаемъ; а какъ будетъ триста тысячъ (*нишетъ*), такъ, если по тысячѣ въ годъ... все-таки мнѣ на триста лѣтъ хватить.

МАТР. (*всплеснувъ руками*). Батюшки!

БАЛЬЗАМИНОВА. Неужели жъ ты триста лѣтъ хочешь прожить!..

БАЛЬЗ. Ну, позвольте! Если по двѣ въ годъ (*нишетъ*), все на полтора ста лѣтъ хватить.

БАЛЬЗАМИНОВА. Ты рехнулся совсѣмъ.

БАЛЬЗ. Что жъ, маменька, при хорошей-то жизни, можетъ быть, и проживешь.

МАТР. Какъ не прожить!

БАЛЬЗ. Ахъ, я о процентахъ-то и забылъ. Сколько, маменька, процентовъ съ трехъ-сотъ тысячъ?

БАЛЬЗАМИНОВА. Да, чай, тысячъ двѣнадцать.

БАЛЬЗ. Кажется, маменька, съ чѣмъ-то двѣнадцать тысячъ.

МАТР. Съ денежкой.

БАЛЬЗ. Съ какой денежкой! Что ты врешь!

МАТР. Что считать-то, чего нѣтъ. Смотрѣть-то скучно. Ты вотъ сочти лучше: девять вѣнниковъ, по денежкѣ вѣникъ, много ли денегъ? И того не счастье. (*Уходитъ*).

БАЛЬЗ. Пойду погулять, пусть немного вѣтромъ обдуетъ; а то много мыслей въ головѣ объ жизни.

БАЛЬЗАМИНОВА. Ты бы пока слова-то подбиралъ, какія уже говорить съ невѣстой.

БАЛЬЗ. А вотъ я, во время прогулки, и буду слова подбирать.

БАЛЬЗАМИНОВА. А я платье приготовлю, надо ужъ одѣться до-хорошенько. (*Уходятъ*).

Островскій. (Праздничный сонъ—до обѣда, кар. I, явл. 5).

(Наглая глупость).

НОЗДРЕВЪ. «Для друга семь верстъ не околица». Прохожу мимо, вижу свѣтъ въ окнѣ. Дай, думаю себѣ, зайду! вѣрно не спать. А вотъ хорошо, что у тебя на столѣ чай, выпью съ удовольствіемъ чашечку: сегодня за обѣдомъ объѣлся всякой дряни, чувствую, что ужъ начинается въ желудкѣ возня. Прикажи-ка мнѣ набить трубку! гдѣ твоя трубка?

Чичиковъ. Да вѣдь я не курю трубки.

Ноздр. Пустое, будто я не знаю, что ты куряка. Эй! какъ бишь зовутъ твоего человѣка? Эй, Вахрамѣй, послушай!

Чич. Да не Вахрамѣй, а Петрушка!

Ноздр. Какъ же? Да у тебя вѣдь прежде былъ Вахрамѣй?

Чич. Никакаго не было у меня Вахрамѣя.

Ноздр. Да, точно, это у Деребина Вахрамѣй. Вообрази, Деребину какое счастье: тетка его поссорилась съ сыномъ за то, что женится на крѣпостной, и теперь записала ему все имѣніе. Я думаю себѣ: вотъ если бы этакую тетку имѣть для дальнѣйшихъ? Да что, братъ, ты такъ отдалился отъ всѣхъ, нигдѣ не бываешь? Конечно, я знаю, что ты занятъ иногда учеными предметами, любишь читать... Ахъ, братъ, Чичиковъ! если бы только увидѣлъ... вотъ ужъ, точно, была бы пища твоему сатирическому уму. Вообрази, братъ, у куща Лихачева играли въ горку — вотъ ужъ гдѣ смѣхъ былъ! Перепендевъ, который былъ со мною: «вотъ», говоритъ, «если бы теперь Чичиковъ, ужъ вотъ бы ему точно»... А вѣдь признайся, братъ, вѣдь ты, право, преподло поступилъ тогда со мною, помнишь, какъ играли въ шашки? Вѣдь я выигралъ. Да, братъ, ты просто поддѣлюлил меня. Но вѣдь я, чортъ меня знаетъ, никакъ не могу ссрдиться. Намедни съ предсѣдателемъ... Ахъ, да! я вѣдь тебѣ долженъ сказать, что въ городѣ всѣ противъ тебя. Они думаютъ, что ты дѣлаешь фальшивыя бумажки, пристали ко мнѣ, да я за тебя горой, наговорилъ имъ, что съ тобой учился и отца зналъ; ну и ужъ нечего говорить, слилъ имъ пулю порядочную.

Чич. Я дѣлаю фальшивыя бумажки!..

Ноздр. Зачѣмъ ты, однакожь, такъ напугалъ ихъ? Они, чортъ знаетъ, съ ума сошли со страху: нарядили тебя въ разбойники и въ шпіоны... А прокуроръ съ испугу умеръ; завтра будетъ погребеніе. Ты не будешь? Они, сказать правду, боятся новаго генераль-губернатора... А вѣдь ты, однакожь, Чичиковъ, рискованное дѣло затѣялъ.

Чич. Какое рискованное дѣло?..

Ноздр. Да увезти губернаторскую дочку. Я, признаюсь,

ждалъ этого, ей Богу, ждалъ! Въ первый разъ, какъ только увидѣлъ васъ вмѣстѣ на балѣ: «Ну ужъ», думаю себѣ, «Чичиковъ, вѣрно, не даромъ»... Впрочемъ напрасно ты сдѣлалъ такой выборъ: я ничего въ ней не нахожу хорошаго. А есть одна, родственница Бикусова, сестры его дочь, такъ вотъ ужъ дѣвушка! можно сказать—чудо коленкоръ!

Чич. Да что ты, что ты путаешь! Какъ, увезти губернаторскую дочку, что ты?

Ноздр. Ну, полно, братъ: экой скрытный человѣкъ! Я, признаюсь, къ тебѣ съ тѣмъ пришелъ: изволь, я готовъ тебѣ помогать. Такъ и быть: подержу вѣнецъ тебѣ, коляска и перемѣнные лошади будутъ мои, только съ уговоромъ, — ты долженъ мнѣ дать три тысячи займы. Пужны, братъ, хоть зарѣжь!

Гоголь. (Мертвыя души, ч. I).

(Пошлая любезность).

Капустинъ (молодой человекъ, жидкіе волосы его круто завиты и жирно намажены. Онъ одѣтъ во все новое и страшно боится, чтобъ не замарать и не помять платья. Садясь на стулъ, онъ предварительно разставляетъ фалды, руки старается держать дальше отъ туловища. Воротнички его сорочки подняты и, изъ боязни измять ихъ, онъ вертится цѣлымъ корпусомъ, а не головой. Въ рукахъ конфеты). Мое почтеніе, Елизавета Ивановна!.. Какъ ваше здорovie? Мамаша просила вамъ кланяться! Марea Петровна, мое почтеніе!.. все ли вы въ добромъ здоровьи? Мамаша вамъ кланяется!

Елизавета Павловна. Вы легки на поминѣ.

Капуст. (цѣлуя у дамъ руки). Вы меня поминали? Какъ я счастливъ!.. и знаете что? есть примѣта... само собой, я не имѣю суетвѣрія... это простительно низкому классу... А все-таки случается иногда, знаете, вдругъ какаянибудь примѣта—выходить справедлива. Иду я сюда и... право, мнѣ даже конфузно говорить!

Елиз. Павл. Что такое? говорите!.. я вѣрю всѣмъ предчувствіямъ и примѣтамъ.

Капуст. Я долженъ васъ предупредить... примѣта такая не деликатная... Иду я къ вамъ и вдругъ... нѣтъ, право, мнѣ даже совѣстно!

Елиз. Павл. Да говорите же... фу, какой противный.

Капуст. И вдругъ... вдругъ, знаете, икнулъ нѣсколько разъ!.. И такъ, совсѣмъ невольно... И сейчасъ же подумалъ: вѣрно меня ктонибудь поминаетъ... И вдругъ вы теперь изволите говорить... (*Къ Марѳушѣ*). Я никакъ не могъ льстить себя надеждой, чтобы удостоился когданибудь...

Марѳуша. Это не я, а сестрица поминала васъ!

Елиз. Павл. Какова сегодня погода?

Капуст. Погода благоприятная... есть маленькій вѣтерокъ, но весьма легкій... воздухъ чистъ... солнце два раза показывалось... Я сдѣлалъ маленькій моціонъ по Невскому... публики еще немного... около католической церкви встрѣтилъ двухъ генераловъ... вслухъ разговаривали о Гарибальди... одинъ хвалилъ безусловно, другой, хотя тоже хвалилъ, но находилъ недостатки... я этакъ пошелъ сзади ихъ и подслушалъ немножко... одинъ рѣзалъ все свысока, поминалъ и цивилизацію и либерализмъ... другой по просту, все пословицами больше... однако, оба умно, очень умно... Около кондитерской Рабона попалась дама въ придворной каретѣ, я посмотрѣлъ... и она посмотрѣла... хотѣлъ было поклониться, да подумалъ: ловко ли будетъ? кажется, незнакомая... у Рабона выставлено множество новыхъ куколокъ... ахъ, какія есть замысловатыя... вообразите: маленькій барабанщикъ... самъ барабанитъ и танцуетъ... а какія бонбоньерки... Позвольте, я сейчасъ покажу...

Елиз. Павл. Я говорила, что онъ вѣчно съ конфетами.

Марѳ. (*пожимаетъ плечами*).

Капуст. Извольте взглянуть: что это такое? куличъ? такъ? не правда ли, настоящій куличъ? Вѣдь можно разрѣзать и съ кофеемъ пить?.. Теперь извольте смотрѣть... Эйнь, цвей, дрей! (*Снимаетъ крышку съ коробки*). Куличъ, набитый конфетами!..

Карошъ фокусъ?.. Прошу покорнѣйше: шоколадныхъ, ликерныхъ?

Елиз. Павл. Подите, развѣ я ѣмъ когда конфеты!

Капуст. (*Марѳушѣ*). Фруктовыхъ? помады?

Марѳ. На тощакъ? Что вы!

Капуст. Въ такомъ случаѣ покорнѣйше прошу сдѣлать имъ честь послѣ обѣда!.. (*Ставитъ коробку на столъ*). Позвольте мнѣ только предупредить васъ на счетъ двухъ вещей: я ихъ взялъ собственно для васъ... вотъ этихъ двухъ голубковъ покорнѣйше прошу сохранить... поставьте ихъ на свой туалетъ... и пусть эти эмблемы твердятъ вамъ о томъ, какъ пріятно голубкѣ съ голубкомъ плавать вмѣстѣ въ жизненномъ морѣ! А это огненное сердце пусть напоминаетъ вамъ то сердце, которое пылаетъ не менѣе этого—пылаетъ и ждетъ... рѣшенія своей участи... Теперь извольте смотрѣть еще фокусъ. Эйнь, цвей, дрей!.. (*Вытаскиваетъ изъ сердца веревочку, на которой прилплены три спеленатая фигурки*).

Елиз. Павл. Что это такое?

Капуст. (*Показывая ей*). Три младенца... три крошки... три ангела...

Елиз. Павл. Какой вы сумашедшій! Развѣ можно дарить такія вещи дѣвицѣ:

Капуст. Отчего же нельзя? Марѳа Петровна дѣвица взрослая... онѣ, вѣроятно, не думаютъ посвятить своей жизни монашескому уединенію, онѣ, вѣроятно, какъ всякая образованная дѣвица, хотятъ найти для себя достойную партію... онѣ знаютъ, что сама природа, такъ сказать...

Елиз. Павл. Ну, разговорились, заговорились!..

Капуст. Ничуть! Я очень хорошо сознаю... это... свою идею! Марѳа Петровна вѣроятно замѣчаютъ, что я хожу въ вашъ домъ... и хожу, такъ сказать, съ нѣкоторою цѣлью... этимъ я не могу оскорбить ни ихъ, никого другаго... мои... это... стремленія основаны на благородномъ чувствѣ... И я только... дожидаюсь, чтобъ вы, Марѳа Петровна, внушили мнѣ смѣлость... и я могъ бы рѣшиться...

Марѳ. Извините меня... я должна присмотрѣть на кухнѣ... кухарка у насъ новая... я учу ее стряпать по книгѣ... извините, пожалуйста! (*Уходитъ*).

Чернышевъ. (Испорченная жизнь, д. I, явл. 3).

(Пошное самолюбіе).

Серафима Александровна (*сидя*). А мнѣ, Елизавета Павловна, крайне нужно съ вами посовѣтоваться... очень рада, что осталась съ вами наединѣ... я хочу поговорить съ вами о Колинкѣ.

Елиз. Павл. (*разстѣянно*). Объ немъ? Онъ прекрасный, молодой человѣкъ!

Сераф. Алекс. Всѣ знакомые тоже говорятъ... Конечно, человѣку все дается отъ Бога: и умъ, и таланты... но все-таки я, какъ мать, имѣю, такъ сказать, право гордиться, когда хвалить моего сына.

Елиз. Павл. Конечно!

Сераф. Алекс. Я его вскормила... я его воспитала... И знаете что? Теперь меня ужасъ какъ беспокоитъ его карьера... Марѳа Петровна прекрасная дѣвушка... я ничего не имѣю сказать противъ нея, но все-таки Колинка, я это говорю, не какъ мать, а какъ совершенно посторонняя; Колинка, во всякомъ случаѣ, со своими достоинствами, могъ бы рассчитывать на лучшую партію!

Елиз. Павл. Марѳуша дѣвушка добрая съ прекраснымъ сердцемъ,—она составитъ счастье своего мужа!

Сераф. Алекс. Конечно, конечно... Только вотъ видите что: у меня есть одна знакомая дама, она занимается этимъ... то есть сваха!.. И она такъ говорила: я вамъ по секрету скажу, говорила, что у нея есть одна купеческая дочка, съ большимъ приданымъ и страстно влюблена въ моего Колинку!

Елиз. Павл. А... да... вотъ какъ!..

Сераф. Алекс. Я, вотъ видите, пуще всего желаю, чтобы мой Колинка женился по склонности своего сердца... Гдѣ любовь—тамъ и счастье!

Елиз. Павл. Да... да!

Сераф. Алекс. Еще, вотъ видите... у насъ хотъ и есть маленькое имѣньице, только очень маленькое...—совсѣмъ даже маленькое... въ особенности при новомъ положеніи... Ахъ, да! говорить, какъ это все кончится, — квартиры дешевле будутъ, правда?

Елиз. Павл. Не знаю!

Сераф. Алекс. Такъ по этому по самому предмету мнѣ бы хотѣлось, чтобы Колинка такъ могъ устроить свою карьеру, — чтобы ни въ чемъ не нуждаться. Купеческая дочка, въ этомъ случаѣ, была-бы, такъ сказать, очень удовлетворительна... но только, видите... мнѣ-бы очень не хотѣлось вступать въ родство съ людьми неодинаковаго званія... Свой кругъ, свое общество, не въ примѣръ—вы согласны съ этимъ?

Елиз. Павл. Да... да!.. я думаю онъ теперъ у него!

Сераф. Алекс. Да-съ, близехонько! Поэтому я и рѣшилась не настаивать очень на счетъ вашей невѣстки—я побываю у вашего супруга, поговорю... и если онъ чуть что — и если Колинка не станетъ очень горячиться... пусть будетъ, какъ судьба рѣшитъ!

Елиз. Павл. Да, какъ судьба рѣшитъ!.. Вѣрно, онъ не замедлитъ!

Сераф. Алекс. Благодарю васъ, мой ангель, за добрый совѣтъ! (*Цѣлуя крѣпко и много*). Я именно такъ и сдѣлаю, какъ вы совѣтовали... Надо вамъ признаться, я желаю поспѣшить Колинкиной женитьбой... Онъ у меня такой свѣженькій, полненькій... Какъ посмотрю на другихъ молодыхъ людей, — сердце кровью обольется... это все отъ скверной жизни... ахъ, какихъ ужасовъ я про нихъ наслушалась! Конечно, за Колинку я могу поручиться, онъ не перейметъ — онъ у меня очень цѣломудренный... Онъ ни объ чемъ еще не имѣетъ понятія!

Елиз. Павл. (*про себя*). Какая мучительница!

Сераф. Алекс. Мнѣ бы хотѣлось, что бы его здоровье и свѣжесть... пошли, такъ сказать, законнымъ образомъ! Потому, что у меня есть страстное желаніе имѣть внучатъ!

Елиз. Павл. Да... это пріятно!

Сераф. Алекс. Какая симпатія между нами! Я чрезвычайно рада... всѣ мои мысли совершенно сходятся съ вашими!

Чернышевъ. (Испорченная жизнь, д. III, явл. 5).

СМЕРТЬ.

(Отъ нравственнаго потрясенія).

Старикъ Мооръ. Подойди ко мнѣ, сынъ мой! Прости мнѣ за минутную жестокость! Тебѣ я все прощаю. Хочу умереть съ миромъ.

Францъ. Ну, наплакались ли вы о вашемъ сынѣ? У васъ теперь, кажется, только одинъ остался.

Стар. Мооръ. У Иакова было двѣнадцать сыновей; но о своемъ Иосифѣ онъ проливалъ кровавыя слезы.

Францъ. Гм!

Стар. Мооръ. Возьми-ка Библию, Амалия, и прочти мнѣ исторію Иакова и Иосифа: она меня всегда трогала, хотя тогда я еще и не былъ Иаковомъ.

Амалия. Которую же изъ нихъ прочесть вамъ? (*Беретъ Библию и перелистываетъ ее*).

Стар. Мооръ. Прочти мнѣ о горести оставленнаго, когда онъ не нашель Иосифа между своими дѣтьми и тщетно ждалъ его въ средѣ своихъ одиннадцати, и о его жалобныхъ крикахъ, когда онъ услышалъ, что его возлюбленный отнять у него на вѣки.

Амалия (*читаетъ*). «Вземши же ризу Иосифову, заклаша «ковлице отъ козъ и помазаша ризу кровію. И послаша ризу «пеструю и принесоша къ отцу своему, и рекоша: сію обрѣто- «хомъ, познай, аще риза сына твоего есть, или ни. (*Францъ «внезапно уходитъ*). И позна ю и рѣче: риза сына моего есть: «звѣрь лють снѣде его, звѣрь восхити Иосифа».

Стар. Мооръ (*упадая на подушки*). Звѣрь лють снѣде его, звѣрь восхити Иосифа?

Амалия (*читаетъ далѣе*). «И растерза Иаковъ ризы своя, и

«возложи вретиче на чресла свои и плакашся сына своего дни «многи. Собрашася же вси сынове его и дщери и пріидоша утѣ- «шити его; и не хотяще утѣшиться, глаголя: яко сниду къ сыну «моему, сѣгую»...

Стар. Мооръ. Перестань, перестань! мнѣ дурно.

Амалия (*роняетъ книгу и подбѣгаетъ къ нему*). Боже мой! что съ вами?

Стар. Мооръ. Это смерть!.. черная... стоять... передъ моими... глазами... Прошу тебя... позови пастора... причаститься... Гдѣ... сынъ мой... Францъ?

Амалия. Ушелъ! Боже, умиосердись!

Стар. Мооръ. Ушелъ... убѣжалъ отъ смертнаго одра?.. И это все... все... отъ двухъ сыновей!.. Ты далъ ихъ... Ты и отнять... да будетъ имя Твое... (*Падаетъ*).

Амалия (*вдругъ вскрикиваетъ*). Умеръ! Все погибло! (*Убѣгаетъ въ отчаяніи*).

Шиллеръ. (Разбойники, д. II, сц. 2).

(Старческая смерть отъ аневризма).

Ларокъ (*спитъ, полуопрокинувшись на кресль, направо. Полусвѣтъ, одна лампа на столѣ, на лѣво*).

Максъ. Ну что?

Демаре (*тихо*). Да, я думаю, скоро конецъ... всѣ жизненные силы упали... пульсъ почти не бьется, но послѣдняя борьба можетъ еще долго продолжиться.

Максъ. И нельзя помочь?

Демаре. Ничѣмъ! Можно только попробовать дать ему чего нибудь успокоительнаго. Я оставлю васъ съ нимъ минуты на двѣ... пойду, приготовлю ему опиума.

Максъ. Ступайте, другъ мой!

Демаре. Если что, — такъ я буду тамъ.

Максъ. Хорошо. (*Демаре уходитъ на лѣво. Тяжелое молчаніе. Максъ смотритъ на спящаго старика*). Вотъ онъ, несчастный!... Но онъ раскаялся... страдалъ... онъ загладилъ свое

преступленіе!.. и Провидѣніе меня же назначило сторожить его послѣдній сонъ. (*Горько*). Странная судьба! (*Пауза*). Онъ спитъ... я завидую его сну... Этотъ день такъ утомилъ меня... (*садится къ столу*) какъ я усталъ! (*Кладетъ голову на руку и дремлетъ. Свѣтъ лампы падаетъ прямо на его лицо. Старикъ просыпается, его глаза дико блуждаютъ по комнатѣ и останавливаются на лицѣ Макса. Онъ вздрагиваетъ и начинаетъ пристально, все болѣе и болѣе вглядываться въ Макса. Онъ пораженъ какимъ-то ужасомъ, дрожитъ вслѣдъ тѣломъ и подымается съ сверхестественнымъ усиліемъ. Максъ тоже встаетъ. Дверь въ глубинѣ отворяется, Маргарита показывается на порогъ и смотритъ въ удивленіи, потомъ со страхомъ*).

Ларокъ (*умоляющимъ голосомъ*). Маркизь! простите меня.

МАРГАРИТА (*въ сторону*). Боже!

Ларокъ (*подвигаясь къ Максу и простирая къ нему дрожащія руки*). Маркизь, простите меня.

МАРГАРИТА (*съ ужасомъ*). Боже! что онъ говоритъ?

Максъ (*догадываясь, подходитъ къ старику и подымаетъ руку надъ его головой*). Умирай покойно, старикъ! я тебя прощаю! (*Лицо старика выражаетъ радость. Онъ шатается, Максъ поддерживаетъ его*).

МАРГАРИТА (*подходя*). Что это значить? Говорите. Вы знаете какую нибудь ужасную тайну?

Максъ. Я! Ничего... нѣтъ!... Онъ въ бреду, вотъ и все.

МАРГАРИТА. Дѣдушка!.. милый дѣдушка! Говорите! Одно слово,—только одно,—умоляю васъ!.. Васъ что-то мучитъ,—не правда ли? Какое-то воспоминаніе? Да, не такъ ли? Скажите... ради Бога! (*Старикъ раскрываетъ губы, но безсвязно лепечетъ... потомъ вдругъ судорожно вытягиваетъ руки... тяжело вздыхаетъ и падаетъ безъ движенія въ кресло*).

МАРГАРИТА (*вскрикивая*). Ахъ! (*падаетъ на колѣни*).

ДЕМАРЕ (*тронувъ пультъ и сердце старика*). Онъ умеръ! Молитесь.

О. Фелье. (Управитель, д. V явл. 10, 11, 12, 13).

(Смерть отъ раны).

(*Стража приближается, неся Антонія*).

КЛЕОПАТРА (*на могильномъ памятникѣ*). О солнце, сожги громадную сферу, въ которой вращаешься! покройся вѣчнымъ мракомъ измѣнчивый берегъ міра. О Антоній! Антоній! Антоній! Помогите, друзья, встать его сюда.

АНТОНІЙ. Успокойся. Не доблестью Цезаря сраженъ Антоній; Антоній самъ восторжествовалъ надъ собою.

КЛЕО. Я знаю, что никто, кромѣ Антонія, не могъ побѣдить Антонія; и все таки—могу ль не стнать, не рваться.

АНТ. Я умираю, Клеопатра, умираю; я задерживаю смерть только для того, чтобъ изъ многихъ тысячъ поцѣлуевъ запечатлѣть на твоихъ устахъ еще одинъ—бѣдный, послѣдній.

КЛЕО. О, прости мнѣ, милый другъ мой — я не смѣю сойти къ тебѣ: я боюсь, меня схватятъ. Нѣтъ, никогда не украсится мною царственный триумфъ счастливаго Цезаря; пока ножи, яды, змѣи будутъ имѣть остріе, отраву, жало — я безопасна. Твоя жена, Октавія, не добьется чести укорить меня своимъ смиреннымъ взоромъ, своимъ холоднымъ безстрастіемъ. — Сюда, сюда, Антоній! — Помогите: мы всталимъ тебя на верхъ; помогайте, друзья.

АНТ. О, скорѣй, или умру.

КЛЕО. О, да какъ же это трудно! Какъ ты тяжелъ, мой милый! А можетъ быть, это и оттого, что наши силы совершенно истожились скорбью; имѣй я власть великой Юноны, тебя поднялъ бы мощно-крылый Меркурій и посадилъ бы рядомъ съ Юпитеромъ. — Но скорѣй—желающіе всегда глупы. — Ко мнѣ, ко мнѣ! (*Встаскиваютъ Антонія на верхъ*). Умри, гдѣ жилъ. Оживись поцѣлуями. — О, если бъ мои губы имѣли животворную силу—я истожила бы ее теперь совершенно.

АНТ. Я умираю, Клеопатра, умираю. Дай мнѣ нѣсколько капель вина, чтобъ я могъ тебѣ сказать еще нѣсколько словъ.

КЛЕО. Нѣтъ, я буду говорить, буду издѣваться такъ жестоко,

что лживая Фортуна, выведенная изъ терпѣнія моими насмѣшками, сломаетъ колесо свое.

Ант. Одно слово, царица: ищи спасенія жизни и твоей чести у Цезаря.—О!

Клео. Онѣ несомѣстимы.

Ант. Послушай, моя милая: изъ приверженцевъ Цезаря не довѣрайся никому, кромѣ Прокулея.

Клео. Довѣрюсь только моей рѣшимости и рукамъ моимъ; никому изъ приверженцевъ Цезаря.

Ант. Не тужи, не плачь о жалкой перемѣнѣ послѣднихъ дней моихъ; вспоминай лучше о прежнемъ счастьи, когда я былъ величайшимъ, благороднѣйшимъ изъ властителей міра. И теперь, я умираю безъ униженія: не трусомъ, снявшимъ шлемъ передъ соотечественникомъ, а какъ римлянинъ, честно побѣжденный римляниномъ.—Отлетаетъ духъ мой—не могу болѣе. (*Умираетъ*).

Шекспиръ. (Антоній и Клеопатра, д. V, сц. 2).

(Смерть отъ яда).

Клеопатра (*Иръ*). Подай порфиру, надѣнь на меня корону — я жажду безсмертія. Соку египетскихъ гроздій не увлажять уже этихъ губъ.—Скорѣй, скорѣй, добрая Ира.—Мнѣ кажется, я слышу призывъ Антонія, — вижу, какъ онъ поднимается, чтобы похвалить благородный поступокъ мой,—слышу, какъ насмѣхается надъ счастьемъ Цезаря, ниспосылаемымъ богами въ оправданіе будущей кары. Иду, супругъ! Мое мужество даетъ мнѣ теперь право на это названіе; вся огонь и воздухъ, я предоставляю остальныя стихіи нисшей жизни.—Кончили?—Такъ придите же, примите послѣднюю теплоту губъ моихъ. Прощай, добрая Харміана! На долгое, долгое разставаніе, Ира. (*Цѣлуетъ ихъ. Ира падаетъ и умираетъ*). Что жъ это? Неужели въ моихъ устахъ жало эхидны? Отчего упала ты?—Если ты и природа могли разстаться такъ тихо, — ударъ смерти — щипокъ любовника: болѣзненный и все-таки желаемый.—Недвижна!—От-

ходя такъ, ты говоришь міру, что съ нимъ не стоитъ и прощаться.

Харм. Разрѣшись черная туча, пади дождемъ, чтобъ я могла сказать: и сами боги плачутъ.

Клео. Она пристыдитъ меня, если первая встрѣтитъ кудряваго Антонія; онъ примется распрашивать ее, подаритъ поцѣлуемъ, котораго жажду, какъ неба. Приди, смертоносная гадина, разсѣки разомъ острыми зубами своими запутанный узелъ жизни. (*Вынимаетъ змѣю и прикладываетъ ее къ груди*). Да будь же позлѣ ядовитая дурочка; отравляй скорѣе! О, если бъ ты могла говорить, ты непременно назвала бы Цезаря осломъ недогадливымъ.

Харм. О, звѣзда востока!

Клео. Тише, тише! Развѣ ты не видишь у груди моей малютки, усыпляющей кормилицу своимъ сосаніемъ?

Харм. О, разорвись сердце!

Клео. Сладостно, какъ бальзамъ, кротко, какъ воздухъ, нѣжно—о Антоній!—(*Прикладываетъ другую змѣю къ рукѣ*). Припущу и тебя. Что медлить еще. (*Падаетъ на ложе и умираетъ*).

Харм. Въ этомъ пустынномъ мірѣ.—Прощай!—Хвастайся теперь, смерть, прекраснѣйшая изъ женъ въ твоей власти!—Замкните окна; отнынѣ золотистому Фебу никогда не обращать уже на себя глазъ такъ царственныхъ. Корона покосилась на тебѣ; поправлю, и затѣмъ—гулять!

Шекспиръ. (Антоній и Клеопатра, д. V, сц. 2).

(Смерть отъ чахотки).

Бригаръ (*входитъ*).

Луиза. Папа!..

Сарторисъ. Вы, г. Бригаръ...

Бригаръ. Она пожелала придти...

Луиза. Жильберта?

Бригаръ. Она здѣсь... (*Луиза уходитъ*).

Бригаръ (*Сарторису*). Вы не откажетесь принять ее... Она

возвращается только для того, чтобы умереть здѣсь... (*Въ глубинѣ сцены появляется Жильберта, поддерживаемая Луизой. Она дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, и падаетъ на колѣни. Бригаръ подходитъ къ ней, чтобъ поднять ее.*)

Жильберта. Нѣтъ, не вы, папа, не вы!

(*Сарторисъ бросается къ ней, подымаетъ ее и беретъ на руки.*)

Сарторисъ. Ахъ! Жильберта!.. Жильберта!

Жильберта. Благодарю васъ.

(*Жильберта на диванъ, Сарторисъ на колѣнахъ, около нея.*)

Жильберта (*осматриваясь*). Дома, я дома!..

Сарторисъ. Да, вы дома, Жильберта... у себя дома... И вы не умрете, и вы останетесь здѣсь, всегда...

Жильберта (*улыбаясь*). Всегда!..

Сарторисъ. Жильберта, моя Жильберта!

Жильберта. Вы прощаете меня, да?..

Сарторисъ. Да... да... прощаю, и вы не умрете.

Жильберта. О! что касается до этого... Гдѣ мой сынъ. Приведите ко мнѣ Жоржа.

Сарторисъ. Да... я иду...

Жильберта. Сейчасъ и приведите его сами. Бѣдный папа, ты плачешь! (*Сарторисъ возвращается съ Жоржемъ*).

Жоржъ (*съ радостью*). Мамаша...

Жильберта. Жоржъ, мой сынъ... (*Беретъ его и долго держитъ въ объятіяхъ*).

Жоржъ. Наконецъ-то ты возвратилась!

Жильберта. Да... но я думаю не надолго, мой милый Жоржъ, дай мнѣ поцѣловать тебя еще... еще разъ... (*Она цѣлуетъ своего сына нѣсколько разъ*). А теперь, Луиза... приди сюда, Луиза... (*Она передаетъ Жоржа на руки Луизѣ*). Онъ твой... я тебѣ его даю...

Луиза. Жильберта!..

Жильберта. Да, тебѣ... (*Указывая на Сарториса*). И его тоже, возьми ихъ обоихъ... Разъ уже... тоже здѣсь, я произнесла эти же слова... Простите меня...

Луиза. Ахъ.

Жильберта. Подойдите сюда... оба... и дайте мнѣ слово... (*Указывая на Жоржа*). Для него, вы должны...

Сарторисъ. Вы не умрете!.. это невозможно...

Жильберта. Не умру!... (*Смотря на своихъ, которые всѣ плачутъ*). Ахъ, теперь это даже было бы жалъ!..

Бригаръ. Дочь моя!..

Жильберта. Бѣдный папа... не плачь обо мнѣ... что я могла ожидать? Что мнѣ придется умирать оставленной всѣми, въ отчаяніи... а вмѣсто этого, я умираю посреди моихъ близкихъ, спокойно, счастливо...

Сарторисъ. Ахъ!.. это я долженъ просить прощенія! я... я не сумѣлъ...

Жильберта. Вы должны просить прощенія! въ чемъ?.. что вы любили меня... слишкомъ много. (*Указывая на Луизу и Бригара*). Это было мое несчастіе, что всѣ слишкомъ много любили меня...

Луиза. Жильберта!..

Жильберта. Вотъ отчего я и умираю... и вотъ отчего я такъ спокойно умираю. Ахъ! (*Отъ сильной слабости она падаетъ на подушку*).

Всѣ (*думая, что она умерла*). Жильберта!..

Жильберта (*приподнимая немного голову*). Боже мой! Неужели это смерть? какъ мнѣ кажется легко!.. Луиза... Гдѣ ты, Луиза?.. Подойди сюда, я хочу сказать тихонько... когда я умру, одѣнь меня, какъ я прежде... (*Указывая на свое черное платье*). Я не хочу... въ этомъ черномъ платьѣ... нѣтъ... Выбери изъ моихъ бальныхъ платьевъ... бѣлое... съ розовыми цвѣточками... вотъ это я хочу... И вы увидите, какая я буду хорошенькая, и еще разъ вы увидите вашу прежнюю Фру-фру!

Сарторисъ. Ахъ!

Жильберта. Вы видите, все тоже... сынъ мой!.. Вы меня прощаете, да?.. Фру-фру, бѣдная Фру-фру! (*Умираетъ*).

Мельякъ и Галеви. (Фру-фру, д. V, явл. 4 и 5).

(Смерть отъ чахотки).

Саша (*въ креслахъ*). Не старайтесь меня успокоить, добрый Сергѣй Николаичъ; повторяю вамъ, для меня все кончено. — Я прошу объ одномъ: пока я жива, не говорите о томъ, что вы отъ меня теперь слышали. — Дайте мнѣ слово.

Ацѣп. Вотъ вамъ рука моя. Никогда ни слова, ни намека!

Саша. Но когда я умру, — скажите ему все. Мнѣ грустно думать, что онъ считаетъ меня холодною и бездушною; хоть тогда, когда меня не будетъ, мнѣ хотѣлось бы въ его глазахъ стоять высоко. — Скажите ему, какъ я любила его; скажите ему, что я несла мой тяжелый крестъ безропотно, твердо и терпѣливо... пока могла... пока были силы... скажите ему... нѣтъ! нѣтъ! ничего не говорите... не надо... не надо! (*Рыдаетъ*).

Ацѣп. (*сдерживая слезы*). Александра Васильевна! Милая барынька моя! Что вы это? Какъ можно? Молитесь, призовите на помощь милосердіе Божіе! Покоритесь его святой волѣ... еще не все потеряно! Иванъ Павловичъ добръ и благороденъ, онъ полюбитъ васъ... впереди еще много.

Саша. Впереди уже ничего нѣтъ!

Ацѣп. Перестаньте! На что это въ самомъ дѣлѣ похоже? Точно будто вы собираетесь умирать?

Саша. Не собираюсь, а придется.

Ацѣп. Будемъ лучше говорить о другомъ. Вотъ посмотрите, чѣмъ я вамъ похвастаю. (*Вынимаетъ изъ кармана миниатюрный портретъ и подаетъ Сашѣ*).

Саша. Мой портретъ? Это вы рисовали?

Ацѣп. Собственноручно. Вздумалось стариной тряхнуть. Вчера только кончилъ. — Рука отвыкла, а глаза еще не измѣняются. — Вышло не дурно.

Саша. Право, я не понимаю, за что вы меня такъ любите?

Ацѣп. Экземпляръ-то вы изъ нашихъ барынь очень рѣдкій.

Саша. Что это, какъ мнѣ тяжело дышать?

Ацѣп. Говорили много.

Саша. У меня грудь не болитъ... Со мной что-то странное. Я очень ослабѣла. Придвиньте, добрый Сергѣй Николаичъ, мое кресло ближе къ окну, я сама не могу. (*Встаетъ*).

Ацѣп. Зачѣмъ же вы встали? (*Подвигаетъ кресло и усаживаетъ Сашу*). Такъ хорошо будетъ. Посмотрите на городъ, на людей, это развлечетъ васъ... а погода какая... чудо!

Саша. Когда бѣ отворить окно?

Ацѣп. Что вы? какъ можно? долго ли простудиться? Вамъ, я думаю, не мѣшало бы покататься. Вотъ Федоръ Карпычъ придетъ, мы спросимъ у него.

Саша (*разсматривая портретъ*). Не вѣрится, чтобъ я была такая.

Ацѣп. И были, и опять будете.

(*За кулисами сильный звонъ столовымъ колокольчикомъ*).

Саша. Что это? Жанъ воротился. Это онъ звонилъ. Сергѣй Николаичъ, онъ не доволенъ, разстроены... прошу васъ, подите къ нему: развлеките, успокойте его... Нѣтъ, приведите его сюда... я поговорю съ нимъ... намъ пора собираться въ Швейцарію.

Ацѣп. (*беретъ со стола колокольчикъ*). Пусть лежитъ тутъ у васъ. Если вамъ что нибудь нужно будетъ, позвоните. (*Кладетъ колокольчикъ на кресло возлѣ Сашы и уходитъ*).

Саша (*смотря въ окно*). Чудесный день!.. Ярко и весело смотреть солнце... во всемъ, вездѣ жизнь! Что со мною дѣлается? Это уже не слабость... Это какое-то непонятное изнеможеніе... какъ будто нечѣмъ дышать... Отчего я такъ жадно смотрю на все? Мнѣ какъ будто хочется насмотрѣться... Неужели я никогда больше не увижу этой картины? Вонъ нашъ садикъ, можетъ быть, папа сидитъ тамъ, въ своемъ новомъ халатѣ, и грѣется на ласковомъ солнышкѣ... можетъ быть, онъ думаетъ обо мнѣ... Папа! папа! твоя Саша умираетъ! Прощай, папа! Прощай, Жанъ! Господи, если еще не все потеряно, не дай мнѣ умереть такъ скоро! Я жить хочу! Я люблю его! Пусть святые Твои слова будутъ мнѣ отвѣтомъ. (*Раскрываетъ бархатную книжку и читаетъ шопотомъ; голова ея склоняется на грудь, рука съ книгой опускается на кресло*).

БАГРОВЪ (тихо входитъ и, сдѣлавъ два шага, останавливается) (вполголоса) Саша! (Дѣлаетъ еще шага два). Саша! ты спишь! (Подходитъ къ креслу и говоритъ шопотомъ). Ты спишь, Саша? (Всматривается ей въ лицо и трогаетъ за руку). Она не дышетъ... рука холодная! Саша! Саша! Сергѣй Николаичъ! Люди! помогите! помогите! (Рыдая, ухватываетъ руки Саши).

Дьяченко. (Свѣтскія ширмы, д. V, явл. 8 и 9).

(Самоубійство).

Филиппъ. Довольно вамъ комедію играть,
Мы живо кончимъ дѣло: выбирайте—
Кинжалъ или ядъ? Ты первый порѣши,
Смѣльчакъ отважный...

Донъ-Карлосъ. Выбираю я
Кинжалъ... онъ не остылъ отъ крови друга.
Вы, королева, высказали столько,
Что и для васъ надежды нѣтъ, и смертью
И вамъ придется вѣрно заплатить...
Но... выбирайте ядъ вы, Бога ради,
Быть можетъ, легче умирать отъ яда;
Сталь съ болью проникаетъ въ сердце—горькій
Совѣтъ любви примите: онъ послѣдній!

(ударяетъ себя кинжаломъ).

Всю твердость духа соберите... смѣло
За мной послѣдуй... ангелъ мой... за мною...
Ядъ, ядъ—не сталь... прости, я умираю...
Не медли... я...

Изабелла. Я за тобой иду...

О, какъ мнѣ сладко умирать съ тобою...

Филиппъ. Вамъ смерть сладка! такъ будете вы жить,

На перекоръ преступному желанью...

Изабелла. О, Боже мой!.. онъ умеръ, что же я!

Гдѣ ядъ, скорѣй...

Филиппъ. Я жизнь тебѣ дарую;

Пока она тебѣ несносной будетъ;

Влачи ее въ слезахъ и сокрушеньи...

Когда же, послѣ долгихъ лѣтъ и мукъ,

Забудется прошедшее... и снова

Почувствуешь ты жажду къ жизни... смертью

Тогда блудницѣ мы заплатимъ.

Изабелла. Небо!

Жить мнѣ? съ тобою? выносить злодѣя?
Нѣтъ, никогда... ты спряталъ ядъ коварно—
Кинжалъ остался...

Филиппъ. Гдѣ онъ?

Изабелла (Поражая себя кинжаломъ). Онъ въ груди!

Филиппъ. Что вижу?

Изабелла. Смерть жены своей и сына,
Погубленныхъ твоей безумной волей...
А мы невинны были... умираю,
Мой Карлосъ... я съ тобой—моя любовь! (умираетъ).

Филиппъ. Исполнилось! Отмщенъ я!.. кровь обоихъ,
Какая кровь! мной пролита... но я
Не ощущаю радости... Молчанье,
Могильное молчанье ты обязанъ,
Гомезъ, хранить о всемъ, что здѣсь ты видѣлъ...
Пойми... что жизнь оставилъ я тебѣ,
А славой я своею не рискую!..

Альфieri. (Филиппъ, II, д. V сц. 2).

(Отравленіе).

Фердинандъ. Хорошо ты тебя чувствуешь, Луиза.

Луиза. Къ чему этотъ вопросъ?

Ферд. Мнѣ было бы жалъ тебя, еслибъ ты ушла отсюда съ ложью на устахъ.

Луиз. Вальтеръ! умоляю васъ...

Ферд. (въ сильнѣйшей тревогѣ). Нѣтъ! нѣтъ! Это была бы слишкомъ сатанинская месть! Нѣтъ! Боже меня сохрани! Въ тотъ міръ я не перенесу ея. Луиза! любила ты маршала? Ты уже не выйдешь изъ этой комнаты.

Луиз. Спрашивайте, что хотите. Я ужъ больше не отвѣчу (Садится).

Ферд. (серьезнѣе). Позаботься о своей бессмертной душѣ, Луиза!—Любила ты маршала? Ты ужъ не выйдешь изъ этой комнаты.

Луиз. Я ничего не отвѣчу.

Ферд. (въ неописанномъ волненіи падаетъ передъ нею на колѣни). Луиза! Любила ты маршала? Эта свѣча не успѣетъ еще догорѣть—ты будешь предъ ликомъ Бога.

Луиз. (*вскакиваетъ въ испугъ*). Боже! Что такое? И мнѣ вдругъ такъ дурно стало! (*Снова опускается въ кресла*).

Ферд. Уже?... Вы, женщины, останетесь вѣчной загадкой! Нѣжные нервы выдерживаютъ преступленія, подтачивающія въ корнѣ челоуѣчество—и жалкій грань мышьяку убиваетъ ихъ.

Луиз. Ядъ! ядъ! Боже мой!

Ферд. Должно быть. Лимонадъ твой былъ подслащенъ въ аду. Ты пила свою смерть.

Луиз. Умереть! умереть! Боже милосердый! Ядъ въ лимонадѣ—умереть! О! смилуйся надъ душою моею, Боже всемилостивый!

Ферд. Это главное. О томъ же молю его и я.

Луиз. А мать моя... отецъ... Спаситель міра! Мой бѣдный, погибшій отецъ! Или нѣтъ никакого спасенія? Я такъ молода—и нѣтъ спасенія! и мнѣ ужь умирать!

Ферд. Спасенія нѣтъ, и тебѣ надо умирать. Но будь спокойна. Мы отправимся вмѣстѣ.

Луиз. Фердинандъ! и ты? Ядъ! Фердинандъ! Отъ тебя! Боже, прости ему! Боже милосердый, сними съ него этотъ грѣхъ!

Ферд. Подумай о своихъ грѣхахъ. Это, кажется, не мѣшало бы тебѣ.

Луиз. Фердинандъ! Фердинандъ! О!.. Теперь ужь я не могу молчать. Смерть... смерть снимаетъ съ насъ всѣ клятвы... Фердинандъ! Ни небо, ни земля не видали никого несчастнѣе меня! Я умираю невинною, Фердинандъ!

Ферд. (*въ испугъ*). Что ты сказала? Готовясь къ этому пути, кажется, забываютъ о лжи...

Луиз. Я не лгу. Лишь разъ солгала я во всю свою жизнь... Ахъ! какая дрожь пробѣгаетъ у меня по всѣмъ жиламъ... только разъ, какъ написала письмо къ гофмаршалу.

Ферд. О! это письмо!.. Слава Богу! Мужество мое возвращается ко мнѣ.

Луиз. (*слабо владея языкомъ; пальцы ея въ судорожномъ движеніи*). Это письмо.. Соберись съ духомъ! ты услышишь страшное признаніе... Рука моя писала, а сердце проклидало эти строки. Твой отецъ диктовалъ мнѣ.

Ферд. (*стоитъ неподвижно, какъ статуя, въ долгомъ мертвомъ безмолвіи и вдругъ падаетъ, какъ громомъ пораженный*).

Луиз. О ужасная ошибка! Фердинандъ, меня принудили... Прости! твоя Луиза предпочла бы смерть, но отецъ мой... опасность... Они сдѣлали такъ хитро...

Ферд. (*вскакиваетъ въ ужасъ*). Слава Богу! Я еще не чувствую яда. (*Выхватываетъ шпалу*).

Луиз. (*все больше и больше слабѣя*). Боже! Что ты задумалъ? Это отецъ твой...

Ферд. (*тономъ жесточайшаго бѣшенства*). Убійца и отецъ убійцы! Туда же поидетъ и онъ, чтобы вѣчный Судія обратилъ весь свой гнѣвъ на виновнаго. (*Хочетъ идти*).

Луиз. Спаситель прощаль, умирая... Богъ да сохранить и тебя и его. (*Умираетъ*).

Ферд. (*быстро оборачивается, замѣчаетъ ея послѣднее предсмертное движеніе и припадаетъ въ отчаяніи къ мертвой*). Подожди! подожди! Не улетай, ангелъ небесный! (*Беретъ ее за руку, но тотчасъ же выпускаетъ*). Холодная, холодная и влажная! Душа ея отлетѣла! (*Снова вскакиваетъ*). Боже моей Луизы! помилуй! помилуй худшаго изъ убійцъ! Это была ея послѣдняя молитва! Какъ хороша, какъ прекрасна она и мертвая. Тронутая смерть пощадилла эти прелестныя щеки. Эта кротость не была личиною—и смерть не унесла ея! (*Помолчалъ*). Но что же это? Отчего я ничего не чувствую? Или сила молодости хочетъ спасти меня? Напрасный трудъ! Я этого не хочу. (*Схватываетъ стаканъ*).

Шиллеръ. (Коварство и любовь, д. V., сц. 7).

(Отравленіе).

Арвенинъ (*Ходитъ по комнатѣ, гложая руки*).

Теперь молиться время, Нина:

Ты умереть должна черезъ нѣсколько минутъ—

И тайной для людей останется кончина

Твоя, и насъ разсудитъ только божій судъ.

Нина. Какъ? умереть? теперь? сейчасъ?... нѣтъ, быть не можетъ!

Арвенинъ (*смѣясь*). Я зналъ заранѣе, что это васъ встревожитъ.

Нина. Смерть, смерть! Онъ правъ... въ груди огонь, весь адъ...

Арвенинъ. Да, я тебѣ на балѣ подалъ ядъ. (*Молчаніе*).

Нина. Не вѣрю, невозможно—нѣтъ! ты надо мною

(*бросается къ нему*)

Смѣешься... ты не извергъ—нѣтъ, въ душѣ твоей

Есть искра доброты... Съ холодностью такою

Меня ты не погубишь въ цвѣтѣ дней.

Не отворачивайся такъ, Евгений,

Не продолжай моихъ мученій,

Спаси меня, разсѣй мой страхъ...

Взгляни сюда...

(*Смотритъ ему прямо въ глаза и отскакиваетъ*)

О, смерть въ твоихъ глазахъ!

(*Упадаетъ на стулъ и закрываетъ глаза; онъ подходитъ и цѣлуетъ ее*).

Арвенинъ. Да, ты умрешь—и я останусь тутъ

Одинъ, одинъ... Года пройдутъ—

Умру—и буду все одинъ... Ужасно!

Но ты не бойся: міръ прекрасный

Тебѣ откроется, и ангелы возьмутъ

Тебя въ небесный свой пріютъ. (*Плачетъ*).

Да, я тебя люблю, люблю... Я все забвению,

Что было, предалъ; есть граница мщенью—

И вотъ она.—Смотри: убійца твой

Здѣсь, какъ дитя, рыдаетъ надъ тобой...

(*Молчаніе*)

Нина. (*Вырывается и вскакиваетъ*)

Сюда! сюда!.. на помощь!.. умираю...

Ядъ, ядъ!.. Не слышутъ... понимаю:

Ты остороженъ... никого!.. нейдутъ...

Но помни: есть небесный судъ,

И я тебя, убійца, проклиная!

(*Не добѣжавъ до двери, упадаетъ безъ чувствъ*)

Арвенинъ. (*Горько смѣясь*). Проклятіе! Что пользы проклинать?

Я проклять Богомъ! (*Подходитъ*). Бѣдное созданье,

Ей не по силамъ наказанье... (*Стоитъ, сложивъ руки*).

Блѣдна (*содрогается*). Но всѣ черты спокойны; не видать

Въ нихъ ни раскаянья, ни угрызений...

Ужель?

Нина. (*Слабо*). Прощай Евгений!

Я умираю, но невинна... Ты—злодѣй.

(*Умираетъ*).

Дермонтовъ. (Маскарадъ, д. III, сц. 2).

одна безъ друзей, съ дѣтьми только. Прекрасная слава пойдетъ о тебѣ, молодомъ женихѣ, когда я, спасшая тебя, и твои дѣти будутъ скитаться нищими.

Еврипидъ. (Медея).

(Презрѣніе къ самому себѣ)

Гамлетъ. (*одинъ*) Богъ съ вами! Я одинъ теперь...

Какое я ничтожное созданье!

Комедіантъ, наемщикъ жалкій, и въ дурныхъ стихахъ

Мнѣ, выражая страсти, плачетъ и блѣднѣетъ,

Дрожить, трепещетъ... Отчего?

И что причина? Выдумка пустая:

Какая то Гекуба!

Чтожь ему Гекуба?

Зачѣмъ онъ дѣлитъ слезы, чувства съ нею?

Что, если бъ страсти онъ имѣлъ причину,

Какую я имѣю? Залилъ бы слезами

Онъ весь театръ, и воплемъ растерзалъ бы слухъ,

И преступленье ужаснулъ, и въ жилахъ

У зрителей онъ заморозилъ кровь!

А я?

Ничтожный я, презрѣнный человекъ,

Безчувственный—молчу, молчу, когда я знаю,

Что преступленье погубило жизнь и царство

Великаго властителя... отца!.. Или я трусь?

Кто смѣетъ словомъ оскорбить меня,

Или нанести мнѣ оскорбленье безъ того,

Чтобъ за обиду не вступился я,

Не растерзалъ обидчика, не кинулъ

На растерзанье вранамъ трупъ его? И что же?

Чудовище разврата и убійцу вижу я,

И самый адъ зоветъ меня къ отмщенью,

А я безлодно изливаю гнѣвъ въ словахъ,

И онъ безвреденъ—онъ, когда я живъ,

Я, сынъ убитого отца, свидѣтель

Безславья матери!.. Гамлетъ, Гамлетъ!

Позоръ и стыдъ тебѣ!..

Шекспиръ. (Гамлетъ, д. II сц. II).

(Отвращеніе).

ГАМЛЕТЪ (*держитъ черепъ*). Увы, бѣдный Горикъ! Я зналъ его, Гораціо. Какую остроту ума имѣлъ онъ! Какія неподражаемыя выдумки! Сколько разъ носилъ онъ меня на плечахъ! А теперь—видъ отвратительный, ужасный! У меня поварачивается вся внутренность! Здѣсь были уста, которыя столь часто цѣловаль я! Гдѣ теперь шутки твой? Твои прыжки? Твои пѣсни? Твои остроты, возбуждавшіе за столомъ неумолкаемый хохотъ? Ни одной не осталось! Ни одной, посмѣяться надъ собственнымъ безобразіемъ! Иди теперь въ уборную красавицы, скажи, что пусть она хоть на палецъ толщиною наложитъ румянъ на щеки, ее ждетъ такое же превращеніе; заставь ее смѣяться при этомъ! Гораціо, скажи мнѣ одно, прошу тебя!

ГОРАЦІО. Что такое, принцъ?

ГАМЛЕТЪ. Думаешь ли ты, что великій Македонскій герой Александръ таковъ же сдѣлался въ могилѣ?

ГОРАЦІО. Точно таковъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ. И съ такою же вонью?—Фуй!... (*Бросаетъ черепъ*).

Шекспиръ. (Гамлетъ, д. V яв. 1).

(Подозрительность).

МОЗГЛЯКОВЪ (*одинъ*). Это ужасно! это ужасно! Онъ обманываетъ Фофочку, мою Фофочку, мою дочь... единственное существо въ моемъ... т. е. въ моемъ родѣ... негодяй! шелалай! тьфу! Я это зналъ... предчувствовалъ... не даромъ ни за что не хотѣлъ замужъ ее выдавать... вотъ оно и вышло по моему. Домато, со мною-то, она бы, голубушка моя, всегда была покойна, счастлива... я то бы ужъ ее не обманулъ, а онъ... я увѣренъ, что у него есть какая нибудь тамъ этакая, а можетъ и двѣ этакія... а можетъ и три этакія... а можетъ, какъ у Турки какаго нибудь... ай, ай, ай!.. И вѣдь полгода не прошло послѣ свадьбы,—просто изъ рукъ вонъ!.. Да нѣтъ, нѣтъ! ты, братъ, у меня